

ISSN 1026-9452 (Print)
ISSN 2713-0398 (Online)

Номер 1

Январь 2025

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

State and Law

*Институту государства и права
Российской академии наук – 100 лет*

Конституционное измерение общественных процессов. Главный редактор журнала «Государство и право» в научном диалоге с Председателем Конституционного суда Республики Беларусь, заслуженным юристом Республики Беларусь П. П. Миклашевичем • Новый технологический уклад и социогуманитарные вызовы • Иван IV и Андрей Курбский: философия спора • Изъятие имущества как антикоррупционная мера: без сроков давности • О содержании и объектах права публичной собственности • Современные приоритеты развития информационного права: правовое обеспечение государственного суверенитета и информационной безопасности в информационном пространстве России • Международный Суд как средство разрешения споров на фоне необходимости обеспечения международной безопасности • Нейман и его школа русского уголовного права (Статья первая: Казанский университет)

НАУКА

— 1727 —

*Российская академия наук
Институт государства и права*

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 1 2025 Январь

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. – первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. – по н/в)

*Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН*

Главный редактор
А.Н. Савенков,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

В.Н. Руденко, акад. РАН (*председатель*);
О.В. Белявский, к.ю.н.; В.С. Груздев, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН; В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург);
М.И. Клеандров, чл.- корр. РАН; А.А. Клишас, д.ю.н.; А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Н.А. Макаров, акад. РАН; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджанская Республика);
С.В. Степашин, д.ю.н.; Т.Я. Хабриева, акад. РАН

Редакционная коллегия:

С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Республика Армения);
С.Ф. Афанасьев, д.ю.н. (Саратов); А.А. Бессонов, д.ю.н.; С.А. Бочкарев, д.ю.н.; М.М. Бринчук, д.ю.н.;
Г.А. Василевич, чл.- корр. НАН Беларуси; Т.А. Васильева, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н., д.ф.н. (Австрийская Республика);
Е.В. Виноградова, д.ю.н.; А.В. Габов, чл.- корр. РАН; Л.В. Головкин, д.ю.н.; В.С. Горбань, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; А.В. Дзюбак, к.ю.н. (*ответственный секретарь*);
А.Г. Диденко, д.ю.н. (Республика Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (ФРГ);
И.В. Ершова, д.ю.н.; И.С. Жудро, д.ю.н.; В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.;
В.С. Каменков, д.ю.н. (Республика Беларусь); Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия);
А.И. Коробеев, д.ю.н. (Владивосток); Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*);
Куан Цэнцзюнь, д.ю.н. (КНР); А.В. Кудашкин, д.ю.н.; В.В. Кудашкин, д.ю.н.; Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР);
С.В. Маликов, д.ю.н. (*заместитель главного редактора*); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.В. Михайлова, д.ю.н.;
А.В. Наумов, д.ю.н.; В.Б. Наумов, д.ю.н.; Срето Ного, д.ю.н. (Республика Сербия);
Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж); Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Республика Болгария);
В.Н. Плигин, д.ю.н.; Т.А. Полякова, д.ю.н.; С.Б. Россинский, д.ю.н.;
А.Н. Савенков, чл.- корр. РАН (*главный редактор*);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Паола Северино, д.ю.н. (Итальянская Республика);
А.Ю. Соколов, д.ю.н. (Саратов); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Республика Болгария); А.А. Тедеев, д.ю.н.;
В.В. Устюкова, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (ФРГ); Ван Чжи Хуа, д.ю.н. (КНР); С.Ю. Чуча, д.ю.н.;
А.И. Чучаев, д.ю.н.; В.М. Шерстюк, д.ю.н.; Г.Г. Шинкаревецкая, д.ю.н.; Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; О.А. Ястребов, д.ю.н.

Адрес редакции: 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
e-mail: gospravo@igpran.ru
http://gospravo-journal.ru/

Москва

*Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law*

STATE AND LAW

No. 1 2025 January

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: “Revolution of the Law” (Revolutsiya prava) (1927–1929)
“Soviet State and the Revolution of the Law” (Sovetskoe gosudarstvo i revolyutsiya prava) (1930–1931)
“Soviet State” (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
“Soviet State and Law” (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
“State and Law” (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

*The Journal is published under supervision
of the Department of Social Sciences of the RAS*

Editor-in-Chief
A.N. Savenkov,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

V.N. Rudenko, Academician of the RAS (*Chairman*);
O.V. Belyavsky, PhD in Law; V.S. Gruzdev, Doctor of Law; V.I. Zhukov, Academician of the RAS;
V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS;
A.A. Klishas, Doctor of Law; A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; N.A. Makarov, Academician of the RAS;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan Republic); S.V. Stepashin, Doctor of Law;
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS

Editorial Board:

S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutunyan, Doctor of Law (Republic of Armenia);
S.F. Afanasev, Doctor of Law (Saratov); A.A. Bessonov, Doctor of Law; S.A. Bochkarev, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; G.A. Vasilevich, Corresponding Member of the NAS of Belarus; T.A. Vasileva, Doctor of Law;
Bernd Wieser, Doctor of Law, DSc in Philosophy (Republic of Austria); E.V. Vinogradova, Doctor of Law;
A.V. Gabov, Corresponding Member of the RAS; L.V. Golovko, Doctor of Law; V.S. Gorban, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law;
A.V. Dzyubak, PhD in Law (*executive secretary*); A.G. Didenko, Doctor of Law (Republic of Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); I.V. Ershova, Doctor of Law; I.S. Zhudro, Doctor of Law;
V.N. Zhukov, Doctor of Law, DSc in Philosophy; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Republic of Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); A.I. Korobeev, Doctor of Law; N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*);
Kuang Zengjun, Doctor of Law (China); A.V. Kudashkin, Doctor of Law; V.V. Kudashkin, Doctor of Law;
Liu Honguan, Doctor of Law (China); S.V. Malikov, Doctor of Law (*Vice-Editor-in-Chief*); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.V. Mikhailova, Doctor of Law; A.V. Naumov, Doctor of Law; V.B. Naumov, Doctor of Law;
Sreto Nogo, Doctor of Law (Republic of Serbia); E.I. Nosyreva, Doctor of Law (Voronezh);
Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); V.N. Pligin, Doctor of Law; T.A. Polyakova, Doctor of Law;
S.B. Rossinsky, Doctor of Law; A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);
R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan); Paola Severino, Doctor of Law (Italian Republic);
A. Yu. Sokolov, Doctor of Law (Saratov); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
V.V. Ustyukova, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); Wang Zhi Hua, Doctor of Law (China);
S. Yu. Chucha, Doctor of Law; A.I. Chuchayev, Doctor of Law; V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
G.G. Shinkaretskaya, Doctor of Law; B.S. Ebzeev, Doctor of Law; O.A. Yastrebov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation
e-mail: gospravo@igpran.ru
<http://gospravo-journal.ru/>

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2025
© Institute of State and Law of the RAS, 2025
© Editorial Board of “State and Law”, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1, 2025

Конституционное измерение общественных процессов Главный редактор журнала «Государство и право» в научном диалоге с Председателем Конституционного суда Республики Беларусь, заслуженным юристом Республики Беларусь Петром Петровичем Миклашевичем	7
* * *	

Новый технологический уклад и социогуманитарные вызовы <i>А.Н. Савенков</i>	14
Правовое сотворчество: теоретико-методологические основы исследования <i>А.В. Малько, В.В. Трофимов, В.Ю. Самородов</i>	37

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Профессиональное правосознание: идеальная теоретическая модель или правовая реальность? <i>В.В. Кожевников</i>	48
--	----

ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ФИЛОСОФСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

Иван IV и Андрей Курбский: философия спора <i>Е.А. Фролова</i>	59
Взгляды Блаженного Августина на соотношение справедливости и права <i>С.Н. Храмешин</i>	68

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ

Проблемы и перспективы эволюции конституционного строя Российской Федерации <i>Ю.И. Скуратов, Н.В. Селихов</i>	74
---	----

СУД, ПРОКУРАТУРА, АДВОКАТУРА, НОТАРИАТ

Изъятие имущества как антикоррупционная мера: без сроков давности <i>А.И. Александров</i>	82
--	----

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Междисциплинарность и природа современных военно-правовых знаний (рецензия на учебник «Военное право») <i>С.И. Захарцев, П.Ю. Наумов</i>	94
Искусство быть апологетом внешней политики государства: трактат П.П. Шафирова «Рассуждение...» — главная начальная веха в истории российской науки международного права <i>В.А. Батырь</i>	104

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

О содержании и объектах права публичной собственности <i>В.К. Андреев</i>	118
Принцип диспозитивности в гражданском праве в контексте уважения личности в цифровой среде <i>А.А. Волос</i>	126

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Установление охранных зон особо охраняемых природных территорий <i>Е.В. Лунева</i>	135
---	-----

БЮДЖЕТ, НАЛОГИ, БАНКИ

Эволюция теории финансового правоотношения (историографические и догматические аспекты становления и развития)

М.Н. Кобзарь-Фролова, Е.Л. Васянина, Н.Г. Андрианова

145

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Современные приоритеты развития информационного права: правовое обеспечение государственного суверенитета и информационной безопасности в информационном пространстве России

Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов

160

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Международный Суд как средство разрешения споров на фоне необходимости обеспечения международной безопасности

Г.Г. Шинкарецкая

174

Больше не фантастика: международно-правовые аспекты использования солнечной энергии в космосе

И.А. Черных

183

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Нейман и его школа русского уголовного права (Статья первая: Казанский университет)

С.В. Маликов, А.И. Чучаев

192

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Современный конституционализм: многомерность восприятия (Международная научная конференция)

Н.В. Варламова, Т.А. Васильева

207

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Е.В. Мотина, К.Л. Томашевский, Е.В. Чичина. Правовое регулирование нетипичных форм занятости в условиях цифровизации и региональной интеграции

С.Ю. Чуча

223

CONTENTS

Number 1, 2025

The constitutional dimension of social processes Editor-in-Chief of the journal "State and Law" in scientific dialogue with Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Belarus, Honored Lawyer of the Republic of Belarus Petr Petrovich Miklashevich	7
* * *	

A new technological order and socio-humanitarian challenges <i>A. N. Savenkov</i>	14
Legal co-creation: theoretical and methodological foundations of the study <i>A. V. Mal'ko, V. V. Trofimov, V. Yu. Samorodov</i>	37

PHILOSOPHY OF LAW

Professional legal consciousness: an ideal theoretical model or legal reality? <i>V. V. Kozhevnikov</i>	48
--	----

LEGAL, POLITICAL, PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS THOUGHT

Ivan IV and Andrey Kurbsky: the philosophy of the dispute <i>E. A. Frolova</i>	59
St. Augustine's views on the relationship justice and law <i>S. N. Khrameshin</i>	68

CONSTITUTIONAL LAW OF RUSSIA

Problems and prospects of the evolution of the constitutional system of the Russian Federation <i>Yu. I. Skuratov, N. V. Selikhov</i>	74
--	----

COURT, PROSECUTOR'S OFFICE, BAR, NOTARIAL SYSTEM

Seizure of property as an anti-corruption measure: no statute of limitations <i>A. I. Aleksandrov</i>	82
--	----

DISCUSSIONS AND DEBATES

Interdisciplinary and the nature of modern military-legal knowledge (review of the textbook "Military Law") <i>S. I. Zakhartsev, P. Yu. Naumov</i>	94
The art of being an apologist for the foreign policy of the state: P. P. Shafirov's treatise "Reasoning..." is the main initial milestone in the history of the Russian science of International Law <i>V. A. Batyr</i>	104

CIVIL AND ENTREPRENEURIAL LAW

On the content and objects of public property rights <i>V. K. Andreev</i>	118
The principle of dispositivity in Civil Law in the context of personal respect in the digital environment <i>A. A. Volos</i>	126

ENVIRONMENTAL LAW

Establishment of protective zones of specially protected natural territories <i>E. V. Luneva</i>	135
---	-----

BUDGET, TAXES, BANKS

Evolution of the theory of financial legal relations (historiographic and dogmatic aspects of formation and development)

M.N. Kobzar-Frolova, E.L. Vasyanina, N.G. Andrianova

145

INFORMATION LAW AND INFORMATION SECURITY

Modern priorities for the development of Information Law: legal support of state sovereignty and information security in the information space of Russia

T.A. Polyakova, A.V. Minbaleev, V.B. Naumov

160

LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

The International Court of Justice as a means of dispute resolution against the background of the need to ensure international security

G.G. Shinkaretskaya

174

No more fantasy: international legal aspects of solar energy in space

I.A. Chernykh

183

PAGES OF HISTORY

Neumann and his school of the Russian Criminal Law (Article one: Kazan University)

S.V. Malikov, A.I. Chuchaev

192

SCIENTIFIC LIFE

Modern constitutionalism: multidimensionality of perception
(International Scientific Conference)

N.V. Varlamova, T.A. Vasilieva

207

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

E.V. Motina, K.L. Tomashevski, E.V. Chichina. Legal regulation of atypical forms of employment in the context of digitalization and regional integration

S. Yu. Chucha

223

КОНСТИТУЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

**Главный редактор журнала «Государство и право» в научном диалоге
с Председателем Конституционного суда Республики Беларусь,
заслуженным юристом Республики Беларусь
Петром Петровичем Миклашевичем¹**

На современном этапе развития и трансформации общественных отношений во многих странах происходит модернизация и реформирование конституционно-правовой системы. При этом высокая динамика конституционного развития является объективным отражением ускорения социального взаимодействия, происходит многократное усложнение социальных связей. Цифровые технологии открыли принципиально новые средства коммуникации, по-новому поставив вопрос о привычных праву категориях территории, времени и пространства, особом положении субъектов, взявших на вооружение последние достижения высоких технологий.

Появление новых правовых явлений обуславливает расширение предмета конституционно-правового регулирования, необходимость использо-

вания конституционно-правовых механизмов и инструментов, обеспечивающих устойчивость социальных конструкций, защиту прав и свобод человека в новом цифровом мире. Как при этом сохранить «конституционное измерение» интенсивных общественных процессов? Какова в обеспечении конституционализации данных процессов роль конституционных судов? Сможет ли выстоять национальное право и государство под влиянием глобализации и регионализации, закономерно приводящих к сближению национальных правовых систем? Как влияют современные международные вызовы на сохранение конституционной идентичности государства? Можем ли мы, опираясь на общие правовые традиции постсоветских государств, говорить об общих конституционных ценностях евразийского пространства? Что сегодня помогает сохранять историческую память народа и отстаивать историческую правду? Какова роль Конституционного суда Республики Беларусь в обеспечении верховенства Конституции, конституционных принципов и ценностей, правового суверенитета государства? С этими и другими вопросами профессор Александр Николаевич Савенков обратился к авторитетнейшему конституционалисту Беларуси, Председателю Конституционного суда Республики

¹ Интервью подготовлено в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Беларусь, заслуженному юристу Республики Беларусь Петру Петровичу Миклашевичу.

А. Н. Савенков. Современный период общественного развития характеризуется рядом рисков и угроз, включая вызовы сохранению культурно-цивилизационной самобытности. Государства стремятся обеспечивать правовой суверенитет и конституционную идентичность, баланс национальных и наднациональных интересов. С другой стороны, в современных условиях достижение значительного внешнеполитического влияния возможно лишь совместными усилиями государств. Что, по Вашему мнению, является в настоящее время основанием прогрессивного диалога в сфере межгосударственного, правового, культурного и научного общения, международно-правовой интеграции?

П. П. Миклашевич. Принцип взаимного уважения ценностей, традиций, включая культурно-цивилизационную самобытность, историко-правовую преемственность развития государства, принципы равноправия, открытости всегда были и остаются наиболее эффективными инструментами международного сотрудничества и общения. Сегодня мы можем констатировать, что переход к новому технологическому укладу, становление системы глобального управления цифровой реальностью, транснациональный характер современных отношений привели к изменению основ современного миропорядка. Упрощенно говоря, развиваться в одиночку стало невозможно, и это в полной мере относится к межгосударственному взаимодействию в правовой сфере.

Одной из характерных черт права в современных условиях и белорусские ученые, и российские ученые обозначают тенденцию интернационализации правового регулирования, становление наднационального права. Тем самым правовой суверенитет видоизменяется: постоянно расширяется система правового регулирования, включающая нормы международного права, акты межгосударственных образований.

Как Вы знаете, Беларусь, как и Россия, является участницей таких международных организаций, как Содружество Независимых Государств, Евразийский экономический союз, Организация Договора о коллективной безопасности. Недавно Беларусь оформила членство в Шанхайской организации сотрудничества, партнерство в БРИКС.

Открытость Республики Беларусь для международно-правовой интеграции обуславливает возможность передачи части суверенных полномочий наднациональным структурам межгосударственных объединений. При этом Конституционный суд Республики Беларусь неоднократно указывал, что, исходя из верховенства Конституции, не могут ограничиваться суверенное право народа Беларуси

самостоятельно определять свой путь развития, изменяться демократический, социальный и правовой характер белорусского государства, умаляться конституционные права и свободы граждан.

Безусловно, принципы равноправия и уважения других культурно-цивилизационных особенностей государств и народов есть необходимое условие и основание международного диалога в международном общении.

А. Н. Савенков. Не могу не отметить, что указанные Вами направления международного сотрудничества характерны и для России, что подтверждает мою мысль об общем культурно-цивилизационном типе, или коде, наших славянских государств. Могут ли, на Ваш взгляд, исторические традиции и сложившиеся культурные ценности, во многом общие для славянских народов, служить преодолению тех искажений цивилизационного развития русского, белорусского и других славянских народов, которые утвердились и распространяются за рубежом?

П. П. Миклашевич. В процессе исторического развития любого общества, самоопределения нации вырабатываются и развиваются ценности, обусловленные историческим развитием общественных процессов, основанные на национальных идеях, нравственных и духовных идеалах. Убежден, что любые ценностные «искажения», навязывание чуждых культурных кодов преодолеваются сохранением, утверждением и развитием национальных традиций и ценностей. Конституционные суды оперируют конституционными ценностями, которые находят легитимное нормативное закрепление в национальных конституциях.

Сегодня процессы глобализации и интеграции, кардинальные геополитические трансформации в современном мире актуализируют вопросы укрепления государственного суверенитета, сохранения национальной самобытности народов, конституционной идентичности. Республики Беларусь является не только суверенным государством, возникшим в результате распада СССР, но и государством, имеющим глубокие исторические традиции государственности. Отмечу, что в ходе конституционных преобразований 2022 года внесены изменения в Преамбулу Конституции Республики Беларусь, которая, как известно, есть важнейшая составная часть Конституции. В Преамбуле предусмотрены такие ценностные установки, как сохранение национальной самобытности и суверенитета. Указание в качестве опоры народа многовековой истории развития белорусской государственности, обозначение значимости культурно-духовных традиций в полной мере отражает особую роль культурно-духовного наследия в процессе становления современного белорусского государства, служит ценностным мировоззренческим ориентиром

в укреплении конституционно-правовой идеологии Республики Беларусь.

Подчеркну, что Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко назвал Конституцию «квинт-эссенцией белорусской государственности от ее древних истоков, стремления наших предков заявить о себе как о состоявшейся нации до создания собственного государства на земле, по праву нам принадлежащей».

Убежден, что общность нашего историко-культурного и духовного наследия во многом предопределила идею Союзного государства, которое получило новый импульс развития в настоящее время.

А.Н. Савенков. О конституционных преобразованиях в Беларуси 2022 года. Вы являлись Председателем Конституционной комиссии, которая в период 2021 года работала над подготовкой изменений и дополнений в Основной закон страны. Не сомневаюсь, что Вы преодолели многие вызовы и трудности, стоящие перед Конституционной комиссией. Какие основные новации в Конституции? На Ваш взгляд, что обеспечило результативность работы Конституционной комиссии? Чем обусловлено, что во многих государствах конституционные суды становятся в той или иной мере причастными к конституционным реформам, конституционным преобразованиям?

П.П. Миклашевич. В Беларуси 27 февраля 2022 г. состоялся республиканский референдум по вопросу внесения изменений и дополнений в Конституцию. Реализовав свое конституционное право, граждане Республики Беларусь на республиканском референдуме приняли обновленную Конституцию Республики Беларусь. Согласно результатам референдума, за принятие изменений и дополнений Конституции проголосовали 82,8% принявших участие в голосовании граждан.

Указом Президента Республики Беларусь в состав Конституционной комиссии были включены наиболее авторитетные представители всех слоев и социальных групп белорусского общества: экономической сферы, культуры, образования и науки, здравоохранения, спорта, государственного управления, молодежных и женских организаций, ветеранов и лиц с ограниченными возможностями. Такое широкое представительство позволило учесть наиболее актуальные вопросы жизнедеятельности белорусского общества и государства на современном этапе.

Подчеркну главное в деятельности Конституционной комиссии — опора на мнение народа. Тысячи поступивших предложений как от экспертов и специалистов, так и многочисленные предложения наших граждан тщательно изучались и анализировались. По всей стране были развернуты

диалоговые площадки, на которых обсуждались предложения по изменениям Конституции, и они во многом дали импульс к широкому народному обсуждению конституционных изменений. Например, граждане предложили дополнить Конституцию положениями о патриотизме, сохранении исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны, сохранении традиционных семейных ценностей. Задачей Комиссии было тщательно проанализировать данные предложения, выбрать наиболее актуальные, отвечающие современному развитию. Здесь у нас действовал принцип личной ответственности — каждый член Комиссии, который вносил предложение, обосновывал и, можно сказать, «отвечал» за него.

Работа Комиссии освещалась, проходила открыто, на демократических принципах. После специальная группа юристов дошлифовывала непосредственно текст статей, что-то, безусловно, вызывало споры и требовало дополнительного изучения и анализа.

В обновленной Конституции отмечу следующее.

Первое. На конституционном уровне закреплены положения о сохранении национальных традиционных ценностей: воспринятая от наших предков ценность семьи и брака, брака как союза женщины и мужчины; обязанности государства и гражданина по сохранению исторической правды и памяти о героическом прошлом белорусского народа; сохранение культурных и духовных традиций.

Второе. Получили дальнейшее развитие принципы социального государства, укреплены гарантии государственной поддержки материнства и детства, лиц с ограниченными возможностями, молодежи. При этом закреплён принцип современного социального государства: каждый должен вносить посильный вклад в развитие общества и государства.

Третье. Укреплены демократические основы государственной власти: произошло в определенной мере перераспределение полномочий Президента, парламента и Правительства; установлен конституционный статус Всебелорусского народного собрания как высшего представительного органа народовластия.

Убежден, что изменения Конституции 2022 года, принятые на республиканском референдуме, позволяют Беларуси развиваться демократическим социальным правовым государством на прочном конституционном фундаменте. Когда граждане выступают активными участниками демократического процесса, государство воспринимается не абстрактно, а как государство для народа, обес-

печивающее защищенность прав, правопорядок и безопасность.

Что касается вовлечения конституционных судов в конституционные преобразования, следует отметить, что преобразования в государственно-правовом строительстве основываются прежде всего на изменениях конституционно-правового регулирования политических и общественных процессов в государстве. Соответственно, для разрешения вопросов изменения конституций закономерно «призывают» к участию конституционные суды — как традиционных «хранителей» не только буквы, но и духа конституций, которые способны обеспечить баланс интересов личности, общества и государства, юридическую выверенность конституционных текстов.

А. Н. Савенков. *Я, как и многие ученые, настоятельно отношусь к «измам». Вы помните, как мы строили все вместе коммунизм, потом социализм. Да, в настоящее время мы говорим о конституционализме, включая российских ученых. Но что вкладывается в понятие конституционализма или, точнее говоря, что мы должны вкладывать в понятие конституционализма, чтобы можно было его обозначить как современный феномен, совокупность идей, служащих прогрессу общества и государства?*

П. П. Миклашевич. Отмечу, что я неоднократно подчеркивал, если мы и можем говорить о каком-либо «изме» в современном мире, это, безусловно, такой политико-правовой феномен, как конституционализм. Ученые не первый год исследуют данное явление и на глобальном уровне, также много научных работ о европейском конституционализме, — этому способствует попытка противостоять центробежным процессам в европейском конституционном развитии, которые мы наблюдаем сегодня.

Можно говорить и о концепции международного конституционализма, возникшей в результате «конституционного прочтения» международного права, формирования современного подхода к пониманию конституционализма, исходя из тех вызовов, которые принесла с собой глобализация.

Например, известный российский правовед и конституционалист В. Е. Чиркин отмечал, что содержание понятия современного конституционализма многообразно — это общественно-политическое движение, научная теория, государственная доктрина и конституционная практика, соответствующие общечеловеческим ценностям, идеям свободного, открытого общества, демократического, социального, правового и светского государства. Ученые исследуют нравственные императивы конституционализма.

Остается вопрос: вышел ли современный конституционализм за пределы суверенного государства,

выступает ли сегодня глобальным фактором формирования современной конституционно-правовой картины мира? В любом случае о конституционализме как современном феномене мы говорим в настоящее время, когда стало очевидным, что в правовой политике государств, по крайней мере для подавляющего большинства, общей стала система идей, которая предполагает модель организации государства и общества на конституционной основе, юридически насыщенные масштабные конструкции государственного суверенитета, народовластия, правового государства, демократии, разделения властей, прав и свобод человека и гражданина.

В белорусской конституционно-правовой доктрине выработан аксиологический подход к пониманию конституционализма: на сегодняшний день доктрина конституционализма выстроена как система идей, вобравшая конституционные ценности и идеалы, в которой преломляются объективные, исторически обусловленные национальные, политические, социальные и культурные особенности общественного развития, духовно-нравственные традиции народа.

При этом важнейшей задачей в утверждении современного конституционализма мы видим сохранение и развитие конституционных ценностей, сохранение конституционной идентичности.

А. Н. Савенков. *В свете концепции конституционализма нельзя отрицать общие правовые традиции постсоветских государств. Не предопределяет ли это, в свою очередь, их общие конституционные ценности? Можем ли мы говорить в настоящее время об общих конституционных ценностях евразийского пространства? Какие факторы, по Вашему мнению, обеспечивают сегодня сохранение конституционной идентичности государства?*

П. П. Миклашевич. При осмыслении конституционных ценностей, наполнении формально-юридическим содержанием данных аксиологических конструкций необходимо обратить внимание на то, что их содержание не остается неизменным. Интенсивное развитие общественных отношений, осмысление новых концептуальных подходов к правам человека, взаимовлияние национальных правовых систем закономерно влекут «приращение» смыслового содержания конституционных ценностей, принципов и норм, делая их более многогранными. Следует учитывать, что во многом благодаря деятельности органов конституционного контроля обретает определенность и точность содержание конституционных положений.

Феномен судебного конституционализма, несмотря на его возникновение и развитие в национальных правовых системах, предполагает общие конституционные ценности, принципы и подходы, которыми руководствуются институты

конституционного правосудия в различных государствах. Такие конституционные императивы выработаны за более чем полувековую историю, когда институт судебного конституционного контроля стал безусловным атрибутом конституционного развития государств. В этом смысле, конечно, мы видим много общего в практике конституционных судов евразийского региона.

Исходя из сущностного содержания конституционализма, современное государство формируется как правовое государство путем утверждения и реализации основополагающих конституционных ценностей, которые находятся в определенной взаимосвязи и взаимозависимости. Так, очевидно, что права и свободы человека могут быть в полной мере обеспечены и реализованы только в действительно демократическом социальном правовом государстве, а правовое государство не может быть таковым без реализации на практике конституционных ценностей. Достижению баланса конституционных ценностей служит конституционное правосудие — в целях сохранения равновесия общества, его стабильности, эффективного взаимодействия всех общественных сил на основе конституционного приоритета — человека как высшей ценности общества и государства.

А.Н. Савенков. Говоря об интеграционных процессах на постсоветском пространстве, следует остановиться на таком конституционно-правовом феномене, как Союзное государство. Насколько верно и полно, на Ваш взгляд, описывается в современной юридической литературе образ и перспективы Союзного государства России и Беларуси? Не следует ли уделять большее внимание разработке таких вопросов в качестве актуального направления правовых и политических исследований?

П.П. Миклашевич. Зачастую продвижение национальных интересов, в том числе в экономически выгодных целях, возможно лишь совместными усилиями государств. Мы видим, как регионализация позволяет государствам усиливать свое внешнеполитическое влияние и реализовывать экономические интересы. В полной мере это относится и к Союзному государству, эффективно функционирующему вот уже четверть века.

Данное интеграционное объединение, как мы знаем, служит многим целям: это и совместное адекватное реагирование, и противодействие нарастанию глобальных рисков, вызовов и угроз, и дальнейшее усиление возможностей и взаимодействия по защите суверенитета наших государств. Однако краеугольным камнем союзного строительства остается обеспечение равных прав граждан двух стран, создание единой системы социальных гарантий. Большая заслуга союзного строительства в том, что в настоящее время граждане Беларуси и России имеют практически

одинаковые возможности для трудоустройства, выбора места жительства, получения образования, медицинской помощи, социального обеспечения. Это одно из важнейших достижений.

Безусловно, в рамках Союзного государства является актуальной координация совместных усилий по дальнейшему сближению национальных законодательств, выработке единых подходов к правовому регулированию важнейших общественных отношений в целях их единообразного понимания и применения, на что Конституционный суд Республики Беларусь обращал внимание в своих решениях, например в решениях по Закону об исполнительном производстве, Налоговому кодексу: необходимо установить сходные механизмы правового регулирования исполнения исполнительных документов, унифицировать налоговое законодательство в рамках Союзного государства, Евразийского экономического союза. В связи с этим с удовлетворением воспринял недавнюю новость о достигнутых договоренностях подписать Соглашение о взаимном исполнении судебных постановлений, вынесенных судами Беларуси и России.

Интеграционное взаимодействие в рамках международных объединений на постсоветском пространстве — плодотворная тема для научного поиска, правовых исследований. Есть вопросы сотрудничества с третьими странами, проблемы иерархии нормативных источников, формирования единой правоприменительной практики, в научном обеспечении решения которых юридическая наука может сказать свое веское слово.

А.Н. Савенков. В настоящее время защита исторической правды, исторической памяти получила также конституционное измерение — соответствующие конституционные положения закреплены и в Конституции России, и в Конституции Беларуси. Означает ли это новое конституционно-правовое наполнение данных понятий? Какова в этом роль юридической науки?

П.П. Миклашевич. Современное конституционное право часто оперирует понятиями справедливости, истины, реж — правды, имеющими в изначальном смысле преимущественно философское, социологическое содержание.

В соответствии с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июня 2020 года, Конституция России дополнена положениями о том, что Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается (ч. 3 ст. 67¹). Это новое нормативное предписание Конституции России является во многом ответом на вызов современности, выраженный в попытках, в том числе на международно-правовом уровне, переписать историю Второй мировой войны, умалить

подвиг советского народа — народа-освободителя в победе над фашизмом.

В Конституции Республики Беларусь нормы, в которых указывается на историческую правду, впервые появились в результате внесения изменений, принятых на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г.: «Государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны» (часть вторая ст. 15).

Представляется, что включение в Конституцию указанных норм явилось своевременной мерой, обусловленной уже имеющейся правовой и идеологической основой.

Роль конституционно-правовой науки в осмыслении понятий исторической правды, исторической памяти, наполнении их новым конституционно-правовым смыслом неоченима, но я хочу отметить прежде всего роль исторической науки, которая имеет дело с достоверными историческими фактами. Историческая правда — это знание о прошлом, основанное на точно подтвержденных исторических фактах. В этой связи не могу не отметить Ваш труд «Нюрнберг: Приговор во имя Мира», который внимательно изучают в том числе белорусские ученые. Полагаю, этот фундаментальный труд является образцом отношения и к сохранению нашей общей истории, обеспечения ее достоверности, и к научному поиску, осмыслению знаковых исторических событий.

Следует осознавать, что понятие исторической правды, значение подвига народа при защите Отечества — не только научная проблема, но также и политическая, и морально-нравственная. Поэтому, в отличие от современников, узнают о прошлом на основе материалов, которые сохраняют предшественники. Тем самым историческая правда как социально значимая достоверная информация, состоящая из точно подтвержденных исторических фактов, предполагает запрет на их искажение и фальсификацию, что обуславливает необходимость осуществления правового регулирования по ее сохранению и защите.

А. Н. Савенков. Полагаю, что объективно происходящие в мире изменения, процессы формирования новой архитектуры безопасности в Евразии определяют евразийскую парадигму при анализе исторического пути развития государств как альтернативу европоцентризму, традиционно доминирующему в политико-правовой картине мира. Можно ли, на Ваш взгляд, сказать, что современные юридическая наука и практика надлежащим образом реагируют на происходящие перемены и предлагают четкие контуры правового образа будущего?

П. П. Миклашевич. Укрепление в настоящее время евразийского дискурса во многом есть ответ

на попытку однополярного мирового устройства, навязывания национальным государствам чуждых им ценностей и правил. Современный мир как многообразие культур, традиций, устоев жизни предлагает равноправие и взаимное уважение. На саммите ОДКБ в ноябре 2024 г. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко подчеркнул, что «ключ к решению текущих проблем и созданию эффективных механизмов обеспечения безопасности находится в нашей Евразии, с ее тысячелетним опытом совместной жизни разных народов, взаимопроникновения культур и цивилизаций».

Безусловно, сегодня юридическая наука осмысливает современное общественное развитие: необходима определенная ревизия социально-гуманитарного знания, и юридическая наука и практика не должны оставаться в стороне от анализа современных вызовов, в том числе и праву.

Мы видим, как геополитические преобразования вызывают определенную «конституционную турбулентность». Необходимо сознавать, что так называемые вечные положения Конституции, касающиеся основ конституционного строя, прав и свобод человека, сложность и многоступенчатость процедур конституционных изменений, направлены на защиту государства, демократического правления, народовластия. Конституция в этих условиях становится главной стабилизирующей и консолидирующей основой государственного развития, устанавливая конституционные процедуры изменений в государственном устройстве и обществе, которых необходимо тщательно придерживаться. Уверен, что пример конституционных преобразований в 2022 году в Беларуси ясно свидетельствует о том, что мир и согласие в обществе достигаются только совместными усилиями всех общественно-политических сил, граждан, государственных органов и должностных лиц.

Изменяется соотношение таких понятий, как сила государства и сила права. В настоящее время при нестабильности международных отношений, угрозах национальной безопасности, усилении проявлений терроризма, экстремизма, эскалации военных конфликтов государства вынуждены обращаться и к силовым методам преодоления проблем, применению чрезвычайных мер. При этом необходимо безусловное соблюдение надлежащего конституционного баланса между национальной безопасностью и конституционно-правовой безопасностью человека.

При проверке конституционности принятых в последние годы законов в сфере борьбы с терроризмом, предотвращения легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности Конституционный суд Республики Беларусь подчеркнул, что создание

надлежащего правового регулирования на принципах и нормах Конституции направлено на обеспечение принятия на государственном уровне адекватных мер реагирования на современные угрозы в интересах защиты прав, свобод и законных интересов личности, конституционного строя, безопасности общества и государства.

В заключение отмечу, что необходимо избегать девальвации конституционной идентичности государств, переоценки по сиюминутным политическим соображениям устоявшихся историко-правовых традиций и конституционных ценностей, умаления значения знаковых для наших народов исторических событий.

МИКЛАШЕВИЧ Петр Петрович

Председатель Конституционного суда Республики Беларусь, заслуженный юрист Республики Беларусь.

Родился 18 октября 1954 г. в деревне Косу́та Вилейского района Минской области. В 1981 г. окончил юридический факультет Белорусского государственного университета. Работал в суде Буда-Кошелевского района (Гомельская область), затем в Гомельском областном суде, в 1989—1998 гг. — председатель этого суда. В 1998 г. назначен первым заместителем Министра юстиции Республики Беларусь, с 1999 г. первый заместитель Председателя Верховного суда Республики Беларусь. В 2004 г. назначен Генеральным прокурором Республики Беларусь. С февраля 2008 г. — Председатель Конституционного суда Республики Беларусь.

УДК 340

НОВЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД И СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ВЫЗОВЫ¹

© 2025 г. А. Н. Савенков

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: an61s@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.01.2025 г.

Аннотация. В статье дается анализ влияния экономических факторов и условий, роли промышленных и научно-технологических укладов, их существенных элементов в сфере фундаментальных процессов правового регулирования и государственного строительства. Подчеркивается важность совершенствования междисциплинарных подходов и исследований в русле взаимодействия права и экономики, которые ориентируются на изучение ключевых моментов развития современной политико-правовой и экономической мысли. Наличие существенных пробелов в понимании более глубоких и интенсивных связей и форм взаимодействия между правом и экономикой рассматривается как одно из условий, устранением которого может быть обеспечено качественно новое и значительно более эффективное развитие как правовых исследований, так и расширение познавательных горизонтов экономических работ, особенно фокусирующихся на вопросах взаимодействия с политикой и правом. Удачной дисциплинарной формой для развития научных представлений о связи права и экономики, с учетом разнообразных вызовов и угроз в современном мире, может рассматриваться государствоведение, но осмысленное на другой современной концептуальной основе.

Ключевые слова: научно-технологический уклад, государственное строительство, история экономической мысли, советская теория права, экономический анализ права, социогуманитарные вызовы, государствоведение.

Цитирование: Савенков А. Н. Новый технологический уклад и социогуманитарные вызовы // Государство и право. 2025. № 1. С. 14–36.

DOI: 10.31857/S1026945225010017

¹ Развернутая версия доклада, представленного 9 декабря 2024 г. на общем собрании Отделения общественных наук Российской академии наук.

A NEW TECHNOLOGICAL ORDER AND SOCIO-HUMANITARIAN CHALLENGES²

© 2025 A. N. Savenkov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: an61s@yandex.ru

Received 10.01.2025

Abstract. The article analyzes the influence of economic factors and conditions, the role of industrial and scientific-technological structures, their essential elements in the field of fundamental processes of legal regulation and state building. The importance of improving interdisciplinary approaches and research in the context of the interaction of law and economics, which focus on the study of key aspects of the development of modern political, legal and economic thought, is emphasized. The presence of significant gaps in understanding the deeper and more intense connections and forms of interaction between law and economics is considered as one of the conditions that can be eliminated to ensure a qualitatively new and much more effective development of both legal research and the expansion of the cognitive horizons of economic work, especially focusing on issues of interaction with politics and law. A successful disciplinary form for the development of scientific ideas about the relationship between law and economics, taking into account the diverse challenges and threats in the modern world, can be considered government studies, but meaningful on a different modern conceptual basis.

Key words: scientific and technological structure, state building, history of economic thought, Soviet theory of law, economic analysis of law, socio-humanitarian challenges, state studies.

For citation: *Savenkov, A. N. (2025). A new technological order and socio-humanitarian challenges // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 14–36.*

В условиях трансформации современных общественных процессов и объективных изменений глобальной архитектуры мироустройства развитие промышленности и технологий существенно влияет на социально-политическую карту мира, формирует перспективы новых экономических моделей и парадигмы пользования ресурсами и результатами труда. История теоретически зрелых и оформленных учений о влиянии экономики на другие сферы начинается с марксизма, который как социально-экономическая теория не только не утрачивает популярности, но, напротив, в виде различных дополнений и неомарксистских прочтений (зачастую избирательно-субъективных) сохраняет актуальность и востребованность. В общественных науках, в том числе юридических, также нарастают тенденции экономического анализа права.

Исследовательский интерес к вопросу о связи права и экономики в отечественной юридической литературе фиксируется давно. Однако в подобных исследованиях в русле междисциплинарного анализа пока не уделяют достаточного внимания изучению характера и направлений развития экономической мысли, по крайней мере в той части, в которой ведущими экономистами обсуждается

проблематика влияния экономических факторов и условий — в целом научно-технологических укладов — на совершенствование и трансформацию представлений о способах регулирующего воздействия на соответствующие процессы, о моделях эффективного политического управления, повышения качества правосудия, государственного строительства. Экономическая мысль динамично и непрерывно менялась, предлагая различные представления о возможных моделях экономического прогресса. Например, проблемы экономического анализа релевантных для права проблем могут обсуждаться в рамках такого течения в экономической мысли, как кейнсианство.³ «Общая теория занятости, процента и денег»³ Дж. Кейнса, опубликованная в феврале 1936 г., вызвала глубокий сдвиг, получивший название «Кейнсианская революция», поскольку центральное место в экономической теории в работе отводилось макроэкономике.

Экономическое мышление, вдохновленное Кейнсом, возникло на обломках Великой депрессии и было, как тогда казалось, основным путем восстановления мировой экономики после кризиса и еще больших разрушений от войны. Основу этого мышления составляли два ключевых положения:

² A detailed version of the report presented on December 9, 2024 at the general meeting of the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.

³ *Keynes J. M. General Theory of Employment, Interest and Money. London, 1936.*

1) экономическая система не имеет естественной тенденции к полному использованию ресурсов; 2) необходимо государственное вмешательство, которое может быть использовано для достижения социально оптимального результата. В противовес сложившимся подходам формулировался аргумент о том, что уровень занятости определяется не ценой труда, как в классической экономике, а уровнем совокупного спроса: если общий спрос на товары при полной занятости меньше общего объема производства, то экономика должна сокращаться до тех пор, пока не будет достигнуто равенство. Таким образом, Кейнс отрицал, что полная занятость была естественным результатом конкурентных рынков в равновесии. Ему принадлежат понятия функции потребления, принципа эффективного спроса и предпочтения ликвидности, он также придал новое значение мультипликатору и предельной эффективности капитала.

Формализация общей теории Кейнса была осуществлена Дж. Хиксом в 1937 г.⁴, что позволило кейнсианскому подходу прочно утвердиться в академическом мире и породить огромное количество литературы, в том числе в послевоенный период. Популярность идеи о целесообразности вмешательства государства в сферу экономики была настолько огромной, что привело к привлечению ученых-экономистов в качестве консультантов в правительства разных государств для разработки конкретных мер государственной политики.

В СССР игнорировали «Общую теорию занятости, процента и денег», поскольку одна из ключевых проблем, находящихся в фокусе внимания кейнсианства — массовая безработица, — не имела, по мнению советских экономистов, значения для централизованно планируемой экономики. Впервые изложение теории Кейнса и ее критику представил советский экономист, проф. И. Г. Блюмин⁵.

В 1960-х годах кейнсианская теория подвергается критике со стороны небольшой, но быстро растущей школы американских экономистов-монетаристов, возглавляемой М. Фридманом. Они утверждали, что влияние фискальной политики ненадежно, если одновременно не регулировать количество денег. Основываясь на старой количественной теории денег, они протестировали новую версию на множестве данных по разным странам и периодам времени и пришли к выводу, что количество денег действительно имеет значение. В «Монетарной истории Соединенных Штатов,

1867–1960»⁶, ставшей эталонной работой, подвергалась сомнению эффективность кейнсианских фискальных мер наряду со всеми другими попытками тонкой настройки экономики. Монетаризм с его акцентом на денежную массу являлся весьма влиятельной теорией в 1970-х годах, но к 1990-м годам ее влияние перестало быть столь заметным.

Таким же разнообразием отличались теоретические модели, объяснявшие значение внутренних и внешних факторов экономического роста. В 1990-х годах появляется новая парадигма, получившая название «теория эндогенного роста», которая предпринимала попытки объяснить технологические изменения в государствах как результат расходов частных фирм на исследования и разработки (НИОКР), мотивированных прибылью. Первая известная эндогенная модель была предложена П. Ромером (1990)⁷, получившим в 2018 г. Нобелевскую премию. В то же время первым экономистом, который ввел в научный оборот понятия «нововведение» и «инновация» и связал их с темпами экономического развития, был Дж. Шумпетер⁸.

Концептуальное отличие новой модели состояло в том, что в отличие от подхода Р. Домара (предыдущая модель), который рассматривал рост как экзогенный, или исходящий из внешних переменных, эндогенная теория делала упор на рост изнутри системы. Теория эндогенного роста объясняет долгосрочный экономический рост как результат

⁶ Friedman M., Schwartz A.J. A monetary history of the United States, 1867–1960. Princeton, 1963.

⁷ См.: Romer P.M. Endogenous Technological Change // The Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98. No. 5. Part 2. Pp. S71–S102.

⁸ См.: Смородинская Н.В., Катков Д.Д., Малыгин В.Е. Шумпетерианская теория роста в контексте перехода экономических систем к инновационному развитию // Journal of Institutional Studies. 2019. No. 11(2). Pp. 060–078.

Шумпетерианское направление в теориях роста охватывает разработанные в начале 1990-х годов модели Агийона — Хоутта (1992) и Гроссмана — Хэлпмана (1991), а также весь последующий цикл улучшенных версий этих моделей (см.: Aghion P., Howitt P. Endogenous growth theory. Cambridge, 1998) вплоть до самых современных (см.: Akgigit U., Kerr W.R. Growth Through Heterogeneous Innovations // Journal of Political Economy. 2018. Vol. 126. Iss. 4. Pp. 1374–1443; Acemoglu D., Akgigit U., Alp H. et al. Innovation, Reallocation, and Growth // American Economic Review. 2018. Vol. 108. No. 11. Pp. 3450–3491). Эти модели объединены в литературе в интегрированное понятие шумпетерианской теории роста (Schumpeterian growth theory), поскольку увязывают устойчивый рост экономики на базе применения инноваций с успешной работой рынков по эффективной реаллокации ресурсов (капиталов, рабочей силы, технологий и др.) — их постоянному перемещению от менее производительных экономических агентов к более производительным и продуктивным (см.: Decker R.A., Haltiwanger J., Jarmin R.S., Miranda J. Declining Dynamism, Allocative Efficiency, and the Productivity Slowdown // Finance and Economics Discussion Series. 2017).

⁴ См.: Hicks J.R. Mr. Keynes and the “Classics”; A Suggested Interpretation // Econometrica. 1937. Vol. 5. No. 2. Pp. 147–159.

⁵ См.: Блюмин И.Г. Кейнсианство как типичное выражение современной буржуазной политической экономии // Критика современной английской и американской политической экономии: в 3 т. М., 1962. Т. 2. С. 72–81.

деятельности, которая создает новые технологические знания. Эндогенный рост — это долгосрочный рост, темпы которого определяются внутренними факторами экономической системы, в частности такими, которые определяют возможности и стимулы для создания технологических знаний.

Основные положения противоположной, экзогенной теории были сформулированы будущим лауреатом Нобелевской премии (1987), членом Национальной академии наук США (1972) и Американского философского общества, почетным членом Британской академии наук Р. Солоу. Он отмечал, что экономический рост выступает результатом наличия рабочей силы и наращивания инвестиций в производственный (основной) капитал⁹. Теория роста Р. Солоу и Т. Свона¹⁰ предполагала, что темпы технического прогресса определяются научным процессом, который отделен от экономических сил и независим от них. Таким образом, она подразумевает, что экономисты могут воспринимать долгосрочные темпы роста как экзогенные данные, полученные извне экономической системы.

Теория эндогенного роста бросила вызов этому взгляду, предлагая каналы, с помощью которых экономические факторы могут влиять на темпы технического прогресса и, следовательно, на долгосрочные темпы экономического роста. Ее положения исходили из того, что технический прогресс происходит благодаря инновациям в виде новых продуктов, процессов и рынков, многие из которых являются результатом экономической деятельности. Поскольку многие инновации есть результат затрат на НИОКР, осуществляемых стремящимися к прибыли фирмами, экономическая политика в области торговли, конкуренции, образования, налогов и интеллектуальной собственности может влиять на темпы внедрения инноваций, оказывая воздействие на частные затраты и выгоды от проведения НИОКР.

Иногда размышления об экономике выглядят чрезвычайно гротескно. Пример подобного гротеска, по нашему мнению, — эволюционная экономика как часть экономического мейнстрима, рассматривающая явления с позиций эволюционной биологии, использующая эволюционную же методологию и руководствующаяся принципом эволюционной психологии.

Границы рациональности экономических агентов исследует поведенческая экономика, принимая попытки оценить влияние социальных,

когнитивных и эмоциональных факторов на поведение в сфере экономики, принятие экономических решений отдельными лицами и учреждениями и последствия такого влияния на рыночные переменные (цены, прибыль, распределение ресурсов).

Исследователь в области философии случайно-сти, роли неопределенности и влияния случайных и непредсказуемых событий на мировую экономику и биржевую торговлю Н. Талеб называет себя «эмпирическим скептиком» и генерирует новый понятийный аппарат, используя биологическую терминологию.

Несмотря на обилие экономических идеологем, современная наука становится неспособной сформировать непротиворечивые объяснительные модели и представить надежные перспективы развития событий. Слоубализация и сингулярность, казуализм и метамодерн, конвергенция и точки бифуркации — только слова, но не теории. В массовом интеллектуальном сознании сегодняшний уровень философского мышления и футурологических прогнозов свидетельствует о том, что мы живем в хаотично пополняемом паноптикуме политико-правовых фетишей, состоящем из животного-орнитологических жупелов «черных лебедей», «серых носорогов» и т.п.

В дореволюционной и советской юридической науке проблематика осмысления роли и значения хозяйственных факторов и условий, промышленного и научно-технологического укладов, научно-технического прогресса получила основательную теоретико-методологическую основу. Отечественные ученые-правоведы нередко обращались к анализу отдельных правовых сторон экономического оборота, отмечая при этом необходимость разработки собственных моделей его правового регулирования, а не простого заимствования. Без учета достижений досоветской науки не сформировались бы основные направления правового анализа социалистической экономики советского периода, который не ограничивался вопросами исторического и диалектического материализма, хотя именно советскими правоведами, в частности директором Института советского строительства и права Коммунистической академии Е.Б. Пашуканисом, была разработана первая в марксистской — не только отечественной, но и мировой — литературе правовая теория принципиально экономического профиля, получившая название меновой, основанная на аналогии с марксистской формулой о роли обмена товарами, в соответствии с которой правовая форма достигает своего кульминационного пункта в буржуазно-капиталистическом обществе.

⁹ См.: *Solow R.M.* A Contribution to the Theory of Economic Growth // *The Quarterly Journal of Economics*. 1956. Vol. 70. No. 1. Pp. 65–94.

¹⁰ См.: *Swan T.W.* Economic growth and capital accumulation // *The Economic Record*. 1956. Vol. 32. No. 2. Pp. 334–361.

В русле советского правоведения сформировалась теория хозяйственного права акад. В.В. Лаптева¹¹, значительный вклад в освоение связей права и экономики в советской литературе внесли исследования советского экономиста В.П. Шкредова¹², изучением влияния права на развитие социалистической экономики занимались А.Ф. Шебанов¹³, известный советский правовед С.Н. Братусь¹⁴ и многие другие. М.М. Богуславским разрабатывалась правовая база экономического сотрудничества в социалистической системе, предлагались формы и методы сотрудничества, выявлялись правовые проблемы социалистической интеграции и предлагались конкретные правовые формы хозяйственных связей в социалистическом содружестве. В разное время в секторе гражданского права, гражданского и арбитражного процесса Института права АН СССР (позже — Институт государства и права АН СССР, ныне — Институт государства и права РАН) работала целая плеяда выдающихся ученых-правоведов: М.А. Гурвич, Р.О. Халфина, Н.С. Малеин, В.С. Тадевосян, В.П. Мозолин, А.А. Рубанов, А.М. Нечаева¹⁵. В начале 1990-х годов в Институте создается Центр цивилистических исследований, в состав которого входили: сектор гражданского права, гражданского и арбитражного процесса, сектор аграрного и земельного права, сектор трудового права. С середины 1990-х годов Центром руководила выдающийся ученый, заслуженный деятель науки, д-р юрид. наук, проф. Т.Е. Абова. Работы ученых Института оказали существенное влияние на прояснение фундаментальных закономерностей взаимовлияния права и экономики. Особо можно выделить «Манифест о цивилизме» акад. РАН В.С. Нерсисянца¹⁶, посвященный фундаментальным вопросам собственности и национального благосостояния в условиях постсоциалистического общества.

Заложенные традиции развивались д-ром юрид. наук С.С. Занковским. В настоящее время их сохраняют и продолжают акад. РАН А.Г. Лисицын-Светланов, члены-корр. РАН М.И. Клеандров, А.В. Габов, д-р юрид. наук В.А. Лаптев.

¹¹ См.: Лаптев В.В. Экономика и право. Теория и практика правового регулирования хозяйственных отношений. М., 1981.

¹² См.: Шкредов В.П. Экономика и право. О принципах исследования производственных отношений в связи с юридической формой их выражения. М., 1967.

¹³ См.: Шебанов А.Ф. Нормы советского права и их роль в создании и развитии социалистической экономики СССР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1951.

¹⁴ См.: Братусь С.Н. Роль права в развитии советской экономики. М., 1971.

¹⁵ См.: Мозолин В.П., Нечаева А.М., Рубанов А.А., Скрипко В.Р. Гражданское право и экономика. М., 1985.

¹⁶ См.: Нерсисянц В.С. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М., 2001.

Роль научно-технологических факторов в правовом поле возрастает стремительно. Вместе с тем в современной юридической науке проблематика влияния изменений в экономике, роли и значения промышленного и научно-технологического укладов изучается фрагментарно, новые модели, сопоставимые по масштабу с советскими, в правоведении просто отсутствуют. Юриспруденция в основном пытается поспеть за быстро меняющимися экономическими условиями и связанными с этим социально-экономическими вызовами. В юридической науке не сформировалась полноценная и развернутая система теоретических взглядов на характер современной экономики и влияния происходящих в ее сфере изменений и темпов развития на право в целом и правовое регулирование в частности.

Фундаментальное решение вопросов о связи права и экономики, надлежащее осмысление влияния нового промышленного уклада, темпов развития национальных экономик, характера и направлений этих процессов является необходимым не только для понимания самого права и его функций в современном обществе, но также для ответа на один из самых главных вопросов — о роли государства в регулировании экономики. Представляется, что этому может эффективно содействовать переосмысление философии государства с позиций юридической науки.

В юридической науке схема анализа права и экономики, как правило, сводится к таким курсам, как конституционная экономика и экономический анализ права. Такая модель исследования импортирована из американской литературы и ее явно недостаточно для разъяснения всех связей права и экономики¹⁷. В то время как спектр требующих разрешения вопросов значительно шире. Зачастую упускается из виду, что государства начинают играть все более важную роль в обеспечении управляемости вызываемых технологическими изменениями процессов. Например, каким образом должно обеспечиваться расследование преступлений в киберпространстве с использованием новых технологий, в том числе искусственного интеллекта? Это только один, но чрезвычайно важный вопрос, на который должна ответить современная юридическая наука, выясняя и разъясняя принципиальные характеристики взаимовлияния права и экономики. Если же наука в данном случае опаздывает, то последствия становятся губительными для безопасности общества и стабильности гражданского оборота.

¹⁷ См.: Гаджиев Г.А. Право и экономика (методология): учеб. для магистрантов. М., 2016.

М. Вебер, говоря о существенных переменах в условиях современного ему индустриального уклада, допускал возможность саморегулирования, обособленного существования хозяйственного и правового порядков, однако при этом прямо подчеркивал, что роль правовых регуляторов, в том числе государственного принуждения, по мере развития социально-экономического уклада индустриального общества будет непрерывно возрастать¹⁸.

Действительно, стремительный темп изменений, связанных с новыми технологиями, становится главным фактором доминирования непредсказуемости, а значит, опасности случайного выбора траектории развития. Современные достижения науки предоставляют фантастические возможности и меняют картину реальности. Так, квантовое зондирование может привести к созданию совершенно новой экосистемы, в которой можно наблюдать ненаблюдаемое, тем самым предоставляя уникальную новую информацию и наборы данных во многих секторах экономики¹⁹. Интеллектуальные средства дешифрования делают открытыми любые средства коммуникаций. Потеря контроля над спутниками и электромагнитным спектром существенно влияет на возможности их специального применения. Летальные автономные системы оружия бросают вызов давним этическим и правовым нормам. Разработка метода редактирования генома CRISPR-Cas9 была отмечена Нобелевской премией по химии за 2020 год, присужденной Эммануэль Шарпантье и Дженнифер Дудна²⁰, но еще на этапе разработки в 2015 г. он попал в список угроз национальной безопасности²¹.

Настораживает то, что в технократическом сознании отражается не просто вытеснение нравственности, а вообще ее исключение как категории общественных отношений. В таких условиях

актуальность разработки проблем этики и морали, осуществленных в работах акад. РАН А.А. Гусейнова и касающихся пользования знаниями и технологиями, только нарастает. Пренебрежение данными проблемами в условиях несбалансированного развития промышленно-технологических условий и социогуманитарных регуляторов поведения создает опасности злоупотребления достижениями научно-технологического прогресса, неправомерного распределения и перераспределения ресурсов, конфликтности и прочих вызовов²².

Уже существуют автономные системы, способные определять, оценивать и нацеливать оружие на предполагаемые угрозы и таким образом способные начать собственную войну. Как только граница в этой сфере будет пересечена и высокие технологии станут стандартным оружием, а компьютеры — главными исполнителями стратегии, мир окажется в состоянии, для которого пока нет устоявшейся концепции. Как лидеры государств могут осуществлять контроль, когда компьютеры предписывают стратегические инструкции и таким образом ограничивают и угрожают человеческому участию в этом процессе?

Еще столетие назад акад. В.И. Вернадский улавливал подобные тенденции, пророчески отмечая: «Нигде не видим мы какого-нибудь ослабления научного движения среди войн, истребления, гибели людей от убийств и болезней. Все эти потери быстро возмещаются мощным подъемом реально осуществляемых достижений науки и ею охваченной организованности государственной власти и техники. Кажется даже, что в этом круговороте людского несчастья она еще больше растет и заключает в себе самой средства для прекращения попыток укрепить варварство»²³.

Другая важная тенденция состоит в том, что современный промышленный уклад стремится к милитаризации, подпитывает военное производство, при этом новых правовых инструментов защиты не предлагается, а старые игнорируются. Так уже в истории было. Не далее как 80 лет назад только недостаточный запас атомных бомб и длительный период их производства удержал президента США Трумэна от ударов по СССР, на чем настаивал в своем плане «Немыслимое» (*Operation Unthinkable*, 1945 г.) У. Черчилль.

²² См.: *Livingston S., Risse M.* The Future Impact of Artificial Intelligence on Humans and Human Rights. *Ethics & International Affairs*, 2019. Vol. 33. Iss. 2. Pp. 141–158; *Moor J.* Four Kinds of Ethical Robots // *Philosophy Now*. 2009. Vol. 72. Pp. 12–14.

²³ *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. М., 1991. С. 43.

¹⁸ См. подр.: *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. М., 2018.

¹⁹ См.: *Soller H., Mohr N., Heide A., Gschwendtner M.* Quantum sensing is viable and could touch many parts of businesses. Here's what leaders across industries should know. 2024. URL: <https://www.mckinsey.com.br/capabilities/mckinsey-digital/our-insights/quantum-sensings-untapped-potential-insights-for-leaders> (дата обращения: 30.11.2024); *Fan A., Liang R.* 2024 Yearender: China's space sector soars to new heights, setting new goals. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202412/1325567.shtml> (дата обращения: 30.11.2024).

²⁰ См.: “Nobel Prize in Chemistry Awarded to 2 Scientists for Work on Genome Editing — Emmanuelle Charpentier and Jennifer A. Doudna developed the Crispr tool, which can alter the DNA of animals, plants and microorganisms with high precision”. *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2020/10/07/science/nobel-prize-chemistry-crispr.html> (дата обращения: 30.11.2024).

²¹ См.: *Goenka H.* Bioterrorism and Gene Editing: Can CRISPR Tool be Used as Biological Weapon in War? 2016. URL: <https://www.ibtimes.com/bioterrorism-gene-editing-can-crispr-tool-be-used-biological-weapon-war-2460102> (дата обращения: 30.11.2024).

Последние несколько лет первой четверти XXI столетия неопровержимо свидетельствуют о нарастании военной угрозы во всем мире, вызванной действиями одной из великих ядерных держав — США, которые активно поддерживаются членами НАТО. Сегодня промышленность ЕС и США перестраивается под запросы Североатлантического альянса, мы являемся очевидцами локализации оборонного промышленного потенциала ФРГ на территории Украины²⁴. При этом военными аналитиками и экономистами тщательно анализируется опыт СВО, где расход боеприпасов изучается так же, как и боевые потери и тактика использования беспилотных летательных аппаратов.

Серьезный вызов сделан международному праву и правопорядку. Это в первую очередь абсолютное снижение порога *casus belli* — формального повода для объявления войны; расширенное толкование правовых институтов «комбатанты» и «законные цели»; военные союзы и коалиции без юридического оформления и многое другое. Все это требует незамедлительного осмысления и правового регулирования или, если последнее сразу недостижимо, выработки правовой позиции ООН.

Оставлена в прошлом международная дискуссия о недопустимости применения против человека любого автономного летального вооружения (Lethal Autonomous Weapons, LAWS), обозначающего боевую самодвижущуюся систему, которая, будучи активированной, принимает решение об атаке боеприпасом на поражение без прямого контроля со стороны человека. В мире разрабатываются ракеты с искусственным интеллектом, беспилотные надводные и подводные вооружения и уже применялись беспилотные транспортные средства, атаки роем боевых смертоносных беспилотников, управляемых искусственным интеллектом, и военные роботы.

Предпринимаемые государствами попытки в этом направлении чрезвычайно робки. В частности, первый глобальный саммит по ответственному использованию искусственного интеллекта в военной сфере (REAIM), состоявшийся 15–16 февраля 2023 г., собрал представителей более чем 60 стран, включая США и Китай, в Гааге, чтобы обсудить то, как ответственно использовать искусственный интеллект в вооруженных силах²⁵. Второй саммит прошел в Сеуле 9–10 сентября 2024 г. с участием

представителей правительств более чем 90 государств. Юридически обязывающих решений в этих собраниях не принималось.

Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш выражал обеспокоенность по этому вопросу в совместном письме с президентом Международного Комитета Красного Креста (МККК) М. Сполярнич в октябре 2023 г.

Необходимость применения норм международного права, включая Устав ООН и гуманитарные законы и законы о правах человека, к автономным системам вооружений была провозглашена в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 78/241, принятой 22 декабря 2023 г.²⁶ 152 голосами «за», четырьмя голосами «против» и 11 голосами воздержавшихся. В ней признаются потенциальные преимущества новых технологий, а также выражается обеспокоенность по поводу связанных с ними гуманитарных, правовых, технологических и этических проблем относительно безопасности. В резолюции выражена важность поиска различных точек зрения на смертоносные автономные системы вооружений со стороны государств-членов, наблюдателей, международных организаций, гражданского общества и промышленности.

История и практика свидетельствуют, что только судебный процесс Международного военного трибунала в Нюрнберге смог дать ответ на подобные вызовы. Сейчас весь мир задается одним вопросом: как еще раз после Нюрнберга запретить войну на будущее, если ее не удалось предотвратить именно правовым путем? Российская Федерация на протяжении 15 лет предлагала подписать юридически обязывающие международные акты, но этого не случилось. Вновь политика победила право. Человечество продолжает получать опыт, что такое соотношение политики и права ведет по меньшей мере к эскалации риторики о ядерном апокалипсисе, а возможно, и гибели.

Лидеры КНР и США Си Цзиньпин и Джо Байден 16 ноября 2024 г. в ходе встречи на полях саммита Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в Лиме вновь устно договорились о том, что решения о применении теперь уже ядерного оружия должны оставаться за человеком, а не искусственным интеллектом. Милитаристский тренд в политике не должен лишать человечество радости жизни и надежды на благоприятное будущее.

Следующей важной тенденцией является неравномерность технологического развития государств,

²⁴ На Украине заработал оборонный завод Rheinmetall, планируется строительство еще трех предприятий. Rheinmetall собирается построить на Украине пороховой завод и завод по изготовлению боеприпасов для танков. По словам главы концерна, компания стремится также наладить производство систем противовоздушной обороны.

²⁵ См.: URL: <https://www.government.nl/ministries/ministry-of-foreign-affairs/activiteiten/reaim> (дата обращения: 30.11.2024).

²⁶ См.: Resolution 78/241 “Lethal autonomous weapons systems” adopted by the United Nations General Assembly on 22 December 2023. URL: [https://docs-library.unoda.org/General_Assembly_First_Committee_-_Seventy-Ninth_session_\(2024\)/78-241-US-EN.pdf](https://docs-library.unoda.org/General_Assembly_First_Committee_-_Seventy-Ninth_session_(2024)/78-241-US-EN.pdf) (дата обращения: 30.11.2024).

принимающая порой характер «технологического апартеида», правового ответа на который также не выработано. Так, центры научных и технических компетенций расположены в развитых государствах, в них же расположены финансовые центры и центры, через которые происходит управление иными мировыми процессами. Эксперты НИУ ВШЭ подсчитали, что в 2024 г. в мире было 1658 «единорогов» — это компании, достигшие оценки 1 млрд долл. не более чем за 10 лет с момента основания, не выходявшие на IPO и как минимум на 25% сохраняющие собственников-основателей. Такие компании присутствуют в 36 странах, большинство из которых (97%) созданы всего в 15 из них: традиционно рейтинг возглавляют США (781 дорогостоящий стартап), Китай (350), государства ЕС (135), Индия (91), Великобритания (69), Канада (28), Израиль и Сингапур (по 27). Традиционно топ локаций для «единорогов» возглавляют Сан-Франциско (326), Нью-Йорк (147), Пекин (126), Шанхай (71) и Лос-Анджелес (55). В России нет ни одного. В Узбекистане статус «единорога» получила цифровая экосистема Uzum, оцененная инвесторами более чем в 1.1 млрд долл. Одновременно в мире становится больше супердорогих компаний, т.н. гектокорнов стоимостью свыше 100 млрд долл., сейчас их четыре: Reliance Retail из Индии, Ant Group и ByteDance из Китая и SpaceX из США²⁷.

По данным 17-го издания ведущего глобального инновационного индекса (Global Innovation Index (GII)²⁸), учитывающего инновационные показатели 133 стран, а также 100 ведущих научно-технических кластеров мира, в 2023 г. расходы на НИОКР снизились²⁹; количество научных публикаций сократилось на 5% в 2023 г. после роста более чем на 8% в год в 2020 и 2021 гг. и замедления в 2022 г.; а венчурные инвестиции вернулись к уровню, существовавшему до пандемии, в том числе в Африке и Латинской Америке. Отражая ухудшение ситуации с финансированием рисков, стоимость венчурных инвестиций снижается с исключительно высокого уровня 2021 г.: в 2022 г. она упала на 36%, а в 2023 г. еще на 39%. Общий объем

инвестиций в венчурный капитал существенно сократился: с 595 млрд долл. в 2021 г. до 379 млрд долл. в 2022 г., а затем снизился до 228 млрд долл. в 2023 г. Это снижение напоминает финансовый кризис 2009 г. Количество сделок с венчурным капиталом также сократилось на 9.5% в 2023 г.

Рынок венчурных инвестиций в Российской Федерации с 2022 г. сократился почти в 40 раз. Ни одной венчурной сделки между иностранным инвестором и российским стартапом в 2024 г. не зафиксировано. Количество международных патентных заявок, которое оставалось на стабильном уровне с 2021 г., в 2023 г. сократилось на 1.8%, что стало первым подобным снижением с 2009 г. Если ужесточение финансовых условий сохранится, это будет препятствовать необходимым инвестициям в инновации в ближайшей перспективе.

Обращает на себя внимание тенденция к значительному прогрессу в странах с формирующейся рыночной экономикой: Индонезия, Маврикий, Саудовская Аравия, Катар и Бразилия достигли наибольших результатов в ГИ за последние пять лет, а Китай, Индия, Иран, Марокко, Филиппины и Турция — самых высоких показателей за последние 10 лет. Еще 19 стран, главным образом страны Африки к югу от Сахары и Юго-Восточной Азии, опережают своих соседей по уровню развития в области инноваций.

При этом Швейцария, Швеция, США, Сингапур и Великобритания, как и на протяжении последнего десятилетия, лидируют в ГИ-2024. Все пять крупнейших в мире научно-технических кластеров расположены в Восточной Азии; Токио—Иокогама — крупнейший научно-технический кластер в мире, Кембридж — самый интенсивный научно-технический кластер в мире. Лидирует Токио—Иокогама (Япония), за которым следуют Шэньчжэнь—Гонконг—Гуанчжоу (Китай и Гонконг, Китай), Пекин (Китай), Сеул (Южная Корея) и Шанхай—Сучжоу (Китай). Китай второй год подряд лидирует в топ-100 по количеству кластеров (26). За ним следуют Соединенные Штаты с 20 кластерами, затем Германия с восьмью.

На рынке промышленных роботов доминировали пять стран: Китай, Япония, США, Южная Корея и Германия. В совокупности на эти пять стран приходилось 74% оперативного парка роботов в 2022 г.³⁰ В 2022 г. расходы американских компаний на НИОКР превысили 500 млрд евро³¹. Второе

²⁷ См.: Единороги в 2024 году: больше, дороже, умнее. URL: <https://issek.hse.ru/news/951771910.html> (дата обращения: 30.11.2024).

²⁸ См.: Global Innovation Index 2024. URL: <https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/en/> (дата обращения: 30.11.2024).

Глобальный инновационный индекс оценивает человеческий капитал и научные исследования по трем направлениям: образование, высшее образование и НИОКР.

²⁹ Во всем мире расходы на НИОКР корпораций с самыми высокими расходами на НИОКР выросли примерно на 6% в реальном выражении в 2023 г., что ниже долгосрочных темпов роста за последние шесть лет (около 8%), и значительно снизились с пиковых значений в 10–13% в период 2019–2021 гг.

³⁰ См.: Global Innovation Index 2024. URL: <https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/en/> (дата обращения: 30.11.2024).

³¹ The CHIPS (“Creating Helpful Incentives to Produce Semiconductors”) and Science Act — это федеральный Закон США, принятый 117-м Конгрессом Соединенных Штатов и подписанный президентом Джо Байденом 09.08.2022 г. Закон

место занимал Китай с 679 компаниями в рейтинге: объем инвестиций китайских компаний в НИОКР в 2022 г. составил 222 млрд евро. Лидируют в Китае такие крупные компании, как Huawei (20.9 млрд евро), Tencent (8.2 млрд евро) и Alibaba (7.6 млрд евро)³².

Для многих бывших стран «третьего мира» это означает, что они никогда и ни при каких обстоятельствах не попадут, будучи в своих границах и традиционных условиях жизни, в новый мир «потребительского счастья», правопорядка и спокойствия. В настоящее время почти 2 млрд человек существуют менее чем на 3.65 долл. в день, а более 3.5 млрд человек (около половины населения мира) живут за порогом в 6.85 долл.³³ У этих государств нет ни идей для прорыва, ни сил и ресурсов, их население деморализовано к позитивным действиям на фоне диссонанса между своими условиями выживания и достижениями в науке, культуре развитых государств, которые они наблюдают.

Последствиями глобализации стало развитие регионального агломерирования, увеличение значения региональных и локальных экономик, рост региональных кластеров и сетей, усиление региональной специализации. В глобализованном мире все виды экономической активности географически локализованы. Ситуация усугубляется еще и тем, что «сегодня ни один регион мира даже близко не является самодостаточным. Все крупные регионы мира импортируют более 25% хотя бы одного вида важных ресурсов или промышленных товаров. Во многих случаях эта цифра намного выше. Латинская Америка, Африка южнее Сахары, Восточная Европа и Центральная Азия импортируют более 50% необходимой им электроники.

предусматривает выделение примерно 280 млрд долл. нового финансирования для стимулирования внутренних исследований и производства полупроводников в Соединенных Штатах, а также 25%-ные инвестиционные налоговые льготы на затраты на производственное оборудование и 13 млрд долл. на исследования в области полупроводников и обучение персонала. Он также инвестирует 174 млрд долл. в общую экосистему исследований государственного сектора в области науки и техники, развития космических полетов человека, квантовых вычислений, материаловедения, биотехнологий, экспериментальной физики, безопасности исследований. По оценкам аналитиков, к марту 2024 г. Закон стимулировал от 25 до 50 отдельных потенциальных проектов с общим прогнозируемым объемом инвестиций в размере 160–200 млрд долл. и созданием 25 000–45 000 новых рабочих мест.

³² См.: Бональя Д., Ривера Леон Л. (ВОИС), Ниндл Э. (*Объединенный исследовательский центр Европейской комиссии*). В 2022 г. расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) 2500 крупнейших компаний, инвестирующих в НИОКР, превысят 1.3 триллиона евро. 30 апреля 2024 г. URL: <https://www.wipo.int/ru/web/global-innovation-index/w/blogs/2024/r-and-d-spenders> (дата обращения: 30.11.2024).

³³ См.: Global Innovation Index 2024.

Евросоюз — более 50% потребляемых энергоресурсов. Азиатско-Тихоокеанский регион импортирует более 25% энергоресурсов.

В Демократической Республике Конго добывается 69% мирового кобальта, на долю Индонезии приходится 32% мирового производства никеля, а Чили производит 28% мировой меди. На долю полупроводников приходится менее 10% общих объемов торговли, но на долю продукции, которая прямо или косвенно зависит от полупроводников, согласно оценкам, — 65% всего объема товарного экспорта.

На этом фоне только Российская Федерация обладает непревзойденными запасами минерально-сырьевой базы и, что не менее важно, воды. Россия — самое большое по площади государство мира, у нас серьезные территориальные и географические преимущества как «страны, где всегда светит солнце». Например, в российском законодательстве Северный морской путь определен как «исторически сложившаяся национальная единая транспортная коммуникация России в Арктике»³⁴. Расстояние от Санкт-Петербурга до Владивостока по нему составляет свыше 14 тыс. км. Альтернатива Северному морскому пути — транспортные артерии, проходящие через Суэцкий или Панамский каналы. Если расстояние, проходимое судами из порта Мурманска в порт Иокогамы (Япония) через Суэцкий канал, составляет 12 840 морских миль, то Северным морским путем — более чем в два раза меньше. При этом Россия обладает самым мощным флотом для ледовой проводки: в составе национальной группировки сейчас 41 ледокол, в том числе 34 дизель-электрических и семь атомных. Самыми мощными в мире на сегодняшний день являются суда проекта 22220 нового поколения — атомные ледоколы «Арктика», «Урал» и «Сибирь» — 60 МВт каждый. Под техническим наблюдением Российского морского регистра судоходства на российских верфях находятся восемь ледоколов в разной стадии постройки. Среди них заложенный в 2021 г. будущий мировой чемпион — головной сверхмощный атомный ледокол проекта 10510 «Лидер» мощностью 120 МВт. В январе 2024 г. Президент РФ В.В. Путин дал старт строительству универсального атомного ледокола «Ленинград», который станет шестым по счету атомным ледоколом проекта 22220. Растущие мощности ледокольного флота России позволят планомерно

³⁴ См.: Федеральный закон от 31.07.1998 № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации» (ст. 14) // СЗ РФ. 1998. № 31, ст. 3833.

увеличивать транзитный грузопоток по Северному морскому пути (в 2023 г. — 36.254 млн т)³⁵.

Столь же непревзойденна сеть железных дорог Российской Федерации. Транссиб — крупнейшая в мире железнодорожная магистраль, фактическая протяженность которой от Москвы до Владивостока составляет 9288 км, что делает его самым большим инфраструктурным объектом на планете.

Почему это важно помнить? Экономика всегда провоцировала политику к войне. Приведем примеры из истории. Дж. Киган и Э. Уиткрофт в книге «Зоны конфликтов: Атлас будущих войн»³⁶ отметили, что стратегические интересы в Антарктике исходят от двух причин: экономических и стратегических. Она имеет большую экономическую ценность с точки зрения минеральных и нефтяных ресурсов. Стратегические причины проявились во времена холодной войны в виде обеспокоенности о сохранении маршрута через мыс Горн, поскольку американские авианосцы не могли проходить через Панамский канал. Фолклендские острова доминируют в проливе Дрейка, в «участке бурной воды, отделяющего Южную Америку от Антарктики». Противостояние Аргентины и Великобритании за владение островами было малоизвестным фактором Фолклендской войны. С распадом Советского Союза и растущей конкуренции за добычу ископаемого топлива экономическая, а не стратегическая причина станет фактором возникновения войны в XXI в.

Исторически Россия является одной из мировых научных и промышленных держав: отечественные научная и инженерная школы эффективно решали задачи социально-экономического развития и обеспечения безопасности страны, внесли существенный вклад в накопление человечеством научных знаний и создание передовых технологий.

В настоящее время наша страна испытывает беспрецедентное давление со стороны т.н. коллективного Запада. Очевидна деградация многих прежних моделей и инструментов развития, растет число безответственных макроэкономических решений, колоссален объем противоправных односторонних ограничительных мер и недобросовестной конкуренции. В 2024 г. наблюдался существенный рост «вторичных санкций»³⁷: бо-

лее 400 компаний были им подвергнуты за один только год и 744 — за весь период специальной военной операции. 21 ноября 2024 г. США ввели санкции против более 50 российских банков с международными связями, более 40 российских регистраторов ценных бумаг и депозитариев, а также против 15 физических лиц³⁸. В числе попавших под санкции Газпромбанк, через который с весны 2022 г. велись рублевые расчеты за газ с недружественными странами.

Несмотря на незаконное давление со стороны западных стран, у Российской Федерации огромный запас прочности для сохранения и увеличения экономического роста. 4 декабря 2024 г. на инвестиционном форуме «Россия зовет» Президент РФ В.В. Путин заявил, что валовый внутренний продукт России за 10 месяцев текущего года по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. вырос на 4.1%: «Россия объединяет усилия государства, общества и бизнеса в укреплении экономического суверенитета, в достижении технологического лидерства нашей страны, в развитии устойчивой национально ориентированной банковской системы и сильного финансового, фондового рынка». По итогам 2023 г. ВВП России составлял 3.6%³⁹. В июне 2024 г. Президент РФ констатировал, что Россия, согласно оценке Всемирного банка, стала четвертой экономикой в мире по паритету покупательной способности, обогнав Японию. Глава государства подчеркнул, что темпы роста российской экономики превышают среднемировые⁴⁰.

Ответом на возникающие вызовы становятся не только экономические, но и правовые меры. Указами Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»⁴¹; от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»⁴² и от 18 июня 2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий»⁴³ определены: вектор развития страны в русле технологического

³⁵ См.: Ледокольный флот России — самый мощный в мире. 20 февраля 2024. URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/11115> (дата обращения: 30.11.2024).

³⁶ Keegan J., Wheatcroft A. *Zones of Conflict: An Atlas of Future Wars*. New York, 1986.

³⁷ Executive Order on Taking Additional Steps with Respect to the Russian Federation's Harmful Activities. Section 1, subsection (a, b, f). December 22, 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2023/12/22/executive-order-on-taking-additional-steps-with-respect-to-the-russian-federations-harmful-activities/> (дата обращения: 30.11.2024).

³⁸ См.: Russia-related Designations and Updates; Issuance of Russia-related General Licenses and Frequently Asked Questions; Publication of Russia-related OFAC Alert. 21/11/2024. Treasury Sanctions Gazprombank and Takes Additional Steps to Curtail Russia's Use of the International Financial System. URL: <https://ofac.treasury.gov/recent-actions/20241121> (дата обращения: 30.11.2024).

³⁹ См.: URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75751> (дата обращения: 30.11.2024).

⁴⁰ См.: URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/10/2024/6717ac329a79478792f175ec> (дата обращения: 30.11.2024).

⁴¹ См.: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358>

⁴² См.: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542>

⁴³ См.: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50755>

суверенитета с задачей получения конкретных результатов и технологий; национальная цель — «технологическое лидерство, включающее в себя “обеспечение технологической независимости и формирование новых рынков по таким направлениям, как биоэкономика, сбережение здоровья граждан, продовольственная безопасность, беспилотные авиационные системы, средства производства и автоматизации, новые энергетические технологии, новые материалы и химия, транспортная мобильность, перспективные космические технологии и сервисы”»; установлены семь приоритетных направлений научно-технологического развития и 28 важнейших наукоемких технологий (критических и сквозных).

Несмотря на прочность российской экономики, перед ней возникают новые большие вызовы, реагировать на которые должны не только экономисты, но также философы, социологи и, конечно, юристы. К таким острым проблемам можно отнести: а) зависимость страны от иностранных поставок высокотехнологичных ресурсов, что препятствует ведению инновационных разработок; б) неблагоприятный инвестиционный климат, препятствующий привлечению средств венчурными производственными проектами. Как следствие, авторы перспективных разработок активно вытесняются за рубеж, в результате чего эти разработки коммерциализируются в других странах и поступают в Россию уже в виде иностранных продуктов; в) малое количество качественных рабочих мест с высокой оплатой труда, которые порождали бы потребность в систематической автоматизации и роботизации; г) отсутствие программы разработки отечественных электромобилей и необходимой для них инфраструктуры. Проекты в области технологий хранения электроэнергии поддерживаются слабо, а инвестиции в разработку и производство природных ресурсов, в частности лития и водорода, почти не осуществляются; д) высокая себестоимость продукта, обусловленная в том числе высокими требованиями к сертификации рабочих мест; и др.

Первые две из указанных проблем во многом лежат в правовом поле и области менталитета. В стране явно несовершенно законодательство, касающееся регулирования авторских прав, что отчасти обусловлено консервативно-негативным отношением общества к инновациям и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности.

Примеры известны всем нам со школьной скамьи. Например, отцом радио был А.С. Попов⁴⁴, а лавры лауреата Нобелевской премии по физике за 1909 год совместно с Карлом Фердинандом Брауном в знак признания их вклада в развитие

беспроволочной телеграфии достались апологету итальянского фашизма Гульельмо Маркони. Попов считал себя ученым, а вовсе не изобретателем, создающим коммерческий проект. Он не озабочивался тем, чтобы вовремя получить патент на свое изобретение.

В 1920-е годы советские биологи заложили основы школы генетики, а сами они могли стать основателями молекулярной биологии — области знаний, которая изменила биологическую науку и биотехнологии во всем мире. Одна из важнейших научных работ «О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики», указывающая на способ объединения⁴⁵, была написана основоположником современной эволюционной генетики русским ученым С.С. Четвериковым в 1926 г. В 1927 г. биолог Г.Д. Карпеченко впервые в мире вывел гибриды растений, относящихся к разным родам. Концепцию генофонда впервые сформулировал член-корр. АН СССР А.С. Серебровский. Д.Д. Ромашов самостоятельно вывел концепцию генетического сдвига⁴⁶. Уроженец Орловской области Ю.А. Филиппченко ввел в употребление термины «микроэволюция» и «макроэволюция», а также блестяще объединил законы Менделя и теорию эволюции, обеспечив, таким образом, развитие теории современного эволюционного синтеза. Но советским генетикам не удалось сохранить свои новаторские школы. Сегодня мы находимся на пути восстановления утраченного лидерства в области научного сельского хозяйства и биотехнологий.

Даже иностранные исследователи отмечали нашу уникальную способность к изобретательству и столь же удивительное пренебрежение к их внедрению в производство. Так, ведущий зарубежный ученый по истории российской и советской науки Лорен Р. Грэхэм задается вопросом: «Как можно объяснить “русскую” модель, когда впечатляющие технологические изобретения раз за разом наталкиваются на неспособность развить их в качестве инноваций? Мы наблюдали это в военной промышленности...; в железнодорожной промышленности...; в энергетике, когда в 1870-е годы Лондон и Париж были ослеплены “русскими лампами”...; в авиации, где русские еще до Первой мировой войны создали комфортабельный пассажирский самолет; во время индустриализации,

⁴⁵ См.: Четвериков С.С. О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики // Журнал экспериментальной биологии. Сер. А. М.; Л., 1926. Т. 2. Вып. 1. С. 3–54.

⁴⁶ См.: Ромашов Д.Д. Закон расщепления Менделя, как общебиологический закон. Статья. 1939. Открытый архив СО РАН. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu_pavl_634993802223476562_9960 (дата обращения: 30.11.2024).

⁴⁴ См.: Изобретение радио А.С. Поповым: сб. документов и материалов / под ред. А.И. Берга. М.; Л., 1945. С. 15–18.

когда были построены крупнейшие в мире металлургические предприятия и гидроэлектростанции; в биологии, где в 1920-х — начале 1930-х годов русские были лидерами...; в компьютерных технологиях, ведь Россия в числе первых создала одну из самых быстродействующих в мире ЭВМ; в лазерных технологиях, когда русские... получили за них Нобелевские премии; в космической отрасли... Ни в одной другой стране мира подобная модель интеллектуального, творческого превосходства и вместе с тем технологической слабости не проявляется в такой мере, как в России. Это явление мирового значения, которое требует объяснения. Эта модель определяет судьбу России как государства»⁴⁷.

И сам же дает ответ на заданный вопрос: «самый большой недостаток» заключается в том, что предпринимаются попытки «совершенствовать технологию, не меняя при этом общество, в котором технологии должны развиваться. <...> Россия до сих пор не выбралась из своей вековой ловушки повторяющихся циклов модернизации, за которыми следует моральное устаревание»⁴⁸. В качестве вывода он приводит позицию профессора Калифорнийского университета Дэниела Трейсмана: «Для экономического роста важнее всего не то, где впервые появляются новые идеи, а то, где они развиваются. И это зависит не столько от интеллектуальных способностей ученых или объема государственного финансирования научных исследований, сколько от качества бизнес-среды. Отсюда следует простой вывод: даже если у российских ученых есть блестящие идеи, если в стране не будут проведены серьезные реформы экономики..., эти блестящие идеи будут использованы где-то в другом месте»⁴⁹.

Добавим к предложенному западными авторами выводу: понимание данной проблемы в нашей стране имеется, однако предпринимаемые меры, в том числе организационно-правового характера, либо несистемны, либо недостаточны. В приближенной ретроспективе были ликвидированы с передачей компетенций Высший Арбитражный Суд, Федеральная миграционная служба, Федеральная служба кадастра объектов недвижимости, Федеральное агентство по управлению особыми экономическими зонами, которые важны для институциональной защиты инвесторов, ученых

и предпринимателей. Реализованные меры по созданию Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестра) и Суда по интеллектуальным правам также важны и находятся в стадии развития.

Не учитывается опыт законодательной работы времен СССР, когда требовалось экономико-правовое обоснование и «пакетное» внесение законопроекта. В практике Федерального Собрания РФ судьбу законопроекта зачастую решает резолюция «Денег нет». Вместе с тем ежегодный прирост количества новых законодательных и нормативных правовых актов исчисляется тысячами, что никак не способствует стабильности законов. Все это приводит к противоречиям правовых требований, а вслед за ними и контрольно-надзорной деятельности во всех сферах. Острой остается проблема зарегулированности процесса организации государственных и муниципальных закупок, которая в принципе не отвечает современным реалиям экономической жизни нашей страны.

Ученые-правоведы основной упор делают на исследование фрагментарных аспектов проявлений нового промышленного уклада: влиянии искусственного интеллекта на экономические и правовые процессы, внедрении новых технологий в промышленности и производстве, в сфере социальной и межличностной коммуникации, в политической практике. Серьезной угрозой национальной безопасности становятся не получившие комплексного криминологического осмысления криминальные проявления смены технологической формации.

За 2023 год объем операций, совершенных без согласия граждан, составил 15.3 млрд руб. За девять месяцев 2024 г. аналогичный показатель уже достиг 17.8 млрд руб. При этом доля средств, возмещенных банками клиентам, пострадавшим от мошенничества, в третьем квартале составила лишь 11.9%, хотя это примерно вдвое выше уровня второго квартала (6.1%) и среднего значения за 2023 г. (9.7%). Объем предотвращенных мошеннических операций увеличился более чем в два раза, до 4.9 трлн руб. Больше половины мошеннических хищений (54.4%) в третьем квартале 2024 г. были реализованы с карт граждан — всего 189.3 тыс. случаев с ущербом на 2.2 млрд руб. Резко выросло (на 85.6% в количественном выражении, а в денежном — почти в четыре раза) число краж по каналу дистанционного банковского обслуживания или посредством переводов. Более чем на треть (+36.9%) увеличились хищения денег с использованием функционала Системы быстрых платежей (СБП), т.е. переводов по номеру телефона — с 44.7 тыс. во втором квартале до 61.1 тыс. в третьем. Объем таких

⁴⁷ Грэхэм Л. Р. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М., 2014.

⁴⁸ Graham L. Why Does Russia Have So Much Trouble Modernizing? URL: https://eusp.org/sites/default/files/archive/centres/sts/Loran_Graham_text.pdf?ysclid=m59dvb20pi780540436 (дата обращения: 30.11.2024).

⁴⁹ Treisman D. Russia's Tom Sawyer Strategy // IWM post. Vol. 106 (January–March 2011). P. 14.

сомнительных операций подскочил почти вдвое — до 2.8 млрд руб.⁵⁰

В 2024 г. Роскомнадзор зафиксировал 135 случаев распространения в Интернете баз данных, содержащих более 710 млн записей. В декабре глава ведомства А. Липов сообщил, что в 2024 г. совместная работа Роскомнадзора с операторами связи позволила сократить в шесть раз количество абонентов, имеющих более тысячи симок, и напомнил, что с 2025 г. россияне смогут оформить не более 20 сим-карт, иностранцы — не более 10. Он также отметил, что принятые в России новые меры ответственности будут побуждать компании серьезнее относиться к защите персональных данных⁵¹.

Статистические данные свидетельствуют, что 22% крупных компаний хотя бы раз сталкивались с киберугрозами, которые привели к утечке данных. Чаще всего компании подвергались заражению вредоносным ПО (76%), несанкционированному доступу к информации (73%), DDoS-атакам (62%), фишингу (42%). Среди других киберугроз — компрометация учетных записей (37%), шифровальщики (37%), эксплуатация уязвимостей (25%), подбор паролей (32%), действия инсайдеров (16%) и подмена интерфейсов (дефейс) (7%). 54% инцидентов, связанных с кибербезопасностью, происходило по вине внешних нарушителей, 30% — по внутренним причинам, еще 15% — по неустановленным. При этом лишь у 40% крупных компаний есть собственный отдел информационной безопасности, а 83% видят решением проблемы переход на SOC (Security Operation Center, Центр мониторинга кибербезопасности)⁵².

Другой важной проблемой является происходящая деформация рынка труда, чутко реагирующего на структурные изменения в экономике: о кадровом голоде говорит практически каждая пятая технологическая компания в стране, при этом ощущается как общая нехватка рабочих рук, инженерных, медицинских, педагогических и научных кадров, так и раздутие сферы услуг, перетекание в нее молодых и физически здоровых мужчин на фоне сокращения рождаемости и миграционного притока.

Государство предпринимало нормативные действия по изменению указанных проблем: 2024 год был отмечен борьбой за рождаемость,

запретом пропаганды чайдффри, введением штрафов за склонение к абортam. Пока нереализованными остались предложения по соотносению пенсий с количеством детей, а также утверждению выплат студенческим семьям.

Эффективность указанных мер еще только предстоит оценить, однако в 2024 г. число смертей на 5% больше, чем в 2023 г. В абсолютном выражении это 1 840 000—1 850 000 человек. Для сравнения: в 2023 г. умерло порядка 1 764 618 человек, т.е. число выросло на 80—85 тыс. Согласно статистическим данным, в 2023 г. число трудовых мигрантов на российском рынке составило около 3.5 млн человек, а из всех стран мира, в первую очередь из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии, в Россию прибыло и зарегистрировалось в паспортных столах 560 000 человек, выбыло 450 000. Для сравнения: в 2019 г., последнем доковидном году, в страну прибыла 701 000 человек, а уехало 416 000.

При этом в России самая высокая зарплата у мигрантов-курьеров: 150 тыс. руб. в месяц предлагают компании — поставщики услуг населению. К ноябрю 2024 г. они получали больше российских врачей (88.4 тыс. руб.), учителей (47 тыс. руб.), а также IT-специалистов (114.2 тыс. руб.). Кроме того, по уровню оплаты труда доставщики превзошли менеджеров по логистике и ВЭД (79.5 тыс. руб.), дизайнеров (70 тыс. руб.), бухгалтеров (62.3 тыс. руб.) и журналистов (50.4 тыс. руб.).

Директор департамента развития внутренней торговли Минпромторга Н.В. Кузнецов заявил, что сервисы доставки оттягивают из важных секторов экономики не менее 1.5 млн здоровых и физически сильных людей, при этом сами ничего не производят и убыточны. По его словам, они отучили «значительную часть потребителей... от банального навыка просто ходить по магазинам. <...> То есть убыточные сервисы оттягивают из других, в том числе производственных, секторов экономики столь дефицитный ресурс, как трудовые силы»⁵³.

Это серьезный вызов. Культурные акценты переориентируются с производства на потребление, и эта переориентация, нарушение баланса между потреблением и производством накладывают глубокий отпечаток на многие стороны человеческого бытия. Потребление смещает труд и трудовую этику как основные факторы социализации, культуры и мотивации, а также функционирования социально-властной системы. Уклонение от труда порицалось, а тунеядство входило в сферу уголовно-правового регулирования. Сегодня личная идентичность теряет связь с трудом и ролью человека в национальном производстве. Потребительство — это

⁵⁰ См.: Обзор отчетности об инцидентах информационной безопасности при переводе денежных средств. III квартал 2024 года. 9 декабря 2024 года. Центральный банк России. URL: https://cbr.ru/statistics/ib/review_3q_2024/ (дата обращения: 30.11.2024).

⁵¹ См.: Роскомнадзор зафиксировал более 710 миллионов утекших записей о россиянах [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://ria.ru/20250116/roskomnadzor-1993941562.html>

⁵² См.: URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/17/12/2024/6760f3739a794711492f0b03 (дата обращения: 30.11.2024).

⁵³ URL: <https://www.rbc.ru/society/06/12/2024/675258da9a79470b0302455> (дата обращения: 30.11.2024).

социокультурная система, где социальная идентификация построена не в сфере труда и производства, а вне работы — прежде всего в развлечениях, и в первую очередь в показных, демонстративных развлечениях. Теперь классификационным первенством обладает стиль жизни, на который указывают тело, одежда, машина, место отдыха и т.д.

Вице-премьер Т.А. Голикова оценивала совокупный дефицит кадров в России к 2030 г. в 2 млн человек⁵⁴. Министр труда и социальной защиты А.О. Котяков утверждал, что этот показатель составит не менее 2.4 млн человек⁵⁵. Вице-премьер А.В. Новак заявил, что дефицит высококвалифицированных кадров в России составляет около 1.5 млн человек⁵⁶. По словам главы Центробанка Э.С. Набиуллиной, нехватка рабочей силы служит главной проблемой экономики России. В ней практически не осталось рабочих рук, о чем свидетельствуют низкие показатели безработицы⁵⁷ — 2.3%, или 1 млн 753 тыс. человек в абсолютных цифрах, что стало самым низким показателем за всю историю наблюдения⁵⁸. К числу отраслей, где ситуация наиболее острая, глава Банка России относил машиностроение и химическую промышленность⁵⁹.

В феврале 2023 г. Н.П. Патрушев, выступая на совещании по подготовке специалистов авиационной промышленности в Рыбинске, подчеркнул, что только авиационной промышленности не хватает более 14 тыс. инженеров и конструкторов⁶⁰.

Глава сервиса по подбору сотрудников SuperJob А. Захаров считает, что «рынок труда у нас

разбалансирован в результате сомнительного государственного регулирования в первую очередь. <...> Нам необходимо перераспределить людей по секторам экономики. <...> Нужно будет поменять налоговое законодательство, полностью закрыть тему самозанятости. Сейчас налоговые льготы в сфере услуг при найме самозанятых — примерно 3 трлн руб. в год., сфера услуг имеет такие налоговые преференции, которые IT-отрасли и не снились... Но нужно понимать, что ни за год, ни за два, ни за пять мы не сможем “перераспределить” 10 млн человек. Система, которая строилась 15 лет, за год не перестроится»⁶¹.

Усугубляет ситуацию увеличение числа лиц, занятых в неформальном секторе. По данным Росстата, в третьем квартале 2024 г. их число достигло 15.837 млн человек, или 21.3% от уровня всей занятости. Это максимум среди всех кварталов с 2016 г. как по абсолютной численности, так и по доле в общей занятости (в третьем квартале 2016 г. показатели были выше — 16.3 млн и 22.3%)⁶². На рынке присутствует практика серого «аутстаффинга» — наем работников через посредников (в том числе через платформы), без зачисления в штат. Небывалый рост численности занятых в неформальном секторе экономики позволяет признать, что существует реальная угроза экономической безопасности⁶³. На наш взгляд, необходимо законодательно определить понятия теневой и платформенной занятости, а также создать и вести общедоступный реестр работодателей, у которых были обнаружены факты нелегальной занятости.

Не содействует экономическому росту и научно-технологическому развитию текущая кредитно-денежная политика. В октябре 2024 г. Банк России повысил ключевую ставку до 21%, это рекордный уровень в истории современной

⁵⁴ См.: Голикова заявила, что к 2030 году в России может не хватать 2 млн специалистов. URL: <https://rg.ru/2023/11/28/golikova-zaiavila-chto-k-2030-godu-v-rossii-mozhet-ne-hvatat-2-mln-specialistov.html> (дата обращения: 30.11.2024).

⁵⁵ См.: Депутаты обсудили с Правительством роль системы среднего профессионального образования в кадровом обеспечении отраслей производства. URL: <http://duma.gov.ru/news/60466/> (дата обращения: 30.11.2024).

⁵⁶ См.: Дефицит квалифицированных кадров в России достиг 1,5 млн человек. URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/12/2024/67596ef49a79474844647e79> (дата обращения: 30.11.2024).

⁵⁷ См.: Набиуллина назвала основную проблему экономики России. URL: <https://www.rbc.ru/economics/09/11/2023/654c8ef89a7947166afec281> (дата обращения: 30.11.2024).

⁵⁸ См.: Безработица в РФ в октябре обновила исторический минимум. Показатель опустился до 2.3%. URL: <https://www.interfax.ru/russia/994772> (дата обращения: 30.11.2024).

⁵⁹ См.: Макроэкономический опрос Банка России: декабрь 2024 года. URL: https://cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/ (дата обращения: 30.11.2024); В ЦБ не видят, откуда в экономике могут появиться новые рабочие руки. URL: <https://www.interfax.ru/business/996293> (дата обращения: 11.12.2024).

⁶⁰ См.: Секретарь Совбеза России заявил о нехватке тысяч инженеров и конструкторов в авиационной отрасли // Военное обозрение. 3 февраля 2023. URL: <https://topwar.ru/210186-sekretar-sovbeza-rossii-zajavil-o-nehvatke-tysjach-inzhenerov-i-konstruktorov-v-aviacionnoj-otrasli.html> (дата обращения: 30.11.2024).

⁶¹ «У нас дефицит в 500 тыс. учителей. Зато пицца приезжает за 15 минут». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7380789> (дата обращения: 30.11.2024).

⁶² См.: URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2024/12/05/674ef2b19a794766c71facdc?ysclid=m4d57bt2cd941364577> (дата обращения: 30.11.2024).

⁶³ По регионам неформальная занятость в третьем квартале 2024 г. выросла больше всего по сравнению с тем же кварталом 2023 г. в Москве (+156%, или +678 тыс. человек), на Чукотке (+108%, или +0,8 тыс.), в Севастополе (+45%, или +23 тыс.), Санкт-Петербурге (+44%, или +104 тыс.), Забайкальском крае (+36%, или +30 тыс.), а сократилась она больше всего в Хакасии (–32%, или –24 тыс. человек), Пензенской области (–23%, или –41 тыс.), Хабаровском крае (–21%, или –25 тыс.).

Что касается секторов в экономике, где наиболее распространена неформальная занятость, то лидерами традиционно являются сферы торговли и авторемонта — более 3.9 млн неформально занятых в 2023 г. На втором месте — сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство, там на конец 2023 г. трудились 2 млн неформально занятых. Также высокая неформальная занятость в сфере транспортировки и хранения (1.4 млн человек на конец 2023 г.), в строительстве и обрабатывающем производстве (по 1.3 млн человек на конец 2023 г.).

России. Физические и юридические лица понесли деньги в банки. К 1 октября 2024 г. юридические лица хранили на банковских счетах и депозитах 57.207 трлн руб., физические — 52.007 трлн руб.⁶⁴ Процентные платежи по этим средствам приближаются к 20 трлн руб., что больше, чем общая капитализация трех крупнейших публичных компаний в России — Сбербанк, «Роснефти» и ЛУКОЙЛ (14.8 трлн руб. на все три компании). Такими процентными доходами можно существенно увеличить капитализацию фондового рынка, но граждане предпочитают этого не делать. Жизнь рантье становится реальностью.

Основная доля активов населения (58.8%) размещена в банках в России и за рубежом на депозитах, еще 13.5%, или 14.39 трлн руб., приходится на вложения в акции и паи, в том числе иностранных фондов. 8.3% «портфеля» домохозяйств — наличная иностранная валюта (8.78 трлн руб.), а 4% (4.22 трлн руб.) вложено в облигации. Доля розничных инвесторов в IPO 2023 г. составила 73%, 2024 г. — 55%. Таким образом, в промышленность вкладывается ничтожно мало.

Вышеизложенные проблемы представлены в настоящем исследовании контурно, однако целью подобного анализа является демонстрация того, что проблемы аксиологического характера при всех изменениях научно-технологического уклада должны находиться и находятся в центре внимания государства и общества и должны быть принципиальным ориентиром в целевых индикаторах текущего и перспективного развития, о чем свидетельствуют внесенные в 2020 г. поправки в Конституцию РФ. В этой связи Председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко и сенатор А.А. Клишас справедливо обращают внимание на то, что эффективный ответ на технологические вызовы может быть дан прежде всего в конституционно-правовом поле.

Для сферы общественных наук представляется перспективным и значимым эксплицитное включение вопросов промышленно-технологических и прочих научно-технологических изменений в предметное поле критических исследований. Необходимо реалистически, в том числе в философском ключе, смотреть на происходящие изменения не как на нечто само собой разумеющееся, а как на процесс, который оценивается и рассматривается не как результат, а как средство и условие для культурно-цивилизационного развития общества, реальное средство для обеспечения высоких

и гарантированных стандартов благосостояния и социального благополучия. Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин подчеркивает, что опасность исходит не от технологий, а от человека, который управляет технологиями.

В юридических науках результаты научно-технического прогресса в целом, сопряженные с этим технологические угрозы и социогуманитарные вызовы, осмысливаются пока фрагментарно, как набор частных проблем отдельных отраслевых наук, которые, судя по всему, стремятся адаптироваться к темпам изменений и предложить общее включение в обсуждение вопросов. В регулировании искусственного интеллекта на примере опыта стран Западной Европы и США наблюдаются в основном рамочные решения, которые скорее декларируют готовность отвечать на имеющиеся вызовы, но сами решения пока выработываются явно с трудом.

Г.А. Киссинджер, бывший генеральный директор Google Э. Шмидт и главный специалист по исследованиям и стратегическому планированию в компании Microsoft К. Манди в статье «Искусственный интеллект может спасти человечество — или покончить с ним. Эпоха Homo technicus может привести к глубокому интеллектуальному прогрессу и решению наших самых серьезных проблем. Но сначала мы должны убедиться, что он нас не убьет»⁶⁵ считают, «что если человечество хочет использовать потенциал искусственного интеллекта и при этом управлять сопутствующими рисками, то в этом случае оно обязано действовать уже сейчас. При появлении новых модификаций ИИ, которые станут работать с фантастической скоростью, традиционные меры регулирования окажутся бесполезными. <...> В каждую ИИ-систему необходимо будет внедрить механизм обеспечения безопасности. Кроме того, отдельные страны и международные организации должны сформировать новые политические структуры для мониторинга ИИ-систем и наложения на них ограничений. С этой целью необходимо гарантировать, что действия ИИ не противоречат человеческим ценностям.

Однако более действенными, нежели любые ограничительные правила, невыполнение которых влечет за собой наказание, являются фундаментальные, подсознательные и универсальные человеческие представления. Для обозначения этих основ французский социолог Пьер Бурдьё (Pierre

⁶⁴ См.: О развитии банковского сектора Российской Федерации в сентябре 2024. Информационно-аналитический материал. Банк России. Октябрь 2024. С. 7, 8, 14 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/50763/razv_bs_24_09.pdf

⁶⁵ Kissinger H.A., Schmidt E., Mundie C. AI Can Save Humanity — Or End It. The age of Homo technicus could generate profound intellectual advances and solutions to our gravest problems. But first we need to ensure that it doesn't kill us off. The Atlantic. November 12, 2024. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2024/11/ai-genesis-excerpt-kissinger-schmidt-mundie/680619/> (дата обращения: 30.11.2024).

Bourdieu) ввел понятие “докса” (от греческого “*doxa*” — “общепринятые убеждения”); докса — это набор норм, институтов, стимулов, а также механизмов поощрения и наказания, которые в значительной степени пересекаются и, если их воспринимать в совокупности, в неявном виде учат отличать добро от зла, правильное от неправильного⁶⁶. Докса представляет собой кодекс человеческой истины, сформированный посредством наблюдений, которые осуществлялись на протяжении всей жизни. Несмотря на тот факт, что некоторые из этих истин характерны для определенных обществ или культур, совпадение фундаментальных принципов человеческой морали и поведения все равно значительное.

Однако кодекс на основе доксы не может быть сформулирован человеком, а тем более переведен в формат, который могли бы понять компьютеры. Компьютер должен быть обучен так, чтобы он выполнял эту работу самостоятельно — машина должна научиться действовать, вырабатывая собственное понимание человеческого поведения и соответствующим образом модифицировать принципы своего функционирования.

Конечно, машинное обучение не должно основываться исключительно на доксе. Скорее даже искусственному интеллекту следовало бы перейти к усвоению целой иерархии правил, начиная от международных соглашений и вплоть до национального законодательства, местных законов, общественных норм и так далее. В любой конкретной

ситуации ИИ будет консультироваться с каждым слоем этой иерархии, переходя от абстрактных предписаний, определенных людьми, к фиксированному, хотя и нечеткому, восприятию информации о мире, которую он смог усвоить. И только в том случае, когда ИИ исчерпает всю эту программу и не сможет найти ни одного закона, который бы содержал разрешений или запретов в отношении тех или иных ситуаций, ему следует обратиться к тем выводам, которые он сделал в прошлом на основе своего собственного анализа подающихся наблюдению человеческих действий. Таким образом, он будет функционировать, опираясь на человеческие ценности, даже в тех случаях, когда какие-либо писанные законы и нормы вообще отсутствуют»⁶⁷.

Основная трудность как раз состоит в том, что нет общего понимания категории «человеческие ценности». Если же не будет достигнуто единодушие в вопросе, что такое человек, то в этом случае мы поручим решение этой фундаментальной задачи (т.е. определения наших ценностей и тем самым оправдания нашего, человеческого, существования) искусственному интеллекту, а это рискованно. Достижение согласия по вопросу о понимании того, какой смысл вкладывается в понятие ценностей, а также в вопросе о том, как именно ими следует оперировать на практике, — это философская, дипломатическая и юридическая задача нынешнего века.

Пока человечество делает первые шаги в решении этой новой проблемы современного технологического уклада. В частности, Европейский парламент принял Закон об искусственном интеллекте⁶⁸ — первую в мире всеобъемлющую правовую базу в области ИИ, — масштабный пакет мер, направленный на защиту потребителей от потенциально опасных применений искусственного интеллекта. Правительственные чиновники приняли этот шаг на фоне опасений, что недавние достижения в области технологий могут быть использованы в неблагоприятных целях, что приведет к слежке, дискриминации, управляемой алгоритмами, и распространению дезинформации. С одной стороны, декларируется содействие внедрению искусственного интеллекта, ориентированного на человека и заслуживающего доверия, и обеспечение высокого уровня защиты здоровья, безопасности, основных прав, демократии и верховенства

⁶⁶ Основываясь на теориях Карла Маркса, Зигмунда Фрейда, Макса Вебера, Эмиля Дюркгейма, Клода Леви-Стросса, Эрвина Пановски, Марселя Мосса и др., а также подвергая их критике, в своих исследованиях он впервые использовал новые исследовательские рамки и методы и ввел такие влиятельные концепции, как культурные, социальные и символические формы капитала (в отличие от традиционных экономических форм капитала), культурное воспроизводство, габитус, поле деятельности или местоположение и символическое насилие. Еще одним заметным влиянием был Блез Паскаль, в честь которого он назвал свои «Паскалевские размышления».

Следуя пониманию Дюркгейма, Бурдьё считал, что социология культуры — это социология религии нашего времени. Раннее использование гуссерлевской концепции «доксы» в его работах можно рассматривать как непосредственно связанное с этим подходом. Докса имеет ряд родственных значений и типов понимания в работах Бурдьё, но в широком смысле это понятие относится к неправильному пониманию форм социального произвола, которое порождает неформализованное, недискурсивное, но усвоенное и практическое признание того же социального произвола. Это способствует его воспроизводству в социальных институтах, структурах и отношениях, а также в сознании и умах, ожиданиях и поведении.

В своих работах Пьер Бурдьё подчеркивал, что социальные классы, особенно правящие и интеллектуальные, сохраняют свои социальные привилегии на протяжении поколений, несмотря на миф о том, что современное постиндустриальное общество может похвастаться равенством возможностей и высокой социальной мобильностью, достигаемыми благодаря формальному образованию.

⁶⁷ Kissinger H.A., Schmidt E., Mundie C. Op. cit.

⁶⁸ См.: Document 32024R1689. Regulations (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) (Text with EEA relevance). URL: <http://data.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj>

права, а также окружающей среды от вредного воздействия систем искусственного интеллекта при одновременном поощрении инноваций и улучшении функционирования единого рынка. С другой стороны, этот Закон используется в идеологических целях, поскольку отдельным странам ЕС рекомендуется не принимать самостоятельных актов, что могло бы привести к фрагментации единого рынка и подорвать правовую определенность участников, разрабатывающих или использующих системы ИИ. При этом в США по-прежнему только обсуждается возможность такого закона.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 11 марта 2024 г. А/78/L.49 «Использование возможностей безопасных, защищенных и заслуживающих доверия систем искусственного интеллекта для устойчивого развития» призывает «разрабатывать и поддерживать нормативно-правовые и организационно-управленческие подходы и рамки, относящиеся к системам искусственного интеллекта и создающие благоприятную экосистему на всех уровнях». Эта резолюция призвана содействовать разработке, внедрению и раскрытию механизмов мониторинга рисков и управления ими, механизмов защиты данных, включая защиту персональных данных и политику конфиденциальности, а также в соответствующих случаях оценки воздействия на протяжении всего жизненного цикла систем искусственного интеллекта. Предложение о ее принятии было инициировано Соединенными Штатами Америки и получило поддержку Китая и 121 государства. Инициатива объединяет ряд усилий правительств всего мира по влиянию на траекторию развития ИИ после запуска ChatGPT и GPT-4.

Новое соглашение ООН, возможно, — первое «глобальное» соглашение в смысле участия каждой страны ООН, однако не первый межгосударственный акт в данной сфере. Так, на протяжении десятилетия были подписаны важные документы в рамках БРИКС. 23 августа 2023 г. Председатель КНР Си Цзиньпин призвал БРИКС сформировать общую структуру управления ИИ в рамках БРИКС. В настоящий момент нет официальных подробностей по структуре и функциям новой рабочей группы БРИКС, тем не менее работа по институционализации сотрудничества стран БРИКС продолжается уже больше восьми лет. В 2021 г. по поручению Президента РФ велась работа по разработке декларации сотрудничества стран БРИКС в сфере ИИ для вынесения данного вопроса в повестку дня саммита БРИКС в 2021–2022 гг.

Разработка этических документов по правилам применения ИИ является ключевым трендом их регулирования. Одним из первых таких документов стал акт, разработанный А.В. Незнамовым

и В.Б. Наумовым (сотрудниками Института государства и права РАН), — «Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте. Правила создания и использования роботов и искусственного интеллекта. Версия 1.0».

На саммите будущего, который проходил в Нью-Йорке 22–23 сентября 2024 г., как одно из приложений к Пакту будущего⁶⁹ государства — члены ООН приняли Глобальный цифровой договор (ГЦД)⁷⁰, который уравнивает роль государств, гражданского общества и бизнеса, а также акцентирует правочеловеческий и гендерный нарратив в западной трактовке⁷¹, прежде всего усиливает глобальный Север, который лидирует в указанных областях. В поддержку ГЦД проголосовало 143 государства. В настоящее время техническое управление инфраструктурой Интернета осуществляет зарегистрированная в США дочерняя структура ICANN Public Technical Identifiers (PTI), что дает Вашингтону возможность влиять на значимые политические и экономические решения, связанные с управлением Интернетом, прежде всего управлением системой доменных имен и распределением блоков IP-адресов. Россия последовательно исходит из необходимости адаптировать ООН к современным реалиям многополярного мира, в том числе в цифровом пространстве. Для глобального Юга приоритетным представляется акцент на цифровом суверенитете и преодолении цифрового разрыва, борьбе с цифровым неокOLONIALИЗМОМ и неокOLONIALИЗМОМ данных, что позволит сделать цифровое пространство подлинно инклюзивным. Россия не поддержала ГЦД.

ГЦД затрагивает вопросы управления Интернетом, преодоления цифрового разрыва, выработки международных правил для платформ социальных сетей и регулирования искусственного интеллекта и ряд других смежных вопросов. Цифровое сотрудничество должно быть закреплено в правах человека и в международном праве. Правительства, технологические гиганты и соцсети должны сделать онлайн-пространство безопасным для всех, в том числе для детей, женщин и социально незащищенных групп. Именно в этом Российская Федерация видит ключевую роль данного документа.

Как уже указывалось, социальные сети стали местом притяжения негатива, лжи, дезинформации. Такие понятия, как патриотизм, сотрудничество, развитие страны, духовно-нравственные

⁶⁹ См.: Пакт во имя будущего. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 22.09.2024 г. А/RES/79/1.

⁷⁰ См.: Глобальный цифровой договор. 22.09.2024. А/RES/79/1. С. 48/74–68/74.

⁷¹ В тексте Пакта во имя будущего слово «гендер» встречается 35 раз, в то время как «суверенитет» — всего четыре раза, «вмешательство» — один раз.

ценности задвигаются в информационной повестке, высмеиваются. Сознание людей деформируется информационными технологиями. У людей возникают сложности с выбором правильных ориентиров, соотносящихся с морально-нравственными нормами общества и ценностными установками самой личности. Новым полем битвы становится когнитивная сфера, а новым конфликтом станет более масштабная борьба за власть; соревнование за когнитивное превосходство. Когнитивная война теперь рассматривается в НАТО как самостоятельный театр военных действий.

Современные технологии информационно-коммуникационного воздействия, сама глобальная информационно-коммуникационная инфраструктура, управляемая англосаксонскими бенефициарами, позволяют не просто осуществлять традиционное воздействие на массовое сознание, но, агрессивно проникая через границы национальных информационных пространств, активно осуществлять сбор пользовательских данных, выступающих сегодня новым ресурсом цифрового надзорного капитализма для адаптации информационно-коммуникационной деятельности к особенностям отдельных групп населения государств и индивидов. Такого рода адаптивный потенциал позволяет эффективно воздействовать на традиционное миропонимание и мировоззренческие системы, трансформируя и разрушая казавшиеся незыблемыми ценности, смыслы, символы, представления в интересах глобальных геополитических акторов. При этом переход к цифровому точечному таргетированию информационно-коммуникационного воздействия позволяет ослаблять геополитических соперников, внося в их общественные системы дополнительное разнообразие на мировоззренческом уровне, что в соответствии с законом У.Р. Эшби⁷² существенным образом снижает способность «сопротивляющихся» государств осуществлять эффективное управление на национальном уровне, поддерживать внутри собственной системы порядок, стабильность, согласие и консолидацию на основе общих ценностей, смыслов, символов, представлений. Применение технологий Big Data уже сегодня позволяет формировать индивидуальные мировоззренческие модели, порождая тем самым ценностно-смысловой конфликт на основе фрагментации мировоззрения среди различных групп населения стран-мишеней по принципу «разделяй и властвуй».

В подобных условиях особую актуальность приобретает национальный информационный и технологический суверенитет государств, способных противостоять реализации подобного сценария.

Эффективная защита и сохранение собственных систем мировоззрения становятся для современных независимых государств критическим вызовом⁷³.

Юридическая наука, как и общественные науки в целом, должны быть готовы к коренному перелому хозяйственной системы, к необходимости базисных трансформаций.

В настоящее время как раз одной из насущных задач в обеспечении политико-правового развития общества, с учетом объективно формирующейся архитектуры многополярного мира, является создание нового качества политико-правовых знаний, опирающихся на лучшие достижения предшественников, но способных все же фиксировать и разъяснять те проблемы, которые возникают на данном этапе. А таких проблем существует немало, и они зачастую не могут быть надлежащим образом проанализированы без учета их сложного и комплексного характера, современной динамики правового развития.

Отечественными учеными были сделаны важнейшие шаги на пути разработки ключевых проблем понимания сущности и назначения государства, его структурных и функциональных характеристик, но сегодня нужна полноценная и комплексная разработка вопросов реального функционирования государства, его принципиальной роли в условиях новой научно-технологической архитектуры национальной и мировой хозяйственно-экономической систем. Это одна из профильных познавательных и практических задач современной концепции государственоведения и государственного права.

Вопросы государственоведения на современном этапе научно-технологического и промышленного развития имеют совершенно определенную специфику, без учета которой невозможно преодоление тех трудностей и проблем, которые сдерживают государственное строительство, обеспечение конституционных целей развития. В этой связи необходимо отметить несколько важных моментов:

⁷³ См.: *Butler S.* The Notebooks of Samuel Butler. Auckland, 2011. URL: <https://archive.org/stream/cu31924013448299#page/n1/mode/2up> (дата обращения: 30.11.2024); *Chomsky N.* Necessary Illusions, Thought Control International Democratic Societies. Boston, 1990. URL: <http://vho.org/aaargh/fran/livres5/ILLUSNS.PDF> (дата обращения: 30.11.2024); *Lazarsfeld P., Merlon R.* Mass Communication, popular taste and organized social action. In: Bryson (ed.) The Communication of Ideas. NY, 1948; *Naughton J.* The goal is to 'automate us': welcome to the age of surveillance capitalism. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2019/jan/20/shoshana-zuboff-age-of-surveillance-capitalism-google-facebook> (дата обращения: 30.11.2024); *Naughton J.* The Social Dilemma: a wake-up call for a world drunk on dopamine? URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/sep/19/the-social-dilemma-a-wake-up-call-for-a-world-drunk-on-dopamine> (дата обращения: 30.11.2024).

⁷² См.: *Ashby W.R.* Introduction to Cybernetics. Chapman & Hall, 1956.

государствоведение как область юридических знаний давно оказалось в положении отстаивания права на свою самостоятельность, так как схожей проблематикой занимаются и некоторые другие общественно-политические дисциплины. Предметная и методологическая специфика далеко не всегда отчетливо просматривается, а междисциплинарные границы размываются в стремлениях нарастить определенные объемы количественно новых знаний. В результате дисциплинарный лексикон, например, юриспруденции и политологии часто перекликается, но сопровождается какими-то оттеночными пояснениями. Недостатки и уязвимости в юридической теории государства, которая имеет глубочайшие традиции, усиливаются при некритическом замещении их политологическими знаниями, которые могут использоваться лишь как вспомогательный ресурс. В итоге возникает новая проблема;

проблематика государствоведения поглощается конституционализмом, который даже по своей терминологической форме скорее напоминает область политической социологии.

В Германии, России, во Франции еще в XIX в. сформировались прочные основы государственного права. Были разные трактовки и интерпретации, типологические разъяснения, попытки сформировать адекватный именно государственному праву понятийный аппарат⁷⁴. В дальнейшем государственно-правовое направление стало, особенно в западной литературе, активно разбавляться идеями и объяснительными приемами политической социологии, трансформировавшейся в политологию. Однако при всей важности социолого-политологического ракурса проблемы государства как фундаментальной структуры организации и управления общественными процессами никуда не исчезли. Теория государства — это нормативно-критическая наука, в основе которой лежит прежде всего юридический компонент;

в настоящее время нужна другая концепция понимания государственного права, которая отчасти воспроизводит и обобщает наработки предшествующих подходов к нему. Государственное право не стремится к тому, чтобы заменить конституционное право с его комплексом предметных и методологических характеристик. Оно лишь фиксирует и комплексно разрабатывает проблематику роли и назначения государства, стремится сформировать уточненный и современный понятийный словарь государственно-правового профиля, не копирующий частнопроводные понятия,

политологические характеристики. В правовой жизни регулярно появляются новые элементы и задачи, которые требуют специального внимания со стороны государственного права. В решении задач эффективного регулирования экономического развития возрастающее значение приобретают доктринальные акты — Стратегии, Концепции, которые нередко становятся значительно более важным регулятором, чем традиционные правовые предписания и нормы. При этом сложившиеся представления об источниках права, отраслевой структуре правовой системы не позволяют исчерпывающим образом объяснить и учесть природу и характер соответствующих регуляторов. Для этого используются часто заменители в виде таких конструктов, как доктринальные акты, «мягкое право». Но это лишь симптоматичные ответы, которые вовсе не дотягивают до уровня концептуального анализа;

правовое развитие требует стабильности и определенности, особенно в условиях современного научно-технологического уклада, в связи с темпами и задачами экономического развития, но в этой области существуют пробелы системного характера. Одним из таких чувствительных вопросов может быть совершенствование природы и назначение федеральных конституционных законов. Они принимаются крайне редко, несмотря на то что призваны служить непосредственным системным регулятором в решении фундаментальных конституционных вопросов⁷⁵. В советское время был накоплен значительный опыт использования такой конституирующей общезначимые системные вопросы правового регулирования конструкции, как Основы законодательства Союза ССР и союзных республик. Этот опыт в значительной мере в созвучии с ролью федеральных конституционных законов может быть переосмыслен, и лучшие его элементы, возможно, станут серьезным подспорьем в разработке принципов и инструментов системного регулирования различных сфер жизни общества. Иначе в не поддающемся часто никакому разумному прогнозированию потоке законодательных

⁷⁴ Андреевский, 1866; Блюнчли, 1865; Градовский, 1883; Кистяковский, 1915; Коркунов, 1892–1893; Лазаревский, 1908; Лазаревский, 1910; Гессен, 1911; Ивановский, 1913; Кокошкин, 1908; Корф, 1915; Нольде, 1911; Шаллад, 1908.

⁷⁵ Всего в России принято 174 федеральных конституционных закона, из них действующих — 153, утративших силу или отмененных — 21. Последний на данный момент Федеральный конституционный закон принят 23.03.2024 г.; первый — 21.07.1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации». Сущность действующих федеральных конституционных законов: 1) внесение изменений в федеральный конституционный закон (127); 2) вопросы, указанные в Конституции РФ (26): судебная система, Конституционный Суд, Верховный Суд, Арбитражный Суд, суды общей юрисдикции, военные суды, Правительство, Уполномоченный по правам человека, референдум, флаг, гимн, герб, военное положение, чрезвычайное положение, срок полномочий Президента, полномочия Государственной Думы в отношении Правительства, порядок принятия новых субъектов Федерации, образование новых субъектов, принятие новых субъектов Российской Федерации.

решений, изменений и дополнений теряется одно из важнейших качеств правового регулирования — его стабильность и определенность. Это проблемы эффективности государственно-правового регулирования, прежде всего в свете создания государством наиболее действенных инструментов, а не только реагирования на юридически значимые ситуации по типу пожарной команды, вызываемой для разрешения критических ситуаций. Поэтому нужна концептуальная формула современного государственного права, которое принципиально ставит себе задачу активного и рационально осмысленного участия государства в правовой жизни общества, а не просто обеспечивает некое стабильное правовое пространство. Существующая в настоящее время концепция носит на себе печать цивилистического мышления, которое совершенно не отвечает в полной мере роли и назначению государства в современном мире.

В современных реалиях необходимо возобновление дискуссии о государственном праве для кристаллизации роли государства в условиях новой геополитической реальности с целью обеспечения национальной безопасности, сохранения российской государственности и реализации стратегии прорывного технологического, экономического и социального развития страны.

Все это подпитывается такими тенденциями мирового развития, как:

усложнение общественных отношений, что диктует потребность в таких инструментах, как государственное регулирование;

глобализация ряда проблем, требующих в своем разрешении усиления роли государственного воздействия;

рост социальных и национальных конфликтов, преодолеть которые возможно лишь адекватным и влиятельным государственно-правовым инструментарием;

противоборство социально-экономических систем в мировых масштабах в силу ограниченности земного пространства, израсходования ресурсов, близости народов и необходимости нахождения общих решений.

Как отметил В.Д. Зорькин, «в настоящее время при всем обилии программных документов и стратегий развития различных сфер экономической и общественной жизни нам явно не хватает ясного, целостного, стратегического в подлинном смысле этого слова образа будущего, который мог бы объединить различные слои общества и стать основой общественного согласия»⁷⁶.

⁷⁶ Зорькин В.Д. Под знаком обновленной Конституции. URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=96> (дата обращения: 22.10.2024).

Необходимость переосмысления основ конституционного устройства страны всегда контекстно связана с существующей политико-правовой реальностью. Это влечет изменение структуры и механизмов функционирования политических, экономических и социальных институтов.

* * *

В мире уже ни у кого нет сомнений, что государство — активный участник социальных и экономических процессов, протекающих в обществе. В условиях современного «глобального шторма» как никогда становятся актуальными проблемы формирования сбалансированного корпуса норм и институтов, отражающих, закрепляющих и развивающих общественный и государственный строй общества, систему общественных и государственных учреждений, принципы их взаимоотношений, объем их обязанностей и прав, методы их деятельности, а также изучение различного рода публично-правовых институтов, определяющих права и обязанности граждан в их отношениях как к обществу и государству, так и друг к другу.

Требуется четкая регламентация механизма функционирования конституционной конструкции государственной власти, что может быть реализовано в рамках самостоятельной науки «государственного права». Важность данной проблемы вытекает из анализа текста Конституции РФ, которая значительное внимание уделяет проблеме власти, государства и государственных органов. В частности, термин «власть» упоминается свыше 100 раз в тексте; вопросы полномочий федерации, ее субъектов, а также отдельных министерств и ведомств затрагиваются более 70 раз.

В текущих условиях в сферу государственно-го права должны войти вопросы стратегического планирования в процессе целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, а также мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования.

Такой подход позволяет лучше и эффективнее реализовать конституционную программу дальнейшего развития государства и общества в условиях современного научно-технологического развития и социогуманитарных вызовов, с которыми мы столкнулись.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блюмин И. Г. Кейнсианство как типичное выражение современной буржуазной политической экономики // Критика современной английской и американской политической экономии: в 3 т. М., 1962. Т. 2. С. 72–81.
2. Братусь С. Н. Роль права в развитии советской экономики. М., 1971.
3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. М., 2018.
4. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991. С. 43.
5. Гаджиев Г. А. Право и экономика (методология): учеб. для магистрантов. М., 2016.
6. Грэхэм Л. Р. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М., 2014.
7. Зорькин В. Д. Под знаком обновленной Конституции. URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=96> (дата обращения: 22.10.2024).
8. Изобретение радио А. С. Поповым: сб. документов и материалов / под ред. А. И. Берга. М.; Л., 1945. С. 15–18.
9. Лаптев В. В. Экономика и право. Теория и практика правового регулирования хозяйственных отношений. М., 1981.
10. Мозолин В. П., Нечаева А. М., Рубанов А. А., Скрипко В. Р. Гражданское право и экономика. М., 1985.
11. Нерсесянц В. С. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М., 2001.
12. Ромашов Д. Д. Закон расщепления Менделя, как общеприродный закон. Статья. 1939. Открытый архив СО РАН. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu_pavl_634993802223476562_9960 (дата обращения: 30.11.2024).
13. Смородинская Н. В., Катуков Д. Д., Малыгин В. Е. Шумпетерианская теория роста в контексте перехода экономических систем к инновационному развитию // Journal of Institutional Studies. 2019. No. 11(2). Pp. 060–078.
14. Четвериков С. С. О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики // Журнал экспериментальной биологии. Сер. А. М.; Л., 1926. Т. 2. Вып. 1. С. 3–54.
15. Шебанов А. Ф. Нормы советского права и их роль в создании и развитии социалистической экономики СССР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1951.
16. Шкредов В. П. Экономика и право. О принципах исследования производственных отношений в связи с юридической формой их выражения. М., 1967.
17. Aghion P., Howitt P. Endogenous growth theory. Cambridge, 1998.
18. Acemoglu U., Kerr W. R. Growth Through Heterogeneous Innovations // Journal of Political Economy. 2018. Vol. 126. Iss. 4. Pp. 1374–1443.
19. Acemoglu D., Akcigit U., Alp H. et al. Innovation, Reallocation, and Growth // American Economic Review. 2018. Vol. 108. No. 11. Pp. 3450–3491.
20. Ashby W. R. Introduction to Cybernetics. Chapman & Hall, 1956.
21. Butler S. The Notebooks of Samuel Butler. Auckland, 2011. URL: <https://archive.org/stream/cu31924013448299#page/n1/mode/2up> (дата обращения: 30.11.2024).
22. Chomsky N. Necessary Illusions, Thought Control International Democratic Societies. Boston, 1990. URL: <http://vho.org/aaargh/fran/livres5/ILLUSNS.PDF> (дата обращения: 30.11.2024).
23. Decker R. A., Haltiwanger J., Jarmin R. S., Miranda J. Declining Dynamism, Allocative Efficiency, and the Productivity Slowdown // Finance and Economics Discussion Series. 2017.
24. Fan A., Liang R. 2024 Yearender: China's space sector soars to new heights, setting new goals. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202412/1325567.shtml> (дата обращения: 30.11.2024).
25. Friedman M., Schwartz A. J. A monetary history of the United States, 1867–1960. Princeton, 1963.
26. Goenka H. Bioterrorism and Gene Editing: Can CRISPR Tool be Used as Biological Weapon in War? 2016. URL: <https://www.ibtimes.com/bioterrorism-gene-editing-can-crispr-tool-be-used-biological-weapon-war-2460102> (дата обращения: 30.11.2024).
27. Graham L. Why Does Russia Have So Much Trouble Modernizing? URL: https://eusp.org/sites/default/files/archive/centres/sts/Loran_Graham_text.pdf?ysclid=m59dvv20pi780540436 (дата обращения: 30.11.2024).
28. Hicks J. R. Mr. Keynes and the “Classics”; A Suggested Interpretation // Econometrica. 1937. Vol. 5. No. 2. Pp. 147–159.
29. Keegan J., Wheatcroft A. Zones of Conflict: An Atlas of Future Wars. New York, 1986.
30. Keynes J. M. General Theory of Employment, Interest and Money. London, 1936.
31. Kissinger H. A., Schmidt E., Mundie C. AI Can Save Humanity – Or End It. The age of Homo technicus could generate profound intellectual advances and solutions to our gravest problems. But first we need to ensure that it doesn't kill us off. The Atlantic. November 12, 2024. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2024/11/ai-genesis-excerpt-kissinger-schmidt-mundie/680619/> (дата обращения: 30.11.2024).
32. Lazarsfeld P., Merlon R. Mass Communication, popular taste and organized social action. In: Bryson (ed.) The Communication of Ideas. NY, 1948.
33. Livingston S., Risse M. The Future Impact of Artificial Intelligence on Humans and Human Rights. Ethics & International Affairs, 2019. Vol. 33. Iss. 2. Pp. 141–158.
34. Moor J. Four Kinds of Ethical Robots // Philosophy Now. 2009. Vol. 72. Pp. 12–14.
35. Naughton J. The goal is to 'automate us': welcome to the age of surveillance capitalism. <https://www.theguardian.com/technology/2019/jan/20/shoshana-zuboff-age-of-surveillance-capitalism-google-facebook> (дата обращения: 30.11.2024).

36. *Naughton J.* The Social Dilemma: a wake-up call for a world drunk on dopamine? URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/sep/19/the-social-dilemma-a-wake-up-call-for-a-world-drunk-on-dopamine> (дата обращения: 30.11.2024).
37. *Romer P.M.* Endogenous Technological Change // *The Journal of Political Economy*. 1990. Vol. 98. No. 5. Part 2. Pp. S71–S102.
38. *Soller H., Mohr N., Heide A., Gschwendtner M.* Quantum sensing is viable and could touch many parts of businesses. Here's what leaders across industries should know. 2024. URL: <https://www.mckinsey.com.br/capabilities/mckinsey-digital/our-insights/quantum-sensings-untapped-potential-insights-for-leaders> (дата обращения: 30.11.2024).
39. *Solow R.M.* A Contribution to the Theory of Economic Growth // *The Quarterly Journal of Economics*. 1956. Vol. 70. No. 1. Pp. 65–94.
40. *Swan T.W.* Economic growth and capital accumulation // *The Economic Record*. 1956. Vol. 32. No. 2. Pp.
41. *Treisman D.* Russia's Tom Sawyer Strategy // *IWM post*. Vol. 106 (January–March 2011). P. 14.
13. *Smorodinskaya N.V., Katukov D.D., Malygin V.E.* The Schumpeterian theory of growth in the context of the transition of economic systems to innovative development // *Journal of Institutional Studies*. 2019. No. 11(2). Pp. 060–078 (in Russ.).
14. *Chetverikov S.S.* On some moments of the evolutionary process from the point of view of modern genetics // *Journal of Experimental Biology. Ser. A. M.; L.*, 1926. Vol. 2. Iss. 1. Pp. 3–54 (in Russ.).
15. *Shebanov A.F.* Norms of Soviet law and their role in the creation and development of the socialist economy of the USSR: abstract ... PhD in Law. M., 1951 (in Russ.).
16. *Shkredov V.P.* Economics and law. On the principles of industrial relations research in connection with the legal form of their expression. M., 1967 (in Russ.).
17. *Aghion P., Howitt P.* Endogenous growth theory. Cambridge, 1998.
18. *Akcigit U., Kerr W.R.* Growth Through Heterogeneous Innovations // *Journal of Political Economy*. 2018. Vol. 126. Iss. 4. Pp. 1374–1443.
19. *Acemoglu D., Akcigit U., Alp H. et al.* Innovation, Reallocation, and Growth // *American Economic Review*. 2018. Vol. 108. No. 11. Pp. 3450–3491.
20. *Ashby W.R.* Introduction to Cybernetics. Chapman & Hall, 1956.
21. *Butler S.* The Notebooks of Samuel Butler. Auckland, 2011. URL: <https://archive.org/stream/cu31924013448299#page/n1/mode/2up> (accessed: 30.11.2024).
22. *Chomsky N.* Necessary Illusions, Thought Control International Democratic Societies. Boston, 1990. URL: <http://vho.org/aaargh/fran/livres5/ILLUSNS.PDF> (accessed: 30.11.2024).
23. *Decker R.A., Haltiwanger J., Jarmin R.S., Miranda J.* Declining Dynamism, Allocative Efficiency, and the Productivity Slowdown // *Finance and Economics Discussion Series*. 2017.
24. *Fan A., Liang R.* 2024 Yearender: China's space sector soars to new heights, setting new goals. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202412/1325567.shtml> (accessed: 30.11.2024).
25. *Friedman M., Schwartz A.J.* A monetary history of the United States, 1867–1960. Princeton, 1963.
26. *Goenka H.* Bioterrorism and Gene Editing: Can CRISPR Tool be Used as Biological Weapon in War? 2016. URL: <https://www.ibtimes.com/bioterrorism-gene-editing-can-crispr-tool-be-used-biological-weapon-war-2460102> (accessed: 30.11.2024).
27. *Graham L.* Why Does Russia Have So Much Trouble Modernizing? URL: https://eusp.org/sites/default/files/archive/centres/sts/Loran_Graham_text.pdf?ysclid=m59dvb-20pi780540436 (accessed: 30.11.2024).
28. *Hicks J.R.* Mr. Keynes and the “Classics”; A Suggested Interpretation // *Econometrica*. 1937. Vol. 5. No. 2. Pp. 147–159.
29. *Keegan J., Wheatcroft A.* Zones of Conflict: An Atlas of Future Wars. New York, 1986.
30. *Keynes J.M.* General Theory of Employment, Interest and Money. London, 1936.

REFERENCES

1. *Blyumin I.G.* Keynesianism as a typical expression of modern bourgeois political economy // *Criticism of modern English and American political economy: in 3 vols.* M., 1962. Vol. 2. Pp. 72–81 (in Russ.).
2. *Bratus S.N.* The role of law in the development of the Soviet economy. M., 1971 (in Russ.).
3. *Weber M.* Economy and society: essays on Understanding sociology: in 4 vols. M., 2018 (in Russ.).
4. *Vernadsky V.I.* Scientific thought as a planetary phenomenon. M., 1991. P. 43 (in Russ.).
5. *Gadzhiev G.A.* Law and Economics (methodology): textbook for undergraduates. M., 2016 (in Russ.).
6. *Graham L.R.* Will Russia be able to compete? The history of innovations in Tsarist, Soviet and modern Russia. M., 2014 (in Russ.).
7. *Zorkin V.D.* Under the sign of the updated Constitution. URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=96> (accessed: 22.10.2024) (in Russ.).
8. The invention of radio by A.S. Popov: collection of documents and materials / ed. by A.I. Berg. M.; L., 1945. Pp. 15–18 (in Russ.).
9. *Laptev V.V.* Economics and law. Theory and practice of legal regulation of economic relations. M., 1981 (in Russ.).
10. *Mozolin V.P., Nechaeva A.M., Rubanov A.A., Skripko V.R.* Civil Law and Economics. M., 1985 (in Russ.).
11. *Nersesyan V.S.* The national idea of Russia in the world-historical progress of equality, freedom and justice. Manifesto of Civilization. M., 2001 (in Russ.).
12. *Romashov D.D.* Mendel's law of splitting as a general biological law. Article. 1939. Open Archive of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu_pavl_634993802223476562_9960 (accessed: 30.11.2024) (in Russ.).

31. *Kissinger H.A., Schmidt E., Mundie C.* AI Can Save Humanity — Or End It. The age of Homo technicus could generate profound intellectual advances and solutions to our gravest problems. But first we need to ensure that it doesn't kill us off. *The Atlantic*. November 12, 2024. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2024/11/ai-genesis-excerpt-kissinger-schmidt-mundie/680619/> (accessed: 30.11.2024).
32. *Lazarsfeld P., Merlon R.* Mass Communication, popular taste and organized social action. In: Bryson (ed.) *The Communication of Ideas*. NY, 1948.
33. *Livingston S., Risse M.* The Future Impact of Artificial Intelligence on Humans and Human Rights. *Ethics & International Affairs*, 2019. Vol. 33. Iss. 2. Pp. 141–158.
34. *Moor J.* Four Kinds of Ethical Robots // *Philosophy Now*. 2009. Vol. 72. Pp. 12–14.
35. *Naughton J.* The goal is to automate us': welcome to the age of surveillance capitalism. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2019/jan/20/shoshana-zuboff-age-of-surveillance-capitalism-google-facebook> (accessed: 30.11.2024).
36. *Naughton J.* The Social Dilemma: a wake-up call for a world drunk on dopamine? URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/sep/19/the-social-dilemma-a-wake-up-call-for-a-world-drunk-on-dopamine> (accessed: 30.11.2024).
37. *Romer P.M.* Endogenous Technological Change // *The Journal of Political Economy*. 1990. Vol. 98. No. 5. Part 2. Pp. S71–S102.
38. *Soller H., Mohr N., Heide A., Gschwendtner M.* Quantum sensing is viable and could touch many parts of businesses. Here's what leaders across industries should know. 2024. URL: <https://www.mckinsey.com.br/capabilities/mckinsey-digital/our-insights/quantum-sensings-untapped-potential-insights-for-leaders> (accessed: 30.11.2024).
39. *Solow R.M.* A Contribution to the Theory of Economic Growth // *The Quarterly Journal of Economics*. 1956. Vol. 70. No. 1. Pp. 65–94.
40. *Swan T.W.* Economic growth and capital accumulation // *The Economic Record*. 1956. Vol. 32. No. 2. Pp.
41. *Treisman D.* Russia's Tom Sawyer Strategy // *IWM post*. Vol. 106 (January–March 2011). P. 14.

Сведения об авторе

САВЕНКОВ Александр Николаевич —
 член-корреспондент РАН,
 доктор юридических наук, профессор,
 заслуженный юрист РФ,
 директор Института государства и права
 Российской академии наук,
 главный редактор журнала
 «Государство и право» РАН;
 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SAVENKOV Alexander N. —
 Corresponding Member
 of the Russian Academy of Sciences,
 Doctor of Law, Professor,
 Honored Lawyer of the Russian Federation,
 Director of the Institute of State and Law
 of the Russian Academy of Sciences,
 Editor-in-Chief of the Journal "State and Law"
 of the Russian Academy of Sciences;
 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 340.1

ПРАВОВОЕ СОТВОРЧЕСТВО: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2025 г. А. В. Малько*, В. В. Трофимов**, В. Ю. Самородов***

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

*E-mail: alex25-58@mail.ru

**E-mail: iptgutv@mail.ru

***E-mail: vova.samorodov@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.04.2024 г.

Аннотация. В статье дается общетеоретический анализ правового сотворчества и краткая характеристика методологических основ его исследования. Для наиболее всестороннего рассмотрения правового сотворчества предлагается использовать такие ресурсы диалектической логики, как «парные категории», не только системный (в рамках категории «правовая система») и комплексный (в рамках категории «социально-правовая жизнь»), но и культурологический подходы, а также ряд иных методов (в частности, социологический, исторический, статистический, сравнительно-правовой и формально-юридический). В связи с тем что правовое сотворчество в современном обществе (вслед за социально-правовой жизнью) развивается и усложняется, делается вывод о необходимости дальнейшего его исследования, что обеспечит: во-первых, его более полное познание и прогнозирование последствий; во-вторых, выработку действенных стимулирующих мер, побуждающих заинтересованных субъектов активно осуществлять данный процесс; в-третьих, усиление противодействия факторам, мешающим сотрудничеству в правотворческой сфере.

Ключевые слова: сотворчество как междисциплинарное понятие, сотрудничество и конфликты как парные категории, правовое сотворчество как разновидность сотрудничества, системный, комплексный и культурологический подходы, социологический, исторический, статистический, сравнительно-правовой и формально-юридический методы.

Цитирование: Малько А.В., Трофимов В.В., Самородов В.Ю. Правовое сотворчество: теоретико-методологические основы исследования // Государство и право. 2025. № 1. С. 37–47.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00271, <https://rscf.ru/project/24-28-00271/>

DOI: 10.31857/S1026945225010025

LEGAL CO-CREATION: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY

© 2025 A. V. Mal'ko*, V. V. Trofimov**, V. Yu. Samorodov***

Derzhavin Tambov State University

*E-mail: alex25-58@mail.ru

**E-mail: iptgutv@mail.ru

***E-mail: vova.samorodov@yandex.ru

Received 05.04.2024

Abstract. In the article a general theoretical analysis of legal co-creation and a brief description of the methodological foundations of its research are given. For the most comprehensive consideration of legal co-creation, it is proposed to use such resources of dialectical logic as “paired categories”, not only systemic (within the category of “legal system”) and complex (within the category of “socio-legal life”), but also cultural approach, as well as a number of other methods (in particular, sociological, historical, statistical, comparative law and formal law). Due to the fact that legal co-creation in modern society (following socio-legal life) is developing and becoming more complicated, it is concluded that further research is necessary, which will ensure: firstly, its more complete knowledge and prediction of consequences, secondly, the development of effective incentive measures that encourage stakeholders actively implement this process; thirdly, strengthening of counteraction to the factors hindering cooperation in the law-making sphere.

Key words: co-creation as an interdisciplinary concept, cooperation and conflicts as paired categories, legal co-creation as a type of cooperation, systemic, complex and culturological approaches, sociological, historical, statistical, comparative legal and formal legal methods.

For citation: Mal'ko, A.V., Trofimov, V.V., Samorodov, V. Yu. (2025). Legal co-creation: theoretical and methodological foundations of the study // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 37–47.

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00271, <https://rscf.ru/project/24-28-00271/>

В условиях кардинальных трансформаций (в частности, формирования многополярного мира и проведения специальной военной операции) государство и институты гражданского общества в Российской Федерации, чтобы действовать как единый организм и быть эффективными, должны в максимальной степени сотрудничать. Это является важнейшей составляющей политики государства. Специфической же формой сотрудничества выступает сотворчество структур публичной власти и общества в правовой сфере. Отсюда и актуальнейшая потребность в исследованиях данной формы, которая к тому же представляется как междисциплинарная проблема. Обозначенные аспекты, в том числе и на уровне соотношения таких типов взаимодействия (и, соответственно, парных категорий), как сотрудничество и конфликты, анализируются в социологии, политологии, педагогике, психологии, этике и т.д.

Пришло время и для юриспруденции основательно изучить названный феномен. Следует учитывать, что и здесь правовое сотворчество рассматривается с позиций разных наук: теории государства и права, конституционного и муниципального права и др. (в плане обоснования и анализа взаимодействия государства и общества, роли общества в государственно-правовой политике, демократизации правотворчества¹ и пр.). И хотя в их рамках предпринимались определенные «робкие» попытки создания основ концепции правового сотворчества, этого пока явно недостаточно как для

юридической науки и практики, так и для современного уровня социально-правового развития в целом. Именно правовое сотворчество — один из значимых и одновременно пока малоиспользуемых резервов в интеграции власти и общества. Для детального его изучения необходимо прежде всего определить отправные методологические начала, которые будут положены в основу исследования.

Так, *диалектика* позволит рассматривать правовое сотворчество в развитии, во взаимосвязи с иными процессами и в конкретной исторической обстановке. Вполне очевидно то, что для анализа крупных явлений социально-правовой жизни, находящихся в непрерывном развитии, требуется не столько формальная, сколько диалектическая логика. Действительно, как отмечается в философской литературе, формальная логика, в отличие от диалектической, не может «раскрыть самого процесса развития. От этого процесса формальная логика абстрагируется, и потому всегда сохраняется возможность отрыва ее понятий от действительности. В этом и проявляется ограниченность формальной логики»². Если с позиций формальной логики можно лишь попытаться определить, например, понятие правового сотворчества и проанализировать те или иные его признаки, то с позиции диалектической логики получится реально дать уже целостную картину изучаемого объекта.

Правовое сотворчество — обобщающее понятие, охватывающее немало форм и механизмов, с помощью которых институты гражданского общества участвуют в осуществлении государственного управления посредством права. Поэтому для его наиболее полного исследования явно недостаточно

¹ См., напр.: Материалы XV Международного научно-практического форума «Юртехнетика» в формате круглого стола на тему «Демократизация правотворчества: доктрина, практика, техника» (Нижний Новгород, Нижегородская академия МВД России, 26–27 сентября 2013 года) // Юрид. техника. 2014. № 8.

² Диалектическая логика / под ред. З.М. Оруджева и А.П. Шептулина. М., 1986. Кн. 2. С. 68.

ресурсов формальной логики. И здесь уже без диалектической логики не обойтись, ведь ее потенциал связан с использованием известных трех законов материалистической диалектики: единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные, отрицания отрицания, а также таких ресурсов, как парные категории и т.д. Обоснованно подчеркивается, что «материалистическая диалектика имеет дело не только с основными законами, но и с целым рядом других законов, в частности, выражающихся в соотношении так называемых парных категорий...»³. Указывая на потенциал диалектики при изучении парных категорий, А.М. Васильев отмечал: «Весь опыт познания, накопленный наукой, свидетельствует о том, что взаимосвязь парных явлений существует лишь в их противоположностях, а объединение — в их разъединении, что противоположность и разъединение парных явлений мыслимы только в пределах их взаимной связи и объединения»⁴.

Между тем правовое сотворчество, как было отмечено ранее, выступает лишь специфической формой сотрудничества в правовой сфере. Отсюда, чтобы более полно познать первое, нужно иметь представление и об особенностях второго. И здесь важно учитывать то обстоятельство, что сотрудничество необходимо рассматривать вместе с конфликтами, ибо они теснейшим образом связаны друг с другом и выступают парными категориями.

Дело в том, что согласно устоявшемуся в социологической литературе мнению, все взаимодействия могут быть подразделены на два типа: сотрудничество (кооперация) и конфликт (противоборство). Еще П.А. Сорокин выделял «солидарное» и «антагонистическое» состояния взаимодействия. «Солидарным будет всякое взаимодействие, где стремления обеих сторон совпадают, где одна сторона не только не мешает, но, напротив, помогает достижению стремлений другой стороны... Противоположностью солидарному взаимодействию будет взаимодействие антагонистическое. Под ним разумеется такое взаимодействие, где одна сторона мешает или препятствует осуществлению стремлений другой стороны»⁵. Продолжается данная мысль в современных исследованиях, в которых отмечается, что в «социальной науке при

рассмотрении социального взаимодействия используют обычно дихотомический подход, то есть выделяют два типа взаимодействия людей: кооперацию и конкуренцию (в иных терминах — сотрудничество и соперничество, ассоциацию и диссоциацию, соглашение и конфликт и т.д.)»⁶. Верно в этой связи подчеркивает и С.Ю. Филиппова, что сотрудничество и конфликт «как парные категории, одновременно существующие в социальной системе..., вместе составляют одно целое. Чем больше в системе сотрудничества, тем меньше конфликтов, и наоборот»⁷.

Отсюда всякая социальная жизнь (в том числе и правовая) прежде всего «соткана» из взаимодействий, которые могут проявляться в формах сотрудничества (сотворчества, кооперации, солидарности и т.д.) и конфликта (противоборства, соперничества, антагонизма и т.п.).

Сотрудничество и конфликты выступают парными категориями, ибо: это две формы взаимодействия в рамках правовой жизни общества; это прямо противоположные (взаимоисключающие) формы взаимодействия; это внутренне диалектически связанные (т.е. обладающие неким единством и общей основой) формы взаимодействия; это взаимопроникающие и при определенных условиях переходящие друг в друга формы взаимодействия; их специфическое сочетание влияет на развитие правовой жизни общества.

Рассмотрим подробнее обозначенные нами тезисы. Во-первых, это две формы взаимодействия в рамках государственно-правовой жизни общества. Сотрудничество — это форма взаимодействия, связанная с совместной деятельностью субъектов по удовлетворению их интересов. Когда мы говорим о сотрудничестве, то имеем в виду партнерство, кооперацию, солидарность и другие объединительные действия, направленные на удовлетворение общих интересов субъектов права. Например, когда разные фракции в Государственной Думе голосуют единогласно по важнейшим для страны вопросам, несмотря на то что выражают различные политические силы. Конфликт же есть форма взаимодействия, связанная со столкновением интересов субъектов права в процессе их удовлетворения. Когда мы говорим о конфликтах, то имеем в виду соперничество, разногласия, споры и иные противоборствующие действия, направленные на столкновение противоположных интересов субъектов права. Так, конфликтом в юридической сфере можно считать совершенное

³ Диалектическая логика / под ред. З.М. Оруджева и А.П. Шептулина. С. 61.

⁴ Васильев А.М. Методологическая оценка явления парности и его категориальное отражение в теории права // Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. Репринт. изд. М., 2020. С. 241.

⁵ Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 23, 24.

⁶ Трофимов В.В. Солидарный и конфликтный типы коммуникации и право: закономерные связи // Правоведение. 2015. № 3. С. 11.

⁷ Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М., 2013. С. 200.

преступление, которое «вводит в режим столкновения» личные, общественные и государственные интересы. Свои интересы преступник тем самым ставит выше интересов других участников политико-правового пространства, нарушая сложившийся правопорядок. Одна форма взаимодействия имеет положительный характер, вторая — отрицательный, вместе с тем обе формы являются объективно неотъемлемыми «спутниками» государственно-правовой жизни общества, определяющими как бы социальные полюса этой жизни, но в совокупности придающими ей свойство полноты и целостности.

Во-вторых, это прямо противоположные (взаимоисключающие) формы взаимодействия. Анализируя сотрудничество, мы говорим «о действиях, способствующих организации совместной деятельности. Здесь возникает солидарность, интеграция интересов субъектов ради достижения общей цели (например, объединение усилий и капиталов для развития коммерческого предприятия)»⁸. Когда же мы рассматриваем конфликты, то речь в этом случае идет «о действиях, “расшатывающих” совместную деятельность. Здесь происходит образование социально-интерактивной системы, состоящей из субъектов с полярными, антагонистическими интересами (конфликт может быть вызван, например, одновременным стремлением к исключительному обладанию каким-либо материальным объектом)»⁹. Вот почему сотрудничество выступает как положительная сторона взаимодействия (ибо интересы всех его участников удовлетворяются и само сотрудничество «работает» на правопорядок, вытесняя своей положительной (созидательной) энергией из социально-правовой жизни коллизии и конфликты), а конфликты — как отрицательная (ибо интересы удовлетворяются лишь у одной стороны взаимодействия и тем самым конфликт во многом «умножает» хаос, вносит разлад в социальные связи, разрушает предпосылки для сотрудничества).

В-третьих, это внутренне диалектически связанные (т.е. обладающие неким единством и общей основой) формы взаимодействия. Что касается диалектической связи, то сотрудничество и конфликты не только противоположны друг другу, но и во многом внутренне едины, так как являются двумя сторонами социальных (а значит, правовых) взаимодействий. Единство заключается в том, что сотрудничество и конфликт — формы (типы) социально-правового взаимодействия, в рамках которых удовлетворяются те или иные интересы субъектов права. Кроме того, сотрудничество

и конфликт — составные части правовой жизни — перманентного процесса социально-правовых взаимодействий. Они имеют общую основу — сложную и противоречивую юридическую реальность общества, складывающуюся из названных взаимодействий, которая и обуславливает их определенное единство.

В-четвертых, это взаимопроникающие и при определенных условиях переходящие друг в друга формы взаимодействия. Диалектика их взаимодействия следующая. Сотрудничество и конфликты, выступая формами социального взаимодействия, оппозиционными по отношению друг к другу, в то же время противоположны сами себе.

В отличие от сотрудничества, которое в доминанте своей (по преимуществу) имеет позитивное значение, правда, с соответствующими сопутствующими негативными моментами, конфликт в доминанте своей (по преимуществу) имеет негативное значение, разумеется, с соответствующими сопутствующими позитивными моментами. В частности, всякое сотрудничество, будучи положительным типом взаимодействия, содержит, наряду с основным позитивом, связанным с партнерством, солидарностью, совместной деятельностью по удовлетворению общих интересов, еще и такой дополнительный элемент, как, например, конструктивное соперничество, включающее в себя некие конфликтные моменты, в рамках которого те или иные участники сотрудничества могут пожертвовать удовлетворением своих интересов, признавая приоритет за общими интересами партнеров. Конструктивность соперничества выражается в этой жертвенности (уступке) и в том, что субъекты, препятствуя удовлетворению своих интересов (своего рода внутренний конфликт), хотят оставаться в рамках сотрудничества, понимая, что общие цели здесь намного важнее.

Дополнительный (сопутствующий) элемент сотрудничества связан с тем, что в любой партнерской ситуации остается «место» для некоего конструктивного состязания между субъектами данной формы взаимодействия. Полностью ни одно сотрудничество не может устранить позитивно-конкурентные начала, некое соревнование, ибо далеко не всегда интересы участников сотрудничества абсолютно все учитываются и удовлетворяются. Более того, не всегда есть возможность это сделать.

Есть и еще один «негативный фокус» сотрудничества, когда последнее, напротив, будучи своего рода тотальным, поглощает всякого рода взаимную критику сторон, когда ради искусственного поддержания сотрудничества устраняются личностные и рациональные мотивы для развития, погашается всякого рода инакомыслие, способное поколебать

⁸ Трофимов В.В. Указ. соч. С. 13.

⁹ Там же.

устоявшуюся солидарную модель взаимодействия, и в этом смысле сотрудничество отрицает само себя.

Всякий же конфликт, как отрицательный тип взаимодействия, содержит наряду с основным негативом, связанным с противоборством интересов субъектов права, соперничеством, сопряженным подчас с агрессией, с насилием в отношении контрсубъектов, еще и такой дополнительный элемент, как возможный компромисс. В рамках конфликтов интересы его участников находятся в режиме противоборства (сущностная характеристика), хотя это и не исключает сопровождающих его позитивных свойств (но именно как дополнительных), заключающихся в том, что всякий конфликт предполагает ту или иную долю сотрудничества. Дополнительные (сопутствующие) элементы конфликта связаны с тем, что в любой противоборствующей ситуации остается «место» и для определенных совместных действий, для сотрудничества. Полностью ни один конфликт не может устранить основы для подобных деяний. В рамках конфликта конкретный участник подобной формы взаимодействия может препятствовать (мешать) удовлетворению одних интересов контрсубъекта и одновременно содействовать удовлетворению других интересов (т.е. опять же уступает в чем-то).

Кроме того, подчас конфликты могут способствовать укреплению социальных связей, ибо ценность конкуренции состоит еще и в том, что она предотвращает «окаменение» государственно-правовой жизни общества, открывает дорогу инновациям (как индикатор слабых сторон жизни) и тем самым может выступать позитивным фактором ее усовершенствования. Конфликт, как правило, разрешается компромиссом, который, достигаясь порой на пике конфликта, обеспечивает дополнительный рост и совершенствование системы взаимодействия за счет выработки новых более рациональных форм взаимодействия, но уже положительного, основанного на достигнутом (завоеванном) компромиссе между участниками ситуации социально-правового взаимодействия.

Следовательно, парность выражается и в том, что они «функционально» взаимосвязаны: если основное «предназначение» сотрудничества заключается в совместной деятельности по удовлетворению общих интересов при одновременном возможном конструктивном соперничестве между его участниками, то основное «предназначение» конфликтов — в столкновении противоположных интересов участников при одновременном компромиссе, который может привести к сотрудничеству позитивному.

Говоря о взаимопроникновении, важно уточнить, что сотрудничество и конфликты — это прямо противоположные (крайние) составляющие

взаимодействий. Между ними существуют т.н. серые зоны, в рамках которых и происходят взаимодействия из одного состояния в другое. В данных «серых зонах» присутствуют состояния, выражающие собой некие этапы (стадии) трансформации от сотрудничества к его «долям», а затем и к конфликтам в целом. Ситуация, естественно, может быть и обратной. Например, в процессе такого взаимодействия, как сотрудничество, могут возникнуть и развиваться сверх определенной меры элементы соперничества, которые уже перерастают в конфликтные отношения. Или напротив, в рамках такого взаимодействия, как конфликт, могут возникнуть и развиваться сверх определенной меры элементы совместных солидарных действий, которые уже перерастают в отношения сотрудничества.

В-пятых, их специфическое сочетание влияет на развитие государственно-правовой жизни общества. В одних случаях доминантой может выступать сотрудничество, в других, напротив, конфликты. Именно их парность подтверждает тот факт, что они взаимосвязаны как противоположности и сочетаются при определенных условиях. Если доминирует сотрудничество, то это ведет к позитивным изменениям и повышению качественного уровня государственно-правовой жизни общества, если же доминируют конфликты, то в основном — к ее разрушению и снижению уровня развития. Право может в этой связи восприниматься как средство максимизации сотрудничества и минимизации конфликтов. Правовая политика государства, содействуя формированию права, должна исходить именно из этого¹⁰.

Таким образом, в силу того что сотрудничество и конфликты в социально-правовой жизни являются парными категориями, а правовое сотворчество — лишь одна из форм сотрудничества, то подобная форма «участвует» в диалектическом взаимодействии с конфликтами в правовой сфере (антисотворчеством, антисотрудничеством в правотворчестве) именно как ее составная системная часть.

Отсюда не менее значимая потребность в использовании в деле исследования феномена правового сотворчества потенциала *системного подхода*, который будет способствовать установлению: во-первых, из каких элементов состоит внутреннее устройство правового сотворчества, и, во-вторых, каковы особенности взаимосвязей этих элементов между собой. Исходя из анализа рассматриваемого феномена, можно выделить такие его структурные элементы, как: 1) субъекты в виде активных самостоятельных участников правотворческой

¹⁰ См.: Малько А. В. Использование диалектической логики в исследовании сотрудничества и конфликтов в правовой жизни современного общества // Государственно-правовые исследования. 2022. Вып. 5. С. 25–28.

жизни — органов публичной власти и институтов гражданского общества, выступающих в качестве «совместного», своего рода гибридного (смешанного) актора; 2) объект, составляющий общественные отношения, связанные с сотворческим процессом в правовой сфере (а в конечном счете с созданием юридической нормы); 3) интерактивное публично-правовое содержание, выражающееся в совершении соответствующими субъектами (взаимо-)действий, «соучаствующих» вместе в управлении государственными и общественными делами, в государственно-правовом строительстве.

Кроме того, системный подход позволит сформировать целостную конструкцию правового сотворчества с выявлением не только его места и роли в имеющемся сотрудничестве государства и общества, но и с его рассмотрением как сложноорганизованной составной части правовой системы общества. Ведь правовое сотворчество — внутренний сегмент не только сотрудничества, но и правотворчества. По этой причине данный подход создает условия, с одной стороны, для определения степени проявлений (места и роли) правового сотворчества в правотворческом процессе, а значит и в конечном итоге (продукте) его — в принятии юридических норм; с другой же стороны, для определения степени влияния на обозначенный процесс иных компонентов правовой системы — правосознания и правореализации, с помощью которых принятые таким образом юридические нормы воплощаются в жизнь. Иными словами, по причине того, что правовое сотворчество выступает составной частью правотворчества, входящего в правовую систему, первое имеет устойчивые связи и с иными компонентами последнего: с юридическими нормами, которые являются результатом правотворческого (в том числе и сотворческого) процесса; с правосознанием и с правореализацией, находящимися в отношениях не только друг с другом, но и с внешней средой.

Среди факторов внешней среды особое место занимает социально-правовая жизнь общества, которая выступает по отношению к правовой системе как метасистема. Поэтому для наиболее полного рассмотрения правового сотворчества важно ее исследовать не только в рамках категории правовой системы, но и в рамках более сложной категории — социально-правовой жизни общества, которая включает в себя правовую систему как составную часть.

Однако здесь уже нужно использовать не только системный, а также *комплексный подход*¹¹, ибо социально-правовая жизнь как метасистема

состоит из многочисленных социально-правовых явлений и процессов. Социально-правовая жизнь может быть рассмотрена как то всеобщее, что обуславливает и объединяет все прочие юридические феномены в единый комплекс. Использование термина «комплекс» предполагает соответственно и применение «стоящего» за ним «комплексного подхода», дополняющего подход системный.

По мнению М. П. Шубиной, понятие «комплексность» часто употребляется наряду с понятием «системность», что вполне закономерно: это действительно близкие понятия, отражающие разный уровень конкретизации целостности¹². Если правовая система как категория выражает системный подход, то правовая жизнь — подход комплексный (в том числе социально-жизненный), дополняя друг друга, они могут компенсировать взаимные недостатки и усилить преимущества каждого. Как представляется, теоретико-методологическое, а также практическое значение комплексного подхода недооценивать не следует, и можно даже сказать более — необходимо в полной мере учитывать в исследовательской деятельности юридической науки¹³. Ведь «комплексное» формируется на основе многоаспектного или многомерного представления и моделирования объектов познания, как системных, так и несистемных¹⁴. Отсюда понятие «комплекс» вполне обоснованно рассматривают как нечто более широкое, нежели чем понятие «система», подчеркивая, что система выступает только видом комплекса¹⁵.

Поэтому социально-правовая жизнь как интегральный правовой комплекс со всеми ее противоречиями (внутренними противоположностями) является той внешней средой, в которой формируется и развивается правовая система. В рамках социально-правовой жизни, которая в отличие от правовой системы подразделяется на позитивно-световую (правомерную) и негативно-теневую (противоправную) части, правовое сотворчество выступает составляющей именно позитивного

¹² См.: Шубина М. П. Комплексный подход и взаимодействие теорий // Методологические проблемы комплексных исследований. Новосибирск, 1983. С. 166.

¹³ См. об этом: Малько А. В., Трофимов В. В. Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации. М., 2018. С. 81; Малько А. В., Гурьев В. В., Затонский В. А., Кроткова Н. В. Правовая культура, правовая политика и права человека (Обзор материалов научно-практической конференции) // Государство и право. 2021. № 2. С. 145–159.

¹⁴ См.: Резник Ю. М. Введение в социальную теорию. Социальная системология. М., 2003. С. 19.

¹⁵ См. подробнее: Кутырев В. А. Комплекс и система. Их сходство и различие // Философские проблемы комплексности. Новое в жизни, науке, технике. Серия «Философия». 1987. № 9. С. 18.

¹¹ Комплекс в переводе с латинского языка означает связь, сочетание, совокупность предметов, действий, явлений или свойств, составляющих одно целое (см.: Словарь иностранных слов. М., 1988. С. 241).

сегмента подобной жизнедеятельности, что не только укрепляет правопорядок, но и развивает народовластие (как наивысшую форму демократии), всю политико-правовую жизнедеятельность общества. Будучи формой сотрудничества, которая базируется на согласии, доверии, взаимности, оно (правовое сотворчество) привносит позитивное содержание в правовую жизнь общества, причем то «содержание», которое аккумулировано и синтезировано правообразующей энергией не только официальной власти, но и неформальных структур гражданского общества, объединяющих свои усилия ради достижения общего результата в виде создания более совершенной нормативной правовой формы.

Вот почему не следует замыкаться только на системном подходе и на рассмотрении правового сотворчества в рамках лишь правовой системы. Последняя сама выступает частью более сложного и объемного организма — социально-правовой жизни. Отсюда, только проанализировав различные взаимосвязи и взаимодействия правового сотворчества с факторами и элементами социально-правовой жизни, можно лучше познать его место и роль в правовой системе общества в целом.

Изучая правовое сотворчество, не следует упускать из виду, что и право, и феномен творчества есть части той социальной и человеческой культуры, в которой воспроизводятся все социальные и гуманитарные продукты, как материальные, так и нематериальные (духовные). Поэтому для понимания свойств такого явления культуры общества, как правовое сотворчество, безусловно, не обойтись без использования потенциала *культурологического подхода*, которому справедливо продолжают уделять должное внимание в современной юридической литературе¹⁶, и который показывает свою достаточную продуктивность в исследовании правотворчества¹⁷. Современные правотворчество и правовое сотворчество не могут функционировать вне общесоциальной и правовой культуры. Культура проникает во все сферы права, опосредует и определяет всю правовую деятельность, в том числе способствуя позитивной творческой

и сотворческой активности. Культура в рамках динамической концепции это и есть социально значимая творческая деятельность, направленная на преобразование действительности¹⁸. Правовое сотворчество в этом смысле может рассматриваться в качестве признака высокой правовой и правотворческой культуры, так как еще больше подчеркивает искомый динамизм и нацеленность на окультуривание социального контекста с помощью ресурсов, создаваемых совместно властью и обществом права. Это указывает на потенциал культурологического подхода, дополняющего базовые методологические основы исследования правового сотворчества.

Будучи построенным на явлении положительной социальной коммуникации в виде сотрудничества власти и общества, правовое сотворчество может быть наиболее полно изучено на платформе *социологического подхода*. Социологический метод позволит выявить базисные социальные основания правового сотворчества как прежде всего социального (социально-коммуникативного) явления, которому, как и в целом праву, для того, чтобы существовать в социально-правовой жизни, необходимо получить начальный импульс в виде социального действия¹⁹, в данном случае направленного на совместную (власти и общества) работу по созиданию правовых основ общественных отношений.

В свою очередь, эмпирику этих процессов помогут понять *конкретно-социологические методы* (наблюдение, изучение документов, опросы в форме анкетирования и др.), при помощи которых можно также выявить недостатки регламентации процессов правового сотворчества, получить информацию о правильности или неправильности функционирования правовых практик, необходимости дополнительного правового регулирования и др.²⁰

Статистический метод создаст условия для того, чтобы учитывать статистические количественные данные при исследовании аспектов содержания, различных форм и механизмов правового сотворчества. Он может основываться на конкретных данных при определении эффективности той или иной правосотворческой деятельности, установить востребованность правовых механизмов, предполагающих активные сотворческие действия общества в правотворческом процессе (голоса граждан на выборах и при проведении референдумов, народные правотворческие инициа-

¹⁶ См.: Степаненко Р.Ф. Культурологический подход в праве: проблемы междисциплинарных исследований // Государство и право. 2022. № 1. С. 64–74.

¹⁷ См., напр.: Самородов В.Ю. Культура правотворчества в современной России: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2023; об этом см. также: Малько А.В., Кроткова Н.В., Стромов В.Ю., Трофимов В.В. Правовая политика как способ организации социально-правовой жизни субъектов Российской Федерации: теория и практика (Обзор материалов Всероссийского научного «круглого стола» (с международным участием) журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь», «Актуальные проблемы государства и права» и научно-образовательного ежегодника «Государственно-правовые исследования») // Государство и право. 2019. № 10. С. 199.

¹⁸ См.: Злобин Н.С. Некоторые методологические проблемы исследования культуры // Проблемы теории культуры: сб. ст. / сост. и отв. ред. Н.С. Злобин. М., 1977. С. 34, 35.

¹⁹ См.: Придворов Н.А., Трофимов В.В. Правообразование и правообразующие факторы в праве. М., 2012. С. 281.

²⁰ См.: там же. С. 125–134.

тивы, публичные слушания, краудсорсинг и иные формы общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов и др.). Это также может позволять просчитывать вероятности невозможности достижения сотрудничества при определенных условиях или его активизации при осуществлении и развитии правопроектной деятельности²¹.

Целью правового сотворчества является улучшение социальной и правовой жизни общества, поэтому правовое сотворчество есть определенная форма, позволяющая наиболее продуктивно и эффективно (как с точки зрения социальной, так и юридической) разрешать на основе объединения усилий государства и общества правовые проблемы²².

В свою очередь, с помощью *исторического метода* могут быть изучены конкретно-исторические условия, в рамках которых возникали и развивались те или иные формы и механизмы правового сотворчества как способы решения существующих на разных исторических этапах социально-правовых проблем²³. Например, В.В. Гриб в своем диссертационном исследовании, посвященном взаимодействию органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации, обращается к историко-правовым аспектам развития гражданского общества в нашей стране, отмечая наряду с непрерывностью формирования гражданского общества неравномерность и фрагментарность в данном развитии (на примерах сословно-представительной монархии, функционирования партийно-советского аппарата и др.)²⁴. Каждая историческая эпоха обуславливала свои особенности формирования правового сотворчества либо притормаживая и «зажимая» данные процессы, либо предоставляя возможности их развитию. Все это, безусловно, следует учитывать при исследовании современных процессов правового сотворчества, в которых гражданское

общество выступает одним из основных субъектов, соучастников. Сама история говорит, что учет мнения гражданского общества — залог стабильного развития социально-правовой жизни.

Сравнительно-правовой метод может быть применен для целей сопоставления интересов государства и институтов гражданского общества в контексте поиска их баланса, практики применения форм правового сотворчества при исследовании и сравнении российского и зарубежного опыта (моделей правового сотворчества), а также в различных регионах России в рассматриваемой сфере. Как отмечал Д.А. Керимов, «сравнительно-законодательные методы используются как на макро-, так и на микроуровнях. В первом случае речь идет о сопоставлении, сравнении различных национальных законодательных систем. Во втором — о сопоставлении, сравнении различных правовых норм, институтов, отраслей национальных законодательных систем»²⁵. Одно из главных следствий при этом, что в результате данных сравнений есть шанс установить причины тех или иных правовых проблем, проблем в функционировании отдельных институтов, определить на основе сравнения наиболее оптимальные варианты их решения. Э. Ламбер в этой связи подчеркивал: «Юрист-компаративист проходит через... проблемные моменты, но последовательно изучая при этом те способы их разрешения, которые были выработаны в каждой из сравниваемых законодательных систем»²⁶.

Формально-юридический метод познания позволит дать определение правового сотворчества, выделить его основные признаки, отличающие его от других схожих понятий²⁷. С его помощью будет изучено содержание тех юридических норм, которые устанавливают формы и механизмы правового сотворчества. Он также даст возможность обозначить существующие пробелы в правовом регулировании сотворческого процесса, выработать пути их преодоления и устранения.

* * *

Таким образом, правовое сотворчество нужно рассматривать с помощью различных подходов и методов в развитии, в конкретной

²¹ См., напр.: *Артемов А.А.* Вероятностно-статистический конфликт и вероятностно-статистическое согласие // Вестник Тамбовского ун-та. Сер.: Естественные и технические науки. 2001. Т. 6. № 2. С. 155, 156.

²² См.: *Трофимов В.В.* Коммуникация гражданского общества и публичной власти на платформе правового сотворчества как социальный инструмент выравнивания и стабилизации курса государственно-правового развития (введение в проблему) // Право: история и современность. 2018. № 1. С. 73–82; *Самородов В.Ю.* Сотрудничество (сотворчество) общества и государства в правотворческой деятельности как проявление культуры ее осуществления: теоретико- и социолого-правовые аспекты // Государственно-правовые исследования. 2022. Вып. 5. С. 204–212.

²³ См. об этом, напр.: *Фролова Е.А.* Исторический и логический методы изучения права: из истории философии права // Государство и право. 2021. № 1. С. 36–42.

²⁴ См.: *Гриб В.В.* Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 22.

²⁵ *Керимов Д.А.* Сравнительно-правовое исследование // Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. 3-е изд., перераб. и доп. Репринт. изд. М., 2019. С. 301.

²⁶ *Ламбер Э.* Метод сравнительного права (материалы доклада на Первом конгрессе по сравнительному праву 1900 г.) // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 5. С. 219.

²⁷ См., напр.: *Напалкова И.Г.* Формально-юридический метод как основа методологии юридического позитивизма // Философия права. 2018. № 3 (86). С. 7–12.

исторической обстановке и во взаимосвязи и взаимодействии с другими явлениями и процессами. Важно не ограничиваться анализом его только в рамках правовой системы, необходимо изучать его и в рамках более широкого понятия — социально-правовой жизни, что позволит всесторонне исследовать причины изучаемого феномена, уровни, виды и формы его проявления. В то же время без глубокого проникновения в сущность понятия «правовое сотворчество» невозможно всецело понять социально-правовую жизнь общества, правовую систему, само право, его истоки становления, логику развития.

В связи с тем что правовое сотворчество развивается и усложняется, необходимо продолжить его исследования, что обеспечит: во-первых, более полное познание и прогнозирование последствий; во-вторых, выработку действенных стимулирующих мер, побуждающих заинтересованных субъектов активно осуществлять правовое сотворчество; в-третьих, усиление противодействия факторам, мешающим данному процессу. Только всесторонне используя теоретико-методологические ресурсы в изучении правового сотворчества можно развивать народовластие (как высшую форму демократии) и использовать этот ресурс на благо общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артемьев А.А.* Вероятностно-статистический конфликт и вероятностно-статистическое согласие // Вестник Тамбовского ун-та. Сер.: Естественные и технические науки. 2001. Т. 6. № 2. С. 155, 156.
2. *Васильев А.М.* Методологическая оценка явления парности и его категориальное отражение в теории права // Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. Репринт. изд. М., 2020. С. 241.
3. *Гриб В.В.* Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 22.
4. Дialeктическая логика / под ред. З.М. Оруджева и А.П. Шептулина. М., 1986. Кн. 2. С. 61, 68.
5. *Злобин Н.С.* Некоторые методологические проблемы исследования культуры // Проблемы теории культуры: сб. ст. / сост. и отв. ред. Н.С. Злобин. М., 1977. С. 34, 35.
6. *Керимов Д.А.* Сравнительно-правовое исследование // Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. 3-е изд., перераб. и доп. Репринт. изд. М., 2019. С. 301.
7. *Кутырев В.А.* Комплекс и система. Их сходство и различие // Философские проблемы комплексности. Новое в жизни, науке, технике. Серия «Философия». 1987. № 9. С. 18.
8. *Ламбер Э.* Метод сравнительного права (материалы доклада на Первом конгрессе по сравнительному праву 1900 г.) // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 5. С. 219.
9. *Малько А.В.* Использование диалектической логики в исследовании сотрудничества и конфликтов в правовой жизни современного общества // Государственно-правовые исследования. 2022. Вып. 5. С. 25–28.
10. *Малько А.В., Гурьев В.В., Затонский В.А., Кроткова Н.В.* Правовая культура, правовая политика и права человека (Обзор материалов научно-практической конференции) // Государство и право. 2021. № 2. С. 145–159.
11. *Малько А.В., Кроткова Н.В., Стромов В.Ю., Трофимов В.В.* Правовая политика как способ организации социально-правовой жизни субъектов Российской Федерации: теория и практика (Обзор материалов Всероссийского научного «круглого стола» (с международным участием) журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь», «Актуальные проблемы государства и права» и научно-образовательного ежегодника «Государственно-правовые исследования») // Государство и право. 2019. № 10. С. 199.
12. *Малько А.В., Трофимов В.В.* Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации. М., 2018. С. 81.
13. Материалы XV Международного научно-практического форума «Юртехнетика» в формате круглого стола на тему «Демократизация правотворчества: доктрина, практика, техника» (Нижегородская академия МВД России, 26–27 сентября 2013 года) // Юрид. техника. 2014. № 8.
14. *Напалкова И.Г.* Формально-юридический метод как основа методологии юридического позитивизма // Философия права. 2018. № 3 (86). С. 7–12.
15. *Придворов Н.А., Трофимов В.В.* Правообразование и правообразующие факторы в праве. М., 2012. С. 125–134, 281.
16. *Резник Ю.М.* Введение в социальную теорию. Социальная системология. М., 2003. С. 19.
17. *Самородов В.Ю.* Сотрудничество (сотворчество) общества и государства в правотворческой деятельности как проявление культуры ее осуществления: теоретико- и социолого-правовые аспекты // Государственно-правовые исследования. 2022. Вып. 5. С. 204–212.
18. *Самородов В.Ю.* Культура правотворчества в современной России: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2023.
19. Словарь иностранных слов. М., 1988. С. 241.
20. *Сорокин П.А.* Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 23, 24.
21. *Степаненко Р.Ф.* Культурологический подход в праве: проблемы междисциплинарных исследований // Государство и право. 2022. № 1. С. 64–74.
22. *Трофимов В.В.* Коммуникация гражданского общества и публичной власти на платформе правового сотворчества как социальный инструмент выравнивания и стабилизации курса государственно-правового развития (введение в проблему) // Право: история и современность. 2018. № 1. С. 73–82.

23. Трофимов В.В. Солидарный и конфликтный типы коммуникации и право: закономерные связи // Правоведение. 2015. № 3. С. 11, 13.
 24. Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М., 2013. С. 200.
 25. Фролова Е.А. Исторический и логический методы изучения права: из истории философии права // Государство и право. 2021. № 1. С. 36–42.
 26. Шубина М.П. Комплексный подход и взаимодействие теорий // Методологические проблемы комплексных исследований. Новосибирск, 1983. С. 166.
- REFERENCES**
1. Artemov A.A. Probabilistic-statistical conflict and probabilistic-statistical agreement // Herald of Tambov University. Series: Natural and technical sciences. 2001. Vol. 6. No. 2. Pp. 155, 156 (in Russ.).
 2. Vasil'ev A.M. Legal categories: methodological aspects of developing a system of categories in the theory of law. Rep. ed. M., 2020. Pp. 241, 245 (in Russ.).
 3. Grib V.V. Interaction between government bodies and civil society institutions in the Russian Federation: abstract ... Doctor of Law. M., 2011. Pp. 12, 22 (in Russ.).
 4. Dialectical logic / ed. by Z.M. Orudzhev and A.P. Sheptulin. M., 1986. Book 2. Pp. 61, 68 (in Russ.).
 5. Zlobin N.S. Some methodological problems of cultural research // Problems of the theory of culture: sat. art. / comp. and resp. ed. N.S. Zlobin. M., 1977. Pp. 34, 35 (in Russ.).
 6. Kerimov D.A. Methodology of law: subject, functions, problems of Philosophy of Law. 3rd ed., rev. and add. Rep. ed. M., 2019. P. 301 (in Russ.).
 7. Kutyrev V.A. Complex and system. Their similarities and differences // Philosophical problems of complexity. New in life, science, technology. Series "Philosophy". 1987. No. 9. P. 18 (in Russ.).
 8. Lamber E. Method of Comparative Law (materials of the report at the First Congress on Comparative Law in 1900) // Herald of Kutafin University (MSAL). 2018. No. 5. P. 219 (in Russ.).
 9. Mal'ko A.V. The use of dialectical logic in the study of cooperation and conflicts in the legal life of modern society // State legal studies. 2022. Iss. 5. Pp. 25–28 (in Russ.).
 10. Mal'ko A.V., Gur'ev V.V., Zatonsky V.A., Krotkova N.V. Legal culture, legal policy and human rights (Review materials of scientific-practical conference) // State and Law. 2021. No. 2. Pp. 145–159 (in Russ.).
 11. Mal'ko A.V., Krotkova N.V., Stromov V. Yu., Trofimov V.V. Legal policy as a method of organizing social legal life of the Russian Federation regions: theory and practice (Review of materials of the All-Russian scientific "The Round Table" (with international participation) by journals "State and Law", "Legal policy and legal life", "Current problems of state and law" and scientific-educational yearbook "State-legal research") // State and Law. 2019. No. 10. P. 199 (in Russ.).
 12. Mal'ko A.V., Trofimov V.V. Legal life of society as an object of legal policy in the context of globalization and regionalization. M., 2018. P. 81 (in Russ.).
 13. Materials of the XV International Scientific and Practical Forum "Yurtekhnetika" in a Round Table format on the topic "Democratization of law-making: doctrine, practice, technology" (Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, September 26–27, 2013) // Legal technology. 2014. No. 8 (in Russ.).
 14. Napalkova I.G. Formal legal method as the basis of the methodology of legal positivism // Philosophy of Law. 2018. No. 3 (86). Pp. 7–12 (in Russ.).
 15. Pridvorov N.A., Trofimov V.V. Legal formation and law-forming factors in law. M., 2012. P. 281 (in Russ.).
 16. Reznik Yu. M. Introduction to Social Theory. Social Systemology. M., 2003. P. 19 (in Russ.).
 17. Samorodov V. Yu. The culture of lawmaking in modern Russia: problems of theory and practice: dis. ... PhD in Law. Tambov, 2023 (in Russ.).
 18. Samorodov V. Yu. Cooperation (co-creation) of society and the state in law-making activity as a manifestation of the culture of its implementation: theoretical and sociological-legal aspects // State legal studies. 2022. Iss. 5. Pp. 204–212 (in Russ.).
 19. Dictionary of foreign words. M., 1988. P. 241 (in Russ.).
 20. Sorokin P.A. Public textbook of sociology. Articles from different years. M., 1994. Pp. 23, 24 (in Russ.).
 21. Stepanenko R.F. Cultural approach to law: problems of interdisciplinary research // State and Law. 2022. No. 1. Pp. 64–74 (in Russ.).
 22. Trofimov V.V. Communication of civil society and public authorities on the platform of legal co-creation as a social tool for leveling and stabilizing the course of state and legal development (introduction to the problem) // Law: history and modernity. 2018. No. 1. Pp. 73–82 (in Russ.).
 23. Trofimov V.V. Solidarity and conflict types of communication and law: natural connections // Jurisprudence. 2015. No. 3. Pp. 11, 13 (in Russ.).
 24. Filippova S. Yu. Instrumental approach in the science of private law. M., 2013. P. 200 (in Russ.).
 25. Frolova E.A. Historical and logical methods of studying law: from the history of the Philosophy of Law // State and Law. 2021. No. 1. Pp. 36–42 (in Russ.).
 26. Shubina M.P. Integrated approach and interaction of theories // Methodological problems of complex research. Novosibirsk, 1983. P. 166 (in Russ.).

Сведения об авторах

МАЛЬКО Александр Васильевич —
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
главный научный сотрудник
Научно-исследовательского института
государственно-правовых исследований
Тамбовского государственного университета
им. Г.Р. Державина; 392008 г. Тамбов,
ул. Советская, д. 181 б
ORCID: 0000-0003-3204-9696

ТРОФИМОВ Василий Владиславович —
доктор юридических наук, доцент,
начальник Научно-исследовательского
института государственно-правовых
исследований, профессор кафедры
теории и истории государства и права
Тамбовского государственного
университета им. Г.Р. Державина;
392008 г. Тамбов, ул. Советская, д. 181 б
ORCID: 0000-0002-5039-7363

САМОРОДОВ Владимир Юрьевич —
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института
государственно-правовых исследований
Тамбовского государственного
университета им. Г.Р. Державина;
392008 г. Тамбов, ул. Советская, д. 181 б
ORCID: 0000-0003-1078-5430

Authors' information

MAL'KO Alexander V. —
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of Science
of the Russian Federation,
Chief Researcher of Research
Institute of State and Legal Research,
Derzhavin Tambov State University;
181 b Sovetskaya str., 392008 Tambov, Russia

TROFIMOV Vasily V. —
Doctor of Law, Associate Professor,
Head of Research
Institute of State and Legal Research,
Derzhavin Tambov State University;
181 b Sovetskaya str., 392008 Tambov, Russia

SAMORODOV Vladimir Yu. —
PhD in Law,
Senior Researcher of Research Institute
of State and Legal Research,
Derzhavin Tambov State University;
181 b Sovetskaya str., 392008 Tambov, Russia

УДК 340

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ: ИДЕАЛЬНАЯ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИЛИ ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

© 2025 г. В. В. Кожевников

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

E-mail: kta6973@rambler.ru

Поступила в редакцию 09.01.2023 г.

Аннотация. В статье анализируется и оценивается тот вид правосознания, который в отечественной литературе определялся и определяется как профессиональное правосознание, которое, по мнению автора, должно отвечать следующим требованиям: достаточно хорошо знать действующее законодательство, применяемое на практике, уважительное отношение к праву и, как следствие, умение применять законодательство, вынося эффективные и законные решения. Подчеркивая, что было бы алогичным сводить в один вид носителей профессионального правосознания тех должностных лиц, которые осуществляют свою профессиональную деятельность на основе закона, и тех правоприменителей, которые совершают правонарушения и даже преступления, проявляя при этом негативное отношение к закону, обосновывается позиция, согласно которой анализируемый вид правосознания следует рассматривать как идеальную теоретическую модель и определять его как практическое правосознание.

Ключевые слова: правосознание, обыденное правосознание, научное правосознание, профессиональное правосознание, специальная юридическая подготовка, деформации профессионального правосознания, идеальная теоретическая модель, практическое правосознание.

Цитирование: Кожевников В. В. Профессиональное правосознание: идеальная теоретическая модель или правовая реальность? // Государство и право. 2025. № 1. С. 48–58.

DOI: 10.31857/S1026945225010036

PROFESSIONAL LEGAL CONSCIOUSNESS: AN IDEAL THEORETICAL MODEL OR LEGAL REALITY?

© 2025 V. V. Kozhevnikov

Dostoevsky Omsk State University

E-mail: kta6973@rambler.ru

Received 09.01.2023

Abstract. The article analyzes and evaluates the type of legal consciousness, which in the domestic literature has been defined and is defined as professional legal consciousness, which, according to the author, must meet the following requirements: it is enough to know the current legislation applied in practice, respectful attitude to law and how consequence, the ability to apply the law, making effective and legal decisions. Emphasizing that it would be illogical to reduce into one type of carriers of professional legal consciousness those officials who carry out their professional activities on the basis of the law, respecting the law, and those law enforcers who commit offenses and even crimes, while showing a negative attitude towards the law, the position is substantiated, according to which the analyzed type of legal consciousness is considered as an ideal theoretical model and defined as practical legal consciousness.

Key words: legal awareness, ordinary legal awareness, scientific legal awareness, professional legal awareness, special legal training, deformations of professional legal awareness, ideal theoretical model, practical legal awareness.

For citation: Kozhevnikov, V.V. (2025). Professional legal consciousness: an ideal theoretical model or legal reality? // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 48–58.

Введение

Представляется, что актуальность правосознания не может вызывать сомнений, ибо оно, являясь субъективной предпосылкой того или иного вида правового поведения (правомерного или неправомерного), проявляет себя с точки зрения различных аспектов государственно-правовой действительности: это наряду с правовой культурой – элемент работы механизма правового регулирования, который создает субъективную среду его функционирования; это структурный элемент (господствующая правовая идеология) национальной правовой системы и т.д. Ни одно явление, в том числе и право, не может оказывать воздействие на общественные отношения, предварительно не отражаясь в правосознании. Правосознание есть своеобразный фильтр, через который пропускают факторы, влияющие на право.

Е.А. Фролова замечает, что понятие правового сознания ориентировано на личность (сфера самосознания и мотивации юридически значимых действий, индивидуальные расхождения в оценках правовой реальности и желаемых образцов в сфере государства и права и др.)¹. «Человек имеет правосознание независимо от того, знает он об этом или не знает, дорожит этим достоянием или относится к нему с пренебрежением. Вся жизнь человека и вся его судьба слагаются при участии правосознания и под его руководством; мало того, жить значит для человека жить правосознанием, в его функциях и его терминах, ибо оно остается всегда одною из великих и необходимых форм человеческой жизни»².

Правосознание – это своеобразный «фильтр», через который пропускаются разнообразные факторы, влияющие на право. Как отмечала Е.А. Лукашева, «правосознание, отражая объективные условия общественного развития, направляет, регулирует и координирует социальную практическую деятельность людей, преобразуясь в ходе этой деятельности, наполняясь новым содержанием»³.

Большой вклад в развитие теории правосознания внесли советские ученые-теоретики⁴.

Так, например, М.Ф. Орзих подчеркивал, что «правосознание... в структуре личности не только обеспечивает познание правовой действительности, но приобретает роль источника деятельности, активности человека – важного фактора человеческой индивидуальности, в котором воплощаются, реализуются все возможности, свойство человека»⁵.

В.А. Щегорцов, акцентируя внимание на социологическом аспекте изучения правосознания, утверждал, что «расширение демократических основ развития... общества, возрастание роли субъективного фактора общественного развития, дальнейшее укрепление законности обуславливают необходимость соответствующего уровня правового сознания, а следовательно, и более детальной разработки правовой наукой проблемы правосознания: изучения его структуры и содержания, факторов, влияющих на него; рассмотрения взаимосвязи правосознания с другими формами общественного сознания; исследования механизма воздействия правосознания на поведение людей и т.д.»⁶.

Правосознание с необходимостью предполагает носителя (субъекта), значение которого «в любой деятельности переоценить сложно: от него зависит достижение результата, поэтому проблемы, связанные с недостатком определенной компетенции, перегруженностью, особенностями правового статуса и т.д., непосредственным образом сказываются на эффективности осуществления им правоприменительных процедур»⁷.

Солидаризируясь с учеными, считаем, что «процесс воздействия права на общественные отношения невозможен без активной творческой роли правосознания, поскольку оно осуществляется посредством воздействия на волю и сознание индивида»⁸.

⁴ См.: Фарбер Н.Е. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1962; Рябоко И.Ф. Правосознание и правовое воспитание. Ростов н/Д., 1969; Бельский К.Т. Формирование социалистического правосознания. М., 1989; Остроумов Г.С. Правовое осознание действительности. М., 1989.

⁵ Орзих М.Ф. Личность и право. М., 1975. С. 45.

⁶ Щегорцов В.А. Социология правосознания. М., 1981. С. 14.

⁷ Мамай Е.А. Эффективность правоприменительных процедур (теория, практика, техника) / под науч. ред. В.А. Толстика. М., 2012. С. 142.

⁸ Юрашевич Н.М. Правосознание и право: общность и различие // Государство и право. 2007. № 7. С. 71.

¹ См.: Фролова Е.А. Правосознание, правовая культура и правовая идеология // Философия права: курс: в 2 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2011. Т. 1. С. 392.

² Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. М., 1994. Т. 4. С. 155.

³ Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. С. 5.

Необходимость повышения роли права в регулировании общественных отношений с необходимостью требует формирования в общественном сознании понимания его социального значения, определенного уровня восприятия и уважения его всех членов общества и отдельных индивидов. Как полагает К.В. Аграновский, «государственно-правовое регулирование нуждается в том, чтобы быть понятым в антропогенном, психологическом измерении»⁹.

Однако, несмотря на важность и значимость правосознания с точки зрения как юридической теории, так и практики, остается достаточно спорных, дискуссионных вопросов относительно данного правового феномена: это и его понятие, и предмет отражения, и структура, функции и др.¹⁰

Более того, на наш взгляд, современная теория правосознания имеет ряд пробелов в своем изучении не только отдельных частных аспектов, но и общеметодологических. Это касается, в частности, названного выше антропогенного измерения права и проблем правового субъекта как носителя определенного правосознания. В связи с этим С.Н. Касаткин утверждает, что современной теорией права «правосознание рассматривается прежде всего как отражение юридического бытия, одно из средств функционирования воспроизводства системы права и правопорядка, вследствие чего остается недостаточно разработанной связанность права сознанием, укорененность права в правовом субъекте как деятеле, способном к признанию и утверждению определенных ценностей»¹¹.

Профессиональное правосознание

Нами сосредоточено внимание на одной из классификаций правосознания, которая в теории права проводится на основе такого критерия, как его уровень глубины отражения государственно-правовой действительности.

Как известно, большинство исследователей теории права с позиции данного критерия выделяют следующие виды: 1) обыденное правосознание, которое свойственно основной массе членов общества, формируется на базе повседневной жизни граждан в сфере правового регулирования. Для людей с этим уровнем правосознания характерно знание общих

принципов права, здесь правовые воззрения тесно переплетаются с нравственными представлениями. Это то правосознание, которое не сводимо к чувствам, эмоциям, настроениям и т.д.¹², а имеет также психологическую сторону; источником формирования его выступает повседневный житейский опыт¹³; 2) **профессиональное правосознание**, которое складывается в ходе специальной подготовки (например, при обучении в юридическом учебном заведении), в процессе практической юридической деятельности. Субъекты этого уровня обладают специализированными, детализированными знаниями действующего правосознания, умениями и навыками его применения; 3) научное, теоретическое правосознание, характерное для исследователей, научных работников, занимающихся вопросами правового регулирования общественных отношений¹⁴.

В основном соглашаясь с предложенной классификацией правосознания, обращаем внимание, что подавляющее большинство ученых-юристов — сторонники выделения профессионального правосознания. В.Н. Протасов и Н.В. Протасова считают, что «профессиональное правосознание является групповым правосознанием людей, получивших специальное юридическое образование и профессионально занимающихся юридической деятельностью. Профессиональное правосознание — это официально-должностное правосознание»¹⁵.

Хотя в свое время высокий уровень профессионального правосознания чиновники Министерства науки и высшего образования РФ необоснованно приписывали выпускникам юридических вузов. Как известно, будущие правоприменители получают специализированное юридическое образование на основе т.н. комплексного подхода, который, несомненно, имеет положительную характеристику. Анализ же компетенций в прошлом показал, что ряд компетенций вызывал их неприятие. Например, одна из компетенций формулировалась так: «Осознает социальную значимость своей будущей

¹² См.: Лукашева Е.А. Указ. соч. С. 51; Потопейко Д.А. Правосознание как особое социальное явление. М., 1970. С. 98.

¹³ См.: Чефранов В.А. Правовое сознание как разновидность социального отражения (философско-методологический аспект). Киев, 1976. С. 54, 55.

¹⁴ См.: Баранов В.М. Правосознание, правовая культура и правовое воспитание // Теория государства и права: учеб. / под ред. В.К. Бабаева. М., 2007. С. 333; Малько А.В., Кроткова Н.В., Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Обзор Всероссийской научно-практической конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право» и «Правовая культура» на тему «Проблемы взаимосвязей, взаимодействия и устранения противоречий правовой культуры и правосознания с юридической ответственностью» // Государство и право. 2021. № 5. С. 159–171. DOI: 10.31857/S102694520014851-7

¹⁵ Протасов В.Н., Протасова Н.В. Лекции по общей теории права и теории государства. М., 2010. С. 404.

⁹ Аграновский К.В. Мифология и мировоззрение в соотношении с государственно-правовым регулированием // Журнал рос. права. 2002. № 9. С. 84–92.

¹⁰ См., напр.: Кожевников В.В. К проблеме предмета отражения правосознания и его структуры // Государство и право. 2020. № 12. С. 45–56; Методологические проблемы правосознания сотрудников органов внутренних дел: пособие. Л., 1986. С. 21–51; Абрамова А.И. Функции правосознания // Правоведение. 2006. № 5. С. 23–34.

¹¹ Касаткин С.Н. Правосознание как категория правоведения: теоретико-методологический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 4.

профессии, обладает достаточным уровнем профессионального правосознания (ОК-1)¹⁶.

Даже студенты, изучавшую такую важную, методологическую юридическую науку, как теория государства и права, хорошо знают, что профессиональное (пока будем оперировать этим термином) правосознание состоит из взглядов, складывающихся у работников, непосредственно занимающихся юридической деятельностью и имеющих правовые знания и опыт работы (судьи, адвокаты, следователи, прокурорские работники, иные госслужащие, юрисконсульты и т.д.). Профессиональное правосознание формируется на основе получения юридического образования и юридической практики¹⁷.

В.И. Червонюк уточняет, что профессиональное правовое сознание — это представление о праве, которое формируется у служащих государственного аппарата (в особенности у юристов-практиков) на основе мировоззренческой идеологии и специальных юридических знаний, и аккумулирующее юридическую практику, опыт применения права, компетентное понимание всех сторон его содержания¹⁸.

На наш взгляд, выпускники юридических вузов, даже самые лучшие из них, имеют обыденное правосознание, качественно отличающееся от обыденного правосознания граждан, однако стремящееся к профессиональному, которое обуславливается не только субъективными, но и рядом объективных факторов.

Н.Л. Гранат утверждала, что «профессиональное правосознание — это правовое сознание юристов», и «в зависимости от предмета отражения в правосознании юриста образуются сферы, соответствующие разным отраслям правовых отношений (например, хозяйственным, коммерческим, гражданско-правовым, уголовно-правовым, уголовно-процессуальным и т.д.)»¹⁹. Т.Н. Радько считает, что профессиональное правосознание — это правовое сознание тех граждан, которые обладают твердыми знаниями в области юриспруденции и способны правильно применять эти знания в юридической практике, т.е. юристов. Уточняя, автор пишет о том, что «профессиональное правосознание необходимо в определенном объеме не только юристам, но и тем сотрудникам различных органов и организаций, которые связаны с правовыми

отношениями, правовыми документами (работники кадровых, социальных, коммерческих и т.п. служб), ибо их решения должны приниматься на основании и в рамках закона (назначение пенсии, определение меры взыскания, заключение договора и др.)»²⁰.

При проведении научного исследования обращают на себя внимание следующие позиции ученых. Во-первых, точка зрения В.В. Лазарева и С.В. Липеня, которые, охарактеризовав обыденное (или эмпирическое) и теоретическое правосознание, затем пишут, что «специальное внимание обращают, **как правило**, и на правосознание, сформированное конкретной юридической практикой, называя его профессиональным правосознанием». С позиции авторов, «его особенность состоит в доскональном знании правовых норм, регулирующих тот или иной вид юридической деятельности, определенных юридических процедур, это правосознание практикующих юристов: судей, прокуроров, адвокатов, юрисконсультов и т.д.»²¹.

Во-вторых, позиция Е.А. Фроловой, которая вначале указывает, что «в теоретических и публицистических исследованиях немалое внимание уделяется оценкам, сферам направленности, мотивациям профессионального сознания юристов, сопряженным с реальным поведением и их деятельностью в сфере права»²², а затем рассуждает о причинах нарушения законности с их стороны²³. При этом автором подчеркивается, что «ошибки (а могут быть и проступки, и даже преступления. — В.К.) из-за некомпетентности, халатности или коррупции лиц, чей профессиональный долг есть охрана прав человека и гражданина, сопоставимы с ошибками врачей, цена которым жизнь и здоровье человека»²⁴.

Практикующее правосознание

Вызывает весьма большие сомнения, что данный вид правосознания почти все ученые, как советские, так и российские, определяют как профессиональное.

Дело заключается в том, что тем самым мы неоправданно признаем, что каждый субъект

¹⁶ Кожевников В.В. К проблеме компетентностного подхода в обучении студентов юридических вузов // Право и образование. 2019. № 9. С. 45–56.

¹⁷ См.: Проблемы теории государства и права: учеб. / под ред. В.М. Сырых. М., 2008. С. 487.

¹⁸ См.: Червонюк В.И. Теория государства и права: учеб. М., 2006. С. 463.

¹⁹ Гранат Н.Л. Правосознание и правовая культура // Общая теория права и государства: учеб. / под ред. В.В. Лазарева. М., 1994. С. 162.

²⁰ Радько Т.Н. Теория государства и права: учеб. М., 2005. С. 740.

²¹ Лазарев В.В., Липень В.С. Теория государства и права: учеб. М., 2010. С. 397.

²² Фролова Е.А. Указ. соч. С. 413, 414.

²³ Несовершенство действующего законодательства — 55% опрошенных юристов-практиков; отсутствие необходимого профессионального опыта — 41%; слабое знание юристами законодательства — 36%; давление, оказываемое со стороны вышестоящего руководства — 26% (см.: Дашков Г.В. Рец.: Н.Я. Соколов. Профессиональная культура юристов (по итогам социологического исследования): науч.-практ. пособие // Государство и право. 2008. № 9. С. 113).

²⁴ Фролова Е.А. Указ. соч. С. 414.

правоприменения необоснованно рассматривается как носитель профессионального правосознания. Между тем это далеко не так, хотя С.И. Ожегов утверждал противоположное: «профессиональный — относящийся к какой-либо профессии, связанный с профессией»²⁵. И.М. Карелина считает, что «профессионал — это **квалифицированный** человек, продающий результаты своего труда. В отличие от профессионала, дилетант — это человек, не имеющий стандартного уровня профессиональной квалификации»²⁶.

Полагаем, что профессиональное правосознание должно отвечать следующим требованиям: достаточно хорошо знать действующее законодательство, применяемое на практике, уважительное отношение к праву²⁷ и, как следствие, умение применять закон, вынося эффективные и законные решения.

По нашему мнению, было бы алогичным сводить в один вид носителей профессионального правосознания тех должностных лиц, которые осуществляют свою профессиональную деятельность на основе закона, и тех правоприменителей, которые совершают правонарушения и даже преступления, проявляя при этом негативное отношение к закону.

Этимология слова «вид» (лат. *species*) раскрывается в логическом смысле как понятие, которое образуется посредством выделения **общих признаков в индивидуальных понятиях**²⁸.

Тот вид правосознания, который достаточно долгое время учеными определялся в прошлом и определяется сегодня как профессиональное правосознание, не должен признаваться как существующая правовая реальность. На наш взгляд, это идеальная теоретическая модель или, иными словами, юридическая конструкция.

Идеализация — мыслительная процедура, связанная с образованием абстрактных (идеализированных) объектов, принципиально не осуществимых в действительности. Данные объекты не есть «чистые фикции», а весьма сложное и очень опосредованное выражение реальных процессов. Они представляют собой некоторые предельные случаи последних, служат средством их анализа и построения теоретических представлений о них.

Представители общей философии, обращаясь к методологии научного исследования, обращают внимание на следующие положения. Во-первых,

идеализированный объект в конечном счете выступает как отражение реальных предметов и процессов. Образовав с помощью идеализации такого рода объектов теоретические конструкции, можно в дальнейшем оперировать ими в рассуждениях как реально существующей вещью и строить абстрактные схемы реальных процессов, служащие для более глубокого их понимания.

Во-вторых, теоретические утверждения, как правило, непосредственно относятся не к реальным, а к идеализированным объектам, познавательная деятельность с которыми позволяет устанавливать существенные связи и закономерности, недоступные при изучении реальных объектов, взятых во всем многообразии их эмпирических свойств и отношений.

В-третьих, в процессе идеализации происходит предельное отвлечение от реальных свойств предмета с одновременным введением в содержание образуемых понятий признаков, не реализуемых в действительности. В результате образуется т.н. идеализированный объект, которым может оперировать теоретическое мышление при отражении реальных объектов.

И наконец, в-четвертых, в результате идеализации образуется такая теоретическая модель, в которой характеристики и стороны познаваемого объекта не только отвлечены от фактического эмпирического материала, но и путем мысленного конструирования выступают в более резко и полно выраженном виде, чем в действительности²⁹.

Общеизвестно какое большое внимание в процессе познания правовых явлений и процессов придавал научным абстракциям Д.А. Керимов³⁰.

В.Н. Жуков полагает, что для построения теоретического знания, помимо иных методов, важен метод идеализации, который означает представление чего-нибудь в более совершенном виде. С помощью метода идеализации ученый создает модель реального объекта, наделенного совершенными свойствами. Наличие такой модели позволяет давать оценку реальным объектам, анализировать тенденции их позитивного или негативного развития (например, идеальное правовое государство служит критерием оценки далекого от модели реального государства)³¹.

В рамках методологических проблем юридической науки вопросам юридических конструкций уделял достаточно внимания Н.Н. Тарасов, который

²⁵ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1984. С. 543.

²⁶ Человек и профессия: путь к гармонии / под науч. ред. М.А. Дмитриевой. Омск, 2005. С. 3.

²⁷ См.: Сальников В.П. Уважение к праву в деятельности органов внутренних дел. Л., 1987.

²⁸ См.: Философский энциклопедический словарь / ред.-сост.: У.Ф. Губский, Г.В. Короблева, В.А. Лутченко. М., 2000. С. 66.

²⁹ См.: Кохановский В.П., Лешкевич Т.Г., Матяш Т.П., Фатхи Т.Б. Основы философии науки: учеб. пособие. Ростов н/Д., 2010. С. 351, 352.

³⁰ См.: Керимов Д.А. Методология права; предмет, функции, проблемы философии права. М., 2001. С. 127–157.

³¹ См.: Жуков В.Н. Методология теории государства и права // Теория государства и права: учеб. / под ред. О.В. Мартышина. М., 2007. С. 42.

подчеркивал, что создание научных юридических конструкций необходимо рассматривать в рамках сложного познавательного процесса, и недостаточно его отождествлять с простым отражением явления в сознании по принципу прямого мыслительного образа»³². С его точки зрения, «прежде чем конструировать научную модель, необходимо проведение научных исследований избранных свойств, формирование определенных представлений и знаний об этих свойствах, т.е. то, что иногда называют “предмодельными разработками”. В противном случае мы рискуем получить некоторую репрезентацию объекта, находящуюся с ним не в модельных отношениях, а например, в иллюстративных (макет)»³³.

По этому поводу Н.М. Коркунов писал: «Для того чтобы расширить обобщения и дать им надежную постановку, необходимо предварительно подвергнуть представляющийся нам в наблюдении материал известной обработке. Мы подвергаем для этого наши представления анализу, разлагая их на составные элементы с тем, чтобы найти общие элементы, из различных комбинаций которых составляется все разнообразие наших представлений известного рода. Затем полученные посредством анализа общие элементы наших представлений мы комбинируем уже сознательно и так, как того требуют цели научного исследования, конструируя таким образом научные понятия, которые, как идеальные построения, не суть простые копии действительности, но своеобразные, требующиеся для целей науки, конструкции»³⁴.

Интересно заметить, что даже авторы, признающие профессиональный уровень правосознания, которое отличается высокой устойчивостью, уважением права, готовностью следовать его предписаниям, предполагающий максимально полную правовую информированность, установку на активное, творческое правомерное поведение, обращают внимание и на его деформации, «порождаемые прежде всего юридической практикой, в том числе обвинительный уклон, известный формализм, стремление действовать в соответствии с “буквой”, а не “духом” закона и др.»³⁵.

Необходимо отметить, что в юридической науке нет общепринятого определения **деформации профессионального правосознания**. Так, Н.Н. Вопленко предлагает рассматривать профессиональную деформацию юриста как своеобразный

негативно-правовой стиль его мышления, отношения и поведения в практической деятельности»³⁶.

Под деформацией профессионального правосознания также понимается изменение характеристик личности и ее профессиональных возможностей в асоциальную сторону, обусловленное как процессом формирования личности, так и особенностями содержания, организации и условий ее профессиональной деятельности»³⁷. По мнению П.Г. Пивоварова, «главной причиной деформации профессионального правосознания считается глубокая ценностная девальвация права и законности...»³⁸.

Опасность профессиональной деформации заключается не столько в ней самой, сколько в отношении к ней. Знание рассматриваемого явления и в связи с этим критическое отношение к оценке своих решений и действий могут предостеречь практических работников от неверных поступков. Напротив, отсутствие критичности, самонадеянность и самоуспокоенность, забвение того, что каждое юридическое дело индивидуально, проявление чувства всезнания и отсюда своей непогрешимости могут привести к обвинительному уклону и обусловить серьезные ошибки в процессе правоприменения. Профессиональная деформация — это негативное социально-психологическое явление, предстающее в виде разнообразных личностных поведенческих проявлений, оказывающих деструктивное влияние на процесс и результат профессиональной деятельности. Это такое состояние, при котором человек переносит образы некоторой группы людей на всех, например врач начинает считать всех людей больными, надзиратель — заключенными, следователь — преступниками (подозреваемыми). Это лишь одно из проявлений профессиональной деформации.

Профессиональная деформация влияет на снижение эмпатийных (от слова «эмпатия» как понимание чувств других людей и готовность оказать эмоциональную поддержку; это — способность поставить себя на место другого человека (или предмета), способность к сопереживанию, способность воспринимать внутренний мир другого точно с сохранением эмоциональных и смысловых оттенков) качеств личности — появляется черствость, нежелание принимать чужую боль на себя, отсутствие милосердия и гуманности, нежелание и неумение понять другого человека; появляется нежелание общаться, снижается тактичность, проявляется грубость; снижение ответственности. Например, при

³² Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 253.

³³ Там же.

³⁴ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1904. С. 349.

³⁵ Морозова Л.А. Теория государства и права: учеб. М., 2007. С. 403.

³⁶ См.: Вопленко Н.Н. Правосознание и правовая культура: учеб. пособие. Волгоград, 2000. С. 23.

³⁷ См.: Кузнецов Р.А. Деформация профессионального правосознания юристов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 3.

³⁸ Пивоваров П.Г. Профессиональная этика сотрудников органов внутренних дел: учеб. Караганда, 1996. С. 99.

совершении убийства у сотрудников органов внутренних дел на первый план выдвигается следующий вопрос: совершено деяние в условиях очевидно или неочевидности?

Как пишет М.И. Еникеев, «властные полномочия следователя могут вызвать и закрепить такие негативные личностные качества, как высокомерие, чванливость, грубость, душевная черствость. Постоянное подчинение деятельности следователя процессуальной регламентации может содействовать ригидности (т.е. затрудненности или невозможности изменения программы действий в ситуациях, требующих ее перестройки. — В.К.), негибкости, приверженности к шаблонным решениям, формализму; постоянное соприкосновение с асоциальными проявлениями — сформировать устойчивую подозрительность, предвзятость, склонность к обвинительному уклону в своей деятельности. Часто возникающий дефицит времени может привести к торопливости, поверхностности, пренебрежительности к отдельным процессуальным требованиям. Эти возможные проявления личностно-профессиональной деформации должны быть сняты развитым устойчивым самоконтролем следователя»³⁹.

При этом подчеркнем, что профессиональная деформация правоприменяющих субъектов органов внутренних дел в разнообразных формах ее проявления объективно обуславливает не только негативные юридические, но и неюридические последствия, в частности низкую оценку населением деятельности соответствующих правоохранительных органов. Она касается не только правовых аспектов профессионального сознания, но и нравственных, и психологических⁴⁰.

В частности, специалисты в области юридической психологии И.Д. Мариновская и С.Н. Тихомиров убеждены в том, что «взаимное влияние юридической деятельности и индивидуальных особенностей личности может привести к профессиональной деформации». Как пишут авторы, «в этом случае поведение некоторых юристов определяется либо чувством интеллектуального превосходства, которое обусловлено тем, что он знает нечто известное только ему и недоступное “простым смертным”, либо ощущением собственной власти, когда он рассматривает себя в качестве человека, призванного распоряжаться “частью вселенной”, либо твердыми установками на “кормление”, имеющими в России длительные исторические корни»⁴¹.

³⁹ Еникеев М.И. Юридическая психология: учеб. М., 2000. С. 121.

⁴⁰ См.: Караваев А.Ф., Марьин М.И., Петров В.Е. Основы психопрофилактики профессиональной деформации личности сотрудников внутренних дел: учеб. пособие. Омск, 2007.

⁴¹ Мариновская И.Д., Тихомиров С.Н. Юридическая психология: учеб. пособие. М., 2005. С. 179.

В.К. Самигуллин, определяя профессиональное правосознание как «элемент профессиональной культуры; чувства, убеждения, традиции, складывающиеся в процессе специальной подготовки и постоянно “подпитываемые” юридической практикой, взятой во всей ее сложности», особо обращает внимание на профессиональную деформацию, которая «может выражаться в переоценке профессионалами (дознателями, следователями, прокурорами, адвокатами, судьями) своих знаний, снижении самокритичности в отношении принимаемых решений, пренебрежении формальными требованиями закона, если они расходятся с их мнениями...»⁴².

В своем монографическом исследовании Н.Я. Соколов отмечает, что, «имея свои исключительные стороны, обусловленные специализацией, правовое сознание юристов по этой же причине страдает недостатками... Одностороннее влияние профессионального опыта юристов может привести к костным стереотипам, шаблонным оценкам, снижению эмоционального отношения к происходящему, пренебрежению непрофессиональным мнением. Встречаются и такие юристы, которые подвержены формализму, бюрократизму, а порой и сами встают на путь нарушения требований закона»⁴³.

Результатом социологических исследований Н.Я. Соколова явилась типология юристов, в основе которой лежит правовой консенсус юристов с точки зрения духа и буквы закона, а также их социальная активность в сфере права: 1) службист — умело сочетает дух и букву закона, но не стремится к каким-либо изменениям закона и практики; 2) прагматик — понимает дух и букву закона, но заинтересован прежде всего в «прохождении» дела и в этой связи ориентируется на мнение лиц, от которых зависит окончательное решение вопроса; 3) энтузиаст — умело сочетает дух и букву закона, стремится в общественных интересах к совершенствованию законодательства и юридической практики; 4) флюгер — допускает отступления от требований закона под давлением вышестоящих или местных руководителей; 5) педант — предельно строго руководствуется буквой закона, но поступает подчас его духом ради соблюдения формы; 6) антипедант — руководствуется духом закона, но подчас допускает отступление от его буквы; 7) карьерист — склонен поступиться законом ради продвижения по службе; 8) бюрократ — заслоняется законом или якобы «не замечает» букву закона, выхолащивает его дух ради своего удобства и спокойствия; 9) лжеюрист — попирает в личных целях закон, пользуясь своим служебным положением»⁴⁴.

⁴² Самигуллин В.К. Правосознание: корень добра и справедливости. Уфа, 2009. С. 83.

⁴³ Соколов Н.Я. Профессиональное сознание юристов / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1988. С. 22.

⁴⁴ См.: там же. С. 204.

Наблюдения и выводы Н.Я. Соколова относятся ко второй половине 80-х годов XX в., но они не потеряли свое значение и применительно к нашему времени.

В контексте настоящего исследования весьма актуальными являются рассуждения Н.Л. Гранат, по мнению которой становление специалиста, в частности следователя, проходит как бы два этапа:

1) в течение первых 5–7 лет работы в одной и той же службе, в одной и той же должности или по одной и той же специальности работник в нормальных условиях овладевает профессией, приобретает квалификацию;

2) через 7–10 лет и более продолжительное время при не изменении профиля и характера работы, отсутствии иммунитета и эффективной профилактики происходят нежелательные изменения сознания и личности работника, которые принято называть «профессиональная деформация». Автор утверждала, что последняя является объективной закономерностью, во всяком случае при решении мыслительных задач в юридически значимых ситуациях. Действие ее усиливается или ослабевает в зависимости от обстановки, атмосферы, в которых профессиональная деятельность и личность реализуется.

Н.Л. Гранат особое внимание обращала на то обстоятельство, что профессиональная деформация с необходимостью обуславливает нежелательные изменения в представлении и оценке принципов норм права и морали, их ценности и функций. На общесоциальном, мировоззренческом уровне такая деформация получила название «правовой нигилизм». Причем последний, по ее мнению, как результат социально-психологической деформации профессионально-правового сознания выражается в непризнании: 1) приоритета прав и свобод личности; 2) права и законности в качестве высших морально-политических ценностей; 3) умалении их роли и значения в иерархии иных предпочтений и приоритетов⁴⁵.

Говоря о преступности в правоохранительных органах, И.И. Карпец отмечал, что «не меньшей трагедией для сотрудников является то, что они подвержены обратному влиянию самого преступного мира. Они видят зло насильственной преступности и сами привыкают к применению насилия»⁴⁶.

Больше всего приговоров за коррупцию в российских правоохранительных органах (672 из 898) с января по сентябрь 2021 г. было вынесено в отношении

полицейских, сообщил РИА «Новости» генеральный прокурор РФ И.В. Краснов. По его словам, за девять месяцев текущего года в судах с участием прокуроров рассмотрено 8946 уголовных дел коррупционной направленности в отношении 9948 лиц. Вынесены обвинительные приговоры по 7328 уголовным делам в отношении 8088 лиц, в том числе 467 должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления (исполнительная власть — 171, исполнительная власть в субъектах — 61, главы муниципалитетов и местных администраций — 130). «Кроме того, депутаты субъектов Федерации — 7, депутаты органов местного самоуправления — 43, должностные лица правоохранительных органов — 898 (в том числе органов внутренних дел — 672, приставы — 47, таможня — 30, следствие и дознание — 62 (СК — 19, МВД — 38), прокуроров — 16, судей — 9)»⁴⁷. Не приводя никаких статистических данных, заместитель главы Федеральной службы исполнения наказания В. Максименко отмечала, что последние годы в стране стала ощущаться острая нехватка зон для содержания осужденных силовиков⁴⁸.

Вышеизложенное, представляется, не позволяет назвать анализируемый уровень правосознания как профессиональный. По мнению Н.Я. Соколова, речь должна идти о практическом уровне правосознания, которое «связано с опытом непосредственного воздействия на реальную общественную жизнь... имеет большую четкость и организованность, опирается на опыт правового строительства»⁴⁹. Автор пишет о том, что «целесообразно в структуре правового сознания общества наряду с научным и обыденным выделить еще один, промежуточный уровень — **практический**»⁵⁰.

В других работах Н.Я. Соколов также акцентирует внимание на практическом уровне правосознания, выделение которого «обуславливается в конечном счете самой природой права, отражающего реальную действительность более непосредственно, чем другие субъективные факторы, и более прямо ориентированного на саму реализацию в ней». Автор, рассуждая, пишет о том, что «правовое сознание принадлежит к одной из наиболее активно действующих разновидностей общественного сознания, ибо в нем

⁴⁷ Полицейских в 2021 году чаще других правоохранителей осуждали за коррупцию. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/23b25c67> (дата обращения: 06.10.2022).

⁴⁸ См.: В России катастрофически не хватает мест заключения для полицейских и депутатов. URL: <https://versia.ru/v-rossii-katastroficheski-ne-xvataet-mest-zaklyucheniya-dlya-policejskix-i-deputatov> (дата обращения: 06.10.2022).

⁴⁹ Соколов Н.Я. Правосознание и правовая культура // Теория государства и права: учеб. / под общ. ред. О.В. Мартышина. С. 425.

⁵⁰ Соколов Н.Я. Профессиональное сознание юристов / отв. ред. Е.А. Лукашева. С. 204.

⁴⁵ См.: Гранат Н.Л. Деформации профессионального сознания личности работников правоохранительных органов и возможности ее профилактики // Проблемы действия права в новых исторических условиях. М., 1993. С. 30–40.

⁴⁶ Карпец И.И. Преступность (Иллюзия и реальность). М., 1992. С. 37.

социально-практическая сторона как бы преобладает над познавательной и оценочной функциями»⁵¹.

Представляется, что ученые, оценивающие данный уровень правосознания, стоят перед дилеммой с точки зрения его наименования — профессиональное правосознание или практическое правосознание. Так, утверждается, что «вычленение практического уровня особенно оправданно в отношении профессионального уровня юристов, так как оно наиболее тесно связано с практикой правового строительства обеспечением регулирующего воздействия права на общественные отношения»⁵².

Следует согласиться с обоснованной точкой зрения Д.А. Керимова, который видел одну из специфик правового сознания в диалектическом соединении в нем трех различных видов (уровней) сознания: обыденного, непосредственного (эмоционального), отражающего правовые отношения людей в их повседневной жизни; **практического**, основанного на опыте правового строительства; научного, связанного с исследованием того круга явлений, познание которых необходимо для решения правовых проблем⁵³.

Заключение

В заключение настоящей научной статьи, автор которой выступает против выделения долгого времени отечественной юридической наукой профессионального правосознания, подчеркнем, и на это хочется надеяться, что обоснованный вывод об этом принципиальном положении является истинным.

В этой связи приведем утверждения В.Н. Жукова: «Когда говорят об истине, всегда хочется подчеркнуть ее объективный, не зависимый от человека характер... Тезис об объективности истины не следует понимать буквально как абсолютно точный, всесторонний и полный слепок действительности. Объективность истины — некое допущение, принятая в научном мире условность, требующая многочисленных оговорок. Факты действительности, проходя бесчисленные лабиринты человеческого сознания, зачастую приобретают далекий от оригинала вид. Наши представления о вещах — всегда мысленный образ, понятие, а не сама вещь, между представлением о вещах и самими вещами дистанция большего или меньшего размера»⁵⁴.

⁵¹ Соколов Н.Я. Понятие правосознания // Теория государства и права: учеб. / под ред. М.М. Рассолова. М., 2004. С. 511.

⁵² Там же.

⁵³ См.: Право, правосознание, мировоззрение (Круглый стол) // Сов. государство и право. 1975. № 7. С. 41.

⁵⁴ Жуков В.Н. Философия права: учеб. М., 2019. С. 27.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова А.И. Функции правосознания // Правоведение. 2006. № 5. С. 23—34.
2. Аграновский К.В. Мифология и мировоззрение в соотношении с государственно-правовым регулированием // Журнал рос. права. 2002. № 9. С. 84—92.
3. Баранов В.М. Правосознание, правовая культура и правовое воспитание // Теория государства и права: учеб. / под ред. В.К. Бабаева. М., 2007. С. 333.
4. Бельский К.Т. Формирование социалистического правосознания. М., 1989.
5. Вопленко Н.Н. Правосознание и правовая культура: учеб. пособие. Волгоград, 2000. С. 23.
6. Гранат Н.Л. Деформации профессионального сознания личности работников правоохранительных органов и возможности ее профилактики // Проблемы действия права в новых исторических условиях. М., 1993. С. 30—40.
7. Гранат Н.Л. Правосознание и правовая культура // Общая теория права и государства: учеб. / под ред. В.В. Лазарева. М., 1994. С. 162.
8. Дашков Г.В. Рец.: Н.Я. Соколов. Профессиональная культура юристов (по итогам социологического исследования): науч.-практ. пособие // Государство и право. 2008. № 9. С. 113.
9. Еникеев М.И. Юридическая психология: учеб. М., 2000. С. 121.
10. Жуков В.Н. Методология теории государства и права // Теория государства и права: учеб. / под ред. О.В. Мартышина. М., 2007. С. 42.
11. Жуков В.Н. Философия права: учеб. М., 2019. С. 27.
12. Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. М., 1994. Т. 4. С. 155.
13. Караваев А.Ф., Марьин М.И., Петров В.Е. Основы психо-профилактики профессиональной деформации личности сотрудников внутренних дел: учеб. пособие. Омск, 2007.
14. Карпец И.И. Преступность (Иллюзия и реальность). М., 1992. С. 37.
15. Касаткин С.Н. Правосознание как категория правоведения: теоретико-методологический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 4.
16. Керимов Д.А. Методология права; предмет, функции, проблемы философии права. М., 2001. С. 127—157.
17. Кожевников В.В. К проблеме предмета отражения правосознания и его структуры // Государство и право. 2020. № 12. С. 45—56.
18. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1904. С. 349.
19. Кохановский В.П., Лешкевич Т.Г., Матяш Т.П., Фатхи Т.Б. Основы философии науки: учеб. пособие. Ростов н/Д., 2010. С. 351, 352.
20. Кузнецов Р.А. Деформация профессионального правосознания юристов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 3.
21. Лазарев В.В., Липень В.С. Теория государства и права: учеб. М., 2010. С. 397.

22. Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. С. 5, 51.
23. Малько А.В., Кроткова Н.В., Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Обзор Всероссийской научно-практической конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право» и «Правовая культура» на тему «Проблемы взаимосвязей, взаимодействия и устранения противоречий правовой культуры и правосознания с юридической ответственностью» // Государство и право. 2021. № 5. С. 159–171. DOI: 10.31857/S102694520014851-7
24. Мамай Е.А. Эффективность правоприменительных процедур (теория, практика, техника) / под науч. ред. В.А. Толстика. М., 2012. С. 142.
25. Мариновская И.Д., Тихомиров С.Н. Юридическая психология: учеб. пособие. М., 2005. С. 179.
26. Методологические проблемы правосознания сотрудников органов внутренних дел: пособие. Л., 1986. С. 21–51.
27. Морозова Л.А. Теория государства и права: учеб. М., 2007. С. 403.
28. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1984. С. 543.
29. Орзих М.Ф. Личность и право. М., 1975. С. 45.
30. Остроумов Г.С. Правовое осознание действительности. М., 1989.
31. Пивоваров П.Г. Профессиональная этика сотрудников органов внутренних дел: учеб. Караганда, 1996. С. 99.
32. Потопейко Д.А. Правосознание как особое социальное явление. М., 1970. С. 98.
33. Право, правосознание, мировоззрение (Круглый стол) // Сов. государство и право. 1975. № 7. С. 41.
34. Проблемы теории государства и права: учеб. / под ред. В.М. Сырых. М., 2008. С. 487.
35. Протасов В.Н., Протасова Н.В. Лекции по общей теории права и теории государства. М., 2010. С. 404.
36. Радько Т.Н. Теория государства и права: учеб. М., 2005. С. 740.
37. Рябко И.Ф. Правосознание и правовое воспитание. Ростов н/Д., 1969.
38. Сальников В.П. Уважение к праву в деятельности органов внутренних дел. Л., 1987.
39. Самигуллин В.К. Правосознание: корень добра и справедливости. Уфа, 2009. С. 83.
40. Соколов Н.Я. Понятие правосознания // Теория государства и права: учеб. / под ред. М.М. Рассолова. М., 2004. С. 511.
41. Соколов Н.Я. Правосознание и правовая культура // Теория государства и права: учеб. / под общ. ред. О.В. Мартышина. М., 2007. С. 425.
42. Соколов Н.Я. Профессиональное сознание юристов / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1988. С. 22, 204.
43. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 253.
44. Фарбер Н.Е. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1962.
45. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост.: У.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М., 2000. С. 66.
46. Фролова Е.А. Правосознание, правовая культура и правовая идеология // Философия права: курс: в 2 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2011. Т. 1. С. 392, 413, 414.
47. Человек и профессия: путь к гармонии / под науч. ред. М.А. Дмитриевой. Омск, 2005. С. 3.
48. Червонюк В.И. Теория государства и права: учеб. М., 2006. С. 463.
49. Чепранов В.А. Правовое сознание как разновидность социального отражения (философско-методологический аспект). Киев, 1976. С. 54, 55.
50. Шегорцов В.А. Социология правосознания. М., 1981. С. 14.
51. Юрашевич Н.М. Правосознание и право: общность и различие // Государство и право. 2007. № 7. С. 71.

REFERENCES

1. Abramova A.I. The functions of legal awareness // Law studies. 2006. No. 5. Pp. 23–34 (in Russ.).
2. Agranovsky K.V. Mythology and worldview in relation to state-legal regulation // Journal of Russ. law. 2002. No. 9. Pp. 84–92 (in Russ.).
3. Baranov V.M. Legal awareness, legal culture and legal education // Theory of the state and law: textbook. / ed. by V.K. Babaev. M., 2007. P. 333 (in Russ.).
4. Belsky K.T. Formation of socialist legal consciousness. M., 1989 (in Russ.).
5. Voplenko N.N. Legal consciousness and legal culture: textbook. Volgograd, 2000. P. 23 (in Russ.).
6. Granat N.L. Deformations of professional consciousness of the personality of law enforcement officers and the possibility of its prevention // Problems of law in new historical conditions. M., 1993. Pp. 30–40 (in Russ.).
7. Granat N.L. Legal awareness and legal culture // General theory of law and the state: textbook / ed. by V.V. Lazarev. M., 1994. P. 162 (in Russ.).
8. Dashkov G.V. Rec.: N. Ya. Sokolov. Professional culture of lawyers (based on the results of a sociological study): scientific and practical the manual // State and Law. 2008. No. 9. P. 113 (in Russ.).
9. Enikeev M.I. Legal psychology: textbook. M., 2000. P. 121 (in Russ.).
10. Zhukov V.N. Methodology of the theory of state and law // Theory of the state and law: textbook / ed. by O.V. Martyshin. M., 2007. P. 42 (in Russ.).
11. Zhukov V.N. Philosophy of Law: textbook. M., 2019. P. 27 (in Russ.).
12. Ilyin I.A. On the essence of legal awareness // Ilyin I.A. Collected works: in 10 vols. M., 1994. Vol. 4. P. 155 (in Russ.).
13. Karavaev A.F., Maryin M.I., Petrov V.E. Fundamentals of psychophylaxis of professional deformation of the personality of internal affairs officers: textbook. Omsk, 2007 (in Russ.).
14. Karpets I.I. Crime (Illusion and reality). M., 1992. P. 37 (in Russ.).

15. *Kasatkin S.N.* Legal awareness as a category of jurisprudence: theoretical and methodological aspect: abstract ... PhD in Law. Kazan, 2003. P. 4 (in Russ.).
16. *Kerimov D.A.* Methodology of law; subject, functions, problems of Philosophy of Law. M., 2001. Pp. 127–157 (in Russ.).
17. *Kozhevnikov V.V.* On the problem of the subject of reflection of legal consciousness and its structure // State and Law. 2020. No. 12. Pp. 45–56 (in Russ.).
18. *Korkunov N.M.* Lectures on the General theory of law. St. Petersburg, 1904. P. 349 (in Russ.).
19. *Kohanovsky V.P., Leshkevich T.G., Matyash T.P., Fathi T.B.* Fundamentals of the philosophy of science: textbook. Rostov-on-Don, 2010. Pp. 351, 352 (in Russ.).
20. *Kuznetsov R.A.* Deformation of professional legal awareness of lawyers: abstract ... PhD in Law. Yekaterinburg, 2005. P. 3 (in Russ.).
21. *Lazarev V.V., Lipen V.S.* Theory of the state and law: textbook. M., 2010. P. 397 (in Russ.).
22. *Lukasheva E.A.* Socialist legal awareness and legality. M., 1973. Pp. 5, 51 (in Russ.).
23. *Mal'ko A.V., Krotkova N.V., Lipinsky D.A., Musatkina A.A.* Review of the All-Russian scientific and practical conference in the form of a "Round Table" of the journals "State and Law" and "Legal culture" on the topic "Problems of interrelationships, interaction and elimination of contradictions of legal culture and legal awareness with legal responsibility" // State and Law. 2021. No. 5. Pp. 159–171. DOI: 10.31857/S102694520014851-7 (in Russ.).
24. *Mamay E.A.* Effectiveness of law enforcement procedures (theory, practice, technique) / under the scientific ed. of V.A. Tolstik. M., 2012. P. 142 (in Russ.).
25. *Marinovskaya I.D., Tikhomirov S.N.* Legal psychology: textbook. M., 2005. P. 179 (in Russ.).
26. Methodological problems of legal awareness of law enforcement officers: manual. L., 1986. Pp. 21–51 (in Russ.).
27. *Morozova L.A.* Theory of state and law: textbook. M., 2007. P. 403 (in Russ.).
28. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language. M., 1984. P. 543 (in Russ.).
29. *Orzhikh M.F.* Personality and law. M., 1975. P. 45 (in Russ.).
30. *Ostroumov G.S.* Legal awareness of reality. M., 1989 (in Russ.).
31. *Pivovarov P.G.* Professional ethics of law enforcement officers: textbook. Karaganda, 1996. P. 99 (in Russ.).
32. *Potopeiko D.A.* Legal awareness as a special social phenomenon. M., 1970. P. 98 (in Russ.).
33. Law, legal awareness, worldview (Round Table) // Sov. State and Law. 1975. No. 7. P. 41 (in Russ.).
34. Problems of the theory of state and law: textbook / ed. by V.M. Syrykh. M., 2008. P. 487 (in Russ.).
35. *Protasov V.N., Protasova N.V.* Lectures on the General theory of law and theory of the State. M., 2010. P. 404 (in Russ.).
36. *Radko T.N.* Theory of the state and law: textbook. M., 2005. P. 740 (in Russ.).
37. *Ryabko I.F.* Legal awareness and legal education. Rostov-on-Don, 1969 (in Russ.).
38. *Salnikov V.P.* Respect for law in the activities of law enforcement agencies. L., 1987 (in Russ.).
39. *Samigullin V.K.* Legal awareness: the root of goodness and justice. Ufa, 2009. P. 83 (in Russ.).
40. *Sokolov N. Ya.* The concept of legal awareness // Theory of the state and law: textbook / ed. by M.M. Rassolov. M., 2004. P. 511 (in Russ.).
41. *Sokolov N. Ya.* Legal awareness and legal culture // Theory of the state and law: textbook / under the general ed. of O.V. Martyshin. M., 2007. P. 425 (in Russ.).
42. *Sokolov N. Ya.* Professional consciousness of lawyers / ed. by E.A. Lukasheva. M., 1988. Pp. 22, 204 (in Russ.).
43. *Tarasov N.N.* Methodological problems of legal science. Yekaterinburg, 2001. P. 253 (in Russ.).
44. *Farber N.E.* Legal awareness as a form of public consciousness. M., 1962 (in Russ.).
45. Philosophical encyclopedic dictionary / ed.-comp.: U.F. Gubsky, G.V. Korableva, V.A. Lutchenko. M., 2000. P. 66 (in Russ.).
46. *Frolova E.A.* Legal awareness, legal culture and legal ideology // Philosophy of Law: course: in 2 vols / ed. by M.N. Marchenko. M., 2011. Vol. 1. Pp. 392, 413, 414 (in Russ.).
47. Man and profession: the path to harmony / ed. by M.A. Dmitrieva. Omsk, 2005. P. 3 (in Russ.).
48. *Chervonyuk V.I.* Theory of the state and law: textbook. M., 2006. P. 463 (in Russ.).
49. *Chefranov V.A.* Legal consciousness as a kind of social reflection (philosophical and methodological aspect). Kiev, 1976. Pp. 54, 55 (in Russ.).
50. *Shchegortsov V.A.* Sociology of legal awareness. M., 1981. P. 14 (in Russ.).
51. *Yurashevich N.M.* Legal awareness and law: community and difference // State and Law. 2007. No. 7. P. 71 (in Russ.).

Сведения об авторе

КОЖЕВНИКОВ Владимир Валентинович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; 644077 г. Омск, пр-т Мира, д. 55а

Authors' information

KOZHEVNIKOV Vladimir V. — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Dostoevsky Omsk State University; 55a Mira Ave., 644077 Omsk, Russia

ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ,
ФИЛОСОФСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

УДК 340

ИВАН IV И АНДРЕЙ КУРБСКИЙ: ФИЛОСОФИЯ СПОРА

© 2025 г. Е. А. Фролова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: theory.law.msu@gmail.com

Поступила в редакцию 18.11.2024 г.

Аннотация. В статье анализируется спор по вопросам государственного правления одной из самых ярких и противоречивых фигур русской истории – Ивана Грозного – с боярином Андреем Курбским. Показано, что политические воззрения Ивана IV во многом определялись его личными качествами. Согласно позиции Ивана IV, царь ответствен только перед Богом, подданные не могут обсуждать его повеления, перед ними он не несет никакой ответственности. Андрей Курбский, напротив, отстаивал государственный порядок, основанный не на личном усмотрении правителя, а на участии боярского совета в управлении – «синклита». Идеологическая составляющая спора, отраженная в посланиях Курбского, заключалась в самом факте протеста против политики самодержавной власти.

Ключевые слова: история политических и правовых учений, XVI век, Россия, государство, Иван IV, Андрей Курбский.

Цитирование: Фролова Е.А. Иван IV и Андрей Курбский: философия спора // Государство и право. 2025. № 1. С. 59–67.

DOI: 10.31857/S1026945225010047

IVAN IV AND ANDREY KURBSKY: THE PHILOSOPHY OF THE DISPUTE

© 2025 E. A. Frolova

Lomonosov Moscow State University

E-mail: theory.law.msu@gmail.com

Received 18.11.2024

Abstract. The article analyzes the dispute over the issues of state governance between one of the most striking and controversial figures in Russian history, Ivan the Terrible, and the boyar Andrey Kurbsky. It is shown that Ivan IV's political views were largely determined by his personal qualities. According to his views, the tsar is responsible only to God, his subjects cannot discuss his orders, and he bears no responsibility to them. Andrey Kurbsky, on the contrary, defended the state order based not on the personal discretion of the ruler, but on the participation of the boyar council in governance – the “synclitus”. The ideological component of the dispute, reflected in Kurbsky's messages, consisted in the very fact of protest against the policy of autocratic power.

Key words: history of political and legal doctrines, 16th century, Russia, state, Ivan IV, Andrey Kurbsky.

For citation: Frolova, E.A. (2025). Ivan IV and Andrey Kurbsky: the philosophy of the dispute // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 59–67.

Исторические условия спора

В период образования и укрепления русского централизованного государства исторические условия развития страны (освобождение от иноземных захватчиков, преодоление внутренних княжеских распрей, закрепощение крестьянства) способствовали усилению самодержавной царской власти. Широко известна оценка отечественной государственности, данная Н.М. Карамзиным: «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спасалась мудрым самодержавием»¹. Сторонник охранительной идеологии высоко оценивал государственный строй XVI в., отмечая, что политическая система московских государей этого времени вызвала удивление своей мудростью: «имея целью одно благоденствие народа, они воевали только по необходимости, всегда готовые к миру, уклоняясь от всякого участия в делах Европы <...> и, восстановив Россию в умеренном <...> величии, не алкали завоеваний неверных, или опасных, желая сохранить, а не приумножить»².

Теоретический уровень политико-правовых доктрин в России XVI в. сочетал теологические и светские аргументы, при этом схоластические приемы, свойственные западноевропейским учениям, в русской политической мысли не доминировали. В целом политическая идеология России в этот период отличалась программным характером, что находит подтверждение в переписке по вопросам государственной власти Ивана Грозного с боярином Андреем Курбским.

Личность Ивана IV

Иван IV (1530–1584) — старший сын великого князя Василия III Иоанновича от второго брака с Еленой Глинской почти с рождения был обречен властвовать. В три года, после смерти отца, он стал великим князем (1533), с пяти лет принимал участие во всех государственных церемониях, но фактически начал править в 1547 г. 16 января 1547 г. впервые в истории Руси великий князь был венчан на царство по «Чину венчания», составленному митрополитом Московским и Всея Руси Макарием, и стал царем³. За годы его правления в стране произошли большие перемены: почти в полтора раза увеличилась территория, проведены реформы, направленные на централизацию и регламентацию всех областей жизни в обществе. Эти преобразования были добыты слишком высокой ценой: сотни

казненных и насильно постриженных в монахи людей, десятки беглецов, среди которых оказался ближайший сподвижник Грозного — князь Андрей Курбский.

Великое множество жертв сложно было объяснить только лишь государственной необходимостью. Иван IV, анализируя в «Посланиях Андрею Курбскому» причины репрессий, объяснял их унижением, которым он подвергался в раннем возрасте. Выросший в атмосфере интриг, он привык никому не доверять и контролировать каждый шаг приближенных. Подозрительность, своеволие и жестокость Ивана Грозного во многом определили жизнь нашей страны во второй половине XVI в., сделав это время одним из самых ярких и одновременно трагичных в истории России⁴. О времени правления Ивана Грозного Н.М. Карамзин писал: «Внутри самодержавие укоренялось. Никто, кроме государя, не мог ни судить, ни жаловать: всякая власть была изливанием монаршей. Жизнь, имение зависели от произвола царей, и знаменитейшее в России титуло уже было не княжеское, не боярское, но титуло слуги царева. <...> бояре, столь некогда величавые в удельных господствах, роптали на строгость самодержавия; но бегство, или казнь их, свидетельствовали твердость оного. Наконец, царь сделался для всех россиян земным богом»⁵.

Оценка правления Ивана IV во многом определяется его личными качествами. Царствование Ивана Грозного Н.М. Карамзин разбивал на три периода. Вначале, считал историк, испорченный в детстве воспитанием, он, достигнув юношеского возраста, стал своевольным и жестоким; потом подпал под влияние Сильвестра, Адашева и кружка бояр. В этот период его правление демонстрирует признаки политической мудрости и попечения о нравственном и материальном благосостоянии народа; но позднее Иван свергает с себя власть опекунов и становится кровожадным, необузданным, трусливым тираном. Иными словами, до 35 лет Иван IV отличался добрым нравом, но потом, «по какому-то адскому вдохновению, возлюбив кровь, лил оную без вины и сек головы людей, славнейших добродетелями. Бояре и народ во глубине души своей, не дерзая что-либо замыслить против венценосца, только смиренно молили Господа, да смягчит ярость цареви — сию казнь

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России / сост., вступ. ст. и коммент. В.Б. Муравьева. М., 2002. С. 382.

² Там же. С. 383.

³ Биографические данные и оценку творчества Ивана Грозного см.: Иван IV Грозный. Соч. / ст., коммент., сост.: Т. Чумакова. СПб., 2000. С. 5–29 (Азбука-классика).

⁴ См.: там же. С. 6. По оценкам Н.И. Костомарова, в этот период в государстве много было совершено светлого и великого по своим последствиям, но в еще большей степени — мрачного и кровавого (см.: Костомаров Н.И. Личность царя Ивана Васильевича Грозного // Иван Грозный: pro et contra, антология / сост. Н.В. Эйльбарт, Л.Ю. Гусман; вступ. ст. Д.К. Богатырев, Н.В. Эйльбарт, Л.Ю. Гусман. СПб., 2023).

⁵ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 383.

за грехи их!»⁶. По мнению Н.И. Костомарова, царь Иван Васильевич никогда не действовал самостоятельно, напротив, он всю жизнь находился под влиянием то тех, то других: «с одной стороны, он тяготился опекою, но, по недостатку нравственной силы, не мог свергнуть ее с себя сразу и переживал эпоху колебания; оттого выходило, что он то, по прежней привычке, поддавался внушениям своих опекунов и уступал их советам, то перечил им и своевольно приостанавливал ход начатого предприятия и портил его. Кроме того, как самое предприятие представляло для него личные опасности, то здесь вступало в свои права то всегдашнее свойство его характера — трусость, свойство неизменно общее всем подобным ему тиранам»⁷.

В научной литературе отмечается зависимость политических решений Ивана IV от качеств его характера⁸. Действительно, личность царя Ивана Васильевича принадлежала к разряду тех нервных натур, которые нередко встречаются в истории (например, Нерон). Главные качества таких людей блестящим образом описаны Н.И. Костомаровым. Общее для таких лиц свойство — чрезвычайная чувствительность к внешним ощущениям и вследствие этого быстрая смена впечатлений. Воображение у них сильнее рассудка; они беспрестанно создают себе образы, увлекаются ими и при первой возможности готовы их примерять, но легко покидают их, когда появляются препятствия или когда другие образы овладевают их душой. Воля у них, как правило, слабая и они не способны быть великими деятелями. У них мало терпения и нет устойчивости в мыслях и поведении. Такие личности неспособны к самостоятельности и нуждаются в опеке над собой, хотя обыкновенно не замечают этого; когда же они почувствуют унижительность своей зависимости, то начинают ненавидеть тех, кто ими управлял. Они чрезвычайно самолюбивы.

⁶ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 383.

⁷ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 208.

⁸ А. Шлихтинг замечал, что привычка к человекоубийству являлась у Ивана IV повседневной: «Как только рассветает, на всех кварталах и улицах города появляются прислужники Опричнины или убийцы и всех, кого они поймают из тех, кого тиран (Иван IV. — Е.Ф.) приказал им убить, тотчас рассекают на куски, так что почти на каждой улице можно видеть трех, четырех, а иногда даже больше рассеченных людей... А стоит тирану заметить, что народ взволнован столь сильной жестокостью, он переселяется в другое место, чтоб своим отсутствием успокоить скорбь людей» (см.: Шлихтинг А. Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича // Иван Грозный: pro et contra, антология / сост. Н.В. Эйльбарт, Л.Ю. Гусман; вступ. ст. Д.К. Богатырев, Н.В. Эйльбарт, Л.Ю. Гусман. С. 50).

С.Б. Веселовский утверждал, что политика Ивана Грозного определялась его личным характером и сводилась к истреблению отдельных лиц (см.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 28, 53, 163 (цит. по: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 219)).

Трусость — их неизбежное свойство, а с трусостью всегда соединяется подозрительность и недоверчивость. «Успех чрезмерно поднимает их; неудача повергает в прах. От этого они высокомерны, самонадеянны в счастье и малодушны, нетерпеливы в несчастиях. <...> Горе, — пишет Костомаров, — если такие личности получают неограниченную власть: возможность осуществлять образы, творимые воображением, вследствие чрезвычайной чувствительности к разным ощущениям, доводит их до всевозможного безумия»⁹. Таким был и Иван Васильевич — власть самодержца в его лице была превыше всего.

Характеризуя Ивана Грозного и его деяния, специалисты нередко сопоставляют его личность по величине и масштабам преобразований с личностью Петра I. Это сравнение представляется неоправданным. Прежде всего для такого анализа необходимо уяснить, что следует считать «великим». Так, по мысли Костомарова, важно отличать «великое» от «крупного»: «Победы, кровопролития, разорения, унижения соседних государств для возвышения своего — явления крупные, громкие, но сами по себе не великие. Сочувственное название великого должно давать только тому, что способствует благосостоянию человеческого рода, его умственному развитию и нравственному достоинству. Тот только великий человек, кто действовал с этими целями и достигал их удачным, сознательным выбором надлежащих средств. Относительная степень исторического величия может быть определена как суммою добра, принесенного человечеству, так и умением находить для своих целей и пути средства, преодолевать препятствия и, наконец, пользоваться своими успехами»¹⁰.

Сопоставление этих правлений только по внешним признакам (Иван Васильевич в XVI в. стремился завоевать Ливонию, Петр Алексеевич — в XVIII в.) некорректно и может привести к произвольным выводам. Более того, удачное завоевание Ливонии Петром I «совсем не великое дело само по себе» — за подобные дела Петра I не называли бы «великим человеком», если бы не видели за ним действительно великих намерений и деяний, способствующих расширению благосостояния народа. За Иваном IV таких целей «мы не знаем». Думал ли Иван IV о заведении флота, о введении в государстве образовательных начал, о сближении с Европой? В отношениях с Англией заимствовал ли царь для своей страны что-нибудь из того, в чем Англия ушла вперед по сравнению с Россией? Царь относился к внешним сношениям эгоистически: он был рад, что мог получать предметы для нарядов,

⁹ См.: Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 221, 262.

¹⁰ Там же. С. 196.

роскоши, сластолюбия, каких не было у него в подвластной земле. Вся английская торговля в Москве была направлена главным образом на то, чтобы служить выгодам царя и его двора. Никто не мог покупать товаров, прежде чем лучшие из них не будут отобраны для царя; простым смертным позволялось покупать то, что не годилось царю¹¹.

Иван IV как политик во внешней области

Московское государство образовывалось присоединением ближних земель, но от мудрости правителя зависело понять, какие задачи следует решать в первую очередь, а какие — позднее. По мнению Костомарова, уже в XVI в. возрастающая сила Московского государства возбуждала зависть в Ливонии, но Москве следовало воздерживаться от этих завоеваний. Мудрые советники царя справедливо считали, что сначала необходимо уничтожить хищнические орды, возникшие на развалинах монголо-татарской державы — это было важно для существования Руси и для ее мирного развития. Однако своенравный царь, желая перечить своим опекунам, обратил взоры на Ливонию. Сильвестр и другие советники его кружка противились войне с Ливонией, полагая ее преждевременной и несправедливой. Вероятно, они отнеслись бы иначе к этой кампании в иное время и при других обстоятельствах, но в тех условиях они считали государственным приоритетом решение других задач. Великое дело овладения Крымом, подчинения татарских племен русской державе, расширения государственной территории на юг требовало, по их мнению, сосредоточенности всех сил народа и государства на одном направлении — нельзя было отвлекаться на решение иных дел. «Татарский» вопрос был в то время важнее. Последствия оправдали верность взглядов мудрых советников Ивана IV: «Ливония не была покорена, а Москва была разорена, держава истощена, народ подвергся великим бедствиям»¹². В этом выборе проявилась политическая близорукость царя: у него отсутствовали какие-либо широкие политические и образовательные цели. Решая внешнеполитические задачи, Иван IV был похож не на мудрого политика, а уподоблялся скорее «пришедшему в патристический забор простолюдину, у которого, однако, горизонт мировоззрения чрезвычайно туманен за пределами своей деревни»¹³ и его мысли нелегко уловить в этой «пене нервной диалектики»¹⁴.

Иван IV как писатель

Иван Грозный представлял собой колоритный тип самодержавного автора, оставив после себя

богатое книжное наследие. Его послания были широко известны и при его жизни, и позднее. Они переписывались и помещались в сборники, благодаря чему дошли до наших дней. Несмотря на то что прямых свидетельств нет, специалисты полагают, что «Первое послание Курбскому» официально рассылалось с агитационными целями по всем городам Московской Руси.

Оценка творческого наследия Ивана Грозного вызывает ряд источниковедческих трудностей. Так, согласно Д.С. Лихачеву, большинство его сочинений сохранилось только в поздних списках XVIII в. (но все же часть работ, очень для царя характерных, сохранилась в списках XVI в.). Далее трудно отличить то, что было написано им самим, от того, что им только подписывалось — многие речи Ивана Грозного, занесенные в летопись, передают лишь содержание сказанного¹⁵. Тем не менее даже на основе имеющихся данных можно утверждать, что Иван Грозный — политический деятель, темпераментно доказывающий правильность своих поступков, стремящийся силой убеждения воздействовать на своего собеседника. Он писал всегда по конкретному поводу и потому вносил в свои сочинения политическую запальчивость. Все написанное русским царем находится на грани между частными письмами и законодательными актами. В письмах Ивана IV излагается не только его мнение, но и государственные распоряжения.

Практически все книжное наследие Ивана Грозного составляют послания. Объем их различен: от небольших дипломатических грамот до огромного богословского трактата. Для стиля его посланий характерны: экспрессивность, повторы, близость к разговорной речи, что было обусловлено прямым обращением к адресату. Литературоведы сходятся в том, что стиль Ивана IV сохранял следы устного мышления: он писал, как говорил. Согласно традиции письмо должно было создавать иллюзию личного общения. Иван Грозный, стремясь держать адресата в постоянном напряжении, допускал разговорные интонации, насмешки, язвительные замечания, необходимые для того, чтобы утешить и подавить собеседника¹⁶. В посланиях царя всегда просматривается связь с реальностью: реальной властью, реальной жестокостью, реальной насмешкой. Иван IV не только пишет, но и действует — он способен привести в исполнение свои угрозы, сменить гнев на милость или

¹¹ См. об этом: Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 197, 209, 212.

¹² Там же. С. 211.

¹³ Там же.

¹⁴ Ключевский В.О. Русская история: полн. курс лекций: в 3 кн. М., 1995. Кн. I. С. 478.

¹⁵ По оценкам Т.В. Чумаковой, царь не писал для собственного удовольствия, но, считая своим долгом учить народ, за который ему держать ответ на Страшном Суде, документы стремился составлять собственноручно (см.: Иван IV Грозный. Указ. соч. С. 10).

¹⁶ См.: там же. С. 7, 10.

милость на гнев¹⁷. Письма Грозного — неотъемлемая часть его поведения и деятельности в целом: каждое из них есть общественный поступок.

Переписка Ивана IV с Андреем Курбским

История появления писем к Андрею Курбскому такова. В 1564 г. государство потрясла волна террора. Многочисленные казни и ссылки членов знатных семейств спровоцировали массовые бегства московской знати в Литву. Видный представитель оппозиции усилению царской власти и политический противник Ивана IV боярин князь Андрей Михайлович Курбский (1528–1583), «сверстник и любимец царя Ивана», герой Русско-казанской и Ливонской войн, командуя московскими полками в Ливонии, проиграл там одну битву и, боясь царского гнева, сбежал к польскому королю, покинув в Дерпте, где был воеводой, жену с малолетним сыном. Андрей Курбский принял деятельное участие в военных действиях поляков против своего царя и отечества¹⁸. При этом Курбский не хотел молча расстаться с Иваном Грозным: свои активные военные действия на стороне противника он стремился обосновать в послании русскому царю. Поэтому с чужбины, из Литвы, он написал резкое послание Ивану IV, укоряя его в жестоком обращении с боярами. Иван Грозный, сам «словесной мудрости ритор» (определение В.О. Ключевского), не желая оставаться в долгу у беглого боярина, отвечал ему длинным «широковещательным и многошумящим» (определение А.М. Курбского) посланием, на которое боярин возражал. Всего князь Курбский написал четыре письма, Иван Грозный — два, но его первое письмо по объему составляет больше половины всей переписки¹⁹. Письма князя Курбского наполнены, главным образом, личными или сословными упреками и политическими жалобами, но в целом эта переписка князя и царя обозначила их различные политические воззрения, а в более широком плане продемонстрировала особенности русской политической культуры второй половины XVI в.

Суждения Андрея Курбского

В политическом отношении Андрей Курбский отрицал право московских государей править независимо от боярского совета. Для него царь — это только «великий князь московский». Про себя же Курбский заявлял, что равен царю, поскольку происходит «от племени же великого князя Смоленского Федора Ростиславича, яко и твоя царская

высота» и подчеркивал, что знатные князья и бояре имеют общих предков с Иваном IV.

Князь Курбский обвиняет Ивана Грозного в тирании, в том, что он жесток, несправедлив, находится под влиянием иосифлян («прелукавых и презлых осифлян»), которые советовали ему быть «твердым на царстве» и не иметь при себе советников «мудрейших себя». Андрей Курбский считает нормальным только тот государственный порядок, который основан не на личном усмотрении властителя, а на участии боярского совета в управлении — «синклита». Для того, чтобы вести государственные дела успешно и благочинно, государь должен советоваться с боярами: царю подобает быть главой, а мудрых советников своих любить, «яко свои уды». Основная мысль Курбского — благотворное действие боярского совета: царь правил мудро, пока был окружен добродетельными и правдивыми советниками. Кроме этого князь допускает и народное участие в управлении государством, отстаивает пользу Земского собора.

Русский боярин возмущался усиливающимся значением бюрократии, различных приказных дьяков, в руках которых сосредоточивалось государственное управление: «Писари же наши русские им же князь великий зело верит, а избирает их не от шляхетского роду, ни от благородна, но паче от поповичов, или от простого всенародства». При этом Курбский не призывал восстановить порядки феодальной раздробленности, он выступал за ограничение царской власти влиянием боярства (без согласия «великих в роде», «зело мудрых» и «зело богатых» мужей царь не может править государством) и за участие Земского собора в управлении. Таким образом то, что предлагал Курбский — не столько отдаленные идеалы, а реальные политические факты: боярский совет и Земский собор были к этому времени явлениями действительности. По оценкам Ключевского, политическая программа Курбского не выходила за пределы действующего государственного порядка и не требовала перестройки существующего государства²⁰.

В сочинениях, адресованных к западным читателям, князь Курбский стремился подчеркнуть знатность своего происхождения и влияние на царя. Отчасти этим объясняется его желание разграничить время царствования Ивана Грозного на две половины: первую, в которой царь прислушивался к своим добрым советникам, и вторую, в которой он отринул от себя добрых советчиков

¹⁷ См. об этом: *Лихачев Д.С.* Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского // *Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским.* С. 185, 187.

¹⁸ См.: *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 475; *Иван IV Грозный.* Указ. соч. С. 10, 11.

¹⁹ См.: *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 476.

²⁰ По оценкам В.О. Ключевского, «искони государи Русские и Московские думали о всяких делах, законодательствовали со своими боярами. В 1550 г. созван был и первый Земский собор, и князь Курбский должен был хорошо помнить это событие, когда царь обратился за советом ко “всенародным челоукам”, простым земским людям» (см.: там же. С. 477, 478).

и стал слушать злых «ласкателей». Такое изображение царствования Ивана IV позволяло ему оправдать свое прошлое влиятельное положение в Московском государстве, свои боевые подвиги при взятии Казани и свое решение уйти от Грозного в Польско-Литовское государство. Изображая этот перелом Ивана IV ко злу, Курбский выставлял на первый план свою принципиальность, морально обелял себя в глазах западных читателей, оправдывая свою былую близость к царю, и вместе с тем подчеркивал свою весомость в Московском государстве. Он как бы заявлял, что сам он всегда был принципиален и неизменен, а менялось поведение только Ивана Грозного, тем самым и ответственность за «отъезд» князя из России лежит на царе²¹. По отношению к Ивану Грозному Андрей Курбский занимает позу человека не только более высокого в моральном отношении, но и более образованного — человека утонченной западной культуры и просвещенности, упрекая царя в «варварстве» и необразованности.

Князь Курбский стремился оправдать свое бегство царскими притеснениями и феодальным правом «отъезда». По его убеждению, государь не должен посягать на феодальные привилегии, в том числе на право «отъезда» вассала, который рассматривался как «вольный слуга», к другому сюзерену. Однако после образования централизованного государства этот «отъезд» для Ивана IV означал государственную измену, чего не хотел признавать князь. Н.И. Костомаров устанавливал другую причинно-следственную связь, считая, что именно «мучительства» царя Ивана приводили к бегствам, а не бегства и измены возбуждали царя к «мучительствам». Поэтому те доводы, которые приводит Курбский в свое оправдание, получают характер «общечеловеческой правды»²². Оценивая «отъезд» Курбского, к неблагоприятному поступку князя можно отнести не столько бегство его в Литву, сколько участие в войне против своего отечества. Во многом это происходило в силу того, что «московские люди», даже лучшие, рассматривались властью как «слуги», а «не граждане». С этих позиций Курбский преступен только как гражданин; как слуга — он был совершенно прав, исполняя волю господина, которому добровольно обязался служить и который его, изгнанника, принял и облагодетельствовал²³.

²¹ См.: Первое послание Курбского Ивану Грозному // Письма Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 7–9; *Лихачев Д.С.* Указ. соч. С. 204, 205.

²² *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 217.

²³ Н.И. Костомаров замечал: «Мы не думаем, что вообще у бежавших в те времена в Литву московских людей были какие-нибудь идеалы в Литве. Им просто становилось почему-нибудь дурно и опасно жить в Московском государстве, и они бежали из него; бежать в Литву им было и ближе,

Политические взгляды Ивана IV в ответах Андрею Курбскому

В письмах к Андрею Курбскому Иван IV для обоснования самодержавной власти использует некоторые идеи И.С. Пересветова и аргументы иосифлян. Любые ограничения царской власти он отвергает, а бегство Курбского расценивает однозначно — как измену государству: он простой подданный, царь волен его казнить или миловать. Царская опала, казни бояр-изменников, широко применявшиеся в государстве, оправданны — «таких собак везде казнят». Курбский толкует царю о мудрых советниках, о синклите, а царь не признает никаких мудрых советников, для него не существует никакого синклита, а есть только люди, служащие при его дворе, дворовые холопы²⁴.

Политические взгляды Ивана IV сводились к обоснованию неограниченности царской власти; титул «самодержца» он понимал как неограниченность, несвязанность власти государя законом. Царь ответствен только перед Богом, подданные не могут обсуждать его повеления, перед ними он не несет никакой ответственности — «царь един есть законоположник и судья». Царская власть происходит от Бога, поэтому неповиновение царю есть неповиновение Богу. В первом послании Курбскому (1564) Иван Грозный писал: «Зачем ты презрел апостола Павла, говорящего: “Всякая душа да повинуется властям; нет власти не от Бога; тот, кто противится власти, — противится Божьему повелению”? Смотри и разумей: кто противится власти — противится Богу; а кто противится Богу, тот называется отступником, а это — наихудший грех. А ведь это сказано о всякой власти, даже о власти, приобретенной кровью и войной. Вспомни же сказанное выше, что мы ни у кого не похитили престола, — кто противится такой власти, тем более противится Богу! Тот же апостол Павел, слова которого ты презрел, говорит в другом месте: “Рабы! Слушайте своих господ, работая на них не только на глазах, как человекоугодники, но, как слуги Бога, повинуйтесь не только добрым, но и злым, не только за страх, но и за совесть”. Вот воля Господня — пострадать, делая добро! Если же ты праведен и благочестив, почему не пожелал от меня, строптивого владыки, пострадать и приобрести

и подручнее, чем в другое государство: и язык, и обычаи были для них ближе, чем в иной земле, и принимали их там радушно... Точно так же мы должны сказать и о тех, которые, наоборот, из Литвы бежали в Москву: и у этих людей в Москве не было предуготованных идеалов: им дурно становилось в Литве, — вот поэтому только они и бежали в Москву; стесненные обстоятельства их выгоняли из отечества» (см.: там же. С. 217, 218).

²⁴ См. оценки возражений Ивана Грозного Андрею Курбскому: *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 478, 479.

мученический венец?»²⁵. Царю как «помазаннику Божьему» подвластны отчасти и души подданных, так как роль христианского владыки — спасение душ подвластных людей. Царь — благочестивый пастырь, охраняющий и карающий. Подданные обязаны безоговорочно ему подчиняться, даже если это «нечестивый» царь.

Самодержавие для Ивана Грозного не только нормальный, свыше установленный государственный порядок, но и исконный факт нашей истории, идущий из глубины веков. «Начало самодержавия истинно православного Российского царства — от великого князя Владимира <...> мы не отняли ни у кого царства, но по Божию изволению и по благословению своих прародителей и родителей как родились на царстве, так и были воспитаны и выросли, и Божиим повелением воцарились, а не похитили чужое»²⁶. Иван Грозный был первым, кто высказал такой взгляд на самодержавие: до этого самодержцем считался только владетель, независимый от внешней силы. По мысли Ивана Грозного, русские самодержцы изначально самостоятельно владеют своими царствами и не связаны с боярами и вельможами. Русский царь обратил внимание на внутреннюю сторону верховной власти и глубоко проникся этой мыслью. Его основная политическая идея заключается в том, что самодержавный правитель не управляется «ни попами», «ни рабами».

Для Ивана Грозного государство есть его вотчина, в которой он полновластный хозяин. С этих позиций он противопоставлял наследному государю избирательную монархию. Так, польскому королю Стефану Баторию²⁷ Иван IV писал, что он есть царь и великий князь всяя Руси по Божьему изволению, а не по «многоятежному желанию человечества». В письме к шведскому королю Иван IV отмечал «несовершенство» его государства, поскольку король разделял власть с аристократией и церковью. Во Втором послании шведскому королю Юхану III (1573) Иван Грозный наставлял: «Первое: ты пишешь свое имя впереди нашего — это неприлично, ибо нам брат — цесарь Римский и другие великие государи, а тебе невозможно

называться им братом, ибо Шведская земля честию ниже этих государств...» И далее: «А это истинная правда, а не ложь — что вы мужичий род, а не государский»²⁸. Английскую королеву Елизавету, которая не заключила военный союз с Россией, ссылаясь на отрицательное к нему отношение палаты общин, Иван Грозный называл «пошлой (обыкновенной. — Е.Ф.) девицей»: «И мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь и своей государской чести смотришь, и своему государству прибытка... Ажно у тебя мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, а мужики торговые... А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая девица». Таким образом, по убеждению Ивана IV, только самодержавный правитель выражает интересы своего народа, в то время как все «советники» преследуют своекорыстные цели. Поэтому перед лицом царя все, включая бояр, — его подданные без исключений и все обязаны повиноваться царским повелениям. По мысли Ивана Грозного, боярское господство ведет к господству своекорыстных интересов в ущерб интересам государства: боярам «вместо государственного владения потребно самовольство», они стремятся «выше меры славы и чести и богатства, к разорению христианскому». Назначение государя он видел в предотвращении «междоусобных браней», в укреплении могущества своей державы.

Иван IV выступал сторонником централизованного государства — многовластие есть безумие. Притязаниям боярства на участие в государственной власти он противопоставил требование единой власти, которая всецело воплощалась в личности государя. Ему же принадлежит идея четкого разграничения функций светской и духовной власти и обоснование независимого от церкви положения государства. Иван Грозный впервые в русской политической мысли проводит четкую грань между назначением государства и церкви. Церковь занимается «спасением душ», ее дело — давать моральную оценку поступкам и применять религиозные санкции. Царская власть решает «мирские дела», она, имея цель охранять «общежителство», обязана строго наказывать преступников; это правление — «страха и запрещенія, и обуздания и конечнейшего запрещенія по безумию злейших человек лукавых». Царь не может быть милостив к преступникам и добр с врагами отечества. Допустив послабление «злодеям», он приведет государство к гибели. Иван IV изображал образ царя как покровителя «добрых» и беспощадно карающего «злых». Владетелям не подобает, писал он, ни «зверски яриться», ни «бессловесно смиряться». Для сохранения

²⁵ Иван IV Грозный. Указ. соч. С. 36, 37.

²⁶ Там же. С. 33, 34.

²⁷ Семиградский (трансильванский) воевода Стефан Баторий был избран сеймом на престол Речи Посполитой в декабре 1575 г. и коронован 1 мая 1576 г. Иван Грозный неодобрительно отнесся к избранию на престол Батория, поскольку разделял мнение той части сейма, которая хотела видеть на его месте императора Максимилиана II (до заседания сейма царь сам надеялся занять престол Речи Посполитой). Ко времени написания этого послания (июнь 1581) войска Речи Посполитой заняли ряд русских городов, и Иван Грозный был вынужден добиваться мира с Баторием (см.: Иван IV Грозный. Указ. соч. С. 242, 243).

²⁸ Там же. С. 120, 127.

государственного порядка царю следует поощрять «благих» подданных и наказывать «злых».

По оценкам В.О. Ключевского, никогда в русской истории до Петра I верховная власть в отвлеченном самосознании не поднималась до такого отчетливого, по крайней мере до такого энергичного выражения своих задач, как это выглядело в послании Ивана Грозного. Однако, когда дело дошло до практического решения вопросов, этот полет политической мысли закончился весьма скудной программой. Идея самодержавной власти не развивается у него в разработанный политический порядок. Из контекста переписки с Курбским можно только почувствовать, что царь тяготится своим боярством. Вся философия самодержавия свелась у Ивана IV к одному заключению: «жаловать своих холопей мы вольны и казнить их вольны же». Для подобной формулы не требовалось столь напряженной мыслительной работы — удельные князья приходили к такому же заключению без помощи теории самодержавия и даже выражались почти теми же словами: «Я, князь такой-то, волен, кого жалую, кого казню». Здесь в царе Иване IV вотчинник торжествовал над государем²⁹.

Таким образом, в переписке обе стороны отстаивали существующее. В ней столкнулись два политических настроения, что дало основание В.О. Ключевскому заметить, что стороны не столько полемизируют друг с другом, сколько исповедываются один другому: каждый из них твердит свое и плохо слышит противника. «За что ты бьешь нас, верных слуг твоих?» — спрашивает князь. «Нет, — отвечает царь, — русские самодержцы изначально сами владеют своими царствами, а не бояре и вельможи»³⁰. В этих тезисах можно выразить всю суть переписки Ивана Грозного и Андрея Курбского.

Значение спора

Идеологическая составляющая спора, которая была отражена в посланиях Курбского, заключалась в самом факте протеста против политики самодержавной власти. Воспользовавшись древним феодальным правом отъезда, князь не просто сменил сюзерена, но демонстративно выступил против царского террора. Вместе с тем в конкретно-исторических условиях России XVI в. этот спор выглядел иначе. Г.В. Плеханов писал: «Весь вопрос в том, что же именно внес Иван IV в теорию и практику московского государства <...> Введенная им новизна означала полное уничтожение всего того, что так или иначе задерживало окончательное превращение жителей Московского государства в рабов перед лицом государя, совершенно бесправных как в личном, так и в имущественном

отношении»³¹. Сравнивая русскую и европейскую (в частности, французскую) монархии, Г.В. Плеханов оценивал спор Курбского и Ивана Грозного. Андрей Курбский, несмотря на свой консерватизм, представляется в письмах «свободолюбивым человеком и тем привлекает к себе сочувствие читателя <...> В нем нет холопского настроения. В его лице московский боярин отказывается сложить свое человеческое достоинство к ногам государя». Однако важно понимать, что позиция Курбского — это оборонительная позиция: князь решительно неспособен противопоставить последовательному учению Ивана Грозного о беспредельной власти царя сколько-нибудь стройную теорию политических прав если не всех жителей страны, то хотя бы высших ее классов. Такая теория не могла и вырасти на скудной почве общественных отношений тогдашней Москвы³².

Начиная с XVII в. вопросы, поднятые в переписке Андрея Курбского с Иваном Грозным, не перестают быть предметом обсуждения. Переписка русского царя с князем получила широкое распространение в условиях возрождения спора о путях развития русского государства, что выступает дополнителем аргументом в пользу утверждения, согласно которому эта переписка отражала не только личные настроения ее авторов, но и воззрения широких читательских кругов. В последующее время ни суровые отзывы о «жестокосердии» Ивана Грозного, ни получившие в России более широкое распространение сочинения Андрея Курбского не лишили Ивана IV ореола «благочестивого и храброго самодержца». В заслугу Ивану IV часто ставят утверждение монархического начала. Но будет точнее и справедливее сказать, что он утвердил начало деспотического произвола и рабского бессмысленного страха³³. Память об Иване Грозном жива. По замечанию Я.С. Лурье, эта память во многом облегчала его преемникам задачу укрепления самодержавной власти: глубоко укоренившийся страх беспощадной расправы должен был останавливать каждого, кто осмелился бы противостоять этой власти. Однако воспоминания об Иване Грозном

³¹ Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. М., 1914. Т. I. С. 191, 192 (цит. по: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 246).

³² См.: там же. С. 183 и др. (цит. по: там же. С. 247).

³³ Идеал Ивана Васильевича состоял именно в том, чтобы «прихоть самовластного владыки поставить выше всего — и общепринятых нравственных понятий, и всяких человеческих чувств, и даже веры, которую он сам исповедовал. И он достиг этого в московской Руси, когда, вместо старых князей и бояр, поднялись около него новые слуги — рой подлых, трусливых, бессердечных и безнравственных угодников произвола, кровожадных лицемеров, автоматов деспотизма: они усердно выметали из Руси все, что было в ней доброго; они давали возможность быстро разрастись и процветать всему, что в ней, в силу прежних условий, накопилось мерзкого» (см.: Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 216).

²⁹ См.: Ключевский В.О. Указ. соч. С. 479, 480.

³⁰ Там же. С. 480.

имели и другое значение: даже сторонников сильной власти они заставляли думать о необходимости разграничить «совершенное самовластво» и «людодерство»³⁴. Именно это обстоятельство привело к распространению переписки Грозного и Курбского в XVII в., «страх и трепет» не оставлял русских самодержцев и в последующее время под воздействием выступлений вольнодумцев, радикальных направлений в старообрядчестве и других, представлявших уже более серьезную альтернативу произволу правителя, чем та, которая была предложена Андреем Курбским.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 28, 53, 163.
2. *Иван IV Грозный.* Соч. / ст., коммент., сост.: Т. Чумакова. СПб., 2000. С. 5–29, 33, 34, 36, 37, 120, 127, 242, 243 (Азбука-классика).
3. *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России / сост., вступ. ст. и коммент. В.Б. Муравьева. М., 2002. С. 382, 383.
4. *Ключевский В.О.* Русская история: полн. курс лекций: в 3 кн. М., 1995. Кн. I. С. 475–480.
5. *Костомаров Н.И.* Личность царя Ивана Васильевича Грозного // Иван Грозный: pro et contra, антология / сост. Н.В. Эйльбарт, Л.Ю. Гусман; вступ. ст. Д.К. Богатырев, Н.В. Эйльбарт, Л.Ю. Гусман. СПб., 2023. С. 196, 197, 208, 209, 211, 212, 216–218, 221, 262.
6. *Лихачев Д.С.* Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 185, 187, 204, 205.
7. *Лурье Я.С.* Переписка Грозного с Курбским // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 248.
8. Первое послание Курбского Ивану Грозному // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 7–9.
9. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 219, 246, 247.
10. *Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли. М., 1914. Т. I. С. 183, 191, 192.
11. *Шлихтинг А.* Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича // Иван Грозный: pro et contra, антология / сост. Н.В. Эйльбарт, Л.Ю. Гусман; вступ. ст. Д.К. Богатырев, Н.В. Эйльбарт, Л.Ю. Гусман. СПб., 2023. С. 50.

REFERENCES

1. *Veselovsky S.B.* Studies on the history of the oprichnina. M., 1963. Pp. 28, 53, 163 (in Russ.).
2. *Ivan IV the Terrible.* Essays / art., comment., comp.: T. Chumakova. SPb., 2000. Pp. 5–29, 33, 34, 36, 37, 120, 127, 242, 243 (Azbuka-klassika) (in Russ.).
3. *Karamzin N.M.* A note on ancient and new Russia / comp., intro. and comment. by V.B. Muravyov. M., 2002. Pp. 382, 383 (in Russ.).
4. *Klyuchevsky V.O.* Russian history: complete course of lectures: in 3 books. M., 1995. Book I. Pp. 475–480 (in Russ.).
5. *Kostomarov N.I.* The personality of Tsar Ivan Vasilyevich the Terrible // Ivan the Terrible: pro et contra, anthology / comp. N.V. Eilbart, L. Yu. Gusman; intro. by D.K. Bogatyrev, N.V. Eilbart, L. Yu. Gusman. SPb., 2023. Pp. 196, 197, 208, 209, 211, 212, 216–218, 221, 262 (in Russ.).
6. *Likhachev D.S.* The style of Grozny's works and the style of Kurbsky's works // Correspondence of Ivan the Terrible with Andrei Kurbsky. M., 1993. Pp. 185, 187, 204, 205 (in Russ.).
7. *Lurie Ya. S.* Correspondence between Grozny and Kurbsky // Correspondence of Ivan the Terrible with Andrei Kurbsky. M., 1993. P. 248 (in Russ.).
8. Kurbsky's First Message to Ivan the Terrible // Correspondence of Ivan the Terrible with Andrei Kurbsky. M., 1993. Pp. 7–9 (in Russ.).
9. Correspondence of Ivan the Terrible with Andrei Kurbsky. M., 1993. Pp. 219, 246, 247 (in Russ.).
10. *Plekhanov G.V.* History of Russian social thought. M., 1914. Vol. I. Pp. 183, 191, 192 (in Russ.).
11. *Shlikhting A.* A brief tale of the character and cruel rule of the Moscow tyrant Vasilyevich // Ivan the Terrible: pro et contra, anthology / comp. N.V. Eilbart, L. Yu. Gusman; intro. by D.K. Bogatyrev, N.V. Eilbart, L. Yu. Gusman. SPb., 2023. P. 50 (in Russ.).

Сведения об авторе

ФРОЛОВА Елизавета Александровна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус)

Authors' information

FROLOVA Elizaveta A. — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University; 1, bld. 13 (4th academic building), Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russia

³⁴ *Лурье Я.С.* Переписка Грозного с Курбским // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 248.

УДК 340

ВЗГЛЯДЫ БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА НА СООТНОШЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ПРАВА

© 2025 г. С. Н. Храмешин

Славяно-Греко-Латинская академия, г. Москва

E-mail: rector@sgla.ru

Поступила в редакцию 19.06.2024 г.

Аннотация. В данной статье рассматриваются взгляды Блаженного Августина на соотношение справедливости и права, представляющие собой значимый вклад в историю государства и права, а также в христианскую теологию и философию. Августин утверждает, что истинная справедливость исходит от Бога и должна быть основой любого правового и политического порядка. Законы, по его мнению, имеют значение только в том случае, если они основаны на божественной справедливости; в противном случае они теряют свою легитимность и превращаются в произвольные правила, поддерживаемые силой. Статья анализирует ключевые идеи Августина, такие как концепция упорядоченной любви (*ordo amoris*), теодицея, и роль государства в обеспечении справедливости. Приводятся конкретные примеры из трудов Августина, таких как «О граде Божием» и «Исповедь», а также обсуждается влияние его идей на последующую правовую и философскую мысль, включая труды Фомы Аквинского и средневековую концепцию естественного права. Особое внимание уделяется актуальности концепций Августина в современном контексте, где они продолжают оказывать влияние на теорию прав человека и международное право. Проводится обзорный анализ исследований современных западных и российских исследователей творчества Блаженного Августина с обозначением развития его концепции и современной интерпретации его идей, относящихся к проблеме соотношения справедливости и права в государстве.

Ключевые слова: теория государства и права, Августин, античное право, средневековое право, история права.

Цитирование: Храмешин С. Н. Взгляды Блаженного Августина на соотношение справедливости и права // Государство и право. 2025. № 1. С. 68–73.

DOI: 10.31857/S1026945225010058

ST. AUGUSTINE'S VIEWS ON THE RELATIONSHIP JUSTICE AND LAW

© 2025 S. N. Khrameshin

Slavic Greek Latin Academy, Moscow

E-mail: rector@sgla.ru

Received 19.06.2024

Abstract. This article examines St. Augustine's views on the relationship between justice and law, which represent a significant contribution to the history of the state and law, as well as to Christian theology and philosophy. Augustine argues that true justice comes from God and should be the basis of any legal and political order. Laws, he argues, have meaning only if they are based on divine justice; otherwise they lose their legitimacy and become arbitrary rules upheld by force. The article analyzes Augustine's key ideas, such as the concept of ordered love (*ordo amoris*), theodicy, and the role of the state in ensuring justice. Specific examples from Augustine's writings, such as "On the City of God" and "Confessions", are cited, and the influence of his ideas on subsequent legal and philosophical thought, including the writings of Thomas Aquinas and the medieval concept of natural law, is discussed. Particular attention is paid to the relevance of Augustine's concepts in the contemporary context, where they continue to influence human rights theory and international law. A survey analysis of studies by modern Western and Russian researchers of St. Augustine's work is conducted, outlining the development of his concept and the modern interpretation of his ideas relating to the problem of the relationship between justice and law in the state.

Key words: theory of state and law, Augustine, ancient law, medieval law, history of law.

For citation: Khrameshin, S.N. (2025). St. Augustine's views on the relationship justice and law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 68–73.

Августин утверждает, что любое человеческое право должно стремиться к отражению божественной справедливости, даже если это не всегда полностью достижимо в земной жизни. Он признает, что земные государства и законы неизбежно несовершенны, но они могут служить инструментами, направляющими людей к более справедливой и добродетельной жизни¹. Законы, по Августину, имеют значение, если они основаны на принципах справедливости, которые восходят к Богу. Он пишет: «Если отнять у закона справедливость, что же останется? Конечно, не иначе, как шайка разбойников» (*De Civitate Dei*, IV, 4).

Для Августина истинная справедливость исходит от Бога и является отражением божественного порядка в мироздании. В своем трактате «О граде Божием» он подчеркивает, что законы, не основанные на божественной справедливости, теряют свою легитимность и превращаются в произвольные правила, поддерживаемые силой, а не моральным авторитетом. Это утверждение Августина имеет глубокие философские и правовые последствия, которые продолжают обсуждаться в современной теории права и юриспруденции.

Августин настаивает на том, что справедливость является основополагающим принципом для любого правового порядка. В его понимании, справедливость — это не просто правовое понятие, а моральная и духовная категория, имеющая божественное происхождение. Это представление соответствует его более широкой теологической позиции о центральности Бога в устройстве мироздания. В этом контексте справедливость рассматривается как выражение божественной воли, а человеческое право — как попытка воплотить эту волю в земных условиях².

¹ См.: Elshain J. B. Augustine and the Limits of Politics. Notre Dame, Indiana, 2018. XI–XII.

² См.: Dodaro R. Christ and the Just Society in the Thought of Augustine. Rome, 2008. Pp. 122–126.

Августин делает важное различие между справедливостью и легитимностью закона. Он утверждает, что законы, которые противоречат божественной справедливости, не могут считаться легитимными, даже если они формально приняты и исполняются. Это утверждение имеет значительные последствия для понимания правосудия и легитимности власти. Законы, которые не соответствуют принципам божественной справедливости, превращаются в инструмент угнетения и насилия. Августин пишет: «Закон, не основанный на справедливости, не является законом в истинном смысле слова; это лишь набор правил, поддерживаемых силой» (*De Civitate Dei*, IV, 4)³.

Августин также признает, что в реальном мире человеческие законы неизбежно несовершенны и не могут полностью отражать божественную справедливость. Однако он подчеркивает, что законы могут и должны стремиться к этой идеальной справедливости, служа инструментом для направления людей к более добродетельной жизни. Это указывает на прагматический аспект его правовой теории, в которой законы рассматриваются как средство достижения более высокого морального состояния общества⁴.

Для Августина важным аспектом правовой системы является ее способность направлять и воспитывать людей, подготавливая их к жизни в соответствии с божественными принципами. Законы, даже если они несовершенны, должны служить моральным ориентирам, помогая людям различать добро и зло, справедливость и несправедливость. В этом контексте законы есть не только инструменты социальной регуляции, но и средства духовного воспитания⁵.

³ См.: O'Donovan O. The Desire of the Nations: Rediscovering the Roots of Political Theology. Cambridge, 2008.

⁴ См.: Smith J. K. A. Desiring the kingdom (cultural liturgies): Worship, worldview, and cultural formation. Grand Rapids, Michigan, 2009.

⁵ См.: VanDrunen D. Natural Law and the Two Kingdoms: A Study in the Development of Reformed Social Thought. Grand Rapids, 2010. Pp. 19, 20.

Августин также обсуждает роль государства в обеспечении справедливости. В его понимании, государство должно быть подчинено божественному закону и служить инструментом для достижения божественной справедливости на земле. Это не означает, что государство может достигнуть абсолютной справедливости, но оно должно стремиться к этому, основывая свои законы на моральных и духовных принципах⁶.

Августин рассматривает государственную власть как необходимую для поддержания порядка и предотвращения хаоса, но он предостерегает от абсолютизации этой власти. Государственная власть должна быть ограничена и подотчетна высшему закону — закону Божьему. Это предостережение Августина является важным вкладом в развитие концепции верховенства права и ограничения власти, которые стали ключевыми принципами современного конституционализма⁷.

Идеи Августина о соотношении справедливости и права оказали значительное влияние на развитие западной правовой и политической мысли. Средневековые схоласты, такие как Фома Аквинский, развивали августинские концепции справедливости и права, интегрируя их с философией Аристотеля. Фома Аквинский, например, заимствовал у Августина идею, что справедливость требует соответствия человеческих законов с естественным правом, которое, в свою очередь, отражает божественный порядок. Аквинский пишет: «Естественный закон есть участие вечного закона в разумных существах» (*Summa Theologiae*, I–II, Q. 91, Art. 2).

В Новое время идеи Августина о соотношении справедливости и права продолжали оказывать влияние на философов и теологов. Например, теологи эпохи Реформации, такие как Жан Кальвин и Мартин Лютер, вдохновлялись августинской теологией, акцентируя внимание на божественном предопределении и суверенности Бога в делах человеческих. Кальвин пишет: «Все, что мы видим вокруг, управляется провидением Бога, и ничего не происходит без его воли» (*Institutes of the Christian Religion*, I, 16)⁸. Современные мыслители также обращаются к Августину, рассматривая его идеи в контексте нынешних этических и правовых вызовов⁹.

Конкретные примеры применения идей Августина о справедливости и праве можно найти в различных исторических и современных контекстах. Например, в средневековой Европе концепция естественного права, основанного на божественной справедливости, стала важным принципом правовой системы. Это

отразилось в кодексах и законах, которые стремились воплотить моральные и духовные принципы в правовые нормы. В этом контексте идеи Августина о справедливости и праве способствовали развитию правовых систем, основанных на моральных и этических принципах¹⁰.

В современном праве идеи Августина продолжают оказывать влияние, особенно в контексте прав человека и международного права. Принципы, заложенные во Всеобщей декларации прав человека, во многом отражают моральные и этические нормы, которые Августин считал основой справедливости. Например, идея о том, что законы должны защищать права и достоинство каждого человека, имеет глубокие корни в христианской теологической традиции, восходящей к Августину¹¹.

Мнения современных западных ученых о соотношении справедливости и права в учении Блаженного Августина

Современные исследователи и теологи продолжают активно изучать и переосмысливать идеи Блаженного Августина, уделяя особое внимание его концепциям справедливости и права. В настоящей статье представлены мнения некоторых ведущих ученых, исследующих вклад Августина в развитие правовой и философской мысли.

Роберт Р. Кроуз считает, что августинская концепция справедливости как отражение божественного порядка сохраняет свою актуальность в современных дискуссиях о праве и морали. Подчеркивает, что идея Августина о справедливости как основе правового порядка предлагает необходимую моральную перспективу, которая может противостоять правовому позитивизму и релятивизму. Эллуль утверждает, что взгляды Августина помогают критически оценить современные правовые системы, способствуя поиску более справедливых и этически обоснованных законов¹².

Роберт Додаро, авторитетный исследователь Августина, в своей работе “*Christ and the Just Society in the Thought of Augustine*” анализирует, как Августин понимал справедливость в контексте политической теологии. Додаро подчеркивает, что Августин видел справедливость как ключевой элемент общественного порядка, который не может быть достигнут без признания божественной власти. Он отмечает, что взгляд Августина на справедливость и право остается релевантным в обсуждении роли религии

⁶ См.: *Elshstain J.B.* Op. cit. P. 118.

⁷ См.: *Блаженный Августин. О порядке* // Августин Аврелий. Творения. Т. 1. Об истинной религии / сост. и подгот. текста к печ. С.И. Еремеева. СПб.; Киев, 1998. С. 114–183.

⁸ См.: *O'Donovan O.* Op. cit.

⁹ См.: *Smith J.K.A.* Op. cit.

¹⁰ См.: *VanDrunen D.* Op. cit.

¹¹ См.: *Elshstain J.B.* Op. cit.

¹² См.: *Crouse R.D.* The Augustinian Background of St. Anselm's Concept Justitia // *Canadian Journal of Theology*. 1958. Vol. 4. No. 2. Pp. 114–119.

в публичной сфере и взаимодействия между церковью и государством¹³.

Оливер О'Донован, ведущий англоязычный теолог и философ, в своей книге "The Desire of the Nations: Rediscovering the Roots of Political Theology" обращает внимание на политическую философию Августина. О'Донован утверждает, что августинская концепция справедливости предлагает уникальное понимание политической ответственности, основанное на трансцендентных моральных принципах. Он считает, что для Августина правовая система должна стремиться к выражению божественной справедливости, даже если это не всегда достижимо в земной жизни. О'Донован видит в учении Августина важное напоминание о том, что политическая власть должна служить общему благу и быть подчинена высшим моральным нормам¹⁴.

Джеймс Кэй Смит, авторитетный философ и теолог, в своих исследованиях отмечает важность августинской концепции упорядоченной любви (*ordo amoris*) для понимания справедливости и права. Он полагает, что идея Августина о правильном порядке любви к Богу и ближнему может служить основой для разработки более этически обоснованных правовых систем. Как указывает Смит, взгляды Августина на справедливость предоставляют ценные ориентиры для критического анализа современных правовых и социальных институтов, способствуя построению справедливого общества¹⁵.

Дэвид ВанДрюнен, специалист по теологии и праву, в своих работах исследует влияние августинской теологии на развитие западной правовой традиции. Он утверждает, что августинская концепция справедливости и права сыграла ключевую роль в формировании идей естественного права, которые стали фундаментом для многих современных правовых систем. ВанДрюнен подчеркивает, что для Августина законы, не основанные на божественной справедливости, теряют свою легитимность и превращаются в инструменты угнетения. Эта идея, по его мнению, остается важной для современной юриспруденции, стремящейся к соблюдению прав и достоинства каждого человека¹⁶.

Жан Бетке Эльштейн, современный философ и теолог, в своей работе "Augustine and the Limits of Politics" исследует августинское понимание справедливости в контексте политической теории. Она отмечает, что учение Августина о двух градах (*Civitas Dei* и *Civitas Terrena*) предлагает важное видение взаимодействия между религиозной и светской властью.

Эльштейн подчеркивает, что августинская концепция справедливости основана на признании божественного авторитета, является важным принципом для критического анализа современных политических систем и их легитимности¹⁷.

Джанет Коулмэн, исследователь в области теологии и права, в своей работе "The Philosophy of Law in the Writings of Augustine" рассматривает влияние августинской теологии на развитие западной правовой мысли. Она утверждает, что августинское понимание справедливости как отражения божественного порядка оказало значительное влияние на формирование концепций естественного права и верховенства закона. Коулмэн подчеркивает, что для Августина справедливость есть основа правового порядка, без нее законы теряют свою легитимность и превращаются в произвольные правила, поддерживаемые силой¹⁸.

Понимание соотношения права и справедливости в концепции Блаженного Августина у отечественных ученых

Учение Блаженного Августина о соотношении права и справедливости не только оставило глубокий след в западной философии и теологии, но также получило внимание со стороны отечественных исследователей. Рассмотрим некоторые взгляды ученых на эту тему.

А.Ф. Лосев, выдающийся русский философ и филолог, уделял значительное внимание изучению патристической мысли, в том числе учению Августина. В своих трудах А.Ф. Лосев отмечал, что для Августина справедливость не может быть сведена к формальным правовым нормам. Он подчеркивал, что, по мнению Августина, истинная справедливость основана на божественном законе и трансцендентных моральных принципах. Ученый также указывал на важность августинского подхода для понимания духовных оснований права и морали. В своем труде «История античной эстетики» А.Ф. Лосев обращает внимание на то, что для Августина эстетика, этика и право неразрывно связаны через божественный порядок, который должен отражаться в законах и социальных институтах¹⁹.

С.С. Аверинцев, выдающийся советский и российский филолог, культуролог и историк философии, в своих трудах уделял внимание изучению произведений Августина. Он утверждал, что Августин рассматривает право как средство достижения божественной справедливости. По его мнению, для Августина законы, не основанные на божественной справедливости, теряют свою легитимность и превращаются

¹⁷ См.: *Elshtain J. B.* Op. cit.

¹⁸ См.: *Coleman J.* The Philosophy of Law in the Writings of Augustine // A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 6. A History of the Philosophy of Law from the Ancient Greeks to the Scholastics. 2015. Pp. 196–198.

¹⁹ См.: *Лосев А. Ф.* История античной эстетики: в 8 т. М., 2000. Т. 3. Высокая классика. С. 118.

¹³ См.: *Dodaro R.* Op. cit.

¹⁴ См.: *O'Donovan O.* Op. cit.

¹⁵ См.: *Smith J. K. A.* Op. cit.

¹⁶ См.: *VanDrunen D.* Op. cit.

в произвольные нормы. С.С. Аверинцев также анализировал августиновую концепцию двух градов (*Civitas Dei* и *Civitas Terrena*) как важное основание для взаимодействия религиозной и светской власти, исследовал влияние Августина на развитие христианской мысли, подчеркивая его значительный вклад в осмысление справедливости как выражения божественной воли²⁰.

Г.В. Флоровский, видный православный богослов и историк, в своих работах указывал на значимость Августина для христианской теологической традиции. Он отмечал, что для Августина правосудие и справедливость неразрывно связаны с божественным порядком и милосердием. Г.В. Флоровский подчеркивал, что августиновская концепция справедливости основана на понимании божественной воли и необходимости подчинения человеческого права божественным заповедям. В своей книге «Восточные Отцы IV века» он рассматривает Августина как одного из ключевых мыслителей, чье учение о справедливости и праве продолжает влиять на православную теологию²¹.

И.И. Евлампиев, современный российский философ, в своих трудах также обращался к наследию Августина. Он отмечал, что для Августина важнейшим принципом является упорядочение любви (*ordo amoris*), которое лежит в основе справедливости и права. Указывал, что Августин видел в законе средство для воспитания добродетели и установления божественного порядка в обществе. И.И. Евлампиев анализирует актуальность августиновской концепции для современной этики и правовой теории, подчеркивая важность духовных основ права²².

В.Р. Легойда, современный российский теолог и религиовед, также исследует труды Августина и их влияние на современное понимание права и справедливости. Он обращает внимание на то, что идеи Августина о справедливости и праве могут служить важным ориентиром для критического анализа современных правовых систем. Указывает на значимость духовных и моральных оснований права, которые Августин считал необходимыми для истинной справедливости. Обсуждает применение идей Августина в контексте современной российской правовой и социальной системы²³.

В исследованиях Т.В. Епифановой и А.А. Буреева проводится анализ содержания и структурных особенностей концепции божественного закона в рамках философско-теологического учения Аврелия Августина. Авторы акцентируют внимание на пространственно-временных аспектах действия божественного закона, а также на его взаимосвязи с категорией справедливости. Согласно интерпретации Епифановой и Буреева, Августин определяет божественный закон как выражение воли христианского Бога, представляющее собой вечную и неизменную истину, которая регулирует отношения как в небесном граде (*Civitas Dei*), так и в граде земном (*Civitas Terrena*). В земном граде божественный закон находит свое воплощение в форме позитивного права, приобретая иерархическую структуру и адаптируясь к конкретным историческим и временным условиям. Таким образом, авторы подчеркивают, что божественный закон выступает в качестве универсального регулятора, обеспечивающего гармонизацию общественных отношений на основе принципов справедливости²⁴.

Заключение

Августин утверждает, что человеческие законы должны стремиться к божественной справедливости, иначе они теряют легитимность и превращаются в произвольные правила, поддерживаемые силой.

Для Августина справедливость исходит от Бога и является основой правовых норм. Законы, противоречащие божественной справедливости, теряют свою легитимность. Государственная власть, по Августину, должна подчиняться божественному закону и направлять людей к добродетельной жизни.

Идеи Августина значительно повлияли на западную правовую мысль, включая труды Фомы Аквинского и современных исследователей, таких как Жан Бетке Элыштейн и Роберт Додаро. Российские ученые, такие как А.Ф. Лосев и С.С. Аверинцев, подчеркивают важность его наследия для современного понимания справедливости и права. Их работы подтверждают актуальность идей Блаженного Августина для анализа правовых систем и поиска справедливости на основе моральных и духовных принципов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С.С. Эволюция философской мысли // Культура Византии IV — пер. пол. VII в. М., 1984. С. 42–77.
2. Блаженный Августин. О порядке // Августин Аврелий. Творения. Т. 1. Об истинной религии / сост. и подгот. текста к печ. С.И. Еремеева. СПб.; Киев, 1998. С. 114–183.

²⁰ См.: Аверинцев С.С. Эволюция философской мысли // Культура Византии IV — пер. пол. VII в. М., 1984. С. 42–77.

²¹ См.: Флоровский Г.В. Восточные Отцы IV века (из чтений в Православном Богословском институте в Париже). Париж, 1931. С. 240.

²² См.: Евлампиев И.И. Метафизический аспект понятия Церкви в католицизме, протестантизме и православии // Verbum. 1999. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafizicheskiy-aspekt-ponyatiya-tserkvi-v-katolitsizme-protestantizme-i-pravoslavii> (дата обращения: 29.01.2025).

²³ См.: Легойда В.Р. Религиозность в безрелигиозную эпоху // Альфа и омега. 2000. Т. 2. № 23. URL: <https://www.pravmir.ru/religioznost-v-bezreligioznuyu-epohu/> (дата обращения: 29.01.2025).

²⁴ См.: Епифанова Т.В., Буреев А.А. Божественный закон в *de civitate dei* Августина Блаженного (354–430 гг.) // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 6. С. 231–236. DOI: 10.12737/16835

3. *Евлампиев И.И.* Метафизический аспект понятия Церкви в католицизме, протестантизме и православии // *Verbum*. 1999. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafizicheskiy-aspekt-ponyatiya-tserkvi-v-katolitsizme-protestantizme-i-pravoslavii> (дата обращения: 29.01.2025).
4. *Епифанова Т.В., Буреев А.А.* Божественный закон в *de civitate dei* Августина Блаженного (354–430 гг.) // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2015. Т. 10. № 6. С. 231–236. DOI: 10.12737/16835
5. *Легойда В.Р.* Религиозность в безрелигиозную эпоху // *Альфа и омега*. 2000. Т. 2. № 23. URL: <https://www.pravmir.ru/religioznost-v-bezreligioznuyu-epohu/> (дата обращения: 29.01.2025).
6. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: в 8 т. М., 2000. Т. 3. Высокая классика. С. 118.
7. *Флоровский Г.В.* Восточные Отцы IV века (из чтений в Православном Богословском институте в Париже). Париж, 1931. С. 240.
8. *Coleman J.* The Philosophy of Law in the Writings of Augustine // *A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence*. Vol. 6. A History of the Philosophy of Law from the Ancient Greeks to the Scholastics. 2015. Pp. 196–198.
9. *Crouse R.D.* The Augustinian Background of St. Anselm's Concept Justitia // *Canadian Journal of Theology*. 1958. Vol. 4. No. 2. Pp. 114–119.
10. *Dodaro R.* Christ and the Just Society in the Thought of Augustine. Rome, 2008. Pp. 122–126.
11. *Elshtain J.B.* Augustine and the Limits of Politics. Notre Dame, Indiana, 2018.
12. *O'Donovan O.* The Desire of the Nations: Rediscovering the Roots of Political Theology. Cambridge, 2008.
13. *Smith J.K.A.* Desiring the kingdom (cultural liturgies): Worship, worldview, and cultural formation. Grand Rapids, Michigan, 2009.
14. *VanDrunen D.* Natural Law and the Two Kingdoms: A Study in the Development of Reformed Social Thought. Grand Rapids, 2010. Pp. 19, 20.
2. *St. Augustine.* On the order // *Augustine Aurelius. Creations*. Vol. 1. On true religion / comp. and get ready. text by S.I. Eremeev. SPb.; Kiev, 1998. Pp. 114–183 (in Russ.).
3. *Evlampiev I.I.* Metaphysical aspect of the concept of the Church in Catholicism, Protestantism and Orthodoxy // *Verbum*. 1999. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafizicheskiy-aspekt-ponyatiya-tserkvi-v-katolitsizme-protestantizme-i-pravoslavii> (accessed: 29.01.2025) (in Russ.).
4. *Epifanova T.V., Bureev A.A.* The divine law in the *de civitate dei* of Augustine the Blessed (354–430) // *Central Russian Herald of Social Sciences*. 2015. Vol. 10. No. 6. Pp. 231–236. DOI: 10.12737/16835 (in Russ.).
5. *Legoyda V.R.* Religiosity in a non-religious era // *Alpha and Omega*. 2000. Vol. 2. No. 23. URL: <https://www.pravmir.ru/religioznost-v-bezreligioznuyu-epohu/> (accessed: 29.01.2025) (in Russ.).
6. *Losev A.F.* History of ancient aesthetics: in 8 vols. M., 2000. Vol. 3. High classics. P. 118 (in Russ.).
7. *Florovsky G.V.* The Eastern Fathers of the IV century (from readings at the Orthodox Theological Institute in Paris). Paris, 1931. P. 240 (in Russ.).
8. *Coleman J.* The Philosophy of Law in the Writings of Augustine // *A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence*. Vol. 6. A History of the Philosophy of Law from the Ancient Greeks to the Scholastics. 2015. Pp. 196–198.
9. *Crouse R.D.* The Augustinian Background of St. Anselm's Concept Justitia // *Canadian Journal of Theology*. 1958. Vol. 4. No. 2. Pp. 114–119.
10. *Dodaro R.* Christ and the Just Society in the Thought of Augustine. Rome, 2008. Pp. 122–126.
11. *Elshtain J.B.* Augustine and the Limits of Politics. Notre Dame, Indiana, 2018.
12. *O'Donovan O.* The Desire of the Nations: Rediscovering the Roots of Political Theology. Cambridge, 2008.
13. *Smith J.K.A.* Desiring the kingdom (cultural liturgies): Worship, worldview, and cultural formation. Grand Rapids, Michigan, 2009.
14. *VanDrunen D.* Natural Law and the Two Kingdoms: A Study in the Development of Reformed Social Thought. Grand Rapids, 2010. Pp. 19, 20.

REFERENCES

Сведения об авторе

ХРАМЕШИН Сергей Николаевич — доктор богословия, доктор философии (PhD), кандидат философских наук (история философии), доцент (теоретико-исторические правовые науки), почетный работник сферы образования РФ, профессор, научный руководитель Славяно-Греко-Латинской академии; 105005 г. Москва, ул. Радио, д. 20
ORCID: 0000-0002-1074-0649

Authors' information

KHRAMESHIN Sergey N. — Doctor of Theology, Doctor of Philosophy (PhD), Candidate of Philosophical Sciences (History of Philosophy), Associate Professor (Theoretical and Historical Legal Sciences), Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Professor, Scientific Supervisor, Slavic-Greek-Latin Academy; 20 Radio str., 105005 Moscow, Russia

УДК 342

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭВОЛЮЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2025 г. Ю. И. Скуратов*, Н. В. Селихов**

Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина, г. Москва

**E-mail: skuratov_yi@mail.ru*

***E-mail: selihovnv@mail.ru*

Поступила в редакцию 07.05.2024 г.

Аннотация. В статье обсуждается влияние всемирного кризиса представительной демократии и либерального капитализма на обновление конституционного строя Российской Федерации, формирование государства социальной солидарности. В данном процессе гражданское самоуправление становится наиболее перспективной формой общественной самоорганизации российского народа, основанной на всеобщем политическом равенстве граждан. Право народа на национальную идеологию, прямую политическую коммуникацию граждан и участие каждого в управлении государством создает современную основу его единства и суверенитета. Социальная солидарность как национальная идея, конституционный принцип и основа народовластия приобретает практическое звучание и предполагает переход России к новому уровню народной поддержки. Обновление российской государственности является ключевым условием ее выживания.

Ключевые слова: представительная демократия, делиберативная демократия, социальная солидарность, самоуправление народа, народный суверенитет.

Цитирование: Скуратов Ю.И., Селихов Н.В. Проблемы и перспективы эволюции конституционного строя Российской Федерации // Государство и право. 2025. № 1. С. 74–81.

DOI: 10.31857/S1026945225010069

PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE EVOLUTION OF THE CONSTITUTIONAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

© 2025 Yu. I. Skuratov*, N. V. Selikhov**

Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow

**E-mail: skuratov_yi@mail.ru*

***E-mail: selihovnv@mail.ru*

Received 07.05.2024

Abstract. The article discusses the impact of the global crisis of representative democracy and liberal capitalism on the renewal of the constitutional system of the Russian Federation, the formation of a state of social solidarity. In this process, civil self-government is becoming the most promising form of social self-organization of the Russian people, based on universal political equality of citizens. The right of the people to a national ideology, direct political communication of citizens and everyone's participation in the governance of the State creates a modern basis for its unity and sovereignty. Social solidarity as a national idea, a constitutional principle and the basis of democracy, acquires a practical sound and presupposes Russia's transition to a new level of popular support. The renewal of Russian statehood is a key condition for its survival.

Key words: representative democracy, deliberative democracy, social solidarity, self-government of the people, national sovereignty.

For citation: Skuratov, Yu. I., Selikhov, N. V. (2025). Problems and prospects of the evolution of the constitutional system of the Russian Federation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 74–81.

Необходимость обновления вектора развития

Главной проблемой для многих народов становится определение путей эволюции *социально-политических институтов*, отвечающих текущим историческим потребностям.

Мировоззренческие перемены спровоцировал поразивший развитие государства *всеобщий политический кризис*, увязанный с упадком *представительной демократии* западного типа и предначертанием более совершенных форм народовластия, отвечающих реалиям нашего времени.

Специфика текущего момента в том, что человечество в массе своей охладело к модели публичной организации общества, насаждаемой Западом с XX в. Всемирная экспансия *либерального государственного капитализма*, внедрявшего в людское сознание идеи *неограниченной личной свободы* и *полновластия политического представительства*, завершилась. Секуляризированное, конституционное, правовое государство, существующее разделением властей, партийным парламентаризмом и рыночной экономикой, долгие годы почитавшееся эталоном социально-политического общежития и контрамаркой в клуб цивилизованных народов, утратило свою привлекательность. Чары западных идеалов рассеялись. Большинство государств, столетие слепо подражавших европейской политической моде, отказавшись от собственных интересов, привычных укладов, религиозного быта, культуры и этики в угоду глобальной унификации, осознало неприглядность своего положения. Им не нашлось места в цивилизованном европейском «саду», они так и остались в варварских «джунглях» (политическая метафора Ж. Барреля). От них требуют полного подчинения западному гегемону, перестройки своей государственности по его «правилам» и безапелляционного уничтожения национального прошлого. Существовать на задворках Запада, обеспечивая его благополучие и превосходство, — такова истинная участь большинства народов, положивших либеральный государственный капитализм в основу своего бытия.

В этой связи нужно отдать должное О. Шпенглеру, указавшему истинную сущность Запада в его стремлении к мировому господству, в экспансии трех универсальных идей: ультрамонтанства, капитализма и авторитарного социализма¹. Каждая из них прошла историческую апробацию и в значительной мере повлияла на судьбы многих народов. России досталось самое сложное. Она сполна испытала на себе все европейские новации. В юности своей великой кровью боролась с насаждаемым католицизмом, в XX в. титаническими усилиями и массовой жертвой строила по методикам К. Маркса социалистическую государственность, на обломках которой в начале 90-х годов воздвигла капиталистическое общество, так до конца не поняв и не приняв западных ценностей. Потому по сей день мы пребываем в поиске национального пути развития.

Испытав глубокое разочарование в европейских рецептах, в схожем положении оказались народы почти всех континентов. Для них глобализация как идеал всемирного политического и экономического универсализма оказалась «тройным конем», погубившим национальную государственность. Прежнее оказалось разрушенным, новое грозит опасностью.

В этой связи, критикуя западный либерализм, Президент РФ В. В. Путин справедливо признал свершившийся факт: стремление развивать социально-политический строй нашего государства по западным лекалам, не соответствует историческим интересам российского народа. Россия, вступившая в 2022 г. в вооруженное противостояние с коллективным Западом, стала перед историческим выбором. Выбор оказался невелик: борьба за национальную идентичность или уничтожение государства в обмен на служение европейскому Олимпу. Мы выбрали трудный путь и должны пройти его с достоинством. Большинство наций смотрит на нас с надеждой, определяясь

¹ См.: Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М., 2002. С. 47.

в алгоритмах своего развития. Но и тут вариантов немного: Россия либо определится с собственной моделью социально-политического развития, либо утратит международный авторитет и статус всемирного защитника традиционных ценностей. По большому счету на кону стоит судьба человечества. Запад окончательно покорит мир или рухнет сам. Сгенерировать очередную универсальную идею, способную захватить умы человечества, он больше не в состоянии.

Посильна ли России столь трудная историческая миссия? Может ли она освободить человечество от вездесущего западного миссионерства? Вопрос сложный, но вполне разрешимый. В поисках ответа на него стоит сопоставить идеи устройства политического общежития, принимаемые в той или иной мере современным общественным сознанием.

Либеральный государственный капитализм — знакомая нам форма бытия политического общества, утвержденная на всеобщем *социальном неравенстве*. Партийная организация публичной власти, суверенитет политической надстройки (системы государственных органов и должностных лиц), фикция тождества воли народа и его избранных, экономика, заточенная на максимальную прибыль от эксплуатации человека, своеволие политического представительства в распоряжении национальным богатством — вот неполный набор признаков, раскрывающий истинную суть данного социально-политического строя. Конституционные декларации верховенства прав человека и суверенитета народа давно материализованы в квазиобразных исторических формах. Права человека гипертрофированы до полной независимости личности от общества, традиционной морали и национальных устоев. Суверенитет народа сведен к *выбору* собственных вождей², его богатство принадлежит могущественным людям³. Это и есть *либеральная представительная демократия*, при которой государство из высшей формы организации политического общества сократилось до полномочной политической надстройки, распоряжающейся жизнью народа по своему усмотрению. Попытка обеспечить свободу человека за счет всемогущего государства-надстройки провалилась. Она была ошибкой⁴. Будучи отстранен политическим представительством от управления собственными делами, народ *de facto* утратил конституционную причастность к верховной власти. Его активность ограничивается ярмаркой партийных программ, шоу

политических выборов и демонстративным фигуральством отдельных лиц и сообществ, открыто глумящихся над остальным народом и его ценностями. Некогда целое *традиционное общество* превратилось в «толпу креативных личностей», живущую «войной всех против всех» под флагом западной меритократии. Цель такой политической суеты в стремлении поручить государством в собственных интересах. В минуты опасности самодостаточная в себе либеральная меритократия (модернизированная общечеловеческая⁵) теряет волю к сопротивлению, в заботах о своем кошельке она забывает об исторической ответственности за сохранность государства. Ровно на то и рассчитан европейский либеральный капитализм. «Прогрессивные народы», вкусившие сей ядовитый плод, рискуют исчезнуть в истории вместе со своими учителями. «Западный» тигр оказался бумажным. Тотемы денег, власти и безграничной личной распушенности погубили Римскую империю. Теперь они повелевают душами и судьбами европейских народов.

Следует признать: с начала 90-х годов XX в. Россия движется тропой либерального государственного капитализма. Об этом американскому журналисту Т. Карлсону в феврале 2024 года прямо заявил Президент РФ В.В. Путин. Желание прежнего руководства страны покончить с авторитарным государственным социализмом (в западном понимании строем, основанным на общей воле и собственности народа), устранить идеологический барьер с европейскими партнерами и стать такими же «буржуинскими... в братской семье цивилизованных народов»⁶ четко просматривается в скрижалях Конституции 1993 г. Какой бы нелогичной не казалась ее клаузула о запрете государственной идеологии (ст. 13), по сути, *отрицания* части коллективного мировоззрения российского общества⁷, в действительности либеральный государственный капитализм стал нашим политическим кодексом. Все его ключевые положения без исключения объявлены конституционными устоями Российского государства. С ними *de jure* исчезла историческая общность советского народа, обнулены всеобщие социалистические идеалы равенства и справедливости, приведен к власти партийный парламентаризм, отстранивший массы от участия в управлении государством. Земля и недра, еще вчера относимые к собственности всего народа, превратились в скромную *основу* его жизни и деятельности (ст. 9 Конституции РФ), общенародные экономические формы и статусы ликвидированы.

² См.: Сен-Симон А. Избр. соч. М. — Л., 1948. С. 136.

³ См.: Гельвеций К.А. Об уме. М., 1938. С. 17.

⁴ См.: Дюги Л. Общество, личность, государство. СПб., 1914. С. 46.

⁵ См.: Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2008. С. 8, 13.

⁶ URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 29.03.2024).

⁷ См.: Кокотов А.Н. Конституция России и идеология // Актуальные проблемы рос. права. 2023. Т. 18. № 12 (157). С. 11.

Таким образом, западные политико-экономические модели авторитарного государственного социализма и либерального государственного капитализма апробированы Россией до логического конца. Вернуться к ним наш народ не имеет ни исторической возможности, ни политического права. Общественное сознание воспринимает прошлое отработанным материалом, достоинства и недостатки которого коллективно и рационально переосмыслены, а выводы сделаны. Перемена исторических условий меняет само общество, возбуждая в нем новые потребности. Советский народ канул в лету, современное российское общество едва ли обратится к его идеологии. В сопоставлении с предшественником оно в значительной степени *индивидуализировано*, его ценности не столь монолитны и универсальны. Мы уже не разжигаем пожара мировой революции в стремлении освободить пролетариат всех стран. Мы больше сосредоточены на себе, лишь желание выжить заставило наш народ объединиться перед лицом агрессивного Запада. Выжить — значит создать новую идеологическую опору, сформировать собственный социально-политический строй, отвечающий интересам большинства граждан Российской Федерации.

Сложности поиска альтернативного вектора развития

Одна из главных задач развития государства — верно отделить истинные *потребности* масс от *плевел* либеральной меритократии. Карьерность, креативность, продуктивность, командность и пр. регалии «успешных» представителей власти не должны возвышать их над обществом, восприниматься источником личных привилегий. У чиновника есть лишь одна почетная привилегия: честно служить своему народу. Человек, не способный поставить нужды общества выше своих потребностей, не может облекаться публичной властью. Должность — это не работа за приличное вознаграждение, это образ жизни, принесенной в жертву своему народу. Либеральному капитализму такое отношение совершенно чуждо. Он убежден в абсолютной автономии личности от общества, в непогрешимости законов европейского «сада», где каждый сам за себя, а всеобщая борьба за кусок национального богатства — естественное состояние.

Сегодня российский народ окончательно осознал, что либеральный государственный капитализм — краткий путь к гибели нашего государства, к еще большему растлению молодых поколений, к утрате обществом национальной идентичности и политического единства. Запад веками не мог уничтожить нас военным путем, теперь он дешево и сердито покоряет Россию своей идеологией. Найдется ли ей современная альтернатива?

Последние десятилетия западная мысль пытается разрешить всемирный политический кризис по-своему, занимаясь его внешней перелицовкой при сохранении прежней сути. Осознавая невозможность существования партийного парламентаризма в былом виде, европейские мыслители и политики задумались о *контролируемом* допуске масс к обсуждению проблем государства. Это направление народовластия получило название *делиберативной демократии*. Суть ее в предоставлении народу права совещательного голоса при обсуждении тех вопросов публичного управления, по которым политическому представительству не удалось прийти к кулуарному консенсусу. При этом категориальному пониманию свободы и равенства придается своеобразный, маскирующий либерализм, политический оттенок. Концепт делиберативной демократии сфокусирован вокруг публичного *дискурса* (коммуникативного участия) граждан государства, связанного с обсуждением инициатив политического представительства. Тема обсуждения значения не имеет, как и коллективное мнение граждан не играет определяющей роли. Оно консультативно. Легитимна не сама воля граждан по конкретному вопросу, а то решение, которое прошло общественное обсуждение⁸. Окончательный вердикт так и остался прерогативой представительной власти. Демократия процесса, но не конечного результата, формы, но не содержания. Представительная надстройка государства нашла способ выпустить пар недовольства общества-базиса, снять накал разногласий через необязательные разговоры. Свободные личности, равные в общественном, но юридически беспомощном дискурсе, — вот то, что ныне предлагает Запад в качестве современной модели демократии. Достаточно ознакомиться с трудами Ю. Хабермаса, Дж. Дьюи, Дж. Ролза и др. западных теоретиков, чтобы осознать суть реформаторских предложений, уже апробированных в ряде европейских стран. Например, благодаря делиберативным *форматам* и *алгоритмам* (малым конституционным собраниям граждан, мини-форумам избирателей, политическим ассоциациям, транспарентному представительству и пр. находкам), Ирландия — прежде католическая твердыня — исключила из своей конституции запрет преступного богохульства, в истовом порыве присоединившись к семье «прогрессивных» европейских государств. Вместе с Норвегией, Швецией, Данией, Нидерландами, Бельгией, Испанией, Португалией, Грецией и др. странами признала однополые браки допустимым разнообразием⁹. Похожая

⁸ См.: Пархоменко Р.Н. Теория делиберативной демократии Ю. Хабермаса // Философия и культура. 2012. № 4. С. 40–49.

⁹ См.: Васильева Т.А. Конституционное собрание в Ирландии: делиберативная демократия в действии // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 6. С. 46–70.

история случилась и в Исландии¹⁰, где доверие масс к политической надстройке во многом было восстановлено таким же путем. Представительные институты продавили выгодную повестку, сформировали общественное мнение, направив дискурс в нужное русло, и легитимировали наиболее подходящие решения общественности. Дело сделано. Либеральная демократия прикрылась делиберативной маской. Ее главное предназначение — сделать народ сопричастником собственного уничтожения. Потому в КНР относятся к делиберативной демократии с большой опаской, не отделяют ее от либерализма и тщательно охраняют собственные политические и социальные институты¹¹. России такой строй точно не нужен.

Эволюция конституционного строя России

История России доказала: инородные идеи нашим народом будут отвергнуты. Это лишь вопрос времени и масштаба страданий. Очередное западное увлечение может оказаться для нас последним. То, что понятно и выгодно европейцу, как правило, в чистом виде губительно для российского общества. В условиях индивидуализации, утраты классовой структуры и крайней степени общественного неравенства продолжать насаждать в стране либеральный государственный капитализм, — значит упрямо игнорировать объективные факты. Российский народ имеет собственное понимание свободы и справедливости, категорически отвергает западный принцип общественной организации. Для него социальное неравенство, деление общества по политическим и экономическим ранжиром в столь трудное время кажется национальным предательством. Подражание недругу в политическом строе, в публичном механизме, в идеологии и формах коммуникации воспринимается массами недопустимым. Народ задается вопросом: за какое будущее сражается Россия? За очередной вариант политического и экономического неравенства или государственный строй, основанный на идее *социальной солидарности, социального равенства*? В этом принципе зашифрована не только потребность текущего момента, но и ключевой постулат *будущего устройства России*. Социальная солидарность как основание политического единства российского народа есть ключ к его победе. На Западе всем понятно: пока наш народ един, одолеть его невозможно.

Таким образом, налицо констатация факта: в условиях военно-политического кризиса российское общество рационально обратилось к идеям

народной солидарности. Соответствующий вектор общественного развития нашел свое адекватное отражение в тексте поправок к Конституции, внесенных в Основной Закон страны в 2020 г. Статья 75¹² Конституции РФ говорит о необходимости «взаимного доверия государства и общества», для достижения которого обеспечивается «экономическая, политическая и социальная солидарность». При этом не идет речи о возврате к авторитарному государственному социализму — классовой конструкции, скрепленной однопартийной системой и общей собственностью. Свобода и равенство во *всеобщем масштабе*, в личном политическом *праве и действии* каждого, превратились в идеал нашего времени¹², он больше не связан со способом производства и представительством советов. Люди жертвуют собой ради всего народа, потому вправе рассчитывать на *всеобщее и равное участие в управлении государством*. Эта всеобщность есть продолжение индивидуальной свободы, отражение справедливости, модель социального равенства, вызывающая к жизни новый формат народовластия. Ему противна неограниченная свобода человека, полновластие партийного парламентаризма и засилье капитала в экономике. Войну за выживание нельзя выиграть плюрализмом, пренебрежением волей народа или наживой на поставках воюющей армии. *Кровь и души наших граждан бесценны*. Российское государство должно отвергнуть западные схемы общения надстройки и базиса, а национальные ресурсы бескорыстно использовать во имя победы.

Итак, в современных условиях единство российского государства возможно лишь на почве общности интересов всего народа. Его следовало бы назвать государством экономической, политической и социальной солидарности народа¹³, а наиболее подходящую ему политическую форму — *публичным самоуправлением народа*. Она не является очередной теоретической выдумкой, ее корни глубоко в общественном сознании. Российский народ инициативой снизу выразил идею своего существования. Сотни тысяч мужчин отправились добровольцами на фронт, пожилые женщины с материнской любовью вяжут носки и маскировочные сети, малые дети пишут теплые письма неизвестным бойцам, пока представители либеральной меритократии стенают над волатильностью валюты, падением доходов и недоступностью зарубежного

¹⁰ См.: Конституция и права человека: современная доктрина и практика. М., 2021. С. 68–85.

¹¹ См.: Лю Янь. Делиберативная демократия в Китае // Theories and Problems of Political Studies. 2020. Vol. 9. Iss. 3A. Pp. 83–89.

¹² См.: Нерсисянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.

¹³ С учетом особой, «синтетической» роли социальных отношений, охватывающих все отдельные виды человеческой деятельности (см.: Перфильев М. Н., Орлова Л. В. Социальные отношения: методологические проблемы исследования. Л., 1973. С. 95–138), возможно говорить о государстве социальной солидарности народа.

жилья. Нет ничего странного в том, что единый народ взялся за оружие, а отпавшая от него «креативная» россыпь бросилась к чемоданам. Для российского руководства патриотичный базис всегда был ближе и надежнее либеральной меритократии. Государством должен править тот, кто его отстоял. Так же и государство должно олицетворяться тем, кто созидает и охраняет его в трудное время, не своевольной надстройкой, но единым, публично-властным образом организованным народом¹⁴.

В этом суть формирующегося нового конституционного строя, способного искоренить либеральную разобщенность людей посредством всеобщего *гражданского самоуправления*, через вовлечение каждого в дела государства, политическое равенство людей, независимо от их экономического положения. Равенство и единство граждан современного государства возможно лишь в политической форме, в общих политических правах и публичных действиях. Они того желают, обращая справедливые требования к надстройке, привыкшей к либеральным лозунгам.

Термин «самоуправление» (управление своими собственными делами) означает органический сплав, синтез демократии и управления. Он раскрывает диалектику взаимодействия демократических и управленческих начал, а также порождаемых им противоречий. Народное самоуправление в Российском государстве не может, с одной стороны, сводиться только к демократическому участию масс в управлении, а с другой — включать управленческие структуры без демократических институтов, функционирующих помимо или вне общего режима народовластия. Публично-правовой механизм народного самоуправления нацелен как на привлечение широких масс к управлению, демократизацию управления, так и на квалифицированное, научное решение управленческих вопросов, чего нельзя обеспечить без слоя профессиональных управленцев, реализующих волю народа.

Следует заметить, что гражданское самоуправление возникает у нас не на пустом месте, имеет глубокие исторические традиции, а в современных условиях — двойную направленность. Его дуализм обращен как к ограничению своеволия политической надстройки, так и к сдерживанию гипертрофированной свободы личности, ликвидации ее социальной автономии.

Потребность общества контролировать институты представительства продиктована исторической необходимостью. Только таким образом

можно обуздать стремление либеральной меритократии к верховной власти. Потому опора руководства государства в народе есть залог устойчивости публичных институтов, гарантия невозврата страны на либеральные рельсы. «Подковерная борьба» утрачивает всякий смысл, когда судьба страны решается всенародным согласием. Российский народ зрел сознанием и махинаций не допустит.

Растущей политической активности масс опасаться не стоит. Гражданское самоуправление как способ общественной самоорганизации не означает возврата к античной демократии. Развита политическая надстройка воспринимается органическим атрибутом государства, потому прямое народовластие во многих вопросах публично-управления органично дополняет публично-властные механизмы. Его современная роль в *ограничении полновластия надстройки*, но не в подмене чиновников в рутинных делах. Непосредственное участие граждан в управлении государством в форме всенародно иницируемых и одобряемых *декретов* и всеобщей *легитимации* ключевых решений, касающихся конституционных основ государства и национальных интересов базиса, должны стать канвой деятельности публичного аппарата. Отступить от нее, значит пойти против конституционной воли народа — единственного источника легитимной и суверенной власти.

Аналогичным образом коллективная воля народа способна смирить буйство личной свободы. Национальные ценности и традиции не могут выступать предметом торга между обществом и личностью. Часть не вправе указывать целому, капризно требуя пересмотра социальных основ. Каждая личность должна понимать, что ее мнение и голос приобретают политический вес только в общей воле народа, воле, определенной правилом большинства. Мудрость народа способна погасить любую авантюру, придать нужный импульс благим начинаниям, ведь общий интерес всегда выливается во всеобщее действие, противостоять которому невозможно. Ни деньги, ни одна политическая партия, ни желания национальных лидеров не способны поднять российский народ на борьбу с Западом. Это суверенный порыв самого народа. Россияне защищают свою личную свободу и свою страну осознанно и самостоятельно, понимая, что в единстве наша сила. Политическое представительство должно поддержать патриотизм масс, стать частью народа и вернуть власть обществу.

В этой связи вновь актуален вопрос о суверенитете народа¹⁵. В современных условиях его

¹⁴ См.: Мамут Л. С. Государство как публично-властный образ организованного народа // Журнал рос. права. 2000. № 3. С. 88–100.

¹⁵ При всем различии суверенитета народа как сугубо качественной категории и народного самоуправления как категории относительной, для характеристики которой допустима постановка вопроса о выделении различных степеней, меры

верховенство неотожествимо с полновластием государственного аппарата. У суверенитета народа существует собственное публичное основание, слагаемое из суверенных, неотъемлемых прав российского народа, таких как право на *власть и участие в управлении государством*, право *учреждать и избирать органы публичной власти*, право *контроля за деятельностью государственного аппарата*, права на *национальную идеологию* и т.д.¹⁶

Выбор социально-политического (государственного) строя — истинное проявление суверенитета народа России и его *национальная прерогатива*. С всемирным крахом либерального капитализма пришло время более справедливого социально-политического строя — общества социальной солидарности народа и более совершенной формы народовластия — публичного самоуправления народа. Российский народ вполне способен приступить к построению собственной национальной демократии, основанной на вековых традициях, этнографическом многообразии и всеобщем политическом равенстве. Мы, наконец, готовы отстаивать собственную *национальную идею*, предопределяющую будущее российской государственности.

* * *

В завершение необходимо отметить, что освоение России от деструктивного влияния Запада и обновление ее социально-политического строя потребует обязательной правовой фиксации расстановки национальных сил и приоритетов. Это поднимает давнюю проблему глубокой конституционной реформы. Народ-победитель не может вернуться к уставам поверженного оппонента — слишком велико напряжение, а дальнейшие

его развития, сама по себе связь этих явлений (суверенитет народа — народовластие — самоуправление народа) является имманентной, неразрывной.

¹⁶ Права народа, других социальных общностей, не только имеют шанс на существование, но и должны обрести важное значение в политико-правовой системе нашей страны. Между тем в российской научной литературе по конституционному праву проблема прав народа явно отошла на задний план, уступив место бесчисленным исследованиям проблемы прав и свобод человека и гражданина. Известное исключение составляют исследования М.П. Фомиченко, которые, естественно, не могли охватить всех проблем, связанных с юридической природой прав народа, механизмом их закрепления в Конституции РФ и последующей реализации (см.: *Фомиченко М.П.* Права народов в Российской Федерации (конституционно-правовые аспекты): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006). Самое же опасное состоит в том, что эти векторы научной мысли — права общностей, коллективов и права человека и гражданина — развиваются во многом параллельно, изолировано, вопреки органическому подходу. А между тем учения о правах человека и суверенных (неотъемлемых) правах народа выступили как равнозначные категории правосознания, оказали большое влияние на конституционное законодательство многих государств. Крайне важно исследовать их в единстве и в современных условиях развития нашего государства.

промедления лишь подорвут доверие масс к государственной надстройке. Конституционные инициативы граждан должны быть услышаны, обсуждены всем народом и приняты общей волей граждан без всякого секвестирования со стороны политического представительства. Российская Федерация создает собственную *цивилизационную демократию*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильева Т.А.* Конституционное собрание в Ирландии: делиберативная демократия в действии // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 6. С. 46–70.
2. *Гельвеций К.А.* Об уме. М., 1938. С. 17.
3. *Дюги Л.* Общество, личность, государство. СПб., 1914. С. 46.
4. *Кокотов А.Н.* Конституция России и идеология // Актуальные проблемы рос. права. 2023. Т. 18. № 12 (157). С. 11.
5. Конституция и права человека: современная доктрина и практика. М., 2021. С. 68–85.
6. *Лю Янь.* Делиберативная демократия в Китае // Theories and Problems of Political Studies. 2020. Vol. 9. Iss. 3A. Pp. 83–89.
7. *Мамут Л.С.* Государство как публично-властным образом организованный народ // Журнал рос. права. 2000. № 3. С. 88–100.
8. *Нерсисянц В.С.* Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.
9. *Пархоменко Р.Н.* Теория делиберативной демократии Ю. Хабермаса // Философия и культура. 2012. № 4. С. 40–49.
10. *Перфильев М.Н., Орлова Л.В.* Социальные отношения: методологические проблемы исследования. Л., 1973. С. 95–138.
11. *Сен-Симон А.* Избр. соч. М. — Л., 1948. С. 136.
12. *Фомиченко М.П.* Права народов в Российской Федерации (конституционно-правовые аспекты): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.
13. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М., 2008. С. 8, 13.
14. *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм. М., 2002. С. 47.

REFERENCES

1. *Vasilieva T.A.* The Constitutional Assembly in Ireland: deliberative democracy in action // Comparative Constitutional Review. 2022. No. 6. Pp. 46–70 (in Russ.).
2. *Helvetius K.A.* On the mind. M., 1938. P. 17 (in Russ.).
3. *Dugi L.* Society, personality, state. St. Petersburg, 1914. P. 46 (in Russ.).

4. *Kokotov A. N.* The Constitution of Russia and ideology // Current problems of Russ. Law. 2023. Vol. 18. No. 12 (157). P. 11 (in Russ.).
5. Constitution and human rights: modern doctrine and practice. M., 2021. Pp. 68–85 (in Russ.).
6. *Liu Yan.* Deliberative Democracy in China // Theories and Problems of Political Studies. 2020. Vol. 9. Iss. 3A. Pp. 83–89 (in Russ.).
7. *Mamut L. S.* The state as a publicly organized people // Journal of Russ. Law. 2000. No. 3. Pp. 88–100 (in Russ.).
8. *Nersesyants V. S.* Philosophy of Law: libertarian-legal concept // Questions of philosophy. 2002. No. 3. Pp. 3–15 (in Russ.).
9. *Parkhomenko R. N.* Theory of deliberative democracy Yu. Habermas // Philosophy and Culture. 2012. No. 4. Pp. 40–49 (in Russ.).
10. *Perfiliev M. N., Orlova L. V.* Social relations: methodological problems of research. L., 1973. Pp. 95–138 (in Russ.).
11. *Saint-Simon A.* Collected works. M. – L., 1948. P. 136 (in Russ.).
12. *Fomichenko M. P.* The rights of peoples in the Russian Federation (constitutional and legal aspects): dis. ... Doctor of Law. M., 2006 (in Russ.).
13. *Habermas Yu.* Philosophical discourse on modernity. M., 2008. Pp. 8, 13 (in Russ.).
14. *Spengler O.* Prussianism and Socialism. M., 2002. P. 47 (in Russ.).

Сведения об авторах**СКУРАТОВ Юрий Ильич —**

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой публичного
и международно-правового обеспечения
национальной безопасности
Российского государственного университета
нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина;
119991 г. Москва, Ленинский проспект, д. 65

СЕЛИХОВ Николай Васильевич —

кандидат юридических наук,
доцент кафедры публичного
и международно-правового обеспечения
национальной безопасности
Российского государственного университета
нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина;
119991 г. Москва, Ленинский проспект, д. 65

Authors' information**SKURATOV Yuri I. —**

Doctor of Law, Professor,
Head of the Department
of Public Law and International
Legal Provision of National Security,
Gubkin Russian State
University of Oil and Gas;
65 Leninsky Ave., 119991 Moscow, Russia

SELIKHOV Nikolay V. —

PhD in Law,
Associate Professor of the Department
of Public Law and International
Legal Provision of National Security,
Gubkin Russian State
University of Oil and Gas;
65 Leninsky Ave., 119991 Moscow, Russia

УДК 347

ИЗЪЯТИЕ ИМУЩЕСТВА КАК АНТИКОРРУПЦИОННАЯ МЕРА: БЕЗ СРОКОВ ДАВНОСТИ

© 2025 г. А. И. Александров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: san33@mail.ru

Поступила в редакцию 08.01.2025 г.

Аннотация. В статье дан подробный анализ положений Постановления Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П, разрешившего вопрос о возможности применения общих сроков исковой давности, установленных Гражданским кодексом РФ, к «антикоррупционным искам» прокурора об изъятии имущества, законность приобретения которого чиновник не смог подтвердить. Конституционный Суд РФ постановил, что названные сроки к таким искам неприменимы. Уделено внимание правовой природе изъятия указанного имущества, а также механизмам, обеспечивающим защиту прав его добросовестных приобретателей. Предложены дальнейшие шаги по укреплению применяемых в Российской Федерации антикоррупционных мер.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, постановление, борьба с коррупцией, изъятие имущества, антикоррупционный иск, сроки давности, полномочия прокурора.

Цитирование: Александров А. И. Изъятие имущества как антикоррупционная мера: без сроков давности // Государство и право. 2025. № 1. С. 82–93.

DOI: 10.31857/S1026945225010071

SEIZURE OF PROPERTY AS AN ANTI-CORRUPTION MEASURE: NO STATUTE OF LIMITATIONS

© 2025 A. I. Aleksandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: san33@mail.ru

Received 08.01.2025

Abstract. The article provides a detailed analysis of the provisions of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 49-P dated October 31, 2024, which resolved the issue of the possibility of applying the general limitation periods established by the Civil Code of the Russian Federation to the prosecutor's "anti-corruption claims" for the seizure of property, the legality of the acquisition of which the official could not confirm: The Constitutional Court of the Russian Federation ruled that the above-mentioned deadlines for such claims are not applicable. Attention is paid to the legal nature of the seizure of the specified property, as well as to the mechanisms ensuring the protection of the rights of its bona fide purchasers. Further steps are proposed to strengthen the anti-corruption measures applied in Russia.

Key words: Constitutional Court of the Russian Federation, judgement, fight against corruption, seizure of property, anti-corruption lawsuit, statute of limitations, powers of the prosecutor.

For citation: Aleksandrov, A.I. (2025). Seizure of property as an anti-corruption measure: no statute of limitations // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 82–93.

31 октября 2024 г. Конституционный Суд РФ, проверив по запросу Краснодарского краевого суда конституционность ряда положений Гражданского кодекса РФ, принял Постановление № 49-П¹ (далее — Постановление Конституционного Суда № 49-П), значение которого для эффективной борьбы с коррупцией трудно переоценить. Конституционный Суд РФ пришел к выводу о фактически бессрочной возможности изъятия у собственников имущества, законность приобретения которого собственник не сможет доказать. Однако, прежде чем приступить к анализу положений этого Постановления, напомним, что на пути к нему правоведом было сделано немало шагов, постепенно совершенствующих антикоррупционное законодательство.

Коррупция — опаснейшее явление, название которого происходит от лат. *corruptio* — «разложение, растление, подкуп». Подкуп отдельных чиновников действительно влечет за собой их «растление», а следом — разложение государственного механизма в целом. Получение денег и других благ не от работодателя (государства), а от заинтересованных в решении каких-то вопросов лиц выступает коррупционным нарушением, препятствует правильному «кровотоку» в государственном органе и ведет к его гибели².

Легальное определение коррупции содержится в п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», где указано, что коррупция — это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде

денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами. Кроме того, коррупцией признается совершение аналогичных действий от имени или в интересах юридического лица.

Коррупция, безусловно, одна из тех наиболее серьезных проблем, что могут угрожать социально-экономическому и политическому развитию государства, демократии и моральным устоям общества. Сложившаяся в Российской Федерации в 1990-х годах криминальная ситуация, характеризовавшаяся масштабной криминализацией общественного сознания и высоким уровнем коррупции³, требовала от государственной власти принятия решительных и неотложных мер. К началу XXI в. стали отчетливо заметны не только осознание властью сложности имеющихся вызовов, но и ее готовность бороться с этим злом. Так, уже в одном из первых своих посланий Федеральному Собранию РФ (18 апреля 2002 г.) Президент РФ В.В. Путин высказался за модернизацию системы исполнительной власти России в целом, отметив, что она должна быть «логично и рационально устроена», а государственный аппарат должен стать «работающим инструментом реализации экономической политики». Президент особо подчеркнул, что имевшаяся к тому моменту организация работы госаппарата способствовала коррупции, являвшейся не результатом отсутствия репрессий, а «прямым следствием ограничения экономических свобод»⁴.

С 2000-х годов наблюдаются очевидные перемены ситуации к лучшему. За прошедшее время была сформирована и начала активно применяться новая законодательная база борьбы с коррупцией, ключевую роль в которой наряду с уже упомянутым Законом о противодействии коррупции

¹ См.: СЗ РФ. 2024. № 46, ст. 7029.

² См.: Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). СПб., 2020. С. 229, 230.

³ См., напр.: Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003. С. 216, 217.

⁴ См.: Росс. газ. 2002. 19 апр.

играют Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (далее — Закон о контроле расходов) и целый ряд других нормативных правовых актов. Внесены важные поправки в Уголовный кодекс РФ, которыми, в частности, существенно увеличены санкции за дачу и получение взятки, посредничество во взяточничестве⁵.

Большим антикоррупционным потенциалом обладают нормы ст. 8 и 8¹ Закона о противодействии коррупции, обязавшие государственных и муниципальных служащих представлять сведения о доходах и расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, причем не только собственных, но также супруги и несовершеннолетних детей. Проверка достоверности и полноты представленных сведений осуществляется представителем нанимателя (руководителем) самостоятельно или путем направления запроса в органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность. Невыполнение служащим обязанности представить указанные сведения является правонарушением, влекущим освобождение его от замещаемой должности либо привлечение к иным видам дисциплинарной ответственности.

Кроме того, в силу ч. 3 ст. 16 Закона о контроле расходов в случае, если в ходе осуществления такого контроля выявлены обстоятельства, свидетельствующие о несоответствии расходов самого чиновника, а также расходов его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей их общему доходу, полученные материалы в трехдневный срок направляются в органы прокуратуры РФ. Генеральный прокурор РФ или подчиненные ему прокуроры в течение четырех месяцев со дня получения указанных материалов рассматривают их, после чего в порядке, предусмотренном законодательством о гражданском судопроизводстве, обращаются в суд с заявлением об обращении в доход Российской Федерации земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, цифровых финансовых активов, цифровой валюты, в отношении которых чиновником не представлены сведения, подтверждающие их приобретение на законные доходы, или об обращении в доход Российской Федерации денежной суммы, эквивалентной стоимости такого имущества, если его обращение в доход Российской Федерации невозможно.

Соответствующими положениями дополнен Гражданский кодекс РФ: предусмотрено принудительное изъятие у собственника и обращение

по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы (п/п. 8 п. 2 ст. 235).

Таким образом, можно утверждать, что законодателем за прошедшие годы был разработан и успешно воплощен в жизнь правовой механизм, позволяющий выявлять и изымать у чиновников и их окружения «подозрительное» имущество, законность происхождения которого они не могут доказать (зачастую речь идет о многих миллиардах рублей). Этот механизм может рассматриваться как достаточно действенный.

Здесь немаловажную роль сыграла позиция Конституционного Суда РФ, не усмотревшего нарушений Конституции РФ при таком изъятии, что прямо выражено в Определениях от 24 октября 2019 г. № 2949-О/2019 по жалобе гражданина Д.В. Захарченко и № 2950-О/2019 по жалобе гражданки М.А. Семьиной. Уголовное дело об обнаружении у полковника полиции Д.В. Захарченко и его ближайшего окружения порядка 9 млрд руб. (в том числе в иностранной валюте) вызвало широкий резонанс в обществе; в дальнейшем обнаруженные денежные средства были обращены в доход государства, а сам полковник осужден к длительному сроку лишения свободы.

Конституционный Суд РФ после изучения материалов по упомянутым жалобам не нашел оснований для принятия их к рассмотрению, посчитав что оспариваемые положения Гражданского кодекса РФ и иных федеральных законов устанавливают нормативный механизм контроля со стороны государства за имущественным положением отдельных категорий лиц и в целях профилактики коррупции обращение в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены сведения, подтверждающие его приобретение на законные доходы, а также предусматривают полномочия органов прокуратуры в рамках осуществления такого контроля. При этом обращение имущества в доход Российской Федерации относится к *особым правовым мерам, применяемым в случае нарушения лицами, выполняющими публичные функции, антикоррупционного законодательства и направленным на эффективное противодействие коррупции и защиту конституционно значимых ценностей*. Конституционный Суд РФ также указал, что установленный Законом о контроле за расходами порядок применения данной меры позволяет обеспечить баланс публичных интересов борьбы с коррупцией и частных интересов собственника, приобретшего имущество на доходы, не связанные с коррупционной деятельностью,

⁵ См. подр.: Уголовная политика Российской Федерации: проблемы и перспективы / под общ. ред. С.В. Максимова, В.Л. Шульца. М., 2021. С. 420–431.

и не предполагает лишение лица, в отношении которого разрешается вопрос об обращении принадлежащего ему имущества в доход Российской Федерации, права представлять в суде любые допустимые доказательства в подтверждение законного происхождения средств, затраченных на приобретение того или иного имущества, а также не препятствуют суду при выявлении незначительного расхождения размера доходов, законность происхождения которых подтверждена, и размера расходов на приобретение соответствующего имущества с учетом фактических обстоятельств конкретного дела определить ту его часть, которая приобретена на доходы, законность происхождения которых не доказана, и потому подлежит обращению в доход Российской Федерации (либо денежные средства, полученные от реализации такого имущества), а также определить порядок исполнения своего решения с учетом особенностей этого имущества (Определение Конституционного Суда РФ № 2949-О/2019).

Более десяти лет назад, когда соответствующие антикоррупционные законодательные нормы только разрабатывались, Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, перечисляя первоочередные вопросы, требующие решения в сфере борьбы с коррупцией, одним из них назвал переход от декларирования доходов к декларированию расходов, заметив: «Президент РФ подчеркивал важность этого вопроса. Россия присоединилась к Конвенции ООН против коррупции, ст. 20 которой обязывает ввести правовой институт незаконного обогащения. Если этот механизм заработает, тогда в большей степени, чем сейчас, будет обеспечена прозрачность, в том числе финансовая. При этом возможно, что в какой-то части бремя доказывания невиновности может лежать не на государстве, а на самом лице, действие которого подвергается сомнению (так как ему необходимо доказать, что у него легальные источники доходов)»⁶.

Однако до недавнего времени дискуссионным оставался следующий вопрос: распространяются ли на иски прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, полученного вследствие нарушения чиновником требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, сроки исковой давности, предусмотренные Гражданским кодексом РФ? В судебной практике имелись примеры прямо противоположных подходов судей к разрешению этого вопроса. Узнав о поступлении запроса Краснодарского краевого суда в Конституционный Суд РФ и ожидая его решения, активизировалось и научное сообщество: ученые также высказывались как в поддержку

отказов в применении к антикоррупционным искам прокуроров исковой давности, так и против такого подхода⁷.

Наконец, точку в имевшейся дискуссии поставил Конституционный Суд РФ, приняв упомянутое выше Постановление № 49-П, предметом которого как раз и стала возможность применения к антикоррупционным искам прокуроров института исковой давности.

Это Постановление, как представляется, содержит множество существенных положений, заслуживающих пристального внимания отечественных правоведов. *Во-первых*, Конституционный Суд РФ еще раз напомнил о чрезвычайной опасности коррупции и многоаспектности ее негативного воздействия на жизнь общества и государства, указав, что «наиболее тяжелым последствием и самым существом коррупции является нарушение принципов справедливости⁸ и равенства (правового эквивалента). Она оказывает разрушительное, угнетающее воздействие на сферу реализации публичной власти, расшатывает ее легитимность, способна подорвать веру граждан в законность, добро и справедливость, является существенным препятствием для правового, демократического и социально-экономического развития страны».

С подобным утверждением Конституционного Суда РФ об опасности коррупционных деяний согласятся все: и ученые, и правоприменители, и простые граждане нашей страны. Прав А.Г. Хабибуллин, заметивший, что основная опасность коррупции как антигосударственного и общественно опасного явления заключается в ее разрушительном воздействии на основы государственного устройства и конституционные основы правового регулирования жизни общества⁹. Причем результаты криминологических исследований «свидетельствуют о неблагоприятных тенденциях в развитии коррупционной преступности и ее устойчивой взаимосвязи с организованной преступностью,

⁷ См., напр.: Савельев С.Л. Прокуратура против исковой давности. Правовые заключения в Конституционный Суд РФ. URL: https://zakon.ru/blog/2024/10/04/prokuratura_protiv_iskovoj_davnosti_pravovye_zaklyucheniya_v_konstitucionnyj_sud_rf (дата обращения: 07.12.2024); Деркач И.Г. Антикоррупционные иски прокуратуры: actio perpetua (?). URL: https://zakon.ru/blog/2024/10/3/antikorrupcionnye_iski_prokuratury_actio_perpetua_ (дата обращения: 01.12.2024).

⁸ Характерно, что, по оценке Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, такая важная цель конституционного правосудия, как защита социальных прав человека и гражданина, в своей основе как раз и содержит принцип обеспечения справедливости (см.: Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. М., 2008. С. 310).

⁹ См.: Хабибуллин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал рос. права. 2007. № 2. С. 45.

⁶ Зорькин В.Д. Коррупция как угроза стабильному развитию общества // Журнал рос. права. 2012. № 7. С. 19.

терроризмом и экстремизмом. Организованные преступные формирования, действующие в экономической сфере, сражаясь с коррумпированными чиновниками и сотрудниками правоохранительных органов, легализуют значительную часть теневых капиталов, осуществляют рейдерские захваты и иные криминальные действия с целью обогащения»¹⁰. А по наблюдению В. В. Лунеева, если низовая коррупция «повседневно высасывает материальное благосостояние людей», то вершинная «неустанно заглатывает огромные куски государственной и частной экономики»; вместе же они «беспощадно разрушают правовые основы общества и государственную власть»¹¹.

Во-вторых, Конституционный Суд РФ отметил, что, поскольку конечной целью совершения деяния коррупционной направленности является незаконное обогащение, «государство обязано принимать такие меры, которые любую попытку достигнуть подобной цели делали бы бессмысленной и бесперспективной». Иное «способствовало бы коррупционному обогащению, легализации имущества, полученного в результате коррупционных деяний, в том числе путем преобразования его (доходов от него) в иное имущество, допускало бы беспрепятственный оборот такого имущества, не ставя тем самым надлежащих преград коррупционному поведению», а потому вступало бы в противоречие со многими положениями российской Конституции»¹².

Помимо этого Суд заключил, что «деяние коррупционной направленности, приведшее к незаконному обогащению, в системе действующего правового регулирования само по себе не обязательно признается преступным и не обязательно совпадает по объективной стороне с составом какого-либо преступления».

Суд также вновь подчеркнул, что меры по обращению в доход государства имущества, полученного в результате коррупционного обогащения, выступают «особой формой правового государственного принуждения» (наряду с уголовно-правовыми и административно-деликтными мерами), имеют конституционно значимую публичную цель (борьбы с деяниями коррупционной направленности),

ориентированы на обеспечение эффективного механизма народовластия и правового государства, защиту демократического строя, призваны предотвратить риски, связанные с возможностью сращивания публичной власти и бизнеса, а тем более — публичной власти и криминала.

Выводы Конституционного Суда РФ едва ли будут опровергнуты. При этом небезынтересно уточнить правовую природу изъятия имущества. По мнению А. В. Егорова, обращение по решению суда в доход публичного субъекта какого-то имущества обладает признаками конфискации (собственник утрачивает право собственности в силу акта суверенной власти), однако «законодатель вывел изъятие имущества по подозрению в коррупции из-под понятия конфискации <...> Традиционно конфискация была связана с правонарушением (уголовным или административным). Напротив, презюмируемое коррупционное правонарушение лицом, не сумевшим подтвердить свою законопослушность, тем не менее доказанным не является»¹³.

Аналогичное объяснение расхождения терминов ранее высказал К. И. Скловский: «Введение только гражданской ответственности конфискационного типа за подозрения в коррупции»¹⁴ при сохранении уголовной конфискации за совершение доказанного коррупционного преступления объясняется причинами системного значения: презумпция вины действует только в гражданско-правовой сфере, а в уголовной по-прежнему — презумпция невиновности. Тогда сохранение баланса прав и интересов в рамках системы права в целом достигается установлением ответственности, ограниченной по кругу лиц и видам имущества, в рамках рассмотрения гражданского иска. <...> Использование в российском законе термина, отличного от конфискации, как можно видеть, вытекает <...> из причин внутреннего, системного характера. Прежде всего таким образом показывается отличие конфискации как меры,

¹⁰ Савенков А. Н., Савенков А. А. Международное сотрудничество для борьбы с коррупцией и финансовыми преступлениями // Росс. следователь. 2012. № 21. С. 42.

¹¹ Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005. С. 514.

¹² Неудивительно, что в одном из наиболее авторитетных исследований современной преступности проблема незаконного обогащения государственных служащих отнесена к числу угроз национальной безопасности (см.: Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / под общ. ред. А. Н. Савенкова. М., 2020. С. 154–158).

¹³ Егоров А. В. Правовое заключение // Савельев С. Л. Прокуратура против исковой давности. Правовые заключения в Конституционный Суд РФ. URL: https://zakon.ru/blog/2024/10/04/prokuratura_protiv_iskovoj_davnosti_pravovye_zaklyucheniya_v_konstitucionnyj_sud_rf (дата обращения: 07.12.2024).

¹⁴ В ряде государств в подобной ситуации наступает уголовная ответственность. Так, согласно ст. 395 УК Китая у государственных служащих, стоимость имущества или расходы которых заметно превышают величину законных доходов, могут потребовать объяснить источник доходов. При неподтверждении законности доходов сумма, составляющая разницу между подтвержденными и неподтвержденными доходами, считается незаконно полученной. Наказанием за такое преступление может стать лишение свободы на срок до пяти лет или арест, а излишки имущества подлежат взысканию (см.: Чучаев А. И., Коробеев А. И. Уголовный кодекс Китая: сплав правовой мысли и национальной специфики. Ч. 2 // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24. № 3. С. 185).

применяемой за совершенное преступление (правонарушение), от мер по обращению имущества в доход государства, предусмотренных подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ»¹⁵.

В-третьих, в анализируемом Постановлении № 49-П Конституционный Суд РФ заострил внимание на нескольких важных деталях упомянутых антикоррупционных мер:

а) *судебный порядок изъятия имущества*. Конституционный Суд РФ, не ставя под сомнение необходимость применения гарантий судебной защиты, подчеркнул, что такая защита «должна быть справедливой, компетентной, эффективной и осуществляться на основе принципов состязательности и равноправия сторон, непосредственности и устности судебного разбирательства»¹⁶;

б) *распределение бремени доказывания*. Конституционный Суд РФ подтвердил, что в случае выявления расхождения между доходами и расходами получение незаконных доходов от коррупционной деятельности презюмируется и не требуется установления и доказывания совершения конкретных деяний коррупционной направленности; бремя же доказывания приобретения имущества на законные доходы лежит на самом чиновнике. Однако, если требование прокурора основано на совершении чиновником конкретных деяний, в результате которых приобретено истребуемое имущество, предполагается доказывание прокурором совершения таких деяний, причинно-следственной связи между ними и последующим приростом имущества ответчика, т.е. факта извлечения противоправного дохода за счет своего положения, с его помощью или под его прикрытием. Такое распределение бремени доказывания исходит из охраняемых законодательством интересов ответчиков и третьих лиц, которые не всегда могли бы заранее учесть необходимость собирания и сохранения значимых доказательств;

в) *объем прав ответчика*. Конституционный Суд РФ указал на необходимость наделения ответчика максимальным объемом прав на представление любых допустимых доказательств в подтверждение правомерности происхождения средств, затраченных на приобретение имущества¹⁷;

¹⁵ Словеский К.И. Применение законодательства об обращении в доход государства имущества, полученного в результате нарушения законодательства о противодействии коррупции // Вестник экономического правосудия РФ. 2021. № 11. С. 158.

¹⁶ Подробнее о гарантиях судебной защиты см.: Правосудие в современном мире / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М., 2018. С. 594–598.

¹⁷ «Ответчик не ограничен в выборе средств доказывания и реализует процессуальные права, представляя суду доказательства своей позиции как в части добросовестности своего поведения при исполнении должностных обязанностей

г) *учет интересов добросовестных приобретателей*. Конституционный Суд РФ прямо указал на то, что «не должны нарушаться права и законные интересы добросовестных третьих лиц, не принимавших участия в организации и приведении в исполнение в целях незаконного обогащения коррупционных злоупотреблений, но являющихся участниками имущественных правоотношений с лицом, совершившим деяние коррупционной направленности, а также с подконтрольными ему или связанными с ним юридическими и физическими лицами <...> Во всяком случае не предполагается обращение в доход Российской Федерации имущества, приобретенного вследствие нарушения требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, и затем отчужденного совершившим коррупционное деяние лицом лицу, которое, приобретая имущество, не знало, не могло и не должно было знать об источнике его происхождения, что не препятствует взысканию в доход Российской Федерации эквивалента этого имущества у такого отчуждателя, а также установлению сохранения фактической принадлежности данного имущества лицу, которое формально осуществило его отчуждение, и (или) членам его семьи с применением соответствующих правовых последствий»;

д) *обратная сила действия*. Отсутствие у собственника в прежние годы обязанности подачи декларации не означает легализацию приобретения до этой даты имущества вследствие нарушения антикоррупционных требований и запретов, как с очевидностью посягающего на основы правопорядка и нравственности. Изъятие имущества не выходит за пределы имущественной сферы соответствующего лица, сформированной посредством совершения деяний коррупционной направленности, поэтому ее применение не может расцениваться как несовместимое с конституционным запретом на придание обратной силы законам, вводящим публично-правовую ответственность и ухудшающим правовое положение граждан;

е) *последствия преобразований*. Согласно позиции Конституционного Суда РФ «последующее превращение или преобразование имущества, приобретенного в нарушение антикоррупционных требований и запретов, и доходов от него в иное имущество посредством предпринимательской деятельности или же его реализации, в том числе

и отсутствия причинно-следственной связи между их исполнением и его благосостоянием, так и в части наличия законных источников приобретения имущества. Конституционный Суд РФ же обязан принимать любые допустимые ГПК РФ доказательства законности доходов независимо от того, когда эти средства были получены, отражены ли они в соответствующей справке (декларации) или были обнаружены государственными органами в ходе проведения контрольных мероприятий».

приумножение такого имущества», не исключает его обращение в доход государства.

Таковы характерные черты института изъятия имущества по антикоррупционным искам. Здесь мы наблюдаем попытку установления властью разумного баланса публичных и частных интересов.

В-четвертых, Конституционный Суд РФ, напомнив о важной роли института исковой давности (упорядочение гражданского оборота, создание определенности и устойчивости правовых связей, дисциплинированность их участников, способствование соблюдению договоров, обеспечение своевременной защиты прав и интересов субъектов гражданских правоотношений), подчеркнул в то же время, что «нормы этого института ориентированы на их применении к частноправовым отношениям, основанным, в числе прочего, на автономии воли их участников». Между тем применительно к мерам по обращению в доход государства имущества, полученного в результате нарушения антикоррупционных требований и запретов, «нельзя говорить о защите субъективного гражданского права». Это не способ защиты гражданских прав, не восстановление имущественного положения участников гражданского оборота, а особого рода неблагоприятное последствие противоправного поведения, применяемое при несоблюдении лицом указанных требований и запретов. Прокурор, предъявляющий антикоррупционный иск, действует «не в целях восстановления нарушенных субъективных гражданских прав публично-правового образования, а в целях защиты общественных и государственных интересов».

Заметим, что приведенные положения и вызывают определенную дискуссию и неприятие в рядах ученых-цивилистов. Вновь сошлемся на позицию А.В. Егорова: «Не имеет значения, что по своей правовой природе такая мера, как изъятие имущества по подозрению в коррупции, демонстрирует существенные публично-правовые черты. Поскольку избрана гражданско-правовая форма реализации данного правомочия (по изъятию), постольку необходимо подчиняться основным условиям, в которых существуют относительные правоотношения в гражданском праве <...> закрепляя ту или иную меру публично-правового воздействия через механизм гражданско-правового регулирования, законодатель не может поступать избирательно, применяя или не применяя те или иные элементы, свойственные для гражданского права <...> Изъятие имущества по подозрению в коррупции происходит в относительнольном правоотношении, которое складывается между собственником и публично-правовым образованием. Обязанным лицом в указанном правоотношении, на которое возлагается обязанность претерпевать

изъятие имущества, является подозреваемый в коррупции и члены его семьи»¹⁸.

А.Р. Султанов, анализируя положения об изъятии имущества по антикоррупционным искам, приходит к аналогичному выводу: «Очевидно, что помещение конфискационной нормы в ГК РФ связывает ее применение со всем инструментарием гражданского законодательства. Это не единственная конфискационная норма в ГК РФ, конфискационная мера в виде взыскания полученного по сделке в пользу федерального бюджета предусматривается в том числе ст. 169 ГК РФ. Было бы удивительно, если бы при применении гражданско-правовых способов использовались иные сроки давности, нежели сроки исковой давности, установленные ГК РФ»¹⁹.

Схожего мнения придерживается Р.С. Бевзенко: «Требование уполномоченного государственного органа об обращении в государственную собственность незаконно (с точки зрения антикоррупционного законодательства) приобретенного имущества является гражданско-правовым преобразовательным требованием. К нему подлежат применению нормы ГК»²⁰. М.А. Ерохова также замечает: «Участие публичного образования в имущественных отношениях само по себе не лишает эти отношения гражданско-правового характера <...> Даже обращение имущества в доход казны по подпункту 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ предстает формой гражданской ответственности, поскольку это регулируется нормой ГК РФ. Сущность этой ответственности состоит в принуждении лица нести отрицательные имущественные последствия — терять свое имущество, правомерность приобретения которого не удалось доказать»²¹.

Вместе с тем далеко не все правоведы разделяли такие взгляды. Как указывалось докладчиками во время обсуждения в Конституционном Суде РФ, неприменение исковой давности к антикоррупционным искам вопреки приведенным выше позициям может быть обосновано самой их публичной природой, отсутствием необходимого для частного права равенства в положении субъектов этих правоотношений. Конституционный Суд РФ, как видим, выбрал именно такой подход.

¹⁸ Егоров А.В. Указ. соч.

¹⁹ Султанов А.Р. О сроке исковой давности по антикоррупционным искам — ЗА и ПРОТИВ. URL: https://zakon.ru/blog/2024/10/1/o_sroke_iskovoj_davnosti_po_antikorrupcionnym_iskam__za_i_protiv (дата обращения: 07.12.2024).

²⁰ Бевзенко Р.С. Правовое заключение по вопросам применения норм ГК об исковой давности // Савельев С.Л. Указ. соч.

²¹ Ерохова М.А. Правовое заключение по вопросу применения исковой давности // Там же.

Необходимо также отметить следующее. Конституционный Суд РФ прямо указал, что свою правовую позицию он сформулировал только применительно к антикоррупционным искам, а не к любым искам, подаваемым в интересах Российской Федерации. Подобное уточнение отнюдь не случайно: в юридических кругах высказывались опасения, что примененный в Постановлении Конституционного Суда РФ № 49-П подход к исковой давности станет своеобразным «ящиком Пандоры». Так, И.А. Брикульский предложил оценить последствия для конституционной системы: «Если согласиться с тем, что публичный интерес позволяет преодолевать базовые требования исковой давности — один из столпов гражданского законодательства, — снять ограничение с публично-го вмешательства, мы получим риск того, что под предлогом публичного интереса государство сможет вмешиваться вообще в любые отношения собственности <...> Такой неограниченный публичный интерес в совокупности с бессрочностью государственного вмешательства создает существенные риски для стабильности института собственности и рыночных отношений»²².

В-пятых, в Постановлении № 49-П Конституционного Суда РФ акцентировано внимание на сложностях, с которыми сталкиваются правоприменители при подготовке материалов для предъявления антикоррупционных исков. Отмечены многообразие коррупционных деяний и их повышенная латентность, которые нередко обуславливают необходимость не только количественно сопоставить доходы чиновника и членов его семьи с расходами, но и выяснить, в частности, обстоятельства злоупотребления полномочиями, возникновения конфликта интересов, принятия правонарушителем разного рода мер, имеющих целью сокрытие таких действий, включая воспрепятствование осуществлению антикоррупционного контроля. При этом со стороны коррупционеров наблюдаются активные меры по сокрытию как самих нарушений, так и приобретенного таким путем имущества, в том числе посредством его передачи или регистрации на родственников или подконтрольных лиц; оказывается активное и целенаправленное противодействие органам контроля.

Прокурор «на основе собранной и надлежаще закреплённой информации <...> приобретает реальную возможность подать антикоррупционный иск, чтобы он был обеспечен доказательствами, тем более когда они выходят за пределы

количественного сопоставления доходов и расходов». Если исчислять срок исковой давности с начала работы по выявлению конкретных обстоятельств, то это, по мнению Суда, не позволит принять во внимание трудности такой работы, вызванные принятыми коррупционером мерами по сокрытию своей противоправной деятельности.

Применение института исковой давности к антикоррупционным искам может породить целый ряд негативных последствий, несовместимых с принципами правового государства²³.

Поэтому, оценивая возможное влияние применения института давности по подобным делам на баланс конституционных ценностей, Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что «большой вред этим ценностям будет причинен при допущении применения к антикоррупционным искам исковой давности, как она в настоящее время урегулирована оспариваемыми законоположениями, без установления ее особенностей для соответствующих отношений. Констатация же того, что она в системе действующего правового регулирования не подлежит применению к этим отношениям, в большей степени согласуется с указанным балансом».

Подчеркнем, что этот аргумент Конституционного Суда РФ, на наш взгляд, достаточно весом. Следует помнить, что государство, регулируя те или иные общественные отношения, задается целью определить, нельзя ли в данной области добиться лучших результатов и что для этого надо сделать. Сказанное в полной мере относится и к уголовной политике. Власть не может не реагировать на преступность; то, какой властью хочет видеть преступность и каким способом она готова привести преступность в это состояние, и есть уголовная политика государства²⁴. При этом среди механизмов воздействия власти на преступность следует выделять, наряду с изменением законодательства, корректировку судебной следственной практики.

Вырабатывая свою правовую позицию, Конституционный Суд РФ учел и следующие аргументы, звучавшие во время обсуждения: известно, что и в прошлом, и теперь в разных правовых порядках законодатели изымают некоторые типы требований из-под

²² Брикульский И.А. «Старинные часы» исковой давности и проблема конституционности: собственность невозможно вернуть назад? URL: https://zakon.ru/blog/2024/10/02/starinnye_chasy_iskovoj_davnosti_i_problema_konstitucionnosti_sobstvennost_nevozmozhno_vernut_nazad (дата обращения: 07.12.2024).

²³ Среди таких последствий: разочарование общества в способности государства эффективно защищать конституционный строй и правовую демократию, реабилитация неправомерно нажитого капитала, ухудшение положения законопослушных хозяйствующих субъектов, поощрение противоправной деятельности чиновников и стимулирование их к развитию более изощренных и надежных способов конспирации нелегального капитала, чтобы дождаться истечения срока исковой давности.

²⁴ См. подр.: Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности / под ред. В.З. Лукашевича; предисл. В.Н. Кудрявцева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2024. С. 49–70.

действия правил об исковой давности или конструируют для определенных требований специальные сроки давности. Примером конструирования весьма продолжительных по сравнению с общим сроков исковой давности в случаях, когда возмещению подлежит вред, причиненный особо значимым общественным интересам, являются сроки по требованиям о возмещении вреда, причиненного окружающей среде (срок исковой давности по ним 20 лет). Таким образом, выбор требований, на которые либо вообще не распространяется исковая давность, либо в отношении которых устанавливаются специальные сроки исковой давности, может быть обусловлен не только самой природой этих прав (как, например, личные неимущественные права), но и разнообразными политико-правовыми, в том числе социальными мотивами.

В результате Конституционный Суд РФ постановил признать ряд положений Гражданского кодекса РФ не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой судебное толкование позволяет рассматривать установленные ими общие трехлетний и десятилетний сроки исковой давности и правила их течения в качестве распространяющихся на антикоррупционные иски прокуроров; в действующем правовом регулировании, констатировал Конституционный Суд РФ, какой-либо срок для этого считается неустановленным (причем, как отмечено в решении Конституционного Суда РФ, вопрос об установлении такого срока относится к дискреции законодателя, который вправе воздержаться от каких-либо нормативных изменений, посчитав существующее положение дел адекватно отражающим в конкретно исторических условиях общественные потребности).

Необходимо также учитывать взвешенный подход к соотношению права собственности и публичных интересов, еще два десятилетия назад озвученный Председателем Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькиным: «Исходя из общеправового принципа справедливости и конституционного принципа юридического равенства, регулирование и защита права собственности и иных вещных прав должны осуществляться на основе соразмерности и пропорциональности, с тем чтобы был обеспечен баланс прав и законных интересов всех участников гражданского оборота — собственников, кредиторов, должников, а также баланс прав и частных интересов собственников, с одной стороны, и публичных интересов общества и государства — с другой. Принцип неприкосновенности собственности не может рассматриваться как препятствие для правомерного публичного вмешательства, поскольку социальное государство предполагает заботу и о личности, и об обществе в целом <...> Поэтому важной задачей Конституционного Суда РФ при выявлении конституционно-правового смысла тех или иных проверяемых законоположений,

затрагивающих пределы осуществления права собственности и содержащих те или иные публичные обременения, является отыскание баланса между такими ценностями, как свобода собственности и ее социальные функции»²⁵.

Применительно к Постановлению № 49-П действительно можно утверждать, что властью предпринята безуспешная попытка найти верный баланс публичных и частных интересов, обеспечив при этом и функционирование действенного механизма изъятия имущества у коррумпированных чиновников, и защиту прав и законных интересов третьих лиц — добросовестных приобретателей имущества, и сохранение в руках ответчика по иску достаточного набора защитных инструментов. Тем самым как правоприменителям, так и недобросовестным чиновникам, а также всему российскому обществу послан четкий сигнал: борьба с коррупцией по-прежнему остается одним из главных приоритетов проводимой российской властью уголовной политики, а изъятие «подозрительного» имущества по антикоррупционным искам прокуроров не ограничено никакими сроками.

Нельзя не отметить, что в законодательном регулировании изъятия имущества по антикоррупционным искам выявлен пробел, который целесообразнее устранить не при помощи толкования, пусть и самого авторитетного, а путем нормативного восполнения законодательства — принятия нормы, исключающей применение исковой давности к таким правоотношениям или же предусматривающей специальный (намного больший, чем общий) срок и специальные правила о начале течения такого срока.

В завершение заметим, что борьба с коррупцией для достижения положительного эффекта должна носить системный характер. Изъятие «подозрительного» имущества у чиновника или его близких — лишь одна из многих необходимых мер. Проблема коррупции в Российской Федерации, по оценке Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, остается по-прежнему актуальной и весьма болезненной для общества; коррупция «уже приобрела опасный для жизни людей характер. Несмотря на осознание и властью, и обществом масштабов и значения данной проблемы, в этой области использованы далеко не все имеющиеся резервы»²⁶.

По нашему убеждению, борьба с коррупцией в Российской Федерации должна включать как минимум следующие три составные части.

²⁵ Из выступления В.Д. Зорькина на Седьмом диалоге российских и германских судей. Карлсруэ, Германия, 10 января 2005 г. // Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. С. 191, 192.

²⁶ РИА Новости. 2023. 12 дек. Коррупция приобрела опасный для жизни россиян характер, заявил Зорькин. URL: <https://ria.ru/20231212/zorkin-1915242424.html> (дата обращения: 02.01.2025).

Первое, и главное, — это воспитание людей, причем воспитание их с самого детства, вкладывание базовых понятий: «совесть», «честь», «доб-ро». Важно, чтобы новое поколение понимало, что и взяточник, и взяткодатель — это «нечестные люди», преступники. Необходимо добиться всеобщего понимания, что жить в коррумпированном обществе в конечном счете плохо и невыгодно всем, в том числе самим коррупционерам. Как обоснованно заметил А.Н. Савенков, одним из ключевых направлений антикоррупционной политики «является изменение общественного сознания посредством антикоррупционной пропаганды. Важнейшая роль в этом отводится средствам массовой информации. Сегодня одной из приоритетных задач в обуздании коррупции является создание широкого общественного мнения, осуждающего совершение правонарушений, связанных с использованием служебных полномочий и наносящих ущерб государству и обществу»²⁷.

Ощущается острая потребность в государственно-правовой идеологии, в системной и грамотной пропаганде властью правовых демократических ценностей, основанных на положениях Конституции РФ. Когда государство не выполняет своей культурно-просветительской функции (включающей заботу о распространении передовых идей и знаний, духовно-нравственном воспитании личности)²⁸, тогда эту нишу заполняет криминал, жестко насаждая совсем другие «ценности»²⁹.

Между тем, по утверждению авторитетных исследователей, человечество «могло бы приложить значительные усилия на пути гуманистического и нравственного развития. Но этому мешают всепоглощающий индивидуализм, гедонизм, корысть, личная выгода, обман, насилие, жестокость, цинизм, несусветное и несправедливое богатство отдельных людей при глубочайшей нищете миллионов, а также стремление обеспечить исходные человеческие потребности виртуальными техническими устройствами, продуктами массовой культуры. Этому же мешает и то, какие смыслы воспроизводятся в массовом сознании, в массмедиа. В результате воспроизводства отрицательных ценностей, их по сути транзита от одного поколения к другому, мы видим разобщенность общества, усиливающийся индивидуализм, стремление к достижению удовольствий, “сбрасывание” любой

социальной ответственности или перенесение принятия важных жизненных решений на “потом”»³⁰.

Второе антикоррупционное действие — повышение зарплаты чиновникам. Это, безусловно, имеет значение, и не случайно в Национальном плане противодействия коррупции на этом моменте — создании адекватных материальных стимулов — тоже заострено внимание. Чиновник должен дорожить своим местом из-за статуса и официальной заработной платы, а не из-за преступного заработка. Здесь надо отметить, что, по утверждению специалистов, повышение заработной платы в государственном секторе по сравнению с частным сектором на практике обычно не приводит к немедленному снижению коррупции. Однако это способствует постепенному повышению уровня квалификации бюрократии и в долгосрочной перспективе имеет позитивный эффект³¹.

И третье — это привлечение виновных к ответственности, причем речь идет не о повышении уровня наказания, а о его неотвратимости³² для чиновника любого уровня, какой бы высокий и ответственный пост он не занимал³³. Среди прочих неблагоприятных последствий — изъятие незаконно полученного имущества в доход государства, даже если с момента совершения коррупционных правонарушений прошел длительный срок.

Отечественные криминологи, отмечая низкое гражданское самосознание, стереотипы двойной морали, верно констатируют: люди охотно поддерживают публичные обличения в коррупции, но для решения собственных проблем не гнушаются принять «правила игры», навязанные им коррупционерами³⁴. Именно отсюда, с изменения восприятия коррупции в обществе каждым гражданином страны, можно нанести главный удар по коррупции. Но для этого необходимы согласованные действия и власти,

³⁰ Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 358, 359.

³¹ См.: Красиков В.И. Коррупция: история, причины, стратегии борьбы // Научный вестник УрАГС: политология, экономика, социология, право. 2008. Вып. 1 (2). С. 28–31.

³² По обоснованному утверждению Ю.В. Грачевой и А.И. Чучаева, реальность содержащейся в законе угрозы наказания наглядно проявляется лишь при его применении; иначе любая, даже самая строгая санкция теряет предупредительный смысл (см.: Грачева Ю.В., Чучаев А.И. Цели наказания в законе, теории и общественном мнении: реальные и мнимые // Закон. 2021. № 12. С. 185).

³³ См. подр.: Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности. С. 379, 380.

³⁴ По данным исследователей, не менее 60% населения в случаях нарушения Правил дорожного движения, необоснованного получения больничного листа, при сдаче экзаменов не считают противоправным «проявление благодарности» в денежном или натуральном выражении (см.: Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. С. 364, 365).

²⁷ Савенков А.Н. Противодействие коррупции как важное направление социально-политического развития Российской Федерации: взгляд парламентариев // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2012. № 1 (41). С. 24.

²⁸ См. подр.: Керимов А.Д. Современное государство: вопросы теории. М., 2008. С. 122, 123.

²⁹ По утверждению В.Н. Кудрявцева, для эффективной борьбы с преступностью крайне необходимы общегосударственные меры профилактики в духовной сфере (см.: Кудрявцев В.Н. Указ. соч. С. 294).

и институтов гражданского общества. Нужно, чтобы граждане увидели, что борьба с коррупцией ведется системно, жить по закону — это правильно, комфортно и выгодно, а за его нарушение неминуемо наступает ответственность. Коррупция должна быть не просто незаконной, она должна стать неприличной. Конечно, такая перемена в общественном сознании не может произойти одномоментно, но ее нужно готовить, приближать, понимая, что иначе коррупцию не победить. Постановление Конституционного Суда РФ № 49-П является важной вехой на этом трудном пути.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александров А. И.* Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности / под ред. В. З. Лукашевича; предисл. В. Н. Кудрявцева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2024. С. 49–70, 379, 380.
2. *Александров А. И.* Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). СПб., 2020. С. 229, 230.
3. *Бевзенко Р. С.* Правовое заключение по вопросам применения норм ГК об исковой давности // Савельев С. Л. Прокуратура против исковой давности. Правовые заключения в Конституционный Суд РФ. URL: https://zakon.ru/blog/2024/10/04/prokuratura_protiv_iskovoj_davnosti_pravovye_zaklyucheniya_v_konstitucionnyj_sud_rf (дата обращения: 07.12.2024).
4. *Брикульский И. А.* «Старинные часы» исковой давности и проблема конституционности: собственность невозможно вернуть назад? URL: https://zakon.ru/blog/2024/10/02/starinnye_chasy_iskovoj_davnosti_i_problema_konstitucionnosti_sobstvennost_nevozmozhno_vernut_nazad (дата обращения: 07.12.2024).
5. *Грачева Ю. В., Чучаев А. И.* Цели наказания в законе, теории и общественном мнении: реальные и мнимые // Закон. 2021. № 12. С. 185.
6. *Деркач И. Г.* Антикоррупционные иски прокуратуры: actio perpetua (?). URL: https://zakon.ru/blog/2024/10/3/antikorrupcionnye_iski_prokuratury_actio_perpetua (дата обращения: 01.12.2024).
7. *Егоров А. В.* Правовое заключение // Савельев С. Л. Прокуратура против исковой давности. Правовые заключения в Конституционный Суд РФ. URL: https://zakon.ru/blog/2024/10/04/prokuratura_protiv_iskovoj_davnosti_pravovye_zaklyucheniya_v_konstitucionnyj_sud_rf (дата обращения: 07.12.2024).
8. *Ерохова М. А.* Правовое заключение по вопросу применения исковой давности // Савельев С. Л. Прокуратура против исковой давности. Правовые заключения в Конституционный Суд РФ URL: https://zakon.ru/blog/2024/10/04/prokuratura_protiv_iskovoj_davnosti_pravovye_zaklyucheniya_v_konstitucionnyj_sud_rf (дата обращения: 07.12.2024).
9. *Зорькин В. Д.* Коррупция как угроза стабильному развитию общества // Журнал рос. права. 2012. № 7. С. 19.
10. *Зорькин В. Д.* Россия и Конституция в XXI веке. М., 2008. С. 191, 192, 310.
11. *Керимов А. Д.* Современное государство: вопросы теории. М., 2008. С. 122, 123.
12. *Красиков В. И.* Коррупция: история, причины, стратегии борьбы // Научный вестник УрАГС: политология, экономика, социология, право. 2008. Вып. 1 (2). С. 28–31.
13. *Кудрявцев В. Н.* Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003. С. 216, 217, 294.
14. *Лунеев В. В.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005. С. 514.
15. *Правосудие в современном мире* / под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. М., 2018. С. 594–598.
16. *Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия* / под общ. ред. А. Н. Савенкова. М., 2020. С. 154–158.
17. *Савельев С. Л.* Прокуратура против исковой давности. Правовые заключения в Конституционный Суд РФ. URL: https://zakon.ru/blog/2024/10/04/prokuratura_protiv_iskovoj_davnosti_pravovye_zaklyucheniya_v_konstitucionnyj_sud_rf (дата обращения: 07.12.2024).
18. *Савенков А. Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 358, 359, 364, 365.
19. *Савенков А. Н.* Противодействие коррупции как важное направление социально-политического развития Российской Федерации: взгляд парламентариев // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2012. № 1 (41). С. 24.
20. *Савенков А. Н., Савенков А. А.* Международное сотрудничество для борьбы с коррупцией и финансовыми преступлениями // Росс. следователь. 2012. № 21. С. 42.
21. *Скловский К. И.* Применение законодательства об обращении в доход государства имущества, полученного в результате нарушения законодательства о противодействии коррупции // Вестник экономического правосудия РФ. 2021. № 11. С. 158.
22. *Султанов А. Р.* О сроке исковой давности по антикоррупционным искам — ЗА и ПРОТИВ. URL: https://zakon.ru/blog/2024/10/1/o_sroke_iskovoj_davnosti_po_antikorrupcionnym_iskam_za_i_protiv (дата обращения: 07.12.2024).
23. *Уголовная политика Российской Федерации: проблемы и перспективы* / под общ. ред. С. В. Максимова, В. Л. Шульца. М., 2021. С. 420–431.
24. *Хабибуллин А. Г.* Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал рос. права. 2007. № 2. С. 45.
25. *Чучаев А. И., Коробеев А. И.* Уголовный кодекс Китая: сплав правовой мысли и национальной специфики. Ч. 2 // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24. № 3. С. 185.

REFERENCES

1. *Aleksandrov A. I.* Criminal policy and criminal procedure in Russian statehood / ed. by V. Z. Lukashevich; preface by V. N. Kudryavtsev. 2nd ed., rev. M., 2024. Pp. 49–70, 379, 380 (in Russ.).

2. *Aleksandrov A. I.* Philosophy of evil and philosophy of crime (issues of Philosophy of Law, criminal policy and criminal procedure). SPb., 2020. Pp. 229, 230 (in Russ.).
3. *Bevzenko R. S.* Legal opinion on the application of the Civil Code rules on the limitation period // Saveliev S. L. The Prosecutor's Office against the statute of limitations. Legal opinions to the Constitutional Court of the Russian Federation. URL: https://zakon.ru/blog/2024/10/04/prokuratura_protiv_iskovoj_davnosti_pravovye_zaklyucheniya_v_konstitucionnyj_sud_rf (accessed: 07.12.2024) (in Russ.).
4. *Brikulskiy I. A.* The "Antique clock" of the statute of limitations and the problem of constitutionality: is it impossible to return the property back? URL: https://zakon.ru/blog/2024/10/02/starinnye_chasy_iskovoj_davnostii_i_problema_konstitucionnosti_sobstvennost_nevozmozhno_vernut_nazad (accessed: 07.12.2024) (in Russ.).
5. *Gracheva Yu. V., Chuchaev A. I.* Goals of punishment in law, theory and public opinion: real and imaginary // Law. 2021. No. 12. P. 185 (in Russ.).
6. *Derkach I. G.* Anti-corruption lawsuits of the prosecutor's office: actio perpetua (?). URL: https://zakon.ru/blog/2024/10/3/antikorrupcionnye_iski_prokuratury_actio_perpetua (accessed: 01.12.2024) (in Russ.).
7. *Egorov A. V.* Legal opinion // Saveliev S. L. Prosecutor's Office against the statute of limitations. Legal opinions to the Constitutional Court of the Russian Federation. URL: https://zakon.ru/blog/2024/10/04/prokuratura_protiv_iskovoj_davnosti_pravovye_zaklyucheniya_v_konstitucionnyj_sud_rf (accessed: 07.12.2024) (in Russ.).
8. *Erokhova M. A.* Legal opinion on the application of the statute of limitations // Saveliev S. L. Prosecutor's Office against the statute of limitations. Legal opinions to the Constitutional Court of the Russian Federation. URL: https://zakon.ru/blog/2024/10/04/prokuratura_protiv_iskovoj_davnosti_pravovye_zaklyucheniya_v_konstitucionnyj_sud_rf (accessed: 07.12.2024) (in Russ.).
9. *Zorkin V. D.* Corruption as a threat to the stable development of society // Journal of Russ. law. 2012. No. 7. P. 19 (in Russ.).
10. *Zorkin V. D.* Russia and the Constitution in the XXI century. M., 2008. Pp. 191, 192, 310 (in Russ.).
11. *Kerimov A. D.* Modern state: questions of theory. M., 2008. Pp. 122, 123 (in Russ.).
12. *Krasikov V. I.* Corruption: history, causes, strategies of struggle // Scientific Herald of the Russian Academy of Sciences: Politics, Economics, Sociology, Law. 2008. Iss. 1 (2). Pp. 28–31 (in Russ.).
13. *Kudryavtsev V. N.* Strategies for combating crime. M., 2003. Pp. 216, 217, 294 (in Russ.).
14. *Luneev V. V.* Crime of the twentieth century: global, regional and Russian trends. M., 2005. P. 514 (in Russ.).
15. Justice in the modern world / ed. by V. M. Lebedev, T. Ya. Khabrieva. M., 2018. Pp. 594–598 (in Russ.).
16. Crime in the XXI century. Priority areas of counteraction / under the general ed. of A. N. Savenkov. M., 2020. Pp. 154–158 (in Russ.).
17. *Saveliev S. L.* The Prosecutor's Office against the statute of limitations. Legal opinions to the Constitutional Court of the Russian Federation. URL: https://zakon.ru/blog/2024/10/04/prokuratura_protiv_iskovoj_davnosti_pravovye_zaklyucheniya_v_konstitucionnyj_sud_rf (accessed: 07.12.2024) (in Russ.).
18. *Savenkov A. N.* The state and law in the period of crisis of modern civilization. M., 2020. Pp. 358, 359, 364, 365 (in Russ.).
19. *Savenkov A. N.* Anti-corruption as an important direction of socio-political development of the Russian Federation: the view of parliamentarians // Scientific notes of Bobkov St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy. 2012. No. 1 (41). P. 24 (in Russ.).
20. *Savenkov A. N., Savenkov A. A.* International cooperation to combat corruption and financial crimes // Russ. investigator. 2012. No. 21. P. 42 (in Russ.).
21. *Sklovsky K. I.* Application of legislation on the conversion to state income of property acquired as a result of violations of anti-corruption legislation // Herald of Economic Justice of the Russian Federation. 2021. No. 11. P. 158 (in Russ.).
22. *Sultanov A. R.* On the statute of limitations on anti-corruption claims – FOR and AGAINST. URL: https://zakon.ru/blog/2024/10/1/o_sroke_iskovoj_davnosti_po_antikorrupcionnym_iskam_zh_i_protiv (accessed: 07.12.2024) (in Russ.).
23. Criminal policy of the Russian Federation: problems and prospects / under the general ed. of S. V. Maksimov, V. L. Shults. M., 2021. Pp. 420–431 (in Russ.).
24. *Khabibullin A. G.* Corruption as a threat to national security: methodology, problems and ways to solve them // Journal of Russ. Law. 2007. No. 2. P. 45 (in Russ.).
25. *Chuchaev A. I., Korobejev A. I.* The Criminal Code of China: a fusion of legal thought and national science. Part 2 // Asia-Pacific region: economics, politics, law. 2022. Vol. 24. No. 3. P. 185 (in Russ.).

Сведения об авторе

АЛЕКСАНДРОВ Алексей Иванович —
доктор юридических наук,
главный научный сотрудник
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

ALEKSANDROV Aleksey I. —
Doctor of Law,
Chief Researcher, Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 34

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ И ПРИРОДА СОВРЕМЕННЫХ ВОЕННО-ПРАВОВЫХ ЗНАНИЙ (рецензия на учебник «Военное право»)

© 2025 г. С. И. Захарцев^{1, *}, П. Ю. Наумов^{2, **}

¹Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии
Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

²Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии
Российской Федерации, Московская область, г. Балашиха

*E-mail: zakhartsev2306@mail.ru

**E-mail: petr.naumov.777@mail.ru

Поступила в редакцию 08.12.2024 г.

Аннотация. Когда в мире и внутри стран происходят конфликты с применением вооруженной силы, растет интерес научного и педагогического сообществ к их причинам, природе, субъектному составу, функциям и последствиям. Увеличивается и популярность исследований правовых норм, регулирующих применение военной (вооруженной) силы на внутригосударственном и международном уровне. Не случаен и недавний всплеск военно-правовых исследований, наглядной объективацией которого стало появление под эгидой Института государства и права Российской академии наук трехтомной (третий том в двух книгах) монографии «Военное право». Работу над концептуализацией историко-правовых, теоретико-системных и международно-правовых аспектов военного права осуществил большой коллектив, состоящий как из известных, так и молодых исследователей. При этом обобщение широкого массива военно-правовых знаний, осуществление демаркации военного права как отрасли права, раскрытие его системных и функциональных характеристик позволили обобщить исторические и современные представления о военном праве. На основе опубликованных в 2021 г. I и II томов монографии был издан учебник «Военное право», имеющий фундаментальную теоретическую основу и опирающийся на эмпирический массив достоверных данных. В статье формулируется оценка учебника «Военное право», предлагаются основные направления его внедрения в образовательную деятельность военных образовательных организаций высшего образования, военных учебных центров вузов и правовое обучение в войсках (силах). Отмечается значение учебника для военно-правовой специализации специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности», а также иных юридических специальностей высшего образования. Указывается на то, что учебник является не только эффективным педагогическим средством формирования и развития военно-правовых знаний, но и выступает ориентиром для организации научно-исследовательской работы и правового обеспечения деятельности воинских частей (соединений, организаций, учреждений).

Ключевые слова: образовательная деятельность, педагогический процесс, развитие личности, военное право, системность права, вооруженный конфликт, правовое обеспечение, военно-юридическая специализация, правоохранительная деятельность, правотворчество, военно-правовая политика, кризис глобализации.

Цитирование: Захарцев С. И., Наумов П. Ю. Междисциплинарность и природа современных военно-правовых знаний (рецензия на учебник «Военное право») // Государство и право. 2025. № 1. С. 94–103.

DOI: 10.31857/S1026945225010082

INTERDISCIPLINARITY AND THE NATURE OF MODERN MILITARY-LEGAL KNOWLEDGE (review of the textbook “Military Law”)

© 2025 S. I. Zakhartsev^{1, *}, P. Yu. Naumov^{2, **}

¹*Military Order of Zhukov Academy
of the National Guard Troops of the Russian Federation, St. Petersburg*

²*Main Military Clinical Hospital of the National Guard Troops
of the Russian Federation, Moscow Region, Balashikha*

*E-mail: zakhartsev2306@mail.ru

**E-mail: petr.naumov.777@mail.ru

Received 08.12.2024

Abstract. When conflicts involving armed force occur in the world and within countries, the interest of the scientific and pedagogical communities in their causes, nature, subject composition, functions and consequences grows. The popularity of studies of legal norms regulating the use of military (armed) force at the domestic and international levels is also increasing. The recent surge in military-legal research is no coincidence, a clear objectification of which was the appearance of a three-volume (the third volume in two books) monograph “Military Law” under the auspices of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. The work on the conceptualization of the historical-legal, theoretical-systemic and international-legal aspects of Military Law was carried out by a large team of well-known and young researchers. At the same time, the generalization of a wide array of military-legal knowledge, the demarcation of Military Law as a branch of law, the disclosure of its systemic and functional characteristics made it possible to generalize historical and modern ideas about Military Law. Based on volumes I and II of the monograph published in 2021, the textbook “Military Law” was published, which has a fundamental theoretical basis and is based on an empirical array of reliable data. The article formulates an assessment of the textbook “Military Law”, proposes the main directions for its implementation in the educational activities of military educational organizations of higher education, military training centers of universities and legal training in the troops (forces). The importance of the textbook for the military-legal specialization of the specialty “Legal support of national security”, as well as other legal specialties of higher education is noted. It is indicated that the textbook is not only an effective pedagogical tool for the formation and development of military-legal knowledge, but also serves as a guide for the organization of research work and legal support for the activities of military units (formations, organizations, institutions).

Key words: educational activity, pedagogical process, personal development, Military Law, systematicity of law, armed conflict, legal support, military-legal specialization, law enforcement, lawmaking, military-legal policy, crisis of globalization.

For citation: Zakhartsev, S.I., Naumov, P. Yu. (2025). Interdisciplinary and the nature of modern military-legal knowledge (review of the textbook “Military Law”) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 94–103.

Введение

Появление новых учебников для реализации их в образовательной деятельности — это объективная тенденция движения научных знаний к их переработке и трансляции в обучении и воспитании будущих поколений. Учебник по правовым дисциплинам помимо передачи когнитивно-интеллектуального содержания и смысла выполняет важные функции в деле становления личности будущего юриста, развития его кругозора, профессионального и экзистенциального мировоззрения, социальной ответственности и субъектной позиции как члена общества.

Подготовка профессиональных военных юристов — актуальная задача для высшего образования

(как в военных образовательных организациях высшего образования, так и в иных образовательных организациях, где осуществляется обучение по юридическим специальностям, в том числе и по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности» со специализацией «Военно-правовая»). Актуальность совершенствования военного юридического образования и разработки новых педагогических продуктов связана еще и с тем, что в настоящее время риск возникновения вооруженных конфликтов как никогда высок, что требует соответствующего правового обеспечения участия Вооруженных Сил РФ, иных войск, воинских формирований и органов в них.

Так, ст. 82 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (Протокол I) установлено, что стороны вооруженного конфликта обязаны иметь в своем составе юридических советников, которые оказывают соответствующую правовую помощь командирам (начальникам), и проводить правовые инструктажи личного состава вооруженных сил по вопросам применения норм международного гуманитарного права.

Обязанности юридических советников командиров (начальников) на должностных лиц юридической службы воинских частей, организаций и учреждений возложены также ст. 77, 106 и 107 Устава внутренней службы Вооруженных Сил РФ, ст. 95 и 176 Корабельного устава Военно-Морского Флота, модельным Наставлением по международному гуманитарному праву для Содружества Независимых Государств, утвержденным постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 29 ноября 2018 г. № 48-6, Наставлением по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил РФ, утвержденным Министром обороны РФ 8 августа 2001 г., приказом Минобороны России от 3 декабря 2015 г. № 717 «Об утверждении Наставления по правовой работе в Вооруженных Силах Российской Федерации», приказом Росгвардии от 8 декабря 2017 г. № 524 «Об утверждении Наставления по правовой работе в войсках национальной гвардии Российской Федерации»¹.

Для выполнения названных обязанностей необходимы прочные знания, умения, навыки, способность и готовность их применить на практике, а также ценностное отношение к нормам внутригосударственного и международного права, применяемого в вооруженных (военных) конфликтах. Сформировать названные личностные образования возможно с помощью применения современных педагогических методов, средств, технологий и с опорой на соответствующую учебную и методическую литературу. Одним из удачных примеров появления качественного учебника, основанного на фундаментальных научных разработках, является учебник «Военное право»², изданный под эгидой Института государства и права Российской академии наук.

¹ Наумов П. Ю., Холиков И. В. Ценностное отношение к нормам международного гуманитарного права как фактор развития личности будущего офицера // СибСкрипт. 2024. Т. 26. № 2 (102). С. 287–298. DOI: 10.21603/sibscript-2024-26-2-287-298

² Военное право: учеб. / под общ. ред. А. Н. Савенкова, А. В. Кудашкина. М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. — 968 с.

Общая характеристика методологических и теоретических оснований учебника «Военное право»

Обобщение широкого массива военно-правовых знаний, осуществление демаркации военного права как отрасли права, раскрытие его системных и функциональных характеристик позволило обобщить исторические и современные представления о военном праве. На основе опубликованных в 2021 г. I и II томов монографии «Военное право»³ был издан учебник «Военное право», имеющий фундаментальную теоретическую основу и опирающийся на богатый и валидный эмпирический массив достоверных данных.

Перед рассмотрением сущности, содержания и идей учебника несколько тезисов стоит выдвинуть и обосновать о тех научных трудах, которые легли в теоретико-историческую, международно-правовую, ценностно-смысловую и учебно-методическую платформу учебника. В данном аспекте речь идет прежде всего о монографии «Военное право» и изданных в развитие ее идей научных работах.

Три тома (представленные четырьмя книгами) монографии «Военное право» были широко рецензированы в работах, опубликованных в ведущих научных изданиях⁴.

³ Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А. Н. Савенкова, А. В. Кудашкина. Т. I. История и теория военного права (с предисловием). М., 2021; т. II. Современное состояние военного права (институты военного права); 2022. Т. III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований.

⁴ См., напр.: Чemezov С. В. Мощный стимул правовых исследований в военной науке. Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А. Н. Савенкова, А. В. Кудашкина (М.: Центр правовых коммуникаций, 2021–2022) // Государство и право. 2023. № 3. С. 27–32. DOI: 10.31857/S102694520024771-9; Картаполов А. В. «Забывтая» отрасль российской правовой системы. «Право вооруженных конфликтов» возрождается с выходом фундаментального научного труда трехтомной монографии «Военное право» (Некоторые комментарии в связи с выходом в свет трехтомной монографии «Военное право») // Государство и право. 2023. № 8. С. 45–50. DOI: 10.31857/S102694520027225-84; Блажеев В. В. Трехтомная монография «Военное право» под общей редакцией А. Н. Савенкова, А. В. Кудашкина (М.: Центр правовых коммуникаций, 2021–2022) как практический результат деятельности отечественной научной школы военного права // Государство и право. 2023. № 2. С. 40–42. DOI: 10.31857/S102694520024321-4; Бозров В. М., Азаренок Н. В. Монография «Военное право» — концептуальная основа совершенствования современной военной науки // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2023. № 4 (309). С. 2–6; Глушаченко С. Б., Зеленикин Р. В. Военно-правовые знания для будущих работников сферы транспорта (рецензия на трехтомную монографию «Военное право») // Мир транспорта. 2023. Т. 21. № 1 (104). С. 134–137. DOI: 10.30932/1992-3252-2021-21-1-16; Ершов В. В., Качалов В. И. Военное право России как отрасль права // Росс. правосудие. 2023. № 2. С. 106–110; Землин А. И. Вопросы развития военно-правовой науки

Помимо рецензий сущность и содержание концепции военного права, развернутой в монографии, обсуждено под руководством С.О. Гаврилова и др.⁵, И.В. Гайдамашко и др.⁶, А.Д. Куманькова и др.⁷

Таким образом, монография «Военное право» наряду с современными и насущными разработками

в области изучения военно-правовых знаний⁸, актуальных направлений познания военного права⁹

в контексте современных проблем обеспечения национальной безопасности России // Военное право. 2022. № 5 (75). С. 8–14; *Исаев В.И., Бальчугов С.Г., Марков А.М.* Историко-правовой анализ возникновения и развития военного права // Военно-исторический журнал. 2024. № 3 (767). С. 116–119; *Корякин В.М.* Современное состояние военного права: новое фундаментальное научное исследование // Государство и право. 2022. № 1. С. 207–210. DOI: 10.31857/S102694520018195-5; *Мельков С.А.* Рецензия на новое исследование военного права: критический взгляд политолога // Russian Studies in Law and Politics. 2022. Т. 6. № 3–4. С. 6–18. DOI: 10.12731/2576-9634-2022-3-4-6-18; *Плигин В.Н.* Вышел фундаментальный научный труд, которым доказана «правовая теорема Ферма». Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина // Государство и право. 2023. № 3. С. 33–39. DOI: 10.31857/S102694520024772-0; *Сальников В.П., Большакова В.М., Захарцев С.И.* Институционализация военного права как отрасли права в постнеклассической научной рациональности (рецензия на монографию «Военное право в 3-х томах. М.: Центр правовых коммуникаций», 2022) // Право. Журнал ВШЭ. 2023. № 1. С. 251–261. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.1.251.261; *Тушков А.А.* К вопросу об экспликации парадигмальных основ военного права // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2023. № 3 (308). С. 2–14; *Его же.* Теоретико-методологические проблемы и военное право (к выходу в свет монографии «Военное право») // Государство и право. 2023. № 5. С. 63–67. DOI: 10.31857/S102694520025210-2; *Холиков И.В.* История и теория военного права: первое фундаментальное исследование // Военное право. 2021. № 5 (69). С. 222–228; *Хомчик В.В.* Монография «Военное право» обеспечила теоретический прорыв в фундаментальных исследованиях современных проблем военной науки // Государство и право. 2022. № 3. С. 199–203. DOI: 10.31857/S102694520019175-3; *Яцкин А.В.* Поиски «правового Грааля» завершены (Размышления на полях фундаментального исследования «Военное право» в эпоху трансформации действующего мирового порядка) // Государство и право. 2023. № 6. С. 51–55. DOI: 10.31857/S102694520025954-0

⁵ См.: *Гаврилов С.О., Глебов И.Н., Чукин С.Г. и др.* Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» т. III монографии «Военное право») // Государство и право. 2022. № 12. С. 59–67. DOI: 10.31857/S102694520023301-2

⁶ См.: *Гайдамашко И.В., Наумов П.Ю., Дьячков А.А.* Потенциал монографии «Военное право» в обучении будущего военного юриста и развитии его личности // Государство и право. 2023. № 5. С. 68–79. DOI: 10.31857/S102694520025198-8

⁷ См.: *Куманьков А.Д., Большакова В.М., Наумов П.Ю., Новиков Н.С.* Диалог о смыслах военного права и военном праве как ценности (обсуждаем главу 5 «Социальная ценность военного права» тома I монографии «Военное право») // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 7 (300). С. 2–12.

⁸ См.: *Батырь В.А.* Теоретические проблемы военного права как отрасли права, как науки и как учебной дисциплины // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2004. № 12 (90). С. 41–46; *Его же.* Право военного времени как подотрасль военного права // Lex russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 3 (184). С. 88–104. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.088-104; *Землин А.И., Наумов П.Ю., Шепель Р.Н.* Ценности здравоохранения на языке права: критические размышления об этических и правовых основах стандартов медицинской сортировки в российской военно-медицинской службе // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2024. Т. 23. № 4. С. 115–120. DOI: 10.15829/1728-8800-2024-4023; *Кудашкин А., Холиков И.* Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1 (64). С. 31–47. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47; *Кудашкин А.В., Кудашкин В.В.* Фундаментально-теоретические основания военного права (парадигмальный генезис теории военного права) // Труды ИГП РАН. 2024. Т. 19. № 1. С. 137–164. DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-1-a.v.kudashkin-v.v.kudashkin; *Кудашкин А.В., Безбабнов О.Г.* Многоаспектное боевое и многослойное многоуровневое правовое пространство военных конфликтов // Военное право. 2024. № 3 (85). С. 58–69; *Куманьков А.Д.* Война как наказание: исторические основания и современное состояние // Этическая мысль. 2019. Т. 19. № 2. С. 137–151; *Маликов С.В., Маликов Д.С.* Понятие и содержание принципов «избирательность» и «соразмерность» при применении средств поражения в районах вооруженного конфликта // Государство и право. 2018. № 6. С. 59–72. DOI: 10.7868/S0132076918060070; *Маликов С.В., Лех И.С.* Проблемы применения интеллектуального роботизированного оружия в современных вооруженных конфликтах // Вестник военного права. 2022. № 1. С. 44–48; *Холиков И.В.* Некоторые проблемные вопросы международно-правовой регламентации использования беспилотных морских систем в военных целях // Военное право. 2019. № 6 (58). С. 276–282; *Холиков И.В., Окоца В.А.* Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире // Журнал рос. права. 2020. № 12. С. 147–158. DOI: 10.12737/jrl.2020.154; *Холиков И.В.* История и теория военного права: первое фундаментальное исследование. С. 222–228; *Холиков И.В., Наумов П.Ю.* Трансляция знаний и критерии научности: концепты современной теории военного права // Государство и право. 2024. № 1. С. 100–116. DOI: 10.31857/S1026945224010101; *Их же.* Развитие военного права как образ жизни: ценности, проблемы, перспективы // Государство и право. 2024. № 5. С. 130–141. DOI: 10.31857/S1026945224050141; *Холиков И.В., Дахин А.В., Куманьков А.Д. и др.* Катехизис нормативности: синкретические размышления о философских основаниях военного права // Государство и право. 2024. № 6. С. 76–92. DOI: 10.31857/S1026945224060067

⁹ См.: *Наумов П.Ю., Большакова В.М., Землин А.И., Холиков И.В.* Концептуальные аспекты производства медицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений по итогам проведения военно-врачебной экспертизы // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13. № 6. С. 283–306. DOI: 10.12731/2658-6649-2021-13-6-283-306; *Наумов П.Ю., Баранова Н.Н., Холиков И.В., Купцов С.А.* Комплексное исследование правовых основ и проблемных вопросов оказания первой помощи военнослужащим (военнослужащими) // Медицина катастроф. 2023. № 3. С. 57–64. DOI: 10.33266/2070-1004-2023-3-57-64; *Наумов П.Ю., Холиков И.В.* Характеристика правовых основ проведения военно-врачебной экспертизы в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and

и механизмов трансляции военно-правовых воззрений в современной научной рациональности позволила создать научно-педагогический продукт, способный решить проблемы обучения будущих военных юристов в когнитивном, нормативно-правовом и ценностно-смысловом аспектах.

Концептуальная характеристика издания

Итак, как отмечают авторы, учебник предназначен для научных работников, адъюнктов, аспирантов и соискателей ученых степеней в целях их подготовки к экзаменам по кандидатскому минимуму, а также для изучения учебных дисциплин и специальных учебных курсов, преподаваемых в Академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ, военных академиях и военных университетах, в военных образовательных учреждениях высшего образования, в учебных заведениях, в которых осуществляется обучение по программам подготовки офицеров запаса или изучаются специальные предметы (специальные курсы), связанные с военной деятельностью государства. С такой аннотацией рецензируемого учебника трудно не согласиться, она вбирает в себя наиболее важные функции издания и рассматриваемые в нем вопросы.

Перечень представленных в учебнике тем и вопросов широк и разнообразен, он вбирает в себя основные существенные признаки военного права как части современной науки, отрасли права, учебной дисциплины, профессиональной деятельности

и совокупности ценностно-смысловых образований. В общей части военного права как науки и учебной дисциплины авторы вводят потенциального читателя в проблематику военного права, а затем показывают его социально-гуманистические и ценностно-смысловые функции через призму аксиологического подхода, раскрывают системные предпосылки военного права, конкретизируют его теоретические основания. В первом разделе учебника обосновываются правовые формы комплектования военной организации государства, описываются правовые основы военной службы и статус военнослужащих, а также их юридическая ответственность, выявляются характеристики правового регулирования социально-правового обеспечения военнослужащих, лиц, проходивших военную службу, и членов их семей, объясняются правовые формы материального обеспечения военнослужащих, приводятся основы судебной защиты прав и свобод военнослужащих, вскрываются особенности военной службы и статус военнослужащих в войсках национальной гвардии, воинских формированиях и органах. Во втором — описывается обеспечение законности и правопорядка в Вооруженных Силах РФ, других войсках, воинских формированиях и органах, иллюстрируется организация и деятельность органов военной юстиции. Третий раздел посвящен правовому положению и организационным особенностям военных организаций и предприятий оборонно-промышленного комплекса. В четвертом разделе мастерски раскрываются военные проблемы международного права с учетом их современного состояния и в ракурсе их рассмотрения анализируется военное право зарубежных государств. Завершается учебник программой курса «Военное право», выражениями о праве, войне и мире и объемным списком использованной научной, справочной и нормативно-правовой литературы.

Уникальность представленного учебника заключается в том, что он вобрал в себя все традиции и новации военного права как науки и учебной дисциплины, обобщив, с одной стороны, современные концептуальные научные воззрения, организационные и методологические подходы, правоприменительную практику и т.п., а с другой — предложив оригинальные методические решения по организации и проведению занятий как со студентами гражданских вузов, осваивающими учебные программы в военных учебных центрах, так и с курсантами и, что крайне важно, со слушателями магистратуры и адъюнктуры/докторантуры, причем не только в вузах Минобороны России, но и в образовательных и научных учреждениях как «силового» блока (ФСБ России, МВД России, Росгвардии, ФСО России и т.п.), так и сугубо гражданских (например, Институт

Agriculture. 2023. Т. 15. № 1. С. 474–493. DOI: 10.12731/2658-6649-2023-15-1-474-493; *Наумов П. Ю., Захарцев С. И., Холиков И. В., Большакова В. М.* Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире (Аксиологический обзор книги «Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права») // Государство и право. 2023. № 9. С. 64–72. DOI: 10.31857/S102694520024304-5; *Наумов П.* Социальные функции частных военных компаний в условиях трансформации современного миропорядка // Пути к миру и безопасности. 2023. № 2 (65). С. 207–218. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-207-218; *Наумов П. Ю., Шепель Р. Н., Холиков И. В.* Оказание военнослужащим первичной медико-санитарной помощи: правовое регулирование и проблемные аспекты // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2023. Т. 22. № S9. С. 46–56. DOI: 10.15829/1728-8800-2023-3885; *Наумов П. Ю., Холиков И. В., Солдатов С. К.* Концептуализация понятия «военно-врачебная экспертиза» в междисциплинарном контексте // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2024. Т. 16. № 1. С. 422–445. DOI: 10.12731/2658-6649-2024-16-1-1071; *Наумов П. Ю., Холиков И. В.* Ценностное отношение к нормам международного гуманитарного права как фактор развития личности будущего офицера. С. 287–298; *Наумов П. Ю., Захарцев С. И.* Право и интеллигенция: к познанию общности социальных и психологических функций (теоретический этюд) // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Т. 15. № 1–1. С. 274–288. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-527; *Их же.* Психологические характеристики интеллигентности и юридическое образование в цифровой реальности: риски и ценности // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Т. 15. № 4. С. 514–533. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-4-611

законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ или Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ).

Учебник военного права позволяет не только обобщить разрозненные военно-правовые знания, но и представить их в структурированном виде, удобном для изучения и трансляции в рамках педагогического процесса. В учебнике обеспечена междисциплинарная связь знаний из различных отраслей права в своем военно-правовом контексте. Впервые стало возможным применение одного учебника в рамках целенаправленной и системной подготовки разноуровневых специалистов, способных в дальнейшем выполнять серьезные задачи в интересах обеспечения обороноспособности страны и безопасности государства. Это позволит повысить качество как военно-юридического образования, так и решения практических задач в служебной деятельности офицеров-юристов.

Заключение

Теоретическая глубина и широкий размах вопросов, рассмотренных авторами учебника «Военное право» и представленных потенциальному читателю в рецензируемом издании, — это не минус, а визитная карточка и очевидное преимущество данного учебника.

Появление учебника «Военное право», как и его концепцию, содержание и предлагаемые учебно-методические приемы и подходы, следует оценить положительно и отметить, что авторами разрешено давно имеющееся противоречие между потребностями педагогической практики в обобщенном представлении о военном праве и недостаточностью актуальных учебных изданий по рассматриваемой тематике.

Основными направлениями внедрения учебника «Военное право» в образовательную деятельность военных образовательных организаций высшего образования является его обязательное и факультативное применение при отработке учебных тем по основным предметам образовательной программы (теории государства и права, конституционному праву России, административному праву, истории государства и права России, истории государства и права зарубежных стран, гражданскому праву, гражданскому процессуальному праву, уголовному праву, уголовно-процессуальному праву, международному праву, экологическому праву, финансовому праву, криминалистике, криминологии, правоохранительным органам, основам теории национальной безопасности, военному законодательству и общевоинским уставам). Учебник «Военное право» рекомендуется также использовать в педагогическом процессе при обучении и воспитании личного состава военных учебных центров

вузов и правовом обучении солдат, сержантов, офицеров и прапорщиков в войсках (силах). Представляет интерес учебник и для проведения научных исследований, как студенческо-курсантского, так и фундаментально-академического уровня, он рекомендуется к использованию в деятельности военно-научного общества курсантов, для подготовки к научно-представительским мероприятиям и выступлениям на них.

Особую значимость учебник представляет для военно-правовой специализации специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности», а также иных юридических специальностей высшего образования. Он является не только эффективным педагогическим средством формирования и развития военно-правовых знаний, но и выступает ориентиром для организации научно-исследовательской деятельности в повседневной деятельности Вооруженных Сил и иных войск и правового обеспечения деятельности воинских частей (соединений, организаций, учреждений) вне зависимости от их ведомственной принадлежности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батырь В.А. Право военного времени как подотрасль военного права // *Lex russica* (Русский закон). 2022. Т. 75. № 3 (184). С. 88–104. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.088-104
2. Батырь В.А. Теоретические проблемы военного права как отрасли права, как науки и как учебной дисциплины // *Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение*. 2004. № 12 (90). С. 41–46.
3. Блажеев В.В. Трехтомная монография «Военное право» под общей редакцией А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина (М.: Центр правовых коммуникаций, 2021–2022) как практический результат деятельности отечественной научной школы военного права // *Государство и право*. 2023. № 2. С. 40–42. DOI: 10.31857/S102694520024321-4
4. Бозров В.М., Азаренок Н.В. Монография «Военное право» — концептуальная основа совершенствования современной военной науки // *Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение*. 2023. № 4 (309). С. 2–6.
5. Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. I. История и теория военного права (с предисловием). М., 2021; т. II. Современное состояние военного права (институты военного права); 2022. Т. III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований.
6. Военное право: учеб. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. М., 2021.
7. Гаврилов С.О., Глебов И.Н., Чукин С.Г. и др. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» т. III

- монографии «Военное право» // Государство и право. 2022. № 12. С. 59–67. DOI: 10.31857/S102694520023301-2
8. *Гайдамашко И. В., Наумов П. Ю., Дьячков А. А.* Потенциал монографии «Военное право» в обучении будущего военного юриста и развитии его личности // Государство и право. 2023. № 5. С. 68–79. DOI: 10.31857/S102694520025198-8
 9. *Глушаченко С. Б., Зелепукин Р. В.* Военно-правовые знания для будущих работников сферы транспорта (рецензия на трехтомную монографию «Военное право» // Мир транспорта. 2023. Т. 21. № 1 (104). С. 134–137. DOI: 10.30932/1992-3252-2021-21-1-16
 10. *Ершов В. В., Качалов В. И.* Военное право России как отрасль права // Росс. правосудие. 2023. № 2. С. 106–110.
 11. *Землин А. И.* Вопросы развития военно-правовой науки в контексте современных проблем обеспечения национальной безопасности России // Военное право. 2022. № 5 (75). С. 8–14.
 12. *Землин А. И., Наумов П. Ю., Шепель Р. Н.* Ценности здравоохранения на языке права: критические размышления об этических и правовых основах стандартов медицинской сортировки в российской военной-медицинской службе // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2024. Т. 23. № 4. С. 115–120. DOI: 10.15829/1728-8800-2024-4023
 13. *Исаев В. И., Бальчугов С. Г., Марков А. М.* Историко-правовой анализ возникновения и развития военного права // Военно-исторический журнал. 2024. № 3 (767). С. 116–119.
 14. *Картаполов А. В.* «Забытая» отрасль российской правовой системы. «Право вооруженных конфликтов» возрождается с выходом фундаментального научного труда трехтомной монографии «Военное право» (Некоторые комментарии в связи с выходом в свет трехтомной монографии «Военное право» // Государство и право. 2023. № 8. С. 45–50. DOI: 10.31857/S102694520027225-84
 15. *Корякин В. М.* Современное состояние военного права: новое фундаментальное научное исследование // Государство и право. 2022. № 1. С. 207–210. DOI: 10.31857/S102694520018195-5
 16. *Кудашкин А. В., Безбабнов О. Г.* Многосферное боевое и многослойное многоуровневое правовое пространство военных конфликтов // Военное право. 2024. № 3 (85). С. 58–69.
 17. *Кудашкин А. В., Кудашкин В. В.* Фундаментально-теоретические основания военного права (парадигмальный генезис теории военного права) // Труды ИГП РАН. 2024. Т. 19. № 1. С. 137–164. DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-1-a.v.kudashkin-v.v.kudashkin
 18. *Кудашкин А., Холиков И.* Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1 (64). С. 31–47. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47
 19. *Куманьков А. Д.* Война как наказание: исторические основания и современное состояние // Этическая мысль. 2019. Т. 19. № 2. С. 137–151.
 20. *Куманьков А. Д., Большакова В. М., Наумов П. Ю., Новиков Н. С.* Диалог о смыслах военного права и военном праве как ценности (обсуждаем главу 5 «Социальная ценность военного права» тома I монографии «Военное право» // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2022. № 7 (300). С. 2–12.
 21. *Маликов С. В., Лех И. С.* Проблемы применения интеллектуального роботизированного оружия в современных вооруженных конфликтах // Вестник военного права. 2022. № 1. С. 44–48.
 22. *Маликов С. В., Маликов Д. С.* Понятие и содержание принципов «избирательность» и «соразмерность» при применении средств поражения в районах вооруженного конфликта // Государство и право. 2018. № 6. С. 59–72. DOI: 10.7868/S0132076918060070
 23. *Мельков С. А.* Рецензия на новое исследование военного права: критический взгляд политолога // Russian Studies in Law and Politics. 2022. Т. 6. № 3–4. С. 6–18. DOI: 10.12731/2576-9634-2022-3-4-6-18
 24. *Наумов П.* Социальные функции частных военных компаний в условиях трансформации современного миропорядка // Пути к миру и безопасности. 2023. № 2 (65). С. 207–218. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-207-218
 25. *Наумов П. Ю., Баранова Н. Н., Холиков И. В., Купцов С. А.* Комплексное исследование правовых основ и проблемных вопросов оказания первой помощи военнослужащим (военнослужащими) // Медицина катастроф. 2023. № 3. С. 57–64. DOI: 10.33266/2070-1004-2023-3-57-64
 26. *Наумов П. Ю., Большакова В. М., Землин А. И., Холиков И. В.* Концептуальные аспекты производства медицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений по итогам проведения военно-врачебной экспертизы // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13. № 6. С. 283–306. DOI: 10.12731/2658-6649-2021-13-6-283-306
 27. *Наумов П. Ю., Захарцев С. И.* Право и интеллигенция: к познанию общности социальных и психологических функций (теоретический этюд) // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Т. 15. № 1–1. С. 274–288. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-527
 28. *Наумов П. Ю., Захарцев С. И.* Психологические характеристики интеллигентности и юридическое образование в цифровой реальности: риски и ценности // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Т. 15. № 4. С. 514–533. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-4-611
 29. *Наумов П. Ю., Захарцев С. И., Холиков И. В., Большакова В. М.* Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире (Аксиологический обзор книги «Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права» // Государство и право. 2023. № 9. С. 64–72. DOI: 10.31857/S102694520024304-5
 30. *Наумов П. Ю., Холиков И. В.* Характеристика правовых основ проведения военно-врачебной экспертизы в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2023. Т. 15. № 1. С. 474–493. DOI: 10.12731/2658-6649-2023-15-1-474-493
 31. *Наумов П. Ю., Холиков И. В.* Ценностное отношение к нормам международного гуманитарного права как фактор развития личности будущего офицера // Сиб-Скрипт. 2024. Т. 26. № 2 (102). С. 287–298. DOI: 10.21603/sibscript-2024-26-2-287-298

32. *Наумов П. Ю., Холиков И. В., Солдатов С. К.* Концептуализация понятия «военно-врачебная экспертиза» в междисциплинарном контексте // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2024. Т. 16. № 1. С. 422–445. DOI: 10.12731/2658-6649-2024-16-1-1071
33. *Наумов П. Ю., Шепель Р. Н., Холиков И. В.* Оказание военнослужащим первичной медико-санитарной помощи: правовое регулирование и проблемные аспекты // *Кардиоваскулярная терапия и профилактика*. 2023. Т. 22. № S9. С. 46–56. DOI: 10.15829/1728-8800-2023-3885
34. *Плигин В. Н.* Вышел фундаментальный научный труд, которым доказана «правовая теорема Ферма». *Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А. Н. Савенкова, А. В. Кудашкина* // *Государство и право*. 2023. № 3. С. 33–39. DOI: 10.31857/S102694520024772-0
35. *Сальников В. П., Большакова В. М., Захарцев С. И.* Институтализация военного права как отрасли права в постнеклассической научной рациональности (рецензия на монографию «Военное право в 3-х томах. М.: Центр правовых коммуникаций», 2022) // *Право. Журнал ВШЭ*. 2023. № 1. С. 251–261. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.1.251.261
36. *Тушков А. А.* К вопросу об экспликации парадигмальных основ военного права // *Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение*. 2023. № 3 (308). С. 2–14.
37. *Тушков А. А.* Теоретико-методологические проблемы и военное право (к выходу в свет монографии «Военное право») // *Государство и право*. 2023. № 5. С. 63–67. DOI: 10.31857/S102694520025210-2
38. *Холиков И. В.* История и теория военного права: первое фундаментальное исследование // *Военное право*. 2021. № 5 (69). С. 222–228.
39. *Холиков И. В.* Некоторые проблемные вопросы международно-правовой регламентации использования беспилотных морских систем в военных целях // *Военное право*. 2019. № 6 (58). С. 276–282.
40. *Холиков И. В., Дахин А. В., Куманьков А. Д. и др.* Кате-хизис нормативности: синкретические размышления о философских основаниях военного права // *Государство и право*. 2024. № 6. С. 76–92. DOI: 10.31857/S1026945224060067
41. *Холиков И. В., Наумов П. Ю.* Развитие военного права как образ жизни: ценности, проблемы, перспективы // *Государство и право*. 2024. № 5. С. 130–141. DOI: 10.31857/S1026945224050141
42. *Холиков И. В., Наумов П. Ю.* Трансляция знаний и критерии научности: концепты современной теории военного права // *Государство и право*. 2024. № 1. С. 100–116. DOI: 10.31857/S1026945224010101
43. *Холиков И. В., Окоча В. А.* Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире // *Журнал рос. права*. 2020. № 12. С. 147–158. DOI: 10.12737/jrl.2020.154
44. *Хомчик В. В.* Монография «Военное право» обеспечила теоретический прорыв в фундаментальных исследованиях современных проблем военной науки // *Государство и право*. 2022. № 3. С. 199–203. DOI: 10.31857/S102694520019175-3
45. *Чемезов С. В.* Мощный стимул правовых исследований в военной науке. *Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А. Н. Савенкова, А. В. Кудашкина* (М.: Центр правовых коммуникаций, 2021–2022) // *Государство и право*. 2023. № 3. С. 27–32. DOI: 10.31857/S102694520024771-9
46. *Яцкин А. В.* Поиски «правового Грааля» завершены (Размышления на полях фундаментального исследования «Военное право» в эпоху трансформации действующего мирового порядка) // *Государство и право*. 2023. № 6. С. 51–55. DOI: 10.31857/S102694520025954-0

REFERENCES

1. *Batyr V. A.* The law of wartime as a sub-branch of Military Law // *Lex russica (Russian law)*. 2022. Vol. 75. No. 3 (184). Pp. 88–104. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.088-104 (in Russ.).
2. *Batyr V. A.* Theoretical problems of Military Law as a branch of law, as a science and as an academic discipline // *Law in the Armed Forces – Military Legal Review*. 2004. No. 12 (90). Pp. 41–46 (in Russ.).
3. *Blazheev V. V.* Three-volume monograph “Military Law” under the general ed. of A. N. Savenkov, A. V. Kudashkin (Moscow: Center for Legal Communications, 2021–2022) as a practical result of the activities of the national scientific school of Military Law // *State and Law*. 2023. No. 2. Pp. 40–42. DOI: 10.31857/S102694520024321-4 (in Russ.).
4. *Bozrov V. M., Azarenok N. V.* Monograph “Military Law” – a conceptual basis for improving modern military science // *Law in the Armed Forces – Military Legal Review*. 2023. No. 4 (309). Pp. 2–6 (in Russ.).
5. *Military Law: in 3 vols / under the general ed. of A. N. Savenkov, A. V. Kudashkin*. Vol. I. History and theory of Military Law (with a preface). M., 2021; vol. II. The current state of military law (institutes of Military Law; 2022. Vol. III. The main problems and promising areas of military legal research (in Russ.).
6. *Military Law: textbook / under the general ed. of A. N. Savenkov, A. V. Kudashkin*, M., 2021 (in Russ.).
7. *Gavrilov S. O., Glebov I. N., Chukin S. G. et al.* Law at the bifurcation point: a discussion of the conceptual study of military problems of International Law (The Round Table discussion based on the materials of Chapter 6 “Military problems of International Law”. Vol. III of the monograph “Military Law”) // *State and Law*. 2022. No. 12. Pp. 59–67. DOI: 10.31857/S102694520023301-2 (in Russ.).
8. *Gaidamashko I. V., Naumov P. Yu., Dyachkov A. A.* The potential of the monograph “Military Law” in the education of a future military lawyer and the development of his personality // *State and Law*. 2023. No. 5. Pp. 68–79. DOI: 10.31857/S102694520025198-8 (in Russ.).
9. *Glushachenko S. B., Zelepukin R. V.* Military legal knowledge for future workers in the field of transport (review of the three-volume monograph “Military Law”) // *Mir transporta*. 2023. Vol. 21. No. 1 (104). Pp. 134–137. DOI: 10.30932/1992-3252-2021-21-1-16 (in Russ.).
10. *Ershov V. V., Kachalov V. I.* Military Law of Russia as a branch of law // *Russ. Justice*. 2023. No. 2. Pp. 106–110 (in Russ.).
11. *Zemlin A. I.* Issues of the development of military legal science in the context of modern problems of ensuring

- national security of Russia // *Military Law*. 2022. No. 5 (75). Pp. 8–14 (in Russ.).
12. Zemlin A.I., Naumov P. Yu., Shepel R.N. The values of healthcare in the language of law: critical reflections on the ethical and legal foundations of medical triage standards in the Russian military medical service // *Cardiovascular therapy and prevention*. 2024. Vol. 23. No. 4. Pp. 115–120. DOI: 10.15829/1728-8800-2024-4023 (in Russ.).
 13. Isaev V.I., Balchugov S.G., Markov A.M. Historical and legal analysis of the emergence and development of Military Law // *Military Historical Journal*. 2024. No. 3 (767). Pp. 116–119 (in Russ.).
 14. Kartapolov A.V. The “forgotten” branch of the Russian legal system. The “Law of armed conflict” is being revived with the publication of the fundamental scientific work of the three-volume monograph “Military Law” (Some comments in connection with the publication of the three-volume monograph “Military Law”) // *State and Law*. 2023. No. 8. Pp. 45–50. DOI: 10.31857/S102694520027225-84 (in Russ.).
 15. Koryakin V.M. The current state of Military Law: a new fundamental scientific study // *State and Law*. 2022. No. 1. Pp. 207–210. DOI: 10.31857/S102694520018195-5 (in Russ.).
 16. Kudashkin A.V., Bezbabnov O.G. The multi-sphere combat and multi-layered multilevel legal space of military conflicts // *Military Law*. 2024. No. 3 (85). Pp. 58–69 (in Russ.).
 17. Kudashkin A.V., Kudashkin V.V. Fundamental theoretical foundations of Military Law (the paradigmatic genesis of the theory of Military Law) // *Proceedings of the IGP RAS*. 2024. Vol. 19. No. 1. Pp. 137–164. DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-1-a.v.kudashkin-v.v.kudashkin (in Russ.).
 18. Kudashkin A., Kholikov I. The experience of conceptualizing special military operations in modern law // *Paths to peace and security*. 2023. No. 1 (64). Pp. 31–47. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47 (in Russ.).
 19. Kumankov A.D. War as punishment: historical foundations and current state // *Ethical Thought*. 2019. Vol. 19. No. 2. Pp. 137–151 (in Russ.).
 20. Kumankov A.D., Bolshakova V.M., Naumov P. Yu., Novikov N.S. Dialogue on the meanings of Military Law, and Military Law as a value (discussing chapter 5 “The social value of Military Law”. Vol. I of the monograph “Military Law”) // *Law in the Armed Forces – Military Legal Review*. 2022. No. 7 (300). Pp. 2–12 (in Russ.).
 21. Malikov S.V., Lekh I.S. Problems of the use of intelligent robotic weapons in modern armed conflicts // *Herald of Military Law*. 2022. No. 1. Pp. 44–48 (in Russ.).
 22. Malikov S.V., Malikov D.S. The concept and content of the principles of “selectivity” and “proportionality” in the use of weapons of destruction in areas of armed conflict // *State and Law*. 2018. No. 6. Pp. 59–72. DOI: 10.7868/S0132076918060070 (in Russ.).
 23. Melkov S.A. Review of a new study of military law: a critical view of a political scientist // *Russian Studies in Law and Politics*. 2022. Vol. 6. No. 3–4. Pp. 6–18. DOI: 10.12731/2576-9634-2022-3-4-6-18 (in Russ.).
 24. Naumov P. Social functions of private military companies in the context of the transformation of the modern world order // *Paths to peace and security*. 2023. No. 2 (65). Pp. 207–218. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-207-218 (in Russ.).
 25. Naumov P. Yu., Baranova N.N., Kholikov I.V., Kuptsov S.A. A comprehensive study of the legal foundations and problematic issues of first aid to military personnel (military personnel) // *Disaster Medicine*. 2023. No. 3. Pp. 57–64. DOI: 10.33266/2070-1004-2023-3-57-64 (in Russ.).
 26. Naumov P. Yu., Bolshakova V.M., Zemlin A.I., Kholikov I.V. Conceptual aspects of the production of medical examinations during judicial appeal of conclusions based on the results of military medical examination // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2021. Vol. 13. No. 6. Pp. 283–306. DOI: 10.12731/2658-6649-2021-13-6-283-306 (in Russ.).
 27. Naumov P. Yu., Zakhartsev S.I. Law and the intelligentsia: towards understanding the commonality of social and psychological functions (a theoretical study) // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2024. Vol. 15. No. 1–1. Pp. 274–288. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-527 (in Russ.).
 28. Naumov P. Yu., Zakhartsev S.I. Psychological characteristics of intelligence and legal education in digital reality: risks and values // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2024. Vol. 15. No. 4. Pp. 514–533. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-4-611 (in Russ.).
 29. Naumov P. Yu., Zakhartsev S.I., Kholikov I.V., Bolshakova V.M. The value of law and legal values in a globalizing world (An axiological review of the book “State and Law: Human Rights and the World order based on the Rule of Law”) // *State and Law*. 2023. No. 9. Pp. 64–72. DOI: 10.31857/S102694520024304-5 (in Russ.).
 30. Naumov P. Yu., Kholikov I.V. Characteristics of the legal foundations of military medical examination in the troops of the National Guard of the Russian Federation // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2023. Vol. 15. No. 1. Pp. 474–493. DOI: 10.12731/2658-6649-2023-15-1-474-493 (in Russ.).
 31. Naumov P. Yu., Kholikov I.V. Value attitude towards the norms of International Humanitarian Law as a factor in the development of the personality of a future officer // *SibScript*. 2024. Vol. 26. No. 2 (102). Pp. 287–298. DOI: 10.21603/sibscript-2024-26-2-287-298 (in Russ.).
 32. Naumov P. Yu., Kholikov I.V., Soldatov S.K. Conceptualization of the concept of “military medical examination” in an interdisciplinary context // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2024. Vol. 16. No. 1. Pp. 422–445. DOI: 10.12731/2658-6649-2024-16-1-1071 (in Russ.).
 33. Naumov P. Yu., Shepel R.N., Kholikov I.V. Provision of primary health care to military personnel: legal regulation and problematic aspects // *Cardiovascular therapy and prevention*. 2023. Vol. 22. No. S9. Pp. 46–56. DOI: 10.15829/1728-8800-2023-3885 (in Russ.).
 34. Pligin V.N. A fundamental scientific work was published, which proved “Fermat’s legal theorem”. *Military Law: in 3 vols. / under the general ed. of A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin* // *State and Law*. 2023. No. 3. Pp. 33–39. DOI: 10.31857/S102694520024772-0 (in Russ.).
 35. Salnikov V.P., Bolshakova V.M., Zakhartsev S.I. Institutionalization of Military Law as a branch of law in post-nonclassical scientific rationality (review of the monograph “Military Law in 3 volumes. Moscow: Center for Legal Com-

- munications”, 2022) // Law. HSE Journal. 2023. No. 1. Pp. 251–261. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.1.251.261 (in Russ.).
36. *Tushkov A.A.* On the issue of explication of the paradigmatic foundations of Military Law // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2023. No. 3 (308). Pp. 2–14 (in Russ.).
 37. *Tushkov A.A.* Theoretical and methodological problems and Military Law (for the publication of the monograph “Military Law”) // State and Law. 2023. No. 5. Pp. 63–67. DOI: 10.31857/S102694520025210-2 (in Russ.).
 38. *Kholikov I.V.* History and theory of Military Law: the first fundamental research // Military Law. 2021. No. 5 (69). Pp. 222–228 (in Russ.).
 39. *Kholikov I.V.* Some problematic issues of international legal regulation of the use of unmanned marine systems for military purposes // Military Law. 2019. No. 6 (58). Pp. 276–282 (in Russ.).
 40. *Kholikov I.V., Dakhin A.V., Kumankov A.D. et al.* The catechism of normativity: syncretic reflections on the philosophical foundations of Military Law // State and Law. 2024. No. 6. Pp. 76–92. DOI: 10.31857/S1026945224060067 (in Russ.).
 41. *Kholikov I.V., Naumov P. Yu.* Development of Military Law as a way of life: values, problems, prospects // State and Law. 2024. No. 5. Pp. 130–141. DOI: 10.31857/S1026945224050141 (in Russ.).
 42. *Kholikov I.V., Naumov P. Yu.* Translation of knowledge and criteria of scientific validity: concepts of the modern theory of Military Law // State and Law. 2024. No. 1. Pp. 100–116. DOI: 10.31857/S1026945224010101 (in Russ.).
 43. *Kholikov I.V., Okocha V.A.* The use of armed force by private marine security companies: the dynamics of borders and the specifics of legal regulation in the modern world. 2020. No. 12. Pp. 147–158. DOI: 10.12737/jrl.2020.154 (in Russ.).
 44. *Khomchik V.V.* The monograph “Military Law” provided a theoretical breakthrough in fundamental research of modern problems of military science // State and Law. 2022. No. 3. Pp. 199–203. DOI: 10.31857/S102694520019175-3 (in Russ.).
 45. *Chemezov S.V.* A powerful incentive for legal research in military science. Military Law: in 3 vols. / under the general ed. of A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin (M.: Center for Legal Communications, 2021–2022) // State and Law. 2023. No. 3. Pp. 27–32. DOI: 10.31857/S102694520024771-9 (in Russ.).
 46. *Yatskin A.V.* The search for the “legal Holy Grail” is completed (Reflections on the fields of fundamental research “Military Law” in the era of transformation of the current world order) // State and Law. 2023. No. 6. Pp. 51–55. DOI: 10.31857/S102694520025954-0 (in Russ.).

Сведения об авторах

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович —

доктор юридических наук, профессор,
профессор Военной ордена Жукова
академии войск национальной гвардии
Российской Федерации;
198206 г. Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилутова, д. 1

НАУМОВ Петр Юрьевич —

кандидат педагогических наук,
помощник начальника госпиталя по правовой
работе — начальник отделения правового
обеспечения Главного военного клинического
госпиталя войск национальной гвардии
Российской Федерации;
143914 Московская область, г. Балашиха,
Вишняковское шоссе, вл. 101,
мкрн Никольско-Архангельский
ORCID: 0000-0002-2875-2322

Authors' information

ZAKHARTSEV Sergey I. —

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Military Order of Zhukov
Academy of the National Guard Troops
of the Russian Federation;
1 Pilot Pilyutov str., 198206 St. Petersburg, Russia

NAUMOV Petr Yu. —

Candidate of Pedagogical Sciences,
Assistant Head of the Hospital for Legal Affairs —
Head of the Department
of Legal Support, Main Military
Clinical Hospital of the National Guard Troops
of the Russian Federation;
property 101 Vishnyakovskoye Highway,
Nikolsko-Arkhangelsky Microdistrict,
143914 Balashikha, Moscow Region, Russia

УДК 341

ИСКУССТВО БЫТЬ АПОЛОГЕТОМ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА: ТРАКТАТ П.П. ШАФИРОВА «РАССУЖДЕНИЕ...» – ГЛАВНАЯ НАЧАЛЬНАЯ ВЕХА В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ НАУКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

© 2025 г. В. А. Батырь^{1, 2}

¹Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

²Московский государственный юридический университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: batyr_62@mail.ru

Поступила в редакцию 18.09.2024 г.

Аннотация. В статье подвергнута научному анализу и современной интерпретации работа П.П. Шафирова «Рассуждение, какие законные причины Петр I, царь и повелитель всероссийский, к начатию войны против Карла XII, короля шведского, в 1700 году имел», которая по праву считается лучшим описанием и оригинальным источником сведений о русско-шведской Северной войне 1700–1721 гг., ее причинах и жестокостях, связанных с многочисленными нарушениями Швецией международно-правовых обязательств и «права народов». Четкая структура работы не оставляет сомнений в доказательственном характере аргументации причин начала войны. Показана роль Петра I в составлении текста, обозначены сферы его управленческой деятельности. Выявлены истоки прообразов отдельных отраслей и институтов современного международного права, прежде всего международного гуманитарного права. Обращение к событиям более чем 300-летней давности позволяет лучше понять истоки гуманизма как нравственного кода россиян, отстаивания государственных интересов.

Ключевые слова: П.П. Шафиров, Петр I, Северная война, русско-шведские войны XVI–XIX вв., рассуждение, дедикация, территориальные притязания, мирные договоры, международное гуманитарное право, вероломство, военный плен, безопасность.

Цитирование: Батырь В.А. Искусство быть апологетом внешней политики государства: трактат П.П. Шафирова «Рассуждение...» – главная начальная веха в истории российской науки международного права // Государство и право. 2025. № 1. С. 104–117.

DOI: 10.31857/S1026945225010093

THE ART OF BEING AN APOLOGIST FOR THE FOREIGN POLICY OF THE STATE: P.P. SHAFIROV'S TREATISE “REASONING...” IS THE MAIN INITIAL MILESTONE IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN SCIENCE OF INTERNATIONAL LAW

© 2025 V. A. Batyr^{1, 2}

¹Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

²Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

E-mail: batyr_62@mail.ru

Received 18.09.2024

Abstract. The article presents a scientific analysis and modern interpretation of the work of P.P. Shafirov “Reasoning, what legitimate reasons Peter I, tsar and ruler of All Russia, had for starting the war against Charles XII, King of Sweden, in 1700”, which is rightfully considered the best description and original source of information about the Russian-Swedish Northern War of 1700–1721, its causes and atrocities related to Sweden’s numerous violations of international legal obligations and the “right of peoples”. The clear structure of the work leaves no doubt about the evidentiary nature of the argumentation of the reasons for the outbreak of war. The role of Peter the Great in the drafting of the text is shown, the spheres of his managerial activity are indicated. The origins of the prototypes of certain branches and institutions of modern International Law, primarily International Humanitarian Law, are revealed. Referring to the events of more than 300 years ago allows us to better understand the origins of humanism as the moral code of Russians, defending state interests.

Key words: P.P. Shafirov, Peter I, The Northern War, the Russian-Swedish wars of the XVI–XIX centuries, reasoning, deduction, territorial claims, peace treaties, International Humanitarian Law, treachery, military captivity, security.

For citation: Batyr, V.A. (2025). The art of being an apologist for the foreign policy of the state: P.P. Shafirov’s treatise “Reasoning...” is the main initial milestone in the history of the Russian science of International Law // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 1, pp. 104–117.

В 1717 г. в Санкт-Петербурге была опубликована первая в истории России оригинальная научная работа по международному праву — книга Петра Павловича Шафирова «Рассуждение, какие законные причины Петр I, царь и повелитель всероссийский, к начатию войны против Карла XII, короля шведского, в 1700 году имел»¹ (далее — «Рассуждение...»)². По современному ее изданию³

в дальнейшем будут приводиться постраничные ссылки. Актуальность обращения к работе более чем 300-летней давности обусловлена следующими обстоятельствами.

Во-первых, указанное произведение нашими современниками воспринимается как лучшее описание и бесценный оригинальный источник сведений о 17-летнем этапе тогда еще не завершившейся кровопролитной Северной войны (1700–1721 гг.)⁴, победа в которой не просто в международно-правовом договорном порядке закрепила выход России к Балтийскому морю⁵, но также и ее активное участие в европейской общественно-политической жизни, что способствовало становлению ее как великой державы. О новой роли России в международных делах свидетельствуют следующие строки: «Тако ныне никакое дело ниже во отдаленных краях Европейских не чинится,

¹ Приведенное название трактата является сокращенным, однако сформулированным на основе полного его наименования: «Разсуждение, какие законные причины его царское величество Петр Первый, царь и повелитель всероссийский и протчая, и протчая, и протчая: к начатию войны против Короля Карола 12, Шведского 1700 году имел, и кто из сих обоих потентатов, во время сей пребывающей войны, более умеренности и склонности к примирению показывал, и кто в продолжении оной, с толь великим разлитием крови Христианской, и разорением многих земель виновен; и с которой воюющей страны та война по правилам Христианских и политических народов более ведена. Все безпристрастия фундаментально из древних и новых Актв и трактатов, також и из записок о воинских операциях описано, с надлежащего умеренностию и истинною. Так что в потребном случае может все, а имянно: Первое оригинальными древними, меж Коронами Российскою, и Шведскою постановленными Трактатами, грамотами, и канцелярийскими Протоколами, також многое и беспристрастными Гисториями, с стороны Российской доказано, и любопытным представлено быть; с соизволения Его Царского Величества всероссийского, собрано, и на свет издано, в Царствующем Санкт-Петербурге, Лета Господня 1716 года, а напечатано в следующем 1717 году».

² Рабочая рукопись «Рассуждения...» хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве (см.: РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 16. 97 л. Сношения России с Швецией. Название рукописи следующее: «Разсуждение о причинах, которые Г[осу]д[ар]ь П[етр] I имел объявить шведам войну — сочиненное и писанное П. Шафировым»).

³ См.: Шафиров П. П. Рассуждение, какие законные причины Петр I, царь и повелитель всероссийский, к начатию войны против Карла XII, короля шведского, в 1700 году имел / вступ. ст. У.Э. Батлера; под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. — 201 с. Издание включает также английский текст (с. 123–198), изготoвленный на основе немецкого предположительно в 1722 г.

⁴ См.: Грабарь В. Э. Первая русская книга по международному праву // Вестник Московского ун-та. 1950. № 7. С. 101–110; Его же. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917) / науч. ред., авт. биограф. очерка и сост. библиографии У.Э. Батлер; отв. ред. и авт. предисл. В.А. Томсинов. М., 2005. С. 88; Заботкин А. С. Первая русская книга о международном гуманитарном праве // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2007. № 3. С. 86–90.

⁵ Мирный договор между Россией и Швецией, заключенный в Ништадте 30 августа (10 сентября) 1721 г. (был составлен в идентичных экземплярах на русском и шведском языках с копией на немецком языке, состоял из преамбулы, 23 статей и 1 сепаратного артикула), изменил русско-шведскую границу (ранее закрепленную Столбовским мирным договором 1617 г.). Швеция признала присоединение к России Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии, части Карелии (т.н. Старой Финляндии) и других территорий. В свою очередь, Россия обязалась вернуть Швеции оккупированную ею Финляндию и уплатить денежную компенсацию (см.: URL: <https://constitutions.ru/?p=16431>). По оценке Ф.Ф. Мартенса, «Ништадтский мир обеспечил постоянные и правильные сношения русского народа с Западной Европой» (см.: Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. Т. 1 / под ред. и с биограф. очерком В.А. Томсинова. М., 2008. С. 95).

к которому б, или о Его Царского Величества приязни и союзе не старались, или осторожности и опасности в противности от оногo себе не имели» (с. 6).

Во-вторых, по поручению Петра I к научному исследованию причин Северной войны пытались приступить обладающие должной квалификацией светские и духовные государственные деятели того времени, однако их литературные старания не увенчались успехом либо долгие годы оставались лишь в рукописных текстах. Так, в исторических документах упоминаются следующие имена: переводчик Посольского приказа Венедикт Шиллинг (Шилинхт)⁶; директор Московской типографии (Печатного двора) Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов⁷; немецкий юрист и дипломат, состоявший на службе Петра Великого, барон Генрих фон Гюйссен⁸; архиепископ Новгородский

и Нарвский Феофан Прокопович, которому приписывается авторство ряда изданных трудов⁹.

Но с поставленной задачей в полной мере справился лишь П.П. Шафиров¹⁰. В.Э. Грабарь определил «Рассуждение...» как «первое оригинальное произведение по международному праву на русском языке, не носящее официального характера»¹¹, указав, что оно было «вполне на уровне тогдашней науки и могло быть написано только лицом, в совершенстве овладевшим современной ему теорией международного права»¹².

В-третьих, заслуживают внимания и другие издания того периода, однако, не претендовавшие на аналитику. Так, напечатанная в 1713 г. «Книга Марсова»¹³ представляла собой расположенный в хронологической последовательности сборник донесений о военных действиях («реляций») и поденных росписей («юрналов») о победах русских войск в Северной войне, включая дипломатическую переписку, административные и иные документы. А вот собственно история Северной войны («Журнал или Поденная записка...») была написана кабинет-секретарем А.В. Макаровым в 1718 г., однако она оставалась в рукописи до 1770 г., когда ее обнаружил, дополнил и напечатал

⁶ В частности, Петр I писал: «Сентября ранее 18. — Венедикту Шиллингу. “По указу великого государя и по писму из походу, велено Историю о поведении всея нынешня войны, что между российскими, полскими и свейскими войсками с начала той войны донныне учинено, составить”» (см.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11. Вып. 2 (июль—декабрь 1711 года). М., 1964. С. 134).

⁷ Петр I предложил Ф.П. Поликарпову-Орлову составить русскую историю от начала княжения Василия Ивановича до последнего времени и потребовал «описавши на образец 5 лет, на два манера — пространно и коротко, прислать ему немедленно». Составлением новой русской истории в результате занимались с 1708 по 1716 г., однако Поликарпов-Орлов так и не сумел как следует исполнить поставленной ему задачи (см.: *Львова И.П.* Из истории просвещения в России в эпоху Петра Великого (Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов) // Вестник СПбУ. Сер. 2: История. 2008. Вып. 2. С. 36—43; *Моисеева Г.Н.* «История России» Федора Поликарпова как памятник литературы // XVIII век: сб. ст. и материалов. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века / под ред. Г.П. Макогоненко, Г.Н. Моисеевой; предисл. от ред.-ции. Л., 1974. С. 81—92; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. VIII. Т. 16. С. 321). В 1716 г. И.А. Мусин-Пушкин писал Ф.П. Поликарпову-Орлову: «История твоя и лексикон хотя и не очень благоугодны были, но чрез старание и прошение мое ныне царское величество изволил приказать за оные твои труды выдать тебе с Печатного двора двести рублей» (цит. по: *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 523).

⁸ При участии Гюйсена (*Heinrich Freiherr von Hüysen*, 1666—1739), среди прочего, составлены две брошюры: “*Der Staat von Moscau*” («Московское государство», 1704) и “*Relation von dem gegenwärtigen zustande des Moscovitischen Reichs*” («Отношение к нынешнему состоянию Московской империи», 1706). Последняя в расширенном виде образовала целую книгу: “*Des grossen Herrens, Czaars und Gross Fürstens von Moscau, Petri Alexiewiz, des ganssen grossen, kleinen und weissen Reusslandes Selbsthalters, etc.: Leben und Thaten aus besonderen Nachrichten*” («О господине царе и великом князе московском Петре Алексеевиче...», 1710) (см. подр.: *Пекарский П.П.* Барон Гюйссен, учено-литературный агент русского правительства в начале XVIII столетия // Отечественные записки. 1860. Т. 129. С. 49—72).

⁹ В частности, приписывается Ф. Прокоповичу авторство следующих изданий: Подробная летопись от начала России до Полтавской Баталии: в 4 ч. / под ред. И.Н. Болтина и Н.А. Львова. СПб., 1798—1799; Феофан (Прокопович) Елезар, архиеп. Новгородский и Нарвский; 1681—1736). Правда воли монаршей. М., 1726. Об авторстве см. подр.: *Лентин Э.* Авторство «Правды воли монаршей»: Феофан Прокопович, Афанасий Кондоиди, Петр I // XVIII век: сб. ст. и материалов. Сб. 21: Памяти Павла Наумовича Беркова (1896—1969) / отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб., 1999. Сб. 21. С. 33—39.

¹⁰ С большой долей вероятности непосредственное побуждение к написанию данного трактата П.П. Шафиров получил, когда познакомился с проектом Декларации требований Русской Короны, подготовленным русским послом в Лондоне Ф.С. Салтыковым и присланным Петру I на утверждение приблизительно в 1713—1714 гг. В Декларации были представлены 26 «пропозиций», представляющих историческую основу русских притязаний на территории в споре со Швецией. Пропозиция 26 гласила: «И после составления манифеста следует перевести его на латинский, французский и немецкий языки и напечатать на этих языках для информации всех европейских государств». Текст указанного проекта см.: *Павлов-Сильванский Н.П.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого: опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. СПб., 1897. С. 6.

¹¹ См.: *Грабарь В.Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647—1917) / науч. ред., авт. биограф. очерка и сост. библиографии У.Э. Батлер; отв. ред. и авт. предисл. В.А. Томсинов. С. 88.

¹² Там же. С. 89.

¹³ Полное название «Книга Марсова или воинских дел от войск Царского Величества Российских. По взятии преславных фортификаций, и на разных местах храбрых баталий учиненных. Над войсками Его Королевского Величества Свейского». Санктптербурх, янв. 1713.

историк М.М. Щербатов¹⁴. Однако «Рассуждения...» не конкурируют с ними, представляя собой образ научного осмысления фактов.

В-четвертых, достаточно знаковым является тот факт, что П.П. Шафиров, как автор, прежде «испросил у высокопомянутого Его Величества всемилостивейшее соизволение, сие рассуждение на свет выдать», а Петр I, «начертавший рукою мудрости благие законы на несколько столетий»¹⁵, стал фактически соавтором издания, поскольку, по мнению исследователей (в том числе зарубежных), именно он написал заключение к этой книге и добавил несколько абзацев¹⁶. Заметим, что наименование «рассуждение» было присуще и некоторым иным документам, ранее написанным Петром I¹⁷. Вместе с тем П.П. Шафиров позиционирует себя как «некоторой верной патриот (Отечества сын) из Российского народа»¹⁸, ставший в 1721 г. соавтором «Прощения сенаторов царю Петру I о принятии им титула Императора»¹⁹.

В-пятых, цель работы сформулирована следующим образом: «для оправдания своего

Всемилолюбивейшего Самодержца, и правдулюбивого Царя и Государя в начатии сея войны, от таких неправедных клевет, и швецких внушений», поскольку «с Швецкой страны оная война с начала и до сего времени была, не по обычаю политических народов, но со всякою суровостию, не людкостию, и досадительствы ведена». В порядке предварительной констатации можно утверждать, что работа содержит юридическое обоснование российской позиции в Северной войне со Швецией в силу нарушения последней «права народов» и обоснование правомерности выхода России к Балтийскому морю, что позволяет ее рассматривать как формулирование государственной стратегии для восприятия широкой международной аудиторией.

* * *

Следует подчеркнуть, что первая публикация «Рассуждения...» в 1717 г. была осуществлена типографским способом новым гражданским шрифтом²⁰, предназначенным для печати светских изданий²¹, и переиздавалась дважды — в 1719 г.²² и 1722 г.²³ Тратат стал первой российской работой, опубликованной на немецком²⁴ и английском²⁵ языках, и для современной российской международно-правовой науки действительно значит гораздо больше, чем просто «сравнительно малоизвестная веха в истории международного права»²⁶.

¹⁴ Журнал или Поденная записка, блаженные и вечно-достойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира: Напечатан с обретающихся в Кабинетной архиве списков, правленных собственною рукою его императорского величества. Санктпетербург, 1770—1772. Ч. I. Главным редактором, автором и организатором издания был Петр I. В составлении и редактировании «Истории» принимали участие: I. П.П. Шафиров. II. Феофан (Прокопович Елезар; архиеп. Новгородский и Нарвский). III. Я.Я. Штелин. IV. М.М. Щербатов. V. Петр I (имп.). VI. А.В. Макаров. VII. Х.М. Рот. Издано историком М.М. Щербатовым. Предисл. подписано: кн. Михайло Щербатово. URL: <https://www.rglib.ru/item/408596>; см. также: История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т.С. Майкова; под общ. ред. А.А. Преображенского. в 2 вып. М., 2004.

¹⁵ Васильев И.В. Рассуждение о законах Государства Российского, изданных от основания оного до нынешних времен: С показанием причин периодической оных законов перемены и постепенной образованности, в каковой они ныне / сочиненное Императорского Московского университета нравственных и политических наук кандидата Иларионом Васильевым, для получения степени магистра. М., 1823. С. 56.

¹⁶ См.: Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. С. 393.

¹⁷ В частности, см.: В.Л. Долгорукому. «Рассуждение» о Померанской кампании. 6 августа 1712 г. // Письма и бумаги Петра Великого — 1712 // ЦГАДА. Подлинные царские письма. Оп. 2. Т. VIII. Л. 134—137. Частично зашифрованный подлинник.

¹⁸ Шафиров П.П. Указ. соч. С. 4. По утверждению исследователей, официально П.П. Шафиров с 1709 г. имел чин «подканцлера», полученный 16 (27) июля 1709 г., идентичный чин «вице-канцлера» к 1716 г. ему не был присвоен. Позже эти чины не вошли в «Табель о рангах» (см.: Серов Д.О. Строители империи (Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I). Новосибирск, 1996. С. 47).

¹⁹ URL: <https://constitutions.ru/?p=16447>

²⁰ Введен 28 марта (17 марта по старому стилю) 1708 г. (см.: О введении нового календаря, 20 декабря 1699 г. URL: <https://constitutions.ru/?p=23115>).

²¹ Первой набранной гражданским шрифтом (или «амстердамской азбукой») в России книгой в 1708 г. стал учебник геометрии: Геометрия славенски Землемерие. Издана новотипографским тиснением. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_A1_PETRI_401/

²² Выходные данные в конце текста второго издания позволяют установить следующее: «Напечатано в Москве, 1719/лето, в июле месяце».

²³ Третье издание трактата объемом 402 с. было напечатано в Санкт-Петербурге форматом *sextodecimo* (или *quarto*), отличным от форматов первых двух изданий, тиражом 20 тыс. экз. (нормальный тираж для книги, печатавшейся в то время в Москве или в Петербурге, составлял 200—300 экз.). Петр I распорядился, чтобы в каждой провинции Российской Империи имелся хотя бы один экземпляр трактата.

²⁴ Немецкий перевод, вероятнее всего, был издан за границей где-то между 1718 и 1721 гг. по поручению Петра I.

²⁵ Английский перевод является переводом с немецкого текста, однако он не был идентифицирован и оставался практически незамеченным библиографами и учеными на протяжении двух с половиной веков после первого опубликования в качестве приложения к труду Ф.К. Вебера «Преображенная Россия» 1721 г. («Das veranderte Russland», англ. «The Present State of Russia»).

²⁶ Батлер У.Э. Трехсотлетие выхода в свет первой русской оригинальной книги по международному публичному праву // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2017. № 4. С. 42.

В современном издании «Рассуждений...» обширное предисловие У.Э. Батлера²⁷ «Вклад П.П. Шафирова в науку международного права» (с. XIII–XLVI) является, по сути, единственной источниковедческой работой, получившей в последующих публикациях ряд уточнений и исправлений²⁸. Вместе с тем, признавая заслуги У.Э. Батлера в глубоком анализе российского юридического наследия, мы не можем согласиться с его пространным намеком на «мечетчовость» квалификаций нынешнего поколения российских юристов-международников²⁹. Однако его очевидно пророссийская (а отнюдь не прошведская) трактовка фактов и событий, изложенных в труде П.П. Шафирова, позволит солидаризировать оценки и будет звучать в унисон.

Работа обладает достаточно четкой доказательственной структурой.

Во введении к «Рассуждению...» (с. 3, 4) обозначены три причины, побудившие П.П. Шафирова к написанию работы: *выявить* основания, побудившие начать войну против Швеции; *установить* вину шведского короля; *показать* жестокости («суровости, не людкости») ведения войны «не по обычаю политических народов» со стороны Швеции и вынужденный ответный характер российских жестокостей (репрессалий)³⁰.

Далее в силу исторической традиции составления панегириков³¹ идет «Дедикация»³², или

²⁷ О многолетней подвижнической работе проф. У.Э. Батлера в науке см.: Чиркин В.Е., Крылова Н.С., Хазова О.А., Дождев Д.В. Юбилей профессора Уильяма Эллиота Батлера // Труды ИГП РАН. 2019. Т. 14. № 4. С. 190–202. Биографические данные см.: URL: ru.wikipedia.org Батлер, Уильям

²⁸ См.: Батлер У.Э. Указ. соч. С. 41–55.

²⁹ В частности, У.Э. Батлер полагает, что «российский юрист-международник является продуктом внутрисоветской системы юридического образования, советской или постсоветской. Его понимание права, манера и стиль аргументации и изложения взглядов, его правосознание в значительной мере связаны с местной правовой средой и правовым наследием» (см.: Батлер У.Э. Россия и юридическая карта мира // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 5. С. 87).

³⁰ В последнем абзаце введения подчеркнута объективность проводимого исследования: «мы все сие с таким основанием и истинною докажем, что всяк безпристрастной, не может укорить и доказать, чтоб в сем объявлении, что обрешено было мимо самой истинны, или по пристрастию и по злобе к Шведскому народу, писанное».

³¹ Под *панегириком* у древних римлян и греков понималось «похвальное слово, сказанное в торжественном всенародном собрании», однако с XIX в. оно рассматривается как безудержная, сверхмерная похвала, часто не имеющая достаточных оснований (см.: Панегирик // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост.: Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М., 1974. С. 258).

³² Дедикация (лат. *dedicatio*, от *dedicare* — посвящать) означает авторское посвящение сочинения какому-либо лицу (см. подр.: Богданова О.В. Дедикация как стратегия и код культурного текста // Человек. Культура. Образование. 2019. № 1 (31). С. 34–49).

приношение будущему Государю (Петру Петровичу) о заслугах Петра I (с. 5–13), завершающаяся подписью: «Всепокорнейший и подданнейший раб П.Ш.». В исторических исследованиях можно найти копии подлинной архивной рукописи «Дедикаций» и аутентифицированные собственноручные поправки Петра I и П.П. Шафирова³³. А тот факт, что Петр I принял участие в редактировании текста, придает ему значение документа, выражающего главные идеи правления³⁴. «Дедикация» несет в себе «элементы дидактики» и написана не только для прославления, но и для наставления³⁵.

Обращает на себя внимание стремление закрепить в сознании петровской элиты важнейшие постулаты, через которые выражена «утилитарная идея государства»³⁶. Среди них, возможно, самый главный в системе целеполагания государственного управления концепт — «польза». Судить об этом можно уже по тому, что в небольшом по объему тексте эта словоформа в разных вариантах повторяется девять раз³⁷.

Служебная роль «Дедикации» состояла в том, чтобы отметить годовщину рождения младшего сына Петра I — Петра Петровича³⁸ и обеспечить «транзит» (переход, передачу) текста от автора к той персоне, ради которой он написан. А поскольку эта персона — будущий наследник престола, то текст «Дедикации» важен, прежде всего, тем, что он может служить ориентиром в понимании того, что собой представляет правление действующего монарха. Однако она несет и дополнительную смысловую нагрузку, состоящую в подготовке элиты страны к смене наследника³⁹ (что официально произошло с изданием Манифеста в феврале 1718 г. о лишении права наследования престола старшим сыном Алексеем)⁴⁰, а в дальнейшем — к изме-

³³ История создания текста «Дедикации» подробно изложена в: Захаров А.В. Рукопись «Дедикации» П.П. Шафирова и государственная пропаганда Петра I // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2014. № 22 (351). История. Вып. 61. С. 172–181.

³⁴ См.: Соловьев К.А. П.П. Шафиров о целеполагании государственного управления (концепт «польза» в тексте «Дедикации» 1716 г.) // Исторический журнал: науч. исследования. 2020. № 3. С. 131–143.

³⁵ См. подробнее: Матвеев Е.М. Церковный панегирик в русской ораторской прозе середины XVIII в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2007. Вып. 2. Ч. II. С. 35–41.

³⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времени смуты и до эпохи преобразований // Голос минувшего. 1914. № 12. С. 5–38.

³⁷ См.: Соловьев К.А. Указ. соч. С. 136.

³⁸ См.: Захаров А.В. Указ. соч. С. 174, 175.

³⁹ См.: там же. С. 175.

⁴⁰ В 1716 г. конфликт между Петром I и его старшим сыном Алексеем Петровичем вступил в открытую фазу (Петр требовал от него скорей определиться в вопросе о постриге), и наследник престола бежал из страны. Алексей планировал дожидаться на территории Священной Римской Империи смерти Петра,

нению принципа престолонаследия⁴¹. Более того, указанное объявление было рассчитано на привлечение внимания Австрии, где скрывался опальный царевич Алексей Петрович, чем объясняется скорейший перевод книги на немецкий язык.

Весьма любопытным является подход исследователей, которые полагают, что в «Рассуждениях...» (с. 7–10) были обозначены семь сфер управленческой деятельности государя⁴², в которых может быть достигнута «польза» государству. При этом П.П. Шафиров допускал возможность трактовать «государственную пользу» не только как создание условий для роста силы и могущества государства, но и как «пользу подданным» (народу), что открывало путь для трансформации «государственной пользы» в пользу «общую»⁴³.

Первая часть «Рассуждений...» («первой артикул о законных причинах сея войны») всецело посвящен древним и новым причинам начала войны (с. 14–42)⁴⁴. Во второй части сформулированы обвинения в адрес шведского короля (с. 43–61)⁴⁵.

который в этот период тяжело болел, и стать русским царем, опираясь на помощь австрийцев. После возвращения был лишен права на престолонаследие (Манифест от 3 (14) февраля 1718 г.), дал торжественную клятву об отказе от престола в пользу брата Петра Петровича, был предан суду и 24 июня (5 июля) осужден на смерть как изменник, умер в Петропавловской крепости 26 июня (7 июля) 1718 г.

⁴¹ См.: Устав о наследии престола 1722 г. URL: <https://constitutions.ru/?p=18796>

⁴² В частности: 1) блок «искусства его величества в политических делах» представлен в логике: правитель может сделать сам и учить других; 2) блок «воинских дел» «на земли» и «на воде»; 3) знание языков и тех наук, для которых и необходимо изучать иностранные языки; 4) набор «художеств и рукоделий, колико оных уже его старанием к ползе государственной введено, о которых многих и имении преж сего в России мало слыхано»; 5) «учреждение порядочного купечества» обозначено как работа на будущее: «вскоре в доброе состояние приведено будет»; 6) попечение о «гражданских разпорядках и правилах» «по образу и прикладу других политизованных государств», включая введение коллегий; 7) хозяйственное управление, и, в частности, польза от строительства каналов (см.: *Соловьев К.А.* Указ. соч. С. 138–143).

⁴³ Там же. С. 140.

⁴⁴ Она содержит две главы: «О древних и новых причинах, которых ради должно было его Царскому Величеству, яко отцу Отечества своего, против короны Шведской войну начать, и несправедно от Российской короны, не токмо во время вечного мира, но и за учиненным союзом оборонительным, отторгнутые свои наследные провинции от короны Шведской отобрать, и тако суть первые древние притчины последующие» (с. 14–33) и «Новые причины начатию войны» (с. 33–42).

⁴⁵ В частности: «Что толь долговременному продолжению сея войны, и пролитию многия крове человеческия, и разорению земель, весьма не его царское Величество, но никто иной, кроме самого его королевского Величества свейского, вина и причина есть».

Третья часть содержит доказательства беззаконий, творимых шведской стороной (с. 61–74)⁴⁶.

Заключение (с. 74–79) заслуживает особого внимания и, по мнению историков, написано собственноручно Петром I, поскольку предваряется фразой: «И тако любезный читателю, мню что уже довольно из сея книги, или разсуждения выразумел, чего для сия война начата, и толь долго продолжается, и кто оной причина, и с которой стороны, как во оной поступано»⁴⁷. Далее сформулированы два вопроса: («для чего сия война начата»; «для чего так долго продолжается: лутчеб хотя и с великою уступкою, но помириться»), на которые даны соответствующие ответы. И если на первый вопрос ответ был дан выше в «сей книге», то ответ на второй вопрос заслуживает особого внимания. Сформулирован краткий («пространный»)⁴⁸ и подробный ответ («отвествую»), где содержатся следующие констатации: «не токмо одни Шведы, но и другия и отдаленныя народы, всегда имели ревность и ненависть на народ Российской, и тщились оной содержать в прежнем не искусстве, особливо же в воинских и морских делах». Заслуживает внимания и то обстоятельство, что приводимые примеры подкреплены ссылками на работы иностранных историков⁴⁹, в работе упоминаются мыслители древности⁵⁰.

⁴⁶ В частности: «Что с стороны его царского Величества в сей войне со умеренностью, по обычаю всех политических христианских народов поступано. А ежели какая когда жестокость и показана, то более для отмщения шведской жестокости к его царского Величества генералом, войскам и подданным учинено. Против того же оная война с шведской стороны, с начала и до сего времени, не по обычаю политических народов, но со всякою суровостию, нелюдскостию и досадительствы ведена».

⁴⁷ Хотя на с. 78 в скобках, вероятно, приведен текст, написанный П.П. Шафировым о заслугах Петра I: «[чрез премудрое управление и не усыпные труды Всемиловейшаго Царя и Государя нашего, учредившаго и обучившаго в России регулярное на земли войско, какова прежде не бывало, и устроившаго Карабельной и Галерной флот, о котором кроме имении от веку в России и неслыхано]».

⁴⁸ В частности: «Продолжение сея войны не от нас, но от неприятеля, как явно является из вышеписанных посылок и предложений к Шведам не тоию когда оне в силе были, но и по крайнем силы их разрушении под Полтавою. Отвещал бы негодующий, что неприятель для того не мирится, что много у него взято, и не хочет того уступить. А когдаб отдали тоб был мир, понеже и без того прежде жили, и с нимиж войны бывали, и брав города отдавали, для чего ныне не так» (см.: *Шафиров П.П.* Указ. соч. С. 75).

⁴⁹ В частности: «Сие пишет Гисторик Август туан в книге 36 на страницах 309, и 310, да Иоанн Лонценций о власти Морской книга I глава 2 страница 16» (см.: там же. С. 76).

⁵⁰ Так, отмечая заслуги Петра I, П.П. Шафиров достаточно иронично указывает: «И како может мое слабое и неискусное перо то описать, и по достоинству прославить, что бы и славному в краснословах Цицерону, и премудрому в Филозофех Аристотелю, и великому в Политиках Корнелиу Тациту, и славнейшым Гисторикам Квинту Курцию, и Титуливиу, не без трудности учинить возможно было» (см.: там же. С. 10).

Анализируя предпосылки шведских устремлений к завоеванию России («промыслы и злохитрые коварства») и оценивая 17 лет кровопролитной войны («о которой едва слышим, где она есть, и яко бы то во Индии делалось»), предпринята попытка найти ответ на вопрос о возможных условиях справедливого мира («добраго и безопасно-го конца сея войны»). Однако отмечено, что такие условия должны были бы гарантировать безопасность России, чего и в помине нет⁵¹.

Ответ на вопрос «оставят ли они нас в покое, дабы всегда могли нас бояцца?» выглядит пророчески и актуален сегодня в отношении государств коллективного Запада: «воистинну никак: но будут искать того чтоб так нас разорить, чтоб век впредь не в состоянии были какия знатные дела чинить, и не толко чтоб им нас бояцца, но всегдаб так над нами быть, да бы никогда не смели ничего против их учинить, и тако бы мы сами себе враги и разорители были» (с. 79).

Действительно, во враждебности, с которой шведы относились к русскому народу, Петр I видел проявление тенденции, господствовавшей в общественном сознании всей Западной Европы. Мы находим подтверждение тому и у Ф.Ф. Мартенса: «Западные европейские государства чуждались московитов и относились к ним неприязненно»⁵². Как подчеркивал В.А. Томсинов, враждебность ко всему русскому — к русской государственности, русской нации, русской национальной культуре — всегда была и остается одной из главных доминант западноевропейского общественного сознания⁵³. И далее: «Вступая на территорию России, европейские правители и их подданные по какой-то странной закономерности обращались из полководцев и солдат в обыкновенных убийц и грабителей — в самых настоящих дикарей, не знающих правил поведения, принятых в цивилизованном обществе, не способных ценить произведение культуры»⁵⁴. К сожалению, справедливость

подмеченной тенденции находит свое подтверждение и в первой четверти XXI в.

Завершается заключение «Рассуждений...» достаточно самокритичной фразой: «прошу благосклонный читателю, принять сие рассуждение от малого таланта моего сочиненное приятно, и верить, что хотя оно не высоким и ученым слогом сочинено, но самую истинную с основанием представлено, и из верных актов собрано» (с. 79). Это следует понимать как прямое обращение к широкой (прежде всего европейской) аудитории.

В шести приложениях, которые «от слова до слова по старому штилю в канцелярии обретаются», в обоснование высказанных в работе правовых позиций приведены⁵⁵: 1. Буква А: Копия с Трактату перемирного, меж его Величеством Царем и Великим Князем Иоанном Васильевичем, и Королем шведским Эриком 14 м учиненного 1564 году (с. 79–87)⁵⁶. 2. Буква В: Копия с Договора о помощи шведской учиненного в Выборке в 1609 году, чрез столника и воеводу Семена Головина с товарищи с российской стороны (с. 87–91)⁵⁷. 3. Буква В: Список с Договору данного с швецкой стороны от Юрья Боя с товарищи в Выборке в 1609 году (с. 92–99). 4. Буква В: Роспись что кому швецким, воеводам и ротмистром, и головам и ратным людям, конным, и пешим, и по чему на месяц в один ряд (с. 99)⁵⁸. 5. Буква С: Список Великого

⁵⁵ См. подр.: Демкова Н.С. Грамоты Ивана Грозного шведским королям Эрику XIV и Иоганну III (По рукописям Шведского государственного архива) // Труды Отдела древнерусской литературы. М., 1997. Т. L. С. 488–500.

⁵⁶ См.: Русско-шведский договор о перемирии в Лифляндии 1564 г. (Перемирный договор между Россией и Швецией 1564 г. Дерптский перемирный русско-шведский договор 1564 г.), заключенный на семь лет, считая с 21 ноября 1564 г. По условиям договора шведской стороне переданы города Колывань, Пернов (Пярну), Пайда, Каркус с их уездами. За Россией остался Ругодив (Нарва), куда разрешалось приезжать шведским купцам для торговли (беспошлинно).

⁵⁷ Выборгский договор между Россией и Швецией о союзе и военной помощи 1609 г. с секретным протоколом («Запись об отдаче Швеции в вечное владение российского города Корелы с уездом») решал вопросы оказания военной помощи в связи со вторжением в Россию польских войск. Швеция обязалась предоставить в помощь России наемное иностранное войско (шведы, немцы, голландцы, ливонцы, эсты, латыши) в составе 2000 конницы и 3000 пехоты в полном военном снаряжении, экипированное и снабженное боеприпасами и оружием, которое должно сразу же по подписании договора идти на Москву, разбивая и изгоняя из России вторгшиеся польские войска.

⁵⁸ Жалованье войскам шведов выплачивалось согласно особому соглашению к Выборгскому договору 1609 г., достигнутому в Новгороде между новгородским наместником и Монсом Мортенссоном — представителем графа Эрнста фон Мансфельда, известного европейского военного авантюриста-профессионала. Россия оплачивала услуги шведского войска по следующей росписи: коннице — по 50 тыс. руб. в месяц; пехоте — по 36 тыс. руб. в месяц; главнокомандующему — 5 тыс. руб.; начальнику кавалерии — 4 тыс. руб.; начальнику пехоты — 4 тыс. руб.; офицерам на всех вместе — 5 тыс. руб.

⁵¹ Обращаясь к разуму читателя («помысли»), формулируется четкая аргументация: «егда отдачею на сем крае моря допустим, так злобного соседа паки внутрь себя, то какова добра впредь ожидать имеем? и не посместцаль весь свет, что претерпя уже 17 лет, и получа такая в свете славы, паче же безопасства, паки подвержем себя всегдашнему бедству и вечному стыду, без всякой нужды?»; «но хотяб славу, честь, и прибыток уничтожа учинить мир <...> и допустить паки так близко сего соседа, как пред тем было, то какой покой обрящем? Воистинну не покои но бедство, ибо уже довольно видеть из вышеписанных мочно, что когда в России и на уме ничего не бывало, какие промыслы и злохитрые коварства оные против Государства нашего имели, но ежели ныне исполня то все чего оные опасались, и так глубоко им досада, паки себя обнажим».

⁵² Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. С. 88.

⁵³ См.: Томсинов В.А. Предисловие // Шафиров П.П. Указ. соч. С. IX).

⁵⁴ Там же.

Государя с Грамоты посланной ко французскому Королю в прошлом 7123 году, в мае месяце (с. 100–120). 6. Список с универсалу короля шведского, выданного в Нарве 1700 году, декабря 3 числа (с. 120–122).

Безусловно, П.П. Шафиров в связи с занимаемым им служебным положением был осведомлен и об иных документах и правовых актах, действовавших к моменту написания «Рассуждений...», однако в них не упоминающихся⁵⁹. Будет опрометчивым также полагать, что он исчерпывающим образом проанализировал весь объем российско-шведских договоров, действовавших к началу Северной войны⁶⁰. Да это и не являлось его исследовательской задачей.

С определенной долей иронии Ф.Ф. Мартенс констатировал, что «с XIII по XVIII столетия война являлась нормальным порядком взаимных отношений между Россией и Швецией»⁶¹, а Швеция вплоть до начала XIX в. продолжала оставаться «историческим» врагом России⁶².

ежемесячно. Конечно, в этих договорных положениях с высоты исторического анализа возможно усмотреть как некие прообразы институтов коллективной самообороны и военного сотрудничества, так и наемничества.

⁵⁹ В частности: Поражение русской армии под Нарвой 1700 г. URL: <https://constitutions.ru/?p=28510>; Закон Петра I о предосторожности на случай вторжения неприятельского 1707 г. URL: <https://constitutions.ru/?p=28506>; Учреждение к бою 1708 г. URL: <https://constitutions.ru/?p=28498>; Приказ Петра I перед Полтавской битвой. URL: <https://constitutions.ru/?p=28502>; Реляция о Полтавском сражении 1709 г. URL: <https://constitutions.ru/?p=28500> и «Обстоятельная реляция» о Полтавской битве от 28 июня 1709 г. URL: <https://constitutions.ru/?p=16381>; и др.

⁶⁰ Подробнее о русско-шведских войнах и мирах см.: *Полехин В.В.* Отношения между Шведским государством (Свитиод, Сварике, Свейская земля, Свицкое королевство, Шведская корона, Швеция) и Русским государством (Новгородской республикой, Московским великим княжеством, Московским царством, Российской империей) в XIII–XIX вв. (1142–1874 гг.) // *Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. IX–XX вв. Вып. II. Войны и мирные договоры. Кн. 1: Европа и Америка.* М., 1995.

⁶¹ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. С. 94.

⁶² Так, с целью реванша за Северную войну в 1741 г. Россия подверглась неспровоцированному нападению со стороны Швеции. После того как русские войска заняли всю Финляндию, 16/27 июня 1743 г. был подписан Абоский уверительный акт и мирный договор между Россией и Швецией. Вновь с целью пересмотра и отмены заключенных ранее мирных договоров Швецией была развязана очередная война с Россией (1788–1790), завершившаяся заключением русско-шведского мирного договора в Вереле 3/14 августа 1790 г. Причиной последней русско-шведской войны 1808–1809 гг. стали как русско-французский союз против Англии, так и организация Англией антирусского союза со Швецией, а целью – господство над всей территорией Финляндии. После заключения ряда перемирий 5/17 сентября 1809 г. в Фридрихсгаме был подписан русско-шведский мирный договор (Мирный трактат), по которому Швеция уступила России всю Финляндию (до р. Кеми) и часть Вестерботтена до р. Торнео и всю финляндскую Лапландию. В развитие условий Фридрихсгамского

Следует признать, что отдельные прообразы современных отраслей и институтов международного права впервые получили отражение в рассматриваемом сочинении через призму «права народов» или норм обычного права. Книга содержит такие важнейшие для современного международного права положения, как источники права (тексты ряда договоров приведены в приложениях)⁶³, преемственность власти⁶⁴, территориальное владение⁶⁵, посольское право⁶⁶, право международных договоров⁶⁷, мирное урегулирование споров⁶⁸ и, наконец, доктрина

договора и в дополнение к нему были заключены следующие русско-шведские соглашения: Договор о русско-шведской границе 1810 г.; Дополнительный акт к Фридрихсгамскому мирному договору 1817 г.; Вторая Торнеоская пограничная конвенция 1821 г. В них были урегулированы пограничные и территориальные вопросы.

⁶³ Так, П.П. Шафиров постоянно обращается к «традициям и максимам права народов», к соглашениям (в частности, к Трактату о 40-летнем перемирии 1556 г., Трактатам с Королями, Эриком, Иоанном и Каролом 9), в том числе заключенным русскими князьями (например, в 1553 г. в Новгороде), в качестве источников международно-правовых обязательств, которые должны соблюдаться.

⁶⁴ Так, русские правители последовательно настаивали на своем праве наследовать права и обязательства, возникшие в силу международных договоров, заключенных их предшественниками, в том числе правителями Новгорода.

⁶⁵ Так, справедливость российских территориальных притязаний в отношениях со Швецией П.П. Шафиров объяснял исторически сложившимися отношениями, успешным завоеванием, владением и международными договорами, т.е. историческими титулами (см.: *Толстых В.Л.* Курс международного права: учеб. М., 2022. С. 124, 125).

⁶⁶ В частности, нежелание Швеции отнестись к Великому посольству Петра Великого с необходимыми почестями и уважением постоянно упоминается П.П. Шафировым как одна из главных обид (оскорблений), приведших к войне (с. 33–41), за которые «сатисфакции требовал» (с. 43).

⁶⁷ Ссылка П.П. Шафирова на Столбовский мирный договор как заключенный в 1616 г. («Трактат... заключен 1616 г., Февраля в 27 день» (с. 30)) является ошибочной, поскольку в действительности он был подписан 27 февраля 1617 г. При этом достаточно показательным для современников является факт установления действительности русско-шведских договоров. Так, русское министерство иностранных дел только в 1874 г. обратило внимание на затянувшееся фактическое сохранение ст. XV униженного для России Столбовского мирного договора 1617 г., который фактически был прекращен спустя 257 лет после своего заключения посредством заключения русско-шведской декларации о его прекращении от 1 октября 1874 г., когда окончательно был решен вопрос о взаимной переуступке городских земель. В соответствии со ст. XV Столбовского мирного договора 1617 г. территории торговых дворов, существовавшие с XVI в., принадлежали не купеческим компаниям, а государствам, образуя соответственно часть шведской территории в Москве и русской территории в Стокгольме, подобно посольским экстерриториальным участкам.

⁶⁸ П.П. Шафиров приводит многочисленные примеры попыток «учинить междо обоими Коронами постоянной мир» (с. 17 и др.), ссылаясь на Трактат вечного миру 1594 г., подтвержденный ратификациями (Подтверженными грамотами). Он рассматривает просьбу России о добрых

«законной войны». Вместе с тем в современных научных исследованиях отмечены далеко не все прообразы международного права, встречающиеся в «Рассуждениях...»⁶⁹.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в названии работы прямо указан объект исследования — «законные причины» к «начатию войны». Поэтому следует согласиться с У.Э. Батлером в том, что обоснование концепции «законной войны»⁷⁰ составляет главный смысл работы П.П. Шафирова («правость оной войны» (с. 42)), утверждавшего, что исключительно действия, предпринятые Швецией, вынудили Россию начать войну против шведской короны как закоренелого, постоянного и непримиримого врага короны российской.

В международно-правовом аспекте правило *jus ad bellum* (право на ведение войны) определяет легитимность применения силы и рассматривается доктриной как основание к вооруженному столкновению⁷¹, находящее подтверждение в Уставе ООН как институт права международной безопасности. При этом, акт агрессии, совершенный против отдельно взятого государства, создает право на индивидуальную самооборону и образует *casus*

услугах («добрых средствах») «для медиации» Англии и Франции в 1614 г. (с. 28–30) и критикует заключенный под принуждением договор (Трактат 1616 г., февраля в 27 день), полагая его недействительным.

⁶⁹ Так, К.А. Бекашев и Г.С. Стародубцев отмечают, что к основным вопросам «права войны», к которым обращался П.П. Шафиров, относятся: положение дипломатических агентов при начале войны; положение подданных сторон на территории противника; сражающиеся и мирное население; положение пленных (см.: Бекашев К.А., Стародубцев Г.С. История науки международного права // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2015. № 6. С. 15, 16).

⁷⁰ Как отмечали исследователи, собственно термин «справедливой», или «законной», войны стал использоваться после VI в. сначала в военных трактатах, а византийский термин “*dikaïos polemos*”, скорее всего, был калькой римского “*bellum justum*”. Он был введен в оборот Аристотелем (в трактатах «Политика», «Никомахова этика»), по-латыни впервые употреблен Цицероном в диалоге «О государстве». Цицерон объяснял, что справедливая война имеет две причины — возмездие за перенесенную несправедливость и защита государства от агрессоров. Позже Августин Блаженный в работе «О граде Божием» добавлял, что война не является «нормальным», естественным состоянием общества, а конечная цель справедливой войны должна состоять в подписании мира. «Справедливую войну» может начинать только легитимная власть в случае нарушения мирного правового порядка. Однако после XII в. богословами и юристами стали признаваться еще две возможных причины: возврат отнятых владений и священная война (или т.н. римская война — *bellum romanum*).

⁷¹ Право на ведение войны берет свое начало в доктрине справедливой войны (*bellum justum*) (см.: Кольб Р. О происхождении терминологической пары *jus ad bellum* / *jus in bello* // Междунар. журнал Красного Креста. Спец. вып. 320, октябрь 1997 г. С. 80–88).

*belli*⁷². Безусловно, война должна быть подчинена определенным правилам (*jus in bello*), вытекающим «из законов гуманности и общественного сознания» («оговорка Мартенса»).

Термин «право войны»⁷³ использовался в трудах многих российских и зарубежных ученых, исследовавших пределы применения вооруженного насилия, а в современных исследованиях само зарождение «права войны» в России справедливо отнесено к петровским временам⁷⁴, а отнюдь не ко второй половине XVIII в.⁷⁵ Однако современное восприятие запретов и ограничений применения вооруженного насилия в международном праве образует особую отрасль, именуемую как «международное гуманитарное право»⁷⁶. Несмотря на сложность современной системы международного права вообще и международного гуманитарного права в частности, существует возможность дифференциации международно-правовых институтов⁷⁷, соотнося с ними новаторские идеи «Рассуждений...».

Так, к прообразам институтов «Права Гааги» (праву применения вооруженного насилия) могут быть отнесены следующие примеры из «Рассуждений...». *Объявление войны* и вручение противнику официального документа (Декларации) о начале военных действий рассматривается в «Рассуждениях...» как обычная практика, устоявшаяся

⁷² Поводы к началу каждого этапа русско-шведских войн приведены в указанном выше исследовании В.В. Похлебкина.

⁷³ У.Э. Батлер подверг анализу проблему, обозначенную в его исследованиях как «Право войны» (п. а–f), изложенную как во вводной статье книги («Право народов» в произведении П.П. Шафирова... (см.: Батлер У.Э. Вступительная статья // Шафиров П.П. Указ. соч. С. XXII–XXIII)), так и в журнальной статье («Обращение к праву народов» (см.: Батлер У.Э. Трехсотлетие выхода в свет первой русской оригинальной книги по международному публичному праву. С. 47–49)).

⁷⁴ См.: Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 13.

⁷⁵ См.: Бутрим И.И., Чучаев А.И. Использование запрещенных средств и методов ведения войны как преступление против мира и безопасности человечества // Государство и право. 2023. № 12. С. 156–170.

⁷⁶ Для ее обозначения наиболее часто применяются термины «право войны», «право вооруженных конфликтов», «законы и обычаи войны», «правила ведения вооруженной борьбы», «международное гуманитарное право». О научной дискуссии см. подр.: Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). М., 2021. С. 712–746; Право военных конфликтов: основные концепты и парадигмальный генезис во имя победы / под ред. Р.Х. Цаликова. М., 2024. С. 187–190.

⁷⁷ См. подр.: Батырь В.А. Интегративные признаки системы международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение / Оборонно-промышленный комплекс: управление, экономика и финансы, право. 2022. № 12. С. 13–23.

в российском государстве (с. 42, 62)⁷⁸, с мотивировкой — «никакой сатисфакции от Короля Свейского получить не мог, оной не объявляя»; эти положения вполне корреспондируют современным нормам⁷⁹, равно как и «мирные пропозиции», «армистициум, или перемирие» (с. 45, 64), т.е. вопросы прекращения/приостановления военных действий⁸⁰, также отраженные в работе. Определение *военной организации государства* («регулярное на земли войско», «Карабельной и Галерной флот»), их признаков и состава⁸¹ в целом соответствуют современным договорным положениям⁸². Примеры *невраждебных контактов с противником* (о Графе Пипере (с. 51)) соответствуют современным положениям о парламентарях⁸³. Международно-правовой институт *охраны/защиты прав лиц, принимающих непосредственное участие в боевых действиях* (воюющих/комбатантов⁸⁴, путем предоставления защитного статуса военнопленным⁸⁵) и признания за ними права на применение вооруженного насилия проходил этап своего становления, при этом руководствовались нормами обычного права, а случаи нарушений встречали резкое осуждение. О *вероломных действиях* шведской стороны (с. 64–66)⁸⁶ возможно судить как о на-

рушениях методов ведения вооруженной борьбы⁸⁷. В петровские времена *репрессалии* рассматривались как неизбежное зло, и этот термин уже был известен⁸⁸; так, столкнувшись с постоянным нарушением шведами договоров о капитуляции⁸⁹, царь «принужден был репрессалии употребить»⁹⁰. Институт *военной оккупации* в то время еще не был развит⁹¹, поскольку в мирных договорах того времени преимущественно фиксировался переход территорий в постоянное владение. Современный институт *международно-правовой охраны гражданских объектов* в период вооруженных конфликтов⁹² формировался в то далекое время; П.П. Шафиров свидетельствует о том, что было «поймано на украине несколько зажигателей, которые многие города и села пожгли» (с. 70, 71); о *разграблении храмов* свидетельствует пример того, как «нашли в конюшнях и скотских хлевах множество великих Святых Икон, Христа Спасителя, и Пресвятыя Богородицы, також Апостольские, и других Святых, которые из церквей выняты» (с. 71). В работе находят прообразы института *реквизиций и военных*

себе квартиру, или пошады, но Шведы по имеющему указу, ни какой пошады им не дали, но обшедши тот дом их зажгли, и тако не милосердо сожгли. А которых в тож время в полон брали, и из тех многих потом рубили, и кололи, а у других у рук и у ног палцы поотрубали, чего и у варвар никогда не чинится» (с. 69, 70).

⁸⁷ В частности, Швеция публиковала *воззвания к населению* (манифесты и универсалы), полные клеветнических заявлений, направленные не только на поношение, оскорбление и осуждение царя и российского народа, но призывающие подданных к восстанию, что вынудило Петра I выпустить манифесты с опровержениями. Как элемент пропаганды среди войск и населения противника сегодня такие обращения вполне допустимы. Современный запрет вероломства содержится в ст. 37 ДП I, а военные хитрости являются допустимыми (ст. 23, 24 Положения 1907 г.).

⁸⁸ В современном международном гуманитарном праве *репрессалии* запрещены (ст. 20 ДП I).

⁸⁹ В частности, гарнизоны Выборга и Риги были захвачены, и с ними обращались как с пленниками в ответ на захват шведами русских генералов и высших офицеров, удержание русских купцов в Швеции, а также захват фрегата, следовавшего под белым флагом.

⁹⁰ В период VI–XII вв. невоенные принудительные меры получили название *репрессалии* (старолат. *repressaliae*, от лат. *reprehendere* — сдерживать, останавливать), которые носили частноправовой характер. В конце XVII в. репрессалии приобрели государственный характер, а право на их применение «принадлежит только государству и в отношении государства, а не частных лиц» (см.: *Рихтер В.Ф.* Повторительный курс по международному праву: краткий курс по международному праву / сост. применит. к программе Юрид. комис. по Мартенсу, Стоянову и др.; сост. В. Рихтер. Киев, 1891. С. 181).

⁹¹ См.: ст. 42–56 Положения 1907 г.; ст. 47–78 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12.08.1949 г. (далее — ЖК IV), о помощи гражданскому населению оккупированных территорий (ст. 69 ДП I).

⁹² См.: Общая охрана гражданских объектов предусмотрена ст. 52 ДП I.

⁷⁸ Следует подчеркнуть, что не менее важным является и обоснование объявления справедливой войны своим верным подданным «духовного воинского и гражданского чина» (с. 61, 62), объявляя им «о важных и справедливых причинах, для чего ту войну ко обороне Государства своего и верных подданных, и ко отмщению нанесенной высокой Персоне своей обиды и Афронту, начать принужден».

⁷⁹ См.: ст. 1 Конвенции об открытии военных действий. Гаага, 18 октября 1907 г.

⁸⁰ О перемирии общем или местном см.: ст. 36–41 Положения о законах и обычаях сухопутной войны — Приложение к Гаагской конвенции 1907 г. (далее — Положение 1907 г.), о капитуляции — ст. 35 Положения 1907 г.

⁸¹ С самого начала существования регулярной армии в России она рассматривалась и воспитывалась как христоблюбивое, дисциплинированное войско, которое действует на основе требований военного права, ведет справедливые войны, проявляет милосердие и великодушие к побежденным, не допускает коварства, вероломства, зверств и насилия к военнопленным и раненым воинам противника, т.е. соблюдает все законы и обычаи войны, освященные авторитетом веков (см.: *Савенков А.Н., Кудашкин А.В.* Указ. соч. С. 13).

⁸² См.: ст. 1 Положения 1907 г. и ст. 4 Женевской конвенции об обращении с военнопленными от 12.08.1949 г. (далее — ЖК III).

⁸³ См.: ст. 32–34 Положения 1907 г.

⁸⁴ См.: ст. 44 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12.08.1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 08.06.1977 г. (далее — ДП I).

⁸⁵ См.: ст. 45 ДП I.

⁸⁶ Современный ему приказ «пленных не брать» П.П. Шафиров иллюстрирует примером лишенных всякого гуманизма действий шведских войск в отношении группы российских солдат, которые «засели в одной деревянном доме, просили

* * *

профеев как движимой собственности государства, могущей служить для военных целей⁹³. Упомянутый в работе «Акт нейтралства (обязательства что вне войны суть)» (с. 57) соответствует современным представлениям о правах и обязанностях *нейтральных государств*⁹⁴.

В свою очередь, к современным международно-правовым институтам «Права Женевы» (защиты покровительствуемых лиц/жертв вооруженных конфликтов) могут быть отнесены следующие положения: 1) *защиты раненых, больных*⁹⁵, а также лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море⁹⁶, чему существуют многочисленные примеры гуманного отношения к поверженным шведским воинам; 2) *военного плена*⁹⁷, в частности, нашли отражение вопросы содержания военнопленных (с. 68, 72), освобождения под письменное обязательство или под честное слово (с. 52, 67), неправомерных наказаний (с. 70, 71), процедур обмена (с. 50), а также предпринимаемые Россией усилия к тому, чтобы «картель о размене и окупе пленных, или на всю войну, или на время учинить, как междо всеми христианскими воюющими областми обыкновенно» (с. 66, 67), и др.; 3) *защиты гражданского населения*⁹⁸, т.е. лиц, оказавшихся во власти стороны в вооруженном конфликте, в т.ч. гуманного отношения к *дипломатическим агентам*⁹⁹; 4) *интернирования*, или принудительного поселения лиц, принадлежащих стороне противника, в случае начала войны, когда это необходимо для безопасности государства¹⁰⁰.

⁹³ См.: ст. 53 Положения 1907 г.

⁹⁴ См.: ст. 31 ДП I.

⁹⁵ См.: Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12.08.1949 г. (далее — ЖК I).

⁹⁶ См.: Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12.08.1949 г. (далее — ЖК II).

⁹⁷ См.: ст. 4–20 Положения 1907 г., ЖК III.

⁹⁸ См.: Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12.08.1949 г. (далее — ЖК IV), запрет неизбирательных нападений установлен ст. 51 ДП I.

⁹⁹ Так, шведскому резиденту в Москве был дан месяц на сборы, по истечении этого времени он и его семья должны были выехать из страны (с. 42, 62). В свою очередь, приведен и обратный пример: шведская сторона арестовала российского дипломата, и он умер в тюрьме.

¹⁰⁰ См.: ст. 42, 79–135 ЖК IV. В работе указано (с. 62), что «повелел Его Величество всем Шведским подданным, комиссарам и факторам коммерции, и прочим всякого чина людям, обретающимся во всех местех своего Государства объявить, дабы они немедленно из Государства Его Величества выезжали со всеми своими имениями, которому касаться никому из своих не повелел». Вопреки обычаям гуманности, российские подданные, проживавшие в Стокгольме и других шведских городах, были арестованы, их вещи конфисковали, самих их заставили выполнять тяжелую работу, от чего многие из них

В завершение следует подчеркнуть, что «Рассуждение...» является первым в России оригинальным сочинением, главной начальной вехой в истории науки международного права в России. Само построение работы носит *доказательственный характер* и чем-то может напоминать современникам обращение в суд, когда в тексте излагаются факты, подтверждаемые прилагаемыми документами, а в заключительной части содержится требование «прошу признать».

Следует полагать, что на литературном поприще указанное произведение может рассматриваться как апологетика государственных интересов России, включающая и заступничество, и оправдание, а также собственно письменную речь в защиту государства. На наш взгляд, П.П. Шафиров мог бы с гордостью носить высокое звание апологета внешней политики Государства Российского.

Заметим, что текст «Рассуждения...» стал основой для многочисленных исторических и филологических исследований, а собственно личность П.П. Шафирова стала знаковой для истории России и отражена во многих литературных произведениях.

Представленная на суд широкой публики статья — отнюдь не рецензия на «Рассуждения...», но обращение к размышлениям начала XVIII в. о роли государства в отстаивании своего суверенитета и обеспечении безопасности с конкретной исследовательской целью — понять истоки традиций гуманизма российской международно-правовой науки и практики межгосударственного общения, и путем экстраполяции на доктрину и события современности глубже уяснить суть происходящих изменений в XXI в., не допустить повторения ошибок. Идеальная модель современного многополярного миропорядка будущего должна отвечать реалиям, основанным на взаимных ограничениях свободы действий государств, базироваться на взаимном учете их жизненно важных интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батлер У.Э. Россия и юридическая карта мира // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 5. С. 87.
2. Батлер У.Э. Трехсотлетие выхода в свет первой русской оригинальной книги по международному публичному

скончались (например, Князь Хилков (с. 63)). «Когда лета 1708 и 1709, Король Шведской вошел в надежде на измену Мазепину в Его Царского Величества земли, то во многих местах от войск его, бедные поселяне мужеска и женска полу, купно и с младенцы, хотя и никакова супротивления нечинили, порублены не милосердо» (с. 71).

- праву // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2017. № 4. С. 41–55.
3. Батырь В.А. Интегративные признаки системы международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение / Оборонно-промышленный комплекс: управление, экономика и финансы, право. 2022. № 12. С. 13–23.
 4. Бекашев К.А., Стародубцев Г.С. История науки международного права // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2015. № 6. С. 15, 16.
 5. Богданова О.В. Дедикация как стратегия и код культурного текста // Человек. Культура. Образование. 2019. № 1 (31). С. 34–49.
 6. Бутрим И.И., Чучаев А.И. Использование запрещенных средств и методов ведения войны как преступление против мира и безопасности человечества // Государство и право. 2023. № 12. С. 156–170.
 7. Васильев И.В. Разсуждение о законах Государства Российского, С показанием причин периодической оных законов перемены и постепенной образованности, в каковой они ныне / сочиненное Императорского Московского университета нравственных и политических наук кандидатом Иларионом Васильевым, для получения степени магистра. М., 1823. С. 56.
 8. Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). М., 2021. С. 712–746.
 9. История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т.С. Майкова; под общ. ред. А.А. Преображенского: в 2 вып. М., 2004.
 10. Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917) / науч. ред., авт. биограф. очерка и сост. библиографии У.Э. Батлер; отв. ред. и авт. предисл. В.А. Томсинов. М., 2005. С. 88, 89.
 11. Грабарь В.Э. Первая русская книга по международному праву // Вестник Московского ун-та. 1950. № 7. С. 101–110.
 12. Демкова Н.С. Грамоты Ивана Грозного шведским королям Эрику XIV и Иоганну III (По рукописям Шведского государственного архива) // Труды Отдела древнерусской литературы. М., 1997. Т. L. С. 488–500.
 13. Заботкин А.С. Первая русская книга о международном гуманитарном праве // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2007. № 3. С. 86–90.
 14. Захаров А.В. Рукопись «Дедикации» П.П. Шафирова и государственная пропаганда Петра I // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2014. № 22 (351). История. Вып. 61. С. 172–181.
 15. Кольб Р. О происхождении терминологической пары *jus ad bellum* / *jus in bello* // Междунар. журнал Красного Креста. Спец. вып. 320, октябрь 1997 г. С. 80–88.
 16. Лаппо-Данилевский А.С. Идея государства и главные моменты ее развития в России со времени смуты и до эпохи преобразований // Голос минувшего. 1914. № 12. С. 5–38.
 17. Ленгин Э. Авторство «Правды воли монаршей»: Феофан Прокопович, Афанасий Кондоиди, Петр I // XVIII век: сб. ст. и материалов. Сб. 21: Памяти Павла Наумовича Беркова (1896–1969) / отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб., 1999. Сб. 21. С. 33–39.
 18. Львова И.П. Из истории просвещения в России в эпоху Петра Великого (Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов) // Вестник СПбУ. Сер. 2: История. 2008. Вып. 2. С. 36–43.
 19. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. Т. 1 / под ред. и с биограф. очерком В.А. Томсинова. М., 2008. С. 88, 94, 95.
 20. Матвеев Е.М. Церковный панегирик в русской ораторской прозе середины XVIII в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2007. Вып. 2. Ч. II. С. 35–41.
 21. Моисеева Г.Н. «История России» Федора Поликарпова как памятник литературы // XVIII век: сб. ст. и материалов. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века / под ред. Г.П. Макогоненко, Г.Н. Моисеевой; предисл. от ред.-ции. Л., 1974. С. 81–92.
 22. Пекарский П.П. Барон Гюйссен, учено-литературный агент русского правительства в начале XVIII столетия // Отечественные записки. 1860. Т. 129. С. 49–72.
 23. Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. С. 393.
 24. Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого: Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. СПб., 1897. С. 6.
 25. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11. Вып. 2 (июль–декабрь 1711 года). М., 1964. С. 134.
 26. Подробная летопись от начала России до Полтавской Баталии: в 4 ч. / под ред. И.Н. Болтина и Н.А. Львова. СПб., 1798–1799.
 27. Похлебкин В.В. Отношения между Шведским государством (Свитиод, Свеварике, Свейская земля, Свицкое королевство, Шведская корона, Швеция) и Русским государством (Новгородской республикой, Московским великим княжеством, Московским царством, Российской империей) в XIII–XIX вв. (1142–1874 гг.) // Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. IX–XX вв. Вып. II. Войны и мирные договоры. Кн. 1: Европа и Америка. М., 1995.
 28. Право военных конфликтов: основные концепты и парадигмальный генезис во имя победы / под ред. Р.Х. Цаликова. М., 2024. С. 187–190.
 29. Рихтер В.Ф. Повторительный курс по международному праву: краткий курс по международному праву / сост. применит. к программе Юрид. комис. по Мартенсу, Стоянову и др.; сост. В. Рихтер. Киев, 1891. С. 181.
 30. Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 13.
 31. Серов Д.О. Строители империи (Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I). Новосибирск, 1996. С. 47.
 32. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост.: Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М., 1974. С. 258.
 33. Соловьев К.А. П.П. Шафиров о целеполагании государственного управления (концепт «польза» в тексте

- «Дедикации» 1716 г.) // Исторический журнал: науч. исследования. 2020. № 3. С. 131–143.
34. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. VIII. Т. 16. С. 321, 523.
 35. Толстых В.Л. Курс международного права: учеб. М., 2022. С. 124, 125.
 36. Феофан (Прокопович Елезар, архиеп. Новгородский и Нарвский; 1681–1736). Правда воли монаршей. М., 1726.
 37. Чиркин В.Е., Крылова Н.С., Хазова О.А., Дождев Д.В. Юбилей профессора Уильяма Эллиота Батлера // Труды ИГП РАН. 2019. Т. 14. № 4. С. 190–202.
 38. Шафиров П.П. Рассуждение, какие законные причины Петр I, царь и повелитель всероссийский, к начатию войны против Карла XII, короля шведского, в 1700 году имел / вступ. ст. У.Э. Батлера; под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2008. С. IX, XIII–XLVI, 3–122.
 11. Grabar V.E. The first Russian book on International Law // Herald of the Moscow University. 1950. No. 7. Pp. 101–110 (in Russ.).
 12. Demkova N.S. Letters of Ivan the Terrible to the Swedish Kings Eric XIV and John III (According to the manuscripts of the Swedish State Archive) // Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature. M., 1997. Vol. L. Pp. 488–500 (in Russ.).
 13. Zabolkin A.S. The first Russian book on International Humanitarian Law // Herald of the RUDN University. Ser.: Legal sciences. 2007. No. 3. Pp. 86–90 (in Russ.).
 14. Zakharov A.V. The manuscript of P.P. Shafirov's "Dedications" and Peter the Great's state propaganda // Herald of the Chelyabinsk State University. 2014. No. 22 (351). History. Vol. 61. Pp. 172–181 (in Russ.).
 15. Kolb R. On the origin of the terminological pair *jus ad bellum* / *jus in bello* // International the Red Cross Journal. Special issue 320, October 1997. Pp. 80–88 (in Russ.).
 16. Lappo-Danilevsky A.S. The idea of the state and the most important moments of its development in Russia from the time of the troubles to the era of transformations // Voice of the past. 1914. No. 12. Pp. 5–38 (in Russ.).
 17. Lentin E. The authorship of "The Truth of the Monarch's Will": Feofan Prokopovich, Afanasy Kondoidi, Peter I // XVIII century: collection of art and materials. Collection 21: In memory of Pavel Naumovich Berkov (1896–1969) / ed. by N.D. Kochetkov. SPb., 1999. Collection 21. Pp. 33–39 (in Russ.).
 18. Lyova I.P. From the history of Enlightenment in Russia in the era of Peter the Great (Fyodor Polikarpovich Polikarpov-Orlov) // Herald of SPbU. Ser. 2: History. 2008. Iss. 2. Pp. 36–43 (in Russ.).
 19. Martens F.F. Modern International Law of civilized peoples: in 2 vols. Vol. 1 / ed. and with a biographer an essay by V.A. Tomsinov. M., 2008. Pp. 88, 94, 95 (in Russ.).
 20. Matveev E.M. Church panegyric in Russian oratorical prose of the middle of the XVIII century // Herald of St. Petersburg University. Ser. 9. 2007. Iss. 2. Part II. Pp. 35–41 (in Russ.).
 21. Moiseeva G.N. "The History of Russia" by Fyodor Polikarpov as a literary monument // XVIII century: collection of articles and materials. Collection 9: Problems of literary development in Russia in the first third of the XVIII century / ed. by G.P. Makogonenko, G.N. Moiseeva; preface ed. L., 1974. Pp. 81–92 (in Russ.).
 22. Pekarsky P.P. Baron Huyssen, a scientific and literary agent of the Russian government at the beginning of the XVIII century // Domestic notes. 1860. Vol. 129. Pp. 49–72 (in Russ.).
 23. Pekarsky P.P. Science and literature in Russia under Peter the Great. Vol. I. Introduction to the history of Enlightenment in Russia of the XVIII century. St. Petersburg, 1862. P. 393 (in Russ.).
 24. Pavlov-Silvansky N.P. Reform projects in the notes of Peter the Great's contemporaries: The experience of studying Russian projects and their unpublished texts. St. Petersburg, 1897. P. 6 (in Russ.).
 25. Letters and papers of Emperor Peter the Great. Vol. 11. Issue 2 (July–December 1711). M., 1964. P. 134 (in Russ.).

REFERENCES

1. Butler W.E. Russia and the legal map of the world // Herald of Kutafin University (MSAL). 2015. No. 5. P. 87 (in Russ.).
2. Butler W.E. The tercentenary of the publication of the first Russian original book on Public International Law // Herald of Kutafin University. 2017. No. 4. Pp. 41–55 (in Russ.).
3. Batyr V.A. Integrative features of the system of International Humanitarian Law // Law in the Armed Forces – Military Legal Review / Military-industrial complex: Management, Economics and Finance Law. 2022. No. 12. Pp. 13–23 (in Russ.).
4. Bekyashev K.A., Starodubtsev G.S. History of the science of International Law // Herald of Kutafin University. 2015. No. 6. Pp. 15, 16 (in Russ.).
5. Bogdanova O.V. Dedication as a strategy and code of a cultural text // Human. Culture. Education. 2019. No. 1 (31). Pp. 34–49 (in Russ.).
6. Butrim I.I., Chuchaev A.I. The use of prohibited means and methods of warfare as a crime against the peace and security of mankind // State and Law. 2023. No. 12. Pp. 156–170 (in Russ.).
7. Vasiliev I.V. A discussion on the laws of the Russian State, published from its foundation to the present time: With an indication of the reasons for the periodic change of these laws and the gradual education in which they are now / composed by the Imperial Moscow University of Moral and Political Sciences Candidate Hilarion Vasiliev, for obtaining a master's degree. M., 1823. P. 56 (in Russ.).
8. Military Law: in 3 vols. / under the general ed. of A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin. Vol. II: The current state of Military Law (institutes of Military Law). M., 2021. Pp. 712–746 (in Russ.).
9. The history of the Northern War (A daily note by Peter the Great) / comp. T.S. Maikova; under the general ed. of A.A. Preobrazhensky: in 2 iss. M., 2004 (in Russ.).
10. Grabar V.E. Materials on the history of literature of International Law in Russia (1647–1917) / scientific ed., author the biographer. essays and comp. bibliographies by W.E. Butler; ed. and author's preface by V.A. Tomsinov. M., 2005. Pp. 88, 89 (in Russ.).

26. Detailed chronicle from the beginning of Russia to the Battle of Poltava: in 4 parts / ed. by I.N. Boltin and N.A. Lvov. St. Petersburg, 1798–1799 (in Russ.).
27. *Pokhlebin V.V.* Relations between the Swedish state (Sve-tiode, Svearike, Sveiskaya zemlya, Svitskoe Kingdom, Swedish Crown, Sweden) and the Russian state (Novgorod Republic, Moscow Grand Duchy, Moscow Tsardom, Russian Empire) in the XIII–XIX centuries (1142–1874) // Foreign policy of Russia, Russia and the USSR for 1000 years in names, dates and facts. IX–XX centuries. Vol. II. Wars and peace treaties. Book 1: Europe and America. M., 1995 (in Russ.).
28. The law of military conflicts: basic concepts and paradigmatic genesis in the name of victory / ed. by R.H. Tsalikov. M., 2024. Pp. 187–190 (in Russ.).
29. *Richter V.F.* A refresher course in International Law: a short course in International Law / comp. apply it to the program of the Legal Commission according to Martens, Stoyanov, and others; comp. V. Richter. Kiev, 1891. P. 181 (in Russ.).
30. *Savenkov A.N., Kudashkin A.V.* Military Law: problem statement and solutions // State and Law. 2021. No. 4. P. 13 (in Russ.).
31. *Serov D.O.* Empire Builders (Essays on the state and criminal activities of the associates of Peter the Great). Novosibirsk, 1996. P. 47 (in Russ.).
32. Dictionary of literary terms / ed.-comp.: L.I. Timofeev and S.V. Turaev. M., 1974. P. 258 (in Russ.).
33. *Solovyov K.A.* P.P. Shafirov on the goal-setting of public administration (the concept of “benefit” in the text of the “Deduction” of 1716) // Historical Journal: scientific research. 2020. No. 3. Pp. 131–143 (in Russ.).
34. *Solovyov S.M.* The history of Russia since ancient times. M., 1993. Book VIII. Vol. 16. Pp. 321, 523 (in Russ.).
35. *Tolstykh V.L.* Course of International Law: textbook. M., 2022. Pp. 124, 125 (in Russ.).
36. *Feofan (Prokopovich Elezar, Archbishop. Novgorod and Narva; 1681–1736).* The truth of the Monarch’s will. M., 1726 (in Russ.).
37. *Chirkin V.E., Krylova N.S., Khazova O.A., Dozhdev D.V.* The Jubilee of Professor William Elliot Butler // Proceedings of the Institute of Physics and Technology of the Russian Academy of Sciences. 2019. Vol. 14. No. 4. Pp. 190–202 (in Russ.).
38. *Shafirov P.P.* Reasoning, what are the legitimate reasons for Peter I, Tsar and Ruler of the All-Russian, to the outbreak of the war against Charles XII, King of Sweden, in 1700, had / intro. by W.E. Butler; ed. and with a preface by V.A. Tom-sinov. M., 2008. Pp. IX, XIII–XLVI, 3–122 (in Russ.).

Сведения об авторе

БАТЫРЬ Вячеслав Анатольевич — кандидат юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; профессор кафедры международного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 123995 г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Authors’ information

BATYR Vyacheslav A. — PhD in Law, Professor, Leading Researcher, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia; Professor of the Department of International Law, Kutafin Moscow State Law (MSAL); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., 123995 Moscow, Russia

УДК 347.23

О СОДЕРЖАНИИ И ОБЪЕКТАХ ПРАВА ПУБЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

© 2025 г. В. К. Андреев

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: andlaw@mail.ru

Поступила в редакцию 24.10.2024 г.

Аннотация. Признание Конституцией РФ разных форм собственности означает, что публичная, и прежде всего федеральная, собственность не могут быть построены по образцу частной собственности. Каждая форма собственности регулируется всеми видами законодательства, Гражданский кодекс РФ считается лишь профильным законодательным актом.

В федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации, муниципальной собственности разграничиваются традиционные права (триада), принадлежащие собственнику, и полномочия по управлению и распоряжению соответственно органов государственной власти или местного самоуправления. Каждая форма собственности в Гражданском кодексе РФ должна регулироваться специально, устанавливая особые основания возникновения и прекращения права собственности, особенности владения, пользования и распоряжения всеми формами собственности и полномочия управления и распоряжения для публичной собственности, а также состав публичной, прежде всего федеральной, собственности и виды имущества, которые могут находиться только в государственной и муниципальной собственности. Особо следует выделить виды имущества, необходимые для обеспечения обороны и безопасности государства.

Ключевые слова: Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, форма собственности, права собственника (триада), полномочия органов государственной власти по управлению и распоряжению закрепленным имуществом, осуществление права собственника.

Цитирование: Андреев В. К. О содержании и объектах права публичной собственности // Государство и право. 2025. № 1. С. 118–125.

DOI: 10.31857/S1026945225010104

ON THE CONTENT AND OBJECTS OF PUBLIC PROPERTY RIGHTS

© 2025 V. K. Andreev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: andlaw@mail.ru

Received 24.10.2024

Abstract. The recognition of different forms of property by the Constitution of the Russian Federation means that public property, and above all federal property, cannot be modeled on private property. Each form of ownership is regulated by all types of legislation; the Civil Code of the Russian Federation is considered only a relevant law. In federal property, property of constituent entities of the Russian Federation, and municipal property, traditional rights (triad) belonging to the owner and the powers to manage and dispose, respectively, of state authorities or local self-government are differentiated. Each form of ownership in the Civil Code of the Russian Federation must be regulated specifically, establishing special grounds for the emergence and termination of ownership rights, features of ownership, use and disposal of all forms of ownership and powers of management and disposal for public property, as well as the composition of public, primarily federal, property and types of property that can only be in state and municipal ownership. Particular attention should be paid to the types of property that are necessary to ensure the defense of the country and the security of the state.

Key words: the Constitution of the Russian Federation, the Civil Code of the Russian Federation, the form of ownership, the rights of the owner (triad), the powers of state authorities to manage and dispose of secured property, the exercise of the right of the owner.

For citation: Andreev, V.K. (2025). On the content and objects of public property rights // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 118–125.

Постановка проблемы

Проблема взаимодействия публичного и частного правового регулирования — одно из приоритетных направлений фундаментальных научных исследований в юридической науке. После укрупнения научных специальностей исследования в области частного и публичного права действительно стали отвечать этому принципиальному разделению носителей гражданских прав и публичных полномочий, включив в себя отраслевое законодательство, ранее рассредоточенное по многочисленным отраслям законодательства.

Гражданский кодекс РФ уже сейчас является актом не только частного правового регулирования. Нормы Кодекса могут применяться к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям (п. 3 ст. 2), установлена компетенция высшего и других органов корпораций (ст. 65.3), предусмотрена государственная регистрация прав на имущество (ст. 8.1), государственная регистрация юридических лиц (ст. 51). Достаточно сказать, какое значение имеет для защиты прав граждан и юридических лиц, совершающих сделки, возможность указания в реестре ЕГРЮЛ

уполномоченным государственным органом записи о недостоверности сведений в указанном реестре¹.

Представляется, что в Гражданском кодексе РФ, справедливо называемом экономической конституцией, положения об участии государства, иных публично-правовых образований в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, изложены без учета их особенностей. В нем указано, что в этих отношениях могут участвовать также Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования (п. 2 ст. 212). Принципиально важный вопрос, какие виды имущества могут находиться только в публичной собственности (п. 3 ст. 212), до сих пор не решен законом. Непонятно, почему взаимоотношения форм собственности (федеральной, субъектов Российской Федерации и муниципальной) сведены только к ответственности по обязательствам, и каким иным имуществом, кроме средств бюджета, может отвечать публичный собственник. Спрашивается: почему эти отношения не урегулированы в гл. 13 «Общие положения» ГК РФ? Положения ст. 71 и 114 Конституции РФ дают основание рассматривать федеральную собственность как самостоятельную форму собственности,

¹ См.: Габов А. В. Запись о недостоверности сведений в ЕГРЮЛ: сущность, основания внесения и последствия // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18. № 5. С. 52–70.

что предполагает регулирование федеральной государственной собственности и управление ею на основании специального закона.

Содержание права публичной собственности

Из ст. 209 ГК РФ следует, что публичному собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом². В Федеральном законе от 6 июня 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» предусмотрено, что органы местного самоуправления от имени муниципального образования самостоятельно владеют, пользуются и распоряжаются муниципальным имуществом в соответствии с Конституцией РФ, федеральными законами, нормативными актами органов местного самоуправления. Представляется, что это положение не согласуется с положением Конституции РФ, которое провозглашает, что местное самоуправление, т.е. муниципальные образования, обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов владения, пользования и распоряжения муниципальной собственностью (п. 1 ст. 130), органы местного самоуправления могут только управлять и распоряжаться ею.

В силу обладания большим количеством объектов государство как таковое не может непосредственно заниматься использованием своего имущества. В Конституции РФ прямо предусмотрено полномочие Правительства РФ по осуществлению управления федеральной собственностью — п/п. г п. 1 ст. 114. В Федеральном конституционном законе от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» названное конституционное положение не раскрыто в отличие от ранее действовавшего Закона.

Поскольку федерального закона о государственной федеральной собственности и управлении ей до сих пор нет, обратимся к другой форме публичной собственности.

В Федеральном законе от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее — Закон № 414-ФЗ), в иных законах, постановлениях и распоряжениях Правительства РФ применительно к публичной собственности упоминаются полномочия управления и распоряжения объектами собственности, в том числе акциями (долями участия, паями) в уставном (складочном) капитале организаций. Так, Распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2024 г. № 2390-р в целях создания условий для привлечения инвестиций, стимулирования развития фондового рынка, модернизации и технологического развития экономики в соответствии с Федеральным

законом от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» было принято решение об отчуждении 100% уставного капитала трех обществ с ограниченной ответственностью по производству боросодержащей продукции на электронном аукционе закрытых по составу участников торгов³.

В такой же форме предполагается провести отчуждение акций, находящихся в федеральной собственности, АО «Волжский оргсинтез» и 96.8751% уставного капитала АО «Метафракс Кемикалс» соответственно на основании распоряжений Правительства РФ от 31 августа 2024 г. № 2391-р⁴ и № 2392-р⁵.

Возникает вопрос о соотношении понятий управления и распоряжения публичной, прежде всего федеральной, собственностью с триадой предусмотренных в Гражданском кодексе РФ прав собственника. Если же вспомнить о конституционной норме по управлению федеральной собственностью, то положения Кодекса о том, что имущество публичной собственности, как любого собственника, может также принадлежать на праве владения, пользования и распоряжения, не согласуется с Конституцией РФ. Более того, до сих не реализована норма Гражданского кодекса РФ об установлении в законе видов имущества, которые могут находиться только в государственной или муниципальной собственности. Представляется, что следует регулировать не особенности владения, пользования и распоряжения публичной, прежде всего федеральной, собственностью, а найти полномочия по управлению и распоряжению государственным имуществом, по крайней мере включить в процесс осуществления собственности органы государственной власти.

В гл. 8 «Экономическая основа деятельности органов публичной власти субъекта Российской Федерации» Закона № 414-ФЗ предусмотрены общие вопросы управления и распоряжения их имуществом. Органы государственной власти самостоятельно управляют и распоряжаются своим имуществом в соответствии с Гражданским кодексом РФ, другими законами и правовыми актами. Они вправе передавать имущество во временное владение и (или) пользование физическим и юридическим лицам, федеральным органам государственной власти и органам местного самоуправления, отчуждать свое имущество и совершать иные сделки. Эта норма п. 2 ст. 56 Закона № 414-ФЗ не вполне согласуется со ст. 125 ГК РФ, которая предусматривает выступление органов государственной власти в пределах компетенции и от имени субъекта Российской Федерации. В отличие от п. 4 ст. 214 ГК РФ более четко сформулирован перечень

² О проблеме триады см.: *Скловский К. И.* Собственность в гражданском праве. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 178–198.

³ См.: СЗ РФ. 2024. № 37, ст. 5590.

⁴ См.: СЗ РФ. 2024. № 37, ст. 5591.

⁵ См.: СЗ РФ. 2024. № 37, ст. 5592.

имущества, находящегося в собственности субъекта Российской Федерации, за счет включения доходов от использования своего имущества в бюджет субъекта и отказа от понятия казны. Более того, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, по существу, обладают правоспособностью юридического лица, ограниченной целью осуществления предоставленных полномочий, а само распоряжение или управление закрепленным за ними имуществом выступают как полномочия, а не как права собственника.

Субъект Российской Федерации самостоятельно ведет учет имущества, находящегося в его собственности на основании закона субъекта Российской Федерации. Объектами учета обязательно являются недвижимое имущество, акции, доли вклада в уставных (складочных) капиталах хозяйственных обществ и товариществ, транспортные средства и иное движимое имущество, предусмотренное федеральным законодательством и законодательством субъекта Российской Федерации. Последние могут выступать в качестве учредителя государственных унитарных предприятий, государственных учреждений и других организаций.

Управление собственностью как особенность публичной собственности прямо отмечено в Конституции РФ в отношении федеральной собственности. Мною в свое время было высказано мнение о рассмотрении права управления государственной собственностью как четвертого правомочия — права управления⁶. В Законе о предприятиях в СССР от 4 июня 1990 г. было установлено, что «распоряжение и управление государственным имуществом осуществляют от имени народа (населения административно-территориальных образований) соответствующие Советы народных депутатов и уполномоченные ими государственные органы» (п. 1 ст. 19).

Представляется, что полномочия органов государственной власти по управлению и распоряжению имуществом субъекта Российской Федерации соответствуют характеру публичной собственности и заменяют традиционную триаду прав собственника на этом уровне осуществления права собственности. Полномочия управления органа государственной власти включают видоизмененные цивилистические категории владения и пользования имуществом. Право владения — это предоставленная законом возможность фактического обладания имуществом, физического и хозяйственного воздействия на него. В проекте закона № 47538-6/5 указывалось, что «владение означает фактическое господство лица над объектом владения (статья 211) и сохраняется до тех пор, пока владелец имеет свободный доступ к объекту владения». Нахождение имущества у органа

государственной власти фактически подтверждается сведениями в реестре имущества субъекта Российской Федерации.

Право пользования имуществом представляет собой основанную на законе возможность извлекать из него полезные свойства и (или) получение от него плодов и доходов. Пользование тесно связано с владением. Полномочия управления государственным имуществом точнее отражают специфику его использования, устанавливая сроки его модернизации, а в определенных случаях и освобождение, например, от устаревшего оборудования.

Юридическую и фактическую судьбу своего имущества орган государственной власти решает с помощью полномочия распоряжения, которое по содержанию совпадает с правом распоряжения. Одним из способов прекращения права собственности субъекта Российской Федерации является приватизация его имущества, порядок и условия которой определяются законами и иными нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации.

В целях повышения эффективности управления федеральной собственностью Распоряжением Правительства РФ от 15 августа 2024 г. № 2199-р утверждены Методические рекомендации по разработке и утверждению стратегий развития акционерных обществ, акции которых находятся в собственности Российской Федерации, и федеральных государственных унитарных предприятий⁷.

Наделение государственных органов полномочиями управления и распоряжения публичной собственностью не лишает Российскую Федерацию или субъекты Российской Федерации права собственности, а является лишь средством его осуществления. Тем самым государство и субъекты Российской Федерации остаются самими собой, а в гражданском обороте участвуют товары, услуги и финансовые средства, принадлежащие им на праве собственности. Ни государство, ни другие государственные образования не участвуют на равных началах с гражданами и юридическими лицами в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, в гражданском обороте перемещается их имущество. В силу множества объектов и публичных целей использования имущества органы государственной власти осуществляют права собственника при помощи исполнения своих полномочий управления и распоряжения. Государственным органам могут принадлежать только полномочия, а не права. Другое дело, как было показано выше, полномочия органов государственной власти включают все действия в отношении имущества, принадлежащего собственнику, которые он может совершать. В отличие от собственника органы государственной власти совершают сделки не по своему

⁶ См.: Андреев В. К. Право государственной собственности в России. М., 2004. С. 110.

⁷ См.: СЗ РФ. 2024. № 35, ст. 5382.

использованию, а в рамках компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов. Федеральная собственность субъектов Российской Федерации, а также муниципальная, частная и иные формы собственности регулируются не только гражданским, но и административным, земельным, экологическим и иным законодательством.

А.В. Винницкий полагает, что право публичной собственности — «видоизмененное» право собственности. Оно возникает не из природы человека как пространства его внешней свободы, т.е. в известном смысле естественного права, а как частное право. Сущность публичной собственности неразрывно связана с функционированием института власти, а реализация прав публичного собственника нацелена на имущественное обеспечение задач, стоящих перед государством и местным самоуправлением⁸. В другой своей работе А.В. Винницкий предлагает рассматривать правовое регулирование публичной собственности как трехуровневую модель. Первый уровень представляет гражданское законодательство; второй уровень предусматривает специфику правового регулирования отношений публичной собственности в организации государственной власти и местного самоуправления; третий уровень состоит из административно-правовых норм, принимаемых органами публичной администрации⁹.

Изложенный подход к пониманию публичной собственности игнорирует трактовку права государственной собственности как самостоятельной конституционной формы, называя ее видоизмененной формой частной собственности. Концепция А.В. Винницкого не учитывает и нормы Закона № 414-ФЗ, который предусматривает полномочия органов государственной власти по управлению и распоряжению имуществом субъекта Российской Федерации.

Представляется, что Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования¹⁰ являются собственниками своего имущества, однако конкретные полномочия по управлению и распоряжению осуществляют органы государственной власти и местного самоуправления. Исходя из конституционного признания частной, государственной (федеральной и субъектов Российской Федерации), муниципальной форм собственности, особенности их приобретения и прекращения,

использования прав собственника должны быть изложены в Гражданском кодексе РФ специально к каждой форме собственности.

В связи с рассмотрением в Государственной Думе законопроекта «Об общих принципах местного самоуправления в единой системе публичной власти» необходимо найти точное соотношение конституционного права населения осуществлять владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью с управлением ею органами местного самоуправления, заключающееся в том, что население является собственником, а органы местного самоуправления управляют муниципальной собственностью. Муниципальная собственность, как и другие формы публичной собственности, выступает в единстве права собственности в лице Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, населения муниципального образования, органов государственной власти и органов местного самоуправления. С точки зрения осуществления права собственности самим населением предпочтительнее одноуровневая система муниципальной власти. Представляется, что в предлагаемом законе необходимо установить не только полномочия муниципалитетов¹¹, но и права владения, пользования и распоряжения населением своим имуществом.

О составе объектов имущества государственной собственности

Имущество, принадлежащее Российской Федерации на праве собственности, представляет собой единую систему объектов с разным правовым режимом их использования. Российская Федерация выступает как собственник имущества федеральных органов исполнительной власти, государственных бюджетных учреждений, казенных учреждений, автономных учреждений, государственных унитарных предприятий, казенных предприятий. Федеральное агентство по управлению государственным имуществом осуществляет контроль и проверки эффективного использования и обеспечения сохранности федерального имущества названными правообладателями, а также изъятие излишнего, неиспользуемого или используемого не по назначению имущества в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 14 марта 2024 г. № 302¹². В Положении о проведении Федеральным агентством по управлению государственным имуществом, его территориальным органом осмотра и проверок эффективного использования и обеспечения сохранности федерального

⁸ См.: Винницкий А.В. Публичная собственность. М., 2013. С. 99, 100.

⁹ См.: Винницкий А.В. Административно-правовой режим публичного имущества // Правовое администрирование в экономике. Актуальные проблемы / под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2022. С. 83.

¹⁰ Согласно ст. 130 Конституции РФ «местное самоуправление... обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов..., владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью».

¹¹ См.: Муниципалитеты опасаются нововведений. Павел Крашенинников о том, что изменится и что останется неизменным в законопроекте о реформе местного самоуправления // Коммерсант. 2024. 28 окт. С. 3.

¹² См.: СЗ РФ. 2024. № 12, ст. 1630. В ведении Федерального агентства по управлению государственным имуществом находится около 2,5 млн разнообразных объектов (см.: Кузьмин Владимир. Имущество под управлением // Росс. газ. 2023. 6 июля).

имущества и изъятия излишнего, неиспользуемого или используемого не по назначению федерального имущества, утвержденном постановлением Правительства РФ от 14 марта 2024 г. № 302, среди государственных организаций, имущество которых может быть подвергнуто осмотру или проверке, государственные корпорации (государственные компании) и публично-правовые компании не значатся¹³.

Кроме того, в соответствии с положением об учете и ведении реестра федерального имущества, утвержденным постановлением Правительства РФ от 16 июля 2007 г. № 447 (в ред. от 14.03.2024 № 302), объектом учета в реестре на территории России являются:

а) недвижимые вещи (земельный участок, здание, сооружение, объект незавершенного строительства, единый недвижимый комплекс, а также жилые и нежилые помещения, машино-места, воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания);

б) движимые вещи, в том числе документарные ценные бумаги;

в) иное имущество (в том числе бездокументарные ценные бумаги, цифровые права, исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, не относящиеся к недвижимым или движимым вещам).

В связи с этим возникает вопрос, а каким именно субъектом определяется собственность государственных корпораций и публично-правовых компаний как формы, и насколько она таковой является, не остается ли она разновидностью федеральной государственной собственности, ее осуществлением¹⁴. В Гражданском кодексе РФ нет ответа на этот вопрос, а положение п. 5 ст. 49 ГК РФ расширяет действие специальных законов неизвестно в какой сфере, игнорируя обычные права и обязанности юридического лица. Разве это прямо не противоречит п. 2 ст. 3 ГК РФ, что «нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать настоящему Кодексу».

Как известно, в соответствии с законом государственные корпорации и публично-правовые компании являются собственниками закрепленного за ними переданного государственного имущества. Так, Распоряжением Правительства РФ от 17 августа 2024 г. № 2230-р в собственность публично-правовой компании «Единый заказчик в сфере строительства» в качестве имущественного взноса Российской Федерации были переданы объекты недвижимого и движимого федерального имущества. Росимущество после

прекращения права оперативного управления Минстроя России на эти объекты имущества обеспечило их передачу в собственность публично-правовой компании.

Вряд ли прав К.И. Скловский, убежденный в том, что «намеченный законодателем в названии ст. 212 ГК РФ и практикой путь отождествления формы собственности с принадлежностью имущества одному из видов субъектов, указанных в законе, следовало бы воспринять и в теории гражданского права как единственно допустимый». Вообще, само по себе предложение автора договориться о каком-то теоретическом положении как единственно верном не соответствует этике свободного творчества. В содержательном плане такой подход ведет к отказу от выяснения социально-экономической сущности формы каждой собственности, считая даже, что государственная собственность создается за счет частной.

Обозначение формы собственности путем указания принадлежности определенному виду собственника является лишь началом установления социально-экономических признаков формы собственности и ее правового регулирования. Надо искать характерные признаки отдельных форм собственности, в частности анализируя объекты и их назначение. В связи с изложенным ст. 217 ГК РФ о приватизации государственного и муниципального имущества должна быть изъята из гл. 13 об общих положениях о праве собственности, а возможность передачи определенного государственного федерального имущества в собственность граждан и юридических лиц, а также государственным корпорациям и публично-правовым компаниям решалась Правительством РФ в силу его конституционного положения. Приватизация должна быть средством пополнения федерального бюджета, достаточно сказать, что за девять месяцев 2024 г. бюджет уже получил 48 млрд руб. от приватизации¹⁵.

В условиях, когда за счет федеральных фондов и резервов возмещаются имущественные потери граждан, возникшие в результате стихийных действий, иных чрезвычайных обстоятельств, скорее следует говорить о бремени содержания государственного чужого имущества, неся, по существу, риск случайной гибели частного имущества.

Имущество, которое может находиться только в публичной собственности — неотъемлемая часть казны соответствующего собственника, и оно не может быть предметом взыскания по обязательствам Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального собственника. Прекращение права федеральной государственной собственности на такие объекты может создавать угрозы обороноспособности страны и безопасности государства.

¹³ См.: СЗ РФ. 2024. № 35, ст. 5386.

¹⁴ См.: Андреев В. К. О форме собственности государственных корпораций и публично-правовых компаний и новом типе юридического лица // Государство и право. 2024. № 5. С. 89–96.

¹⁵ См.: РИА Новости. 2024. 4 окт.

Система публичной собственности должна быть прежде всего подразделена на имущество, которое может находиться только в государственной или муниципальной собственности, переданное унитарным предприятиям, государственным корпорациям и публично-правовым компаниям для осуществления своих публичных функций. Определение видов имущества, которые должны находиться только в федеральной собственности, обеспечит оборону страны и безопасность государства, тогда не придется в судебном порядке по иску Генерального прокурора РФ возвращать виды имущества, предназначенные исключительно для оборонного производства.

Существующее деление публичной собственности на имущество, закрепленное за предприятиями и учреждениями, средства бюджета и иное публичное имущество отражает советскую структуру единого народно-хозяйственного комплекса страны без дифференциации видов публичной собственности, государственного предприятия (объединения) как основного звена народного хозяйства, хотя оно и преобразовано в хозяйственные общества. Более того, в соответствии с Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 485-ФЗ государственные и муниципальные предприятия, которые созданы до дня вступления в силу названного акта и осуществляют деятельность на товарных рынках, находящихся в условиях конкуренции, подлежат ликвидации или реорганизации по решению учредителя до 1 января 2025 г. Попутно отметим, что унитарные предприятия не являются лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, и они не могут считаться коммерческими организациями. Согласно Федеральному закону от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» такие предприятия самостоятельно не определяют предмет и цели своей деятельности, не могут распоряжаться недвижимым имуществом, совершать иные сделки, предусмотренные в уставе, в том числе крупные, требуется согласие собственника на участие предприятия в других юридических лицах и т.п.

Определение видов имущества, которые могут находиться только в государственной или муниципальной собственности, не следует отождествлять с идеями Кодекса Наполеона, где одна разновидность государственной собственности именуется публично-правовой собственностью государства, а другая — его частноправовой собственностью¹⁶. Не может быть воспринята и идея о том, что особая группа объектов, которая находится в исключительном обладании государства и используется только в общественных интересах, должна рассматриваться как «исключительно

государственная собственность»¹⁷. В п. 3 ст. 212 ГК РФ речь идет не о понимании права государственной собственности в связи с различными режимами видов имущества, а об определении видов имущества, которые могут находиться в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации и муниципальной собственности.

В условиях, когда средства производства находились в собственности государства, на всем протяжении существования Советского Союза стоял вопрос о предоставлении правовой самостоятельности производственным предприятиям (объединениям). А.В. Венедиктов, рассматривая госпредприятие (хозорган) как орган государства отмечал, что оно выступает не только как юридическое лицо, но и во взаимоотношениях с органами нижестоящими (цехом, бригадой) и вышестоящими звеньями как носитель административной правосубъектности¹⁸. В годы перестройки особенно ярко проявилась тенденция преодоления отчуждения работника от государственной собственности. Законом о собственности в СССР от 6 марта 1990 г. было предусмотрено, что прибыль, остающаяся у государственного предприятия после уплаты налогов и других платежей в бюджет (чистая прибыль), поступает в распоряжение трудового коллектива предприятия. Часть этой прибыли передавалась в собственность членов трудового коллектива и образовывала вклад работника, на сумму которого могли быть выданы акции (ст. 25). В Основах законодательства Союза ССР и союзных республик от 23 ноября 1989 г. предусматривалась собственность арендного предприятия, создаваемого трудовым коллективом государственного предприятия на базе организации арендаторов. В собственности арендного предприятия находилась произведенная продукция, полученные доходы и другое приобретенное за счет средств этого предприятия имущество. В имуществе арендного предприятия определялся размер вклада членов его трудового коллектива за счет их личного трудового участия и других имущественных взносов (ст. 21).

В современных условиях при конституционном признании всех форм собственности и равной их защите нет необходимости обнаруживать соотношение предприятий и учреждений с государственными органами в рамках единого и единственного фонда государственной собственности. Стремясь определить предприятие как один из обозначенных в Гражданском кодексе РФ объектов права государственной собственности и исходя из необходимости дать определение права собственности, нельзя согласиться с мнением К.И. Скловского о том, что определение

¹⁶ См.: *Сосна С.А.* О концепции общественного достояния // Государство и право. 1996. № 2. С. 86.

¹⁷ *Голубцов В.Г.* Российская Федерация как субъект гражданского права. М., 2019. С. 155–157.

¹⁸ См.: *Толстой Ю.К.* Концепция А.В. Венедиктова о праве собственности и современность // Правоведение. 1988. № 2. С. 22.

собственности как отношение к вещи как к своей можно «понимать как пространственное расширение личности, ее потенциала». Признание автором многообразия отражения личности публичного собственника в своем имуществе ведет к признанию юридического лица, а равно как и публичного образования, поскольку «отношения к вещи как к себе, части себя»¹⁹ могут быть предметом правового регулирования и охватываются содержанием полного субъективного права собственника.

Выводы и предложения

Федеральная собственность, собственность субъектов Российской Федерации и муниципальная собственность как признанные Конституцией РФ самостоятельные формы собственности должны быть урегулированы в Гражданском кодексе РФ с учетом их специфики с установлением особенностей их приобретения и прекращения, владения, пользования и распоряжения, как установлено в п. 3 ст. 212 ГК РФ. В связи с изложенным вряд ли есть необходимость оставлять в Гражданском кодексе РФ главы об общих положениях, способах приобретения права собственности (маловероятно, что к федеральной собственности применима норма п. 1 ст. 218 ГК РФ об изготовленной или созданной вещи для себя), основаниях прекращения права собственности. Особенности содержания государственной и иной публичной собственности должны быть изложены в Гражданском кодексе РФ таким образом, чтобы весь объем прав собственника был закреплен за Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации, муниципальным образованием, а полномочия по управлению и распоряжению закрепленным имуществом — за органом государственной власти или местного самоуправления. В федеральном законе о федеральной государственной собственности и управлении ею необходимо предусмотреть состав имущества, которое может находиться только в федеральной собственности, и полномочия Правительства РФ по управлению ею.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев В.К. О форме собственности государственных корпораций и публично-правовых компаний и новом типе

юридического лица // Государство и право. 2024. № 5. С. 89–96.

2. Андреев В.К. Право государственной собственности в России. М., 2004. С. 110.
3. Винницкий А.В. Административно-правовой режим публичного имущества // Правовое администрирование в экономике. Актуальные проблемы / под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2022. С. 83.
4. Винницкий А.В. Публичная собственность. М., 2013. С. 99, 100.
5. Габов А.В. Запись о недостоверности сведений в ЕГРЮЛ: сущность, основания внесения и последствия // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18. № 5. С. 52–70.
6. Голубцов В.Г. Российская Федерация как субъект гражданского права. М., 2019. С. 155–157.
7. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 178–198, 207.
8. Сосна С.А. О концепции общественного достояния // Государство и право. 1996. № 2. С. 86.
9. Толстой Ю.К. Концепция А.В. Венедиктова о праве собственности и современность // Правоведение. 1988. № 2. С. 22.

REFERENCES

1. Andreev V.K. On the form of ownership of state corporations and publicly-owned companies and a new type of legal entity // State and Law. 2024. No. 5. Pp. 89–96 (in Russ.).
2. Andreev V.K. The right of state property in Russia. M., 2004. P. 110 (in Russ.).
3. Vinnitsky A.V. Administrative and legal regime of public property // Legal administration in economics. Actual problems / ed. by Yu. A. Tikhomirov. M., 2022. P. 83 (in Russ.).
4. Vinnitsky A.V. Public property. M., 2013. Pp. 99, 100 (in Russ.).
5. Gabov A.V. Entry on the unreliability of information in the Unified State Register of Legal Entities: the essence, grounds for entry and consequences // Proceedings of the IGP RAS. 2023. Vol. 18. No. 5. Pp. 52–70 (in Russ.).
6. Golubtsov V.G. The Russian Federation as a subject of Civil Law. M., 2019. pp. 155–157 (in Russ.).
7. Sklovsky K.I. Property in Civil Law. 4th ed., rev. and add. M., 2008. Pp. 178–198, 207 (in Russ.).
8. Sosna S.A. On the concept of public domain // State and Law. 1996. No. 2. P. 86 (in Russ.).
9. Tolstoy Yu. K. A.V. Venediktov's concept of property law and modernity // Jurisprudence. 1988. No. 2. P. 22 (in Russ.).

Сведения об авторе

АНДРЕЕВ Владимир Константинович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ведущий научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

ANDREEV Vladimir K. — Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Leading Researcher, Sector of Civil and Entrepreneurial Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

¹⁹ Скловский К.И. Указ. соч. С. 207.

УДК 347

ПРИНЦИП ДИСПОЗИТИВНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ В КОНТЕКСТЕ УВАЖЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

© 2025 г. А. А. Волос

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

E-mail: volosalexey@yandex.ru

Поступила в редакцию 22.04.2024 г.

Аннотация. Целью статьи является выявление характерных особенностей принципа диспозитивности как инструмента регулирования отношений, при которых субъекты используют цифровые технологии. Среди наиболее проблемных аспектов тематики выявляются следующие: наличие субъективного права на отказ от использования цифровых технологий, элементы принципа диспозитивности, его соотношение с необходимостью обеспечения безопасности общества и государства. Среди наиболее принципиальных выводов выдвинут постулат о том, что право на отказ от использования цифровых технологий должно быть гарантировано только по отношению к процедурным аспектам реализации фундаментальных прав человека и гражданина, закрепленных в Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: принцип диспозитивности, принципы гражданского права, цифровая среда, цифровое право, принцип добросовестности, осуществление гражданских прав, отказ от осуществления гражданских прав, свобода договора, юридическое равенство, слабая сторона.

Цитирование: Волос А.А. Принцип диспозитивности в гражданском праве в контексте уважения личности в цифровой среде // Государство и право. 2025. № 1. С. 126–134.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01055, <https://rscf.ru/project/23-78-01055/>

DOI: 10.31857/S1026945225010115

THE PRINCIPLE OF DISPOSITIVITY IN CIVIL LAW IN THE CONTEXT OF PERSONAL RESPECT IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

© 2025 А. А. Volos

HSE University, Moscow

E-mail: volosalexey@yandex.ru

Received 22.04.2024

Abstract. The purpose of the study is to identify the features of the principle of dispositively. According to the author it is the tool for regulating relations when subjects use digital technologies. Among the most problematic aspects of the topic, the following aspects are identified: the existence of a subjective right connected with refusing of digital technologies, elements of the principle of dispositivity, its correlation with the need to ensure the security of society and the state. Among the most fundamental conclusions put forward is the postulate that the right to refuse to use digital technologies should be guaranteed only in relation to the procedural aspects of the implementation of fundamental human and civil rights enshrined in the Constitution of the Russian Federation.

Key words: the principle of dispositivity, civil law principles, digital environment, digital law, principle of good faith, exercise of civil rights, refusal to exercise civil rights, freedom of contract, legal equality, weak party.

For citation: Volos, A.A. (2025). The principle of dispositivity in Civil Law in the context of personal respect in the digital environment // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 126–134.

The study was carried out under the grant of the Russian Science Foundation No. 23-78-01055, <https://rscf.ru/project/23-78-01055/>

Развитие новейших технологий поставило много вопросов, связанных с защитой прав личности в цифровой среде. Изначально цифровизация наряду со своими бесспорными преимуществами предопределила появление неизвестных ранее способов нарушения субъективных гражданских прав. Например, после появления сети Интернет существенно легче стало распространять не соответствующую действительности и порочащую честь и достоинство личности информацию. Параллельно сильно усложнился процесс доказывания самого факта правонарушения, в частности в силу особенностей идентификации субъектов в цифровой среде. При этом ранее речь шла исключительно о специфике процедурных моментов нарушения прав личности.

Сегодня цифровые технологии стали настолько популярны и необходимы, что приемы их эксплуатации уже непосредственно создают предпосылки к правонарушениям. Так, для заключения гражданско-правового договора в онлайн-пространстве или иным электронным способом первостепенную роль играет обладание специальными знаниями и навыками. Лицо, предоставляющее какие-либо услуги и применяющее для оформления договорных отношений электронные способы, может оказывать влияние на действия контрагента через особый интерфейс сайта, редкую подборку шрифтов, всплывающие окна и т.п. Судебная и иная правоприменительная практика (дело ЦУМ¹, дело «Связного»², проверка прокуратурой правил Вайлдберриз³ и т.д.) по данному направлению уже начинает формироваться и наглядно иллюстрирует тот факт, что злоупотребления со стороны различных субъектов (цифровых платформ, агрегаторов, информационных посредником и пр.) становятся обычным явлением.

В такой ситуации заслуживает значительного внимания дискуссия об обеспечении прав человека и гражданина, об уважении личности в цифровой среде. В ее рамках стоит обсудить ряд глобальных проблем, например гарантии прав человека

при использовании нейросетей и технологий искусственного интеллекта⁴. Они требуют системного решения с привлечением последних достижений философии, этики, права, социологии и в целом не являются предметом изучения в настоящей статье. Вместе с тем возникает множество частных вопросов, по многим из которых адекватное объяснение может быть найдено с опорой на классические принципы права, основанные на конституционной идее о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

В гражданском праве эта формула нашла выражение прежде всего в принципе диспозитивности и провозглашении автономии воли субъектов, так как диспозитивность, являясь не только принципом, но и отличительной чертой гражданско-правового регулирования, гарантирует свободу выбора конкретных путей, способов реализации правоспособности, оснований установления прав и обязанностей: субъект может определять условия совершения действий, их время и место, а также содержание правоотношения⁵. Свобода и самоопределение личности есть основы частного права⁶. Таким образом, гарантируя свободу воли лица и провозглашая гражданско-правовое регулирование, законодатель в известной степени обеспечивает уважение человеческой личности.

Говоря о взаимоотношениях участников экономического оборота, происходящих при обращении к цифровой среде, следует поставить первостепенный вопрос о наличии права на отказ от цифровизации⁷ или права на отказ от использования цифровых технологий⁸. Действительно, настолько ли далеко идет представление о правах человека и уважении личности, что субъект может ввиду действия принципа диспозитивности отказаться от цифровых технологий для целей осуществления тех или

⁴ См., напр.: Талапина Э.В. Алгоритмы и искусственный интеллект сквозь призму прав человека // Журнал рос. права. 2020. № 10. С. 25–39.

⁵ См.: Яковлев В.Ф. Избр. труды. Т. 2: Гражданское право: История и современность. М., 2012. Кн. 1. С. 92.

⁶ См.: Weinger A. Privatrecht. Eine Einführung. Wien, 2016. S. 6–8.

⁷ См., напр.: Волос А.А., Иванов А.А. Цифровизация и конституция // Закон. 2022. № 12. С. 34–45.

⁸ См., напр.: Федотов М.А., Наумов В.Б., Дейнеко А.Г., Тютюк Е.В. Право на отказ от цифровых технологий: результаты экспертного опроса // Труды по интеллектуальной собственности. 2024. Т. 48. № 1. С. 8–28.

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 06.06.2023 № 16-КГ23-6-К4. URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=2258070 (дата обращения: 02.04.2024).

² См.: Определение Верховного Суда РФ от 04.04.2023 № 49-КГ22-28-К6. URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=2234254 (дата обращения: 02.04.2024).

³ См.: Генпрокуратурой России завершена проверка компании Wildberries. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=91488185> (дата обращения: 02.04.2024).

иных гражданских прав? Скажем, может ли сторона договора потребовать его заключения только в традиционном «бумажном» варианте или отказаться от его исполнения с применением информационных технологий?

Параллельно с этим возникает несколько «подвопросов». Так, имеет ли значение для разрешения данной дилеммы правовой статус субъекта: гражданин-потребитель, индивидуальный предприниматель, юридическое лицо, публично-правовое образование? И самое главное: в какой мере государство может устанавливать императивное правовое регулирование, при котором осуществление определенного вида гражданских прав реализуется исключительно путем обращения к конкретным цифровым технологиям. Уже замечены и стали достаточно актуальными примеры таких неоднозначных ситуаций. В частности, большой резонанс вызвало введение карты болельщика в качестве обязательного условия для посещения матчей Российской футбольной премьер-лиги⁹. Тем самым, порядок заключения гражданско-правового договора покупки билета на футбольный матч был усложнен особыми обязательными правилами идентификации субъекта.

Как представляется, имеются вполне осязаемые перспективы существенного расширения перечня императивно установленных случаев, когда способы осуществления субъективных гражданских прав будут ограничены использованием цифровых технологий. В частности, если опыт внедрения цифрового рубля окажется положительным, он может быть перспективен для разнообразных ситуаций, когда актуально обеспечить открытость расчетов, их контролируемость, а также гарантированность направления денежных средств на установленные цели (речь идет, к примеру, о сферах государственных закупок, оплате труда государственных служащих, исполнении алиментных обязательств). Кроме того, активная эксплуатация сервиса «Госуслуги» могла бы стать основанием для его применения в качестве эффективного инструмента идентификации субъектов наиболее значимых из публично-правовых соображений гражданско-правовых сделок, например, относительно недвижимости. По таким модельным, но достаточно реальным схемам может развернуться дискуссия, насколько допустимо ограничивать субъектов в выборе способов осуществления своих субъективных гражданских прав. Не стоит исключать, что некоторые участники оборота, которые не хотят применять новейшие технологии по тем или иным причинам, связанным с отсутствием специальных

навыков или умений, а возможно, просто из-за личной позиции, не смогут реализовать некоторые субъективные права.

Ряд российских ученых утверждают, что следует «в ближайшее время вводить в отраслевом законодательстве обязанности по информированию граждан об использовании тех или иных цифровых технологий (например, технологий искусственного интеллекта) и созданию недискриминационных условий в сфере цифровизации, где для лиц, не имеющих знаний и/или возможностей их использовать, всегда будет предусмотрена альтернативная возможность нецифрового взаимодействия»¹⁰. Подобное информирование и создание недискриминационных условий, что само по себе представляется правильным решением с точки зрения законодательства, не решает проблему допустимости произвольного отказа субъекта от цифровых технологий.

В научной литературе встречается подход, согласно которому следует законодательно закрепить институт права на отказ от взаимодействия с государством и обществом цифровым путем¹¹. Видимо, такое право может быть реализовано применительно к любым отношениям, с чем согласиться в полной мере нельзя. Во-первых, законодательная практика уже пошла иным путем (практический пример с паспортом болельщика и теоретически вполне понятная цель обеспечения общественной безопасности тому подтверждение). Во-вторых, развитие цифровых технологий — активный процесс, удерживать или лимитировать который без особых причин не представляется необходимым.

Дополним, что сам по себе принцип, согласно которому не допускается создание дискриминационных условий на вступление в гражданские правоотношения, известен частному праву России и других стран: гарантируется равенство субъектов вне зависимости, скажем, от наличия заболеваний или инвалидности, признака гражданства и т.п.¹² Вместе с тем подобное положение не исключает в определенных случаях ограничения порядка осуществления субъективных прав, в том числе в связи с некоторыми заболеваниями или болезнями (возьмем для примера хотя бы возможность признания гражданина недееспособным) и по признаку гражданства, что наблюдается в рамках действующих санкционных режимов. Таким образом,

¹⁰ Федотов М.А., Наумов В.Б., Дейнеко А.Г., Тютюк Е.В. Указ. соч. С. 9.

¹¹ См., напр.: Денисов Д.С. Цифровые экосистемы и право на отказ от технологий // International Journal of Open Information Technologies. 2023. Vol. 11. No. 12. P. 128.

¹² См.: Basedow J. Der Grundsatz der Nichtdiskriminierung im europäischen Privatrecht // Fundamentale Grundsätze des Privatrechts in vereinigten Europa. Bratislava, 2007. S. 37.

⁹ См., напр.: Верховный Суд РФ отказался отменить Fan ID для футбольных болельщиков. URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20230209/308674228.html?ysclid=lujwkn58h4931871169 (дата обращения: 03.04.2024).

установление в прямо предусмотренных законом случаях императивной обязанности применения поименованных в законе цифровых технологий для осуществления гражданских прав формально возможно, если основано на адекватных политико-правовых соображениях.

В качестве ключевой теоретической идеи, дающей ответ на поставленный вопрос, нами предлагается принять следующий постулат: *право на отказ от использования цифровых технологий должно быть гарантировано только по отношению к процедурным аспектам реализации фундаментальных прав человека и гражданина, закрепленных в Конституции РФ*. В этих обстоятельствах должен существовать выбор: осуществлять принадлежащее субъективное право с применением цифровых технологий или в классическом (например, путем оформления бумажного носителя) порядке.

Так, механизм заключения договора купли-продажи жилого помещения следует рассматривать в качестве одной из процедур реализации фундаментального конституционно гарантированного права на жилье. Она должна при любых раскладах подразумевать право гражданина на отказ от технических средств без объяснения причин принятого решения. Другой пример затрагивает реализацию права на здоровье через взаимодействие с частными медицинскими организациями, которые в последнее время нередко предлагают оказывать некоторые услуги (в частности, давать консультации или предоставлять результаты анализов) дистанционно. Гражданин, скажем, в силу боязни утечки персональных данных должны сохранить гарантированное право на отказ от цифровых технологий и в этом случае. Третья модельная ситуация касается права на судебную защиту своих прав: речь идет об электронной форме отправления правосудия и возможности субъекта по своему желанию от нее отказаться.

Таким образом, будет обеспечен минимальный набор гарантий прав человека и гражданина при использовании цифровых технологий. Предложенный подход мог бы быть прямо отражен в законодательстве, но вполне вытекает из положений Конституции РФ и в перспективе должен быть сформулирован Верховным Судом РФ в своей практике. В частности, известно, что любые ограничения конституционных прав личности должны быть справедливыми, адекватными, пропорциональными, носить общий и абстрактный характер, не иметь обратной силы и не затрагивать само существо конституционных прав¹³. В наших примерах

при большой спорности вопроса о справедливости и адекватности ограничения права на выбор способов осуществления права очевидным видится, что указанное ограничение затрагивает существо права на жилище, здоровье, судебную защиту, так как исключает возможности по его осуществлению лицами, не имеющими специальных навыков и знаний, касающихся применения современных технологий. Вместе с тем осуществление перечисленных прав, учитывая их особые свойства принадлежности к личности, не может быть поставлено под условие наличия специфических навыков или знаний.

Иная ситуация складывается, когда какое-либо субъективное право не находится в непосредственной связи с фундаментальными правами личности и, что особенно важно, его осуществление подразумевает обязательное наличие ряда навыков и умений и/или повышенную ответственность. В качестве типичных примеров выделим предпринимательскую деятельность, работу по трудовому договору, выполнение работ, оказание услуг. Состояние дел здесь не исключает введения обязательных требований к осуществлению субъективного права с использованием цифровых технологий и потенциально может быть установлено императивными нормами законодательства. Обоснованием станет стандарт разумности субъекта гражданского оборота, сформированный деловым оборотом последнего времени: разумность участника гражданского оборота предполагает осмысленность и рациональность субъекта, который осуществляет свои гражданские права, а кроме того, логичность и целесообразность его поведения. Так, для предпринимателей, заключивших договор банковского счета; субъектов, участвующих в государственных закупках; патентообладателей, реализующих свои исключительные права; участников юридического лица, принявших решение о реорганизации, вполне стоит презюмировать, что логичность и целесообразность заключается в желании упростить и упорядочить эти процедуры. Следовательно, не стоит удивляться, если подобные формальные процедуры будут в императивном порядке переведены в онлайн-среду.

Изложенные рассуждения пересекаются с известной мыслью И.А. Покровского по поводу абстрактного и конкретного человека перед лицом права. Ученый писал о том, что право должно охранять интересы самоценных личностей, имеющих право на индивидуальность, даже если таковая значительно отклоняется от среднего типа и кажется многим странностью или чудачеством. Это обосновывается прежде всего тем, что закон берет под свою охрану не только типичное или шаблонное,

¹³ См., напр.: постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.2023 № 9-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П.Е. Бахирева» // Росс. газ. 2023. № 69.

но и оригинальное¹⁴. С процитированным тезисом стоит в некоторой степени согласиться и рассматривать в качестве дополнительного аргумента к тому, что право на отказ от использования цифровых технологий должно быть гарантировано по отношению к процедурным аспектам реализации фундаментальных прав человека и гражданина, осуществление которых направлено на удовлетворение базовых потребностей.

Вместе с тем важно заметить, что И.А. Покровский формулировал свои выводы об абстрактном и конкретном человеке перед лицом права применительно к признанию законодательством нетипичных договоров, а также институту недействительности сделок, совершенных под влиянием ошибки, угрозы, обмана¹⁵. Однако столетняя история развития права после публикации цитируемой книги доказала, что по объективным причинам, вызванным такими политико-правовыми соображениями, как защита разумных ожиданий других лиц и достижение стабильности экономического оборота, не всегда заслуживают охраны интересы конкретной личности и ее индивидуальные характеристики. Например, практика применения правил ст. 178 ГК РФ признает, что существенность ошибки — объективный фактор, а не мнение одного субъекта.

Приведенные выше идеи пересекаются с предложениями, касающимися создания в России Цифрового (или Информационного) кодекса. Происходящий в настоящее время инициативный процесс подразумевает формирование особых принципов регулирования отношений, возникающих в связи с эксплуатацией Цифровых технологий. Это прямо отражено в проекте концепции цифрового кодекса¹⁶. Тем не менее неизбежно встанет вопрос о соотношении принципов гражданского права, главным образом принципа диспозитивности, с принципами, которые будут установлены новым актом. Так, Э.И. Лескина предлагает установить в Цифровом кодексе принцип свободы и уважения автономии воли человека при взаимодействии с цифровыми технологиями¹⁷. Указанный принцип и его аксиологическая роль звучат логично и красиво. Вряд ли кто-то будет спорить с тем, что он нужен для регулирования отношений, в которых

субъекты используют цифровые технологии. Вместе с тем остается совсем не ясным, зачем нужно его дополнительно формулировать, учитывая, что такой принцип прямо вытекает из Конституции РФ и Гражданского кодекса РФ. Наоборот, заявленная нами идея о существовании права на отказ от цифровизации (от цифровых технологий), логично вытекая из постулата об уважении человека и личности в дополнение к содержанию принципа диспозитивности, является более практико-ориентированной, так как опирается на устоявшиеся в судебных решениях, в том числе позициях Конституционного Суда РФ, подходы.

Есть и другие предложения, связанные с тем, какими принципами следует руководствоваться при регулировании отношений в цифровой среде. В частности, предложена система принципов правовой политики России в сфере цифровой экономики¹⁸. В нее, правда, попали такие принципы, как принцип обеспечения равного доступа субъектов экономических отношений к цифровой среде или принцип установления презумпции добросовестности пользователей и разработчиков цифрового контента¹⁹. Названные категории вполне можно назвать элементами гражданско-правовых принципов: юридического равенства и добросовестности соответственно. Важно понимать при этом, что указанные гражданско-правовые принципы являются одновременно и принципами регулирования отношений, и принципами правовой политики, потому что имеют правотворческое значение. Тем самым в целом стоит согласиться с наличием принципов, заявленных авторами, которые были упомянуты выше. Однако в целях согласованности теории, практики и правотворческой деятельности не стоит заявлять об их самостоятельном характере.

Следует допустить, что авторы процитированных и иных аналогичных точек зрения, постулирующих независимый характер принципов регулирования цифровых отношений, строят свои рассуждения исходя из того, что принципы гражданского права не до конца играют свою правоприменительную и правотворческую роль. В этом есть доля истины, так как законодатель и правоприменитель по отношению к вопросам цифровой среды не всегда в полной мере полагаются на принцип уважения автономии воли человека. В частности, в качестве задач отдельных законопроектов, которыми предполагается закрепить регулирование ряда отношений в цифровой среде, указывается

¹⁴ См.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1917. С. 106, 110.

¹⁵ См.: там же. С. 98 и сл.

¹⁶ См.: Проект Концепции федерального закона «Цифровой кодекс Российской Федерации». URL: <https://a-mor.ru/wp-content/uploads/2023/12/1090-Исх.pdf> (дата обращения: 05.04.2024).

¹⁷ Данная точка зрения высказана на конференции. Автор отметила это, например, здесь: URL: https://vk.com/id241017123?w=wall241017123_265 (дата обращения: 05.04.2024).

¹⁸ См.: Кравченко А.Г., Овчинников А.И. Принципы и приоритеты правовой политики России в сфере цифровой экономики // ВБ: Административное право и практика администрирования. 2020. № 4. С. 1–10.

¹⁹ См.: там же.

обеспечение исчисления и уплаты в бюджеты всех уровней соответствующих налоговых платежей²⁰, а суд в одном из своих решений прямо сравнил переплату в мессенджерах с сапогами-скороходами и голубиной почтой²¹.

В обоих из приведенных случаев не учтен принцип уважения автономии воли человека. По поводу законопроектной деятельности нужно понимать, что регулирование гражданских (частноправовых) отношений само по себе не может быть направлено на достижение целей налогового права. Говоря о примерах из практики, следует помнить, что в силу принципов договорного права суд в каждом конкретном деле должен разбирать волю сторон на возникновение правоотношений, а не формально отказываться от признания за современными технологиями свойств формы сделок.

Допуская такие (вполне резонные) возражения, на них следует ответить в том ключе, что если фундаментальные и устоявшиеся для теории и практики принципы гражданского права не могут сформировать специфическое содержание, подходящее под вновь возникающие общественные отношения, то непосредственно цивилистическая теория принципов дает сбой. Принципы права должны работать следующим образом: а) выявляется новое для экономики и социума общественное отношение; б) фиксируется факт отсутствия регулирования; в) формулируется теоретически значимый и практикоприменимый вывод исходя из толкования принципов права. В последнем случае особую роль должны играть устоявшиеся подходы высших судов к толкованию принципов права. Именно при помощи приведенных логических умозаключений и сделан вышеупомянутый вывод про возможность существования субъективного права на отказ от цифровизации (цифровых технологий), а кроме того, по поводу того, каким образом будет наполнено содержание рассматриваемого права. Если настоящий механизм не работает, т.е. эффективно не решает возникающие правоприменительные проблемы, то принципы права не выполняют своих задач. Это ведет помимо прочего к тому, что отсутствует смысл и в новых принципах, например принципах цифрового права.

²⁰ См.: Пояснительная записка к законопроекту № 237585-8 // Официальный сайт Государственной Думы ФС РФ // https://sozd.duma.gov.ru/bill/237585-8#bh_histtras (дата обращения: 05.04.2024).

²¹ См.: Решение Арбитражного суда города Москвы от 13.07.2021 по делу № А40-197742/2020. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3ee7c57f-7557-49d2-8f75-fe1d71d34f16/9f85fa41-cda4-4970-8b42-c510e379d61d/A40-197742-2020_20210713_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 05.04.2024).

Таким образом, ряд ученых видит новую систему принципов регулирования отношений, связанных с использованием цифровых технологий или возникающих непосредственно при обращении к цифровой среде. Как мы смогли удостовериться, сформулированные принципы явно пересекаются, а иногда вступают в противоречие с принципами гражданского права. В цифровой среде нередко возникают именно частноправовые отношения, касающиеся создания, распространения, использования, хранения, уничтожения и защиты информации, отношения, предметом которых является создание, развитие и эксплуатация информационно-коммуникационных технологий, отношения в области связи²². Такие отношения нередко основаны на автономии воли субъектов, свободе договора и других принципах гражданского права постольку, поскольку подпадают под суть предмета гражданско-правового регулирования. Более того, распространение информации и передача данных в своей основе происходит в связи с договором между частными субъектами. Роль принципа диспозитивности при регулировании рассматриваемых отношений существенна.

Другое дело, когда отношения, возникающие в цифровой среде, явно не являются частноправовыми. Например, речь идет о нарушении публично-правового запрета на распространение определенной информации или установление порядка работы известными правоохранительными органами с информацией. Однако и в таком случае не приходится говорить о самостоятельной системе принципов регулирования возникающих отношений, поскольку будут применяться нормы законодательства об оперативно-розыскной деятельности, положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства и пр. Тем самым следует не формировать новую систему принципов, а установить особые элементы принципов гражданского права для цифровой среды.

Говоря о содержании принципа диспозитивности, к таким компонентам стоит относить не только собственно право на отказ от использования цифровых технологий, но и иные правомочия: на применение различных технических инструментов на отдельных стадиях развития гражданского правоотношения (к примеру, на этапах заключения, исполнения, прекращения договора), на заключение сделок по поводу нетрадиционных для гражданского права объектов и существующих

²² Именно такие отношения, как предполагается, должны стать в своей основе предметом правового регулирования Цифрового кодекса РФ (см.: Проект Концепции федерального закона «Цифровой кодекс Российской Федерации». URL: <https://a-mor.ru/wp-content/uploads/2023/12/1090-Исх.pdf> (дата обращения: 05.04.2024)).

в цифровой форме²³, на использование современных средств в целях самозащиты гражданских прав (в частности, для охраны интересов авторов и иных правообладателей в сети Интернет), на самостоятельное определение сторонами сделки нестандартных способов идентификации друг друга, на выбор дистанционного взаимодействия при осуществлении гражданских прав и исполнении обязанности или инструментов онлайн-правосудия для разрешения возникающих споров. Приведенный перечень элементов ввиду сущности самого принципа диспозитивности должен быть открытым.

В некоторых случаях содержание принципа диспозитивности стоит более точно раскрывать в нормах законодательства. Это касается тех сфер, где презумпция диспозитивности вызывает некоторые разумные сомнения. Так, в отечественной и зарубежной литературе, посвященной наследственному праву, продолжаются споры по поводу допустимости конструкции наследственного договора. Даже в странах, где традиционно наследственный договор находится под запретом (Франция, Бельгия, Италия, др.), наметилась тенденция к ослаблению запрета²⁴. Традиция к запрету наследственного договора была вызвана тем, что он противоречит основному принципу наследственного права — принципу свободы завещания²⁵.

Однако на ситуацию с наследственным договором можно посмотреть с иной стороны: с точки зрения уважения личности, которая вольна выбирать различные формы и варианты передачи своего имущества другим лицам после смерти. Избрание человеком договорных инструментов, а не завещания должно поддерживаться государством. Вместе с тем, учитывая особенности самого наследственного права (большое количество императивных норм), порядка осуществления наследственных прав (с обращением к нотариусу), реализации в течение неопределенно длительного срока, расширение диспозитивности и свободы выбора человека

следует претворять в жизнь через законодательные нормы. Таковые вполне могут быть сформированы применительно к наследованию цифровых активов в Гражданском кодексе РФ.

Не стоит сомневаться в том, что осуществление указанных выше правомочий допустимо постольку, поскольку это прямо не противоречит закону или существу отношений, а также не происходит злоупотребление правом. Например, граждане могут составить завещание только в традиционной «бумажной» форме (абз. 4 п. 1 ст. 1124 ГК РФ), а использование технических средств с явным намерением навязать субъекту тот или иной договор (через особую цветовую гамму сайта или всплывающие окна) могут быть рассмотрены в качестве злоупотребления правом. В любом случае перечень элементов принципа диспозитивности и возможные ограничения в способах осуществления гражданских прав должны толковаться с учетом конституционно значимого принципа приоритета прав личности, потому что сам по себе законодательно гарантированный выбор между традиционной и цифровой формой вытекает из базовой идеи о необходимости уважения личности и ее воли.

Принцип диспозитивности в плане его реализации для конкретных отношений может быть ограничен, но только в той мере, в какой это требуется в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ). Показательно, что свобода осуществления гражданских прав в цифровой среде в настоящий момент систематически ограничивается. В частности, постепенно расширяются запреты, связанные с оборотом цифровой валюты (криптовалюты)²⁶ или с рекламой на различных информационных ресурсах²⁷.

С одной стороны, складывающееся положение дел является закономерным и обусловленным объективными факторами: обнаруживаются ранее не известные общественные отношения, для которых государство должно устанавливать регулирование. До того, как такого рода регулирование появится, взаимодействие субъектов происходит исключительно на основании воли субъектов и свободе их волеизъявлений. Однако в дальнейшем публичная власть, используя различные методы регулирования, среди которых и метод запретов, устанавливает официальные правила игры. В этом плане ограничение принципа диспозитивности для

²³ При этом вопрос о возможном запрете оборота таких объектов или установлении для них специфического правового режима остается на усмотрение государства, которому могут быть опасны, скажем, расчеты «частными криптовалютами» (см.: Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 25, 26). Вместе с тем до тех пор, пока отсутствует императивное регулирование по отношению к тем или иным объектам, субъекты гражданских отношений вольны заключать по поводу них сделки и требовать судебной защиты своих прав, если иное прямо не предусмотрено законом.

²⁴ См.: Stephan Wolf S., Hrubesch-Millauer S., Eggel M. et al. Der Erbvertrag aus rechtsvergleichender Sicht / Il contratto successorio, aspetti di diritto comparato. Stämpfli Verlag AG Bern, 2018. S. 29.

²⁵ См.: Grgic I. T. The Impact of the Contract of Inheritance on the Principle of Freedom of Testation. SGEM Conference on political Sciences, Law, Finance, Economics & Turism. Albena, Bulgaria. Vol. I. P. 851.

²⁶ См., напр.: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ст. 14) // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1), ст. 5018.

²⁷ См.: Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // СЗ РФ. 2006. № 12, ст. 1232.

отношений, возникающих в цифровой среде, — объективный процесс.

С другой стороны, важно создать ограничительный механизм, который не нарушал бы права личности и принцип ее уважения. Как видно из положений абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ и следует из смысла дискуссий по поводу цифрового права или цифрового кодекса, первостепенным основанием для ограничения принципа диспозитивности в цифровой среде является цель обеспечения безопасности государства, а также личности и общества. Следовательно, актуальной остается проблема соотношения принципа диспозитивности и обеспечения безопасности в цифровой среде.

Полагаем, что некое решение может быть найдено. Если говорить о правах и обязанностях участников отношений в онлайн-пространстве, то основой их правового статуса должен стать критерий транспарентности, базирующийся на том, что порядок заключения и исполнения договоров, содержание публичных оферт, возможные механизмы расторжения и прекращения договорных отношений должны быть открыты и понятны. Любой участник таких отношений должен иметь доступ к существенной по конкретному договору информации. В этой ситуации будут гарантированы права личности.

Аналогичный подход следует использовать при обсуждении вопроса о соотношении принципа диспозитивности и правила о необходимости обеспечения безопасности общества и государства. Ограничения прав должны не только основываться на данном базисе, но и быть корректными с точки зрения процедуры: точные формулировки закона, непротиворечивость его положений, логика в изложении дихотомии «право государства — обязанность участника гражданского оборота» и т.д. По поводу конкретных причин ограничения субъективных прав возможны расхождения во мнениях ученых и представителей общественных организаций, но соблюдение формы и открытость дискуссий по ним создадут устойчивое представление о правовом положении участников отношений в цифровой среде, а также сформируют понимание о разумных законных ожиданиях последних. Следовательно, форма (процедура) создает в приведенном случае известную гарантию содержания (основания для ограничения принципа диспозитивности ввиду необходимости обеспечения безопасности общества и государства). В этом плане не всегда удачным примером выступает действующее отечественное правовое регулирование, которое, являясь в определенной степени противоречивым, не позволяет говорить об адекватности тех сложных экономических отношений субъектов, которые реально возникают на практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волос А.А., Иванов А.А. Цифровизация и конституция // Закон. 2022. № 12. С. 34–45.
2. Денисов Д.С. Цифровые экосистемы и право на отказ от технологий // International Journal of Open Information Technologies. 2023. Vol. 11. No. 12. P. 128.
3. Кравченко А.Г., Овчинников А.И. Принципы и приоритеты правовой политики России в сфере цифровой экономики // NB: Административное право и практика администрирования. 2020. № 4. С. 1–10.
4. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1917. С. 98, 106, 110.
5. Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 25, 26.
6. Талапина Э.В. Алгоритмы и искусственный интеллект сквозь призму прав человека // Журнал рос. права. 2020. № 10. С. 25–39.
7. Федотов М.А., Наумов В.Б., Дейнеко А.Г., Тютюк Е.В. Право на отказ от цифровых технологий: результаты экспертного опроса // Труды по интеллектуальной собственности. 2024. Т. 48. № 1. С. 8–28.
8. Яковлев В.Ф. Избр. труды. Т. 2: Гражданское право: История и современность. М., 2012. Кн. 1. С. 92.
9. Basedow J. Der Grundsatz der Nichtdiskriminierung im europäischen Privatrecht // Fundamentale Grundsätze des Privatrechts in vereinigten Europa. Bratislava, 2007. S. 37.
10. Grgic I. T. The Impact of the Contract of Inheritance on the Principle of Freedom of Testation. SGEM Conference on political Sciences, Law, Finance, Economics & Turism. Albena, Bulgaria. Vol. I. P. 851.
11. Stephan Wolf S., Hrubesch-Millauer S., Eggel M. et al. Der Erbvertrag aus rechtsvergleichender Sicht / Il contratto successorio, aspetti di diritto comparato. Stämpfli Verlag AG Bern, 2018. S. 29.
12. Weilingner A. Privatrecht. Eine Einführung. Wien, 2016. S. 6–8.

REFERENCES

1. Volos A.A., Ivanov A.A. Digitalization and the constitution // Law. 2022. No. 12. Pp. 34–45 (in Russ.).
2. Denisov D.S. Digital ecosystems and the right to abandon technologies // International Journal of Open Information Technologies. 2023. Vol. 11. No. 12. P. 128 (in Russ.).
3. Kravchenko A.G., Ovchinnikov A.I. Principles and priorities of Russia's legal policy in the field of digital economy // NB: Administrative Law and Practice of Administration. 2020. No. 4. Pp. 1–10 (in Russ.).
4. Pokrovsky I.A. Basic problems of Civil Law. M., 1917. Pp. 98, 106, 110 (in Russ.).
5. Sukhanov E.A. On the civil nature of “digital property” // Herald of Civil Law. 2021. No. 6. Pp. 25, 26 (in Russ.).
6. Talapina E.V. Algorithms and artificial intelligence through the prism of human rights // Journal of Russ. law. 2020. No. 10. Pp. 25–39 (in Russ.).

7. *Fedotov M.A., Naumov V.B., Deineko A.G., Tytyuk E.V.* The right to abandon digital technologies: results of an expert survey // Works on intellectual property. 2024. Vol. 48. No. 1. Pp. 8–28 (in Russ.).
8. *Yakovlev V.F.* Selected works. Vol. 2: Civil Law: History and modernity. M., 2012. Book 1. P. 92 (in Russ.).
9. *Basedow J.* Der Grundsatz der Nichtdiskriminierung im europäischen Privatrecht // Fundamentale Grundsätze des Privatrechts in vereinigten Europa. Bratislava, 2007. S. 37.
10. *Grgic I.T.* The Impact of the Contract of Inheritance on the Principle of Freedom of Testation. SGEM Conference on political Sciences, Law, Finance, Economics & Turism. Albena, Bulgaria. Vol. 1. P. 851.
11. *Stephan Wolf S., Hrubesch-Millauer S., Eggel M. et al.* Der Erbvertrag aus rechtsvergleichender Sicht / Il contratto successorio, aspetti di diritto comparato. Stämpfli Verlag AG Bern, 2018. S. 29.
12. *Weilinger A.* Privatrecht. Eine Einführung. Wien, 2016. S. 6–8.

Сведения об авторе

ВОЛОС Алексей Александрович —
кандидат юридических наук, доцент,
доцент департамента частного права
факультета права Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»;
101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20
ORCID: 0000-0001-5951-1479

Authors' information

VOLOS Alexey A. —
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Private Law, Faculty of Law,
National Research University
“Higher School of Economics”;
20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia

УДК 349.6

УСТАНОВЛЕНИЕ ОХРАННЫХ ЗОН ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

© 2025 г. Е. В. Лунева^{1, 2}

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет;

²Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: vilisa_vilisa@mail.ru

Поступила в редакцию 22.04.2024 г.

Аннотация. Исследуются недостатки юридической техники (правовая неопределенность, правовые пробелы, отсутствие конкретизации правовых норм) в области установления охранных зон особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ). Сформулировано определение охранных зон ООПТ и показана их роль в сохранении последних. Обоснована необходимость обязательного создания охранных зон для всех категорий ООПТ федерального, регионального и местного значения, а не только вокруг государственных природных заповедников, национальных парков, природных парков и памятников природы. Выявлено отсутствие или позднее образование охранных зон у многих природных парков и памятников природы регионального значения, черты императивности в создании которых появились в конце 2013 года, а также причины сложившейся ситуации (неопределенность срока установления, отсутствие конкретизации правовых норм о моменте возникновения обязанности разработки проекта решения об установлении охранный зоны ООПТ регионального значения, специальных процедур установления охранных зон приграничных ООПТ регионального и местного значения, а также возможности установления единой охранный зоны для близко расположенных ООПТ). С учетом судебной практики сформулированы рекомендации по внесению изменений в законодательство об установлении охранных зон ООПТ.

Ключевые слова: особо охраняемая природная территория, охранный зона, зона с особыми условиями использования территории, государственный природный заповедник, национальный парк, природный парк, памятник природы, государственный природный заказник, негативное антропогенное воздействие, правовые запреты, правовые ограничения.

Цитирование: Лунева Е. В. Установление охранных зон особо охраняемых природных территорий // Государство и право. 2025. № 1. С. 135–144.

DOI: 10.31857/S1026945225010126

ESTABLISHMENT OF PROTECTIVE ZONES OF SPECIALLY PROTECTED NATURAL TERRITORIES

© 2025 E. V. Luneva^{1, 2}

¹Kazan (Volga Region) Federal University

²St. Petersburg State University

E-mail: vilisa_vilisa@mail.ru

Received 22.04.2024

Abstract. The paper examines the shortcomings of legal techniques (legal uncertainty, legal gaps, lack of specification of legal norms) in the establishment of protection zones for especially protected natural territories (hereinafter – SPNT). The definition of protection zones for SPNT is formulated, and their role in preserving the latter is demonstrated. The need for mandatory creation of protection zones for all categories of federal, regional, and local SPNTs is justified, not only around state nature reserves, national parks, natural parks, and nature monuments. The absence or delayed establishment of protection zones for many regional nature parks and nature monuments of regional importance is identified. Features of imperativeness in their establishment emerged at the end of 2013, as well as the reasons for the current situation (uncertainty about the deadline for establishment, lack of specification of legal norms regarding the moment when the obligation to develop a decision on establishing a protection zone for regional SPNT arises, special procedures for establishing protection zones for border SPNTs of regional and local importance, as well as the possibility of establishing a single protection zone for closely located SPNTs). Taking into account the judicial practice, recommendations for amending the legislation on the establishment of protection zones for SPNT are formulated.

Key words: specially protected natural territory, protection zone, zone with special conditions for land use, state nature reserve, national park, natural park, nature monument, state nature sanctuary, negative anthropogenic impact, legal prohibitions, legal restrictions.

For citation: Luneva, E.V. (2025). Establishment of protective zones of specially protected natural territories // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 135–144.

29 февраля 2024 г. Президент РФ в Послании Федеральному Собранию¹ объявил продолжение работы по сохранению особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ). Запланировано создание инфраструктуры экологического туризма, включая экологические тропы и пешие туристические маршруты в ООПТ. Решение обозначенных стратегических задач возможно только в условиях высокой эффективности законодательства об охране и использовании ООПТ. Однако в сфере установления охранных зон ООПТ имеются существенные недостатки юридической техники (правовая неопределенность, правовые пробелы, отсутствие конкретизации правовых норм), которые отрицательно сказываются на результативности соответствующего правового регулирования. В итоге цель, заложенная в правовых нормах, не достигается. Требуется качественно иной подход к установлению охранных зон ООПТ.

Понятие, значение охранной зоны ООПТ, ее правовой режим. В российском законодательстве отсутствует понятие термина «охранная зона ООПТ». В то же время системное применение п. 10 ст. 2 Закона об ООПТ, п. 4 ст. 95 и п. 11 ст. 105 Земельного кодекса РФ позволяет ее определить как прилегающую к ООПТ зону с особыми условиями использования территории, образованную из земельных участков и водных объектов, где в целях предотвращения негативных воздействий на ООПТ введены правовые ограничения. Охранная зона защищает ООПТ от негативного воздействия, исходящего от приграничных территорий.

В научной литературе также признается существенное значение охранных зон ООПТ в защите последних. Например, О.М. Козырь относит охранную зону к охранному зонированию

территории и к основным мерам охраны ООПТ², К.М. Широков – к одной из мер по охране отдельных категорий ООПТ³. По обоснованному мнению О.А. Золотовой, запреты и ограничения, действующие в охрannой зоне ООПТ как пространственном барьере, направлены на уменьшение негативного воздействия на ООПТ⁴. Такая зона способствует охране уникальных и редких природных комплексов и объектов в ООПТ за счет плавного перехода от меньшего количества правовых запретов и ограничений к большему⁵.

Зарубежные исследователи под охрannой зоной (периферийная зона – *peripheral zone*, периферийная территория – *peripheral area*) понимают продолжение экосистемы ООПТ, которая играет роль общей экологической защиты ООПТ, буфера и устойчивого социально-экономического развития, являясь местом сосредоточения объектов туристического обслуживания⁶. ООПТ и их охранные зоны характеризуют как единые социально-экологические системы, где в границах охранной зоны действует

² См.: Козырь О.М. Особо охраняемые природные территории – анализ современного правового регулирования // Аграрное и земельное право. 2009. № 11 (59). С. 68.

³ См.: Широков К.М. Особенности правового режима земельных участков в границах охранных зон особо охраняемых природных территорий // Правосудие. 2020. Т. 2. № 2. С. 195, 198–201.

⁴ См.: Золотова О.А. Правовой режим земель охранных зон: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 20.

⁵ См.: Лунева Е.В. Правовая охрана георазнообразия // Журнал рос. права. 2024. Т. 28. № 3. С. 96. DOI: 10.61205/jrp.2024.3.4

⁶ См.: He Z.H.U., Jia-ming L.I.U. Spatial evolution of the peripheral area of nature reserve under the guidance of tourism: Taking the peripheral area of Changbai Mountain National Nature Reserve as an example // Journal of Natural Resources. 2023. No. 38 (4). Pp. 919, 920. DOI: 10.31497/zrzyxb.20230406.

¹ См.: Росс. газ. 2024. 1 марта.

переходный правовой режим, сочетающий экологический прагматизм и адаптивное управление⁷.

Правовой режим охранных зон намного мягче, чем правовой режим ООПТ, как с позиции оборотоспособности, так и с позиции пределов использования земельных участков. В отличие от земельных участков в ООПТ, земельные участки в их охранных зонах свободны в обороте⁸ (совокупное применение ст. 27, п. 1, 4 ст. 95 ЗК РФ)⁹.

В пределах охранных зон предусматривается гораздо меньше правовых запретов и ограничений хозяйственной и иной деятельности, чем в самой ООПТ. В границах охранных зон запрещается только та деятельность, которая оказывает негативное воздействие на ООПТ (п. 4 ст. 95 ЗК РФ). Конкретизация запретов, ограничений и дозволений осуществляется в положении об охранной зоне определенной ООПТ. Например, в охранной зоне памятника природы «Устье реки Держи» запрещены семь видов деятельности, включая применение химических средств борьбы с вредителями, гербицидов и стимуляторов роста, складирование ядохимикатов, минеральных и органических удобрений, нефтепродуктов и др.¹⁰ В данной охранной зоне разрешено также семь видов деятельности, включая использование земельных участков с учетом запретов и ограничений, перечисленных выше, организация эколого-просветительских мероприятий (проведение учебно-познавательных экскурсий, обустройство экологических учебных и экскурсионных троп) и др.¹¹

Отсутствие охранных зон у ООПТ создает условия как для неконтролируемого застраивания земель, граничащих с ООПТ, так и для размещения на них объектов негативного воздействия (объекты размещения отходов, различных опасных веществ, скотомогильники, биотермические ямы, устройство снеговых свалок и т.п.), что провоцирует рост антропогенной нагрузки на ООПТ, их деградацию и гибель в последующем. Например, в Ярославской области отсутствие охранной зоны у памятника природы «Долина р. Талицы» могло

привести к выделению земельного участка для размещения городского кладбища, граничащего с указанной ООПТ¹². Поэтому отсутствие охранных зон увеличивает вероятность негативного воздействия на ООПТ с прилегающих к ним территорий и акваторий, причинения вреда уникальным и редким природным достопримечательностям.

В сфере установления охранных зон ООПТ ключевым является вопрос справедливого соотношения публичных (государственных, муниципальных, общественных) и частных интересов. Дело в том, что при создании в охранные зоны ООПТ могут попасть земельные участки всех форм собственности, которые не изымаются у их правообладателей (п. 3 ст. 104 ЗК РФ). Правообладатели используют земельные участки с соблюдением особого правового режима. С одной стороны, охранная зона ООПТ через правовые ограничения и запреты на земельных участках физических и юридических лиц обеспечивает публичный интерес государства и интересы неопределенного круга лиц на благоприятную окружающую среду, поддержание ее качества. С другой стороны, сохраняя уникальные и типичные природные комплексы и объекты, достопримечательные природные образования в ООПТ, правообладателям земельных участков в охранных зонах предоставляется не только право на возмещение возникших у них убытков в связи с установлением таких зон, но и возможность осуществления специализированной предпринимательской деятельности в сфере рекреации, туризма и спорта.

Охранная зона не будет препятствовать ни одному виду хозяйственной деятельности, включая туристическую деятельность, разрешенную в ООПТ, наоборот, охранная зона будет только способствовать ее развитию. В перспективе российскому законодателю следует изменить подход к туристической деятельности в ООПТ. Туристический сервис целесообразно размещать не в самих ООПТ, а в границах их охранных зон. В целях сохранения консервативной охраны природы, в ООПТ стоит разрешать организовывать только экологические маршруты и тропы, а инфраструктурно развивать надо именно охранную зону.

Категории ООПТ, вокруг которых действующим законодательством предусмотрено установление охранных зон. В настоящее время охранные зоны устанавливаются вокруг не всех категорий ООПТ, а только применительно к (1) государственным природным заповедникам, (2) национальным паркам, (3) природным паркам и (4) памятникам природы (п. 10 ст. 2 Закона об ООПТ, п. 4 ст. 95 и п. 11

⁷ См.: Mathevet R., Thompson J.D., Folke C., Chapin F.S. III. Protected areas and their surrounding territory: socioecological systems in the context of ecological solidarity // *Ecological Applications*. 2016. No. 26 (1). P. 14. DOI: 10.1890/14-0421

⁸ См.: Лунева Е.В. Правовой режим земельных участков в особо охраняемых природных территориях. М., 2018. С. 28, 29.

⁹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 28.05.2015 № 58-КГ15-2 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: пункт 5 Положения об охранной зоне особо охраняемой природной территории регионального значения — памятника природы «Устье реки Держи», утв. постановлением губернатора Тверской области от 31.10.2023 № 63-пг // Тверские ведомости. 2023. № 43.

¹¹ См.: там же (п. 6).

¹² См.: Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20.12.2023 № 88а-33583/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

ст. 105 ЗК РФ). К сожалению, вокруг государственных природных заказников, дендрологических парков, ботанических садов, иных закрепленных законами субъектов Российской Федерации категорий ООПТ регионального значения, ООПТ местного значения создание охранных зон не предусмотрено. Однако их тоже необходимо защищать от негативного воздействия приграничных территорий. В юридической литературе не излишним признается создание охранных зон вокруг государственных природных заказников, ботанических садов и дендрологических парков¹³. Так же критически относится к правовым нормам об установлении охранных зон не у всех ООПТ В.В. Зозуля¹⁴.

Учитывая особое значение охранных зон, их статус должен устанавливаться у всех категорий ООПТ. Подтверждением чему является наличие охранных зон у ботанических садов и дендрологических парков, созданных и функционирующих как памятники природы регионального значения, а не как категории «ботанический сад» и «дендрологический парк». Например, у расположенного в городе Воронеже памятника природы «Ботанический сад им. Б.М. Козо-Полянского Воронежского государственного университета» установлена охранный зона площадью в 0.96 га¹⁵. Площадь охранный зоны памятников природы «Ботанический сад им. Б.А. Келлера», «Дендрарий Хреновского лесного колледжа», «Дендропарк с. Тумановка» составляет 0.04 га, 67.06 га и 1.28 га¹⁶ соответственно. В городе Москве существует аналогичный пример созданной в 2015 г. ООПТ регионального значения «Памятник природы “Ботанический сад имени П.И. Травникова”», вокруг которой охранный зона была установлена в 2020 г.¹⁷

¹³ См.: Жилева Е.А. Современные проблемы правового регулирования режима особо охраняемых природных территорий // *Фундаментальные исследования*. 2006. № 2. С. 77.

¹⁴ См.: Бринчук М.М., Дубовик О.Л., Зозуля В.В. и др. Комментарий к Федеральному закону от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (постатейный) / под ред. О.Л. Дубовик. 2-е изд., перераб. и доп. // СПС «КонсультантПлюс». 2015 (автор комментария к ст. 2 (п. 3.4) – В.В. Зозуля).

¹⁵ См.: Указ губернатора Воронежской области от 30.08.2022 № 146-у «Об установлении охранных зон отдельных особо охраняемых природных территорий областного значения». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3600202209010007>

¹⁶ См.: там же.

¹⁷ См.: постановление Правительства Москвы от 02.06.2020 № 680-ПП (ред. от 31.10.2023) «Об особо охраняемой природной территории регионального значения “Памятник природы “Ботанический сад имени П.И. Травникова” и ее охранный зоне» // *Вестник Мэра и Правительства Москвы*. Спецвып. 2020. № 24.

До 30 декабря 2013 г.¹⁸ законодателем была предоставлена возможность создавать охранные зоны вокруг любых категорий ООПТ. Тогда охранные зоны были образованы и у ряда государственных природных заказников (по действующему законодательству они не устанавливаются). Например, в 2011 г. в Ленинградской области одновременно были созданы заказник «Гостилицкий» и его охранный зона площадью 616.8 га¹⁹. В 2012 г. в Амурской области вокруг заказника «Усть-Тыгдинский» была образована охранный зона на 78 350 га²⁰. Указанные охранные зоны не будут упразднены, они сохраняются в своих границах²¹.

До 30 декабря 2013 г. законодатель использовал формулировку «могут создаваться» (п. 3 ст. 2 Закона об ООПТ), наделяя норму об образовании охранных зон ООПТ диспозитивным характером. После 30 декабря 2013 г. правовое регулирование создания охранных зон ООПТ приобрело черты императивности, поскольку вместо словосочетания «могут создаваться» стала использоваться форма глагола «создаются» (п. 10 ст. 2 Закона об ООПТ). В 2018 г. указанный глагол был заменен на синоним «устанавливаются»²² (п. 10 ст. 2 Закона об ООПТ), но не на формулировку «должны быть установлены». Таким образом, еще в конце 2013 г. законодателем был осуществлен переход от права по созданию охранных зон любых категорий ООПТ к элементам императивности создания охранных зон отдельных категорий ООПТ.

¹⁸ Дата вступления в силу Федерального закона от 28.12.2013 № 406-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об особо охраняемых природных территориях” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *СЗ РФ*. 30.12.2013. № 52 (ч. I), ст. 6971.

¹⁹ См.: абзац 2 п. 4, абз. 2 п. 8, п. 10, 13, 15–17, 20 Положения о государственном природном заказнике «Гостилицкий» и внесении изменений в постановление Правительства Ленинградской области от 26 декабря 1996 года № 494 «О приведении в соответствие с новым природоохранным законодательством Российской Федерации существующей сети особо охраняемых природных территорий Ленинградской области» (утв. постановлением Правительства Ленинградской области от 11.03.2011 № 47) // *Вестник Правительства Ленинградской области*. 2011. № 18.

²⁰ См.: постановление губернатора Амурской области от 27.12.2010 № 497 «Об образовании охранный зоны Государственного зоологического заказника областного значения “Усть-Тыгдинский”» // *Амурская правда*. 2010. 29 дек.

²¹ См.: пункт 3 ст. 10 Федерального закона от 28.12.2013 № 406-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об особо охраняемых природных территориях” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *СЗ РФ*. 2013. № 52 (ч. I), ст. 6971.

²² См.: абзац 2 ст. 3 Федерального закона от 03.08.2018 № 342-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *СЗ РФ*. 2018. № 32 (ч. II), ст. 5135.

Большинство охранных зон ООПТ федерального значения было установлено еще до 2013 г.²³ По сведениям ИАС ООПТ РФ²⁴, в настоящее время охранные зоны созданы у государственных природных заповедников, национальных парков и памятников природы федерального значения.

Возникла проблема создания охранных зон у ООПТ регионального значения. Вокруг значительного количества природных парков, памятников природы регионального значения охранные зоны до сих пор не установлены. Например, в Республике Татарстан без охранных зон функционируют такие памятники природы, как «Игимский бор» (создан 19.05.1972), «Выход асфальтита» (создан 20.07.1981), «Ильинская балка» (создан 20.07.1981), «Колония серой цапли» (создан 25.02.1983), «Семиеозерский лес» (создан 26.12.1986), «Кукморская гора» (создан 24.04.1989), «Петровские сосны» (создан 24.04.1989), «Кедровый парк» (создан 24.10.1994) и др.²⁵ В Санкт-Петербурге вокруг памятников природы «Дудергофские высоты» (создан 22.04.1992), «Комаровский берег» (создан 22.04.1992), «Стрельнинский берег» (создан 22.04.1992), «Парк “Сергиевка”» (создан 22.04.1992)²⁶ охранные зоны также не образованы. В Республике Башкортостан без охранных зон функционируют природные парки «Аслы-Куль» (создан 19.01.1993), «Кандры-Куль» (создан 18.01.1995), «Мурадымовское ущелье» (создан 23.01.1998), «Иремель» (создан 31.12.2010), а также 116 памятников природы регионального значения²⁷.

Закрепленная законодателем обязанность установления охранных зон в отношении отдельных категорий ООПТ может привести к использованию законных способов их не создавать. Таким способом является изменение категории «природный парк» и «памятник природы» регионального значения на любую иную предусмотренную законом субъекта Российской Федерации категорию ООПТ регионального значения (например, на рекреационную местность, природный микрозаказник, природно-исторический комплекс, территорию

охраняемого ландшафта²⁸ и др.), для которых действующим законодательством установление охранных зон не предусмотрено.

Минимальная ширина охранной зоны нормативно прописана исключительно для государственного природного заповедника и национального парка²⁹. В целях уменьшения злоупотреблений при установлении охранных зон ООПТ следует предусмотреть их минимальную ширину для каждой категории ООПТ федерального значения, а для остальных ООПТ минимальная ширина охранной зоны может быть закреплена, исходя из их значения: отдельно для ООПТ регионального значения в целом, отдельно для ООПТ местного значения в целом.

Недостатки юридической техники в сфере установления охранных зон ООПТ. Использование в п. 10 ст. 2 Закона об ООПТ глагола несовершенного вида настоящего времени «устанавливаются» создает правовую неопределенность. С одной стороны, такая форма глагола не предусматривает альтернативного варианта поведения, с другой — предполагает длящееся незаконченное действие, которое может осуществляться бесконечно долго.

Применительно к ООПТ регионального значения действующая юридическая процедура установления охранных зон состоит из двух основных этапов:

1) подготовка проекта решения о создании охранной зоны ООПТ, об установлении ее границ, положения с описанием правового режима, обосновывающая пояснительная записка (п. 21 Правил создания охранных зон ООПТ). Этап осуществляется высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, например Департаментом недропользования и экологии Тюменской области³⁰, Министерством лесного хозяйства и природопользования Ярославской области³¹ и т.д., в положениях о которых имеется соответствующее полномочие;

²³ См.: Золотова О.А. Правовой режим земель охранных зон природных объектов и комплексов // Журнал рос. права. 2013. № 5. С. 73.

²⁴ См.: Информационно-аналитическая система «Особо охраняемые природные территории России». URL: <http://www.oopt.aari.ru/>

²⁵ См.: там же.

²⁶ См.: Перечень ООПТ регионального значения в Санкт-Петербурге. URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/ecology/gosudarstvennyj-kadastr-osobo-ohranяemyh-prirodnyh-territoriy-oopt/>

²⁷ См.: Кадастровые сведения об особо охраняемых природных территориях регионального и местного значения Республики Башкортостан по состоянию на 01.01.2024. URL: <https://ecology.bashkortostan.ru/activity/1037/>

²⁸ См.: часть 1.1 ст. 6 Закона Республики Бурятия от 29.12.2005 № 1438-III (ред. от 06.07.2023) «Об особо охраняемых природных территориях Республики Бурятия» // Бурятия. 2005. № 246. Официальный вестник № 58.

²⁹ См.: пункт 11 Правил создания охранных зон отдельных категорий ООПТ, установления их границ, определения режима охраны и использования земельных участков и водных объектов в границах таких зон, утв. постановлением Правительства РФ от 19.02.2015 № 138 (ред. от 04.10.2021) // СЗ РФ. 2015. № 9, ст. 1323 (далее — Правила создания охранных зон ООПТ).

³⁰ См.: пункт 2.1.18 Положения о Департаменте недропользования и экологии Тюменской области (утв. постановлением Правительства Тюменской области от 03.06.2015 № 232-п (ред. от 12.02.2024)) // СПС «КонсультантПлюс».

³¹ См.: пункт 3.1.9.4. Положения о Министерстве лесного хозяйства и природопользования Ярославской области (утв. постановлением Правительства Ярославской области от 18.08.2023 № 792-п) // Документ-Регион. 2023. № 68.

2) принятие самого решения (п. 19). Этап осуществляется высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации, например губернатором Ярославской области³², губернатором Пермского края³³, главой Республики Башкортостан³⁴, главой Республики Бурятия³⁵ и т.д.

Однако в законодательстве ничего не говорится о сроках подготовки проекта решения о создании охранной зоны ООПТ, моменте возникновения обязанности подготовить такой проект решения. В результате в худшем случае у отдельных категорий ООПТ регионального значения охранные зоны вообще не установлены, в лучшем случае — установлены, но через длительное время после создания ООПТ регионального значения. Например, в Республике Башкортостан в 2021–2022 гг. были образованы охранные зоны и утверждены положения о них для памятников природы регионального значения, созданных в разные годы³⁶ (табл. 1).

В Санкт-Петербурге у памятников природы «Петровский пруд», «Елагин остров», «Долина реки Поповки» охранные зоны были установлены через четыре–шесть лет после создания соответствующих ООПТ (табл. 2).

Отсутствие в законодательстве конкретного срока установления охранных зон ООПТ может привести к бездействию органов государственной власти, что и получилось на практике. Заложенный в правовой норме итоговый результат не достигнут³⁷, поскольку не предусмотрено необходимых конкретизирующих норм³⁸.

Не урегулированным является установление охранных зон, расположенных на территории одного субъекта РФ природных парков и памятников природы регионального значения, граница которых совпадает с границей одного или нескольких субъектов Российской Федерации³⁹. В результате в нашей стране есть ООПТ регионального значения, где охранный зона установлена только с од-

Таблица 1

**Создание некоторых памятников природы регионального значения
Республики Башкортостан и установление их охранных зон**

№	Название памятника природы регионального значения	Дата создания ООПТ	Дата установления охранной зоны
1.	Гора Тратау	17.08.1965	22.07.2021
2.	Карламанская пещера	17.08.1965	22.07.2021
3.	Охлебининская гипсовая пещера	17.08.1965	22.07.2021
4.	Скала Большой Колпак	17.08.1965	22.07.2021
5.	Гора Юрактау	26.12.1985	22.07.2021
6.	Озеро Тугар-Салган	26.12.1985	22.07.2021
7.	Пещера Зигановка и ее окрестности	26.12.1985	29.12.2021
8.	Гора Куштау	02.09.2020	22.07.2021
9.	Озеро Талкас	14.10.2021	18.04.2022

³² См.: пункт 2 ст. 12 Закона Ярославской области от 28.12.2015 № 112-з (ред. от 27.12.2021) «Об особо охраняемых природных территориях регионального и местного значения в Ярославской области».

³³ См.: пункт 1 ст. 10 Закона Пермского края 04.12.2015 № 565-ПК (ред. от 30.01.2023) «Об особо охраняемых природных территориях Пермского края».

³⁴ См.: пункт 2 ч. 11 ст. 2 Закона Республики Башкортостан от 31.07.1995 № 5-з (ред. от 01.02.2024) «Об особо охраняемых природных территориях в Республике Башкортостан» // Ведомости Государственного собрания, Президента и Кабинета министров Республики Башкортостан. 1995. № 10 (40), ст. 399.

³⁵ См.: пункт 1 ст. 3.1 Закона Республики Бурятия от 29.12.2005 № 1438-III (ред. от 06.07.2023) «Об особо охраняемых природных территориях Республики Бурятия».

³⁶ См.: Указ Главы Республики Башкортостан от 22.07.2021 (ред. от 18.04.2022) № УГ-375 «О создании охранных зон памятников природы республиканского значения» // Ведомости Государственного собрания — Курултая, Главы и Правительства Республики Башкортостан. 2021. № 23 (713), ст. 1216.

ной стороны — на территории одного субъекта Российской Федерации, а на территории второго субъекта Российской Федерации она отсутствует. Например, у памятника природы Ленинградской области «Озеро Ястребиное», находящегося на границе Ленинградской области и Республики Карелия, охранный зона установлена только со стороны Ленинградской области вдоль восточной, южной и западной границ ООПТ⁴⁰. Об этой проблеме писала О.А. Золотова⁴¹ еще в 2013 г., однако до сих

³⁷ См.: Лунева Е.В. Правовая охрана георазнообразия. С. 96.

³⁸ См.: Петров В.В. Экология и право. М., 1981. С. 106.

³⁹ См.: Лунева Е.В. Правовая охрана георазнообразия. С. 97.

⁴⁰ См.: пункты 10, 14 Паспорта комплексного памятника природы «Озеро Ястребиное» (утв. постановлением Правительства Ленинградской области от 19.04.2012 № 117) // Вестник Правительства Ленинградской области. 2012. № 47

⁴¹ См.: Золотова О.А. Правовой режим земель охранных зон: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 98, 99.

Таблица 2

**Создание некоторых памятников природы регионального значения
Санкт-Петербурга и установление их охранных зон**

№	Название памятника природы регионального значения	Дата создания ООПТ	Дата установления охранной зоны
1.	Петровский пруд	15.02.2011	28.03.2017
2.	Елагин остров	26.06.2012	18.07.2018
3.	Долина реки Поповки	25.12.2013	21.02.2018

пор обозначенный законодательный пробел не был ликвидирован.

Не предусмотрено в законодательстве и возможности установления единой охранной зоны для близко расположенных ООПТ, что особенно актуально при развитии локальных сетей ООПТ в ареале обитания находящихся под угрозой исчезновения биологических видов. Единая охранная зона способствовала бы сохранению экосистемных связей между такими ООПТ, укрепляла бы экологический каркас России.

Правоприменительная деятельность в сфере регулирования установления охранных зон отдельных категорий ООПТ регионального значения. В научной литературе встречается мнение, указывающее на отсутствие в законодательстве императивных норм об обязательности создания охранных зон⁴². Однако, несмотря на дилеммный характер используемой формы глагола «устанавливается», прокуратура занимает однозначную правовую позицию о необходимости установления охранных зон вокруг природных парков и памятников природы и квалифицирует ее в системе действующего правового регулирования именно как обязанность⁴³.

Прокурорами подаются в суд заявления об обязанности совершить определенные действия двух видов: (1) содержащие требования по разработке проекта решения о создании охранной зоны для единичных ООПТ регионального значения; (2) содержащие аналогичные требования, но сразу для всех ООПТ регионального значения субъекта Российской Федерации, в отношении которых федеральным законодательством предусмотрено установление охранной зоны.

1. Административные иски о признании недействительными решений о создании охранной зоны для единичных ООПТ регионального значения. 26 января 2022 г. Гатчинским городским судом Ленинградской области полностью было удовлетворено требование прокурора обязать региональный комитет по природным ресурсам в течение

одного года со дня вступления в законную силу решения суда подготовить проект решения о создании охранной зоны памятника природы «Обнажения девона на реке Оредеж у поселка Белогорка» (создан 26.12.2016), после чего передать его в ведение Правительства Ленинградской области⁴⁴. При этом судом не был изменен срок для совершения требуемых действий на более длительный. Несмотря на то что указанное решение суда было поддержано апелляционной и кассационной инстанциями, охранная зона этого памятника природы так и не была установлена⁴⁵.

Было удовлетворено требование прокурора обязать Министерство лесного хозяйства и природопользования Ярославской области подготовить предложение о создании охранной зоны памятника природы «Долина р. Талицы» (создан 21.01.2005), после чего передать его в ведение Правительства Ярославской области. При этом суд увеличил срок для совершения соответствующего действия с шести месяцев со дня вступления в законную силу решения суда, заявленных прокурором, на один год и шесть месяцев⁴⁶.

Решением Заволжского районного суда города Ярославля от 13 апреля 2023 г., поддержанным апелляционной и кассационной инстанциями, на профильный департамент возложена обязанность подготовить проекты решений о создании охранных зон следующих памятников природы: «Смоленский бор» (создан 12.08.1988), «Кедровник Толгского монастыря» (создан 25.07.1966), «Верхний остров на реке Волге» (создан 27.05.1993), «Воздвиженский бор» (создан 12.08.1988). С учетом недостатка финансирования осуществления комплекса работ на основе

⁴⁴ См.: Решение Гатчинского городского суда Ленинградской области от 26.01.2022 № 2а-615/2022. URL: https://gatchinsky-lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_or=doc&number=234753047&delo_id=41&case_type=0&new=0&text_number=1&srv_num=1

⁴⁵ См.: Перечень ООПТ регионального и местного значения в Ленинградской области (по состоянию на 01.01.2024) // Официальный сайт Комитета по природным ресурсам Ленинградской области. URL: <https://nature.lenobl.ru/ru/deiatelnost/organizaciya-i-funkcionirovanie-osobo-ohranyaemyh-prirodnih-territorij/perechen-osobo-ohranyaemyh-prirodnih-territorij-oopt-regionalnogo-i-20/>

⁴⁶ См.: Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20.12.2023 № 88а-33583/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴² См.: Широков К. М. Указ. соч. С. 199.

⁴³ См., напр.: Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 24.01.2024 № 88а-2288/2024 по делу № 2-853/2023; Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20.12.2023 № 88а-33583/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

государственных контрактов в субъекте Российской Федерации суд также продлил срок подготовки проектов соответствующих решений и передачи их, однако срок определил не периодом времени, а конкретной датой — до 1 января 2025 г.⁴⁷

2. *Административные иски о признании недействительными решений о создании охранной зоны для всех ООПТ регионального значения субъекта Российской Федерации, в отношении которых федеральным законодательством предусмотрено установление охранной зоны.* Наличие значительного количества природных парков и памятников природы регионального значения без охранных зон привело к подаче прокурорами заявлений в суд сразу по всем ним. Поэтому законодательный пробел по срокам установления охранных зон ООПТ здесь приобретает гораздо больший масштаб по сравнению с предыдущим видом споров о единичных ООПТ.

10 декабря 2021 г. прокуратура Оренбургской области обратилась в суд о признании незаконным бездействия профильного министерства и возложении на него обязанности подготовить проекты решений об установлении охранных зон у 330 (!) памятников природы регионального значения в срок до 1 мая 2022 г., т.е. менее чем через три месяца с момента вступления в законную силу решения суда. Суды первой и апелляционной инстанции отказали в удовлетворении требований. Кассация полностью отменила решение апелляции и отправила административное дело на новое апелляционное рассмотрение, поскольку для установления разумного срока для подготовки и направления предложения о создании охранных зон у такого значительного по совокупной площади и количеству ООПТ регионального значения требуется выяснение объема работ, порядка финансирования⁴⁸. При новом рассмотрении требования прокурора были удовлетворены, а срок для подготовки проектов соответствующих решений увеличен до одного года со дня вступления судебного акта в законную силу⁴⁹.

Похожая ситуация возникла и в Свердловской области. Прокурор обратился в суд с требованием о признании незаконным бездействия профильного министерства по подготовке проектов решений по установлению охранных зон одного природного парка и 108

памятников природы регионального значения. В данном случае возложение обязанности на больший срок было оговорено сразу, а не как в предыдущем примере — в течение 18 месяцев со дня вступления решения суда в законную силу. Суды первой и апелляционной инстанции отказали в удовлетворении требований. Кассация отменила их решения, направив дело на новое рассмотрение, поскольку требовалось определение разумного срока исполнения обязанности⁵⁰.

В Амурской области Благовещенская межрайонная природоохранная прокуратура обратилась в суд с требованием о возложении в течение 6 месяцев со дня вступления решения суда в законную силу на профильное управление обязанности по подготовке проектов решений об установлении охранных зон у 53 памятников природы регионального значения. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении требований, поскольку предварительно необходимо было определить границы ООПТ и только потом устанавливать их охранные зоны. Суд апелляционной инстанции удовлетворил требования прокуратуры частично, а именно только по пяти памятникам природы регионального значения, границы которых были внесены в ЕГРН⁵¹. Кассация оставила решение суда апелляционной инстанции без изменения⁵². Таким образом, момент возникновения обязанности по подготовке проекта решения о создании охранной зоны ООПТ регионального значения фактически наступает с момента внесения в ЕГРН сведений о границах таких ООПТ.

Не вносит ясность в отношении срока установления охранных зон отдельных категорий ООПТ и Федеральный закон № 342-ФЗ⁵³. Частью 14 ст. 26 указанного Закона установлен срок (не позднее 01.01.2028 г.) для проведения работ по установлению охранных зон ООПТ, которые не были созданы до 1 января 2025 г. либо не были установлены границы такой зоны. С одной стороны, можно ставить вопрос об обоснованности сроков возложения судами обязанности по разработке проектов охранных зон ООПТ, датированных раньше, чем 1 января 2028 г. С другой стороны, рассматриваемая правовая норма определяет предельный срок установления охранных зон, не освобождает от исполнения обязанности по подготовке проекта

⁴⁷ См.: Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 24.01.2024 № 88а-2288/2024 по делу № 2-853/2023.

⁴⁸ См.: Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25.01.2023 № 88а-757/2023.

⁴⁹ См.: Официальный сайт Государственной автоматизированной системы РФ «Правосудие». Оренбургский областной суд. Судебное дело/производство и судебные акты. URL: https://oblsud-orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&sr_v_num=1&name_op=doc&number=26535175&delo_id=42&new=0&text_number=1

⁵⁰ См.: Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 08.11.2023 № 88а-20123/2023 по делу № 2а-5395/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵¹ См.: Апелляционное определение Амурского областного суда от 24.04.2019 по делу № 33АПа-662/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵² См.: Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 27.11.2019 № 88а-522/2019 по делу № 2а-8733/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵³ См.: Федеральный закон от 03.08.2018 № 342-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 32 (ч. II), ст. 5135.

решения о создании охранной зоны ООПТ, а констатирует необходимость осуществления соответствующих действий не позднее определенной даты⁵⁴.

Есть субъекты Российской Федерации, в которых активно устанавливаются охранные зоны ООПТ регионального значения. Например, в Белгородской области такая работа ведется с 2018 г. по городским округам⁵⁵, муниципальным районам⁵⁶ и городским поселениям⁵⁷.

В 2019 г. в Воронежской области охранные зоны были созданы для 43 памятников природы регионального значения⁵⁸. В 2022 г. охранные зоны установили еще у 111 ООПТ регионального значения⁵⁹.

В марте 2024 г. вступило в силу постановление губернатора Вологодской области от 29 июня 2023 г. № 168⁶⁰, которым утверждены положения об охранных зонах 73 памятников природы регионального значения.

Рекомендации по изменению законодательства об установлении охранных зон ООПТ. В результате

⁵⁴ См.: Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20.12.2023 № 88а-33583/2023.

⁵⁵ См., напр.: постановление губернатора Белгородской области от 29.12.2018 № 145 (ред. от 04.12.2019) «О создании охранных зон особо охраняемых природных территорий регионального значения и утверждении Положений об охранных зонах памятников природы регионального значения, расположенных на территории Алексеевского городского округа Белгородской области». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3100201812310007>

⁵⁶ См., напр.: постановление губернатора Белгородской области от 29.12.2018 № 146 (ред. от 24.04.2020) «О создании охранных зон особо охраняемых природных территорий регионального значения и утверждении Положений об охранных зонах памятников природы регионального значения, расположенных на территории муниципального района “Яковлевский район” Белгородской области». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3100201812310011>

⁵⁷ См., напр.: постановление губернатора Белгородской области от 29.12.2018 № 148 «О создании охранных зон особо охраняемых природных территорий регионального значения и утверждении Положений об охранных зонах памятников природы регионального значения, расположенных на территории городского поселения “Поселок Красная Яруга” Краснояружского района Белгородской области». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3100201812310006>

⁵⁸ См.: постановление Правительства Воронежской области от 08.11.2019 № 1086 «О создании охранных зон отдельных особо охраняемых природных территорий областного значения». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3600201911120021>

⁵⁹ См.: Указ губернатора Воронежской области от 30.08.2022 № 146-у «Об установлении охранных зон отдельных особо охраняемых природных территорий областного значения». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3600202209010007>

⁶⁰ См.: постановление губернатора Вологодской области от 29.06.2023 № 168 «Об охранных зонах памятников природы областного значения». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3500202306300001>

проведенного исследования сформулированы рекомендации по изменению законодательства.

1. Для сохранения ценных природных комплексов и объектов от увеличения антропогенной нагрузки с прилегающих территорий и акваторий рекомендуется распространить обязанность соответствующих органов власти устанавливать охранные зоны вокруг всех категорий ООПТ федерального, регионального и местного значения.

2. Для ликвидации правовой неопределенности в отношении действий высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации проводить мероприятия по планированию установления охранных зон ООПТ регионального значения, рекомендуется закрепить его обязанность по подготовке проектов решений о создании охранных зон соответствующих ООПТ, а форму глагола «устанавливаются» заменить на «должны быть установлены».

3. В целях предотвращения злоупотреблений при установлении охранных зон в Правилах создания охранных зон ООПТ следует предусмотреть их минимальную ширину отдельно для ООПТ федерального (по каждой категории), ООПТ регионального и местного значения.

4. С целью снижения нагрузки на судебную систему, обеспечения правовой определенности необходимо прописать конкретный срок проведения процедуры установления охранных зон ООПТ с момента внесения сведений в ЕГРН о границах ООПТ. Целесообразно закрепить правило об обязательности подготовки проекта решения об установлении охранной зоны не позднее одного года после внесения сведений в ЕГРН о границах ООПТ.

5. Предлагается предусмотреть процедуру установления охранных зон для ООПТ регионального значения, совпадающих с границей субъекта Российской Федерации или нескольких субъектов Российской Федерации, в которую может быть включено обязательное подписание соглашений между субъектами Российской Федерации по вопросу создания охранных зон ООПТ регионального значения.

6. Предлагается предусмотреть процедуру установления охранных зон для ООПТ местного значения, совпадающих с границей муниципального образования или нескольких муниципальных образований, в которую может быть включено обязательное подписание соглашений между муниципальными образованиями по вопросу создания охранных зон ООПТ местного значения.

7. В целях обеспечения экосистемных связей следует закрепить в законодательстве возможность установления единой охранной зоны для близко расположенных ООПТ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Бринчук М.М., Дубовик О.Л., Зозуля В.В. и др. Комментарий к Федеральному закону от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (постатейный) / под ред. О.Л. Дубовик. 2-е изд., перераб. и доп. // СПС «КонсультантПлюс». 2015 (автор комментария к ст. 2 (п. 3.4) — В.В. Зозуля).
2. Жилыева Е.А. Современные проблемы правового регулирования режима особо охраняемых природных территорий // Фундаментальные исследования. 2006. № 2. С. 77.
3. Золотова О.А. Правовой режим земель охранных зон: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 20.
4. Золотова О.А. Правовой режим земель охранных зон: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 98, 99.
5. Золотова О.А. Правовой режим земель охранных зон природных объектов и комплексов // Журнал рос. права. 2013. № 5. С. 73.
6. Козырь О.М. Особо охраняемые природные территории — анализ современного правового регулирования // Аграрное и земельное право. 2009. № 11 (59). С. 68.
7. Лунева Е.В. Правовая охрана георазнообразия // Журнал рос. права. 2024. Т. 28. № 3. С. 96. DOI: 10.61205/jrp.2024.3.4
8. Лунева Е.В. Правовой режим земельных участков в особо охраняемых природных территориях. М., 2018. С. 28, 29.
9. Петров В.В. Экология и право. М., 1981. С. 106.
10. Широков К.М. Особенности правового режима земельных участков в границах охранных зон особо охраняемых природных территорий // Правосудие. 2020. Т. 2. № 2. С. 195, 198–201.
11. He Z.H.U., Jia-ming L.I.U. Spatial evolution of the peripheral area of nature reserve under the guidance of tourism: Taking the peripheral area of Changbai Mountain National Nature Reserve as an example // Journal of Natural Resources. 2023. No. 38 (4). Pp. 919, 920. DOI: 10.31497/zrzyxb.20230406
12. Mathevet R., Thompson J.D., Folke C., Chapin F.S. III. Protected areas and their surrounding territory: socioecological systems in the context of ecological solidarity // Ecological Applications. 2016. No. 26 (1). P. 14. DOI: 10.1890/14-0421
1. Brinchuk M.M., Dubovik O.L., Zozulya V.V. et al. Commentary to the Federal Law of March 14, 1995 No. 33-FZ “On Specially Protected Natural Territories” (article-by-article) / ed. by O.L. Dubovik. 2nd ed., rev. and add. // SPS “ConsultantPlus”. 2015 (the author of the commentary to art. 2 (paragraph 3.4) is V.V. Zozulya) (in Russ.).
2. Zhilyaeva E.A. Modern problems of legal regulation of the regime of specially protected natural territories // Fundamental research. 2006. No. 2. P. 77 (in Russ.).
3. Zolotova O.A. The legal regime of the lands of protected zones: abstract ... PhD in Law. M., 2013. P. 20 (in Russ.).
4. Zolotova O.A. The legal regime of the lands of protected zones: dis. ... PhD in Law. M., 2013. Pp. 98, 99 (in Russ.).
5. Zolotova O.A. The legal regime of lands of protected areas of natural objects and complexes // Journal of Russ. law. 2013. No. 5. P. 73 (in Russ.).
6. Kozyr O.M. Specially protected natural territories — an analysis of modern legal regulation // Agrarian and Land Law. 2009. No. 11 (59). P. 68 (in Russ.).
7. Luneva E.V. Legal protection of geo-diversity // Journal of Russ. law. 2024. Vol. 28. No. 3. P. 96. DOI: 10.61205/jrp.2024.3.4 (in Russ.).
8. Luneva E.V. The legal regime of land plots in specially protected natural territories. M., 2018. Pp. 28, 29 (in Russ.).
9. Petrov V.V. Ecology and law. M., 1981. P. 106 (in Russ.).
10. Shirokov K.M. Features of the legal regime of land plots in the boundaries of protected areas of specially protected natural territories // Justice. 2020. Vol. 2. No. 2. Pp. 195, 198–201 (in Russ.).
11. He Z.H.U., Jia-ming L.I.U. Spatial evolution of the peripheral area of nature reserve under the guidance of tourism: Taking the peripheral area of Changbai Mountain National Nature Reserve as an example // Journal of Natural Resources. 2023. No. 38 (4). Pp. 919, 920. DOI: 10.31497/zrzyxb.20230406
12. Mathevet R., Thompson J.D., Folke C., Chapin F.S. III. Protected areas and their surrounding territory: socioecological systems in the context of ecological solidarity // Ecological Applications. 2016. No. 26 (1). P. 14. DOI: 10.1890/14-0421

Сведения об авторе

Authors' information

ЛУНЕВА Елена Викторовна —
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры экологического,
трудового права и гражданского процесса
Казанского (Приволжского)
федерального университета;
420008 г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 18;
доцент кафедры правовой охраны окружающей
среды Санкт-Петербургского
государственного университета;
199034 г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7—9
ORCID: 0000-0001-6666-5353

LUNEVA Elena V. —
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department
of Environmental, Labor Law
and Civil Procedure,
Kazan (Volga Region) Federal
University; 18 Kremlevskaya str.,
420008 Kazan, Russia;
Associate Professor
of the Department of Environmental Law,
St. Petersburg State University;
7—9 Universitetskaya Embankment,
199034 St. Petersburg, Russia

УДК 342.9

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ ФИНАНСОВОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ (историографические и догматические аспекты становления и развития)

© 2025 г. М. Н. Кобзарь-Фролова*, Е. Л. Васянина**, Н. Г. Андрианова***

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: adminlaw@igpran.ru

**E-mail: elenavasionina@yandex.ru

***E-mail: natalia.g.andrianova@gmail.com

Поступила в редакцию 27.09.2024 г.

Аннотация. Статья посвящена становлению и развитию теории финансового правоотношения. Цель исследования заключается в анализе историографических и догматических аспектов становления и развития финансовых правоотношений, в изучении механизма их реализации, а также в определении основных направлений развития теории финансового правоотношения с учетом особенностей социально-экономического развития государства и сложившегося типа правопонимания. В исторической ретроспективе рассматривается развитие концепции финансового правоотношения в России. Установлено, что расширение предмета финансового права оказывает влияние на концепцию финансового правоотношения. Исследование концепции финансового правоотношения позволяет познать суть публично-правовых и тесно связанных с ними частноправовых отношений, выявить закономерности влияния историографической модели политико-правовых знаний о финансовом правовом отношении на концептуализацию форм и средств современной системы финансово-правового регулирования.

Ключевые слова: финансовое правоотношение, историографические и догматические подходы, эволюция, государственное управление, теория финансового права, наука, политико-правовые знания, модель финансово-правового регулирования, финансовые обязательства, деньги.

Цитирование: Кобзарь-Фролова М.Н., Васянина Е.Л., Андрианова Н.Г. Эволюция теории финансового правоотношения (историографические и догматические аспекты становления и развития) // Государство и право. 2025. № 1. С. 145–159.

DOI: 10.31857/S1026945225010137

EVOLUTION OF THE THEORY OF FINANCIAL LEGAL RELATIONS (historiographic and dogmatic aspects of formation and development)

© 2025 М. N. Kobzar-Frolova*, E. L. Vasyanina**, N. G. Andrianova***

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: adminlaw@igpran.ru

**E-mail: elenavasionina@yandex.ru

***E-mail: natalia.g.andrianova@gmail.com

Received 27.09.2024

Abstract. The article is devoted to the formation and development of the theory of financial legal relations. The purpose of the study is to analyze the historiographic and dogmatic aspects of the formation and development of financial legal relations, to study the mechanism of their implementation, as well as to determine the main directions of development of the theory of financial legal relations, taking into account the peculiarities of the socio-economic development of the state and the established type of legal understanding. In historical retrospect, the development of the concept of financial legal relations in Russia is considered. It is established that the expansion of the subject of financial law affects the concept of financial legal relations. The study of the concept of financial legal relations allows us to understand the essence of public law and closely related private-law relations, to identify patterns of influence of the historiographic model of political and legal knowledge about financial legal relations on the conceptualization of the forms and means of the modern system of financial and legal regulation.

Key words: financial legal relationship, historiographic and dogmatic approaches, evolution, public administration, theory of Financial Law, science, political and legal knowledge, model of financial and legal regulation, financial obligations, money.

For citation: Kobzar-Frolova, M.N., Vasyanina, E.L., Andrianova, N.G. (2025). Evolution of the theory of financial legal relations (historiographic and dogmatic aspects of formation and development) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 145–159.

Финансовое правоотношение — один из важных элементов феномена «наука финансового права» и рассматривается в тесной взаимосвязи с другими элементами — принципами финансового права и финансово-правовой нормой. Именно эта триада элементов свидетельствует о целостности, системности науки и влияет на самостоятельность предмета науки. В то же время разработка теории финансового правоотношения связана с общим представлением о финансово-правовой науке, «объектом изучения которой являются финансово-правовые нормы, а также финансовые правоотношения в их непрерывном развитии и совершенствовании»¹. Вместе с тем понимание и трактовка дефиниции «финансовое правоотношение» во многом предопределяется состоянием научных представлений о юридической науке в целом и отраслевых науках в частности, сформировавшихся в ту или иную историческую эпоху.

Механизм формирования и развития правовых отношений в области финансов (финансовых правоотношений) имеет богатую историю. В этой связи историографическое исследование научных знаний и концептуальных догматических подходов к пониманию правовой природы финансовых правоотношений в целях обеспечения финансовой устойчивости и повышения эффективности действия финансово-правовых механизмов в Российской Федерации вызывает особый интерес к многовековому историческому наследию государственного регулирования финансовых отношений.

¹ Ровинский Е.А. Основные вопросы теории советского финансового права. М., 1960.

Отдельные историографические и догматические аспекты возникновения и формирования теории финансовых правоотношений

Проведенный историографический анализ позволил установить, что финансово-правовые отношения появились при урегулировании межгосударственных связей (отношений), когда сложились важнейшие межрегиональные торговые пути, и заложились основы первых таможенных обрядностей в VI–VII вв.²

Для исследования историографических основ финансовых отношений важно то, что данные торговые связи способствовали тому, что в VI в. впервые появились общие для торгующих сторон правила взимания таможенных мытов, или проезжей пошлины. Тогда же на Руси были учреждены первые таможенные посты и введены должности мытарей — сборщиков пошлин³.

Позже, в X веке, князь Олег в своем стремлении объединить земли Киевской Руси и имея намерения охранять славянские земли от набегов Византии заключил с последней договор, в силу которого греки выплачивали русскому князю контрибуцию и освобождали русских купцов от уплаты мыта (до 10% от цены привозного товара)⁴. Историческим свидетельством того, что русские купцы торговали не только с Византией, но и на Верхнем

² См.: Соломеин А.Ю. История таможенного дела и таможенной политики России: краткий курс лекций. СПб., 2006. С. 18–24.

³ См., напр.: Кобзарь-Фролова М.Н. Административная ответственность в сфере таможенного дела: учеб. пособие. М., 2017. С. 9.

⁴ См.: URL: <http://samzan.ru/193265>

Дунае был устав Раффельштеттена, составленный в 903–906 гг., к которому по договору присоединился князь Олег. Данный устав сохранился и является историческим памятником того, что русские купцы имели устойчивые международные торговые связи и вступали в таможенные отношения⁵. В нем закреплены общие для договаривающихся государств правила уплаты мытов, сборов пошлин. По своей юридической сути данный договор есть прототип современных административных регламентов, закрепляющих правила и порядок отношений в финансовых вопросах.

О торговых связях русских князей в X в. с купцами Болгарии, Греции, Хазарии, Тавриды и даже Сирии писал Н.М. Карамзин в своем труде «История Государства Российского»⁶. Н.М. Карамзин особо отмечает, что русские и скандинавские князья были заинтересованы в том, чтобы товаров через их земли провозилось как можно больше, потому что с провозимых товаров они получали доход, с них взималась подать. «Государственная подать въ IX и X вѣкѣ состояла у насъ болѣе въ *вещахъ*, нежели въ *деньгахъ*»⁷.

Исторически ключевую роль в развитии финансовых правоотношений играют нормы эмиссионного права, которые на этапах становления российской финансовой системы обеспечивали процесс проведения денежных реформ. Однако, как справедливо заметил К.С. Бельский, долгое время нормы эмиссионного права оставались вне поля зрения юридической науки⁸.

В древнейшем русском юридическом памятнике, сохранявшем свое действие до XV–XVI вв., – Русской Правде – встречается первое упоминание об эмиссионных отношениях в Древнерусском государстве⁹. В Русской Правде упоминаются такие денежные единицы, как гривны (золота, серебра), ногаты, куны, резаны и векши, или веверицы.

К работам, посвященным изучению Русской Правды в части рассмотрения вопросов о древнерусских деньгах, относится научный очерк

Мрочек-Дроздовского¹⁰, в рамках которого автор освещает проблемы регулирования финансовых отношений Древней Руси в фокусе эмиссионного (денежного) права.

Самостоятельное закрепление финансово-правовые нормы, наряду с административно-правовыми и земельными, получили в княжом праве Древней Руси¹¹, а затем в Соборном уложении 1649 г., Полном собрании законов Российской империи и в Своде законов Российской империи.

Основные финансово-правовые преобразования произошли в период правления Петра I. По мнению К.С. Бельского, Петр I оставил важный след в части финансов и права. Преобразования Петра I сводились к синтезу финансовой деятельности государства (эмиссии, налогов, бюджета, финансового контроля) с правовым регулированием. Петр I создал постоянно действующий отдел Думы – Счетный приказ, который осуществлял функции контрольного ведомства. Петр I лично контролировал все расходы и доходы государства¹².

Под влиянием естественного роста потребностей государства и запросов общества на государственные услуги начиная с эпохи средних веков постепенно расширялась финансовая деятельность государства. Государство стало принимать на себя не только вопросы обеспечения внешней безопасности, но и вопросы внутреннего благоустройства, правосудия, финансовое покрытие социальных нужд и пр.

Именно рост задач и финансовых потребностей как самого государства, так и общества выработал осознание невозможности ограничиваться приемами и способами поиска финансовых ресурсов, выработанными в древние века. Появилась необходимость создать особую отрасль государствоведения, которая изучала бы принципы, долженствующие лежать в основе правильного и целесообразно устроенного организма финансового хозяйства. Этой важной наукой явилась наука о финансах, имеющая своим предметом исследование способов наилучшего удовлетворения материальных потребностей государства¹³. К такому выводу пришел профессор Московского университета, академик Петербургской академии наук И.И. Янжул.

⁵ См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Т. IV: Западноевропейские источники / сост. пер. и коммент. А.В. Назаренко. М., 2010.

⁶ Карамзин Н.М. История Государства Российского. СПб., 1818. Кн. I. Т. I. С. 135–140.

⁷ Там же. С. 149, 150.

⁸ См.: Бельский К.С. История и методология финансового права. Пенза, 2022.

⁹ См.: Винокурова Т.В. Государственно-правовое регулирование финансового управления в Древней Руси и ее реформирование в централизованном Московском государстве: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008; История финансового законодательства России: учеб. пособие. Сер. «Экономика и управление». М., 2003.

¹⁰ См.: Исследования о Русской Правде П. Мрочек-Дроздовского. Вып. 1. Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды. М., 1881. XXII.

¹¹ См.: Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси. СПб., 1909.

¹² См.: Бельский К.С. Финансово-правовые преобразования в XVIII столетии. Финансово-правовое государство Петра I // Государство и право. 2020. № 10.

¹³ См.: Янжул И.И. Основные начала финансовой науки: учение о государственных доходах. М., 2002. С. 41–43.

В начале XX в. ученый писал, что наука о финансах занимает важное место в науке государственного хозяйства, поскольку она связана с потребностями государства¹⁴. Управление государством в древние времена обходилось дешево, потому что каждый, в том числе воин, заботился о своем хозяйстве и своих доспехах. Формы государственной жизни изменились лишь в средние века, в связи с чем возросли государственные потребности. Ведение захватнических войн, освоение новых территорий требовало больших государственных расходов. В связи с чем появляется потребность учитывать государственные финансы и предпринять к данной деятельности научный подход. К слову сказать, финансы являются мерилем благосостояния страны, мерилом цивилизации, заключает И.И. Янжул.

Национальная школа финансового права в России проявила признаки своей сформированности лишь к началу XX в. Во многом это обусловлено тем, что долгое время в юридической науке финансовое право определялось как установленные законом границы действия финансовой власти¹⁵. Научные исследования по вопросам управления финансами стали появляться, когда стало очевидным, что доходы казны находятся в неизбежной связи с благосостоянием народа¹⁶. Преимущественно это были работы в области экономики финансов, управления финансами¹⁷. Это связано с тем, что наука, занимающаяся такой государственной деятельностью, как управление, охватывала собой весь процесс взимания и оплаты гарантируемых государством благ, т.е. была ориентирована в том числе и на исследование порядка установления налогов, пошлин, формирование государственного долга и пр.¹⁸

Становление российской финансово-правовой науки было связано с изучением подходов зарубежных ученых, ведущих разработки в области финансов. Анализ и развитие к началу XX в. их учения увенчались формированием основ национальной финансовой школы. Вместе с тем учение о финансах, финансовых правоотношениях, позже о системе финансового права в России, имели свою специфику и, в конечном итоге, приобрели существенное отличие от тех основ и направлений, которые

были разработаны в иностранной юридической литературе. Основное отличие состоит в том, что за рубежом сфера финансово-правового регулирования определяется произвольно и охватывает как публичные финансы, так и финансы частных корпораций, а также рынок ценных бумаг¹⁹. Кроме того, нормы, регулирующие бюджетные отношения, в странах англосаксонского права чаще всего рассредоточены по различным разделам конституционного и административного права²⁰.

Особенностью и достижением российской финансово-правовой доктрины является понимание финансового права как единого комплекса норм, институтов и подотраслей, позволяющих рассматривать финансово-кредитный механизм и его правовое регулирование в совокупности всех его элементов в рамках единого регулятивного комплекса — финансового права²¹.

Активное развитие финансового законодательства и финансового права, длительное время существовавшего в рамках науки о финансах, приходится на вторую половину XIX — начало XX в.²² Это связано прежде всего с отменой крепостного права, послужившей толчком для проведения финансовых реформ²³. А во-вторых, с созданием первого в истории Российской Империи представительного законодательного органа — Государственной думы, получившей на основании Манифеста Николая II²⁴ право обсуждать законопроекты, бюджет, отчет государственного контроля, что можно рассматривать в качестве правовой основы формирования бюджетного права, теория которого была разработана спустя несколько десятилетий М.И. Пискотиным²⁵.

Исторические и политические перемены в развитии представлений о финансах и науке финансового права произошли в России в период Великой Октябрьской социалистической революции

¹⁹ См.: *Scott Hal S.* International finance: Law and regulation. Sweet&Maxwell, 2008.

²⁰ См.: *Козырин А.Н.* Финансовое право и управление публичными финансами в зарубежных странах. М., 2009.

²¹ См.: *Грачева Е.Ю.* История финансового права // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 3. С. 28, 29; Финансовое право: методология исследования. Система / под ред. С.В. Запольского. М., 2013.

²² См.: там же. С. 28–45.

²³ См.: *Пашенцев Д.А.* Правовое регулирование финансовой деятельности в Российской империи: вторая половина XIX — начало XX века: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

²⁴ См.: Манифест об учреждении Государственной думы 1905 года, августа 6 // ПСЗРИ. Собр. III. Т. XXV. Отд. 1-е. СПб., 1908. Ст. 26656. С. 637, 638.

²⁵ См.: *Пискотин М.И.* Советское бюджетное право (Основные проблемы). М., 1971.

¹⁴ См.: *Янжул И.И.* Указ. соч. С. 34–38.

¹⁵ См.: Финансовое право / соч. В.А. Лебедева, проф. С.-Петерб. ун-та. СПб., 1889. Т. 1. [Вып. 1] / 24.

¹⁶ См.: *Грибанова О.М.* Институт казны и роль государства в новых геополитических и экономических реалиях // Вестник Института экономики РАН. 2020. № 4. С. 127–136.

¹⁷ См.: Обзор истории русского права / соч. проф. М.Ф. Владимирского-Буданова. 5-е изд. СПб., Киев, 1907.

¹⁸ См.: *Алексеев М.М.* Взгляд на развитие учения о налоге у экономистов А. Смита, Ж.-Б. Сея, Рикардо, Сисмонди и Д.С. Милля. Харьков, 1870.

до начала Великой Отечественной войны²⁶. Во время Октябрьской революции было свергнуто не только царское правительство, но и сломан финансовый аппарат царской России. Новая социалистическая государственность требовала создания нового аппарата управления финансами, основанного на социалистических принципах и законах. В первую очередь государственные финансы шли на поддержание идей революции и построение социалистического строя.

В результате дипломатического маневра, проведенного США в период Второй мировой войны (июль 1944 г.), появилась построенная на доминировании доллара международная финансовая система — Бреттон-Вудская система. В это время был создан Международный банк реконструкции и развития (МБРР) и Международный валютный фонд (МВФ)²⁷. Россия присоединилась к Бреттон-Вудскому договору в 90-е годы XX в., и это существенным образом повлияло на структуру и особенности дальнейшего развития финансовых правоотношений.

Развитие теории финансового правоотношения в контексте формирования типов правопонимания

Каждая эпоха вносит в разработку теории финансового правоотношения элементы нового, отражающие как специфику социально-экономического развития государства на соответствующем этапе, так и развитие научных представлений о юридической науке в целом и финансовом праве в частности.

В 30–40-е годы XX в. основное направление финансово-правовых исследований было связано с познанием предмета и системы финансового права²⁸. Такой вектор научных разработок был задан в связи с процессом формирования отраслевой модели права, потребовавшей решить поставленные в докладе А.Я. Вышинского вопросы об определении содержания и границ юридических наук

в рамках системы советского права и возрождения науки административного и финансового права²⁹.

Анализ научной и учебной литературы этого периода дает основание говорить о формировании ключевых идей в части разработки правового инструментария, обеспечивающего функционирование современной финансовой системы государства. В первом учебнике по советскому финансовому праву, изданному с участием ученых Института права Академии наук при СНК СССР в 1940 г.³⁰, содержатся размышления о таких важных финансово-правовых категориях, как «финансовые обязательства», «банковская и кредитная система»³¹, «эмиссия», «эмиссионное право»³² и пр. По справедливому замечанию проф. К.С. Бельского, в результате творческого мышления ученых «эмиссионное право стало одним из основополагающих правовых институтов финансового права»³³, а эмиссионные правоотношения — «пусковым устройством» для запуска денежно-кредитного механизма государства. А упоминание о финансовых обязательствах привело к развитию современной теории финансовых обязательств.

В середине 50-х годов представителями левосторонней (позитивистской) трактовки права (П.И. Стучка, В.В. Адоратский, Б.Е. Пашуканис и др.) была выдвинута идея т.н. широкого понимания права, основанного на развитии социологического направления в теории, сформированного еще в дореволюционный период, в рамках которого право представляет собой «систему общественных отношений» и включает в себя, помимо правовых норм, правоотношения и правосознание³⁴.

Сформированный тип правопонимания сыграл ключевую роль в разработке теории финансового правоотношения, которая нашла отражение в многочисленных монографических исследованиях ученых-юристов. Категория «финансовое правоотношение» подробно исследуется Е.А. Ровинским в монография «Основные вопросы

²⁶ См.: Финансовое право: учеб. / сост.: М.А. Гурвич, М.Я. Залесский, А.К. Райдер и др.; общ. ред.: М.А. Гурвич. М., 1940.

²⁷ См.: Цегоев В., Бодаренко Н. Финансовая перестройка: как Бреттон-Вудская система изменила мировую экономику. URL: <https://russian.rt.com/business/article/652040-bretton-vudskaya-sistema>

²⁸ См.: Ровинский Е.А. Основные вопросы теории советского финансового права. 2-е изд., стер. М., 2017 (Наше наследие); Халфина Р.О. К вопросу о предмете и системе советского финансового права // Вопросы советского административного и финансового права. М., 1952. С. 182–214.

²⁹ См.: Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права (Сокращенная стенограмма доклада на 1-м совещании по вопросам науки советского права и государства 16 июля 1938 г.) // Соц. законность. 1938. № 8. С. 1–34.

³⁰ См.: Финансовое право: учеб. / сост.: М.А. Гурвич, М.Я. Залесский, А.К. Райдер и др.; общ. ред.: М.А. Гурвич.

³¹ Там же. С. 178.

³² Гурвич М.А. Советское финансовое право: учеб. пособие для юрид. высш. учеб. заведений. М., 1952.

³³ Бельский К.С. Забытый «патриарх» советской науки финансового права (к 120-летию со дня рождения М.А. Гурвича) // Государство и право. 2017. № 9. С. 93–100.

³⁴ См.: Бреев А.В. О становлении политико-правовых взглядов П.И. Стучки // Управленческое консультирование. 2015. № 10. С. 215–219.

теории советского финансового права»³⁵, изданной в 1961 г., где автор отмечал, что существенной отличительной чертой финансовых правоотношений является их возникновение из финансовой деятельности государства и их денежный характер.

Написанию данной монографии предшествовал доклад ученого «Кредитный план как основа возникновения финансовых правоотношений», опубликованный в 1940 г., который был им написан с учетом материалов и опыта работы в Госбанке СССР. В докладе Е.А. Ровинским обосновывается необходимость включения правоотношений, возникающих на основе кредитного плана, в область финансового права, что вытекает из характера контрольно-регулирующей деятельности Государственного банка как финансового института, участвующего в формировании и распределении государственных денежных ресурсов.

Несмотря на то что кредитный план как инструмент управления денежно-кредитной системой государства был применим лишь в условиях административно-командной системы, подход ученого к финансово-правовой природе кредитных отношений не утратил своей актуальности, поскольку осуществляемая банками эмиссия кредитных денег подчинена принципам и инструментам реализуемой единой государственной денежно-кредитной политики.

Вопросы природы и структуры финансовых правоотношений исследовали и подвергали анализу М.Л. Коган, А.И. Худяков, Л.К. Воронова, представитель Института государства и права М.И. Пискотин и др. Несомненной заслугой М.Л. Когана является то, что он, исследуя финансовые правоотношения и их типы, выделил три основные группы: финансовые правоотношения, возникающие а) между предприятием и государственным бюджетом; б) между предприятием и его вышестоящими органами; в) между предприятием и банком³⁶. А.И. Худяков — один из первых, кто предложил использовать в финансовом праве договорный метод регулирования финансовых отношений и сумел теоретически обосновать категорию финансово-правовой договор³⁷. М.И. Пискотину по праву присвоен статус архитектора теории советского бюджетного права. Он проанализировал природу бюджетного правоотношения и описал его особенности³⁸. Л.К. Воронова исследовала

кредитно-расчетные отношения в народном хозяйстве СССР³⁹.

Особое внимание заслуживает исследование теоретико-правовых вопросов правовой природы финансовых правоотношений, которым посвятила свои работы Т.С. Ермакова. В одной из своих работ она написала: специфические особенности финансовых правоотношений заключаются в присущем им денежном характере, в обязательном участии государства (в том числе в лице его уполномоченных органов) в качестве одного из субъектов данного правоотношения в сочетании с властным характером данного типа отношений. Все это свидетельствует об их публично-правовой природе. Именно указанные особенности финансовых правоотношений предоставили возможность сделать вывод о том, что они имеют властно-имущественный характер, который определяет юридическое положение субъектов данного правоотношения⁴⁰.

Заметим, что все указанные выше черты в той или иной степени присущи как налоговым, так и бюджетным, кредитным, эмиссионным и иным видам финансовых правовых отношений.

Современное представление о сути и характерных признаках финансового правоотношения

Широкое развитие теория финансового правоотношения и его ответвлений (налоговое, банковское, бюджетное правоотношение и др.) получила на рубеже XX–XXI вв., когда были защищены докторские диссертации видными советскими (российскими) учеными в области финансового права О.Н. Горбуновой, Е.Ю. Грачевой, В.В. Гриценко, Д.В. Винницким, М.В. Карасевой, М.И. Пискотиным, Г.П. Толстопятенко, Г.А. Тосуняном, Э.Д. Соколовой, Н.И. Химичевой и др.

В учебнике под редакцией О.Н. Горбуновой отмечается, что финансовые правоотношения являются «одним из видов общественных отношений, которые возникают в сфере финансовой деятельности государства и регулируются финансово-правовыми нормами». В данных отношениях отчетливо выделяются два правовых элемента: государственно-властный и имущественный (денежный)⁴¹.

³⁵ Ровинский Е.А. Основные вопросы теории советского финансового права. 2-е изд., стер.

³⁶ См.: Коган М.Л. Хозяйственная форма и финансовое право. М., 1968.

³⁷ См.: Энциклопедия российского финансового права / под ред. Е.Ю. Грачевой, Р.Е. Артюхина. М., 2024.

³⁸ См.: Пискотин М.И. Указ. соч.

³⁹ См.: Воронова Л.К. Правовое регулирование кредитно-расчетных отношений в народном хозяйстве: учеб. пособие для юрид. вузов и фак. Киев, 1988.

⁴⁰ См.: Ермакова Т.С. Финансовое правоотношение (теоретические проблемы): учеб. пособие. Л., 1985. С. 10.

⁴¹ См.: Финансовое право: учеб. / под ред. О.Н. Горбуновой. М., 1996. С. 42, 43.

Н.И. Химичева характеризует финансовые правоотношения как государственно-властные имущественные отношения. Финансовые правоотношения определяются как «урегулированные нормами финансового права общественные отношения, участники которых выступают как носители юридических прав и обязанностей, реализующие содержащиеся в этих нормах предписания по образованию, распределению и использованию государственных денежных фондов и доходов»⁴². К числу существенных отличительных признаков финансовых правоотношений учеными относится их возникновение в процессе планового образования, распределения и использования государственных и муниципальных денежных фондов и доходов, т.е. в процессе финансовой деятельности государства и муниципальных образований; возникают по поводу денежных средств — финансовых ресурсов государства; одной из сторон всегда является государство или его уполномоченный орган.

Неоценимый вклад в развитие теоретического обоснования конструкции финансового правоотношения был внесен М.В. Карасевой, обосновавшей понятие, субъектно-объектную характеристику, содержание финансового правоотношения, выделившей основания возникновения, изменения и прекращения финансового правоотношения, а также виды финансовых правоотношений. Было обосновано, что финансовая деятельность государства — это та сфера, в которой возникают финансовые правоотношения, однако в связи с тем, что финансовая деятельность — это весьма подвижное явление общественной жизни, с течением времени происходит изменение масштабов и содержания финансовой деятельности государства, что, в свою очередь, оказывает существенное влияние на вопрос о границах финансового правоотношения⁴³. К признакам финансового правоотношения были отнесены: возникновение на основе финансово-правовой нормы; волевой характер правоотношения, обусловленный государственной волей, интересами государства; возникновение и развитие в рамках финансовой деятельности государства, предопределяющей социально-политическую сущность финансового правоотношения, заключающейся в выражении политических интересов различных социальных групп, общества в целом, собственных интересов государства; имущественный характер, обусловленный тем, что они являются экономическими отношениями в их стоимостной форме⁴⁴. В более поздних публикациях

М.В. Карасевой отмечается, что «в современном понимании предмет финансового права конструируется на основе объединения многообразных финансов — государственных, муниципальных, прочих негосударственных, но используемых исключительно в публичных целях»⁴⁵. М.В. Карасева делает вывод о том, что финансовые правоотношения динамичны во времени и пространстве.

Ю.А. Крохина обращает внимание на экономико-правовую сущность финансовых правоотношений, а среди признаков выделяет волевой характер правоотношений и особо подчеркивает, что данный вид отношений охраняется со стороны государства⁴⁶.

Особое внимание в правовой доктрине уделяется вопросам соотношения и влияния финансово-правовой и административно-правовой нормы на развитие финансовых отношений. Это связано с тем, что в финансово-правовых отношениях присутствует (как и в норме финансового права) волевой (властный) момент, выраженный в форме государственного предписания, а также властный характер воздействия указанной нормы на участников отношений. В этом направлении в науке финансового права работал еще на заре своей научной карьеры М.Д. Загряцков, который окончил юридический факультет Брюссельского университета, хорошо владел французским и немецким языками, изучил зарубежные издания по вопросам соотношения финансово-правовой и административно-правовой нормы и сделал соответствующие выводы в своем учебнике «Административно-финансовое право»⁴⁷.

Финансовые правоотношения являются юридической формой выражения экономических отношений⁴⁸. В советский период развития экономического базиса правовых отношений провозглашался как необходимое условие существования любых правоотношений, но по отношению к финансовым правоотношениям это весьма актуально и в наши дни.

Важным признаком финансовых правоотношений является то, что они возникают, проявляют свое настоящее действие, изменяются и прекращаются на основе и в связи с непосредственным действием правовой нормы. В большинстве случаев субъекты финансового правоотношения сами по себе не вправе устанавливать, изменять либо

⁴² Финансовое право: учеб. / отв. ред. Н.И. Химичева. М., 1997. С. 33, 34.

⁴³ См.: Карасева М.В. Финансовое правоотношение. Воронеж, 1997. С. 46, 47.

⁴⁴ См.: там же. С. 77–89.

⁴⁵ Карасева М.В. Финансовое правоотношение: идентификация отраслевой принадлежности // Росс. журнал правовых исследований. 2022. Т. 9. № 3. С. 9–15.

⁴⁶ См.: Крохина Ю.А. Финансовое право России: учеб. М., 2024. С. 100.

⁴⁷ Загряцков М.Д. Административно-финансовое право. М., 1928.

⁴⁸ См.: Ровинский Е.А. Основные вопросы теории советского финансового права. М., 1960. С. 133, 134.

прекращать правоотношения, так как это прерогатива государства на основании нормативного акта установить правила вступления и прекращения данного вида отношений.

Уместно заметить, что ни одна из вышеперечисленных черт в отдельности не может в полной мере характеризовать финансовые правоотношения. Для всесторонней и всеобъемлющей характеристики данного вида правоотношений необходимо наличие всей совокупности этих черт.

С учетом подходов ученых-юристов, выработанных в советскую эпоху по проблемам правового регулирования финансовых отношений, в условиях административно-командной системы была создана правовая модель финансовых отношений, обеспечивающая скоординированность работы отдельных элементов финансово-кредитного механизма.

Однако последовавшая в 1990-е годы перестройка финансовой системы государства, связанная с прекращением существования СССР, так и не увенчалась созданием необходимого правового инструментария управления финансово-кредитной системой, поскольку реформы проводились «без достаточного понимания целей, задач и допустимых социально-экономических и политических формул»⁴⁹.

Разработчикам финансового и гражданского законодательства на тот момент не удалось задать параметры сбалансированного применения финансово-правовых институтов, обеспечивающих реализацию бюджетных, налоговых, кредитных, эмиссионных правоотношений, правоотношений в сфере финансирования и т.д. В результате закрепленный в Налоговом кодексе РФ механизм фискального обложения довольно быстро привел к появлению параллельной налоговой системы в государстве. Произошедшее в 1990-е годы ослабление контроля за ценообразованием в условиях отсутствия необходимых инструментов антимонопольного регулирования стало одной из причин разбалансировки денежной системы государства. А отсутствие юридической конструкции управления денежной массой привело к появлению финансовых пирамид, суверенному дефолту — неспособности правительства исполнить обязательства в полном объеме и в установленный срок.

Утрата к моменту распада СССР таких ограничителей деятельности в международных отношениях стран коллективного Запада⁵⁰, как Организация Варшавского Договора (ОВД), закрепившая

биполярность мира, и Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), обеспечивающий систему многосторонних расчетов между странами социалистического лагеря, а также вступление России в МВФ привели к утрате самостоятельности российской финансовой системой и ее подчинению глобальной финансовой архитектуре.

В результате экономических преобразований, проведенных в России по лекалам западных финансовых консультантов, появилась правовая модель финансово-кредитных отношений, сформированная посредством внедрения в российское правовое поле зарубежных финансово-правовых инструментов. Например, имплементация в российскую правовую систему используемого в зарубежной практике и основанного на Методических рекомендациях, утвержденных Базельским комитетом банковского надзора в 2010–2011 гг. (Базель III) механизма “bail-in”, привела к негативным экономическим последствиям как для участников гражданского оборота, так и для публично-правовых образований⁵¹.

Сложившееся на рубеже XX–XXI вв. правовое регулирование инвестиционных отношений, нацеленное на привлечение иностранных капиталов, привело к тому, что иностранные лица завладели значимыми российскими компаниями и банками. При этом надлежащих правовых условий для контроля за движением капитала создано не было. Достаточно вспомнить положения Международных соглашений об избежании двойного налогообложения⁵², некоторые из которых содержали невыгодные для Российской Федерации нормы, способствовавшие выводу капитала за рубеж.

В 1990-е годы сложившийся в русле отраслевой схемы права подход к регулированию финансовых отношений стал подвергаться сомнениям, поскольку существенно ограничивал регулятивные возможности права. В конечном итоге развитие отраслевой модели права, основанной на легистском (позитивистском) типе правопонимания, привело к формированию механизма финансово-правового регулирования, который поспособствовал разобщенности финансовых правоотношений, складывающихся в различных сферах финансовой деятельности государства. Произошедшие в 90-е годы экономические

⁴⁹ Горбань В. С. Понятие, теория и проблемы формирования общей концепции эффективности законодательства. М., 2009.

⁵⁰ См.: Косачев назвал «групповщину Запада» главной проблемой международных отношений. URL: <https://tass.ru/politika/18023877> (дата обращения: 15.06.2023).

⁵¹ В США механизм “bail-in” нашел отражение в Законе Додда – Франка (The Dodd – Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act // PUBLIC LAW 111–203–JULY 21, 2010), который в целях обеспечения стабильности финансовой системы страны призван исключить ситуацию, когда в финансовом оздоровлении банков участвуют публичные фонды, сформированные государством за счет средств налогоплательщиков.

⁵² См.: Кобзарь-Фролова М. Н. К вопросу о заключении межгосударственных соглашений об избежании двойного налогообложения // Финансовое право. 2011. № 8. С. 67–75.

преобразования совпали с развитием интегративной концепции права, применение которой направлено на восстановление расчлененного анализом единства всех сторон права.

В условиях активизации интереса к развитию интегрального типа правопонимания в финансово-правовой доктрине появляются работы, направленные на устранение разобщенности финансовых правоотношений, складывающихся в различных сферах финансовой деятельности государства, на разработку правовых средств для создания эффективного механизма их реализации, скоординированности инструментов денежно-кредитной, бюджетной, фискальной политики. Проводятся финансово-правовые исследования, направленные на формирование регулятивных комплексов, позволяющих выйти за рамки отраслей права и задать параметры сбалансированного применения и развития таких взаимосвязанных правовых институтов, как бюджет, налоги, кредит, страхование, ценообразование, финансирование и т.д.

С одной стороны, общее направление научных исследований, основанных на интегративной концепции права, состоит в разработке структуры системы финансовых правоотношений, которые складываются в финансовый механизм, представляющий собой совокупность взаимосвязанных правовых институтов, упорядочивающих сферы экономической жизни, к числу которых относятся эмиссия, бюджет, налоги, финансирование, страхование, инвестиции и т.д. В частности, данное научное направление развивается в настоящее время в Институте государства и права РАН в русле подходов, разработанных в экономической науке по проблемам функционирования финансово-кредитного механизма акад. АН СССР Д.А. Аллахвердян и членом-корр. АН СССР В.П. Дьяченко⁵³.

С другой стороны, развитие интегративной концепции права привело к изменению подхода к механизму реализации финансового правоотношения. Так, на систематизацию инструментов управления денежной массой, разрозненный характер которых не позволяет создать надлежащий механизм правового регулирования денежно-кредитных отношений, направлены работы ученых, посвященные исследованию денежного права⁵⁴.

Развитие интегрального типа правопонимания финансовых правоотношений привело к тому, что на современном этапе активное развитие получила

теория финансовых обязательств, основоположником которой по праву можно считать С.В. Запольского. Обязательственный метод регулирования финансовых отношений, разработанный ученым еще в советскую эпоху, в современных условиях нашел широкое применение. Практическая значимость и ценность использования обязательств в сфере управления финансами состоит в том, что с их помощью соответствующие отношения приобретают качество двусторонности, выражают собой обоюдный имущественный или иной экономический интерес⁵⁵.

Финансовые обязательства носят имущественный характер, а потому по своей природе именно они являются частью финансовых правоотношений. Имеется частное мнение, например Е.Л. Васяниной, что финансовые правоотношения и финансовые обязательства понятия идентичные⁵⁶. Иные обеспечивающие реализацию финансовых обязательств контрольно-организационные правоотношения, к числу которых относятся правоотношения, складывающиеся по поводу организации бюджетного процесса, финансового контроля, бухгалтерского учета и т.д., относятся к административно-правовым отношениям.

Особое внимание в юридической науке уделяется изучению финансовых обязательств фискального типа, возникновение и исполнение которых происходит в процессе формирования публичных фондов денежных средств⁵⁷.

М.В. Карасева, исследуя конструкцию налогового обязательства, реализация которого осуществляется посредством заимствования цивилистического технико-юридического инструментария⁵⁸, приходит к выводу о расширении рецепции универсальных юридических конструкций в финансовом законодательстве. Иными словами, правовой инструментарий, закрепленный в Гражданском кодексе РФ, предназначенный для осуществления гражданских обязательств, активно применяется в финансовых правоотношениях, что ни в коем случае не меняет природу финансового обязательства⁵⁹, однако ставит перед представителями финансово-правовой науки новые задачи,

⁵⁵ См.: Запольский С.В. Теория финансового права: научные очерки. М., 2010; *Его же*. Самофинансирование предприятий (правовые вопросы). М., 1988.

⁵⁶ См., напр.: Васянина Е.Л. Обязательства в механизме финансово-правового регулирования // Финансовое право. 2024. № 5. С. 2–5.

⁵⁷ См.: Васянина Е.Л. Обязательства в финансовом праве. М., 2020; Порохов Е.В. Налоговое право: учеб. для вузов (академический курс). Алматы, 2023.

⁵⁸ См.: Карасева М.В. Финансовое правоотношение. М., 2001.

⁵⁹ См.: Грачева Е.Ю. К вопросу о финансовых обязательствах // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 6. С. 10–20.

⁵³ См.: Аллахвердян Д.А. Финансово-кредитный механизм развитого социализма. М., 1976; Вопросы теории финансов / под ред. В.П. Дьяченко. М., 1957.

⁵⁴ См.: Артемов Н.М., Лагутин И.Б., Ситник А.А., Урда М.Н. Правовое регулирование денежного обращения (Денежное право). М., 2016.

связанные с определением критериев применения частноправовых инструментов в финансовых правоотношениях.

Проблемы реализации налоговых обязательств и налогового обязательственного права рассматриваются в работах Д.В. Винницкого⁶⁰, Е.Ю. Грачевой, Н.В. Омелехиной, исследуются казахстанской школой финансового права, яркими представителями которой являются А.И. Худяков, Е.В. Порохов, А.Т. Шаукенов и др.

В финансово-правовой доктрине большое внимание уделяется изучению контрольно-организационных отношений. Несмотря на то что современные исследования, посвященные проблемам осуществления финансового контроля, основаны на его выделении в качестве самостоятельного финансово-правового института, остается весьма дискуссионным вопрос — являются ли контрольно-организационные правоотношения финансово-правовыми по своей природе? При этом поиск ответа на данный вопрос имеет важное значение для выбора правового инструментария, обеспечивающего эффективную реализацию контрольно-надзорной деятельности органов публичной власти.

Невзирая на то что контрольно-организационные отношения в условиях цифровой трансформации государственного управления настолько плотно вплетаются в ткань финансовых обязательств, в отличие от последних, они имеют ярко выраженную административно-правовую природу, отсюда может быть высказана позиция о том, что их регулирование не имеет жесткой привязки к актам финансового законодательства. Далеко не случайно М.М. Сперанский рассматривал контроль как составную часть управления финансами⁶¹. А в монографии Е.А. Ровинского «Основные вопросы теории советского финансового права»⁶² изучению вопросов финансового контроля, проблемам реализации контрольно-организационных отношений, возникающих в связи с осуществлением финансовой деятельности государства, посвящена отдельная глава.

По этому же пути развивается современная финансово-правовая доктрина. Г.А. Тосунян, доказывая необходимость передачи функции государственного регулирования и контроля за банками

федеральным органам исполнительной власти, исследует структуру контрольно-организационных правоотношений, складывающихся в связи с осуществлением банковской деятельности, в фокусе науки административного права⁶³.

По своей сущности контрольно-организационное правоотношение представляет собой не что иное, как обеспеченное представительно-обязывающим характером права организационно-управленческое отношение, возникающее в процессе сбора информации о финансово-хозяйственных операциях участников гражданского оборота. В юридической литературе⁶⁴ в структуре контрольно-организационных отношений выделяют еще и правоохранительные отношения, которые в совокупности с информационными охватываются понятием финансового контроля.

Недостаточная разработанность вопросов реализации контрольно-надзорной функции в финансовой сфере привела к тому, что центр тяжести регулирования контрольно-организационных отношений перемещается в сторону правоприменительной практики, способствующей появлению не предусмотренных законом обязанностей и процедур. Яркой иллюстрацией изложенного является формирование альтернативного правового института контрольно-надзорной деятельности, охватывающего применение не закрепленных законом форм предварительного анализа, административных процедур, содержащихся в приказах ФНС России для служебного пользования, а также в письмах министерств и ведомств. Учитывая изложенное, эффективная реализация контрольного правоотношения возможна только при условии достаточности правовых средств, обеспечивающих сбор информации о подконтрольном субъекте в процессе деятельности контролирующих органов.

В новых экономических реалиях трансформация финансовых правоотношений неизбежна. С одной стороны, наблюдается тенденция расширения пространства финансового законодательства⁶⁵, что может иметь негативные последствия. Ярким примером изложенного является экспансия предмета бюджетно-правового регулирования, одной из причин которой выступает жесткая денежно-кредитная политика, на фоне которой вливание денежных

⁶⁰ См.: *Винницкий Д.В.* Российское налоговое право: проблемы теории и практики. СПб., 2003.

⁶¹ См.: *Грачева Е.Ю.* Вклад М.М. Сперанского в развитие финансовой науки // Электронная библиотека Руконтекст. URL: <https://rucont.ru/efd/588896>; *Трошин Н.Н.* Первый опыт осуществления системной экономической реформы в царской России («План финансов» М.М. Сперанского 1810–1812 гг.). 2014. № 6 (27).

⁶² *Ровинский Е.А.* Основные вопросы теории советского финансового права. 2-е изд., стер.

⁶³ См.: *Тосунян Г.А.* Банковское дело и банковское законодательство в России (Опыт, проблемы, перспективы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995.

⁶⁴ См.: *Запольский С.В., Васянина Е.Л.* Цифровизация финансового контроля: правовое регулирование // Правовая информатика. 2022. № 3. С. 4–11.

⁶⁵ См.: Научные концепции развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. 8-е изд., перераб. и доп. М., 2024.

средств в экономику происходит преимущественно за счет бюджетных операций.

С другой стороны, цифровая трансформация финансового правоотношения стала причиной ослабления права лица на распоряжение финансами, защита прав и социально-экономических (финансовых) интересов которого является основным предназначением финансового права.

Отсутствие слаженности во взаимодействии отдельных финансово-правовых институтов, недостаток правовых средств для создания эффективного механизма реализации финансовых правоотношений приводит к тому, что применяемые в рамках проводимой финансовой политики меры финансового характера отличаются узкой направленностью, нацелены прежде всего на расширение оснований для пополнения доходной базы бюджета, что на фоне жесткой монетарной политики приводит к подавлению производственной и покупательной способности участников гражданского оборота.

Ретроспективный анализ эволюции теории финансового правоотношения показал, что непринятие в расчет производительной и покупательной силы населения может привести к негативным экономическим последствиям, о чем свидетельствует печальный опыт финансовой политики, проведенной в 1887–1892 гг. Министром финансов Российской Империи И.А. Вышнеградским⁶⁶.

Заключение

Применение историографического подхода к анализу эволюции теории финансового правоотношения дает основания сделать заключение о том, что современное понимание финансового правоотношения явление не статичное, оно развивается и эволюционирует вместе с политическими (идеологическими), экономическими и социальными преобразованиями, которые происходили и происходят в государстве. На характер и внешние признаки финансового правоотношения оказывали влияние: государственный строй, идеология, политическое устройство государства, система органов публичной власти с их полномочиями и обязанностями, действующий на конкретный момент времени механизм правового регулирования, развитие технологий, в первую очередь Интернета, информационных технологий и многое другое.

Вместе с тем понимание сути и содержания (элементного состава) финансового правоотношения сложилось в конце 30-х — начале 40-х годов XX в. на основе научных трудов Е.А. Ровинского, М.А. Гурвича, А.О. Шварцмана, М.Д. Загряцкого,

не без влияния трудов М.Я. Залесского, Г.С. Гуревича, А.К. Райдера, К.К. Шамова и др. Основоположниками и идеологами теории советского финансового правоотношения, без сомнения, можно назвать ученых Института государства и права АН СССР — Е.А. Ровинского, Р.О. Халфину, А.Я. Вышинского и др. Широкое развитие данная теория получила на рубеже XX–XXI вв. Подводя итоги проведенного догматического исследования эволюции финансового правоотношения, можно с уверенностью сделать вывод о том, что в конце 30-х — начале 40-х годов XX в. были заложены основы академического направления школы финансового права — финансового правоотношения.

В советской финансово-правовой науке финансовые правоотношения понимались как урегулированные нормами права общественные отношения, складывавшиеся в процессе осуществления финансовой деятельности в целях образования, распределения и использования денежных средств и их фондов, необходимых для решения задач коммунистического строительства⁶⁷. Это определение было взято за основу и транслировалось во многие учебники⁶⁸.

Обращение к нормативным правовым актам показало, что данное понятие — «финансовое правоотношение», то есть его дефиниция в российском законодательстве отсутствует. Возможно допустить, что это связано с разнообразием их разновидностей (налоговые, бюджетные, банковские, эмиссионные и пр.).

К специфическим особенностям финансового правоотношения, которые позволяют обособить данный вид отношений в общей их юридической системе, относят: возникновение в особой сфере деятельности государства — финансовой; имеют плановый характер образования, распределения и использования; это денежные отношения, а не какие-либо иные вида имущественные, отсюда их властно-имущественный характер; одним из участников данного вида отношений выступает государство либо уполномоченные им органы, наделенные властными полномочиями; имеют нормативно-правовой характер регулирования.

Исследование историографических и догматических аспектов эволюции теории финансового правоотношения имеет важное значение для получения теоретических и политико-правовых знаний, а также дальнейшего развития и совершенствования его конструкции и отраслевых юридических наук. Данные знания послужат целям уяснения предмета и назначения науки финансового права,

⁶⁶ См.: Судейкин В.Т. Замечательная эпоха в истории русских финансов (Очерк экономической и финансовой политики Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградского) / [Соч.] Старого Профессора (псевд.). СПб., 1895.

⁶⁷ См.: Советское финансовое право: учеб. / отв. ред. Г.С. Гуревич. М., 1985. С. 40.

⁶⁸ См., напр.: Финансовое право: учеб. / сост.: М.А. Гурвич, М.Я. Залесский, А.К. Райдер; общ. ред.: М.А. Гурвич.

определения элементного состава финансово-правоотношения, познания сути публично-правовых и тесно связанных с ними частноправовых отношений, выявления закономерностей влияния историографической модели политико-правовых знаний о финансовом правовом отношении на концептуализацию форм и средств системы финансово-правового регулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев М. М.* Взгляд на развитие учения о налоге у экономистов А. Смита, Ж.-Б. Сея, Рикардо, Сисмонди и Д. С. Милля. Харьков, 1870.
2. *Аллахвердян Д. А.* Финансово-кредитный механизм развитого социализма. М., 1976.
3. *Артемов Н. М., Лагутин И. Б., Ситник А. А., Урда М. Н.* Правовое регулирование денежного обращения (Денежное право). М., 2016.
4. *Бельский К. С.* Забытый «патриарх» советской науки финансового права (к 120-летию со дня рождения М. А. Гурвича) // Государство и право. 2017. № 9. С. 93–100.
5. *Бельский К. С.* История и методология финансового права. Пенза, 2022.
6. *Бельский К. С.* Финансово-правовые преобразования в XVIII столетии. Финансово-правовое государство Петра I // Государство и право. 2020. № 10.
7. *Бреев А. В.* О становлении политико-правовых взглядов П. И. Стучки // Управленческое консультирование. 2015. № 10. С. 215–219.
8. *Васянина Е. Л.* Обязательства в механизме финансово-правового регулирования // Финансовое право. 2024. № 5. С. 2–5.
9. *Васянина Е. Л.* Обязательства в финансовом праве. М., 2020.
10. *Винницкий Д. В.* Российское налоговое право: проблемы теории и практики. СПб., 2003.
11. *Винокурова Т. В.* Государственно-правовое регулирование финансового управления в Древней Руси и ее реформирование в централизованном Московском государстве: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008.
12. Вопросы теории финансов / под ред. В. П. Дьяченко. М., 1957.
13. *Воронова Л. К.* Правовое регулирование кредитно-расчетных отношений в народном хозяйстве: учеб. пособие для юрид. вузов и фак. Киев, 1988.
14. *Вышинский А. Я.* Основные задачи науки советского социалистического права (Сокращенная стенограмма доклада на 1-м совещании по вопросам науки советского права и государства 16 июля 1938 г.) // Соц. законность. 1938. № 8. С. 1–34.
15. *Горбань В. С.* Понятие, теория и проблемы формирования общей концепции эффективности законодательства. М., 2009.
16. *Грачева Е. Ю.* Вклад М. М. Сперанского в развитие финансовой науки // Электронная библиотека Руконт. URL: <https://rucont.ru/efd/588896>
17. *Грачева Е. Ю.* История финансового права // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 3. С. 28, 29.
18. *Грачева Е. Ю.* К вопросу о финансовых обязательствах // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 6. С. 10–20.
19. *Грибанова О. М.* Институт казны и роль государства в новых геополитических и экономических реалиях // Вестник Института экономики РАН. 2020. № 4. С. 127–136.
20. *Гурвич М. А.* Советское финансовое право: учеб. пособие для юрид. высш. учеб. заведений. М., 1952.
21. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. Т. IV: Западноевропейские источники / сост. пер. и коммент. А. В. Назаренко. М., 2010.
22. *Ермакова Т. С.* Финансовое правоотношение (теоретические проблемы): учеб. пособие. Л., 1985. С. 10.
23. *Загряцков М. Д.* Административно-финансовое право. М., 1928.
24. *Запольский С. В.* Самофинансирование предприятий (правовые вопросы). М., 1988.
25. *Запольский С. В.* Теория финансового права: научные очерки. М., 2010.
26. *Запольский С. В., Васянина Е. Л.* Цифровизация финансового контроля: правовое регулирование // Правовая информатика. 2022. № 3. С. 4–11.
27. Исследования о Русской Правде П. Мрочек-Дроздовского. Вып. 1. Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды. М., 1881. XXII.
28. История финансового законодательства России: учеб. пособие. Сер. «Экономика и управление». М., 2003.
29. *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. СПб., 1818. Кн. I. Т. I. С. 135–140, 149, 150.
30. *Карасева М. В.* Финансовое правоотношение. Воронеж, 1997. С. 46, 47, 77–89.
31. *Карасева М. В.* Финансовое правоотношение. М., 2001.
32. *Карасева М. В.* Финансовое правоотношение: идентификация отраслевой принадлежности // Росс. журнал правовых исследований. 2022. Т. 9. № 3. С. 9–15.
33. *Кобзарь-Фролова М. Н.* Административная ответственность в сфере таможенного дела: учеб. пособие. М., 2017. С. 9.
34. *Кобзарь-Фролова М. Н.* К вопросу о заключении межгосударственных соглашений об избежании двойного налогообложения // Финансовое право. 2011. № 8. С. 67–75.
35. *Коган М. Л.* Хозяйственная форма и финансовое право. М., 1968.
36. *Козырин А. Н.* Финансовое право и управление публичными финансами в зарубежных странах. М., 2009.
37. *Крохина Ю. А.* Финансовое право России: учеб. М., 2024. С. 100.

38. Научные концепции развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. 8-е изд., перераб. и доп. М., 2024.
39. Обзор истории русского права / соч. проф. М.Ф. Владимирского-Буданова. 5-е изд. СПб., Киев, 1907.
40. Пашенцев Д.А. Правовое регулирование финансовой деятельности в Российской империи: вторая половина XIX — начало XX века: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.
41. Пискотин М.И. Советское бюджетное право (Основные проблемы). М., 1971.
42. Порохов Е.В. Налоговое право: учеб. для вузов (академический курс). Алматы, 2023.
43. Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси. СПб., 1909.
44. Ровинский Е.А. Основные вопросы теории советского финансового права. М., 1960. С. 133, 134.
45. Ровинский Е.А. Основные вопросы теории советского финансового права. 2-е изд., стер. М., 2017 (Наше наследие).
46. Советское финансовое право: учеб. / отв. ред. Г.С. Гуревич. М., 1985. С. 40.
47. Соломеин А.Ю. История таможенного дела и таможенной политики России: краткий курс лекций. СПб., 2006. С. 18–24.
48. Судейкин В.Т. Замечательная эпоха в истории русских финансов (Очерк экономической и финансовой политики Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградского) / [Соч.] Старого Профессора (псевд.). СПб., 1895.
49. Тосунян Г.А. Банковское дело и банковское законодательство в России (Опыт, проблемы, перспективы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995.
50. Трошин Н.Н. Первый опыт осуществления системной экономической реформы в царской России («План финансов» М.М. Сперанского 1810–1812 гг.). 2014. № 6 (27).
51. Финансовое право: методология исследования. Система / под ред. С.В. Запольского. М., 2013. С. 28–45.
52. Финансовое право / соч. В.А. Лебедева, проф. С.-Петербург. ун-та. СПб., 1889. Т. 1. [Вып. 1] / 24.
53. Финансовое право: учеб. / отв. ред. Н.И. Химичева. М., 1997. С. 33, 34.
54. Финансовое право: учеб. / под ред. О.Н. Горбуновой. М., 1996. С. 42, 43.
55. Финансовое право: учеб. / сост.: М.А. Гурвич, М.Я. Залесский, А.К. Райдер и др.; общ. ред.: М.А. Гурвич. М., 1940. С. 178.
56. Халфина Р.О. К вопросу о предмете и системе советского финансового права // Вопросы советского административного и финансового права. М., 1952. С. 182–214.
57. Цегоев В., Бодаренко Н. Финансовая перестройка: как Бреттон-Вудская система изменила мировую экономику. URL: <https://russian.rt.com/business/article/652040-bretton-vudskaya-sistema>
58. Энциклопедия российского финансового права / под ред. Е.Ю. Грачевой, Р.Е. Артюхина. М., 2024.
59. Янжул И.И. Основные начала финансовой науки: учение о государственных доходах. М., 2002. С. 34–38, 41–43.
60. Scott Hal S. International finance: Law and regulation. Sweet&Maxwell, 2008.

REFERENCES

1. Alekseenko M.M. A view on the development of the doctrine of tax among economists A. Smith, J.-B. See, Ricardo, Sismondi, and D.S. Mill. Kharkov, 1870 (in Russ.).
2. Allakhverdyan D.A. Financial and credit mechanism of developed socialism. M., 1976 (in Russ.).
3. Artemov N.M., Lagutin I.B., Sitnik A.A., Urda M.N. Legal regulation of monetary circulation (Monetary Law). M., 2016 (in Russ.).
4. Belsky K.S. The forgotten “patriarch” of the Soviet science of Financial Law (on the 120th anniversary of the birth of M.A. Gurvich) // State and Law. 2017. No. 9. Pp. 93–100 (in Russ.).
5. Belsky K.S. History and methodology of Financial Law. Penza, 2022 (in Russ.).
6. Belsky K.S. National legal transformations in the XVIII century. Financial and public administration of Peter the Great // State and Law. 2020. No. 10 (in Russ.).
7. Breev A.V. On the formation of political and legal views of P.I. Stuchka // Management consulting. 2015. No. 10. Pp. 215–219 (in Russ.).
8. Vasyanina E.L. Obligations in the mechanism of financial and legal regulation // Financial Law. 2024. No. 5. Pp. 2–5 (in Russ.).
9. Vasyanina E.L. Obligations in Financial Law. M., 2020 (in Russ.).
10. Vinnitskiy D.V. Russian Tax Law: problems of theory and practice. SPb., 2003 (in Russ.).
11. Vinokurova T.V. State-legal regulation of financial management in Ancient Russia and its reform in the centralized Moscow state: historical and legal aspect: abstract ... PhD in Law. SPb., 2008 (in Russ.).
12. Questions of the theory of finance / ed. by V.P. Dyachenko. M., 1957 (in Russ.).
13. Voronova L.K. Legal regulation of credit and settlement relations in the national economy: textbook for legal universities and faculties. Kiev, 1988 (in Russ.).
14. Vyshinsky A. Ya. The main tasks of the science of Soviet socialist law (An abbreviated transcript of the report at the 1st meeting on the science of Soviet morality and the state on July 16, 1938) // Social legality. 1938. No. 8. Pp. 1–34 (in Russ.).
15. Gorban V.S. The concept, theory and problems of forming a general concept of the effectiveness of legislation. M., 2009 (in Russ.).
16. Gracheva E. Yu. The contribution of M.M. Speransky in the development of innovative science // Electronic library — Naukograd // <https://rucont.ru/efd/588896> (in Russ.).

17. *Gracheva E. Yu.* History of Financial Law // Herald of Kutafin University (MSAL). 2015. No. 3. Pp. 28, 29 (in Russ.).
18. *Gracheva E. Yu.* On the issue of financial obligations // Herald of Kutafin University (MSAL). 2016. No. 6. Pp. 10–20 (in Russ.).
19. *Gribanova O. M.* Institute of Treasury and the role of the state in new geopolitical and economic realities // Herald of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2020. No. 4. Pp. 127–136 (in Russ.).
20. *Gurvich M. A.* Soviet Financial Law: textbook. M., 1952 (in Russ.).
21. Modern Russia in the light of foreign sources: textbook / ed. by T. N. Dzhakson, I. G. Kononova and A. V. Podosinov / comp. transl. and commented by A. V. Nazarenko. M., 2010 (in Russ.).
22. *Ermakova T. S.* Financial legal relations (theoretical problems): textbook. L., 1985. P. 10 (in Russ.).
23. *Zagryatskov M. D.* Administrative and Financial Law. M., 1928 (in Russ.).
24. *Zapolsky S. V.* Self-financing of enterprises (legal issues). M., 1988 (in Russ.).
25. *Zapolsky S. V.* Theory of Financial Law: scientific essays. M., 2010 (in Russ.).
26. *Zapolsky S. V., Vasyanina E. L.* Digitalization of financial control: legal regulation // Legal informatics. 2022. No. 3. Pp. 4–11 (in Russ.).
27. Studies on the Russian Truth by P. Mrochek-Drozdzovsky. Iss. 1. The experience of researching sources on the issue of money of the Russian Truth. M., 1881. XXII (in Russ.).
28. The history of Russian financial legislation: textbook. Ser. "Economics and management". M., 2003 (in Russ.).
29. *Karamzin N. M.* History of the Russian State. St. Petersburg, 1818. Book I. Vol. I. Pp. 135–140, 149, 150 (in Russ.).
30. *Karaseva M. V.* Financial legal relations. Voronezh, 1997. Pp. 46, 47, 77–89 (in Russ.).
31. *Karaseva M. V.* Financial legal relations. M., 2001 (in Russ.).
32. *Karaseva M. V.* Financial legal relations: identification of industry affiliation // Russian Journal of Legal Research. 2022. Vol. 9. No. 3. Pp. 9–15 (in Russ.).
33. *Kobzar-Frolova M. N.* Administrative responsibility in the field of customs: textbook. M., 2017. P. 9 (in Russ.).
34. *Kobzar-Frolova M. N.* On the issue of concluding interstate agreements on the avoidance of double taxation // Financial Law. 2011. No. 8. Pp. 67–75 (in Russ.).
35. *Kogan M. L.* Economic form and Financial Law. M., 1968 (in Russ.).
36. *Kozyrin A. N.* Financial Law and public finance management in foreign countries. M., 2009 (in Russ.).
37. *Krokhina Yu. A.* Financial Law of Russia: textbook. M., 2024. P. 100 (in Russ.).
38. Scientific concepts of the development of Russian legislation / ed. by T. Ya. Khabrieva, Yu. A. Tikhomirov. 8th ed., rev. and add. M., 2024 (in Russ.).
39. Review of the history of Russian law / essay by Prof. M. F. Vladimirovsky-Budanov. 5th ed. St. Petersburg, Kiev, 1907 (in Russ.).
40. *Panchev D. A.* Legal regulation of entrepreneurial activity in the Russian Empire: the second half of the XIX – the beginning of the XX century: abstract ... Doctor of Law. M., 2005 (in Russ.).
41. *Piskotin M. I.* Soviet Budget Law (Main problems). M., 1971 (in Russ.).
42. *Porokhov E. V.* Tax Law: textbook for universities (academic course). Almaty, 2023 (in Russ.).
43. *Presnyakov A. E.* Princely law in ancient Russia. St. Petersburg, 1909 (in Russ.).
44. *Rovinsky E. A.* Basic issues of the theory of Soviet Financial Law. M., 1960. Pp. 133, 134 (in Russ.).
45. *Rovinsky E. A.* Basic issues of the theory of Soviet Financial Law. 2nd ed., ster. M., 2017 (Our Heritage) (in Russ.).
46. Soviet Financial Law: textbook / ed. by G. S. Gurevich. M., 1985. P. 40.
47. *Solomein A. Yu.* History of customs affairs and customs policy of Russia: a short course of lectures. SPb., 2006. Pp. 18–24 (in Russ.).
48. *Sudeikin V. T.* A remarkable epoch in the history of Russian finance (An essay on economic and financial policy by N. Kh. Bunge and I. A. Vyshnegradsky) / [Essay] of the Old Professor (pseudonymous). St. Petersburg, 1895 (in Russ.).
49. *Tosunyan G. A.* Banking and banking legislation in Russia (Experience, problems, prospects): abstract ... Doctor of Law. M., 1995 (in Russ.).
50. *Troshin N. N.* The first experience of implementing systemic economic reform in Tsarist Russia (M. M. Speransky's "Plan of Finance" 1810–1812). 2014. No. 6 (27) (in Russ.).
51. Financial Law: research methodology. Sistema / ed. by S. V. Zapolsky. M., 2013. Pp. 28–45 (in Russ.).
52. Financial Law / essay by V. A. Lebedev, Prof. St. Petersburg University. St. Petersburg, 1889. Vol. 1. [Iss. 1] / 24 (in Russ.).
53. Financial Law: textbook / ed. by N. I. Khimicheva. M., 1997. Pp. 33, 34 (in Russ.).
54. Financial Law: textbook / ed. by O. N. Gorbunova. M., 1996. Pp. 42, 43 (in Russ.).
55. Financial Law: textbook / comp.: M. A. Gurvich, M. Ya. Zalessky, A. K. Ryder et al; general ed.: M. A. Gurvich. M., 1940. P. 178 (in Russ.).
56. *Khalfina R. O.* On the subject and system of Soviet Financial Law // Questions of Soviet Administrative and Financial Law. M., 1952. Pp. 182–214 (in Russ.).
57. *Tsegoev V., Bodarenko N.* Financial restructuring: how the Bretton Woods system changed the world economy. URL: <https://russian.rt.com/business/article/652040-bretton-vudskaya-sistema> (in Russ.).
58. Encyclopedia of Russian Financial Law / ed. by E. Yu. Gracheva, R. E. Artyukhin. M., 2024 (in Russ.).
59. *Yanzhul I. I.* Basic principles of financial science: the doctrine of state revenues. M., 2002. Pp. 34–38, 41–43 (in Russ.).
60. *Scott Hal S.* International finance: Law and regulation. Sweet&Maxwell, 2008.

Сведения об авторах**КОБЗАРЬ-ФРОЛОВА Маргарита Николаевна —**

доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник сектора
административного права
и административного процесса
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ВАСЯНИНА Елена Леонидовна —

доктор юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник сектора
административного права
и административного процесса
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

АНДРИАНОВА Наталья Геннадьевна —

кандидат юридических наук,
научный сотрудник сектора
административного права
и административного процесса
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information**KOBZAR-FROLOVA Margarita N. —**

Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher, Sector of Administrative
Law and Administrative Process,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

VASYANINA Elena L. —

Doctor of Law, Associate Professor,
Leading Researcher, Sector of Administrative
Law and Administrative Process,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ANDRIANOVA Natalia G. —

PhD in Law,
Researcher, Sector of Administrative Law
and Administrative Process,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

УДК 34

СОВРЕМЕННЫЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА: ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА И ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

© 2025 г. Т. А. Полякова^{1, *}, А. В. Минбалеев^{1, 2, **}, В. Б. Наумов^{1, 2, ***}

¹Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

²Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

*E-mail: polyakova_ta@mail.ru

**E-mail: alexmin@bk.ru

***E-mail: nau@russianlaw.net

Поступила в редакцию 06.01.2025 г.

Аннотация. В статье анализируются историографические аспекты развития нового научного направления в Институте государства и права Российской академии наук и научной школы информационного права, а также развитие исследований правовых проблем обеспечения национальной и международной информационной безопасности. Исследуются приоритеты развития информационного права в условиях новых задач, расширения правового измерения и целей развития России в свете обеспечения ее национального суверенитета в информационной сфере, кибербезопасности и противодействия киберпреступности. Все это обусловлено необходимостью решения стратегических задач обеспечения национальной и международной информационной безопасности как одного из приоритетов государственной политики в информационной сфере. В связи с этим отмечено значение информационно-правового обеспечения нового национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства».

Развитие доктрины российского информационного права как публично-правовой (государственно-правовой) отрасли (права, законодательства и науки) сегодня детерминировано целями развития России, необходимостью правового обеспечения национального суверенитета в информационной сфере в условиях цифровой трансформации. Информационное право рассматривается авторами как базовая отрасль для развития правового регулирования новых информационных отношений, информационных (цифровых) пространств, а также противодействия современным информационным вызовам и угрозам государству, обществу и гражданам.

Исследованы особенности и проблемы правового обеспечения информационного суверенитета и информационной безопасности Российской Федерации. Обосновано значение кодификации информационного законодательства и рассмотрены проблемы, связанные с разработкой кодексов,

необходимых для упорядочения информационного законодательства, в том числе в целях достижения информационного суверенитета Российской Федерации, развития экономики данных и цифровой трансформации государства.

На основе анализа состояния и развития науки информационного права в Институте государства и права РАН обосновывается роль сектора информационного права и международной информационной безопасности в развитии теоретической модели Информационного кодекса и оценке проблем разработки Цифрового кодекса.

Ключевые слова: информационное право, кибербезопасность, кодификация информационного законодательства, информационная безопасность, информационный суверенитет, правовое обеспечение информационной безопасности, Цифровой кодекс Российской Федерации, цифровая трансформация государства, экономика данных.

Цитирование: Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Наумов В.Б. (2025). Современные приоритеты развития информационного права: правовое обеспечение государственного суверенитета и информационной безопасности в информационном пространстве России // Государство и право. 2025. № 1. С. 160–173.

Статья подготовлена в рамках Государственного задания FMUZ-2024-0035 «Обеспечение цифрового суверенитета и информационной безопасности правовыми средствами».

DOI: 10.31857/S1026945225010148

MODERN PRIORITIES FOR THE DEVELOPMENT OF INFORMATION LAW: LEGAL SUPPORT OF STATE SOVEREIGNTY AND INFORMATION SECURITY IN THE INFORMATION SPACE OF RUSSIA

© 2025 T. A. Polyakova^{1, *}, A. V. Minbaleev^{1, 2, **}, V. B. Naumov^{1, 2, ***}

¹*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

²*Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

*E-mail: polyakova_ta@mail.ru

**E-mail: alexmin@bk.ru

***E-mail: nau@russianlaw.net

Received 06.01.2025

Abstract. The article analyzes the historiographical aspects of the development of a new scientific field at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences and the Scientific School of Information Law, as well as the development of research on legal issues of national and international information security. The priorities of the development of Information Law in the context of new challenges, the expansion of the legal dimension and the goals of Russia's development in the light of ensuring its national sovereignty in the information sphere, cybersecurity and countering cybercrime are investigated. All this is conditioned by the need to solve strategic tasks of ensuring national and international information security as one of the priorities of state policy in the information sphere. In this regard, the importance of information and legal support for the new national project "Data Economics and Digital Transformation of the State" was noted.

The development of the doctrine of Russian Information Law as a public-law (state-legal) branch (law, legislation and science) today is determined by the goals of Russia's development, the need for legal support for national sovereignty in the information sphere in the context of digital transformation. Information Law is considered by the authors as a basic branch for the development of legal regulation of new information relations, information (digital) spaces, as well as countering modern information challenges and threats to the state, society and citizens. The features and problems of legal support of information sovereignty and information security of the Russian Federation are investigated. The importance of codification of information legislation is substantiated and the problems associated with the development of codes necessary to streamline information legislation, including in order to achieve information sovereignty of the Russian Federation, the development of the data economy and the digital transformation of the state, are considered.

Based on the analysis of the state and development of the science of Information Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, the role of the Information Law and international information security sector in the development of the theoretical model of the Information Code and the assessment of the problems of developing a Digital Code is substantiated.

Key words: Information Law, cybersecurity, codification of information legislation, information security, information sovereignty, legal support of information security, Digital Code of the Russian Federation, digital transformation of the state, data economy.

For citation: Polyakova, T.A., Minbaleev, A.V., Naumov, V.B. (2025). Modern priorities for the development of Information Law: legal support of state sovereignty and information security in the Information Space of Russia // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 1, pp. 160–173.

The article was prepared within the framework of the State Assignment FMUZ-2024-0035 “Ensuring digital sovereignty and information security by legal means”.

*К 100-летию Института государства и права
Российской академии наук*

Введение

Информационное общество и цифровая экономика во многом определили позиции информационного права не просто как нового научного направления, но и инновационной отрасли, которая продолжает активно развиваться в условиях цифровой трансформации государства и права, формирования экономики данных, а также решения стратегических задач по обеспечению национального суверенитета в информационной сфере и информационной безопасности, в том числе кибербезопасности в цифровой среде.

Развитие системы информационных, а также цифровых отношений связывают с появлением новых субъектов и объектов информационного права, развитием новых наукоемких технологий, новых информационных пространств и т.д., а также с необходимостью обеспечения состояния защищенности интересов государства, общества и граждан от новых вызовов и угроз в глобальном информационном пространстве. Эти проблемы заслуживают внимания не только со стороны государства при формировании его политики, но и широкого научного сообщества, практиков. Научные исследования подтверждают необходимость ускоренного развития российской доктрины информационного права, информационного законодательства, а также международных правовых актов, направленных на регулирование информационно-коммуникационной среды (далее — ИКТ-среда).

Роль научных исследований в этой области, безусловно, возрастает в условиях происходящих в мире изменений перехода к многополярности, роста киберпреступности. Возрастает также значение развития системы международной информационной безопасности и продвижение связанных с этим российских инициатив и проектов в ООН.

Стратегический характер имеют задачи обеспечения государственного суверенитета в условиях цифровой трансформации; обеспечения безопасности в киберпространстве. Необходимо обеспечение культурного суверенитета, включая защиту русского языка, и культурных ценностей,

информационно-психологической безопасности, развитие культуры информационной безопасности, формирование среды доверия и мер по обеспечению защиты цифровых данных при их обороте. Эта тема заслуживает самостоятельных исследований. Все эти и иные вопросы являются предметом информационно-правовых исследований¹.

При активном развитии фундаментальной юридической науки и укрупнении научных юридических специальностей, включении информационного права в публично-правовые (государственно-правовые) науки информационное право подвержено определенной трансформации в связи с активизацией процессов цифровизации, что обуславливает развитие соответствующих доктринальных положений информационного права, необходимых для формирования государственной политики.

Как справедливо отмечает член-корр. РАН А.Н. Савенков, «в условиях... усиливающейся динамики развития информационного общества, “электронного государства”, цифровой экономики, роста вызовов и угроз информационной безопасности особую роль играет формирование и реализация государственной политики, направленной на учет современных информационных тенденций развития всех сфер жизни общества и государства, выработку научно обоснованных, выверенных, взвешенных подходов регулирования новых информационных отношений»².

Информационно-правовое обеспечение национального суверенитета информационной безопасности в условиях цифровой трансформации государства

Одной из ключевых задач и функций государства является обеспечение и защита национального суверенитета в информационном пространстве. В условиях возрастающих вызовов и угроз,

¹ См.: Polyakova T.A., Naumov V.B., Minbaleev A.V. Trust in the law during the digital transformation // *Государство и право*. 2022. № 11. С. 139–147; Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права // *Государство и право*. 2022. № 9. С. 94–104.

² Савенков А.Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации. М., 2024. С. 64.

активизации противоправных действий различных субъектов деструктивного характера³, направленных на нарушение защищенности интересов государства, общества и каждого гражданина, пристального внимания заслуживают вопросы обеспечения национальной и международной информационной безопасности. Возрастает значение одного из базовых принципов международного права, требующего доктринального развития, расширения в информационном пространстве. Это неоднократно отмечалось Президентом РФ, особенно роль технологического суверенитета как стратегической задачи, связанной с обеспечением реализации политики импортозамещения, одной из ключевых для обеспечения киберстабильности.

Кроме того, активно обсуждаются различные вопросы, касающиеся цифрового суверенитета, сетевого, научно-технологического и многих других видов суверенитета⁴. Но все это связано с системным правовым обеспечением национальной и международной информационной безопасности как научного направления⁵. Рост киберпреступности как динамично развивающаяся тенденция нашего времени, особенно в условиях специальной военной операции, требует развития теории суверенитета государства в информационном пространстве, включая обеспечение цифрового суверенитета и киберсуверенитета (проблем атрибуции в информационном пространстве при совершении противоправных действий). Необходимым условием обеспечения информационного национального суверенитета являются: противодействие распространению фейков, защита русского языка и культурного суверенитета, формирование среды доверия и соблюдение конфиденциальности цифровых данных.

Характер и виды суверенитета государства в информационной сфере требуют комплексных научных исследований, поскольку носят дискуссионный, межотраслевой характер.

Исследованиям вопросов суверенитета государств или государственного суверенитета посвящены, например, работы теоретиков права.

³ См.: Информационные технологии в уголовно-правовой сфере / под ред. А.И. Бастрыкина, А.Н. Савенкова. М., 2023.

⁴ См.: Полякова Т.А., Смирнов А.А. Правовое обеспечение международной информационной безопасности: приоритеты для Союзного государства // Право.ру. 2023. № 5(85). С. 84–92; Полякова Т.А., Минбалева А.В., Троян Н.А. Формирование культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации в условиях новых вызовов: публично-правовые проблемы // Государство и право. 2023. № 5. С. 131–144; и др.

⁵ См.: Полякова Т.А., Минбалева А.В., Кроткова Н.В. Трансформация науки информационного права и информационного законодательства: новый этап в условиях научно-технологического развития России // Государство и право. 2024. № 9. С. 166–179.

Так, А.Б. Венгеров, один из первых теоретиков права, признавших наличие информационных отношений, рассматривал государственный суверенитет как одну из важнейших черт государства, которая заключается в верховенстве и независимости от какой-либо иной власти, «обладании правом и возможностью осуществлять внутреннюю и внешнюю политику от имени всего общества внутри и вне страны»⁶.

Вместе с тем особую природу этого свойства государства Н.А. Ушаков отмечал так: с позиции международного права «суверенитет представляет собой необходимое политико-юридическое свойство всякого государства, неразрывно связанное с его особой природой»⁷. Суверенитет связывают как с понятием государственной власти, так и классически определяют его как «лишь определенное ее свойство, в силу которого она является высшей и независимой властью»⁸. Цифровая трансформация, несомненно, существенно влияет на правовую систему, определяет необходимость существенных изменений⁹.

Полагаем, что заслуживает особого внимания позиция Президента Российской ассоциации международного права А.Я. Капустина, который на основе анализа понятия «суверенитет государства» и приведенной им классификации подходов в международно-правовой доктрине оценивает правовое измерение и роль суверенитета в киберпространстве¹⁰. Кроме того, представляет научный интерес системный анализ различных подходов к защите суверенитета в информационном пространстве, проведенный А.А. Ефремовым, рассматривающим государственный суверенитет в информационном пространстве как юридическое свойство (признак) государства, являющегося особым субъектом информационно-правовых отношений, который осуществляет их правовое регулирование не только в пределах своей территории (внутригосударственное информационное пространство), но и экстерриториально при

⁶ Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 2005. С. 92.

⁷ Ушаков Н.А. Суверенитет в современном международном праве. М., 1963. С. 23.

⁸ Палиенко Н.И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль, 1903. С. 438, 439.

⁹ Увеличение объемов правовой информации, цифровизации правового управления, использование искусственного интеллекта во всех сферах деятельности и обслуживания не только модернизируют всю систему права, но также вызывают новые общественные отношения, в значительной степени касающиеся, например, правового регулирования в области информационной безопасности.

¹⁰ См.: Капустин А.Я. Суверенитет государства в киберпространстве: международно-правовое измерение // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 6. С. 99–108.

участии в международно-правовом регулировании. В связи с этим им предложено в информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета включать системы организационных, нормативно-функциональных и инструментально-процедурных элементов, осуществляющих регулирующее влияние на общественные отношения¹¹.

Исследования в данной области показывают также, что понятие суверенитета наиболее часто принято определять как «свойство государства, предполагающее верховенство государственной власти на его территории и независимость в международных отношениях»¹². Хотя в нормативных правовых актах термин «суверенитет» используется достаточно широко (к примеру, в Декларации о государственном суверенитете 1990 г.)¹³. При этом обращает внимание, что в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы в разделе, посвященном информационной безопасности, указано, что основной целью «является укрепление суверенитета России в условиях новых вызовов, угроз и рисков»¹⁴. В качестве одной из задач развития военной организации еще в Военной доктрине Российской Федерации¹⁵ также определено обеспечение суверенитета, как и в других актах стратегического планирования.

Анализ показывает, что сегодня в условиях цифровой трансформации необходимо развитие доктринального понятия в связи с развитием информационного (кибер)пространства, реализации стратегических задач обеспечения национальной безопасности, включая и информационную безопасность, как состояния защищенности национальных интересов России для защиты конституционных ценностей в целях обеспечения суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве, включая технологический суверенитет, социально-экономическое развитие и достижение гражданского согласия. Система правового

обеспечения национальной информационной безопасности Российской Федерации определяется сегодня многовекторностью общественных отношений в информационной сфере.

Следует признать, что многие новые категории, концепты, необходимые для правового регулирования, пока не имеют однозначных юридических дефиниций. К ним можно отнести и понятие «цифровой суверенитет», которое при значительном расширении сферы его использования до сих пор не обрело необходимой правовой определенности. Это относится и к таким понятиям, как «противодействие кибератакам», «киберпреступность», «киберстабильность», «атрибуция в информационном пространстве» и многим другим, имеющим стратегическое значение как на национальном, так и международном уровне для противодействия информационно-психологическим воздействиям террористического и экстремистского характера, а также деструктивной политике государств коллективного Запада, направленной на разрушение традиционных духовно-нравственных и культурных ценностей, попыткам компьютерных атак на российские информационные ресурсы и цифровую среду.

Требует отдельного анализа соотношение понятия государственного суверенитета, концепта «цифровой суверенитет», а также места и роли культурного суверенитета с учетом того обстоятельства, что огромное количество граждан давно стали пользователями информационного пространства и различных цифровых сервисов и осуществляют доступ к информации и знаниям преимущественно в цифровой форме.

Отдельное значение для системы различных взаимоувязанных понятий суверенитетов приобретает глубокая междисциплинарная оценка роли доминирующих в цифровом пространстве цифровых платформ и сервисов, по большей части иностранных, и степень их участия в происходящем сейчас в мире геополитическом противостоянии.

Недружественные по отношению к Российской Федерации государства предпринимают попытки использования своего технологического доминирования, направленного на сдерживание или подчинение цифрового развития других государств, и «внешней» цензуры в информационном пространстве. В целях противодействия таким угрозам несомненно значение научного обоснования развития системы правового обеспечения национального суверенитета в информационной сфере (цифрового, технологического, культурного, как связанного с информацией и знаниями, и т.д.), принятия комплекса мер для усиления организационной, технологической и правовой защищенности в условиях цифровой трансформации. Это касается идентификации объектов и субъектов в цифровой среде,

¹¹ См.: Ефремов А.А. Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021; *Его же*. Защита государственного суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве. М., 2017.

¹² Философия права. Словарь. 2-е изд., дораб. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жуков. М., 2021. С. 704.

¹³ В Конституции РФ, а также практически во всех документах стратегического планирования — Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (2021 г.), в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ в 2016 г.), в Основах государственной политики в области международной информационной безопасности (2021 г.).

¹⁴ См.: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20, ст. 2901.

¹⁵ См.: Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976) // Росс. газ. 2014. 30 дек.

политики усиления защиты каналов связи, обеспечения конфиденциальности информации, а также достоверности социально значимой информации, приобретения необходимых знаний, а также воспитания культуры информационной безопасности и «цифровой гигиены» и т.д.

Однако для эффективного противодействия таким информационным вызовам в условиях трансграничности необходима консолидация усилий всего мирового сообщества и активизация эффективного международного сотрудничества в области международной информационной безопасности. Сегодня многие вызовы и угрозы имеют глобальный и трансграничный характер, поэтому нельзя отрицать значение правовых норм и общепризнанных принципов международного права в ИКТ-среде. Одним из приоритетов внешней политики Российской Федерации в информационном пространстве закономерно является усиление интеграции и взаимодействия именно в форматах региональных объединений (ШОС, БРИКС, СНГ, ОДКБ и Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации) для эффективного решения противодействия указанным угрозам в информационном пространстве. Российская позиция относительно развития системы международной информационной безопасности отражена в проекте Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности, внесенном в ООН в 2023 г., в котором заложен принцип суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела (в том числе для наращивания сил информационной безопасности).

В фокусе внимания мирового сообщества находится важное событие, связанное с принятием 24 декабря 2024 г. Генеральной Ассамблеей ООН универсальной Конвенции, направленной на противодействие киберпреступности. Впервые в мировой истории был одобрен проект универсальной международной Конвенции о противодействии использованию ИКТ в преступных целях. Эту Конвенцию по праву можно отнести к международным актам нового поколения не только потому, что это первый более чем за 20 лет XXI в. международный правовой документ ООН в виде универсальной конвенции, но и в связи с тем, что это новый правовой инструмент для борьбы с растущей угрозой киберпреступности, противодействия новому противоправному явлению в киберпространстве, представляющему угрозу и национальному суверенитету¹⁶, в который включены вопросы защиты

персональных данных и сбора цифровых доказательств. Особенно важно закрепление в данном проекте принципа государственного суверенитета, что его значительно отличает от европейской, т.н. Будапештской конвенции (2001), которую Российская Федерация не подписала. В Конвенции детально регламентированы вопросы международного сотрудничества в сфере борьбы с информационной преступностью (включая киберпреступления), оказание взаимной правовой помощи по уголовным делам, сбора электронных доказательств, защиты детей от сексуального насилия, совершаемого с использованием информационных технологий, помощи пострадавшим (жертвам) киберпреступлений. Важно, что принятая Конвенция ООН содержит требования к государствам о разработке мер по снижению рисков и угроз киберпреступности и т.д.¹⁷

В связи с активизацией в последнее время дискуссий относительно утраты роли международного права в мировом сообществе следует обратить внимание, что в действующем российском паспорте научных специальностей по праву в международное публичное право (5.1.5) впервые включено такое научное направление, как международное информационное право. Кроме того, несмотря ни на какие санкции в отношении России, отмечается рост международного сотрудничества Российской Федерации в области международной информационной безопасности в региональных и двусторонних форматах, в том числе по укреплению потенциала многосторонних региональных объединений и интеграционных структур с участием Российской Федерации, включая БРИКС, ШОС, СНГ, ЕАЭС, ОДКБ¹⁸.

Дальнейшая консолидация усилий заинтересованного международного сообщества по развитию международно-правовой базы сотрудничества в области международной информационной безопасности в форматах региональных международных организаций и объединений — задача стратегического характера. Не случайно Российской Федерацией на двустороннем уровне заключено более 30 межправительственных соглашений с Бразилией, Вьетнамом, Индией, КНР, Кубой, Туркменистаном и рядом других государств.

¹⁷ См.: там же.

¹⁸ За последние 20 лет был принят ряд значимых международно-правовых актов в области международной информационной безопасности, включая Соглашение между правительствами государств — членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 16.06.2009 г., Соглашение о сотрудничестве государств — участников СНГ в области обеспечения информационной безопасности от 20.11.2013 г., Соглашение о сотрудничестве государств — членов ОДКБ в области обеспечения информационной безопасности от 30.11.2017 г.

¹⁶ Следует отметить, что указанный проект, внесенный в ООН Российской Федерацией совместно с рядом государств, был одобрен в августе 2024 г. специальным комитетом ООН (см.: URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/12/1459716> (дата обращения: 24.12.2024)).

В год 25-летия создания Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации нельзя не отметить значение сотрудничества России и Беларуси¹⁹. Значительным шагом на пути нашего сотрудничества в области международной информационной безопасности стало утверждение в 2023 г. Концепции информационной безопасности Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации²⁰.

В последнее время в российской государственной политике отмечается усиление внимания к правовому регулированию в области обеспечения информационной безопасности как одному из стратегических национальных приоритетов, направленных на противодействие вызовам и угрозам в этой сфере в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации (2021 г.).

Так, особо следует отметить развитие российского законодательства в области защиты информации ограниченного доступа (с февраля 2024 г. вступила в силу новая редакция Федерального закона «О государственной тайне»)²¹. С 1 января 2025 г. начинает действовать Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации», в котором интегрируется совокупность сведений о населении Российской Федерации, содержащихся в государственных информационных системах органов государственной власти Российской Федерации, органов управления государственными внебюджетными фондами. В связи с этим важной задачей является обеспечение защиты информации, содержащейся в данном федеральном регистре, ведение которого осуществляется ФНС России.

¹⁹ В 2021 г. в рамках заседания Совета министров Союзного государства были утверждены 28 союзных программ (дорожных карт), направленных на реализацию масштабных задач по укреплению российско-белорусской интеграции, в которых уделено внимание и вопросам информационной безопасности. В частности, одна из программ нацелена на гармонизацию требований в области обеспечения информационной безопасности в финансовой сфере.

²⁰ Концепция определяет основы для формирования согласованной государственной политики и развития общественных отношений в области обеспечения информационной безопасности, а также выработки мер по совершенствованию систем обеспечения информационной безопасности государств — участников Договора о создании Союзного государства. В документе определены основные угрозы информационной безопасности Союзного государства, общие принципы, цель и задачи обеспечения информационной безопасности Союзного государства.

²¹ См. более подр.: Полякова Т.А., Камалова Г.Г. Государственная тайна как институт правового обеспечения национального суверенитета и безопасности Российской Федерации // Государство и право. 2024. № 7. С. 174—183.

Ключевое значение имеет реализация государственной политики в сфере технологического и инновационного развития Российской Федерации. Основными стратегическими документами в этой области являются Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 28.02.2024 г.), а также Концепция технологического развития на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-Р), которая определяет вызовы, принципы и цели технологического развития на период до 2030 г. в соответствии с национальными целями развития Российской Федерации²².

Указом Президента РФ от 01.05.2022 г. № 250 (с изм., внесенными в июне 2024 г.) «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации»²³ на руководителей органов исполнительной власти, государственных корпораций (компаний), стратегических предприятий и иных организаций возложена персональная ответственность за обеспечение информационной безопасности и предусмотрено создание специализированного структурного подразделения по обеспечению информационной безопасности либо возложение данных функций на существующее структурное подразделение²⁴. С 1 января 2025 г. вступили в силу закрепленные в данном Указе требования относительно запрета на использование средств защиты информации, «странами происхождения которых являются недружественные иностранные государства либо находящиеся под их юрисдикцией производители». Указанная правовая норма также направлена на обеспечение технологического суверенитета²⁵.

С января 2025 г. в Российской Федерации начинают действовать новые национальные проекты, которые в целом прямо или опосредованно направлены на обеспечение национального суверенитета. Одним из ключевых направлений развития

²² Создана Межведомственная комиссия по технологическому суверенитету и структурной адаптации экономики Российской Федерации. В структуре Совета Безопасности Российской Федерации также функционирует Межведомственная комиссия по вопросам обеспечения технологического суверенитета государства в сфере развития критической информационной инфраструктуры Российской Федерации.

²³ См.: СЗ РФ. 2022. № 18, ст. 3058.

²⁴ Ключевой характер имеют также положения об осуществлении мониторинга защищенности информационных ресурсов, принадлежащих таким органам (организациям), порядок которого регламентирован приказом ФСБ России.

²⁵ В 2024 г. этот запрет был распространен и в отношении иностранных сервисов (работ, услуг) по обеспечению информационной безопасности. Этот сложный, но непростой шаг необходимо сделать для укрепления технологического суверенитета нашей страны в области информационной безопасности.

информационного права и его доктрины является переход к новым приоритетным наукоемким технологиям, а также начало реализации национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Анализ паспортов новых национальных проектов показывает, что реализация поставленных задач во многом связана с необходимостью развития доктрины информационного права и системы информационного законодательства.

Цифровой кодекс Российской Федерации как вызов информационному праву

В научном сообществе продолжают дискуссии относительно целесообразности (возможности) разработки и принятия в ближайшее время Цифрового кодекса РФ, хотя позиция Правительства РФ нашла отражение в соответствующем поручении о его разработке. Кодификация законодательства процесс сложный и долговременный, в рамках которого происходит не только обсуждение, моделирование проекта кодифицированного акта, но и прогнозирование последствий его принятия и дальнейшего существования. Позиция авторов данной статьи относительно перспектив разработки Цифрового кодекса нашла отражение в статье «К вопросу о кодификации информационного законодательства в условиях цифровой трансформации»²⁶. Продолжающиеся обсуждения и попытки осмысления в различных форматах этих вопросов не позволяют сегодня рассматривать формирующееся цифровое законодательство («Цифровой кодекс») как самостоятельную отрасль законодательства, поскольку именно в рамках информационного законодательства в настоящее время происходит развитие правового регулирования цифровых процессов. Несмотря на то что большинство информационных процессов переводится в цифровой формат, правовое регулирование в цифровой сфере есть и будет частью информационного права. Хотя высказываются позиции об отождествлении информационного и цифрового права, полагаем, что это методологическая и предметная ошибка, поскольку информационное право не ограничивается тем или иным форматом существования информации, а включает правовое регулирование информации независимо от конкретного носителя, а также устанавливает особенности правового регулирования той или иной информации в любой форме ее существования.

В связи с этим очевидно, что априори Цифровой кодекс не может включить (систематизировать) все

информационное законодательство, охватывающее правовое регулирование широкого круга общественных отношений, в том числе связанных с информацией в неэлектронной форме. Таким образом, обоснованным представляется вывод о том, что Цифровой кодекс ни в коей мере не может заменить Информационный. Представляется, что при попытке реализации такого подхода Цифровой кодекс буквально «утонул» бы в огромном объеме правовых норм, регулирующих отдельные виды информации. Вместе с тем информационное право имеет значительный потенциал для своего развития, поскольку цифровой формат также не является конечной стадией эволюционного развития форм существования информации. Современные процессы эволюции наукоемких технологий позволяют прогнозировать, что наука приближается к реализации возможностей использования света (фотоники) и внедрения квантовых технологий²⁷, биоинформационных технологий, которые могут использовать еще скрытые возможности человеческого организма, в том числе телепортационные пространственно-временные возможности передачи информации. Исследования показывают, что быстро развиваются и иные формы существования и передачи информации в киберпространстве.

В связи с этим вполне возможно, что вслед за попытками выделения в качестве отрасли права интернет-права, телекоммуникационного, электронного права, сетевого, цифрового права²⁸ поднимутся вопросы о самостоятельности квантового, биоинформационного, телепортационного и других отраслей права. В лучшем случае следует считать указанные конструкции подотраслями информационного права либо межотраслевыми категориями для нескольких отраслей права. В связи с этим концептуально видится, что фундаментальный характер имеет разработка теоретической модели Информационного кодекса, который мог бы установить общие подходы регулирования информационных отношений независимо от формы.

Задачи нормативного правового обеспечения происходящих процессов цифровизации связываются, вероятно, с разработкой Цифрового кодекса

²⁷ См.: Полякова Т.А., Минбалева А.В., Наумов В.Б. Правовое регулирование квантовых коммуникаций в России и в мире // Государство и право. 2022. № 5. С. 104–114; Минбалева А.В., Берестнев М.А., Евсиков К.С. Обеспечение информационной безопасности оборудования добывающей промышленности в квантовую эпоху // Известия Тульского гос. ун-та. Науки о Земле. 2023. № 1. С. 567–584.

²⁸ См., напр.: Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф., Кроткова Н.В. Обзор методологического семинара на тему «Цифровое право: методология исследования» (18 апреля 2019 г., Саратовская государственная юридическая академия, Саратовский филиал Института государства и права РАН) // Государство и право. 2019. № 8. С. 122–128.

²⁶ Полякова Т.А., Минбалева А.В., Наумов В.Б. К вопросу о кодификации информационного законодательства в условиях цифровой трансформации // Государство и право. 2024. № 1. С. 81–91.

в надежде, что этот формат позволит оперативно их решить. Однако следует признать, что нормативно-правовая составляющая программы «Цифровая экономика» явно не достигла всех поставленных целей и задач. Множество принятых, но, как показывает практика применения, недостаточно хорошо проработанных с позиции оценки регуляторного воздействия правовых актов, уже сегодня показывает их недостаточную эффективность. В связи с этим решение большинства сложных задач в рамках единого цифрового кодифицированного акта возможно было бы удобнее и позволило бы урегулировать ряд цифровых процессов, обеспечить коммерциализацию данных, в том числе персональных. Следует отметить, что представителями крупного бизнеса в ИТ-секторе принятие непосредственно Цифрового кодекса после неудачной попытки разработки и принятия Информационно-коммуникационного кодекса рассматривается с определенной настороженностью.

Обсуждение разработки Цифрового кодекса РФ продолжается, но у него появляется все больше противников, которые видят серьезную опасность в том, что поспешное его принятие может привести к созданию нормативных положений, сложных для правоприменения, регулирующих технологические процессы, создающие проблемы единообразия на практике, связанные с непониманием многих технологических процессов при их закреплении в Цифровом кодексе. Эти проблемы касаются и разработки понятийного информационно-правового аппарата, который по-разному может интерпретировать значения многих технических и технологических терминов. К тому же указанный понятийный аппарат практически не подвергается переработке и не выстраивается иерархически с учетом дефиниций информационного права, а в определенной части заимствуется из нормативных актов технического регулирования.

Проблемы разработки Цифрового кодекса также связаны с тем, что действующее законодательство пока не содержит целого ряда правовых норм, которые нужны как основа такого кодификационного процесса. Принятие таких норм (о цифровых сервисах, платформах, услугах, профилировании, цифровых пространствах и др.) в значительной степени ограничивается интересами крупных цифровых гигантов в отсутствии национального цифрового законодательства, обеспечивающего гарантии прав граждан при их взаимодействии с глобальной цифровой средой. Вероятно им выгоднее, чтобы отношения с пользователями регулировались на основе пользовательских соглашений и платформенного права, на базе которого такие соглашения и готовятся, поскольку это позволяет заранее спрогнозировать действия пользователей в цифровой среде, принять меры по их ограничению и фактическому принуждению к отказу от использования тех или иных инструментов

защиты (например, установление юрисдикции определенного штата США, обязательного предварительного урегулирования спора и др.).

В то же время продвигаемые транснациональными корпорациями идеи невозможности правового регулирования цифровых процессов создают риски дополнительных административных барьеров, необходимости и приоритетности этического регулирования технологий над правовым регулированием и т.д.

Невзирая на отсутствие ряда базовых правовых норм для регулирования процессов цифровизации, имеется обширный нормативно-правовой массив управления данными, развития инфраструктуры и связи, а также, что представляется особенно важным в данной статье отметить, касающихся обеспечения информационной безопасности²⁹.

Несмотря на отсутствие теоретико-методологического обоснования и указанные выше обстоятельства, сегодня продолжают предлагаться различные подходы к модели Цифрового кодекса и его предмету.

1. Объектный подход, при котором Цифровой кодекс рассматривается как основа для регулирования совокупности объектов цифровой среды, в том числе цифровых данных, цифровых технологий (с учетом их специфики).

2. Сервисный подход, при котором акцент делается на цифровые сервисы и услуги, а базовый постулат — отсутствие регулирования контента.

3. Комплексный подход: правовая характеристика цифровых объектов, основные требования к цифровым платформам, сервисам, услугам, телекоммуникациям, а также частичное регулирование контента с отсылкой к специальным законам, регулирующим отдельные объекты, процессы.

Однако во всех случаях спорным является ключевой вопрос о предмете Цифрового кодекса — информационных отношениях³⁰, и при этом он фактически выступает формой кодифицированного регулирования информационных отношений в цифровой среде. И это еще больше подтверждает объективную невозможность выделения цифрового права как самостоятельной отрасли, отличной от информационного права.

²⁹ К ним можно отнести базовые законы об информации, защите персональных данных, связи, электронной подписи, экспериментальных правовых режимах и целый ряд ведомственных подзаконных актов, принятых в целях их реализации.

³⁰ Это отношения, которые возникают в связи с существованием и использованием той или иной информации в цифровой среде. Чаше всего это данные, хотя и цифровые сообщения также активно развиваются в рамках развертывания различных способов передачи информации в цифровой среде.

**Роль сектора информационного права
и международной информационной
безопасности Института государства и права
Российской академии наук в развитии
доктрины информационного права**

Проведенное исследование проблем, рассмотренных авторами в настоящей статье, свидетельствует об их актуальности и подтверждает необходимость развития теории информационного права и продолжения в сложившихся реалиях предметных исследований правового обеспечения национального (государственного) суверенитета во всех его проявлениях, включая правовое обеспечение информационной безопасности.

Отмеченные проблемы кодификации информационного и цифрового законодательства (включая цифровое), на наш взгляд, требуют внимания и обращения к гносеологическим вопросам (корням) развития научного направления информационного права в Институте государства и права Российской академии наук. Это представляется особенно важным в год его столетия. Официально признание этого научного направления в Институте связывают с его выделением из административного права, которое произошло в конце 90-х годов XX в.

По сути, это связано не только с созданием сектора информационного права, но и началом формирования академической научной школы информационного права под руководством И.Л. Бачило³¹. В период с 2000 по 2013 г. были заложены основы правового регулирования информационных отношений и концепции кодификации информационного законодательства³². Научные исследования сектора информационного права позволили выявить ряд закономерностей и обосновать выводы, положенные в основу развития доктрины современного информационного права: разработать подход к классификации проблем информатизации как процесса создания и использования продукции информационных технологий, формирования информационных ресурсов, освоения и использования средств коммуникаций. Был обоснован научный подход к комплексному правовому регулированию составляющих элементов информационной инфраструктуры, социально значимых явлений и отношений, что позволило выработать концепцию правового регулирования информатизации и выстроить основы развития информационного законодательства, включая

правовое регулирование обеспечения информационной безопасности.

Работа сектора информационного права в соответствии с направлениями исследования правовых проблем развития информационного общества была направлена, прежде всего, на упорядочение системы российского информационного законодательства. Не утрачивает своего значения и актуальности исследование проблем состояния информационного законодательства, его систематизации и направлений развития с учетом социально-экономических и политических процессов развития Российской Федерации, а также глобальных тенденций эволюции мирового информационного пространства. С 2015 г. сектор продолжает развиваться. В этот период выделено в отдельное направление исследование проблем правового обеспечения информационной безопасности с учетом вызовов и угроз в глобальном информационном обществе, а также включая вопросы развития системы международной информационной безопасности³³. С 2018 г. сектор (переименован в сектор информационного права и международной информационной безопасности) активно участвовал в проведении научных мероприятий и исследований в этой области по грантам РФФИ, а также государственным заданиям по указанной тематике, а ныне принимает активное участие в экспертной деятельности по вопросам информационного права и информационной безопасности, искусственного интеллекта³⁴. Опубликована серия научных статей по проблемам правового обеспечения международной информационной безопасности³⁵.

Среди проблем научно-технологического развития выделяются системные проблемы правового регулирования обеспечения информационной безопасности, противодействия новым вызовам

³³ См.: Бачило И.Л., Полякова Т.А., Демьянец М.В. и др. Об основных направлениях информационного права за 2000–2015 гг. // Государство и право. 2017. № 1. С. 79.

³⁴ Сектором осуществляется подготовка материалов к заседаниям секции по проблемам информационной безопасности Научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации, а также Национальной ассоциации международной информационной безопасности и Научно-консультативного совета при Антитеррористическом центре государств – участников СНГ. Сотрудники сектора участвовали в проведении фундаментальной научно-исследовательской работы на тему «Проблема применения норм, правил и принципов ответственного поведения государств в ИКТ-среде», проведенной под эгидой Национальной ассоциации международной информационной безопасности.

³⁵ См.: Полякова Т.А., Зиновьева Е.С., Смирнов А.А. Международная информационная безопасность: универсальное правовое измерение // Государство и право. 2023. № 12. С. 139–149; Полякова Т.А., Смирнов А.А. Правовое обеспечение международной информационной безопасности: проблемы и перспективы // Росс. юрид. журнал. 2022. № 3. С. 7–15.

³¹ См.: Троян Н.А., Полякова Т.А., Кроткова Н.В. Бачило Илларию Лаврентьевну // Портал. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/bachilo-illariia-lavrent-evna-36a9bd> (дата обращения: 10.11.2024).

³² См.: Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / под ред. И.Л. Бачило. М., 2014. С. 9.

и угрозам³⁶. Сектором была исследована классическая модель системы правового регулирования обеспечения информационной безопасности, а также отдельные уровни, элементы этой системы, в том числе международное правовое регулирование обеспечения информационной безопасности, федеральное правовое регулирование и возможности законодательного обеспечения информационной безопасности на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

На этапе цифровой трансформации, особенно в связи с новым паспортом научных специальностей, теоретико-правовые вопросы развития информационного права нуждаются в фундаментальных правовых исследованиях, осмыслении проблем с позиции философии, теории права и государства, иных смежных отраслей российской правовой доктрины. Как справедливо отмечено А. Н. Савенковым, «единственной успешной стратегией научного поиска в настоящее время является сотрудничество ученых-правоведов с представителями широкого спектра научных дисциплин, изучающих человека и общество»³⁷. Синергетические процессы в информационном праве коснулись практически всех отраслей права, и неслучайно оно отнесено к публично-правовым (государственно-правовым) наукам. Развитие информационного пространства (системы новых субъектов и объектов общественных правоотношений, активизации использования наукоемких технологий во всех сферах жизни) определяет необходимость модернизации существующих правовых подходов к регулированию новых отношений.

Сектор информационного права и международной информационной безопасности ИГП РАН является ведущим научным центром по исследованию проблем информационного права и правового обеспечения информационной безопасности не только в Российской Федерации, но и за рубежом. Перспективные исследования сектора связаны с разработкой: теоретических оснований и закономерностей правового регулирования экономики данных и идентификации в информационном пространстве, а также новейших наукоемких технологий, в том числе искусственного интеллекта; проблем международной информационной безопасности в свете реализации новых международных норм в сфере противодействия киберпреступности; понятийного

аппарата и возможных моделей правового регулирования в сфере цифровых отношений; вопросов систематизации российского законодательства с применением информационных технологий и др. Приоритетными являются исследования в сфере стратегического планирования в связи с разработкой новой редакции Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, а также правовым обеспечением цифрового суверенитета, информационной безопасности в процессе стратегического планирования³⁸. Отдельное направление связано с обеспечением правовой защиты прав и интересов граждан в сфере использования цифровых технологий. Научный потенциал сектора позволяет решать стоящие перед ним задачи, определять и осваивать новые горизонты информационного права в XXI веке.

Заключение

Исследование показывает, что для правового обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации сформирована правовая база, которая, тем не менее, требует постоянного совершенствования, учитывая национальные проекты и стратегические задачи развития Российской Федерации. Полагаем, что приоритетами должны стать: разработка доктрины информационного права, включая правовое обеспечение информационной (национальной и международной) безопасности, в том числе кибербезопасности и киберстабильности, в свете принятия универсальных международных документов по противодействию киберпреступности; доктринальная модель развития системы информационного законодательства (включая цифровое), направленная на научное обоснование, упорядочение правового регулирования информационных отношений, связанных с обеспечением информационной, цифровой и кибербезопасности. Отдельного внимания заслуживает понятийный аппарат, система основных положений, направленных на решение государственных задач в информационной сфере в рамках последних актов стратегического планирования, а также обеспечения функционирования национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства»³⁹.

³⁶ См.: Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Обзор Международной научно-практической конференции «Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право» — Первые Бачиловские чтения // Государство и право. 2018. № 9. С. 138–148.

³⁷ Савенков А.Н. Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019. С. 6.

³⁸ См.: Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Формирование системы информационного права как научного направления: этапы развития и перспективы // Государство и право. 2019. № 2. С. 80–92; Их же. Развитие науки информационного права и правового обеспечения информационной безопасности: формирование научной школы информационного права (прошлое и будущее) // Государство и право. 2021. № 12. С. 97–108.

³⁹ Денисенко А. Названы главные задачи нацпроекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства». URL: <https://corp.cnews.ru/news/top/2024-06-26-mishustin-nazval-osnovnye> (дата обращения: 20.11.2024).

Информационное право развивается во многом как публично-правовая отрасль, направленная на правовое обеспечение функционирования информационной, в том числе цифровой, среды, а также национального суверенитета в информационной сфере и информационной безопасности Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бачило И.Л., Полякова Т.А., Демьянец М.В. и др. Об основных направлениях информационного права за 2000–2015 гг. // Государство и право. 2017. № 1. С. 79.
2. Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 2005. С. 92.
3. Денисенко А. Названы главные задачи нацпроекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства». URL: https://corp.cnews.ru/news/top/2024-06-26_mishustin_nazval_osnovnye (дата обращения: 20.11.2024).
4. Ефремов А.А. Защита государственного суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве. М., 2017.
5. Ефремов А.А. Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021.
6. Информационные технологии в уголовно-правовой сфере / под ред. А.И. Бастрыкина, А.Н. Савенкова. М., 2023.
7. Капустин А.Я. Суверенитет государства в киберпространстве: международно-правовое измерение // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 6. С. 99–108.
8. Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / под ред. И.Л. Бачило. М., 2014. С. 9.
9. Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф., Кроткова Н.В. Обзор методологического семинара на тему «Цифровое право: методология исследования» (18 апреля 2019 г., Саратовская государственная юридическая академия, Саратовский филиал Института государства и права РАН) // Государство и право. 2019. № 8. С. 122–128.
10. Минбалева А.В., Берестнев М.А., Евсиков К.С. Обеспечение информационной безопасности оборудования добывающей промышленности в квантовую эпоху // Известия Тульского гос. ун-та. Науки о Земле. 2023. № 1. С. 567–584.
11. Палиенко Н.И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль, 1903. С. 438, 439.
12. Полякова Т.А., Зиновьева Е.С., Смирнов А.А. Международная информационная безопасность: универсальное правовое измерение // Государство и право. 2023. № 12. С. 139–149.
13. Полякова Т.А., Камалова Г.Г. Государственная тайна как институт правового обеспечения национального суверенитета и безопасности Российской Федерации // Государство и право. 2024. № 7. С. 174–183.
14. Полякова Т.А., Минбалева А.В., Кроткова Н.В. Обзор Международной научно-практической конференции «Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право» – Первые Бачиловские чтения // Государство и право. 2018. № 9. С. 138–148.
15. Полякова Т.А., Минбалева А.В., Кроткова Н.В. Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права // Государство и право. 2022. № 9. С. 94–104.
16. Полякова Т.А., Минбалева А.В., Кроткова Н.В. Развитие науки информационного права и правового обеспечения информационной безопасности: формирование научной школы информационного права (прошлое и будущее) // Государство и право. 2021. № 12. С. 97–108.
17. Полякова Т.А., Минбалева А.В., Кроткова Н.В. Трансформация науки информационного права и информационного законодательства: новый этап в условиях научно-технологического развития России // Государство и право. 2024. № 9. С. 166–179.
18. Полякова Т.А., Минбалева А.В., Кроткова Н.В. Формирование системы информационного права как научного направления: этапы развития и перспективы // Государство и право. 2019. № 2. С. 80–92.
19. Полякова Т.А., Минбалева А.В., Наумов В.Б. К вопросу о кодификации информационного законодательства в условиях цифровой трансформации // Государство и право. 2024. № 1. С. 81–91.
20. Полякова Т.А., Минбалева А.В., Наумов В.Б. Правовое регулирование квантовых коммуникаций в России и в мире // Государство и право. 2022. № 5. С. 104–114.
21. Полякова Т.А., Минбалева А.В., Троян Н.А. Формирование культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации в условиях новых вызовов: публично-правовые проблемы // Государство и право. 2023. № 5. С. 131–144.
22. Полякова Т.А., Смирнов А.А. Правовое обеспечение международной информационной безопасности: приоритеты для Союзного государства // Право.ру. 2023. № 5(85). С. 84–92.
23. Полякова Т.А., Смирнов А.А. Правовое обеспечение международной информационной безопасности: проблемы и перспективы // Росс. юрид. журнал. 2022. № 3. С. 7–15.
24. Савенков А.Н. Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019. С. 6.
25. Савенков А.Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации. М., 2024. С. 64.
26. Троян Н.А., Полякова Т.А., Кроткова Н.В. Бачило Илларию Лаврентьевну // Портал. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/bachilo-illariia-lavrent-evna-36a9bd> (дата обращения: 10.11.2024).
27. Ушаков Н.А. Суверенитет в современном международном праве. М., 1963. С. 23.
28. Философия права. Словарь. 2-е изд., дораб. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жуков. М., 2021. С. 704.

29. Polyakova T.A., Naumov V.B., Minbaleev A.V. Trust in the law during the digital transformation // Государство и право. 2022. № 11. С. 139–147.

REFERENCES

1. Bachilo I.L., Polyakova T.A., Demyanets M.V. et al. On the main directions of information law for 2000–2015 // State and Law. 2017. No. 1. P. 79 (in Russ.).
2. Vengerov A.B. Theory of the state and law. M., 2005. P. 92 (in Russ.).
3. Denisenko A. The main objectives of the national project “Data Economy and digital transformation of the state” are named. URL: https://corp.cnews.ru/news/top/2024-06-26_mishustin_nazval_osnovnye (accessed: 20.11.2024) (in Russ.).
4. Efremov A.A. Protection of the state sovereignty of the Russian Federation in the information space. M., 2017 (in Russ.).
5. Efremov A.A. Information and legal mechanism for ensuring the state sovereignty of the Russian Federation: dis. ... Doctor of Law. M., 2021 (in Russ.).
6. Information technologies in the Criminal Law sphere / ed. by A.I. Bastrykin, A.N. Savenkov. M., 2023 (in Russ.).
7. Kapustin A. Ya. Sovereignty of the state in cyberspace: an international legal dimension // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2022. Vol. 18. No. 6. Pp. 99–108 (in Russ.).
8. The concept of the Information Code of the Russian Federation / ed. by I.L. Bachilo. M., 2014. P. 9 (in Russ.).
9. Mal'ko A.V., Afanasyev S.F., Borisova V.F., Krotkova N.V. Review of the methodological seminar on “Digital Law: research methodology” (April 18, 2019, Saratov State Law Academy, Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences) // State and Law. 2019. No. 8. Pp. 122–128 (in Russ.).
10. Minbaleev A.V., Berestnev M.A., Evsikov K.S. Ensuring information security of mining industry equipment in the quantum era // Proceedings of Tula State University. Earth Sciences. 2023. No. 1. Pp. 567–584 (in Russ.).
11. Palienko N.I. Sovereignty. The historical development of the idea of sovereignty and its legal significance. Yaroslavl, 1903. Pp. 438, 439 (in Russ.).
12. Polyakova T.A., Zinovieva E.S., Smirnov A.A. International information security: a universal legal dimension // State and Law. 2023. No. 12. Pp. 139–149 (in Russ.).
13. Polyakova T.A., Kamalova G.G. State secrecy as an institution of legal support for national sovereignty and security of the Russian Federation // State and Law. 2024. No. 7. Pp. 174–183 (in Russ.).
14. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. Review of the International Scientific and Practical Conference “Information space: ensuring information security and law” – The First Bachilo readings // State and Law. 2018. No. 9. Pp. 138–148 (in Russ.).
15. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. The main trends and problems of the development of the science of Information Law // State and Law. 2022. No. 9. Pp. 94–104 (in Russ.).
16. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. The development of the science of Information Law and legal support for information security: the formation of a scientific school of Information Law (past and future) // State and Law. 2021. No. 12. Pp. 97–108 (in Russ.).
17. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. Transformation of the science of Information Law and information legislation: a new stage in the conditions of scientific and technological development of Russia // State and Law. 2024. No. 9. Pp. 166–179 (in Russ.).
18. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. Formation of the information law system as a scientific field: stages of development and prospects // State and Law. 2019. No. 2. Pp. 80–92 (in Russ.).
19. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Naumov V.B. On the issue of codification of information legislation in the context of digital transformation // State and Law. 2024. No. 1. Pp. 81–91 (in Russ.).
20. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Naumov V.B. Legal regulation of quantum communications in Russia and in the world // State and Law. 2022. No. 5. Pp. 104–114 (in Russ.).
21. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Troyan N.A. Formation of a culture of information security of citizens of the Russian Federation in the context of new challenges: public law problems // State and Law. 2023. No. 5. Pp. 131–144 (in Russ.).
22. Polyakova T.A., Smirnov A.A. Legal support for international information security: priorities for the Union State // Право. 2023. No. 5 (85). Pp. 84–92 (in Russ.).
23. Polyakova T.A., Smirnov A.A. Legal support of international information security: problems and prospects // Journal of Russ. Law. 2022. No. 3. Pp. 7–15 (in Russ.).
24. Savenkov A.N. Transformation of the paradigm of law in the civilizational development of mankind: reports of members of the Russian Academy of Sciences / under the general ed. of A.N. Savenkov. M., 2019. P. 6 (in Russ.).
25. Savenkov A.N. Philosophy of Law and the formation of the Russian state-civilization. M., 2024. P. 64 (in Russ.).
26. Troyan N.A., Polyakova T.A., Krotkova N.V. Bachilo Illaria Lavrentievna // Portal. The Great Russian Encyclopedia. URL: <https://bigenc.ru/c/bachilo-illaria-lavrentievna-36a9bd> (accessed: 10.11.2024) (in Russ.).
27. Ushakov N.A. Sovereignty in modern International Law. M., 1963. P. 23 (in Russ.).
28. Philosophy of Law. Dictionary. 2nd ed., rev. and add. / ed. by and comp. V.N. Zhukov. M., 2021. P. 704 (in Russ.).
29. Polyakova T.A., Naumov V.B., Minbaleev A.V. Trust in the law during the digital transformation // State and Law. 2022. No. 11. Pp. 139–147.

Сведения об авторах

ПОЛЯКОВА Татьяна Анатольевна —
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
и.о. заведующей сектором информационного
права и международной информационной
безопасности Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0003-3791-2903

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович —
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой информационного права
и цифровых технологий Московского
государственного юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 125993 г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 2;
главный научный сотрудник сектора
информационного права и международной
информационной безопасности
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0001-5995-1802

НАУМОВ Виктор Борисович —
доктор юридических наук,
главный научный сотрудник сектора
информационного права и международной
информационной безопасности
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10;
профессор кафедры информационного
права и цифровых технологий Московского
государственного юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 125993 г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 2;
руководитель проекта «Сохраненная культура»
(Санкт-Петербург)
ORCID: 0000-0003-3453-6703

Authors' information

POLYAKOVA Tatyana A. —
Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher,
Acting Head of the Information Law
and International Information Security Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

MINBALEEV Alexey V. —
Doctor of Law, Professor,
Head of Department of Information Law
and Digital Technologies,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL);
9, bld. 2 Sadovaya-Kudrinskaya,
125993 Moscow, Russia;
Chief Researcher, Information Law
and International Information Security Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

NAUMOV Victor B. —
Doctor of Law,
Chief Researcher,
Information Law
and International Information Security Sector,
Institute of State and Law,
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia;
Professor at Department
of Information Law and Digital Technologies,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL);
9, bld. 2 Sadovaya-Kudrinskaya,
125993 Moscow, Russia;
Head of project "Preserved Culture"
(St. Petersburg)

УДК 341.6

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУД КАК СРЕДСТВО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ НА ФОНЕ НЕОБХОДИМОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© 2025 г. Г. Г. Шинкарецкая

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: gshink@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.10.2024 г.

Аннотация. В статье отмечается, что многие споры между государствами приводят к возникновению конфликтных отношений и даже к вооруженным столкновениям между ними. Поэтому органы мирного разрешения споров нередко играют важную роль в предотвращении конфликтов и тем самым в обеспечении международной безопасности. Международному Суду ООН принадлежит еще одна важная функция — разрешая споры между государствами по поводу толкования тех или иных международно-правовых понятий, этот суд способствует внедрению единого толкования, то есть приведения государств к единым позициям. Решения по нескольким спорным делам и консультативные заключения Суда показывают, что в вопросах агрессии или неправомерного применения силы Суд иногда не полностью опирается на действующее и признанное международное право.

Ключевые слова: органы мирного разрешения международных споров, Международный Суд, Совет Безопасности, ООН, самооборона, превентивная самооборона, агрессия, политические споры, международная безопасность, необходимость и пропорциональность в применении силы.

Цитирование: Шинкарецкая Г. Г. Международный суд как средство разрешения споров на фоне необходимости обеспечения международной безопасности // Государство и право. 2025. № 1. С. 174–182.

DOI: 10.31857/S1026945225010159

THE INTERNATIONAL COURT OF JUSTICE AS A MEANS OF DISPUTE RESOLUTION AGAINST THE BACKGROUND OF THE NEED TO ENSURE INTERNATIONAL SECURITY

© 2025 G. G. Shinkaretskaya

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: gshink@yandex.ru

Received 31.10.2024

Abstract. The article notes, that many disputes between States lead to conflict relations and even armed clashes between them. Therefore, peaceful dispute resolution bodies often play an important role in conflict prevention and thus in ensuring international security. The International Court of Justice of the United Nations has another important function – by resolving disputes between States over the interpretation of certain international legal concepts, this court promotes the introduction of a common interpretation, that is, bringing states to common positions. The decisions in several controversial cases and the advisory opinions of the Court show that in matters of aggression or the unlawful use of force, the Court sometimes does not fully rely on current and recognized international law.

Key words: bodies for the peaceful settlement of international disputes, the International Court of Justice, the Security Council, the United Nations, self-defense, preventive self-defense, aggression, political disputes, international security, necessity and proportionality in the use of force.

For citation: Shinkaretskaya, G.G. (2025). The International Court of Justice as a means of dispute resolution against the background of the need to ensure international security // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 1, pp. 174–182.

Введение

В конце Второй мировой войны, выражая решимость не допустить больше такой кровавой бойни, державами-победительницами был создан, как тогда казалось, эффективный инструмент обеспечения коллективной безопасности – Организация Объединенных Наций. Для реализации ее функций было предусмотрено создание главных органов ООН: Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности, Экономического и Социального Совета и Международного Суда. Статут Международного Суда составляет часть Устава ООН. В его ст. 1 сказано, что Международный Суд учреждается в качестве главного судебного органа Объединенных Наций. Это странно, потому что других судебных органов в ООН не предусмотрено. Важно (что касается компетенции Суда, его организации и судопроизводства), что Суду приданы качества судебного учреждения.

Между тем в течение долгого времени считалось, что вопросы безопасности являются слишком чувствительными для государств, затрагивают слишком важные для них вопросы внутреннего устройства, а потому не могут решаться международным органом. На фоне меняющейся геополитической обстановки в мире возрастает потребность в разнообразии средств улаживания разногласий. В Стратегии

национальной безопасности Российской Федерации¹ говорится: «Современный мир переживает период трансформации. Увеличение количества центров экономического и политического развития, укрепление позиций новых глобальных и региональных стран-лидеров приводят к изменению структуры мирового порядка, формированию новой архитектуры, правил и принципов мироустройства».

Заслуживает внимания роль, которую в обеспечении международной безопасности могут сыграть средства мирного разрешения международных споров, в частности Международный Суд.

Международный Суд прямо касался вопросов безопасности или военных операций в 13 спорных делах и четырех консультативных заключениях. Кроме этого на рассмотрение Суда было передано еще 21 спорное дело, затрагивающее безопасность, по которым Суд не вынес решения по существу. Наиболее важными по своему юридическому содержанию являются только четыре решения дел по существу и два консультативных разбирательства: это дела *о проливе Корфу*², *о военной и полувоенной деятельности против*

¹ Утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 (см.: СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351).

² См.: Corfu Channel, Merits, Judgment of 9 Apr 1949, ICJ Reports 1949.

Никарагуа³, дела о нефтяных платформах⁴, о вооруженной деятельности⁵, а также консультативные заключения: по ядерному оружию⁶ и по строительству стены, отделяющей палестинскую территорию⁷. В других делах Суд нашел, что не имеет юрисдикции (дело о воздушных инцидентах в 1950-х годах; о законности применения силы (Югославия против 10 стран НАТО); о воздушном инциденте 10 августа 1999 г. (Пакистан против Индии); Конго против Руанды (новое обращение); о применении Международной конвенции об искоренении всех форм расовой дискриминации (Грузия против России)). Два обращения (о воздушном инциденте 3 июля 1988 г. (Иран против США) и пограничных военных действиях (Никарагуа против Гондураса)) были отозваны. Суд фактически уклонился от вынесения решения по пограничным спорам между Камеруном и Нигерией; между Никарагуа и Колумбией и между Коста-Рикой и Никарагуа. Еще некоторые другие споры содержали в себе элемент применения силы, но Суд не выделил их для специального рассмотрения. Это дела о *рыболовной юрисдикции* (Великобритания против Исландии); о *заложниках в Тегеране* (Иран против США); о применении *Конвенции о предотвращении и наказании геноцида* (Босния против Сербии) и о *геноциде Югославии на территории Хорватии*.

Во всех делах (и законченных, и незаконченных) Суд однозначно высказывался о правомерности запрещения применения силы. Примечательны и цифры голосования: если условно причислить всех принимавших участие в рассмотрении дел к голосовавшим, мы получим, что из 93 человек 75 проголосовали «за» (80.65%), в то время как лишь 18 высказали особое мнение (19.35%). Следует признать, что по конкретным юридическим аргументам было достигнуто меньшее согласие, поскольку из 75 голосов, поданных большинством, 28 были представлены в виде отдельных мнений (37.3%). Это указывает на большее согласие в отношении исхода дела, чем в отношении применимых норм права⁸.

Право Суда решать политизированные дела

В наше время не вызывает сомнений, что Суд может принимать решения по политически

чувствительным вопросам, даже связанным с вооруженным конфликтом, в том числе с продолжающимся⁹. Более того, главная роль Совета Безопасности в поддержании международного мира и безопасности и его особые функции в отношении самообороны не исключают юрисдикции Международного Суда частично по тем делам, которыми занимается Совет Безопасности¹⁰.

Суд обратился к этой проблеме в самом первом деле, переданном ему на рассмотрение. Это было дело о *проливе Корфу* между Албанией и Великобританией¹¹. Дело возникло после того, как в территориальном море Албании британские корабли подорвались на минах, оставшихся после Второй мировой войны. Сначала Британия обратилась в Совет Безопасности, но Совет Безопасности рекомендовал сторонам передать спор в Суд, поскольку в то время еще не было нормы о свободном проходе военных кораблей в территориальном море другого государства, на котором настаивала Британия, а албанское законодательство запрещало такой проход¹². Британия направила свои тральщики в территориальное море Албании, чтобы убрать мины.

Суд вынес решение об ответственности Албании на том основании, что каждое государство обязано не допускать сознательного использования своей территории для действий, противоречащих правам других государств. Однако направление тральщиков Суд расценил как неправомерное применение силы, к которому неприменимо понятие самообороны.

Таким образом, Суд обратил внимание на нарушения международного права, но не те, на которые указывал Совет Безопасности. И хотя Суд не указал прямо на политическую суть спора, но он показал, что из политического иска он выделяет юридическую часть, которая составляет его задачу.

Наиболее четко позиция Суда относительно политизированных исков проявилась в решении по делу о *военных и полувоенных действиях в Никарагуа*. Данное дело возникло после того, как в Никарагуа пришло к власти левое сандинистское правительство (совершенно законно, в результате

³ См.: Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua, ICJ Reports (1986).

⁴ См.: Case Concerning Oil Platforms (Iran v. US), Judgment of 6 Nov 2003, ICJ Rep 2003.

⁵ См.: Case Concerning Armed Activities on the Territory of the Congo (DRC v. Uganda), Judgment of 19 Dec 2005, ICJ Rep 2005.

⁶ См.: Legality of the Threat of Use of Nuclear Weapons, ICJ Reports (1996) 226.

⁷ См.: Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, ICJ Reports (2004).

⁸ См.: Chehtman A. The use of force at the International Court of Justice. CUP, 2021. P. 17.

⁹ См.: Емельянова Н. Н. Принцип мирного разрешения споров как средство обеспечения международной безопасности // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2012. № 3. С. 132; Solera O. Defining the Crime of Aggression. London, 2007. Pp. 247–251.

¹⁰ См.: Джаробеков Ж. М., Нуриев Д. Ш. Совершение преступлений против мира и безопасности человечества как нарушение принципов международного права // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. Vol. 8–1(83). Pp. 32–35.

¹¹ См.: Corfu Channel Case, Merits, Judgment of 9 Apr 1949, ICJ Rep 1949, 4.

¹² См.: ICJ Reports (1949). P. 4 at 26.

выборов). Многие люди, не согласные с новым режимом, стали организовывать партизанское сопротивление, а США предоставили свою территорию для лагерей контраст — для тренировок, размещения оружия и т.п. Никарагуа обратилась в Международный Суд, утверждая, что такие действия США представляют собой акт незаконного применения силы. Когда Суд рассматривал вопрос о наличии у него юрисдикции в данном деле, США оспорили приемлемость этого иска на том основании, что он был по сути политическим и не подходил для рассмотрения Судом¹³. Суд отклонил это заявление и отверг идею о том, что ему может быть отказано в рассмотрении нормы международного права, касающейся применения силы, в силу какой-либо доктрины, касающейся международных политических вопросов. Суд постановил: следует помнить, что, как показывает дело о канале Корфу, Суд никогда не уклонялся от рассмотрения переданного ему дела только потому, что оно имело политические последствия или включало серьезные элементы применения силы¹⁴. Суд, в частности, признал «юридический аспект» права на самооборону. В данном случае ясно видна поддержка Судом известного заявления Международного военного трибунала в Нюрнберге о том, что независимо от того, были ли действия, предпринятые под любым предлогом, на самом деле агрессивными или оборонительными, в конечном счете они должны быть предметом расследования и судебного разбирательства, если мы хотим, чтобы международное право действительно применялось¹⁵.

США отказались принимать какое-либо дальнейшее участие в разбирательстве в Суде. Сопротивление США юрисдикции Суда в этом (и последующих) делах может свидетельствовать о том, что они были не уверены в обоснованности своей позиции.

*Дело о нефтяных платформах*¹⁶ поступило в Международный Суд на фоне враждебных отношений между США и Ираном после Исламской революции в этой стране. Иск Ирана в 2003 г. касался разрушения Штатами нескольких нефтедобывающих платформ под флагом Ирана в Персидском заливе. США расценивали свои действия как меру самообороны в ответ на атаки Ирана на несколько американских военных и торговых судов. Суд проявил, можно сказать, избирательную позицию: не учитывая некоторые процессуальные

моменты, Суд заявил, что его задача — рассмотреть международно-правовые аспекты права на самооборону, на которые ссылались США.

Дело о вооруженных действиях (Демократическая Республика Конго против Уганды)¹⁷ возникло в связи с широкомасштабным вмешательством Уганды в сложный конфликт в ДРК в 1998–2003 гг. В иске 2005 г. ДРК просила Суд признать Уганду виновной в акте агрессии по смыслу общепризнанного определения агрессии и судебной практики Международного Суда. Признание юрисдикции Суда осложнялось тем, что дело одновременно находилось на рассмотрении Совета Безопасности. Совет принял ряд резолюций: в резолюции 1234 (1999) он признал право Уганды на самооборону, а в резолюции 1304 (2000) осудил вооруженные столкновения между Угандой и Руандой на территории Конго. Суд не стал рассматривать те ситуации, которые привлекли внимание Совета, но заявил, что «незаконное военное вмешательство Уганды имело такие масштабы и продолжительность, что Суд рассматривает его как серьезное нарушение запрета на применение силы, изложенного в пункте 4 статьи 2 Устава», а также что «Уганда нарушила принцип неприменения силы в международных отношениях и принцип невмешательства». В решении Суда нет признания Уганды виновной в агрессии, и судья Зимма в своем особом мнении назвал это отсутствие ссылки на агрессию или на ст. 2(4) «преднамеренным упущением».

Учтем, что Совет Безопасности воздержался от вынесения определения в соответствии со ст. 39 Устава ООН о том, что Уганда совершила акт агрессии. Опуская судебный вывод на этот счет, Суд, возможно, хотел избежать впечатления дисгармонии в подходе обоих органов ООН к одному и тому же конфликту.

В консультативном заключении о *правомерности угрозы ядерным оружием* Суд заявил, что если применение силы незаконно, то установленная угроза ее использования запрещена по п. 4 ст. 2 Устава ООН, поскольку в этом пункте применение силы и ее угроза помещены рядом¹⁸. Правда, не все комментаторы с этим согласны. Главный вопрос в данном деле — правомерно ли использовать ядерное оружие в целях самообороны, и Суд не смог ответить определенно, запрещено ли его применение в том случае, когда самое существование государства оказывается под вопросом. Мнения судей разделились точно поровну — 7:7. Дело разрешилось голосом Председателя Суда, а последствием были

¹³ См.: Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua, Judgment, Jurisdiction of the Court and Admissibility of Application of 26 Nov 1984, para 96.

¹⁴ См.: ICJ Reports (1984) 431–438; (1986) 14, para 32–35.

¹⁵ См.: Nicaragua, Judgment, Jurisdiction of the Court and Admissibility of Application, para 98.

¹⁶ См.: Case Concerning Oil Platforms (Iran v. US), Judgment of 6 Nov 2003, ICJ Rep 2003, 161.

¹⁷ См.: Case Concerning Armed Activities on the Territory of the Congo (DRC v. Uganda), Judgment of 19 Dec 2005, ICJ Rep 2005, 168.

¹⁸ См.: Legality of the Threat of Use of Nuclear Weapons, ICJ Reports (1996). P. 226.

пять деклараций, три отдельных мнения и шесть отклоняющихся мнений судей, т.е. о едином мнении говорить невозможно.

В консультативном заключении о *правомерности строительства стены* на палестинской территории¹⁹ Суд исследовал утверждение Израиля о том, что строительство стены — это мера самообороны. Представитель Израиля утверждал в своем выступлении в Генеральной Ассамблее ООН, что строительство стены полностью соответствует ст. 51 Устава и резолюциям Совета Безопасности 1368 (2001) и 1373 (2001), принятых после террористических атак 9 сентября 2001 г. Суд отверг утверждения Израиля.

Суд отметил, что в ст. 51 Устава неотъемлемое право каждого государства на самооборону против вооруженной атаки другого государства. Но палестинские территории находятся под контролем самого Израиля, и Израиль не обвиняет никакое другое государство в атаке на него; угроза поступает изнутри, а не извне. Ситуация совсем иная, чем предусмотренная резолюциями.

Соотношение полномочий Совета Безопасности и Международного Суда

В деле *Никарагуа* США утверждали, что вопрос о незаконном применении силы относится Уставом ООН к компетенции политических органов организации и, по сути, Совета Безопасности. Суд счел, что тот факт, что дело находится на рассмотрении Совета Безопасности, не должен препятствовать его рассмотрению Судом и что оба разбирательства могут проводиться на равных началах. Суд подчеркнул, что ст. 24 Устава ООН возлагает на Совет Безопасности главную, но не исключительную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, и что ни одно положение Устава не разграничивает компетенцию Совета Безопасности и Суда. В свете этого Суд пришел к выводу: оба органа могут выполнять свои отдельные, но дополняющие друг друга функции в отношении одних и тех же событий.

Фактически в деле *Никарагуа* Суд подчеркнул, что его «не просили говорить о том, что Совет Безопасности был неправ в своем решении», или что в том, как члены Совета использовали свое право голоса, не было ничего противоречащего праву. Несколько другую ситуацию Суд занял в деле о *вооруженных действиях*. Здесь Суд скорее уклонился от определения того, являлась ли широкомасштабная военная операция Уганды в Демократической Республике Конго актом агрессии, возможно потому, что Совет Безопасности

воздержался от вынесения определения в соответствии со ст. 39 Устава ООН о том, что Уганда совершила акт агрессии.

В целом позиция Суда в данном вопросе определяется конкретно в каждом отдельном случае.

Признавая центральное место Совета Безопасности среди органов ООН, Суд применил это его центральное место для определения международно-правового понятия самоопределения: ст. 51 Устава требует, чтобы «о мерах, принимаемых государствами-членами в порядке осуществления ими этого права на самооборону, немедленно сообщалось Совету Безопасности». Это положение получило новую жизнь, стало реально действующим благодаря решению Суда по *Никарагуа*. До принятия этого решения данное требование воспринималось в общем как факультативное, но с тех пор государства, как правило, заботились о том, чтобы сообщать Совету Безопасности о применении силы в целях самообороны. В решении по *Никарагуа* Суд постановил, что, хотя это требование и не является частью обычного международного права, но непредставление отчетности могло свидетельствовать о том, что государство на самом деле не считало, что действует в целях самообороны. В деле *ДРК против Уганды*, когда дело дошло до определения того, может ли применение силы Угандой на территории ДРК квалифицироваться как самооборона, Суд без комментариев отметил, что Уганда не сообщила Совету Безопасности о событиях, которые, по ее мнению, требовали от нее действий в целях самообороны. Очевидно, Суд рассматривал это как дополнительный фактор, указывающий на незаконность действий Уганды, хотя и не указывал на это прямо. В решении по делу о *нефтяных платформах* Суд принял во внимание отчеты США в Службу безопасности Совета при рассмотрении характера его заявления о самообороне.

Определение Судом отдельных аспектов принципа неприменения силы

В рассмотренных Судом делах и вынесенных им консультативных заключениях сформулированы некоторые его позиции по различным аспектам вопросов безопасности:

а) запрет применения силы

Суд утверждал, что норма ст. 2(4), запрещающая применение силы или угрозу силой в соответствии с международным правом, является «кардинальным принципом» и одним из краеугольных камней международной правовой системы. Он также утверждал, что эта норма, безусловно, является частью обычного международного права и скорее всего нормой *jus cogens*. Отсюда следует, что данная норма обязательна для всех государств.

¹⁹ См.: Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, ICJ Reports (2004) 136.

Примечательно, что Суд при этом не ссылаясь на Устав ООН, нормы которого фактически распространены на все государства — и членов ООН, и не членов, в силу п. 6 ст. 2: «Организация обеспечивает, чтобы государства, которые не являются ее Членами, действовали в соответствии с этими Принципами, поскольку это может оказаться необходимым для поддержания международного мира и безопасности». Вместо этого Суд посчитал, что Декларация принципов²⁰ кодифицирует обычные нормы. Формулировка в Декларации дословно воспроизводит п. 4 ст. 2 Устава.

Отметим некоторые особенности запрета применения силы в позиции Суда. Для констатации нарушения международного права о запрете применения силы не требуется наличия физических нарушений: в деле о *проливе Корфу* Международный Суд посчитал нарушением присутствие британских военных кораблей в территориальном море другого государства без его согласия, хотя это не повлекло за собой причинения физического вреда людям или имуществу. В другом деле Суд квалифицировал как нарушение принципа неприкосновенности силы незаконную военную оккупацию Угандой части территории Демократической Республики Конго.

В том же деле о *проливе Корфу* Суд отклонил довод Великобритании о том, что норма ст. 2(4) распространяется только на действия, которые угрожают территориальной целостности или политической независимости иностранного государства. Таким образом, Суд отклонил предположение о том, что международное право запрещает только «агрессивное» применение силы, в то время как оно допускает и различные формы неагрессивных военных действий.

Одним из сложных вопросов применения силы всегда является вопрос о действиях, осуществляемых негосударственными вооруженными группами. В деле *Никарагуа* Суд считал, что вооружение и подготовка негосударственных субъектов, воюющих на территории другого государства против его вооруженных сил, подпадают под действие запрета на применение силы, и исключил из этого запрета только «простое предоставление финансовых средств». Это вполне соответствует Декларации о дружественных отношениях 1970 г., согласно которой государство обязано «воздерживаться от организации или поощрения организации нерегулярных сил или вооруженных банд... [и] воздерживаться от организации, подстрекательства,

оказания помощи или участия в гражданских беспорядках или террористических актах в другом государстве»;

б) понятие самообороны

Поскольку самооборона — единственный правомерный вид вооруженных индивидуальных или коллективных действий, важно увидеть, как трактовал его Международный Суд.

Начнем с того, что Суд прямо заявил, что нормы о самообороне предусмотрены как в Уставе ООН, так и в международном обычном праве в соответствии с признанием неотъемлемого права в ст. 51 Устава, уточнив в решении по делу *Никарагуа*, что «по ряду вопросов области, регулируемые двумя источниками права, не совсем совпадают, а материально-правовые нормы, в которых они сформулированы, не идентичны по содержанию».

Согласно ст. 51 право на самооборону реализуется «в случае вооруженного нападения»²¹. Уточняя свою позицию, в решении по делу *Никарагуа* Суд заявил, что «в настоящее время, по-видимому, достигнуто общее согласие относительно характера действий, которые могут рассматриваться как вооруженное нападение». Однако уточнил, что следует проводить различие между «наиболее тяжкими формами применения силы (представляющими собой вооруженное нападение) и другими, менее тяжкими формами». Это означает, что понятие «вооруженное нападение» Суд отличал от понятия «запрещенное применение силы» в соответствии со ст. 2(4). Однако Международный Суд никогда четко не указывал, где следует проводить грань между действиями, которые дают право на применение силы в целях самообороны, и теми, которые, хотя и нарушают запрет на применение силы, такого права не дают. В решении по делу *Никарагуа* Суд квалифицировал в качестве вооруженного нападения направление государством или от его имени вооруженных банд, группировок, нерегулярных формирований или наемников, которые совершают акты применения вооруженной силы против другого государства, настолько серьезные, что они равносильны перечисленным выше деяниям, или его существенное участие в этих действиях. Более конкретно, к числу таких действий относятся «вторжение на территорию другого государства или любая военная оккупация», «бомбардировка территории другого государства», блокада портов или побережий вооруженными силами, нападение сухопутных, морских или воздушных сил или морского и воздушного флота другого государства.

²⁰ См.: Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24.10.1970 г.

²¹ Кутейников А. Е. Нормативные основания мирового порядка. ООН и другие международные организации // Обзор-атель=Observer. 2022. № 7—8(390—391). С. 91—107.

Напротив, в решении по делу *о нефтяных платформах* Суд уточнил, что не может исключить возможность того, что минирование одного военного судна может быть достаточно для реализации неотъемлемого права на самооборону. Даже если признать, что оцениваемая атака была весьма серьезной (судно было выведено из строя и едва не затонуло), контраст с оценками в деле *Никарагуа* разителен.

В спорных делах всегда важным элементом является доказывание. В решении по делу *о нефтяных платформах* Суд коротко заявил, что «бремя доказывания действий, свидетельствующих о совершении нападения, лежит на государстве, которое утверждает, что действовало в целях самообороны». Многие комментаторы справедливо упрекали Суд за то, что он не уделил достаточно внимания стандарту доказывания. Кроме того, в деле *о нефтяных платформах* Суд предположил, что порог, соответствующий допустимой силе защиты, может быть достигнут путем «совокупной» серии небольших атак. Факты говорят о том, что никаких повторяющихся или продолжающихся нападений со стороны Ирана на США не было. Однако большинство членов Суда косвенно подтвердили возможность совокупной серии действий, составляющих вооруженное нападение, в деле *о вооруженной деятельности*;

в) вопрос о превентивной самообороне

Суд рассмотрел вопрос о том, допускается ли применение силы в целях самообороны до того, как произойдет вооруженное нападение, т.е. будет ли законной предварительная, упреждающая или превентивная самооборона. Это был один из самых спорных вопросов. В решении по делу *Никарагуа* Суд заявил, что он не будет выражать «никакого мнения по этому вопросу», потому что вопрос о законности реагирования на непосредственную угрозу вооруженного нападения перед ним не ставился. Кроме того, Суд заявил, что ст. 51 Устава может оправдать применение силы в целях самообороны только в установленных ею строгих рамках. Она не допускает применения силы для защиты *предполагаемых* интересов безопасности, выходящих за эти рамки. Это заявление было истолковано как категорическое отрицание законности самообороны от угрозы, даже и неминуемой угрозы. По сути, последний вопрос не был предметом разногласий между сторонами на стадии рассмотрения дела по существу. Хотя Уганда и упоминала, что ей угрожает ДРК, она никогда прямо не ссылалась на право на предварительную самооборону.

Вопрос о правомерности самообороны при появлении угрозы атаки — один из самых спорных во всей проблеме применения силы. Однозначного ответа Суд не давал, и судьи в своих комментариях

толковали позицию Суда по-разному. По нашему мнению, в аргументации Суда есть элементы, которые указывают на его решительный отказ от признания правомерности превентивной самообороны.

Так, Суд отметил, что в документе Верховного командования Уганды, в котором излагалась официальная позиция Уганды в отношении применения силы, не упоминались вооруженные нападения, которые уже имели место против Уганды; вместо этого в документе говорилось, что применение силы было необходимо «для обеспечения законных интересов безопасности Уганды». Указанные в нем интересы безопасности носили, по сути, превентивный характер. Позднее в своем решении Суд указал, что ст. 51 оправдывает применение силы в целях самообороны только в строго установленных ею пределах. Она не допускает применения силы государством для защиты *предполагаемых* интересов безопасности, выходящих за рамки этих параметров.

В своем заключении по ядерному оружию Суд избежал рассмотрения аргумента о том, что особый характер ядерного оружия оправдывает упреждающую самооборону, что угроза, которую оно представляет, настолько велика, что государство — возможная мишень не может пассивно ждать удара. В настоящее время ставится вопрос о том, чтобы признавать и передачу ядерного оружия как повод для самообороны;

г) необходимость и пропорциональность

Эти требования не упоминаются в ст. 51 Устава²². В деле *Никарагуа* Суд, однако, признал, что существует «конкретное правило, согласно которому самооборона оправдывает только те меры, которые пропорциональны вооруженному нападению и необходимы для реагирования на него, — правило, прочно закрепленное в международном обычном праве». Далее он предположил, что невыполнение этих требований может «представлять собой дополнительное основание для признания действий противоправными».

Прежде всего скажем об общем подходе Суда к критерию необходимости. Суд считал, что анализ необходимости должен быть «строгим и объективным, не оставляющим места для какой-либо “меры усмотрения”».

Толкование Судом необходимости было дано в решении по делу *Никарагуа*: поскольку «крупное наступление вооруженной оппозиции было полностью отбито, было возможно устранить угрозу без того, чтобы Соединенные Штаты начали свою деятельность в Никарагуа и против нее». Исходя

²² См.: Barber R.J. Cooperating through the General Assembly to end serious breaches of peremptory norms // International and comparative law quarterly. 2022. Vol. 71. Iss. 1. Pp. 1–35.

из этого, Суд пришел к выводу, что требование необходимости не было выполнено.

Несколько иное толкование было дано в деле о нефтяных платформах. Суд отметил, что вооруженные силы США «атаковали платформу R-4, не предоставив данных о том, что эти действия были связаны с причиненным им ущербом. Судья Зимма указал, что «иранские нефтяные платформы и их возможная некоммерческая деятельность во время войны в Персидском заливе были слишком далеки от этих инцидентов (во всех смыслах этого слова)»».

Таким образом, мы можем заключить, что, по мнению Суда, для удовлетворения требования необходимости оборонительные действия в конечном счете должны быть способны предотвратить материализацию угрозы.

Что же касается требования пропорциональности, Суд не смог обеспечить его последовательное толкование, возможно, учитывая отсутствие сколько-нибудь единого мнения среди ученых. Господствует два подхода: количественный и функциональный. В некоторых случаях Суд, по-видимому, придерживался «количественного» понимания пропорциональности, при котором ущерб, который будет причинен защитными действиями, сравнивается с ущербом, который был причинен атакой. В деле *Никарагуа* Суд сравнил масштабы деятельности США в отношении Никарагуа с оказанием помощи сальвадорским вооруженным оппозиционным группам. В деле о *нефтяных платформах* Суд добавил, что соразмерность защитных действий должна оцениваться не в отношении конкретного деяния «в отдельности», а в масштабе «всей операции». В нем указано, что «это ответ на минирование одного военного корабля Соединенных Штатов, который был серьезно поврежден, но не потоплен, и не вызвал человеческих жертв, так что ни американская операция «Любопытный богомол» в целом, ни даже та ее часть, которая уничтожила платформы «Салман» и «Наср», не может рассматриваться, в обстоятельствах данного дела, как соразмерное применение силы в целях самообороны».

Фактически Суд близок к тому, что часто называют функциональным пониманием пропорциональности: любой ущерб, не являющийся необходимым для достижения оборонительных целей, не может считаться соразмерным.

Ряд влиятельных ученых утверждали, что функциональный подход завоевал популярность в специализированной литературе; некоторые другие данные также свидетельствуют о том, что решения Суда в пользу количественного подхода подкрепляются конкретными фактами рассматриваемых дел. Однако факт остается фактом: Суд,

по-видимому, был гораздо более благосклонен к количественному, чем к функциональному подходу к пропорциональности²³.

Заключение

Таким образом, в целом ряде случаев Международный Суд уклонялся от принятия решений в строгих рамках международного права. Тем не менее, учитывая авторитет Международного Суда, нельзя не признать его полезность в деле обеспечения международной безопасности. Во-первых, если Суд решает спор, представленный ему государствами, его решение обязательно для этих государств, и они обязаны поступать так, как это указано Судом; во-вторых, каждое решение Суда привлекает внимание широкой научной общественности и нередко становится основой для *opinio juris* государств, способствуя тем самым формированию обычных норм; в-третьих, решения Суда нередко придается прецедентное значение, и даже если такое решение оформляется в полном соответствии с национальным законодательством того или иного государства, оно приобретает важность юридического факта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джоробеков Ж. М., Нуриев Д. Ш. Совершение преступлений против мира и безопасности человечества как нарушение принципов международного права // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2023. Vol. 8–1(83). Pp. 32–35.
2. Емельянова Н. Н. Принцип мирного разрешения споров как средство обеспечения международной безопасности // *Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки*. 2012. № 3. С. 132.
3. Коростелев С. В. Проблема разночтений в понимании сущности институциональных усилий ООН в сфере поддержания и восстановления международного мира и безопасности // *Управленческое консультирование*. 2022. № 5 (161). С. 19–27.
4. Кутейников А. Е. Нормативные основания мирового порядка. ООН и другие международные организации // *Обозреватель=Observer*. 2022. № 7–8(390–391). С. 91–107.
5. Barber R. J. Cooperating through the General Assembly to end serious breaches of peremptory norms // *International and comparative law quarterly*. 2022. Vol. 71. Iss. 1. Pp. 1–35.
6. Chehtman A. The use of force at the International Court of Justice. CUP, 2021. P. 17.
7. Solera O. Defining the Crime of Aggression. London, 2007. Pp. 247–251.

²³ См.: Коростелев С. В. Проблема разночтений в понимании сущности институциональных усилий ООН в сфере поддержания и восстановления международного мира и безопасности // *Управленческое консультирование*. 2022. № 5 (161). С. 19–27.

REFERENCES

1. *Jorobekov J. M., Nuriev D. S.* Committing crimes against the peace and security of mankind as a violation of the principles of International Law // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2023. Vol. 8—1(83). Pp. 32—35 (in Russ.).
2. *Emelyanova N. N.* The principle of peaceful dispute resolution as a means of ensuring international security // *Herald of the RUDN University. Ser.: Legal Sciences*. 2012. No. 3. P. 132 (in Russ.).
3. *Korostelev S. V.* The problem of discrepancies in understanding the essence of the UN institutional efforts in the field of maintaining and restoring international peace and security // *Management Consulting*. 2022. No. 5 (161). Pp. 19—27 (in Russ.).
4. *Kuteinikov A. E.* Normative foundations of the world order. The United Nations and other international organizations // *Observer=Observer*. 2022. No. 7—8(390—391). Pp. 91—107 (in Russ.).
5. *Barber R. J.* Cooperating through the General Assembly to end serious breaches of peremptory norms // *International and comparative law quarterly*. 2022. Vol. 71. Iss. 1. Pp. 1—35.
6. *Chehtman A.* The use of force at the International Court of Justice. CUP, 2021. P. 17.
7. *Solera O.* Defining the Crime of Aggression. London, 2007. Pp. 247—251.

Сведения об авторе

ШИНКАРЕЦКАЯ Галина Георгиевна —
доктор юридических наук,
главный научный сотрудник
сектора международного права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SHINKARETSKAYA Galina G. —
Doctor of Law,
Chief Researcher of the International Law Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 341

БОЛЬШЕ НЕ ФАНТАСТИКА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЛНЕЧНОЙ ЭНЕРГИИ В КОСМОСЕ

© 2025 г. И. А. Черных

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва

E-mail: chernykh-ia@rudn.ru

Поступила в редакцию 11.12.2024 г.

Аннотация. Развертывание солнечных космических станций, сбор солнечной энергии непосредственно в космосе и передача ее на Землю или поверхность других небесных тел вновь стали объектами обсуждения в XXI в. Во многих государствах на протяжении нескольких лет ведутся разработки, нацеленные на поиск наилучшего экономически выгодного решения, при этом в некоторых проектах уже получены первые результаты по передаче небольшого количества солнечной энергии в виде микроволн из космоса на Землю. Солнечная энергия, собранная в космосе, рассматривается как новый вид «зеленой» энергии. Однако для эффективного использования такого вида энергии необходимо понимание не только научно-технической, но и правовой стороны вопроса, включая международно-правовое регулирование, так как данный вид деятельности будет осуществляться в космосе. В настоящей статье представлен обзор международно-правовых аспектов регулирования солнечных космических станций в соответствии с документами международного космического права и документами смежных отраслей международного права и проведена оценка возможных правовых последствий, которые могут возникнуть в процессе их эксплуатации. В статье также представлены характеристики некоторых современных проектов по сбору солнечной энергии в космосе для понимания характера предлагаемой к осуществлению деятельности, которая, по мнению автора, в ближайшей перспективе потребует детализированного регулирования как на национальном, так и международном уровне.

Ключевые слова: солнечная энергия, солнечные космические электростанции, луч, лунные программы, международное космическое право, возобновляемые источники энергии, зеленая энергия, микроволны, изменение климата.

Цитирование: Черных И.А. Больше не фантастика: международно-правовые аспекты использования солнечной энергии в космосе // Государство и право. 2025. № 1. С. 183–191.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01434, <https://rscf.ru/project/23-28-01434/>

DOI: 10.31857/S1026945225010161

NO MORE FANTASY: INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS OF SOLAR ENERGY IN SPACE

© 2025 I. A. Chernykh

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

E-mail: chernykh-ia@rudn.ru

Received 11.12.2024

Abstract. The deployment of solar space stations, the collection of solar energy directly in space and its transfer to Earth or the surface of other celestial bodies have once again become subjects of discussion in the 21st century. For several years, developments have been underway in many countries aimed at finding the best cost-effective solution, while some projects have already achieved the first results in transferring a small amount of solar energy in the form of microwaves from space to Earth. Solar energy collected in space is considered as a new type of “green” energy. However, for the effective use of this type of energy, it is necessary to understand not only the scientific and technical, but also the legal side of the issue, including international legal regulation, since this type of activity will be carried out in space. This article provides an overview of the international legal aspects of regulating solar space stations in accordance with the documents of International Space Law and documents of related branches of International Law and assesses the possible legal consequences that may arise during their operation. The article also presents the characteristics of some modern projects for collecting solar energy in space in order to understand the nature of the proposed activities, which, according to the author, in the near future will require detailed regulation at both national and international level.

Key words: solar energy, solar stations, beam, lunar programs, International Space Law, renewable energy sources, green energy, regulation, microwaves, climate change.

For citation: Chernykh, I.A. (2025). No more fantasy: international legal aspects of solar energy in space // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 1, pp. 183–191.

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-01434, <https://rscf.ru/project/23-28-01434/>

Введение

На Земле вот уже не одно десятилетие применение альтернативных возобновляемых источников энергии стало привычным способом. При этом для использования таких источников энергии требуются определенные условия для конечного региона их сбора, поэтому не все государства могут реализовывать такие энергетические проекты. Например, для использования солнечных электростанций государство должно иметь хорошие характеристики на карте инсоляции (карте солнечной активности). Несмотря на это в последнее время стали наблюдаться снижение стоимости реализации проектов по применению возобновляемых источников энергии, а также повышение эффективности от их внедрения в экономику. Более того, применение «зеленой» энергии стало выходить за пределы земного шара. С расширением планов государств по исследованию и использованию космического пространства и близлежащих Земле небесных тел (Луны, Марса или Венеры) вновь появились когда-то забытые инициативы по сбору солнечной энергии в космосе и ее дальнейшему применению.

С технологической точки зрения важно отметить, что солнечный свет всегда был одним из ключевых источников энергии космических аппаратов, на которые устанавливаются солнечные батареи для обеспечения их более длительного срока эксплуатации в космосе (например, Международная космическая станция) или на поверхности небесных тел. Однако проекты, о которых пойдет речь в настоящем исследовании, гораздо масштабнее и технически сложнее по сравнению с обычным использованием солнечных батарей. Во-первых, существуют планы по сбору солнечной энергии

в космосе и ретрансляции ее на Землю в форме микроволнового излучения. Во-вторых, солнечная энергия является важной составляющей для успешной реализации пилотируемых лунных программ ряда государств. При этом международно-правовой режим использования солнечной энергии в космосе (космической энергетики) на данный момент не является предметом активного обсуждения на международных площадках у государств. Косвенно эта тематика затрагивается в Комитете ООН по исследованию космического пространства в мирных целях, например в контексте обсуждения пункта повестки дня по общему обмену мнениями о возможных моделях правового регулирования деятельности по исследованию, освоению и использованию космических ресурсов¹ или в Международном союзе электросвязи². В то же время в науке международного космического права, в основном у зарубежных юристов-международников, рассматриваемой проблематике посвящена лишь незначительная часть доктринальных работ (например, Е. Фазан, И. Зорих, Е.Р. Финч, С. Фрилэнд). Отдельные аспекты использования солнечной энергии в космосе и международно-правового регулирования такой деятельности обсуждались в работах по международному космическому праву и экономике в 1970–1980 гг. Некоторые авторы даже

¹ См.: Документ ООН A/AC.105/C.2/L.329/Add.7. Проект доклада. Добавление VII. Общий обмен мнениями о возможных моделях правового регулирования деятельности по исследованию, освоению и использованию космических ресурсов, п. 26, 27.

² См.: Документ МСЭ. ITU-R RA23 Contribution 31. Proposed new Question [SBSP] – Space-based Solar Power via BEAM WPT. October 23, 2023.

предлагали подготовить в этом контексте Конвенцию о космической энергетике³. Несмотря на это, ответы на многие вопросы еще не получены: какие орбитально-частотные позиции потребуются для размещения спутников по сбору солнечной энергии в космосе? Не будут ли такие места в космосе являться ограниченными природными ресурсами? Как будет происходить сбор солнечной энергии на обратной стороне Луне, не освещаемой прямыми лучами Солнца?

Обозначенные обстоятельства привели к постановке цели работы: изучению международно-правовых аспектов использования солнечной энергии на солнечных космических станциях в космическом пространстве и на Луне на основе анализа научно-технических и правовых аспектов данной проблематики.

1. Понятие и характеристики солнечной энергии

Солнечная энергия — это неисчерпаемый источник энергии, который представляет собой энергию от небесного тела Солнце в форме света и радиации, которые могут быть преобразованы в электричество. В некоторых доктринальных исследованиях солнечная энергия относится к космическим ресурсам. Однако, несмотря на то что солнечная энергия является результатом деятельности Солнца, находящегося в космосе, с правовой точки зрения солнечная энергия не включена в классификацию космических ресурсов по причине отсутствия необходимости выработки специального правового режима по ее непосредственному использованию⁴, что в том числе находит подтверждение в рамках пункта повестки дня по общему обмену мнениями о возможных моделях правового регулирования деятельности по исследованию, освоению и использованию космических ресурсов и Рабочей группе по космическим ресурсам, по правовым аспектам деятельности, связанной с космическими ресурсами, Комитета ООН по космосу, а также в рамках исследований международными неправительственными организациями и международными научными группами тематики космических ресурсов.

В рамках настоящего исследования будут проанализированы международно-правовые аспекты эксплуатации солнечных космических станций, т.е. космических объектов, что со своей стороны как вид космической деятельности требует правового уяснения.

³ См.: *Fasan E.* Space Energy Law and the Hierarchy of Norms // 19th Colloquium of the Law of Outer Space, Anaheim, California, USA, 1976, 12–15 October. Pp. 119–123.

⁴ См.: *O'Brien D.* Will a five-year mission by COPUOS produce a new international governance instrument for outer space resources? // SpaceReview.com. February 20, 2023.

2. Проекты по сбору солнечной энергии в космосе и на Луне

Современные инициативы по сбору солнечной энергии в космосе и ее передачи на Землю не являются новыми. Впервые фантастические идеи по сбору солнечной энергии в космосе и ее передачи на Землю были озвучены в научно-фантастическом рассказе А. Азимова «Логика» (1941)⁵. Во второй половине XX в. американские⁶ и советские ученые⁷ уже вели исследования и предлагали возможные программы для получения экологически чистой энергии из космоса⁸. Ключевыми составляющими всех предлагаемых проектов был сбор солнечной энергии на солнечных космических электростанциях, дальнейшее преобразование этой энергии в микроволны низкой плотности от 5 до 10 см и, наконец, передача их на Землю. На поверхности Земли микроволны преобразовывались бы в обычное электричество. Для этих целей потребовались бы наземные приемные антенны диаметром около 8 км⁹.

Еще одним предложением было использование лазеров для передачи собранной солнечной энергии, поскольку только с помощью них либо микроволн можно передавать энергию на большие расстояния. Однако, как отмечают ученые, у передачи энергии с помощью лазерного луча есть недостаток, связанный с возможностью применения только коротковолновых лазеров (длина волны ≈ 1 микрометр), луч от которых сможет проходить через атмосферу только при ясной погоде, а в противном случае — будет рассеиваться и поглощаться молекулами воды¹⁰.

Для размещения солнечных космических электростанций предлагались различные места в космическом пространстве: точки Лагранжа или геосинхронные орбиты для развертывания крупных орбитальных станций (проект СССР). Обязательным техническим параметром было такое положение космического аппарата, которое позволило бы ему как можно дольше быть обращенным к Земле, а его солнечным батареям — к Солнцу.

⁵ Рассказ в дальнейшем вошел в сборник А. Азимова «Я — робот» (1950) (см.: *Azimov A. I.* Robot. NY, 2020).

⁶ См.: *Glaser P.* Power from the Sun: Its Future // Science. 1968. Vol. 162. No. 3865. Pp. 857–861.

⁷ См.: *Zorich I.* Energy from Outer Space // Week Newsletter. No. 20(948). P. 11.

⁸ См.: *Finch E. R.* Energy — Ecospace // 19th Colloquium of the Law of Outer Space, Anaheim, California, USA, 1976, 12–15 October. Pp. 124–134; *Berger H.* International Law and Solar Energy Satellites // 20th Colloquium of the Law of Outer Space, Prague, Czechoslovakia, 1977, September 25 — October 1. Pp. 149–156.

⁹ См.: *Finch E. R.* Op. cit. Pp. 124–134.

¹⁰ См.: *Sasaki S.* How Japan Plans to Build an Orbital Solar Farm // IEEE Spectrum. April 24, 2014.

Ученые предполагали, что использование солнечных космических электростанций может начаться в 1985, 1995 или 2050 гг. Однако ни в конце 80-х, ни в конце 90-х годов такие проекты не были реализованы, в связи с объективной необходимостью технологических доработок и по причине неготовности государств инвестировать в такие проекты много и сразу. В 20-е годы XX в., когда отдельные составляющие проекта по сбору солнечной энергии в космосе вышли на более рентабельные (дешевая стоимость производства) и высокотехнологические уровни (использование многоразовых ракетополетов, более легких и прочных солнечных панелей, высокопроизводительных фотоэлектрических систем, робототехники), ученые ряда государств снова предложили вернуться к подобным проектам. Возвращение к таким идеям было отчасти обусловлено необходимостью поиска решения проблем в области изменения климата и более активного и широкомасштабного перехода к устойчивой энергетике, в том числе в рамках достижения целей устойчивого развития¹¹. Кратко рассмотрим некоторые из таких проектов, которых, согласно последним экономическим исследованиям, насчитывается более 150, включая инициативы, задействованные в их реализации прямо или косвенно¹².

КНР. Некоторые из первых китайских инициатив появились еще в 2019 г.¹³, спустя два года после которых Китай объявил о технологическом прорыве в создании орбитальных электростанций, способных собирать солнечную энергию и передавать ее непосредственно на Землю, а также сообщил о начале испытаний передачи энергии на большие расстояния¹⁴. В 2022 г. Китайская академия космических технологий анонсировала планы на 2028 г. по тестированию беспроводной передачи энергии с низкой околоземной орбиты на Землю¹⁵, после чего на 2030 г. намечено размещение на геостационарной орбите (далее — ГСО) экспериментального спутника мегаваттного класса (MR-SPS). Предполагается, что начиная с 2030 г. будет происходить постепенное увеличение

мощности с 1 МВт до 1–2 ГВт к 2050 г. на ГСО¹⁶. Для развертывания системы солнечных космических электростанций будет использоваться разрабатываемая сверхтяжелая ракета Long March 9¹⁷. Другой китайский проект по развертыванию солнечных космических станций — SSPS-OMEGA (Orb-Shape Membrane Energy Gathering Array), которые предполагается также разместить на ГСО. Для сбора солнечной энергии со станции и ее дальнейшего преобразования в постоянный ток в 2022 г. уже была построена специальная 75-метровая стальная конструкция в Сиане¹⁸.

ЕС. В рамках Европейского Союза благодаря деятельности Европейского космического агентства (далее — ЕКА), занимающегося изучением и освоением космического пространства, также не первый год ведется активная работа по изучению возможностей использования солнечной энергии в космосе и поддержке развития экологически чистой энергетики. Эта работа носит комплексный характер, начиная от использования частей спутниковых систем, работающих на солнечной энергии, и заканчивая перенаправлением этой энергии на Землю, Луну и другие планеты¹⁹. С этой целью ЕКА в 2021 г. провело кампанию по сбору идей в области космической солнечной энергетики, часть из которых была использована для подготовки проекта Солярис (Solaris). Суть проекта та же: сбор, переработка и передача энергии на Землю. В рамках этого проекта в 2022 г. ЕКА объявило о дальнейших планах по проведению трехлетнего исследования по изучению технических аспектов сбора солнечной энергии в космосе после того, как будут получены результаты независимой экономической оценки рентабельности этого проекта²⁰. Предлагаемый проект мог бы обеспечить Европе лидерство в области поиска решений чистой энергетики, смягчить последствия изменения климата и приблизиться к «чистым нулевым выбросам» к 2050 г. в Европе.

Альтернативный проект — британская CASSIOPEIA (Constant Aperture, Solid-State, Integrated, Orbital Phased Array)²¹, представляющая фазированную антенную решетку с возможностью

¹¹ См.: Резолюция ГА ООН 70/1 от 21.10.2015 г. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n15/291/92/pdf/n1529192.pdf?token=2p6o2KLyY3ZOumUYh&fe=true>

¹² См.: Barry K. State of the industry report on investment and development of space solar power // *Acta Astronautica*. 2023. Vol. 223. Pp. 355–372.

¹³ См.: Cyranoski D. China sets sights on first solar power stations in space // *Nature*. 2019.

¹⁴ См.: Tang D. China embarks on space race for solar power // *The Times*. August 17, 2021.

¹⁵ См.: Jones A. China to use space station to test space-based solar power // *Space News*. November 23, 2022.

¹⁶ См.: Faust J. ESA to request funding for space-based solar power study // *Space News*. August 18, 2022.

¹⁷ См.: Jones A. China's super heavy rocket to construct space-based solar power station // *Space News*. June 28, 2021.

¹⁸ См.: Jones A. Chinese university completes space-based solar power ground test facility // *Space News*. June 14, 2022.

¹⁹ См.: Clean Energy — New Ideas for Solar Power from Space // European Space Agency. URL: <https://ideas.esa.int/servlet/hype/IMT?documentTableId=45087625530300097&userAction=Browse&templateName=&documentId=514a8db636ea637f6e27069183966350> (accessed: 29.09.2021).

²⁰ См.: Faust J. Op. cit.

²¹ См.: Cash I. CASSIOPEIA — A new paradigm for space solar power // *Acta Astronautica*. 2019. Vol. 159. Pp. 170–178.

электронного управления микроволновым лучом в диапазоне 360° для непрерывной передачи солнечной энергии из космоса на Землю. Спутники данного проекта могут быть размещены на различных видах орбит с возможностью изменения высоты нахождения: от 2000 км до 36 000 км²². Проект был разработан Space Solar Group²³ при поддержке британского правительства. Компания Space Solar сотрудничает с другими государствами и заинтересованными лицами в рамках реализации этого проекта. Например, с Исландией, где в сотрудничестве с местными организациями Reykjavik Energy и Transition Labs к 2030 г. планируется запустить на среднюю околоземную орбиту первый спутник, который передаст на Землю 30 МВт солнечной энергии. Размер такого спутника с учетом солнечных батарей составит около 400 м²⁴.

США. Подобные инициативы есть и в Соединенных Штатах. Например, в 2023 г. американские ученые института Колтех (Caltech) Калифорнийского технологического университета (г. Пасадена, штат Калифорния) спустя 12 лет после начала разработок в рамках проекта по космической солнечной энергии (Space Solar Power Project) впервые продемонстрировали передачу собранной космическим аппаратом солнечной энергии сначала в космосе, а затем ретранслировали и смогли отследить сверхмалое количество мощности на Земле²⁵. Частью этого проекта являлся запуск экспериментального космического аппарата, который осуществляет сбор солнечной энергии (Space Solar Power Demonstrator (SSPD-1)). На таком аппарате также была протестирована технология MAPLE (эксперимент по передаче энергии на низкой околоземной орбите с помощью блока микроволновых передатчиков, Microwave Array for Power-transfer Low-orbit Experiment)²⁶, технология DOLCE (эксперимент по развертыванию на орбите сверхлегкого композитного космического аппарата, Deployable on-Orbit ultraLight Composite Experiment) и фотоэлектрические элементы ALBA в количестве 32 штук²⁷.

²² См.: Pultarova T. Breakthrough coming? Iceland could get solar power from space in 2030 // Space.com. October 24, 2024.

²³ См.: Space Solar Takes Major Step Forward with its CASSIOPEIA Concept // Space Solar. February 29, 2024.

²⁴ См.: Pultarova T. Op. cit.

²⁵ См.: In a First, Caltech's Space Solar Power Demonstrator Wirelessly Transmits Power in Space. June 1, 2023. URL: <https://www.caltech.edu/about/news/in-a-first-caltechs-space-solar-power-demonstrator-wirelessly-transmits-power-in-space>; Leonard D. Is it time to put a dimmer switch on the push for space solar power? // Space.com. May 29, 2024.

²⁶ In a First, Caltech's Space Solar Power Demonstrator Wirelessly Transmits Power in Space. June 1, 2023.

²⁷ См.: Wayt Gibbs W. Caltech's SSPD-1 Is a New Idea for Space-Based Solar Ali Hajimiri on boosting an energy-beaming system from the lab to orbit // IEEE Spectrum. April 11, 2024.

Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА) в 2021 г. разработало проект Solar Electric Propulsion²⁸, в котором ученые должны проработать вопросы увеличения продолжительности миссий по исследованию космоса за счет энергоемких технологий (в том числе легкий вес изделия, дешевая стоимость производства) и использования солнечной энергии. В настоящее время НАСА продолжает проводить дополнительные аналитические исследования для определения, стоит ли в дальнейшем поддерживать и внедрять в другие проекты технологии по сбору солнечной энергии в космосе²⁹.

Существуют и другие проекты (например, среди недавних инициатив также можно отметить проект по передаче электроэнергии в пределах космического пространства). Компания Star Catcher (штаб-квартира в Джексонвиле, штат Калифорния) планирует проектировать и запускать спутники весом около 800 кг, которые будут располагаться на высоте примерно 1500 км для того, чтобы собирать солнечную энергию и передавать ее на другие спутники, находящиеся на более низких орбитах для продления их срока эксплуатации. Запуск первого экспериментального спутника запланирован на конец 2025 г.³⁰

Япония. Японское агентство аэрокосмических исследований (JAXA — Japan Aerospace Exploration Agency) в середине 2010-х годов работало над двумя моделями космических аппаратов по сбору солнечной энергии³¹. В первом аппарате предлагалось задействовать панель размером 2x2 км, сверху покрытую фотоэлектрическими элементами, а снизу — передающими антеннами. При этом данную панель планировалось подвесить на 10-километровые тросы к небольшому космическому аппарату, находящемуся сверху и снабженному системами управления и связи с ним³². В совокупности тандем из космического аппарата и панели создавал бы баланс сил для сохранения стабильного местоположения по высоте, но из-за вращения Земли и нахождения космического аппарата на геосинхронной орбите количество собранного света всегда

²⁸ См.: Solar Electric Propulsion (SEP) // URL: https://www.nasa.gov/mission_pages/tdm/sep/index.html

²⁹ См.: Rodgers E., Gertsen E., Sotudeh J. et al. Space-Based Solar Power // Report of NASA. Office of Technology, Policy, and Strategy. January 11, 2024.

³⁰ См.: Potter N. Space-Based Solar Power Gets Practical Startup proposes small solar power plants in space that beam energy to satellites // IEEE Spectrum. August 8, 2024.

³¹ См.: Sasaki S. Op. cit.

³² См. подр.: Sasaki S., Tanaka K., Higuchi K. et al. A new concept of solar power satellite: Tethered-SPS // Acta Astronautica. 2007. Vol. 60. Iss. 3. Pp. 153–165.

было бы различным. Такой проект получил название «Привязанный спутник солнечной энергии» (Tethered-SPS). Во втором проекте проблема со стабильным сбором энергии решалась за счет размещения двух отражающих свет зеркал, передающих солнечный свет на две солнечные батареи отдельно функционирующего космического аппарата. Однако, по задумке, зеркала и космический аппарат никак не фиксировались относительно друг друга, поэтому сложностью проекта было обеспечение их параллельного полета. Более того, как отмечали ученые, важной составляющей была максимальная синхронизация микроволн, генерируемых на солнечных батареях, размещенных на нескольких спутниках, чтобы направить единый микроволновый луч на принимающие антенны на Земле. Технически это предлагалось решить путем направления с Земли пилотного сигнала на спутник, с помощью которого будут определены фазы для передачи микроволн в определенный момент времени (система излучения в обратном направлении)³³.

Спустя 10 лет в рамках работы над проектом OHISAMA («солнце») Япония готовится к развертыванию в 2025 г. на низкой околоземной орбите космического аппарата в виде солнечной космической электростанции весом около 180 кг, который способен будет накапливать солнечную энергию с помощью бортовых фотоэлектрических панелей размером 2 м², перерабатывать ее в микроволны и передавать в течение нескольких минут около 1 кВт с высоты 400 км на приемные станции на Земле, распределенные по территории протяженностью 40 км и расположенные на расстоянии 5 км друг от друга³⁴ в связи с высокой скоростью аппарата — 28 000 км/ч.

Во всех рассмотренных проектах размеры предлагаемых конструкций колоссальны и начинаются от нескольких сот метров или километров в длину, что является их особенностью с технической точки зрения.

Применение солнечной энергии на Луне также активно рассматривается для исследования и освоения естественного спутника Земли. Например, в рамках ранее упомянутой кампании ЕКА по сбору идей в области применения солнечной энергии в космосе были предложены такие проекты, как разработка системы беспроводной передачи солнечной энергии путем использования миллиметровых микроволн для поддержания исследований, проводимых с помощью луноходов (Development of Millimeter Waves Wireless Power Transfer (WPT) System for Lunar Rover Explorations) или строительство окололунной

солнечной станции, которая, с одной стороны, собирала бы солнечную энергию и передавала ее с помощью микроволн на поверхность Луны, а с другой — являлась обитаемой космической станцией, куда можно было бы отправлять как туристов, так и профессиональных космонавтов, в том числе для дальнейшего перемещения на Луну (Greater Earth Lunar Power Station (GE \oplus -LPS))³⁵. Отмечается, что использование микроволн, которые используются во многих проектах солнечных космических станций, может происходить на различных частотах: чем ниже частота, тем больше должна быть принимающая речтенна, чем больше частота — тем меньше может быть речтенна³⁶.

Учитывая рассмотренные инициативы, перед международным сообществом появляются определенные задачи на перспективу по поэтапному решению проблем регулирования такого рода космической деятельности во избежание возможных конфликтов и споров между заинтересованными в такой технологии государствами. Отмечается, что между наиболее успешными государствами в этом направлении возможно выстраивание международного сотрудничества, например между КНР, которая преуспела в области чистой энергетики, и США, лидеров по разработке программного обеспечения и применения искусственного интеллекта и робототехники³⁷.

3. Применение международного права к проектам по сбору солнечной энергии

Поскольку развертывание задействованных во всех проектах крупных космических солнечных станций представляет собой т.н. прикладной вид космической деятельности, с помощью которого происходит использование космического пространства, нормы и принципы международного космического права будут в полной мере распространяться на данный процесс. Ключевым документом в этом отношении будет Договор по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 г.³⁸ (далее — Договор по космосу), закрепляющий основы по исследованию и использованию космического пространства и других небесных тел.

³⁵ См. подр.: Greater Earth Lunar Power Station (GE \oplus -LPS). Executive Summary. Final Report // Astrostrom GmbH, May 2023.

³⁶ См.: Sasaki S. Op. cit.

³⁷ Lia Zhu, Shao Xinying. Potential seen for US–China space relations // China Daily. August 21, 2024.

³⁸ См.: Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, от 27 января 1967 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml

³³ См.: Sasaki S. Op. cit.

³⁴ См.: Pultarova T. Japanese satellite will beam solar power to Earth in 2025 // Space.com. April 19, 2024.

При размещении космических солнечных станций особенно важно соблюдать баланс применения закрепленных в Договоре свобод и ограничений. Так, ст. I Договора по космосу закрепляет свободу ("free for exploration and use") для исследования и использования космического пространства (абз. 2), но при этом такая деятельность должна осуществляться на основе равенства (абз. 2) и на благо, и в интересах всех стран (абз. 1). Как было отмечено ранее, одной из основных целей проектов по сбору солнечной энергии в космосе является развитие чистой энергетики, поэтому такой вид космической деятельности подпадает под формулировку ст. I и находится в соответствии с международным правом (абз. 2 ст. I и ст. III).

Однако не будет ли размещение солнечных космических электростанций на различных видах орбит нарушать принцип неприсвоения космического пространства согласно ст. II Договора по космосу? Развертывание таких станций потребует значительных капитальных вложений, поэтому запускать на непродолжительный период времени такие космические аппараты нецелесообразно. Вопросы использования орбитально-частотных позиций, которые необходимы для успешной эксплуатации любого вида космического аппарата, сегодня успешно находятся в рамках компетенции Международного союза электросвязи (далее — МСЭ), который устанавливает правила в области выделения, распределения и присвоения радиочастотного спектра, в том числе для целей космической связи, а также устанавливает временные рамки такого использования. Применяя в совокупности принцип неприсвоения космического пространства и правила МСЭ, практику государств по использованию космического пространства путем размещения в нем различного вида космических объектов как в научных, так и в коммерческих целях, мы приходим к логическому выводу, что при размещении солнечных космических электростанций принцип неприсвоения нарушаться не будет³⁹. При этом в будущем обязательно потребуются специализированные нормы, разработанные МСЭ, в отношении сроков эксплуатации таких станций с учетом используемого радиочастотного спектра и вида орбиты, принимая во внимание планы государств развертывать солнечные космические электростанции как на ГСО, так и на низкой околоземной орбите.

Для регулирования развертывания солнечных космических электростанций ст. III Договора по космосу в совокупности с его иными положениями, где есть отсылка к нормам международного права (например,

ст. I), особо важна. Учитывая, что космическая деятельность должна применяться в соответствии со всеми нормами международного права для эффективно и безопасно использования солнечных космических электростанций необходимо будет учитывать: 1) выше упомянутые нормы международного телекоммуникационного права, разрабатываемые в МСЭ; 2) нормы в области права международной безопасности для исключения возможности использования таких крупных космических объектов в агрессивных или неправомерных целях, включая запрет на размещение в космосе оружия массового уничтожения в соответствии со ст. IV Договора по космосу и положениями Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой 1963 г.; 3) нормы международного экологического права для обеспечения долгосрочной устойчивости космической деятельности и дальнейшего незагрязнения космического пространства.

Статья IX Договора по космосу возможна к применению в различных ситуациях, связанных с солнечными космическими электростанциями. Во-первых, согласно данной статье, при осуществлении любого вида космической деятельности необходим «должный учет интересов других государств — участников Договора». Во-вторых, в продолжение вопроса обеспечения долгосрочной устойчивости космической деятельности необходимо «избегать вредного загрязнения космоса», что при широком толковании охватывает проблему космического мусора, который может быть образован в результате потенциальных столкновений различных космических объектов, включая солнечные космические электростанции больших размеров. В-третьих, эксперименты по ретрансляции солнечной энергии на Землю и в космосе не должны причинять вредные помехи деятельности других государств, проводимой в космосе. Относительно Радиорегламентов МСЭ в контексте вредных помех, как отмечают С. Фрилэнд и А.-С. Мартин, несмотря на то что определение понятия «телекоммуникации» не охватывает передачу солнечной энергии, международно-правовые нормы МСЭ будут применяться в данном случае, так как такая передача может оказывать вредные помехи⁴⁰.

Для соблюдения вопросов регистрации солнечных космических электростанций будет применяться ст. VIII Договора по космосу, а также положения Конвенции о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство 1975 г., при учете соответствующих документов «мягкого права» по данной тематике⁴¹.

³⁹ См.: *De Man Ph.* Interpreting the UN space treaties as the basis for a sustainable regime of space resource exploration // *The Space Treaties at Crossroads: Considerations de Lege Ferenda* / ed. by G.D. Kyriakopoulos, M. Manoli. Cham, 2019. Pp. 15–33.

⁴⁰ См.: *Martin A.-S., Freeland S.* The promise of solar energy for sustainable development and space exploration // *Room*. 2024. Vol. 34. P. 21.

⁴¹ Например, см.: резолюция от 20.12.1961 г. 1721 А и В (XVI) «Международное сотрудничество в использовании космического

Принцип международного сотрудничества и обмена информацией также необходимо будет соблюдать при осуществлении деятельности как по размещению солнечных космических электростанций, так и дальнейшей передаче энергии с них, с учетом планов по использованию солнечной космической энергии для реализации лунных программ. Для этого требуется соблюдение ст. XI и XII Договора по космосу.

Одним из наиболее важных принципов при осуществлении деятельности по сбору и передаче солнечной энергии будет являться ст. VI Договора по космосу, устанавливающая международную ответственность государств за национальную деятельность как в космическом пространстве, так и на небесных телах, что должно гарантировать выполнение на практике участниками такого вида космической деятельности иных положений международного космического и международного права в целом.

При осуществлении сбора и передачи солнечной энергии потенциально возможны случаи причинения ущерба другим объектам, находящимся на Земле, в воздушном или космическом пространстве, включая поверхность небесных тел⁴². Порядок привлечения к ответственности за ущерб регулируется ст. VII Договора по космосу и детализируется в Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г. В случае, если ущерб будет причинен непосредственно солнечной космической станцией, необходимо будет определять запускаящее государство такой станции, нарушение международно-правовых обязательств, наличие ущерба и определять место, где он был причинен: на Земле, в воздушном или космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела. Однако, чтобы доказать ущерб, полученный в результате ретрансляции солнечной энергии, на практике могут возникнуть трудности. Самым сложным будет доказывание того, что космический объект, собирающий и использующий солнечную энергию, именно в процессе передачи солнечной энергии причинил ущерб. Иными словами, солнечная энергия, передаваемая с такой станции, подпадает под понятие «космического объекта». На практике возможны ситуации, в которых процесс передачи солнечной энергии может вызвать косвенные повреждения на поверхности Земли, вызвать вредные помехи, влияющие на деятельность

пространства в мирных целях». Часть В; резолюция от 17.12.2007 г. 62/101 «Рекомендации по совершенствованию практики регистрации космических объектов государствами и международными межправительственными организациями»; Руководящие принципы обеспечения долгосрочной устойчивости космической деятельности Комитета по использованию космического пространства в мирных целях 2019 г.

⁴² См.: *Tennen L.I. International Law and the Use of Outer Space for the Production of Solar Energy // 20th Colloquium of the Law of Outer Space, Prague, Czechoslovakia, 1977, September 25 – October 1. Pp. 456–472.*

воздушных судов, находящихся в полете, или на деятельность других космических объектов, в результате чего могут произойти непредвиденные последствия.

Последующее использование собранной солнечной энергии на Земле также может вызвать юридические последствия⁴³, вызванные несоблюдением мер безопасности при эксплуатации наземных приемных станций, которые будут преобразовывать собранную энергию в постоянный ток. Для регулирования наземного сегмента такой деятельности предполагается применение норм экологического, административного, трудового и энергетического права.

Заключение

Анализ научно-технических характеристик проектов по сбору энергии в космосе подтвердил, что данный вид чистой энергетики может стать решением мировой борьбы за исчерпаемые энергоресурсы. При этом, с учетом сложностей в развертывании таких солнечных космических станций, не все государства будут готовы на разработку и поддержание сложной космической инфраструктуры, включающей необходимость использования многоразовых ракетополетов различных классов грузоподъемности и наличие возможности обслуживания таких систем прямо на орбите (*on-orbit servicing*), что требует разработки новых технических и технологических стандартов, отвечающих современным требованиям, в том числе с применением искусственного интеллекта. Потенциально Международная организация по стандартизации может заняться решением стандартизации такого вида космической деятельности.

На международном уровне нет специализированного международно-правового режима использования солнечных космических станций, поскольку космическая деятельность на практике различна и разработать специальный международный договор для каждого ее вида проблематично. Хотя основные принципы международного космического права, международного экологического и международного телекоммуникационного права и смежных отраслей международного права будут применимы.

Как и в любом виде новой технологии, на начальных этапах будут сложности, тем не менее развертывание солнечных космических электростанций и использование солнечной энергии, собранной в космосе, сможет приблизить международное сообщество к достижению целей устойчивого развития, разработанных до 2030 г., а также сделать устойчивой как жизнь на Земле, так и деятельность в космосе после 2030 г. на благо нынешних и будущих поколений.

⁴³ См.: *Finch E.R. Op. cit. Pp. 124–134.*

REFERENCES

1. *Azimov A. I.* Robot. NY, 2020.
2. *Barry K.* State of the industry report on investment and development of space solar power // *Acta Astronautica*. 2023. Vol. 223. Pp. 355–372.
3. *Berger H.* International Law and Solar Energy Satellites // 20th Colloquium of the Law of Outer Space, Prague, Czechoslovakia, 1977, September 25 – October 1. Pp. 149–156.
4. *Cash I.* CASSIOPeiA – A new paradigm for space solar power // *Acta Astronautica*. 2019. Vol. 159. Pp. 170–178.
5. *Cyranoski D.* China sets sights on first solar power stations in space // *Nature*. 2019.
6. *De Man Ph.* Interpreting the UN space treaties as the basis for a sustainable regime of space resource exploration // *The Space Treaties at Crossroads: Considerations de Lege Ferenda* / ed. by G.D. Kyriakopoulos, M. Manoli. Cham, 2019. Pp. 15–33.
7. *Fasan E.* Space Energy Law and the Hierarchy of Norms // 19th Colloquium of the Law of Outer Space, Anaheim, California, USA, 1976, 12–15 October. Pp. 119–123.
8. *Faust J.* ESA to request funding for space-based solar power study // *Space News*. August 18, 2022.
9. *Finch E. R.* Energy – Ecospace // 19th Colloquium of the Law of Outer Space, Anaheim, California, USA, 1976, 12–15 October. Pp. 124–134.
10. *Glaser P.* Power from the Sun: Its Future // *Science*. 1968. Vol. 162. No. 3865. Pp. 857–861.
11. In a First, Caltech's Space Solar Power Demonstrator Wirelessly Transmits Power in Space. June 1, 2023. URL: <https://www.caltech.edu/about/news/in-a-first-caltechs-space-solar-power-demonstrator-wirelessly-transmits-power-in-space>
12. *Jones A.* China to use space station to test space-based solar power // *Space News*. November 23, 2022.
13. *Jones A.* China's super heavy rocket to construct space-based solar power station // *Space News*. June 28, 2021.
14. *Jones A.* Chinese university completes space-based solar power ground test facility // *Space News*. June 14, 2022.
15. *Leonard D.* Is it time to put a dimmer switch on the push for space solar power? // *Space.com*. May 29, 2024.
16. *Lia Zhu, Shao Xinying.* Potential seen for US–China space relations // *China Daily*. August 21, 2024.
17. *Martin A.-S., Freeland S.* The promise of solar energy for sustainable development and space exploration // *Room*. 2024. Vol. 34. P. 21.
18. *O'Brien D.* Will a five-year mission by COPUOS produce a new international governance instrument for outer space resources? // *SpaceReview.com*. February 20, 2023.
19. *Potter N.* Space-Based Solar Power Gets Practical Startup proposes small solar power plants in space that beam energy to satellites // *IEEE Spectrum*. August 8, 2024.
20. *Pultarova T.* Breakthrough coming? Iceland could get solar power from space in 2030 // *Space.com*. October 24, 2024.
21. *Pultarova T.* Japanese satellite will beam solar power to Earth in 2025 // *Space.com*. April 19, 2024.
22. *Rodgers E., Gertsen E., Sotudeh J. et al.* Space-Based Solar Power // Report of NASA. Office of Technology, Policy, and Strategy. January 11, 2024.
23. *Sasaki S.* How Japan Plans to Build an Orbital Solar Farm // *IEEE Spectrum*. April 24, 2014.
24. *Sasaki S., Tanaka K., Higuchi K. et al.* A new concept of solar power satellite: Tethered-SPS // *Acta Astronautica*. 2007. Vol. 60. Iss. 3. Pp. 153–165.
25. Space Solar Takes Major Step Forward with its CASSIOPeiA Concept // *Space Solar*. February 29, 2024.
26. *Tang D.* China embarks on space race for solar power // *The Times*. August 17, 2021.
27. *Tennen L. I.* International Law and the Use of Outer Space for the Production of Solar Energy // 20th Colloquium of the Law of Outer Space, Prague, Czechoslovakia, 1977, September 25 – October 1. Pp. 456–472.
28. *Wayt Gibbs W.* Caltech's SSPD-1 Is a New Idea for Space-Based Solar Ali Hajimiri on boosting an energy-beaming system from the lab to orbit // *IEEE Spectrum*. April 11, 2024.
29. *Zorich I.* Energy from Outer Space // *Week Newsletter*. No. 20(948). P. 11.

Сведения об авторе

ЧЕРНЫХ Ирина Алексеевна —
кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права
Российского университета дружбы народов
им. Патриса Лумумбы;
117198 г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Authors' information

CHERNYKH Irina A. —
PhD in Law,
Associate Professor of the Department
of International Law, Patrice Lumumba
Peoples' Friendship University of Russia;
6 Miklukho-Maklaya str.,
117198 Moscow, Russia

УДК 343.2

НЕЙМАН И ЕГО ШКОЛА РУССКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА (Статья первая: КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

© 2025 г. С. В. Маликов*, А. И. Чучаев**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

**E-mail: moksha1@rambler.ru

Поступила в редакцию 27.10.2024 г.

Аннотация. В статье дается краткая биография Ивана Егоровича Неймана — основателя исторической школы русского уголовного права, раскрываются его уголовно-правовые взгляды и дается характеристика научного наследия его учеников по Императорскому Казанскому университету — Н.М. Алехина, Е.П. Манасеина и Е.В. Врангеля.

Ключевые слова: уголовное право, И.Е. Нейман, уголовно-правовые взгляды, Казанский университет, историческая школа, ученики-последователи Н.М. Алехин, Е.П. Манасеин, Е.В. Врангель.

Цитирование: Маликов С.В., Чучаев А.И. Нейман и его школа русского уголовного права (Статья первая: Казанский университет) // Государство и право. 2025. № 1. С. 192–206.

DOI: 10.31857/S1026945225010173

NEUMANN AND HIS SCHOOL OF THE RUSSIAN CRIMINAL LAW (Article one: KAZAN UNIVERSITY)

© 2025 S. V. Malikov*, A. I. Chuchayev**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

* E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

**E-mail: moksha1@rambler.ru

Received 27.10.2024

Abstract. The article gives a brief biography of Ivan Egorovich Neumann, the founder of the historical school of Russian Criminal Law, reveals his criminal law views and characterizes the scientific heritage of his students at the Imperial Kazan University of N.M. Alekhin, E.P. Manasein and E.V. Wrangel.

Key words: Criminal Law, Neumann, criminal law views, Kazan University, historical school, students-followers of N.M. Alekhin, E.P. Manasein, E.V. Wrangel.

For citation: *Malikov, S.V., Chuchayev, A.I. (2025).* Neumann and his school of the Russian Criminal Law (Article one: Kazan University) // *Gosudarstvo i pravo=State and Law*, No. 1, pp. 192–206.

Нейман: немец в служении российской науке

В Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета говорится: «Нейман, Иван Егорович (Johann Georg Josias Neumann. — *Авт.*), профессор русского правоведения и политической экономии. Родился в 1780 году в г. Марбурге. Вызванный в Российскую Империю для участия в работах комиссии по составлению законов, состоял при последней в званиях помощника редактора, затем помощника начальника первой экспедиции (1806 г.).

19 октября 1809 года назначен в Казанский университет ординарным профессором русского правоведения и политической экономии, с званием корреспондента комиссии составления законов. 21 февраля 1811 года перемещен в Дерптский университет. 19 октября 1814 года вторично определен в Казанский университет ординарным профессором прав естественного, политического и народного. В 1814–1815 гг. руководил в Казани приготовлением к профессорскому званию Алехина и Манасеина.

18 сентября 1817 году уволен, с причислением к министерству, но в 1818 году снова возобновил профессорскую деятельность — в Дерптском университете. Оставя университетскую службу в 1826 году, умер 13 декабря 1855 года в отставке»¹.

Возвращение Неймана в Казанский университет было обусловлено тем, что в связи с кончиной проф. И.А. Финке² два известных ему магистра — Н.М. Алехин и Е.П. Манасеин — остались без научного руководителя.

Из дела о его направлении в Казань явствует, что согласно полученной им инструкции должен был заниматься с указанными магистрантами естественным правом, правами гражданским и уголовным, а также руководить их научными трудами.

¹ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета за сто лет (1804–1904): в 2 ч. / под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 2. С. 52.

² Иван Арнольдович (Иоанн Христофор) Финке — профессор прав естественного, политического и народного. В Казанском университете работал с 1809 г. ординарным профессором. С 1813 г. до своей кончины (1814 г.) был первым деканом нравственно-политического отделения.

Профессор обязывался периодически отчитываться о проделанной работе и успехах своих учеников.

Еще в первый период работы в Казанском университете Нейман много занимался проблемами организации преподавания русского права, подчеркивая при этом важность его научной основы. Рациональным путем познания русского законодательства, по его мнению, является преподавание, приспособленное к самому изучаемому предмету и студентам.

Профессор выделял две области познания русского правоведения в процессе подготовки юриста: гражданское и уголовное право, причем в последнее, согласно представлениям об этой отрасли, включал законы о преступлениях и наказаниях, уголовно-процессуальные законы и законы, регламентирующие организацию уголовных и полицейских судов. Начинать следовало с законодательных установлений, определяющих основу отношений между людьми и их действиями, — гражданского и уголовного права (*sensu stricto* — в их узком, собственном смысле). Однако этого недостаточно, необходимо изучение реализации соответствующих норм, что достигается при преподавании гражданского и уголовного судопроизводства. Все эти курсы должны быть дополнены историей русского законодательства и правовой науки. Из-за отсутствия исторических исследований Нейман планирует, во-первых, подготовить два варианта комментариев к русскому праву — обширный и краткий; во-вторых, организовать в Казани юридическое общество.

Преподаваемый курс уголовных законов в представлении автора должен состоять из четырех блоков: материальное и процессуальное право, судоустройство и тюремное устройство. Материально-правовой блок строится по пандектному принципу (хотя автор относится к нему критически; см. ниже). Общая часть охватывает изучение таких вопросов, как: о преступлениях вообще; о наказаниях вообще; о вменении (в «учебной книге» он практически не использует понятие вменения, в связи с чем подвергся критике); об «отягчении и смягчении» наказаний; о виновниках и соучастниках; о покушении; о погашении наказаний. В особенную часть включены два вида преступлений: *crimes* и *delits* (менее тяжкие). Для каждой

из этих категорий дана шкала (то же, что и шкала. — *Авт.*) правонарушений, охватывающая в том числе и их наказуемость.

В первую категорию включались религиозные преступления, преступления против особы государя и основных законов государства, против внешней безопасности государства, против внутренней безопасности государства, против государственного имущества, сопряженных с противоправными деяниями должностных лиц в отношении исполнения ими своих обязанностей и др. Вторая категория охватывает преступления против безопасности лиц, их имущества, добрых нравов, чести, нарушения временных и местных постановлений полиции.

Этот же подход к изучению студентами уголовного права был использован Нейманом в его «Кратком плане преподавания российского права», отражающем влияние взглядов К.А. Титмана, который ограничивался изложением только действующего законодательства, исключая из учебных планов историю уголовного законодательства и уголовно-правовой науки.

Г.С. Фельдштейн считает, что планы Неймана были в целом реализованы, хотя и не доведены до логического завершения. В обоснование этого он ссылается на два высказывания самого профессора. Так, в представлении в совет Казанского университета Нейман пишет: «Для преподавания о уголовном праве я употреблять буду собственное мое сочинение, содержащее начала уголовного права и которое обрабатываемо будет в продолжении моих лекций; от сего сочинения прилагаю введение с планом». Во-вторых, профессор отмечает: «Известно, что еще нет в России юриспруденции, — и можно сказать, что даже нет действительного права.., я был принужден прибегнуть к самым источникам, т.е. читать указы один после другого и поместить выписки оных в особенных тетрадах. На сей конец я последовал... плану, который в главных разделениях согласен с планом уголовного уложения, одобренным директором комиссии, и различается только в некоторых частях, поскольку систематическое преподавание требует другой порядок...»³.

Обращаем внимание еще на один момент, характеризующий Неймана как ученого. Иностранец по происхождению, он ратовал за изучение русского языка. Выступая в Дерпте 28 октября 1818 г., заявил: «Насколько я могу доньше наблюдать, в здешнем университете изучение русского языка находится в большом пренебрежении. Даже студенты, которые намерены посвятить себя

государственной службе, по гражданской специальности, имеют очень слабые познания в русском языке и вовсе не считают необходимым включить изучение его в свою научную подготовку, хотя это положительно предписано указом 6 августа 1809 г. (имеются в виду Правила о производстве в чины по гражданской службе и об испытаниях для производства в коллежские асессоры и статские советники. — *Авт.*)»⁴.

Члены совета университета в целом признали слабую подготовку студентов по русскому языку, но возражали против мер, предлагаемых Нейманом: принимать в вуз только тех, кто на вступительных испытаниях покажет удовлетворительные знания русского языка; если это по каким-то причинам невозможно, то для получения аттестата об окончании университета предусмотреть сдачу такого экзамена после окончания теоретического курса. При этом наиболее критичным был настрой ректора, также же немца по национальности, И.Ф.Г. Эверса.

В следующем году Нейман вновь вернулся к этой проблеме. «Уже несколько раз официально докладывал о господствующем в нашем университете невежестве по русскому языку. Говорю — “невежество”, ибо слабые познания в нем не того или другого из наших студентов не идут даже в расчет по сравнению с тем, что они должны бы знать; говорю — “господствующем”, ибо, насколько я мог доньше наблюдать, из десяти студентов вряд ли найдется один, хотя посредственно знающий этот предмет...»⁵. Между тем, делал вывод Нейман, изучение русского права, его истории, а также правоприменительная деятельность невозможны без знания русского языка.

В литературе отмечается, что «на долю И. Неймана выпала неблагоприятная роль ученого, заложившего основание школы, но не увидевшего результатов своей деятельности. Детально разработав план организации преподавания русского права, заготовив для этого огромный материал, И. Нейман не успел его обнародовать, хотя и воспитал на нем ряд учеников, унаследовавших не только его приемы, но, по-видимому, и произведенную им работу»⁶.

Уголовно-правовые взгляды Неймана

Нейман принадлежит исторической школе уголовного права России. Возникнув в Германии (Г. Гуго, Ф.К. Савиньи, Ф.Ю. Штолль и др.),

⁴ Цит. по: Петухов Е.В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802—1902): исторический очерк. Т. 1: Первый и второй периоды (1802—1865). Юрьев, 1902. С. 238.

⁵ Там же. С. 240.

⁶ Фельдштейн Г.С. Указ. соч. С. 345.

³ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003. С. 348, 349.

своеобразное развитие она получила в доктрине русского уголовного права⁷. Пожалуй, впервые оттенки указанного учения нашли отражение в трудах И.В. Васильева⁸, в частности в одной из наиболее ранних его работ «Историческое обозрение древнего Российского законодательства»⁹, в которой автор показал развитие русского права как прогрессивный процесс, ратовал за кодификацию законодательных актов, носивших бессистемный и противоречивый характер¹⁰. В.А. Томсинов пишет: «И.В. Васильева можно с полным основанием назвать предтечей исторического направления в русском теоретическом правоведении, возобладавшего в 30–40 годы XIX века. Своими трудами он усиливал интерес к истории русского законодательства среди современных ему правоведов и вместе с тем создавал базу для более глубоких историко-правовых исследований. Главное достижение Васильева заключалось в том, что во времена, когда в русской юриспруденции преобладал философский, умозрительный подход к праву, к юридической жизни общества, он делал основной упор на источники, старался идти в своих научных работах от конкретной правовой материи.

⁷ См.: *Кареев Н.И.* Два взгляда на процесс правообразования // *Русский вестник*. 1889. № 11; *Кениг И.И.* Савиньи и его отношение к современной юриспруденции // *Русский вестник*. 1863. Т. 44; *Муромцев С.А.* Образование права по учениям немецкой юриспруденции. М., 1886; *Новгородцев П.И.* Немецкая историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. М., 1896; и др.

⁸ Васильев Илларион (сам он писал «Иларион» с одной буквой «л») Васильевич (1801 (в литературе утверждается, что дата его рождения неизвестна; в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона она также не дается; в интернет-изданиях приводится указанный год) — 1832) — окончил нравственно-политическое отделение Императорского Московского университета, там же защитил магистерскую диссертацию на тему «Рассуждение о законах Государства Российского, изданных от основания оного до нынешних времен, с показанием причин периодической оных перемены и постепенной образованности, в какой они ныне» (опубликована отдельной книгой (М., 1823)). В университете преподавал русское законоведение, был синдиком (административная должность в императорских университетах России, занимался вопросами судопроизводства в университете. — *Авт.*) и секретарем училищного комитета. Васильев — автор первого учебника по русскому праву, адресованного широкому кругу читателей (см.: *Васильев И.В.* Новейшее руководство к познанию российских законов, изданное для воспитанников Московского коммерческого училища Иларионом Васильевым, магистром нравственных и политических наук: в 2 ч. М., 1826–1827). Всего им опубликовано около 20 работ (см.: *Томсинов В.А.* Российские правоведы XVIII–XX: очерки жизни и творчества: в 2 т. М., 2007. Т. 1. С. 249).

⁹ *Васильев Иларион.* Историческое обозрение древнего русского законодательства // *Вестник Европы*. 1822. № 7.

¹⁰ См. подр.: *Чучаев А.И.* Разработка уголовного законодательства в XVIII — первой четверти XIX века: борьба за самобытность русского права // *Государство и право*. 2024. № 11.

Не случайно он уделял огромное внимание правовым документам»¹¹.

Заметим, что первую попытку исследовать историю русского законодательства предпринял, пожалуй, Ф.Г. Штрубе де Пирмонт. Об этом, в частности, свидетельствует его речь, произнесенная 6 сентября 1756 г. на торжественном собрании Академии наук. В том же году речь была опубликована на двух языках — русском и французском¹².

В историю науки уголовного права Васильев вошел как предвозвестник зарождающейся школы исторического изучения права, являющегося необходимым условием формирования догмы уголовного права на исторических устоях. Выявленные путем диахронного исследования свойственные уголовному законодательству черты им признаются особенностями русского права, которые необходимо учитывать при разработке законов как устойчивых и неизменных основ.

В отличие от Васильева Нейман «положил первый кирпич» в основание указанного направления уголовно-правовой мысли. Правда, Г.С. Фельдштейн с горечью замечает: «Само проведение в жизнь этого течения в нашу науку совершается, однако, усилиями ученых, стоящих в более близком общении с западной наукой, чем органически выросшие на русской почве представители историзма в праве. Говоря это, мы имеем, с одной стороны, в виду работы И.Е. Неймана и созданную им школу истории русского права в лице ее наиболее видного представителя А. Рейца и, с другой, историческое течение, восходящее, по своим источникам, к тем же западным образцам, но питающееся непосредственно опытами славянских ученых»¹³.

Естественно, в работах Неймана нельзя найти все атрибуты исторической школы права и их характеристику. Несомненно одно: он активно внедрял в первую очередь в преподавание уголовного права, в уголовно-правовую науку концептуальные основы указанного направления юридической мысли. Этого же требовал и от своих учеников.

Уголовно-правовые взгляды Неймана нашли отражение в «учебной книге», посвященной, выражаясь нынешним языком, вопросам общей части

¹¹ *Томсинов В.А.* Указ. соч. С. 254.

¹² См.: Слово о начале и переменах российских законов / В торжественное празднество тезоименитства ее императорского величества всеимпловейшей государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссийския в публичном собрании Санктпетербургской Императорской Академии наук, говоренное Федором (на самом деле его звали «Фридрих». — *Авт.*) Штрубом сентября 6 дня 1756 году.; И введенное на российской язык Семеном Нарышкиным. СПб., 1756 (доклад представлен на обоих языках).

¹³ *Фельдштейн Г.С.* Указ. соч. С. 345.

уголовного права¹⁴. Работа охватывает восемь глав: гл. 1 — О преступлениях вообще; гл. 2 — О наказаниях вообще; гл. 3 — О причинах, по коим должно освободить от наказания; гл. 4 — О причинах уменьшения и увеличения наказаний; гл. 5 — О покушении на преступление; гл. 6 — О соучастии в преступлении; гл. 7 — О перемене наказаний; гл. 8 — Об отмене наказаний. Во введении представлены определение уголовного права и основания его деления.

Оценивая структуру работы, можно сказать, что она охватывает практически все основные институты Общей части уголовного права, причем в определенной степени представляет собой несомненную новизну характеристики дихотомической связки «преступление — наказание». Например, институт соучастия начал разрабатываться только со второй половины XIX в.¹⁵, между тем некоторые представления о нем уже были изложены в рассматриваемой «учебной книге» Неймана.

Законом Нейман признавал правила, с которыми члены общества соотносывали свои действия, предписанные верховной властью в государстве для достижения цели общественного союза, а собрание таких законов считал правом. Законы подразделял: 1) на общие (или публичные), содержавшие предписания, относящиеся ко всему населению страны; 2) на частные (или гражданские в собственном смысле слова), регулировавшие отношения между «частными людьми». В связи с этим и само право делится на общее (публичное) и частное (гражданское).

«Уголовные законы, — пишет Нейман, — имеют предметом изложение преступлений и наказаний, за оные определенных. Они предписывают, какие деяния должно почитать нарушающими безопасность в государстве, то есть преступлениями, и какие налагать за совершение оных наказания»¹⁶. По сути, автор, как и современные криминалисты, исходит из такой характеристики деяния, признаваемого преступлением, как его общественная опасность. Это наглядно явствует из следующего высказывания автора: «Охранение безопасности в государстве есть дело, касающееся до целого общества; следовательно,

и правила, предписываемые в рассуждении деяний, нарушающих оную, хотя бы преступления учинены были против лица или собственности одного человека, имеют предметом отношения соединенных в государстве людей к целому обществу, а не токмо отношения, существующие между ними как частными людьми. По сему уголовные законы составляют часть общего права»¹⁷.

Надо сказать, что подобная характеристика преступления, выделение общественной опасности в качестве основания криминализации представляют собой несомненный прогресс в теоретическом осмыслении рассматриваемого феномена.

Цель уголовного закона Нейман видел в обеспечении безопасности общества, что, по его мнению, непосредственно вытекает из цели общественно-го союза, состоящей в стремлении людей объединенными усилиями достичь общего благополучия. Это становится возможным только при условии, согласно которому никто не может совершать что-либо, что могло бы нарушить безопасность как общества, так и конкретного лица. Именно данным обстоятельством обуславливается запрет последних законами верховной власти¹⁸.

В связи с изложенным представляется неточным утверждение Е.В. Епифановой о том, что общественная опасность как признак уголовно наказуемого деяния впервые упоминается в работе О.И. Горегляда «Опыт начертания российского уголовного права»¹⁹. О.И. Горегляд преступлением признавал «деяние противозаконное, умышленное и при том вредное Государству или частным людям»²⁰. Обратим внимание лишь на один

¹⁷ Там же.

¹⁸ «...Людей, кои находят выгоду свою в совершении деяний, нарушающих безопасность целого общества или частных лиц, не может удержать от того одно повеление закона, равным образом как невозможно и распределение верховной властью служителей ее по всей земле так, чтобы они, исполняя повеление закона, могли удерживать людей от подобных деяний прежде совершения оных. Опыт доказывает, что нельзя совершенно предупредить деяний, нарушающих безопасность в государстве; а лучшее средство для достижения того, чтобы оных совершалось сколько возможно меньше, есть сопрягать с ними физическое зло, подобному тому, как с деяниями, противными главным целям природы, сопрягается неминуемая боль. Сие физическое зло, сопрягаемое с деяниями, нарушающими безопасность в государстве, называется наказанием» (см.: там же. С. 6, 7).

¹⁹ Епифанова Е.В. «Общественная опасность» как признак преступления в доктринах российского уголовного права XVII–XIX вв. // Юрид. наука. 2011. № 3. С. 28.

²⁰ Горегляд О. Опыт начертания российского уголовного права, часть 1. О преступлениях и наказаниях вообще. СПб., 1815. С. 1.

Характеристику работы см.: Грачева Ю.В., Чучаев А.И. Первый учебник уголовного права (к 200-летию учебника Осипа Горегляда «Опыт начертания российского уголовного права») // Lex russica. 2015. № 3 (т. С). С. 112.

¹⁴ См.: Нейман И. Начальные основания уголовного права. СПб., 1814. С. 2. В ряде изданий указано, что работа опубликована в 1804 г. (см., напр.: Фельдштейн Г.С. Указ. соч. С. 349), однако этого не могло быть по определению. Во-первых, в выходных данных издания отражена указанная нами дата; во-вторых, только в 1813 г. автору было официально поручена подготовка «учебной книги» по уголовному праву (см. подр.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802–1902): в 2 т. Т. 1 / под ред. Г.В. Левицкого. Юрьев, 1902. С. 558).

¹⁵ См., напр.: Жиряев А.С. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт, 1850.

¹⁶ Нейман И. Указ. соч. С. 4

момент в этой дефиниции: по мнению автора, вред деянием причиняется либо государству, либо отдельному лицу. Таким образом, во втором случае, исходя из буквального толкования позиции Горегляда, обществу не причиняется урон, тогда как Нейман в любом проявлении преступления, независимо от потерпевшего, видел посягательство на интересы общества в целом, а не отдельно взятого человека²¹.

Такое понимание общественной опасности соответствовало сущности диаметрально противоположного состояния общества — его безопасности, которое в то время характеризовалось как состояние, когда «цари царствуют, а законодатели судят правду, по намерению создателя и к славе премудрейшего и вечного Законодателя, что к благополучию лучше служит такое учреждение общежития, где Государю достоудное воздается почтение и его повеления исполняются, внутренние и внешняя тишина хранится и защищается, в котором каждые дела правосудными и премудрыми законами к всеобщему благу управляются, к общей пользе»²².

Надо заметить, что задолго до указанных авторов Штрубе де Пирмонт общественную опасность преступления видел в том, что «зло, рождающееся от неправды, гораздо вредительнее обществу, нежели война наикровопролитнейшая. Сия уподобляется свирепому огню, в скорости распространяющемуся, которой утушить всякой старается: а тому продолжительному яду, почти нечувствительно вредящему, к которого искоренению весьма немногие в состоянии принести довольные способы»²³. Автор, пусть несколько и своеобразно, от-

разил материальный признак преступления — зло, причиняемое обществу; иными словами, опасность деяния он видел в том вреде, который причиняется не конкретному лицу, а всему населению государства.

Признание Нейманом наказания злом противоречит философской и теологической²⁴ его оценке²⁵. Так, еще Платон указывал: «Дело в том, что по закону ни одно наказание не имеет в виду причинить зло. Нет, наказание производит одно из двух действий: оно делает наказуемого либо лучшим, либо менее испорченным <...> Вообще никто никогда не должен оставаться безнаказанным за какой бы то ни был проступок...»²⁶.

Как и другие криминалисты первой половины XIX в., Нейман понятием уголовного права объединял уголовное право в собственном смысле слова (законы о преступлениях и наказаниях) и устав уголовного судопроизводства, определяющий порядок наложения наказания за совершенное деяние (сказалось влияние немецкой школы уголовного права; взгляд на процессуальную науку как практическую часть уголовного законодательства защищался многими немецкими криминалистами, в частности К.А. Титманом). Вслед за Г. Яценковым и Якобом²⁷ он выделял общую и особенную части уголовного права: первая охватывает положения о преступлении и наказании как таковых, вторая содержит перечень, описание и наказуемость конкретных преступлений, хотя при этом замечал: «выражения сии сами по себе неясные и не введенные в другие языки просвещенных народов, кроме немецкого... излишние технические слова»²⁸.

Перед тем как перейти к собственно характеристике институтов общей части или, по Нейману, к начальным основаниям уголовного права, автор делает имеющую существенное значение

И переведенное на русский язык Семеном Нарышкиным. С. 32.

²⁴ См. подр.: *Святитель Игнатий (Брянчанинов)*. Аскетические опыты. Чаша Христова. М., 2010; *Рагимов И.М.* Преступление и наказание в мировых религиях. СПб., 2024; *Савенков А.Н.* Первоосновы уголовного права: новое направление исследований // Государство и право. 2024. № 3; *Чучаев А.И.* Наказание оправдано, если... // Государство и право. 2024. № 11; и др.

²⁵ Эта позиция близка к утверждению Г. Гроция, который считал, что «наказание в общем значении слова есть перенесение зла, причиняемого за совершение злодеяния» (см.: *Гроций Г.* О праве войны и мира. М., 1956. С. 451; см. также: *Иван Грозный*. Соч. М., 2010. С. 12–14).

²⁶ *Платон*. Законы, или О законодательстве / пер. С. Шейман-Топштейн. М., 2020. Кн. IX. С. 853.

²⁷ См.: *Чучаев А.И.* Разработка уголовного законодательства в XVIII — первой четверти XIX века: борьба за самобытность русского права.

²⁸ *Нейман И.* Указ. соч. С. 8.

²¹ В современной уголовно-правовой литературе это обстоятельство образно и убедительно обосновано В.С. Прохоровым. Критикуя позицию В.К. Глистина, противопоставлявшего общественные отношения и жизнь человека как объекта уголовно-правовой охраны, он пишет: «Если объект преступления — конкретный человек, он и только он противопоставит преступлению, ущерб равен утрате одной человеческой жизни. Если объект преступления — такой порядок отношений между людьми, который обеспечивает каждому его право жить, если убийство совершено, то “убит один из нас”» (см.: *Уголовное право России. Общая часть* / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 392).

²² Слово о начале и распространении положительных законов, и о неразрывном союзе философии с их учением, в публичном собрании Императорского Московского университета, бывшем для высокотожественного дня рождения ее императорского величества благочестивейшей великия государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской, говоренное профессором и университетской конференции секретарем Карлом Генрихом Ланге. М., 1766. С. 6.

²³ Слово о начале и переменах российских законов / В торжественное празднество тезоименитства ее императорского величества всемилостивейшей государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссийския в публичном собрании Санктпетербургской Императорской Академии наук, говоренное Федором Штрубом сентября 6 дня 1756 году;

оговорку. «Прежде изложения уголовных законов какого-нибудь народа весьма прилично изложить те главные начала, которые служат основанием уголовным законам вообще и должны быть приемлемы в уважение в каждом положительном праве <...> Изложение сих главных понятий и первоначальных положений, служащих основанием уголовному праву... будет предметом... исследования»²⁹. Однако дальнейший материал практически не связан с русским уголовным правом, многие положения последнего, по сути, в учебнике вообще не представлены.

Право наказания (*jus puniendi*) автор объясняет необходимостью охранять безопасность государства. В связи с этим наказание должно быть достаточным для предупреждения преступных деяний, т.е. соразмерным характеру и тяжести преступления³⁰. Но эта соразмерность недостижима, поскольку нельзя определить общую меру, исходя из которой можно назначить наказание таким образом, чтобы оно на всех людей имело равное воздействие. Однако именно соразмерность лежит в основе дифференциации воздействия на виновного, делении видов наказания на уголовные и полицейские. Позиция Неймана перекликается с мнением Монтескье, который отмечал: «Мудрый законодатель стал бы обращать людей на путь истины справедливою соразмерностью наказаний и наград, правилами философии, нравственности и религии, свойственными подобным характерам, благоразумным приспособлением законов чести, острасткою стыда, предоставлением свободы наслаждаться постоянным счастьем и тихим спокойствием»³¹.

И. Кант воспринимал соразмерность наказания в виде талиона. «Единственный принцип, — писал он, — это принцип равенства (в положении стрелки на весах справедливости), согласно которому суд склоняется в пользу одной стороны не более, чем в пользу другой. Итак, то зло, которое ты причиняешь кому-нибудь другому в народе, не заслужившего его, ты причиняешь и самому себе...»³².

Цель наказания Нейман сводит к превенции. Из ее характеристики нельзя сделать однозначный вывод: он ее ограничивал общим предупреждением

или включал в нее и специальное предупреждение нарушений безопасности в государстве.

Примерно также определял цели наказания Ч. Беккариа. «Цель наказания, — пишет он, — заключается только в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь нанести вред обществу и удерживать других от совершения того же. Поэтому следует употреблять только такие наказания, которые при сохранении соразмерности с преступлениями производили бы наиболее сильное и наиболее длительное впечатление на душу людей и были бы наименее мучительными для тела преступника»³³.

Для начала XIX в. прогрессивным представляется утверждение автора, согласно которому наказание должно определяться законом, а не быть предоставлено воле судьи. Хотя данное положение само по себе, как известно, было далеко не новым, но интересны рассуждения Неймана по этому поводу. Он, в частности, пишет: «Сопряжение наказаний с преступлениями есть дело законодателя, рассуждающего о соразмерности их по общим правилам. Судья, рассматривающий только частный случай, не может сообразоваться с положением всего общества и надобности народа. Есть ли наложение наказаний будет предоставлено воле его, то соразмерность оных необходимо уничтожится от того, что по разности во мнениях многих судей, на одинаковые преступления в одном и том же государстве могут налагаться весьма различные наказания»³⁴.

Это утверждение не исключает, выражаясь современным языком, судебское усмотрение при назначении наказания, его индивидуализацию с учетом конкретных обстоятельств совершенного преступления.

Наказание носит личный характер, не может назначаться в отношении лиц, не признанных виновными в совершении преступления.

Автор выделяет несколько родов наказания, исходя из их объекта: 1) лишение жизни — смертная казнь³⁵ или политическая смерть. Политическая смерть впервые была введена в России Петром I взамен смертной казни за политические преступления и ряд других деяний; таким образом, Нейман,

²⁹ Нейман И. Указ. соч. С. 8, 9.

³⁰ Гораций писал: «Нужно, чтобы правило было... полагалось возмездие равным вине, чтоб бичом не наказан был легкий проступок»; «Правило есть назначать наказание за равное равным, и кто достоин кнута, не наказывать страшною плетью» (см.: *Квинт Гораций Флакк*. Полн. собр. соч. / пер. под ред. и с прим. Ф.А. Петровского, вступ. ст. В.Я. Каплинского. М. — Л., 1936. С. 218).

³¹ Дух законов. Творение знаменитого французского писателя Де Монтескью / пер. Е. Корнева. СПб., 1862. Ч. 1. С. 155.

³² Кант И. Метафизика нравов. М., 1965. С. 257.

³³ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 69, 70.

О целях наказания в философии и доктрине уголовного права подробно см.: Чучаев А.И. Цели наказания: квадратура круга // Уголовное право. Общая часть. Наказание: в 10 т. Т. 1. Кн. 2 / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2021. С. 27–61.

³⁴ Нейман И. Указ. соч. С. 19, 20.

³⁵ См. подр.: Очерк истории смертной казни в России. Речь, читанная на годичном акте Императорского Казанского университета ордин. проф. Н.П. Загоскиным // Известия и ученые записки Казанского ун-та. 1892. № 1; Викторский С.И. История смертной казни в России и ее современное состояние. М., 1912.

как представитель исторической школы уголовного права, считал необходимым включить в систему наказаний указанный его вид; 2) лишение свободы³⁶; 3) телесные наказания³⁷. Передовые мыслители России уже задолго до работы Неймана выступали против этого вида наказания. Так, А.Н. Радищев писал: «Польза наказания телесного (по крайней мере для меня) проблема недоказанная. Оно цели своей достигает ужасом. Но ужас не есть спасение и действует лишь мгновенно»³⁸; 4) наказания, трагичающие честь виновного. Наиболее своеобразным видом этой группы наказаний являлся «шиворот навыворот»³⁹. На провинившегося натягивали вывернутую наизнанку одежду, сажали на захудалую лошаденку или корову лицом назад и возили по торговой площади или по городу под улюлюканье толпы. По сохранившимся историческим документам такое наказание царем Иваном Грозным было применено в отношении новгородского архиепископа Пимена; 5) денежные взыскания — лишение имущества или его части.

Законодательство, по мнению Неймана, должно содержать положения об освобождении от наказания (освобождение от уголовной ответственности в работе не упоминается). Дискутируя с другими криминалистами, он признает необоснованным применение в уголовном праве понятия «вменение», употреблявшегося применительно к обстоятельствам, по разным причинам не влекущим ответственности по уголовному законодательству, признавая его «техническим словом».

Уголовное законодательство должно содержать следующие виды освобождения от наказания: 1) за учиненные деяния, совершение которых не зависело от воли лица в связи с его «личным состоянием»: сумасшедшие или безумные; дети до определенного возраста; глухие и немые. Эти лица не в состоянии понимать связи, существующей между деянием и наказанием. По сути, в указанном случае речь должна идти об отсутствии надлежащего субъекта; по современному уголовному праву они не подлежат ответственности, а следовательно, их не от чего освобождать; 2) за деяние, совершенное в результате физического принуждения.

³⁶ См.: Дементьев С.И. Лишение свободы как мера уголовного наказания. Краснодар, 1977.

³⁷ Об истории данного наказания см.: Евреинов Н.Н. История телесных наказаний в России. СПб., 1913.

³⁸ Радищев А.Н. Проект для разделения Уложения Российского // Радищев А.Н. Полн. собр. соч.: в 3 т. Т. 3: Труды по юриспруденции, деловые бумаги, дневники и письма. М. — Л., 1954. С. 170.

³⁹ В словаре Н.М. Шанского значится, что раньше слово могло выглядеть как «шиВОворот». Один слог стал лишним и исчез благодаря гаплогонии — выпадению одного из двух одинаковых соседних слогов (см.: Школьный этимологический словарь / авт.-сост. Н.М. Шанский. М., 2004. С. 296).

К видам освобождения от наказания автор относит обстоятельства, исключющие преступность деяния: причинение вреда при самозащите (т.е. при необходимой обороне); крайней необходимости (кражи продуктов питания при голоде).

Уже тогда презюмировалось: незнание закона не освобождает от наказания.

Взгляды Неймана непоследовательны и достаточно противоречивы. Автор практически не рассматривает вопросы вины и ее видов, лишь вскользь упоминает неумышленные (т.е. неосторожные) проступления, происходящие в результате заблуждения или допущенной ошибки.

Интересными представляются рассуждения автора о стадиях совершения преступления. Формально он выделяет одну стадию — покушение, но при этом различает его степени. По его мнению, покушение на преступление бывает тогда, когда «преступление, кем-либо предпринятое, не совершенно исполнится»⁴⁰. К его степеням относятся: 1) действительное совершение деяния, направленного на нарушение безопасности, которое по различным причинам не повлекло последствий, предусмотренных виновным и, как правило, наступающих в таких ситуациях. По современному уголовному праву подобного рода действия образуют оконченное покушение; 2) начало совершения преступления; в этом случае, как представляется, речь идет о неоконченном покушении (невыполнении всех действий, необходимых для завершения преступления); 3) приготовление к совершению преступления (в настоящее время оно признается самостоятельной стадией).

В первой четверти XIX в. примерно таким же образом предварительная преступная деятельность характеризовалась и другими криминалистами. Так, Г.И. Солнцев выделял степени неоконченного преступления: покушение отдаленное (в этом случае фактически речь идет о приготовлении); покушение менее отдаленное (в современной трактовке — неоконченное покушение); самое ближайшее покушение (оконченное покушение)⁴¹.

Под соучастием в преступлении Нейман понимает «всякого рода вспомоществование при совершении преступления, учиненное с намерением. Те, которые своими деяниями помогают токмо совершению преступления, для различия от настоящих исполнителей оного, называются сообщниками»⁴². По сути, это определение отражает лишь

⁴⁰ Нейман И. Указ. соч. С. 60.

⁴¹ См.: Российское уголовное право, изложенное обоим прав доктором, Казанского университета бывшим ректором Гавриилом Солнцевым. Казань, 1820. С. 92.

⁴² Нейман И. Указ. соч. С. 65.

объективные контуры соучастия с общим указанием на его субъективный элемент (интенцию). Как уже указывалось, разработка института соучастия началась позднее. Например, в работе Г.И. Солнцева, не существенно отличающейся по времени издания от «учебной книги» Неймана, представлены скорее виды соучастников и частично формы соучастия без общего понятия института и тем более выделения его признаков⁴³.

Работа Неймана была воспринята критически. Так, Н.С. Таганцев отмечал: «Нейман... издал свои лекции под названием “Начальные основания уголовного права”, 1814, 74 страницы маленького формата, никакого отношения к русскому праву не имеющие»⁴⁴. Но, пожалуй, наиболее резко отзывался о ней Г.С. Фельдштейн, заявивший: «“Начальные основания”... были, по-видимому, школьным конспектом, не отражавшим совершенно материалов, им накопленных»⁴⁵.

Однако справедливости ради надо отметить: во-первых, Нейман излагал начальные основы уголовного права вообще, а не России⁴⁶; во-вторых, его взгляды во многом отражают состояние уголовно-правовой науки того времени, что наглядно явствует из их сопоставления с взглядами других криминалистов рассматриваемого периода.

В 1824 г. Нейман выработал план для описания истории русского права (остался в рукописи), а в 1830 г. издал работу “*Entwicklung des Russischen Rechts nach der ersten bis zur zweiten Prawda*”. С 1825 г. он готовил к печати обширный труд по истории русского права, однако в силу ряда причин (в первую очередь из-за состояния здоровья) ему не удалось завершить работу⁴⁷.

В Казанском университете, куда Нейман возвратился в 1814 г., он в основном сосредоточился на подготовке молодых ученых к профессорскому

званию, в частности его учениками стали Н.М. Алехин, Е.В. Врангель, Е.П. Манасеин.

Н.М. Алехин

Николай Михайлович Алехин — адъюнкт⁴⁸ правоведения. Родился в 1794 г., из дворян Казанской губернии. С 1804 г. воспитывался в Казанской гимназии, откуда в 1807 г. переведен студентом в Казанский университет⁴⁹, а в 1811 г. за отличные успехи в овладении юридических наук произведен в кандидаты.

В это время всю юриспруденцию в вузе представлял выпускник Геттингенского университета профессор «прав естественного, политического и народного» Г.Л. Бюнеман. Только в 1809 г. в Казани начали преподавать профессора Финке (также выпускник Геттингенского университета) и Нейман.

Во время учебы Алехина в университете еще не были сформированы факультеты, поэтому студенты, желавшие стать юристом, слушали курсы лекций по разным наукам, причем часть из которых была достаточно далека от юриспруденции. В его послужном списке, датированном 1815 г., значатся следующие изученные им предметы: философия, древности, латинская и немецкая словесность, всеобщая и российская история и география, статистика Российской Империи и прочих европейских государств, математика, физика, естественная история, права естественное, частное, государственное и народное, римское, общее уголовное, российское гражданское и уголовное. Кроме того, он самостоятельно изучил феодальное и каноническое право⁵⁰.

В 1812 г. после успешной сдачи экзамена Алехину присвоена степень магистра правоведения (без защиты диссертации). В представлении о присуждении степени магистра Финке указывает, что

⁴³ См.: Российское уголовное право, изложенное обоим прав доктором, Казанского университета бывшим ректором Гавриилом Солнцевым. С. 83, 84.

⁴⁴ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 21.

⁴⁵ Фельдштейн Г.С. Указ. соч. С. 350.

⁴⁶ Вероятно, это могло быть приметой времени. Например, в работе профессора МГУ С.И. Баршева «Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях» (М., 1841), долгое время бывшей единственным пособием по уголовному праву, учение о преступлении и наказании представлено отвлеченно, без обращения к российскому законодательству. Разработка собственно российского права в трудах русских ученых началась со второй половины XIX в.

⁴⁷ См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего, Дерптского университета за сто лет его существования (1802–1902). Т. 1 / под ред. Г.В. Левицкого. С. 585, 586.

⁴⁸ Адъюнкт — преподавательская должность, была введена первоначально в Московском университете по аналогии с практикой европейских университетов вне уставных положений. В штатную структуру университетов вошла по Университетскому уставу 1804 г. С 1835 г. для занятия должности адъюнкта требовалась ученая степень магистра. В 1863 г. должность упразднена, а вместо нее введена штатная должность доцента.

⁴⁹ В то время в Казани имела необычная комбинация учебных заведений: не гимназия состояла при университете, а университет при гимназии, полностью подчинявшийся гимназическому начальству. С 1805 до 1814 г. попечитель Казанского учебного округа С.Я. Разумовский перевел из гимназии в университет 33 человека, которые обучались у специально приглашенных профессоров-иностранцев (см. подр.: Кизеветтер А.А. Исторические очерки. Из истории политических идей. — Школа и просвещение. — Русский год в 18 в. — Из истории России 19 ст. М., 1912. С. 160).

⁵⁰ См.: Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904: в 3 т. Т. 2. Ч. 2 (1814–1819). Казань, 1903. С. 38.

Алехин «в высшей степени прилежный и знающий..., настолько успел заявить себя своими дарованиями и специальными познаниями, что по отношению к нему всякая дальнейшая рекомендация может считаться излишней»⁵¹.

Начиная с 1814 г. под руководством Неймана готовился к профессорскому званию. Его просьба о направлении на стажировку в европейский университет (1814 г.) была отклонена, но на следующий год распоряжением министра переведен в Санкт-Петербургский университет «для дальнейших занятий правоведением». В 1817 г. возвращен в Казань.

Будучи адъюнктом Казанского университета, преподавал институции Юстиниана в сравнении с французским уложением. С 1817 г. являлся секретарем нравственно-политического отделения университета. В начале 1819 г. представлялся к званию ординарного профессора, но кандидатура была отклонена (по некоторым сведениям, этого не произошло из-за смерти соискателя). В 1818 г. вместо Манасеина читал курс лекций по естественному праву.

Умер на работе в 1819 г., всего 25 лет и 3 месяцев от роду; похоронен в церковной ограде с. Аркатово Лаишевского уезда (Лаишевского района Республики Татарстан)⁵².

Естественно, его научное наследие невелико. Во время подготовки магистерской диссертации Алехин составил собственные курсы прав римского, гражданского и уголовного. Такое направление научных занятий Нейман объяснял тем, что «достойным звания профессора может похвастаться не тот, кто выучил токмо преподаваемые другие мысли, но кто сам в состоянии их сравнивать, излагать кратко и ясно и содействовать к усовершенствованию науки»⁵³.

Будучи переведенным в Санкт-Петербургский университет «для усовершенствования себя в науках и для окончания начатых под руководством профессора Неймана учебных книг», Алехин до возвращения в Казань в 1816 г. «изложил римское гражданское право, частью для того, чтобы

удержать в памяти читанное им, частью для того, чтобы руководствоваться сим систематическим начертанием при преподаваниях, когда оные на него возложены»; в 1817 г. изучал историю римского права и осуществил перевод первой книги Институций Юстиниана⁵⁴.

Е.П. Манасеин

Елпидифор⁵⁵ Петрович Манасеин — адъюнкт правоведения. Его биография в годы становления как ученого во многом совпадает с биографией Алехина. Правда, он на год моложе своего коллеги, родился в 1775 г. в Казанской губернии. Имеет дворянское происхождение. Его отец, Петр Андреевич, был предводителем Лаишевского уездного дворянства. С 1802 г. учился в Казанской гимназии, в 1807 г., несмотря на разницу в возрасте, одновременно с Алехиным переведен в Казанский университет. В 1811 г. удостоен степени кандидата, вместе с ним занимался изучением права под руководством профессора Финке, а после его кончины — Неймана.

Диссертацию на магистерскую степень Манасеин представил на два с половиной года позже, чем Алехин⁵⁶. В связи с этим проходил процедуру защиты, закрепленную в Университетском уставе 1804 г., предусматривавшую чтение публичной лекции и публичную защиту на латинском языке отпечатанных тезисов к диссертации (диссертация не сохранилась⁵⁷).

По тем же причинам, что и Алехин, Манасеин был направлен в Петербург, но в отличие от него специализировался не по уголовному, а естественному праву. Согласно его отчетам, перевел на русский естественное право Г. Гроция, систему европейского народного права Заальфельда и подготовил материал для собственного курса естественного права. В 1817 г., еще во время пребывания в Петербурге, министром утвержден в звании адъюкта правоведения (вероятно, в немалой степени это стало возможно из-за представления попечителя учебного округа Салтыкова и лестной рекомендации Неймана).

Манасеин вернулся в Казань раньше, чем Алехин (в феврале 1817 г.). Как указывает Н.П. Загоскин, со «следующего же учебного года открыл курс философии положительного права, по Гуго,

⁵¹ Цит. по: Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 39, 40.

⁵² Профессор красноречия, стиховорства и языка российский Казанского университета Г.Н. Гордочанинов почтил память Алехина стихотворением, в котором, в частности, говорится:

*«Цветок лишь распустился
И разлил аромат,
Как вдруг его лишился
Муз наших ветроград...
Ты рано, странник света,
Твой посох положил:
Еще и половины
Пути не совершил...».*

⁵³ Цит. по: Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 41.

⁵⁴ См.: там же.

⁵⁵ Непривычное для русского слуха имя греческого происхождения означает «приносящий надежду».

⁵⁶ Кстати, диссертацию он защищал в одно время с защитой докторской диссертации Г.С. Солнцевым, впоследствии ставшим ректором Казанского университета.

⁵⁷ См.: там же. С. 44.

и европейского народного права, по Заальфельду, с дополнениями из Гюнтера и Мартенса... Манасеин и Алехин были первыми преподавателями, читавшими лекции на русском языке»⁵⁸.

В Казанском университете Манасеин проработал всего один год. По решению совета университета 1818 г. был командирован в «звании визитатора»⁵⁹ в симбирскую, саратовскую, астраханскую и кавказскую (кавказские области относились к Казанскому учебному округу) губернии. На него возлагалось решение сложной и важной задачи — совершенствование деятельности существующих и открытие новых учебных заведений. «Увольнение Манасеина из ученой службы университета, с назначением директором училищ кавказской губернии, последовало... в 1821 г. <...> В августе того же года попечитель Казанского учебного округа Магницкий делал попытку привлечь Манасеина снова в Казанский университет, для замещения кафедры отстраненного от преподавания профессора Солнцева; Манасеин, знавший порядки, введенные новым попечителем в Казанском университете и условия службы под его суровою эгидою, наотрез отказался от предложенной ему чести, сославшись на расстроенное здоровье»⁶⁰.

Директором училищ Манасеин проработал шесть лет, в 1827 г. был переведен управляющим Саратовской удельной конторой, которую возглавлял до кончины в 1833 г.

Командировка молодого ученого, по сути, прервала его научную деятельность. Все им написанное ограничивается магистерской диссертацией и материалами, подготовленными в Петербурге. Загруженный административно-организационной работой, он отошел от науки. В его «лице Казанский университет также (т.е. как и в случае с Алехиным. — *Авт.*) потерпел неудачу в деле создания профессора-юриста из своих собственных питомцев»⁶¹. Как отмечает Г.С. Фельдштейн, гораздо плодотворнее была научная деятельность профессора Врангеля, не только разделявшего взгляды Неймана, но и обогатившего историческую школу уголовного права⁶².

Е.В. Врангель

Барон Евгений Васильевич Врангель — профессор правоведения. Представитель знатной рыцарской династии, родился в 1775 г. в г. Мейдель Эстляндской

губернии. Юридическое образование получил в Иенском, Виттенбергском и Вюрцбургском университетах. С 1806 г. работал в Комиссии составления законов, где познакомился с Нейманом. В 1809 г. по ходатайству последнего был назначен адъюнктом правоведения Казанского университета, читал два курса: российских гражданских законов («по своим тетрадам») и уголовных законов («по начертанию профессора Неймана»). Помимо уголовного права преподавал историю права. «Подобно своему бывшему принципалу, Нейману, — говорится в Биографическом словаре Казанского университета, — Врангель исходил из той основной точки зрения, что исторический метод⁶³ — является единственно целесообразным в деле создания теории права, вообще, и русского права, в частности»⁶⁴.

В 1811 г. назначен экстраординарным профессором правоведения, а в 1815 г. избран ординарным профессором. В течение трех неполных месяцев возглавлял нравственно-политическое отделение. В разные годы был секретарем совета и синдиком университета. В 1819 г. его, как и некоторых других профессоров, уволили из Казанского университета после ревизии вуза, проведенной попечителем Казанского учебного округа М.Л. Магницким⁶⁵.

Из Казани Врангель переехал в Санкт-Петербург, став профессором императорского Царскосельского лицея. «С прибытием в Петербург, Врангель зачислен был чиновником особых поручений при комиссии составления законов, где и состоял до переименования ее во II отделение (1826). Службу в лицее он продолжал до 1837 года — времени выхода своего в отставку. При нем последовала конфискация сочинения Куницына, и преподавание естественного права было прекращено до конца 1822 года, в который, по распоряжению директора Пажеского и кадетского корпусов, предписано Врангелю вновь приступить к преподаванию, руководствуясь в изложении “общими указаниями о преподавании наук и целью

⁶³ Как представляется, допущено смешение исторического метода с исторической школой. Об их различии см.: Чуцаев А. И., Агузаров Т. К. Исторический метод и историческая школа уголовного права // Вестник Орловского гос. ун-та. Сер.: Новые гуманитарные исследования. 2009. № 4(8). С. 13.

⁶⁴ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета за сто лет (1804—1904): в 2 ч. / под ред. Н.П. Загоскина. Ч. 2. С. 16.

⁶⁵ См.: там же. С. 15, 16.

В очерке о Е.В. Врангеле отмечается, что «вступив в брак с дочерью почтенного своего сослуживца, заслуженного профессора Казанского университета Яковкина, он думал в ученых занятиях, наслаждаясь семейным счастьем, провести жизнь мирно и безмятежно; но судьба и люди решили иначе: зависть, клевета и неблагодарность заставили этого почтенного, доброго человека, после девяти лет неусыпной деятельности и тяжких трудов, оставить, против воли, Казань и переселиться ... в Петербург» (см.: Б-ий. Воспоминания о бароне Егоре Васильевиче Врангеле // Отечественные записки. 1822. Т. 22. С. 55).

⁵⁸ Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 45.

⁵⁹ До революции визитатор являлся инспектором средних и низших учебных заведений.

⁶⁰ Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 46.

⁶¹ Там же. С. 44.

⁶² См.: Фельдштейн Г.С. Указ. соч. С. 350.

образования юношества в общественных училищах, как сие исполняется в прочих корпусах и учебных заведениях»⁶⁶.

Врангель в лицее вел: в 3 классе — римское право, историю российского законодательства, политическую экономию; в 4 классе — российское гражданское право, российское уголовное право, судопроизводство, судоустройство и делопроизводство.

«В основание своего курса уголовного права в Александровском лицее, — как отмечает Г.С. Фельдштейн, — Е. Врангель полагал программу, почти совершенно совпадающую с той, которая в свое время была предложена в Казани И. Нейманом»⁶⁷.

В лицее он проработал 17 лет. В это время был членом хозяйственного правления, членом комитета по рассмотрению учебных книг, используемых в кадетских корпусах, выполнял другие поручения⁶⁸.

Параллельно с преподаванием в лицее он вел занятия в Педагогическом институте, в составе которого имелся философско-юридический факультет (просуществовал до 1848 г.).

Работы по систематизации российского законодательства вновь актуализировали проблему юридических кадров в России, способных как к правотворческой, так и правоприменительной деятельности. В связи с этим по инициативе племянника царя принца Петра Ольденбургского, при участии М.М. Сперанского, было основано Императорское училище правоведения. Директором был назначен полковник, действительный статский советник С.А. Пошман, до этого исполнявший обязанности обер-прокурора Второго департамента Сената, а Врангель, учитывая его авторитет ученого и педагога⁶⁹, — инспектором училища⁷⁰.

В Императорский Санкт-Петербургский университет Врангель был приглашен в 1832 г. вместо уволенного проф. С.Г. Боголюбова⁷¹. В помощники

ему определили кандидата университета Палибина, за год до этого кончившего обучение; на него возложили чтение законов о состоянии; адъюнкта Рождественского, ранее преподававшего философию, которому было поручено ведение занятий по действующему гражданскому праву. Сам же Врангель читал лекции по истории русского права, действующему уголовному праву, гражданскому и уголовному судопроизводству⁷².

Вместе с М.М. Сперанским преподавал юридические науки наследнику цесаревичу Александру Николаевичу (Александру II).

Как уже говорилось, научное наследие Врангеля более обширно, чем других учеников Неймана по Казанскому университету. Причем все его основные исследования относятся к казанскому периоду работы: История уголовного права (1811); Теория судопроизводства Российской империи (1815); О супружестве (без даты); Рукописный курс лекций (без даты).

Научные взгляды Врангеля сводились к тому, что единственное, истинное основание уголовного права — это история. Следовательно, изучение уголовного права должно быть основано на исторических исследованиях. По утверждению ряда источников, он первым стал читать лекции об основаниях русского права. В лекции по уголовному праву и судопроизводству вошли многочисленные памятники русского законодательства, которые он изучал и систематизировал на протяжении всей педагогической и научной деятельности. «Вся ученая его деятельность, его устные лекции, оставленные им записки об истории русского права, о государственном гражданском и уголовном правах, служат тому самым верным и сильным доказательством: философская часть его лекций ограничивается весьма немногими, но ясными и определятельными понятиями обоснованиях гражданского устройства. Вообще, барон Е. Врангель принадлежит к числу ревностнейших последователей историко-юридической школы в России»⁷³. Вероятно, на его взгляды оказало влияние работа в Комиссии составления законов, которая ориентировалась на национальную самобытность русского права вообще и уголовного права в частности.

преподавателем после пробной лекции. Но по просьбе попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Д.П. Рунича был сразу назначен ординарным профессором русского гражданского и уголовного права и судопроизводства (см.: Биографика СПбГУ).

⁷² См.: Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования: историческая записка, составленная по поручению совета университета ординарным профессором по кафедре истории Востока В.В. Григорьевым. СПб., 1870. С. 89.

⁷³ Б-ий. Указ. соч. С. 55.

⁶⁶ Селезнев Н. Исторический очерк императорского бывшего Царскосельского ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие, с 1811 по 1861 год. СПб., 1861. С. 128, 129.

⁶⁷ Фельдштейн Г.С. Указ соч. С. 351.

⁶⁸ См.: там же. С. 129, 130.

⁶⁹ Один из выпускников Училища вспоминает: «Мы любили его..., вся личность его располагала нас открывать перед ним душу, не таить от него наших мыслей и желаний; он душевно радовался каждому даже малейшему успеху...» (см.: Б-ий. Указ. соч. С. 56).

⁷⁰ См. подр.: Ко дню LXXXV юбилея Училища правоведения. 1835—1910: исторический очерк / сост. Г. Сюзор. СПб., 1910.

⁷¹ Боголюбов Семен Гаврилович (1792—1842) — работал в Комиссии составления законов, одновременно с этим вел занятия по русскому законоведению в Санкт-Петербургском университете. В 1824 г. обратился с ходатайством о приеме на работу в университет. Изучив рукописные труды Боголюбова, совет вуза пришел к заключению, что он может быть зачислен в штат

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баршев С.И.* Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях. М., 1841.
2. *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 69, 70.
3. *Б-ий.* Воспоминания о бароне Егоре Васильевиче Врангеле // Отечественные записки. 1822. Т. 22. С. 55, 56.
4. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета за сто лет (1804–1904): в 2 ч. / под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 2. С. 15, 16, 52.
5. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802–1902): в 2 т. Т. 1 / под ред. Г.В. Левицкого. Юрьев, 1902. С. 558, 585, 586.
6. *Васильев Иларион.* Историческое обозрение древнего русского законодательства // Вестник Европы. 1822. № 7.
7. *Васильев И.В.* Рассуждение о законах Государства Российского, изданных от основания оного до нынешних времен, с показанием причин периодической оных перемены и постепенной образованности, в какой они ныне. М., 1823.
8. *Викторский С.И.* История смертной казни в России и ее современное состояние. М., 1912.
9. *Горегляд О.* Опыт начертания русского уголовного права, часть 1. О преступлениях и наказаниях вообще. СПб., 1815. С. 1.
10. *Грачева Ю.В., Чуцаев А.И.* Первый учебник уголовного права (к 200-летию учебника Осипа Горегляда «Опыт начертания русского уголовного права») // Lex russica. 2015. № 3 (т. С). С. 112.
11. *Гроций Г.* О праве войны и мира. М., 1956. С. 451.
12. *Дементьев С.И.* Лишение свободы как мера уголовного наказания. Краснодар, 1977.
13. Дух законов. Творение знаменитого французского писателя Де Монтескю / пер. Е. Корнева. СПб., 1862. Ч. 1. С. 155.
14. *Евреинов Н.Н.* История телесных наказаний в России. СПб., 1913.
15. *Епифанова Е.В.* «Общественная опасность» как признак преступления в доктринах русского уголовного права XVII–XIX вв. // Юрид. наука. 2011. № 3. С. 28.
16. *Жиряев А.С.* О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт, 1850.
17. *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904: в 3 т. Т. 2. Ч. 2 (1814–1819). Казань, 1903. С. 38–41, 44–46.
18. *Иван Грозный.* Соч. М., 2010. С. 12–14.
19. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования: историческая записка, составленная по поручению совета университета ординарным профессором по кафедре истории Востока В.В. Григорьевым. СПб., 1870. С. 89.
20. *Кант И.* Метафизика нравов. М., 1965. С. 257.
21. *Кареев Н.И.* Два взгляда на процесс правообразования // Русский вестник. 1889. № 11.
22. *Квинт Горацій Флакк.* Полн. собр. соч. / пер. под ред. и с прим. Ф.А. Петровского, вступ. ст. В.Я. Каплинского. М. – Л., 1936. С. 218.
23. *Кениг И.И.* Савиньи и его отношение к современной юриспруденции // Русский вестник. 1863. Т. 44.
24. *Кизеветтер А.А.* Исторические очерки. Из истории политических идей. – Школа и просвещение. – Русский год в 18 в. – Из истории России 19 ст. М., 1912. С. 160.
25. К 100-летию юбилея Училища правоведения. 1835–1910: исторический очерк / сост. Г. Сюзор. СПб., 1910.
26. *Муромцев С.А.* Образование права по учениям немецкой юриспруденции. М., 1886.
27. *Нейман И.* Начальные основания уголовного права. СПб., 1814. С. 2, 4–9, 19, 20, 60, 65.
28. *Новгородцев П.И.* Немецкая историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики школы Савиньи в их последовательном развитии. М., 1896.
29. Новейшее руководство к познанию русских законов, изданное для воспитанников Московского коммерческого училища Иларионом Васильевым, магистром нравственных и политических наук: в 2 ч. М., 1826–1827.
30. Очерк истории смертной казни в России. Речь, читанная на годовичном акте Императорского Казанского университета ордин. проф. Н.П. Загоскиным // Известия и ученые записки Казанского ун-та. 1892. № 1.
31. *Петухов Е.В.* Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902): исторический очерк. Т. 1: Первый и второй периоды (1802–1865). Юрьев, 1902. С. 238, 240.
32. *Платон.* Законы, или О законодательстве / пер. С. Шейман-Топштейн. М., 2020. Кн. IX. С. 853.
33. *Рагимов И.М.* Преступление и наказание в мировых религиях. СПб., 2024.
34. *Радищев А.Н.* Проект для разделения Уложения Российского // Радищев А.Н. Полн. собр. соч.: в 3 т. Т. 3: Труды по юриспруденции, деловые бумаги, дневники и письма. М. – Л., 1954. С. 170.
35. Русское уголовное право, изложенное обоим прав доктором, Казанского университета бывшим ректором Гавриилом Солнцевым. Казань, 1820. С. 83, 84, 92.
36. *Савенков А.Н.* Первоосновы уголовного права: новое направление исследований // Государство и право. 2024. № 3.
37. *Святитель Игнатий (Брянчанинов).* Аскетические опыты. Чаша Христова. М., 2010.
38. *Селезнев Н.* Исторический очерк императорского бывшего Царскосельского ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие, с 1811 по 1861 год. СПб., 1861. С. 128, 129.
39. Слово о начале и переменах русских законов / В торжественное празднество тезоименитства ее императорского величества всемилостивейшей государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссийския в публичном собрании Санктпетбургской Императорской Академии наук, говоренное Федором Штрубом

- сентября 6 дня 1756 году.; И переведенное на российской язык Семеном Нарышкиным. СПб., 1756. С. 32.
40. Слово о начале и распространении положительных законов, и о неразрывном союзе философии с их учением, в публичном собрании Императорского Московского университета, бывшем для высокопразднственного дня рождения ее императорского величества благочестивейших великих государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской, говоренное профессором и университетской конференции секретарем Карлом Генрихом Ланге. М., 1766. С. 6.
41. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 21.
42. Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX: очерки жизни и творчества: в 2 т. М., 2007. Т. 1. С. 249, 254.
43. Уголовное право России. Общая часть / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 392.
44. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003. С. 129, 130, 345, 348–351.
45. Чучаев А.И. Наказание оправдано, если... // Государство и право. 2024. № 11.
46. Чучаев А.И. Разработка уголовного законодательства в XVIII – первой четверти XIX века: борьба за самобытность русского права // Государство и право. 2024. № 11.
47. Чучаев А.И. Цели наказания: квадратура круга // Уголовное право. Общая часть. Наказание: в 10 т. Т. 1. Кн. 2 / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2021. С. 27–61.
48. Чучаев А.И., Агузаров Т.К. Исторический метод и историческая школа уголовного права // Вестник Орловского гос. ун-та. Сер.: Новые гуманитарные исследования. 2009. № 4 (8). С. 13.
49. Школьный этимологический словарь / авт.-сост. Н.М. Шанский. М., 2004. С. 296.
8. *Viktorsky S.I.* The history of the death penalty in Russia and its current state. M., 1912 (in Russ.).
9. *Goreglyad O.* The experience of the Russian Criminal Law. Part 1. On crimes and punishments in general. St. Petersburg, 1815. P. 1 (in Russ.).
10. *Gracheva Yu. V., Chuchayev A.I.* The first textbook of criminal law (on the 200th anniversary of Osip Goreglyad's textbook "The experience of writing Russian Criminal Law") // Lex russica. 2015. No. 3 (vol. C). P. 112 (in Russ.).
11. *Grotius G.* On law war and peace. M., 1956. P. 451 (in Russ.).
12. *Dementiev S.I.* Deprivation of liberty as a measure of criminal punishment. Krasnodar, 1977 (in Russ.).
13. The spirit of the laws. The creation of the famous French writer De Montesquieu / transl. by E. Kornev. St. Petersburg, 1862. Part 1. P. 155 (in Russ.).
14. *Evreinov N.N.* The history of corporal punishment in Russia. St. Petersburg, 1913 (in Russ.).
15. *Epifanova E.V.* "Public danger" as a sign of crime in the doctrines of Russian Criminal Law XVII–XIX century // Legal science. 2011. No. 3. P. 28 (in Russ.).
16. *Zhiryaev A.S.* On the confluence of several criminals in the same crime. Dorpat, 1850 (in Russ.).
17. *Zagoskin N.P.* The history of the Imperial Kazan University for the first hundred years of its existence. 1804–1904: in 3 vols. Vol. 2. Part 2 (1814–1819). Kazan, 1903. Pp. 38–41, 44–46 (in Russ.).
18. *Ivan the Terrible.* Essays. M., 2010. Pp. 12–14 (in Russ.).
19. Imperial St. Petersburg University during the first fifty years of its existence: a historical note compiled on behalf of the University Council by Ordinary Professor at the Department of Oriental History V.V. Grigoriev. St. Petersburg, 1870. P. 89 (in Russ.).
20. *Kant I.* Metaphysics Morals. M., 1965. P. 257 (in Russ.).
21. *Kareev N.I.* Two views on the process of legal education // Russian Herald. 1889. No. 11 (in Russ.).
22. *Quintus Horace Flaccus.* Complete collection of works / transl. ed. and with the note of F.A. Petrovsky, intro. article by V. Ya. Kapinsky. M. – L., 1936. P. 218 (in Russ.).
23. *Koenig I.I.* Savigny and his attitude to modern jurisprudence // Russian Herald. 1863. Vol. 44 (in Russ.).
24. *Kiesewetter A.A.* Historical essays. From the history of political ideas. – School and education. – The Russian Year in the 18th century. – From the History of Russia, 19th century. M., 1912. P. 160 (in Russ.).
25. On the occasion of the LXXXV anniversary of the College of Law. 1835–1910: a historical essay / comp. G. Suzor. St. Petersburg, 1910 (in Russ.).
26. *Muromtsev S.A.* The education of law according to the teachings of German jurisprudence. M., 1886 (in Russ.).
27. *Neumann I.* The initial foundations of Criminal Law. St. Petersburg, 1814. Pp. 2, 4–9, 19, 20, 60, 65 (in Russ.).
28. *Novgorodtsev P.I.* The German historical school of Lawyers, its origin and fate. The experience of the characteristics of the Savigny school in their consistent development. M., 1896 (in Russ.).
29. The latest guide to the knowledge of Russian laws, published for pupils of the Moscow Commercial College by Hilarion

REFERENCES

1. *Barshev S.I.* General principles of theory and legislation on crimes and punishments. M., 1841 (in Russ.).
2. *Beccaria Ch.* On crimes and punishments. M., 1995. Pp. 69, 70 (in Russ.).
3. *B-y.* Memoirs of Baron Egor Vasilyevich Wrangel // Otechestvennyye zapiski. 1822. Vol. 22. Pp. 55, 56 (in Russ.).
4. Biographical dictionary of professors and teachers of the Imperial Kazan University for one hundred years (1804–1904): in 2 parts / ed. by N.P. Zagoskin. Kazan, 1904. Part 2. Pp. 15, 16, 52 (in Russ.).
5. Biographical dictionary of professors and teachers of the Imperial Yurievsky, former Dorpat University for one hundred years of its existence (1802–1902): in 2 vols. Vol. 1 / ed. by G.V. Levitsky. Yuriev, 1902. Pp. 558, 585, 586 (in Russ.).
6. *Vasiliev I.* Historical review of ancient Russian legislation // Herald of Europe. 1822. No. 7 (in Russ.).
7. *Vasiliev I.V.* A discussion on the laws of the Russian State, published from its foundation to the present, with an indication of the reasons for their periodic changes and gradual education, as they are now. M., 1823 (in Russ.).

- Vasiliev, Master of Moral and Political Sciences: in 2 parts. M., 1826–1827 (in Russ.).
30. An essay on the history of the death penalty in Russia. Speech delivered at the annual act of the Imperial Kazan University of the ordinary Professor N.P. Zagoskin // News and scientific notes of Kazan University. 1892. No. 1 (in Russ.).
 31. *Petukhov E.V.* Imperial Yurievsky, former Dorpat University for one hundred years of its existence (1802–1902): historical essay. Vol. 1: The first and second periods (1802–1865). Yuriev, 1902. Pp. 238, 240 (in Russ.).
 32. *Plato.* Laws, or On legislation / transl. by S. Sheiman-Topshtein. M., 2020. Book IX. P. 853 (in Russ.).
 33. *Ragimov I.M.* Crime and punishment in World religions. SPb., 2024 (in Russ.).
 34. *Radishchev A.N.* A project for the division of the Russian Code // Radishchev A.N. Complete collection of works: in 3 vols. Vol. 3: Works on jurisprudence, business papers, diaries and letters. M. – L., 1954. P. 170 (in Russ.).
 35. Russian Criminal Law, outlined by the Doctor of both rights, Former rector of Kazan State University, Gavriil Solntsev. Kazan, 1820. Pp. 83, 84, 92 (in Russ.).
 36. *Savenkov A.N.* The fundamentals of Criminal Law: a new direction of research // State and Law. 2024. No. 3 (in Russ.).
 37. *St. Ignatius (Bryanchaninov).* Ascetic experiences. The Chalice of Christ. M., 2010 (in Russ.).
 38. *Seleznev N.* Historical sketch of the Imperial former Tsarskoye Selo now Alexander Lyceum for its first fiftieth anniversary, from 1811 to 1861. St. Petersburg, 1861. Pp. 128, 129 (in Russ.).
 39. A word about the beginnings and changes of Russian laws / In the solemn celebration of the namesake of her Imperial Majesty the Most Gracious Empress Elizabeth Petrovna, Ruler of the All-Russian at the public meeting of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences, spoken by Fyodor Strub on September 6, 1756.; And translated into Russian by Semyon Naryshkin. St. Petersburg, 1756. P. 32 (in Russ.).
 40. A speech on the beginning and dissemination of positive laws, and on the inseparable union of philosophy with their teaching, in the public meeting of the Imperial Moscow University, which was for the highly solemn birthday of Her Imperial Majesty, the Most Pious Great Empress Catherine Alekseevna, autocrat of All Russia, spoken by Professor and Secretary of the University conference Karl Heinrich Lange. M., 1766. P. 6 (in Russ.).
 41. *Tagantsev N.S.* Russian Criminal Law. Lectures. General part: in 2 vols. M., 1994. Vol. 1. P. 21 (in Russ.).
 42. *Tomsinov V.A.* Russian jurists of the XVIII–XX: essays on life and creativity: in 2 vols. M., 2007. Vol. 1. Pp. 249, 254 (in Russ.).
 43. Criminal Law of Russia. General part / ed. by N.M. Kropachev, B.V. Volzhenkin, V.V. Orekhov. SPb., 2006. P. 392 (in Russ.).
 44. *Feldshtein G.S.* The main trends in the history of the science of Criminal Law in Russia. M., 2003. Pp. 129, 130, 345, 348–351 (in Russ.).
 45. *Chuchaev A.I.* Punishment is justified if... // State and Law. 2024. No. 11 (in Russ.).
 46. *Chuchaev A.I.* The development of criminal legislation in the XVIII – first quarter of the XIX century: the struggle for the identity of Russian law // State and Law. 2024. No. 11 (in Russ.).
 47. *Chuchaev A.I.* The purpose of punishment: squaring the circle // Criminal Law. The General part. Punishment: in 10 vols. Vol. 1. Book 2 / ed. by N.A. Lopashenko. M., 2021. Pp. 27–61 (in Russ.).
 48. *Chuchaev A.I., Aguzarov T.K.* The Historical method and the historical school of Criminal Law // Herald of the Orel State University. Ser.: New humanitarian studies. 2009. No. 4 (8). P. 13 (in Russ.).
 49. School etymological dictionary / author-comp. N.M. Shansky. M., 2004. P. 296 (in Russ.).

Сведения об авторах

МАЛИКОВ Сергей Владимирович —
доктор юридических наук,
заместитель директора Института государства
и права по научной работе
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ЧУЧАЕВ Александр Иванович —
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заведующий сектором уголовного права,
уголовного процесса и криминологии
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

MALIKOV Sergey V. —
Doctor of Law,
Deputy Director of the Institute of State
and Law for Scientific Work
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

CHUCHAEV Aleksandr I. —
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Head of the Sector of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminology,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 342

СОВРЕМЕННЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: МНОГОМЕРНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ (МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ)

© 2025 г. Н. В. Варламова*, Т. А. Васильева**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: varlam_n@list.ru*

***E-mail: tan-vas@mail.ru*

Поступила в редакцию 26.09.2024 г.

Аннотация. В статье представлен отчет о состоявшейся 19 июня 2024 г. в Институте государства и права Российской академии наук Международной научной конференции «Современный конституционализм: многомерность восприятия». В ее работе приняли участие представители ведущих научных учреждений и вузов Российской Федерации, а также исследователи из Беларуси, Узбекистана и Вьетнама. Они обсудили широкий круг проблем, с которыми сталкивается современный конституционализм, вынужденный реагировать на актуальные цивилизационные вызовы. Распространение конституционализма на новые сферы отношений и регионы мира приводит к появлению его новых интерпретаций. Предметом дискуссий было их соотношение с классическими представлениями о конституционализме и регулятивный потенциал.

Ключевые слова: конституционализм, философия конституционализма, экономический конституционализм, экологический конституционализм, социальный конституционализм, социетальный конституционализм, цифровой конституционализм, публичная власть, разделение властей, суверенитет.

Цитирование: Варламова Н.В., Васильева Т.А. Современный конституционализм: многомерность восприятия (Международная научная конференция) // Государство и право. 2025. № 1. С. 207–222.

DOI: 10.31857/S1026945225010184

MODERN CONSTITUTIONALISM: MULTIDIMENSIONALITY OF PERCEPTION (INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE)

© 2025 N. V. Varlamova*, T. A. Vasilieva**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Science, Moscow

*E-mail: varlam_n@list.ru

**E-mail: tan-vas@mail.ru

Received 26.09.2024

Abstract. The article presents a report on the International Scientific Conference “Modern constitutionalism: multidimensional of perception” held on June 19, 2024 at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Representatives of leading scientific institutions and universities of Russia, as well as researchers from Belarus, Uzbekistan and Vietnam took part in it. They discussed a wide range of problems faced by modern constitutionalism, which has to respond to current civilizational challenges. The spread of constitutionalism to new spheres of relations and regions of the world leads to the emergence of its new interpretations. The subject of discussion was their correlation with classical notions of constitutionalism and its regulatory potential.

Key words: constitutionalism, philosophy of constitutionalism, economic constitutionalism, ecological constitutionalism, social constitutionalism, societal constitutionalism, digital constitutionalism, public power, separation of powers, sovereignty.

For citation: Varlamova, N.V., Vasilieva, T.A. (2025). Modern constitutionalism: multidimensionality of perception (International Scientific Conference) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 207–222.

Современный этап развития конституционализма сопряжен с необходимостью реагировать на актуальные цивилизационные вызовы, ответом на которые становится его распространение на новые сферы отношений и регионы мира. Это приводит к появлению различных концепций неоконституционализма, отражающих многообразие его региональных и национальных практик (европейский, латиноамериканский, африканский, российский, немецкий, китайский и т.п. конституционализм); «выход» конституционализма за пределы национальных государств (глобальный, транснациональный, многоуровневый и т.п. конституционализм); его социальную направленность (трансформационный, социетальный, экологический и т.п. конституционализм); практико-ориентированный характер (функциональный, «живой», конструктивистский и т.п. конституционализм); разнообразие способов политической коммуникации в процессе осуществления публичной власти (мажоритарный, делиберативный, популистский и т.п. конституционализм); опосредование конституционными принципами экспансии новых технологий (цифровой, алгоритмический, когнитивный, нейро- и т.п. конституционализм).

Участники состоявшейся 19 июня 2024 г. в Институте государства и права Российской академии наук Международной научной конференции «Современный конституционализм: многомерность восприятия» обсудили интерпретации конституционализма, их соотношение с классическими представлениями и регулятивный потенциал. В работе конференции приняли участие более 50 ученых, представлявших ведущие научные учреждения и вузы России, а также исследователи из Беларуси, Узбекистана и Вьетнама.

Пленарное заседание открыл директор Института государства и права РАН, член-корр. РАН, д-р юрид. наук, проф. А.Н. Савенков. Он подчеркнул уникальность российского опыта становления и развития конституционализма и необходимость сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей, исторической преемственности и сложившегося государственного единства. Правовая основа этих задач государства и общества установлена в ч. 1–3 ст. 67¹ Конституции РФ.

На некоторых юридических и мировоззренческих аспектах современного конституционализма и особенно в их проявлениях в образовательном процессе остановился д-р юрид. наук, проф. Н.С. Бондарь (ИЗиСП при Правительстве РФ). По мнению докладчика, необходимо определить, сохраняет ли конституционализм как универсальная категория свои классические характеристики в условиях современных глобальных вызовов. В настоящее время актуален не только и не столько поиск новых моделей конституционализма (в том числе национального, социокультурного, аксиологического и т.п.), сколько выявление новых измерений конституционализма, обоснование новых механизмов его генерации, включая разработку нетрадиционных институтов конституционализма. Особая роль здесь принадлежит судебной практике как специфическому источнику права. Столь же актуальна проблема реальной (а не декларативной) конституционализации правовой сферы в единстве ее нормотворческих, правоприменительных, политических и мировоззренческих начал.

В концентрированном виде универсальная роль конституционализма проявляется в системе юридического образования. В этом плане заслуживает внимания опыт Южного федерального университета, где создана первая

в Российской Федерации кафедра конституционализма. Это знаменует изменение философско-мировоззренческих и методологических подходов к организации учебного процесса и преподаванию государствоведческих дисциплин, преодоление нормативистских традиций в обучении и переход к ценностно-поведенческой модели обучения теоретической и практической юриспруденции. Такой подход, базирующийся на реальной, а не декларативной конституционализации юридического образования, позволяет преодолеть узкоотраслевую модель подготовки юридических кадров, создает предпосылки для восстановления во многом утраченных в рамках Болонского процесса философско-мировоззренческих основ национальной системы юридического образования (признание безусловного приоритета фундаментальной подготовки, единство теории и практики, образования и воспитания юридических кадров).

В докладе д-ра юрид. наук, проф. М.Л. Энтина (МГИМО МИД России) акцентировалось внимание на том, что современное право превратилось в столь сложную регуляторную систему, что для ее понимания, исследования, преподавания стали использоваться методы вычленения отдельных блоков, секторов, элементов системы, произошла абсолютизация отраслевого деления права. Как следствие, возник все углубляющийся разрыв между субъективным восприятием права, будто бы состоящего из множества самостоятельно существующих и развивающихся отраслей, и объективно системным характером правового регулирования. Ключом к разрешению этого противоречия служит современный конституционализм. Однако он способен играть столь важную роль, только если позиционируется как обеспечивающий единство и цельность нормативного массива; устанавливающий ценностные параметры правовой системы, включая правовую культуру и правоприменение, и контролирующий приверженность данным ценностям; вводящий жесткую иерархию и соподчинение норм права, когда стержнем всей конструкции является верховенство конституционного права; закрепляющий принцип господства права в качестве обязывающего человека, социальные институты, бизнес, государственные структуры и общество в целом придерживаться задаваемых конституционным правом стандартов поведения.

Вместе с тем среда, в которой действуют субъекты внутреннего права, не ограничивается государственными рамками. По своей структуре она напоминает как минимум трехуровневую матрицу: государство «вложено» в свой субрегион, который, в свою очередь, «вложен» в регион и макрорегион, соответственно «вложенные» в глобализированный мир и совокупность мирохозяйственных связей. На каждом уровне действует свой столь же сложный регуляторный массив, и все они нуждаются в координации.

Как и в случае с национальным правом, организующей силой здесь выступают особые нормативные акты, связывающие правовое пространство в единое целое, дополняемые механизмами контроля разной степени жесткости. Такие акты должны отвечать, а в каких-то аспектах или даже полностью уже отвечают всем указанным выше требованиям, предъявляемым к конституционным актам. Однако, чтобы все они приобрели соответствующее качество, практика их применения и совершенствования должна идти по пути конституционализации правовых систем, в которые «вложен» национальный правовой порядок. Заданность и закономерность международной конституционализации предопределяется тем, что предотвращать дисфункцию многоуровневого регулирования можно только посредством снятия или, желательно, устранения противоречий между

нормами права различного уровня. Докладчик рассмотрел взаимосвязь между региональной и международной конституционализацией, ее различные формы, присущие им общие черты и особенности, а также проблемы обеспечения целостности и непротиворечивости многоуровневой правовой системы.

Основываясь на работах трех выдающихся представителей социальных наук XX в. — Г. Дж. Бермана, М. Ориу и М. Фуко, канд. юрид. наук, доц. И.П. Кененова (МГУ им. М.В. Ломоносова) обозначила основные проявления современного кризиса конституционализма и обуславливающие их факторы. Г. Дж. Берман в конце XX в. предупреждал о кризисе западной традиции права, «равного которому еще не было»¹. Ученый не видел оснований для оптимистичного сценария дальнейшего ее развития, поскольку разрушается «корневая система» права (забываются его религиозные основы, моральные ориентиры, оно становится все более прагматичным и политизированным, развивается презрение и цинизм по отношению к закону), мечта Запада о спасении мира через прогресс права уже не актуальна².

М. Ориу подчеркивал искусственный характер конституции как особого рода регулятора, иронично замечая, что это средство стабилизации правопорядка было «с изумительной находчивостью извлечено из самого писанного закона, от которого искусственным путем удалось получить те же гарантии, какие естественным образом даются институтами обычного права»³. Этот своего рода политико-юридический трюк удался, поскольку в западной традиции признавалась сакральная природа права⁴. Поэтому высокий авторитет принятого с особой торжественностью высшего закона (как если бы он был осящен давним обычаем)⁵ вполне согласовался с характерной для данной традиции идеей о присутствии в праве Божественного разума и справедливости.

М. Фуко указал на то, что созданный европейской научной мыслью «человек», свободный от рождения и обладающий естественными правами, — это всего лишь опутанный ограничениями «индивид»⁶.

Современный кризис конституционализма, являясь частью того кризиса права, о котором писал Г. Дж. Берман, имеет следующие проявления, одновременно выступающие и факторами, способствующими его драматичному развитию: системный, органический, трансцендентальный характер права сменился его хаотичностью, имитационностью, утилитарностью (так разрушается, десакрализуясь, идеологический элемент конституционализма); контроль государства и межгосударственных структур посредством права приобрел тотальный характер (в результате деградирует нормативный элемент конституционализма, обесцениваются его основные принципы и нормы посредством реформ, несоразмерно ограничивающих права человека, дея-

¹ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. М., 1994. С. 13.

² См.: там же. С. 13, 48, 54.

³ Ориу М. Основы публичного права / пер. с франц. Е. Пашуканиса и Н. Челяпова. М., 1929. С. 9.

⁴ «Запад возвышал Право. Сам Бог, по словам Эйке фон Репгау, и есть Право» (см.: Берман Г. Дж. Указ. соч. С. 13.)

⁵ См.: Ориу М. Указ. соч. С. 9.

⁶ Фуко М. Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году / пер. с франц. А. В. Шестакова. СПб., 2007. С. 74–77.

тельность средств массовой информации, независимость судебной власти, и, напротив, усиливающих влияние авторитарного, лидерского начала и мажоритаризма при осуществлении публичной власти); в правоприменительной практике, опосредующей третий — правореализационный элемент конституционализма, юридико-технические приемы заслонили нравственную составляющую этой деятельности, причем данная тенденция усиливается цифровизацией.

Поиск путей преодоления кризиса конституционализма предполагает реконструкцию трех упомянутых его элементов. В данном контексте можно выделить несколько подходов: выведение на первый план идеологического элемента конституционализма (развитие концепций «конституционной идентичности», «делиберативной демократии», «политического конституционализма», формирование новых базовых правил функционирования общества через религиозное обновление); гармонизация коллективизма и индивидуализма через укоренение в конституционных нормах концептов доверия и солидарности; практическое поддержание горизонтальных связей в отношениях по осуществлению публичной власти на всех уровнях (местном, региональном и общегосударственном); субъекты, преуспевшие в решении управленческих задач, по-видимому, будут способны сформировать такую базовую систему правил, которую общество примет и легитимизирует как пригодную для выполнения функций конституции. Причем данные правила по целям и содержанию могут заметно отличаться от либерального стандарта конституционализма, утвердившегося в конце XVIII — начале XXI в.

В последние десятилетия одним из наиболее динамично развивающихся направлений сравнительного конституционного права является конституционализация охраны окружающей среды, что ведет к формированию экологического конституционализма, подчеркнула д-р юрид. наук, доц. Т.А. Васильева (ИГП РАН). Экологические, климатические, энергетические кризисы, пандемия COVID-19 показали, насколько уязвимы люди и насколько их судьбы зависят от состояния экосистемы в целом. В рамках экологического конституционализма исследуются закрепление экологической политики и экологических прав на конституционном уровне и практика их реализации. Экологический конституционализм относительно молод (первые исследования появились в начале XXI в.), он развивается в рамках транснационального диалога, посредством обращения к зарубежному опыту конституционного регулирования и судебной практике⁷.

Положения об охране природы содержатся в конституциях трех четвертей государств — членов ООН⁸. Около половины национальных учредительных актов прямо или косвенно признают право на надлежащее состояние окружающей среды⁹, треть из них предусматривает процедур-

ные экологические права, включая право на информацию о состоянии окружающей среды, право на участие в решении вопросов, связанных с экологией, и доступ к правосудию по экологическим спорам¹⁰. В октябре 2021 г. Совет по правам человека признал право на безопасную, чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду в качестве права, которое необходимо для полного осуществления прав человека (Резолюция 48/13)¹¹.

Вопросы экологии приобретают статус важнейших конституционных приоритетов. Они затрагивают многие аспекты существования человека. Органы судебной власти в разных государствах признают наличие экологической составляющей при рассмотрении конституционных споров об обеспечении права на жизнь, на охрану здоровья, на уважение достоинства и т.д. Конституционные жалобы по вопросам, связанным с охраной окружающей среды, стали подаваться в интересах тех субъектов, которые не могут самостоятельно защитить свои права, — несовершеннолетних, будущих поколений, природных объектов. При рассмотрении таких споров органы судебной власти часто обращаются к международным правовым актам и зарубежной судебной практике.

Специфике социального конституционализма был посвящен доклад канд. юрид. наук, доц. Н.В. Колотовой (ИГП РАН). Современные конституции большинства государств содержат положения, направленные на защиту социальных прав. Часто они сформулированы в виде целей и принципов государственной социальной политики, положений программного характера, крайне общих абстрактных прав (например, право на достойную жизнь). Такие гибкие стандарты позволяют государствам постепенно выполнять принятые на себя социальные обязательства и допускают вариативность определения объемов предоставления социальных благ. Но даже конституционные положения общецелевого, программного характера при определенных условиях могут быть основанием для судебной защиты прав граждан в социальной сфере в контексте контроля за исполнением государством проистекающих из них обязательств¹². Если в конституциях перечисляются конкретные социальные права, то они рассматриваются как неотъемлемая часть всей системы прав человека и их защита осуществляется посредством обращения к общим конституционным принципам (запрет дискриминации, уважение человеческого достоинства) или гражданским (личным) правам (право на жизнь, на справедливое судебное разбирательство, на неприкосновенность частной жизни).

В конституциях также могут закрепляться обязанности законодателя установить минимальные социальные стандарты (минимальная заработная плата, прожиточный минимум или другие показатели), позволяющие определять гарантируемый уровень обеспечения социальными благами, для достижения которого человек может претендовать на помощь государства. Эти социальные стандарты являются более конкретными и определенными, и степень их защищенности

⁷ См.: *Daly E., Kotze L., May R.J.* Introduction to Environmental Constitutionalism // *New Frontiers in Environmental Constitutionalism*. Nairobi, 2017. P. 30.

⁸ См.: *Boyd D.R.* The Status of Constitutional Protection for the Environment in Other Nations. P. 2 // David Suzuki Foundation. Paper 4. URL: <https://david Suzuki.org/wp-content/uploads/2013/11/status-constitutional-protection-environment-other-nations.pdf> (дата обращения: 22.09.2024).

⁹ Чаше всего на конституционном уровне закрепляется право на качественную окружающую среду, которое может формулироваться как право на «адекватную», «чистую», «здоровую», «продуктивную», «гармоничную», «устойчивую» окружающую среду (см.: *May J.R., Daly E.* Six Trends in Global Environmental Constitutionalism. Pp. 2, 3 // SSRN. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3252636 (дата обращения: 22.09.2024)).

¹⁰ См.: *Daly E., Kotze L., May R.J.* Op. cit. Pp. 30, 31.

¹¹ См.: Организация Объединенных Наций. Совет по правам человека. 48-я сессия. 13 сентября — 8 октября 2021 г. Право человека на безопасную, чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду. 5 October 2021. A/HRC/48/L.23/Rev.1 // United Nations. Office of the High Commissioner for Human Rights. URL: https://ap.ohchr.org/documents/dpage_e.aspx?si=A/HRC/48/L.23/Rev.1 (дата обращения: 22.09.2024).

¹² См.: *Lucherini F.* The Constitutionalization of Social Rights in Italy, Germany, and Portugal: Legislative Discretion, Minimal Guarantees, and Distributive Integration // *German Law Journal*. 2024. Vol. 25. Iss. 2. P. 338.

сравнима с уровнем защиты индивидуальных гражданских прав (например, если законом предусмотрен конкретный вид социального обеспечения, то предоставление соответствующих выплат с нарушением установленных порядка и размера может быть приравнено к нарушению права собственности). Такие социальные стандарты являются основными гарантиями доступа нуждающихся к социальным услугам, помощи и выплатам, обеспечивающим им получение доходов не ниже минимального уровня, установленного в национальном законодательстве для отдельных категорий лиц¹³. В этой связи некоторые исследователи предлагают считать их «негативными социальными правами»¹⁴.

На проблеме суверенизации судебной власти остановился **канд. юрид. наук Н.С. Малютин (МГУ им. М.В. Ломоносова, ИСиЗП при Правительстве РФ)**. В контексте традиционного западноевропейского понимания конституционализма как режима, основанного на фундаментальных принципах демократии, народного представительства и верховенства права, сама постановка вопроса о суверенизации судебной власти, особенно популярная именно в странах Западной Европы, представляется несколько неожиданной. Основные аргументы сторонников расширения сферы судебской автономии сводятся к неспособности представительных органов — парламентов и избранных глав государств — осуществлять эффективное управление политическими процессами, оперативно реагировать на изменяющиеся отношения и своевременно адаптировать существующее правовое регулирование под новые реалии. В этой ситуации единственным возможным выходом считается переход к своего рода экспертократии, функционирующей в рамках «живого» конституционного права, когда судебные органы, лишённые фактически каких-либо правовых (и конституционных) ориентиров, но обеспеченные мощными конституционными гарантиями независимости и автономности от иных органов власти, начинают все более активно вторгаться в формирование правовой политики, наполняя новыми смыслами действующее правовое регулирование, выводя из него новые правила поведения. Не оспаривая саму возможность экстраординарного правотворчества судов, стоит оговорить, что это явление должно рассматриваться как нечто исключительное, применяемое в абсолютно необходимых ситуациях и в рамках существующих конституционных процедур.

Однако даже западные аналитики (Т. Исон¹⁵, Дж. Гриффит¹⁶ и др.) признают, что в погоне за сохранением собственной независимости судебная власть, формируя и активно продвигая концепт судебного суверенитета, фактически трансформируется в новый центр политического управления, что, с одной стороны, существенным образом выхолащивает сущность правосудия, в основе которого лежит идея справедливости, а с другой — размывает конституционную категорию суверенитета, прежде всего государственного, создавая фактически новый субъект, обладающий соответствующими характеристиками. Особенно серьезно данная проблема проявляется

на наднациональном уровне, где усиление региональных судебных учреждений может приводить к выхолащиванию идеи суверенитета как таковой, поскольку судебная инстанция, не будучи связанной национальной юрисдикцией, фактически приобретает монопольное право на определение политики как соответствующего регионального объединения, так и отдельных входящих в него национальных государств. Примером может служить практика Европейского Суда по правам человека и Суда ЕС.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. И.А. Дудко (РГУП)** рассматривалось влияние Конституционного Суда РФ на становление и эволюцию конституционализма в Российской Федерации. Два направления деятельности органа конституционной юстиции — защита прав и свобод человека и гражданина и балансировка системы разделения властей — влияют на развитие основных принципов конституционализма. В рамках первого направления следует отметить выдающиеся достижения Конституционного Суда РФ: внедрение в правовую систему Российской Федерации международных стандартов в области прав человека; развитие принципов взаимоотношения личности и государства, в том числе конкретизация содержания принципов равенства, поддержания доверия граждан к действиям государства, правовой определенности, которые стали основными критериями проверки конституционности нормативных правовых актов; толкование конкретных прав человека, включая расширение содержания и гарантий права на судебную защиту. В отношении второго направления практика Конституционного Суда РФ не столь однозначна. Можно выделить следующие аспекты: укрепление положения Президента в системе органов государственной власти; усиление централизации в федеративном устройстве России; расширение компетенции органа конституционной юстиции и усиление его влияния на другие органы власти; признание возможности существования «исключительных» правовых режимов.

Об особенностях системы сдержек и противовесов в Республике Беларусь рассказал **член-корр. Национальной академии наук Беларуси, д-р юрид. наук, проф. Г.А. Василевич (Белорусский государственный университет)**. В результате состоявшегося по инициативе Президента Беларуси А.Г. Лукашенко 27 февраля 2022 г. республиканского референдума о внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь были реформированы некоторые властные полномочия президента, парламента и правительства, учрежден новый орган народного представительства — Всебелорусское народное собрание, акты которого обладают большей юридической силой, чем акты президента, парламента или правительства в сфере обеспечения национальной безопасности.

Республика Беларусь по форме правления осталась президентской, однако теперь в определенной мере можно говорить о дуализме верховной власти. Всебелорусское народное собрание может выступать в роли дополнительного стабилизирующего фактора в условиях кризисной ситуации. Расширились полномочия парламента, в частности появилось требование о ежегодном информировании его о деятельности Генеральной прокуратуры, Комитета государственного контроля. Судьи Верховного и Конституционного судов, которые ранее назначались Президентом РБ, теперь избираются на заседании Всебелорусского народного собрания. В Беларуси указы Президента РБ, по сути, имеют подзаконный характер (они не должны противоречить законам), хотя и у Президента, и у парламента имеется свой круг предметов ведения. Однако предметом

¹³ См.: The ILO. Social Protection Floors Recommendation, 2012 (No. 202). Paras. 4, 5 // International Labour Organization. URL: https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO:12100:P12100_ILO_CODE:R202 (дата обращения: 23.09.2024).

¹⁴ *Fabre S.* Social Rights Under the Constitution: Government and Decent Life. Oxford, 2000. P. 7.

¹⁵ См.: *Ison T.G.* The Sovereignty of the Judiciary // *Adelaide Law Review*. 1985. Vol. 10. No. 1. Pp. 1–31.

¹⁶ См.: *Griffith J.A.G.* The Politics of the Judiciary. Manchester, 1977.

конституционной жалобы могут быть только законы. Некоторые сомнения вызывает соотношение конституционности и легитимности выборов, которые определяют соответственно Конституционный суд и Всебелорусское народное собрание. Очевидно, что практика реализации конституционных норм, их развитие в законодательных актах внесет определенную ясность.

Оценивая изменения и дополнения Конституции РБ в целом, можно утверждать, что произошла лишь ее модернизация, базовые конституционные ценности сохраняются. Совершенствованию подверглась только вертикальная структура системы сдержек и противовесов. На горизонтальном уровне существенных изменений не произошло: отношения между органами представительной и исполнительной власти остались прежними.

Проблеме религиозных пределов осуществления политических прав в исламских странах был посвящен доклад **д-ра юрид. наук, проф. Л.Р. Сюкияйнена (НИУ ВШЭ)**. Соотношение религиозных предписаний с юридически закрепленными правами человека в исламском мире отличается от практики стран, где реализуются стандарты неолберальной демократии. В мусульманских государствах религиозные нормы выступают не только элементом частной жизни, но и активно вторгаются в публичное пространство, предопределяя пределы прав и свобод человека, в том числе и политических. Показательным примером являются избирательные права женщин в арабских странах. По этому вопросу в исламской мысли сформировались различные позиции. В рамках одной из них данные права не признаются. Другая исходит из того, что женщина обладает всей полнотой избирательных прав, хотя и при условии соблюдения шариатских требований, предъявляемых к ее личному поведению. Третья позиция допускает предоставление женщинам активного избирательного права, но исключает возможность их избрания в состав представительных органов. Сторонники каждой из указанных позиций приводят в ее пользу шариатские аргументы, которые лежат в основе фетв, выносимых авторитетными центрами фикха — исламской науки о правилах внешне выраженного поведения людей. В настоящее время преобладает подход, допускающий предоставление женщинам избирательных прав при условии соблюдения ими шариатских требований в личном поведении (в частности, относительно правил ношения одежды, общения с посторонними мужчинами) и приоритетного исполнения ими обязанностей по отношению к своим семьям. Во многих арабских странах на данный подход ориентируется законодательство, которое отражает эволюцию современной исламской юриспруденции. Судебная практика, связанная с толкованием положений законодательства, которые ставят предоставление женщинам избирательных прав в зависимость от соблюдения шариатских требований, позволяет точнее определить соотношение между шариатом как сводом религиозных постулатов и исламским правом как юридическим явлением в его современном варианте.

Конференция продолжила работу в рамках двух секций. На **первой секции «Конституционализм: новые концепции»** были представлены доклады, посвященные политико-философскому осмыслению конституционализма и его интерпретациям.

Влияние на конституционализм современной политической философии проанализировал **канд. юрид. наук В.Е. Кондуров (СПбГУ)**. Э. Форстхофф в ходе дискуссии о ценностной природе основных прав среди прочих критических аргументов отметил, что конституционное право

под влиянием философии утрачивает самостоятельность, становится заложником смены философских парадигм¹⁷. Немецкий юрист имел в виду философию в целом. Однако это означает, что такой риск сопряжен с любой философской парадигмой (в том числе политической), особенно в условиях возникшей после эпохи модерна ситуации полидискурсивности и отсутствия метанарратива. Сегодня в философии наблюдается рост интереса к объектно-ориентированной онтологии, *weird studies*, «темной онтологии» и т.д.¹⁸ Нельзя сказать, что сторонники этих направлений не уделяют никакого внимания политике, социальной философии или праву, хотя эти темы и не составляют их непосредственный интерес. Последствия, к которым может привести некритический перенос на конституционное право структур мысли и понятий данных течений, — вопрос для специального исследования. Однако с учетом их принципиального отказа от исключительности человека (а значит и его прав и свобод) по крайней мере на уровне гипотезы можно предположить, что такие последствия вряд ли будут благотворны для конституционализма.

С чем-то подобным наука конституционного права уже сталкивалась, например в связи с возросшим на рубеже столетий влиянием критической теории¹⁹, которая вообще ставит право под вопрос и склонна рассматривать его в контексте взаимодействия властных групп, т.е. конституционное право здесь оказывается чистой политикой, столкновением элит, классов и т.д. Часто это выдается за объективное представление о реальности, где право — это лишь один из инструментов борьбы, аргументов в споре. С теоретической точки зрения такой подход влечет за собой принципиальный отказ от рассмотрения правовой реальности в угоду, например, реальности социальной или политической, которую изучают иные, пусть и смежные, науки. Право здесь утрачивает естественную для него автономию.

Несомненно, что стремление полностью исключить влияние политической философии на конституционное право (как на уровне доктрины, так и на уровне практики) дело в целом бесперспективное. Однако юриспруденция не должна быть заложницей смены парадигм, идеологем и трендов. Представляется, что догматический метод, образующий неизменное ядро правовой традиции, который выкристаллизовался в ходе ее тысячелетнего развития, будучи в целом невосприимчив к веяниям философской моды, мог бы при правильном его применении стать по крайней мере одним из инструментов сохранения конституционализма и автономии конституционно-правовой науки.

Доклад **канд. юрид. наук, доц. С.А. Денисова (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург)** был посвящен философии

¹⁷ См.: Forsthoft E. Die Umbildung des Verfassungsgesetzes // Festschrift für Carl Schmitt: zum 70. Geburtstag dargebracht von Freunden und Schülern / H. Barion, E. Forsthoft, W. Weber (Hrsg.). Berlin, 1994. S. 52.

¹⁸ См., напр.: Такер Ю. В пыли этой планеты // Такер Ю. Ужас философии: в 3 т. / пер. с англ. А. Иванова. Пермь, 2017. Т. 1. С. 102–104; Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / пер. с англ. М. Фетисова. М., 2021. С. 102–143.

¹⁹ Общий обзор соответствующих работ см., напр.: Сергеевич С.Л. Новые тенденции в развитии американской науки права: «движение критических правовых исследований» // Правоведение. 1990. № 5. С. 47–50; применительно к конституционному праву см.: Tushnet M. Critical Legal Studies and Constitutional Law: An Essay in Deconstruction // Stanford Law Review. 1984. Vol. 36. No. 1/2. P. 629; применительно к международному публичному праву см. работы М. Коскенниemi 1990–2000 гг., краткие итоги его исследований см.: Koskenniemi M. The Politics of International Law – 20 Years Later // The European Journal of International Law. Vol. 20. No. 1. Pp. 7–19.

конституционализма как новому направлению философии. Она позволяет увидеть конституционализм (его теорию и реализацию на практике) как часть общей картины мира, объединить знания о конституционализме, вырабатываемые различными науками — конституционным правом, конституционной экономикой, политологией, социологией, культурологией, психологией, антропологией — и представить его в динамике. В отличие от общей теории конституционализма философия конституционализма основана на методе дедукции. Опираясь на развитую идею конституционализма, она оценивает правопорядки отдельных народов и разделяет их на конституционные и доконституционные (неконституционные). Понимание сущности конституционализма позволяет отличить конституционный строй от многочисленных подделок под него с формальным использованием его атрибутов (конституции, выборов, парламента и т.п.). С точки зрения философии конституционализм рассматривается как результат цивилизационного развития. Отделившееся от государства гражданское общество пытается поставить под свой контроль государство (преодолеть его отчуждение). Личность, эмансипированная от общества и государства, требует считать ее права высшей ценностью. Появляется «человек конституционный». Опираясь на законы философии, мы видим нелинейность развития конституционализма, его борьбу со своими антиподами, имитацию его принципов и т.п.

Концепции глобального конституционализма посвятила доклад **канд. филол. наук, доц. А. К. Соболева (НИУ ВШЭ)**. Данное понятие вошло в научный оборот в 2010-х годах. В 2009 г. была опубликована статья А. Петерс «Достоинства глобального капитализма»²⁰, в 2014 г. — книга Г. Халмаи «Перспективы глобального конституционализма»²¹. А. Петерс под глобальным конституционализмом понимает академический и политический дискурс, который определяет и пропагандирует применение конституционных принципов в международно-правовой сфере с целью повышения эффективности и справедливости международного правопорядка²². Она утверждает, что глобальная конституционализация, вероятно, сможет компенсировать вызванные глобализацией конституционные проблемы на национальном уровне и конституционное «прочтение» международного права может стать герменевтическим средством, которое позволит и международному праву избавиться от дефицита легитимности²³. С тех пор ведется дискуссия о том, предполагает ли концепция глобального конституционализма проникновение конституционных принципов в международное право, либо, наоборот, она должна обосновывать рост влияния международного права на конституционное. Можно ли считать глобальный конституционализм попыткой распространить идеи конституционализма на сферу межгосударственных отношений? Насколько реальны перспективы появления глобального конституционного права, т.е. можно ли рассчитывать на то, что идеи прав человека и ограничения власти станут универсальными, а может быть, они уже таковыми стали и речь идет о «глобальной конституционализации»?

С 2012 г. выходит в свет журнал «Глобальный конституционализм», в котором обсуждается и сама концепция, и предметное поле исследований. В редакционной статье, опубликованной в первом номере, глобальный конституционализм определялся довольно широко: к нему относятся все, что связано с правами человека, демократией и верховенством права²⁴. Конституционализм понимается как идея, расположенная на пересечении права и политики, а в современную эпоху право и политика пересекаются не только на национальном, но и на глобальном уровне²⁵. Таким образом, понятие глобального конституционализма рассматривается как междисциплинарное направление исследований, а не как состояние глобального правопорядка или то, к чему неизбежно должна прийти или хотя бы стремиться мировая система.

Концепция социетального конституционализма, предложенная американским социологом Д. Сьюлли²⁶, как отметил **канд. юрид. наук, доц. Н. В. Варламова (ИГП РАН)**, стала откликом на формирование мощных национальных и транснациональных корпораций, деятельность которых сегодня затрагивает граждан и гражданское общество в целом не меньше, чем публично-властные полномочия государственных органов²⁷. Сторонники социетального конституционализма стремятся поставить пределы такой социальной власти не только посредством государственного регулирования (что применительно к транснациональным корпорациям часто оказывается невозможным), но и за счет самоорганизации и самоконституционализации различных социальных порядков и сфер отношений (экономики, экологии, культуры, здравоохранения и т.п.). Традиционный «государственный» конституционализм в данном случае выступает лишь в качестве базовой модели для процессов социетальной конституционализации, предлагая выработанные им инструменты ограничения власти — права человека, принципы верховенства права, демократии, разделения властей²⁸. Но каждая из социальных сфер способна к самоконституционализации без участия государства и на основе своих собственных принципов. Социетальный конституционализм утверждает множественность тем или иным образом институционализированных самостоятельных (относительно самостоятельных) социальных порядков и сетевой характер взаимоотношений между ними²⁹, что вступает в определенное противоречие с исходной идеей конституционализма как общего (единого, формально равного для всех) правопорядка, ограничивающего публичную власть.

²⁴ См.: *Weiner A., Lang Jr. A.F., Tully J. et al.* Global Constitutionalism: Human Rights, Democracy and the Rule of Law // *Global Constitutionalism*. 2012. Vol. 1. Iss. 1. Pp. 1–15.

²⁵ См.: *ibid.* P. 8.

²⁶ См.: *Sciulli D.* Voluntaristic Action as a Distinct Concept: Theoretical Foundations of Societal Constitutionalism // *American Sociological Review*. 1986. Vol. 51. No. 6. Pp. 743–766; *Sciulli D.* Theory of Societal Constitutionalism. Foundations of a Non-Marxist Critical Theory. Cambridge; New York, 1992.

²⁷ См.: *Sciulli D.* Corporate Power in Civil Society. An Application of Societal Constitutionalism. New York; London, 2001.

²⁸ См.: *Prandini R.* The Morphogenesis of Constitutionalism // *The Twilight of Constitutionalism?* / ed. by P. Dobner, M. Loughlin. Oxford, 2010. Pp. 311, 312; *Teubner G.* Societal Constitutionalism: Nine Variations on a Theme by David Sciulli // *Sociological Constitutionalism* / ed. by P. Blokker, Ch. Thornhill. Cambridge, 2017. Pp. 317–319.

²⁹ См.: *Teubner G.* Op. cit. P. 319–324.

²⁰ *Peters A.* The Merits of Global Constitutionalism // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2009. Vol. 6. Iss. 2. Pp. 397–411.

²¹ *Halmay G.* Perspectives of Global Constitutionalism. The Use of Foreign and International Law. The Hague, Portland. 2014.

²² См.: *Peters A.* Op. cit. P. 397.

²³ См.: *ibid.*

Попытки теоретиков социетального конституционализма обосновать возможность формирования единой глобальной конституции, способной интегрировать все многообразие социальных порядков, «безнадежно идеалистичны»³⁰. Более продуктивным является поиск механизмов согласования различных социальных порядков в рамках складывающегося конституционного плюрализма. В этих целях предлагается обращаться к инструментам и процедурам, апробированным в международном частном праве, а также в процессе взаимодействия национальных судов и наднациональных и международных судебных и квазисудебных органов³¹. Однако при этом постулируется, что своеобразная метаконституция, формируемая за счет разнообразных механизмов согласования, взаимного признания и взаимоадаптации различных социальных порядков, не должна навязывать никаких субстанциональных (сущностных, содержательных) принципов, а будет ограничиваться лишь процедурными правилами разрешения конфликтов между существующими «субконституционными порядками». Складывающийся таким образом «трансконституционализм» будет носить преимущественно «коллизийный» характер³², что существенно искажает сам смысл конституционализма и делает неопределенными предоставляемые им гарантии от злоупотребления властью.

На проблеме взаимосвязи права и власти в теории и практике конституционализма, ее динамике и гарантиях остановилась **канд. юрид. наук С.А. Грачева (ИЗиСП при Правительстве РФ)**. Конституционализм выражает социальный запрос на рационализацию власти средствами права, чему сопутствует усиление роли права и утверждение его понимания, исключающего его «упрощенную» трактовку только как результата государственно-властного нормотворчества. Содержательно гарантии взаимосвязи права и власти акцентируют способы контроля публичной власти на основе права. Среди них классическая концепция разделения властей XVIII в., предполагающая взаимный контроль и сдерживание в механизме государственной власти, что обеспечивает ее самоограничение при усилении роли права. Другой способ, актуализировавшийся после Второй мировой войны, характеризует современный конституционализм и ассоциируется с доктриной верховенства права в деятельности международных судов. Она обеспечивает возможность гарантирования взаимосвязи права и власти за пределами механизма государства и акцентирует воздействие права на государственную власть. Одновременно и в рамках государства судебный контроль выступает способом ограничения правом регламентарной власти, что также имеет свои истоки в доктрине сдержек и противовесов. Для Российской Федерации актуальной является модель контроля регламентарной власти в части исполнения и применении законодательства и соотношения в ней судебного и иных видов контроля и надзора.

А.Е. Носырева (Кемеровский государственный университет) проследила соотношение концепций конституционализма, федерализма и социального государства. Конституционализм предполагает систему правления, при которой полномочия государственной власти ограничены. Однако, конституционные ограничения могут проявляться в различных формах: установление процедурных требований их реализации; обеспечение социальных интересов

граждан (что находит отражение в концепции социального государства); распределение публично-властных полномочий в территориальном аспекте (что может обеспечиваться на основе принципа федерализма). Следовательно, конституционализм соотносится с федерализмом и социальным государством, как общее и частное. Всеобъемлющий конституционализм и его фундаментальные элементы — федерализм и социальное государство — составляют современное правовое демократическое государство.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. Н.Ф. Ковкель (Белорусский государственный экономический университет)** отмечалась фундаментальная роль прав человека в современных концепциях конституционализма, в том числе когнитивной свободы. Она подчеркнула, что до сих пор отсутствуют определенность в понимании данной свободы и терминологическое единство в ее обозначении. Так, предложивший данный термин Р.Г. Бойр определял когнитивную свободу предельно широко, как «невидимый ландшафт», «винтэссенцию свободы человека, «неприкосновенное право мыслить самостоятельно», охватывающее «свободное управление собственным сознанием», всеми психическими процессами, «своими убеждениями, мнениями и мировоззрением»³³. Однако в юридическом дискурсе приоритетной стала более узкая дефиниция, предложенная Я.К. Бублицем, который в позитивном смысле определяет когнитивную свободу как свободный и равный доступ к нейротехнологиям, а в негативном — как защиту от принудительного и несанкционированного их использования³⁴. Данное определение когнитивной свободы было использовано в одной из двух основных версий нейроправ, которую предложили М. Иэнк и Р. Андорно в 2017 г. Они обосновали четыре основных нейроправа: когнитивную свободу, право на психическую конфиденциальность, право на психическую неприкосновенность и право на психологическую приемственность³⁵.

Когнитивная свобода нуждается в предельно широкой защите не только от угроз со стороны инвазивных и нейровизивных нейротехнологий, но и от иных манипулятивных угроз, особенно в цифровой среде и с использованием искусственного интеллекта. В этой связи более приемлемым представляется подход к когнитивной свободе как к возможности самоопределения в отношении деятельности мозга и всего психического опыта человека. Сложной проблемой является и определение всех возможных манипулятивных угроз когнитивной свободе, особенно в эпоху онлайн-дезинформации, цифровых репрессий и др., а также проведение правовой границы между допустимыми и неправомерными манипуляциями. Множество вопросов порождает и терминологический плюрализм. В качестве синонимов или близких по значению используются такие термины, как «свобода воли», «свобода мысли», «психическое самоопределение», «психическая свобода», «личная автономия» и др., однако термин «когнитивная свобода» представляется наиболее оптимальным.

³³ Boire R.G. On Cognitive Liberty (Part I) // Journal of Cognitive Liberties. 1999/2000. Vol. 1. Iss. 1. Pp. 11–13.

³⁴ См.: Bublitz J.-Ch. My Mind is Mine!? Cognitive Liberty as a Legal Concept // Cognitive Enhancement. An Interdisciplinary Perspective / ed. by E. Hildt, A.G. Francke. Dordrecht; Heidelberg; New York; London, 2013. P. 251.

³⁵ См.: Ienca M., Andorno R. Towards New Human Rights in the Age of Neuroscience and Neurotechnology // Life Sciences, Society and Policy. 2017. Vol. 13. Article number: 5. Pp. 1–27 // BMC. Part of Springer Nature. URL: <https://lssjournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40504-017-0050-1> (дата обращения: 25.09.2024).

³⁰ Teubner G. Op. cit. P. 325.

³¹ См.: ibid. Pp. 328–330.

³² См.: ibid. Pp. 328, 329, 331.

Широкое понимание конституционализма позволяет рассматривать его применительно к различным сферам, отметил **канд. юрид. наук И.А. Алешкова (ИНИОН РАН)**. Концепция эколого-экономического конституционализма ориентирована на согласованную реализацию экологической, социальной и экономической функции государства. В ее основу положен принцип рационального природопользования. Концепция эколого-экономического конституционализма направлена на обеспечение эколого-экономического равновесия, т.е. сбалансированности методов и средств, используемых для достижения целей национального развития, включая поддержание комфортной и безопасной среды для жизни, экологического благополучия, устойчивой и динамичной экономики и технологического лидерства. Разработка концепции эколого-экономического конституционализма необходима для создания интегрированной системы эколого-экономического управления, реализации стратегии «зеленой» экономики, повышения уровня экологической и социальной ответственности, а также для организации и внедрения в практику эффективных правовых инструментов, необходимых для обеспечения рационального природопользования.

В докладе **канд. юрид. наук К.В. Карпенко (МГИМО МИД России)** были проанализированы исторические корни признания правосубъектности животных и относительно недавнее решение Конституционного суда Колумбии, в котором рассматривалась данная проблема.

Правосубъектность животных имеет давнюю историю. Известно, что в эпоху Античности в законах архонта Драконта содержалось положение об уголовной ответственности лошади, причинившей вред здоровью человека. Животные в то время рассматривались как способные сознательно совершать поступки³⁶. Это их качество отмечали, в частности, Демокрит и Аристотель³⁷. Правосубъектность животных признавалась и в средневековой Европе в XIII–XVII вв. В этот период к суду привлекаются как домашние животные (свины, быки), так и дикие (грызуны, насекомые). Дела в отношении первых рассматривал светский суд, а назначаемые им наказания были аналогичны применяемым к людям. Преступлениями вторых занимался церковный суд, а наказанием служило отлучение от церкви. Исследователи выделяют две причины таких процессов. Во-первых, согласно пантеистическому взгляду на мир, животные, как и люди, являются творениями Бога и, значит, должны жить по одинаковым правилам, в том числе и юридическим. Во-вторых, в европейском феодальном обществе правовые нормы регулировали любые отношения. Пантеизм, таким образом, соединяется с панюридизмом, порождая весьма причудливые формы правосудия³⁸. Вместе с тем ни в эпоху Античности, ни в Средние века не существовало юридической науки, способной постичь данный феномен.

Юридическая наука стремится найти адекватное решение проблемы правосубъектности животных. Интересный материал для этого дает практика конституционных судов, особенно в государствах Латинской Америки. В 2020 г. в Конституционный суд Колумбии была подана жалоба

habeas corpus в отношении андского очкового медведя³⁹. Данное процессуальное средство используется, как известно, лишь применительно к людям. Суд отметил неадекватность выбранной для защиты процедуры и констатировал формальную неприемлемость жалобы. Таким образом, Конституционный суд воздержался от ответа на сущностный вопрос о правосубъектности животных. Однако судья Д.Ф. Ривера в своем особом мнении заявила, что животные должны быть признаны субъектами права⁴⁰. Она указала на три основания этого: животные являются чувственными существами, так как могут испытывать боль (п. 44); у животных есть интелессы, которые могут быть названы правами (п. 116); законодательство устанавливает уголовную ответственность за жестокое обращение с животными (п. 26). Представляется, что эти основания заслуживают внимания юридической науки и могут стать предметом дальнейшего обсуждения.

Место исторического конституционализма в эволюции конституционного строя Испании рассмотрела **д-р юрид. наук, доц. Т.А. Алексеева (НИУ ВШЭ)**. Политико-правовая история данного государства дает замечательный материал для исследования, в том числе и потому, что в конце XVIII в., в эпоху Просвещения, в ее политический лексикон было введено понятие «историческая конституция» в качестве основы для обоснования насущных и желаемых государственных преобразований.

В докладе были представлены взгляды Г.М. Ховельяноса⁴¹ в отношении испанской «исторической конституции», ее содержания (системы политических отношений и институтов пиренейских королевств, сформировавшихся до установления абсолютизма в объединенной Испании), формы («основных законов») и возможностей ее заимствования. Очевидная антиабсолютистская направленность данного учения предопределила его востребованность при подготовке текста первой национальной конституции – Политической конституции испанской монархии 1812 г. Термин «историческая конституция» использовался не только в доктрине, но и в записке, сопровождавшей представленный проект Конституции, и его авторы настаивали на том, что учредительный акт подготовлен на базе «основных законов Арагона, Наварры и Кастилии». Докладчик высказала предположение о мифологизации «исторической конституции», вызванной стремлением либералов получить поддержку консервативно настроенного населения для принятия Конституции в условиях национально-освободительной войны против Франции, конституционное право которой и явилось главным источником Основного закона 1812 г. В докладе было показано развитие идеи «исторической конституции» в испанской доктрине, стремление политиков и законодателей опереться на исторический опыт государственно-правового развития страны, традиция обоснования разрабатываемых актов историей соответствующего правового института.

³⁶ См.: Sorabji R. Du droit des animaux dans la pensée antique // *Alliage: Culture-Science-Technique*. 1991. No. 7–8. P. 42.

³⁷ См.: Лурье С.Я. Демокрит. Тексты, перевод, исследования. Л., 1970. С. 363.

³⁸ См. подробнее: Evans E.P. *The Criminal Prosecution and Capital Punishment of Animals*. London, 1906.

³⁹ Corte Constitucional Republica de Colombia. Sentencia SU016/20 de 23 de enero de 2020. Acción de tutela presentada por la Fundación Botánica y Zoológica de Barranquilla (FUNDAZOO) contra la Corte Suprema de Justicia. URL: <https://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/2020/su016-20.htm> (дата обращения: 23.09.2024).

⁴⁰ См.: Salvamento de voto de la magistrada Diana Fajardo Rivera (Rivera D.F.). URL: <https://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/2020/su016-20.htm> (дата обращения: 23.09.2024).

⁴¹ Г.М. Ховельянос (1744–1811) – юрист и общественный деятель эпохи Просвещения, родоначальник либерального консерватизма в Испании.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. Т.С. Масловской (Белорусский государственный университет)** обращалось внимание на то, что в последнее пятилетие во многих постсоветских государствах прошли конституционные реформы: 2020 г. — Российская Федерация, 2021 г. — Кыргызская Республика, 2022 г. — Беларусь, Казахстан, 2023 г. — Узбекистан, Туркменистан. Эти реформы были обусловлены социальными, экологическими, экономическими, политическими вызовами и изменениями в соответствующих обществах и государствах. В качестве общих тенденций, характерных для конституционных реформ в странах СНГ, можно рассматривать укрепление правового характера государства, дальнейшее развитие демократии и социальной государственности. Одновременно в данных государствах проявляется национальный компонент и самобытность государств.

Т.Е. Мельник (ИЗиСП при Правительстве РФ) проанализировал концепцию нелиберального конституционализма, развиваемую в польском конституционном праве. Ее появление отражает сложную и противоречивую ситуацию, сложившуюся в Польше с 2015 г. в результате победы партии «Право и справедливость» и ее союзников, представляющих правый политический фланг, вначале на парламентских, а потом и на президентских выборах⁴². Предпринятые ими меры — избрание в Конституционный трибунал новых судей (т.н. неосудей) до истечения срока полномочий судей, избранных ранее, взятие под парламентский контроль органов судейского самоуправления, внесение изменений в законодательство, регламентирующее право на демонстрации и на митинги, ужесточение требований к проведению аборт, усложнение отношений с Европейским Союзом и Советом Европы⁴³ — рассматриваются в политической публицистике и даже в правовой научной литературе как конституционный кризис.

Концепция нелиберального конституционализма представляет собой один из вариантов критического доктринального осмысления этих изменений. Сторонниками данной концепции можно назвать, например, профессора Щецинского университета А. Бьень-Кацалу, судью Конституционного трибунала в отставке М. Граната. К характерным чертам нелиберального конституционализма относят нарушение баланса в системе разделения властей в пользу Сейма, нижней палаты парламента, находящейся под контролем одной политической силы, отсутствие полноценного конституционного контроля, нарушение конституционного принципа свободы. При этом в системе конституционных ценностей на первый план выдвигается принцип коллективного достоинства, что приводит к подавлению индивидуальных свобод. Текст Конституции остается неизменным, продолжают функционировать предусмотренные ею институты, однако законодательство и правоприменительная практика наполняются нелиберальным содержанием. Это дает основания для выработки такого парадоксального термина, как «нелиберальный конституционализм», который во многом сопряжен с понятием «нелиберальная демократия», разработанным в политологии и представленным в трудах Ф. Закарии. Обращается внимание и на схожесть конституционных процессов в Польше

в 2015—2023 гг. с политикой венгерской правительственной коалиции во главе с партией «Фидес».

Доклад **канд. юрид. наук Е.А. Сорокиной (ИГП РАН)** был посвящен реализации концепции трансформационного конституционализма в Южно-Африканской Республике. В процессе перехода от апартеида к демократии в 1994 г. и принятия Конституции 1996 г. были заложены основы новой государственности и общественной жизни. Конституция ЮАР была признана преобразующим актом, а идея трансформационного конституционализма — южноафриканским «брендом»⁴⁴ и новым концептом в сравнительном праве⁴⁵.

Американский ученый К. Кларе, который ввел данное понятие, описывает трансформационный конституционализм как «долгосрочный проект принятия, толкования и применения конституции», направленный (с учетом исторического контекста и благоприятных политических событий) на преобразование политических и социальных институтов, властных отношений в демократическом, партисипативном и эгалитарном направлении. Трансформационный конституционализм предполагает стремление к масштабным социальным изменениям посредством ненасильственных политических процессов, основанных на законе. Идеал трансформации — это высокоэгалитарное и мультикультурное общество, управляемое посредством партисипативных, демократических процедур как в публичной, так и частной сферах.

В рамках трансформационного конституционализма учредительный акт рассматривается в качестве правовой основы постоянных преобразований в целях достижения реального равенства, социального благополучия, сокращения бедности посредством обеспечения и защиты основных прав, прежде всего социально-экономических. Такой подход требует от органов судебной власти, в частности органов конституционного контроля, проявление активизма при защите данных прав.

Созданный в 1994 г. Конституционный суд ЮАР воспринял идею трансформационного конституционализма как легитимирующую его роль в преобразовании общества. Решения Суда приводят к практическим изменениям в сфере здравоохранения, образования, обеспечения жильем. Конституционный суд разработал ряд инновационных средств защиты, направленных на предотвращение нарушений прав: возмещение конституционного ущерба, структурные запреты (*structural interdicts*) с участием специализированных организаций и специальных экспертов (*special masters*).

Однако, несмотря на заметные конституционные достижения, трансформационный конституционализм в ЮАР пока еще не в полной мере оправдал возлагавшиеся на него ожидания.

Специфику конституционализма государств Ближнего Востока проанализировал **канд. юрид. наук М.Г. Мехтиев (ИЗиСП при Правительстве РФ)**. Данный регион ассоциируется с исламским правом. Оно привнесло в юридическую науку многие из тех принципов, которые сегодня считаются само собой разумеющимися, а в средневековье были весьма смелыми идеями. В частности, представители

⁴² На выборах в Сейм и Сенат 15.10.2023 г. политическим оппонентам правых удалось взять реванш и сформировать коалиционное правительство.

⁴³ Некоторые представители правящей коалиции называли членов Венецианской комиссии, которые должны были посетить Польшу в рамках подготовки отчета о ситуации в стране, не более чем туристами.

⁴⁴ *Hailbronner M.* Transformative Constitutionalism: Not Only in the Global South // *American Journal of Comparative Law*. 2017. Vol. 65. No. 3. Pp. 527–565.

⁴⁵ См.: *Klare K.E.* Legal Culture and Transformative Constitutionalism // *South African Journal on Human Rights*. 1998. Vol. 14. No. 1. Pp. 146–188.

исламской школы мутазилитов, исходя из текста Корана, в котором Бог обещает наказать грешников, пришли к выводу, что Творец действует в соответствии с законами, несмотря на то что Он и является источником этих законов. Так возникла доктрина верховенства права как части шариата, которая распространялась не только на подданных, но и на самого халифа.

С принятием ближневосточными государствами конституций шариат стал ограничением не только и не столько власти главы государства, но и законодательной власти, что отражено в основных законах ряда персидских монархий и Исламской Республики Иран. Так, глава исламской общины фактически руководит отдельной ветвью власти, а назначение ее членов осуществляется на основе таких критериев, как соблюдение шариата, это означает, что население не участвует в ее формировании. Однако данные органы обычно определяют соответствие законодательных актов ценностям ислама, в то время как сами законодательные органы нередко являются избранными. В целом шариат сегодня является неотъемлемой частью исламского конституционализма и одновременно ограничением его развития. Это обусловливается тем, что привнесение новшеств в шариат рассматривается как искажение религии.

К.А. Старков (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого) рассмотрел специфические модели исламского конституционализма, сформировавшиеся в Объединенных Арабских Эмиратах и Малайзии. Форму правления этих государств можно охарактеризовать как коллективную монархию: глава государства может избираться неограниченное количество раз из лиц, являющихся наследственными монархами в эмиратах или штатах. По форме государственного устройства — это своеобразные теократические федерации, субъекты которых возглавляются наследственными монархами, одновременно являющимися и высшими духовными лицами. Организация власти в ОАЭ и Малайзии во многом схожа, но существуют и отличия. Так, глава государства и Высший совет в ОАЭ обладают несравненно большими полномочиями, чем глава государства и Совет правителей в Малайзии. Имеются различия и в территориальном устройстве: в Малайзии наряду со штатами существуют федеральные территории, управляемые непосредственно из центра, а также есть штаты, возглавляемые губернаторами, назначаемыми центральным правительством. Как и для всего мусульманского мира, для ОАЭ и Малайзии характерно определяющее влияние ислама не только на организацию власти, но и на жизнь общества в целом.

На второй секции «Конституционализм в действии» обсуждались проблемы развития конституционализма в условиях социально-экономических и политических трансформаций и использования цифровых технологий. По мнению канд. юрид. наук **А.В. Путинцева (Казанский (Приволжский) федеральный университет)**, конституционализация безопасности и секьюритизация конституционализма — это диалектически взаимосвязанные категории, выражающие закономерности, присущие современному конституционно-правовому регулированию. Обеспечение безопасности конституции в узком смысле предполагает давно сложившиеся практики ее охраны и защиты, а в широком — состояние национальной безопасности, раскрываемое через защищенность конституционных ценностей. Конституционализация безопасности представляет собой институционализацию безопасности как социального и юридического явления (совокупности явлений) при помощи конституционно-правовых средств. Анализ текстов конституций, принятых со второй половины XX в.,

наглядно демонстрирует рост числа упоминаний слова «безопасность» в текстуальном выражении большого числа юридических конструкций (цели, декларации, условия ограничения, предметы ведения и полномочия и т.п.). В социальном дискурсе безопасность выступает категорией, позволяющей объяснять и оценивать те или иные социальные феномены, обосновывать реформы. В данном контексте главной проблемой является баланс безопасности и традиционных ценностей классического конституционализма. Важен и прикладной аспект конституционализации механизмов обеспечения безопасности, в частности ее «технологии» (конституционный контроль, глобализация прав человека, парламентский контроль, процедура введения чрезвычайного положения) отстают в развитии от темпов секьюритизации конституционализма.

Доклад канд. юрид. наук, доц. **С.А. Агамагомедовой (ИГП РАН)** был посвящен экономическому конституционализму. Соотношение права и экономики раскрывается отечественными правоведами посредством обоснования «конституционной экономики»⁴⁶ и «экономической конституции»⁴⁷, выработки концепций экономической права⁴⁸ и экономического конституционализма⁴⁹. Последний находит отражение в решениях Конституционного Суда РФ по финансово-экономическим вопросам, традиционно занимающим существенное место в практике конституционного правосудия. Не случайно решения Конституционного Суда РФ рассматриваются в качестве межотраслевого источника практической финансово-экономической юриспруденции, сочетающего в себе нормативные, доктринальные и практико-прикладные начала⁵⁰.

Существенно возросшая роль экономического взаимодействия различных субъектов, экономического обеспечения управленческих, технологических, промышленных, интеллектуальных и иных процессов закономерно отражает неразрывную связь и взаимную обусловленность правовых и экономических механизмов, доказывает необходимость экономического обеспечения правовых решений и правового регулирования экономических процессов. Конституционное право выступает основой экономической политики государства в современных условиях. Сторонники экономического конституционализма подчеркивают межотраслевую, междисциплинарную природу данной категории, в основе которой — повышенный

⁴⁶ Конституционная экономика / отв. ред. Г.А. Гаджиев. М., 2010.

⁴⁷ Андреева Г.Н. О месте концепции «экономической конституции» в европейском дискурсе // Журнал рос. права. 2007. № 12. С. 50–64.

⁴⁸ См., напр.: Ашмарина Е.М. К вопросу об актуальности экономического права. Доклад на пленарном заседании II межвузовской научно-практической конференции «Экономическое право: теоретические и прикладные аспекты» (Российский государственный университет правосудия, 25 февраля 2015 г.) // Финансовое право и управление. 2015. № 1. С. 4–20. DOI: 10.7256/2310-0508.2015.1.14844; Ашмарина Е.М., Кроткова Н.В., Терехова Е.В. Обзор материалов II Всероссийской межвузовской научно-практической конференции «Экономическое право: теоретические и прикладные аспекты» (Российский государственный университет правосудия, 25 февраля 2015 г.) // Финансовое право и управление. 2015. № 1. С. 21–59. DOI: 10.7256/2310-0508.2015.1.15030; Еришов В.В., Ашмарина Е.М., Корнев В.Н. Экономическое право и экономическая теория // Государство и право. 2015. № 1. С. 57–70; Их же. Экономическое право как мегаотрасль российского права: его предмет и система // Государство и право. 2015. № 7. С. 5–16.

⁴⁹ См.: Бондарь Н.С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М., 2017.

⁵⁰ См.: там же. С. 209–224.

удельный вес экономического (материального) содержания и конституционно-правовые средства его оформления⁵¹.

Анализ конкретных конституционно-правовых институтов финансово-экономической системы российского государства, влияние решений Конституционного Суда РФ на рыночно-экономическое законодательство и, в конечном счете, на современные процессы экономического развития российского общества относится к особенной части экономического конституционализма. В качестве примера можно привести правовые позиции Конституционного Суда РФ по разрешению таможенных споров, безусловно имеющих финансово-экономическую природу и вытекающих из имущественных правоотношений. Даже в решениях, связанных с обеспечением процедурных вопросов таможенного контроля⁵², внесением определенности в законодательство об административной ответственности⁵³ прослеживаются идеи и принципы экономического конституционализма, обеспечивающего соблюдение оптимального баланса частных и публичных интересов в экономике и смежных с ней сферах.

Конституционализм органически связан с государственным суверенитетом во всех многоаспектных его проявлениях — юридическом, политическом, экономическом, культурном, подчеркнула канд. юрид. наук Н.И. Соловяненко (ИГП РАН). Упрочение позиции России как одного из влиятельных центров современного мира предполагает и укрепление ее технологического суверенитета, развернутое определение которого дано в Концепции технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года⁵⁴. Технологический суверенитет — это наличие критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственных национальных целей развития и реализовывать национальные интересы. Технологический суверенитет обеспечивается в двух основных формах — исследования, разработка и внедрение критических и сквозных технологий (по установленному перечню) и производство высокотехнологичной продукции, основанное на указанных технологиях. Технологический суверенитет обеспечивается в том числе с опорой на устойчивое международное научно-техническое сотрудничество с дружественными странами (разд. II).

В Российской Федерации, как и в иных развитых государствах, происходит перевод экономики на преимущественное использование инновационных технологий, прежде всего искусственного интеллекта (нейросетей). Государственное управление экономикой осуществляется на основе данных с применением цифровых платформ, облачных технологий, интернета вещей. Ускоренная технологизация производственной и общественной сферы деятельности человека обусловила

зависимость экономического развития и качества жизни людей от технологического прогресса, что повлекло за собой определенные угрозы безопасности общества. По убеждению Президента РФ, «традиционная культура должна быть опорой для обеспечения безопасности и разумности создания и применения современных технологий», она наряду с «идеалами добра и уважения к человеку» выступает «естественным этическим регулятором технического прогресса»⁵⁵.

Достижение технологического суверенитета обеспечивается поддерживаемой и направляемой государством высокоинтенсивной инновационной активностью субъектов экономической деятельности. В числе ключевых факторов государственной поддержки инновационной активности — создание для нее комфортной регуляторной среды по широкому спектру направлений правового регулирования, включая ликвидацию правовых препятствий коммерциализации интеллектуальной собственности, установление экспериментальных правовых режимов в отдельных сферах инноваций, определение статуса проектов технологического суверенитета и многое другое. Создание комфортной регуляторной среды для инновационной активности включает также зафиксированную в Концепции адаптацию к потребностям разработчиков, предпринимателей и инвесторов юридических механизмов защиты их прав и законных интересов, в частности изменение подсудности экономических (имущественных) споров в отношении прав на результаты интеллектуальной деятельности — передача из судов общей юрисдикции в арбитражные суды (п. 2 разд. IV), создание правового механизма электронного документооборота в его наиболее развитой и актуальной форме, а именно правовой среды доверия.

Н.А. Тиханов (МГУ им. М.В. Ломоносова) отметил, что санкционное давление на российскую экономику привело к необходимости осуществления специального регулирования, направленного на противодействие ему. Соответственно, в целях реализации данного регулирования потребовалось изменение компетенции органов государственной власти и порядка их взаимодействия, что делает актуальным анализ появившихся экстраординарных полномочий с точки зрения принципа разделения властей.

Ключевым проявлением антисанкционного регулирования является возможность принятия Президентом РФ решения о применении антисанкционных мер⁵⁶. В силу своей экстраординарной природы такое регулирование предполагает установление какой-либо системы проверки принятых решений, как в случаях введения режима военного или чрезвычайного положения. Однако действующее российское законодательство каких-либо механизмов парламентского контроля, позволяющих отменить или изменить соответствующее регулирование, осуществляемое указами Президента РФ, не предусматривает.

Другим элементом экстраординарного регулирования стало определение компетенции Центрального банка РФ

⁵¹ См.: Бондарь Н.С. Указ. соч. С. 11, 12.

⁵² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 28.04.2023 № 22-П по делу о проверке конституционности п. 2 ст. 235 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ИЗИ ЧАЙНА КОРПОРАЙТ» // СЗ РФ. 2023. № 19, ст. 3519.

⁵³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 05.03.2024 № 9-П по делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Газпромнефть — Смазочные материалы» и общества с ограниченной ответственностью «ВИРЕМ РУС» // СЗ РФ. 2024. № 11, ст. 1563.

⁵⁴ См.: Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с Концепцией технологического развития на период до 2030 года) // СЗ РФ. 2023. № 22, ст. 3964.

⁵⁵ Выступление Президента РФ на Международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению Artificial Intelligence Journey 2023 на тему «Революция генеративного ИИ: новые возможности», 24 ноября 2023 г. // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72811> (дата обращения: 25.09.2024).

⁵⁶ См.: Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» // СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. I), ст. 44; Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» // СЗ РФ. 2018. № 24, ст. 3394.

в антисанкционных указах Президента РФ⁵⁷. Законодательство до внесенных в него изменений в июне 2022 г.⁵⁸ допускало возможность установления компетенции Центрального банка РФ исключительно федеральными законами⁵⁹. На момент принятия первых антисанкционных указов Президента РФ, в том числе определявших полномочия Банка России⁶⁰, в законодательстве отсутствовали положения, позволяющие однозначно говорить о возможности установления компетенции Центрального Банка РФ в подзаконных нормативных актах. Изменения, которые позволяют рассматривать определение компетенции Банка России посредством указов Президента РФ как порядок, установленный федеральным законом, были приняты уже после первых антисанкционных указов Президента РФ⁶¹, в связи с чем эти указы могут рассматриваться в контексте т.н. опережающего регулирования, осуществляемого Президентом РФ. Представляется, что в данном случае формальная спорность такого порядка определения компетенции должна быть сопоставлена с рисками несвоевременного введения необходимого антисанкционного регулирования.

Понятия сервисного государства и сервисного конституционализма прочно вошли в нашу жизнь, подчеркнула канд. экон. наук Д.Ю. Козяр (Двинских) (РАНХиГС при Президенте РФ). Право человека на эффективные государственные услуги закрепляется в федеральном и региональном законодательстве, актах органов местного самоуправления, активно финансируются инициативы по совершенствованию оказания государственных услуг. В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г.⁶² была поставлена задача до конца

2020 г. перевести предоставление всех ключевых государственных услуг в проактивный формат, когда человеку достаточно направить запрос на необходимую услугу, а все остальное система должна сделать автоматически. В Федеральном проекте «Цифровое государственное управление»⁶³ предусматривается, что к 2024 г. государственные (муниципальные) услуги должны предоставляться проактивно и в цифровом виде.

В целях выявления реального уровня оказания государственных услуг в цифровой форме было проведено исследование практики оказания государственных услуг в сфере градостроительной деятельности и жилищных отношений на предмет ее соответствия пониманию эффективности — наличию удобной цифровой оболочки, избавляющей получателя услуги от взаимодействия с государственным органом, и гарантированности получения услуги (отсутствие риска коррупции, бюрократических проволочек, транзакционных издержек и препятствий для реализации прав граждан)⁶⁴.

Исследование выявило существенные проблемы. Государственные органы часто отказывают в предоставлении услуги, чтобы не брать на себя ответственность. Любые согласования сопряжены с избыточным вовлечением гражданина, бюрократизацией деятельности. Нередко получить услугу можно только в судебном порядке, даже в том случае, когда гражданин имеет все основания для ее предоставления. Сроки оказания услуг вместо установленных 45 дней могут затягиваться на многие годы. К услугам, с получением которых были выявлены указанные проблемы, относятся: предоставление земельных участков, выдача разрешений на строительство и реконструкцию объектов недвижимости, согласование переустройства и (или) перепланировки жилого/нежилого помещения. Услуги предоставления выписок из реестров не автоматизированы, и их получение требует много времени (за исключением единственной услуги — предоставление выписки ЕГРН). Услуги по регистрации прав купли-продажи и долевого участия оказываются формально: оценка объекта сделки полностью перекладывается на покупателя, компетенция которого далеко не всегда позволяет разобраться в сложной документации.

Таким образом, сервисный конституционализм во многом является номинальным. Может ли одна цифровизация решить все имеющиеся проблемы или необходимы более глубокие реформы и изменение менталитета чиновников — вопрос дискуссионный.

И.А. Шелудченко (МГУ им. М.В. Ломоносова) обратила внимание на то, что использование технологий ведет к трансформации различных конституционно-правовых отношений с точки зрения не только их содержания, но и субъектного состава. Опосредованность в целом ряде случаев реализации прав граждан использованием информационно-телекоммуникационных сетей приводит к тому, что квази- и негосударственные организации начинают выступать в качестве самостоятельных субъектов конституционно-правовых отношений, в деятельности которых необходимо обеспечивать баланс прав человека и публичных интересов. С одной стороны, гражданам должны предоставляться гарантии соблюдения их прав, с другой — недопустимо и нарушение

⁵⁷ См., напр.: Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» // СЗ РФ. 2022. № 10, ст. 1465; Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 10, ст. 1466; Указ Президента РФ от 05.03.2022 № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» // СЗ РФ. 2022. № 10, ст. 1472; Указ Президента РФ от 09.09.2023 № 665 «О временном порядке исполнения перед резидентами и иностранными кредиторами государственных долговых обязательств Российской Федерации, выраженных в государственных ценных бумагах, номинальная стоимость которых указана в иностранной валюте, и иных обязательств по иностранным ценным бумагам» // СЗ РФ. 2023. № 37, ст. 6814.

⁵⁸ См.: Федеральный закон от 28.06.2022 № 212-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 27, ст. 4613.

⁵⁹ См.: Федеральный закон от 10.06.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (ст. 1) // СЗ РФ. 2002. № 28, ст. 2790.

⁶⁰ См., напр.: Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций»; Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 05.03.2022 № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами».

⁶¹ См.: Пункты 3–4 ст. 4.2 Федерального закона от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» (в ред. ст. 5 Федерального закона от 28.06.2022 № 212-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

⁶² Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶³ См.: Федеральный проект «Цифровое государственное управление» (п/п. 4.6 п. 6 Паспорта национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»). Утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 № 7) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁴ Исследование проводилось методом глубинных интервью с консультантами, юристами, адвокатами.

прав указанных организаций при делегировании им государственных полномочий или правовом регулировании их деятельности, неотъемлемым элементом которой выступает осуществление публично-значимых функций. Низкий уровень правовой регламентации соответствующих конституционно-правовых отношений ведет к нарушению такого баланса применительно к каждому из субъектов, что особенно проявляется в сфере оборота персональных данных и информационном законодательстве.

Отмечается также тенденция использования в конституционно-правовых отношениях систем искусственного интеллекта, которым передаются отдельные полномочия публично-властного характера (в доктрине это называется «киберделегирование»). Одним из ключевых условий применения киберделегирования, как это декларируется, например, в Российской Федерации и Европейском союзе, выступает недопустимость нарушения прав и законных интересов граждан, а также проведение оценки рисков, сопряженных с использованием искусственного интеллекта, в контексте его воздействия на права и свободы граждан.

По мнению А.Э. Булгакова (МГУ им. М.В. Ломоносова), цифровой конституционализм предполагает необходимость ограничения власти не только государства, но и частных компаний — владельцев цифровых платформ. При этом контроль за распространением информации в Сети целесообразно передать некоммерческим организациям. Государственные органы и частные компании не могут выступать в роли гаранта цифрового конституционализма. Органы государственной власти в своей нормотворческой и правоприменительной деятельности не успевают за развитием цифровых технологий и сервисов, а упрощение правовых процедур нередко приводит к нарушению прав и свобод человека. Цифровые платформы, в свою очередь, склонны пренебрегать правами своих пользователей в угоду интересам бизнеса. Возможна и коллаборация государства и цифровых компаний, когда им предоставляется широкая свобода усмотрения при установлении и реализации правил сетевого взаимодействия в обмен на продвижение правительственных источников на цифровых платформах. В любом случае права и свободы пользователей платформ остаются без должных гарантий. Решить указанные проблемы может переход к общественной модели контроля за распространением информации на цифровых платформах. Для перехода к этой модели необходимо разработать нормативные положения, которые определяют критерии и порядок наделения некоммерческих организаций специальным статусом, устанавливают требования к транспарентности их деятельности, а также процедуру взаимодействия с государственными органами и цифровыми платформами.

Цифровые технологии, подчеркнул **канд. юрид. наук, доц. А.И. Черкасов (ИГП РАН)**, прочно вошли в повседневный быт людей, способствуя рационализации общественно-политической жизни и более эффективной реализации конституционных прав граждан. Благодаря цифровизации происходит сближение органов публичной власти с населением посредством устранения лишних посредников в отношениях между ними. Внедрение технологий способствует улучшению качества обслуживания населения и формированию новых механизмов предоставления публичных услуг, которые становятся все более персонализированными⁶⁵.

Местный уровень власти предлагает практически «идеальную платформу для

внедрения и изучения новых демократических практик и технологий, учитывая его масштаб и близость к гражданам»⁶⁶. Цифровая демократия становится важным драйвером развития традиционных видов демократии. Внедрение цифровых механизмов гражданского участия (электронные форумы и дебаты, консультации с гражданами, партисипативное планирование и бюджетирование и т.п.) способствует укреплению конституционализма за счет повышения инклюзивности общественно-политических процессов и преодоления гражданской апатии.

Однако цифровая трансформация публичной сферы не только содействует развитию местной демократии, но и порождает определенные риски, связанные с возможными ограничениями отдельных свобод и использованием персональных данных вопреки интересам личности.

В докладе **канд. полит. наук А.Н. Курюкина (Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН)** были проанализированы данные проведенных в 2023 г. опросов ВЦИОМ, посвященных знанию Конституции РФ и отношению граждан к цифровым инновационным технологиям, в контексте перспектив развития цифрового конституционализма в Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г.Н. О месте концепции «экономической конституции» в европейском дискурсе // Журнал рос. права. 2007. № 12. С. 50–64.
2. Ашмарина Е.М. К вопросу об актуальности экономического права. Доклад на пленарном заседании II межвузовской научно-практической конференции «Экономическое право: теоретические и прикладные аспекты» (Российский государственный университет правосудия, 25 февраля 2015 г.) // Финансовое право и управление. 2015. № 1. С. 4–20. DOI: 10.7256/2310-0508.2015.1.14844
3. Ашмарина Е.М., Кроткова Н.В., Терехова Е.В. Обзор материалов II Всероссийской межвузовской научно-практической конференции «Экономическое право: теоретические и прикладные аспекты» (Российский государственный университет правосудия, 25 февраля 2015 г.) // Финансовое право и управление. 2015. № 1. С. 21–59. DOI: 10.7256/2310-0508.2015.1.15030
4. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. М., 1994. С. 13, 48, 54.
5. Бондарь Н.С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М., 2017. С. 11, 12, 209–224.
6. Выступление Президента РФ на Международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению Artificial Intelligence Journey 2023 на тему «Революция генеративного ИИ: новые возможности», 24 ноября 2023 г. // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72811> (дата обращения: 25.09.2024).
7. Еришов В.В., Ашмарина Е.М., Корнев В.Н. Экономическое право и экономическая теория // Государство и право. 2015. № 1. С. 57–70.
8. Еришов В.В., Ашмарина Е.М., Корнев В.Н. Экономическое право как мегаотрасль российского права: его предмет и система // Государство и право. 2015. № 7. С. 5–16.
9. Конституционная экономика / отв. ред. Г.А. Гаджиев. М., 2010.
10. Лурье С.Я. Демокрит. Тексты, перевод, исследования. Л., 1970. С. 363.

⁶⁵ См.: E-government in Europe: Re-booting the State / ed. by P.G. Nixon, V.N. Koutrakou. London, 2007. P. 43.

⁶⁶ Mergel I. Study on the Impact of Digital Transformation on Democracy and Good Governance. Strasbourg, 2021. P. 5.

11. *Oriu M.* Основы публичного права / пер. с франц. Е. Пашуканиса и Н. Челяпова. М., 1929. С. 9.
12. *Сергеевич С.Л.* Новые тенденции в развитии американской науки права: «движение критических правовых исследований» // Правоведение. 1990. № 5. С. 47–50.
13. *Такер Ю.* В пыли этой планеты // Такер Ю. Ужас философии: в 3 т. / пер. с англ. А. Иванова. Пермь, 2017. Т. 1. С. 102–104.
14. *Фуко М.* Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году / пер. с франц. А.В. Шестакова. СПб., 2007. С. 74–77.
15. *Харман Г.* Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / пер. с англ. М. Фетисова. М., 2021. С. 102–143.
16. *Bublitz J.-Ch.* My Mind is Mine!? Cognitive Liberty as a Legal Concept // Cognitive Enhancement. An Interdisciplinary Perspective / ed. by E. Hildt, A.G. Francke. Dordrecht; Heidelberg; New York; London, 2013. P. 251.
17. *Boire R.G.* On Cognitive Liberty (Part I) // Journal of Cognitive Liberties. 1999/2000. Vol. 1. Iss. 1. Pp. 11–13.
18. *Boyd D.R.* The Status of Constitutional Protection for the Environment in Other Nations. P. 2 // David Suzuki Foundation. Paper 4. URL: <https://davidsuzuki.org/wp-content/uploads/2013/11/status-constitutional-protection-environment-other-nations.pdf> (дата обращения: 22.09.2024).
19. *Daly E., Kotze L., May R.J.* Introduction to Environmental Constitutionalism // New Frontiers in Environmental Constitutionalism. Nairobi, 2017. P. 30, 31.
20. *E-government in Europe: Re-booting the State* / ed. by P.G. Nixon, V.N. Koutrakou. London, 2007. P. 43.
21. *Evans E.P.* The Criminal Prosecution and Capital Punishment of Animals. London, 1906.
22. *Fabre S.* Social Rights Under the Constitution: Government and Decent Life. Oxford, 2000. P. 7.
23. *Forsthoff E.* Die Umbildung des Verfassungsgesetzes // Festschrift für Carl Schmitt: zum 70. Geburtstag dargebracht von Freunden und Schülern / H. Barion, E. Forsthoff, W. Weber (Hrsg.). Berlin, 1994. S. 52.
24. *Griffith J.A.G.* The Politics of the Judiciary. Manchester, 1977.
25. *Hailbronner M.* Transformative Constitutionalism: Not Only in the Global South // American Journal of Comparative Law. 2017. Vol. 65. No. 3. Pp. 527–565.
26. *Halmai G.* Perspectives of Global Constitutionalism. The Use of Foreign and International Law. The Hague, Portland. 2014.
27. *Ienca M., Andorno R.* Towards New Human Rights in the Age of Neuroscience and Neurotechnology // Life Sciences, Society and Policy. 2017. Vol. 13. Article number: 5. Pp. 1–27 // BMC. Part of Springer Nature. URL: <https://lssjournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40504-017-0050-1> (дата обращения: 25.09.2024).
28. *Ison T.G.* The Sovereignty of the Judiciary // Adelaide Law Review. 1985. Vol. 10. No. 1. Pp. 1–31.
29. *Klare K.E.* Legal Culture and Transformative Constitutionalism // South African Journal on Human Rights. 1998. Vol. 14. No. 1. Pp. 146–188.
30. *Koskeniemi M.* The Politics of International Law – 20 Years Later // The European Journal of International Law. Vol. 20. No. 1. Pp. 7–19.
31. *Lucherini F.* The Constitutionalization of Social Rights in Italy, Germany, and Portugal: Legislative Discretion, Minimal Guarantees, and Distributive Integration // German Law Journal. 2024. Vol. 25. Iss. 2. P. 338.
32. *May J.R., Daly E.* Six Trends in Global Environmental Constitutionalism. Pp. 2, 3 // SSRN. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3252636 (дата обращения: 22.09.2024).
33. *Mergel I.* Study on the Impact of Digital Transformation on Democracy and Good Governance. Strasbourg, 2021. P. 5.
34. *Peters A.* The Merits of Global Constitutionalism // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2009. Vol. 6. Iss. 2. Pp. 397–411.
35. *Prandini R.* The Morphogenesis of Constitutionalism // The Twilight of Constitutionalism? / ed. by P. Dobner, M. Loughlin. Oxford, 2010. Pp. 311, 312.
36. *Sciulli D.* Corporate Power in Civil Society. An Application of Societal Constitutionalism. New York; London, 2001.
37. *Sciulli D.* Theory of Societal Constitutionalism. Foundations of a Non-Marxist Critical Theory. Cambridge; New York, 1992.
38. *Sciulli D.* Voluntaristic Action as a Distinct Concept: Theoretical Foundations of Societal Constitutionalism // American Sociological Review. 1986. Vol. 51. No. 6. Pp. 743–766.
39. *Sorabji R.* Du droit des animaux dans la pensée antique // Alliage: Culture-Science-Technique. 1991. No. 7–8. P. 42.
40. *Teubner G.* Societal Constitutionalism: Nine Variations on a Theme by David Sciulli // Sociological Constitutionalism / ed. by P. Blokker, Ch. Thornhill. Cambridge, 2017. Pp. 317–325, 328–331.
41. *Tushnet M.* Critical Legal Studies and Constitutional Law: An Essay in Deconstruction // Stanford Law Review. 1984. Vol. 36. No. 1/2. P. 629.
42. *Weiner A., Lang Jr. A.F., Tully J. et al.* Global Constitutionalism: Human Rights, Democracy and the Rule of Law // Global Constitutionalism. 2012. Vol. 1. Iss. 1. Pp. 1–15.

REFERENCES

1. *Andreeva G.N.* On the place of the concept of the “economic constitution” in the European discourse // Journal of Russ. law. 2007. No. 12. Pp. 50–64 (in Russ.).
2. *Ashmarina E.M.* On the issue of the relevance of Economic Law. Report at the plenary session of the II Interuniversity Scientific and Practical Conference “Economic Law: theoretical and applied aspects” (Russian State University of Justice, February 25, 2015) // Financial Law and Management. 2015. No. 1. Pp. 4–20. DOI: 10.7256/2310-0508.2015.1.14844 (in Russ.).
3. *Ashmarina E.M., Krotkova N.V., Terekhova E.V.* Review of the materials of the II All-Russian Interuniversity Scientific and Practical Conference “Economic Law: theoretical and applied aspects” (Russian State University of Justice, February 25, 2015) // Financial Law and Management. 2015. No. 1. Pp. 21–59. DOI: 10.7256/2310-0508.2015.1.15030 (in Russ.).
4. *Berman G.J.* The Western tradition of law: the epoch of formation / transl. from English. M., 1994. Pp. 13, 48, 54 (in Russ.).
5. *Bondar N.S.* Economic constitutionalism of Russia: essays on theory and practice. M., 2017. Pp. 11, 12, 209–224 (in Russ.).
6. Speech by the President of the Russian Federation at the International Conference on Artificial Intelligence and Machine Learning Artificial Intelligence Journey 2023 on the topic “The revolution of generative AI: new opportunities”, November 24, 2023 // The President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72811> (accessed: 25.09.2024) (in Russ.).
7. *Ershov V.V., Ashmarina E.M., Kornev V.N.* Economic Law and economic theory // State and Law. 2015. No. 1. Pp. 57–70 (in Russ.).
8. *Ershov V.V., Ashmarina E.M., Kornev V.N.* Economic Law as a megabranch of Russian law: its subject and system // State and Law. 2015. No. 7. Pp. 5–16 (in Russ.).
9. Constitutional Economics / ed. by G.A. Gadzhiev. M., 2010 (in Russ.).
10. *Lurie S. Ya.* Democritus. Texts, translation, research. L., 1970. P. 363 (in Russ.).
11. *Oriu M.* Fundamentals of public law / transl. from French by E. Pashukanis and N. Chelyapov. M., 1929. P. 9 (in Russ.).

12. *Sergevnik S.L.* New trends in the development of the American science of law: "The movement of critical legal research" // *Jurisprudence*. 1990. No. 5. Pp. 47–50 (in Russ.).
13. *Tucker Yu.* In the dust of this planet // *Tucker Yu. The Horror of philosophy: in 3 vols / transl. from English by A. Ivanov. Perm, 2017. Vol. 1. Pp. 102–104 (in Russ.).*
14. *Foucault M.* Psychiatric power: a course of lectures delivered at the College de France in the 1973–1974 academic year / transl. from French by A.V. Shestakov. SPb., 2007. Pp. 74–77 (in Russ.).
15. *Kharman G.* Object-oriented ontology: a new "theory of everything" / transl. from English by M. Fetisov. M., 2021. Pp. 102–143 (in Russ.).
16. *Bublitz J.-Ch.* My Mind is Mine!? Cognitive Liberty as a Legal Concept // *Cognitive Enhancement. An Interdisciplinary Perspective / ed. by E. Hildt, A.G. Francke. Dordrecht; Heidelberg; New York; London, 2013. P. 251.*
17. *Boire R.G.* On Cognitive Liberty (Part I) // *Journal of Cognitive Liberties*. 1999/2000. Vol. 1. Iss. 1. Pp. 11–13.
18. *Boyd D.R.* The Status of Constitutional Protection for the Environment in Other Nations. P. 2 // *David Suzuki Foundation. Paper 4*. URL: <https://davidsuzuki.org/wp-content/uploads/2013/11/status-constitutional-protection-environment-other-nations.pdf> (accessed: 22.09.2024).
19. *Daly E., Kotze L., May R.J.* Introduction to Environmental Constitutionalism // *New Frontiers in Environmental Constitutionalism*. Nairobi, 2017. P. 30, 31.
20. *E-government in Europe: Re-booting the State / ed. by P.G. Nixon, V.N. Koutrakou. London, 2007. P. 43.*
21. *Evans E.P.* The Criminal Prosecution and Capital Punishment of Animals. London, 1906.
22. *Fabre S.* Social Rights Under the Constitution: Government and Decent Life. Oxford, 2000. P. 7.
23. *Forsthoef E.* Die Umbildung des Verfassungsgesetzes // *Festschrift für Carl Schmitt: zum 70. Geburtstag dargebracht von Freunden und Schülern / H. Barion, E. Forsthoef, W. Weber (Hrsg.). Berlin, 1994. S. 52.*
24. *Griffith J.A.G.* The Politics of the Judiciary. Manchester, 1977.
25. *Hailbrunner M.* Transformative Constitutionalism: Not Only in the Global South // *American Journal of Comparative Law*. 2017. Vol. 65. No. 3. Pp. 527–565.
26. *Halmi G.* Perspectives of Global Constitutionalism. The Use of Foreign and International Law. The Hague, Portland. 2014.
27. *Ienca M., Andorno R.* Towards New Human Rights in the Age of Neuroscience and Neurotechnology // *Life Sciences, Society and Policy*. 2017. Vol. 13. Article number: 5. Pp. 1–27 // *BMC. Part of Springer Nature*. URL: <https://lssjournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40504-017-0050-1> (accessed: 25.09.2024).
28. *Ison T.G.* The Sovereignty of the Judiciary // *Adelaide Law Review*. 1985. Vol. 10. No. 1. Pp. 1–31.
29. *Klare K.E.* Legal Culture and Transformative Constitutionalism // *South African Journal on Human Rights*. 1998. Vol. 14. No. 1. Pp. 146–188.
30. *Koskeniemi M.* The Politics of International Law – 20 Years Later // *The European Journal of International Law*. Vol. 20. No. 1. Pp. 7–19.
31. *Lucherini F.* The Constitutionalization of Social Rights in Italy, Germany, and Portugal: Legislative Discretion, Minimal Guarantees, and Distributive Integration // *German Law Journal*. 2024. Vol. 25. Iss. 2. P. 338.
32. *May J.R., Daly E.* Six Trends in Global Environmental Constitutionalism. Pp. 2, 3 // *SSRN*. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3252636 (accessed: 22.09.2024).
33. *Mergel I.* Study on the Impact of Digital Transformation on Democracy and Good Governance. Strasbourg, 2021. P. 5.
34. *Peters A.* The Merits of Global Constitutionalism // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2009. Vol. 6. Iss. 2. Pp. 397–411.
35. *Prandini R.* The Morphogenesis of Constitutionalism // *The Twilight of Constitutionalism? / ed. by P. Dobner, M. Loughlin. Oxford, 2010. Pp. 311, 312.*
36. *Sciulli D.* Corporate Power in Civil Society. An Application of Societal Constitutionalism. New York; London, 2001.
37. *Sciulli D.* Theory of Societal Constitutionalism. Foundations of a Non-Marxist Critical Theory. Cambridge; New York, 1992.
38. *Sciulli D.* Voluntaristic Action as a Distinct Concept: Theoretical Foundations of Societal Constitutionalism // *American Sociological Review*. 1986. Vol. 51. No. 6. Pp. 743–766.
39. *Sorabji R.* Du droit des animaux dans la pensée antique // *Alliage: Culture-Science-Technique*. 1991. No. 7–8. P. 42.
40. *Teubner G.* Societal Constitutionalism: Nine Variations on a Theme by David Sciulli // *Sociological Constitutionalism / ed. by P. Blokker, Ch. Thornhill. Cambridge, 2017. Pp. 317–325, 328–331.*
41. *Tushnet M.* Critical Legal Studies and Constitutional Law: An Essay in Deconstruction // *Stanford Law Review*. 1984. Vol. 36. No. 1/2. P. 629.
42. *Weiner A., Lang Jr. A.F., Tully J. et al.* Global Constitutionalism: Human Rights, Democracy and the Rule of Law // *Global Constitutionalism*. 2012. Vol. 1. Iss. 1. Pp. 1–15.

Сведения об авторах

ВАРЛАМОВА Наталия Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ВАСИЛЬЕВА Татьяна Андреевна — доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

VARLAMOVA Natalia V. — PhD in Law, Associate Professor, Leading Researcher, Department of the Human Rights, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

VASILIEVA Tatiana A. — Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher, Department of the Human Rights, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 349.2

**Е.В. Мотина, К.Л. Томашевский, Е.В. Чичина. ПРАВОВОЕ
РЕГУЛИРОВАНИЕ НЕТИПИЧНЫХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ.
Минск: Амалфея, 2024. – 244 с.**

© 2025 г. С. Ю. Чуча

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: chuchaigpan@gmail.com

Поступила в редакцию 13.11.2024 г.

Аннотация. В статье представлена рецензия на монографию «Правовое регулирование нетипичных форм занятости в условиях цифровизации и региональной интеграции», посвященную одной из наиболее дискуссионных и актуальных в теории и практике правового регулирования труда проблем. Рецензент знакомит читателей с основными положениями и выводами, содержащимися в семи главах монографии, одновременно высказывая некоторые свои соображения и пожелания относительно теоретических аспектов нетипичной, нестандартной и неформальной занятости, исторического генезиса и тенденций их правового регулирования в целом, а также отдельных наиболее динамично замещающих классические трудовые отношения дистанционной, платформенной, неполной видов занятости и работы по вызову. В рецензии обращено внимание на комплексный характер исследования, предпринятого немногочисленным белорусско-российским авторским коллективом, безусловную его теоретическую значимость и чрезвычайную практическую актуальность для России, Беларуси, государств – членов ЕАЭС, СНГ и иных межгосударственных образований в условиях гибридных правовых режимов и на длительную перспективу.

Ключевые слова: дистанционная работа, платформенная занятость, неполная занятость, работа по вызову, трудовой договор с нулевым рабочим временем, гибридное правоприменение, гибридный правовой режим, охрана труда, социальное партнерство.

Цитирование: Чуча С. Ю. Е.В. Мотина, К.Л. Томашевский, Е.В. Чичина. Правовое регулирование нетипичных форм занятости в условиях цифровизации и региональной интеграции // Государство и право. 2025. № 1. С. 223–226.

DOI: 10.31857/S1026945225010195

**E.V. Motina, K.L. Tomashevski, E.V. Chichina.
LEGAL REGULATION OF ATYPICAL FORMS OF EMPLOYMENT
IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION
AND REGIONAL INTEGRATION. Minsk: Amalthea, 2024. – 244 с.**

© 2025 S. Yu. Chucha

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: chuchaigpan@gmail.com

Received 13.11.2024

Abstract. The article presents a review of the monograph “Legal regulation of atypical forms of employment in the context of digitalization and regional integration”, devoted to one of the most controversial and relevant problems in the theory and practice of legal regulation of labor. The reviewer introduces readers to the main provisions and conclusions contained in the seven chapters of the monograph, while expressing some of his thoughts and wishes regarding the theoretical aspects of atypical, non-standard and informal employment, the historical genesis and trends of their legal regulation in general, as well as individual types of remote, platform, part-time employment and on-call work that are most dynamically replacing classical labor relations. The review draws attention to the comprehensive nature of the study undertaken by a small Belarusian-Russian team of authors, its unconditional theoretical significance and extreme practical relevance for Russia, Belarus, member States of the EAEU, the CIS and other interstate entities in the context of hybrid legal regimes and for the long term.

Key words: remote work, platform employment, part-time employment, on-call work, zero-hours employment contract, hybrid law enforcement, hybrid legal regime, occupational safety and health, social partnership.

For citation: Chucha, S. Yu. (2025). E.V. Motina, K.L. Tomashevski, E.V. Chichina. Legal regulation of atypical forms of employment in the context of digitalization and regional integration // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 223–226.

Актуальность — необходимое свойство всякого научного труда. Но не часто ученым удается представить фундаментальное исследование на пике его востребованности практиками. Именно этого смогли достичь Е.В. Мотина, К.Л. Томашевский и Е.В. Чичина — белорусско-российский коллектив исследователей, авторы монографии «Правовое регулирование нетипичных форм занятости в условиях цифровизации и региональной интеграции»¹. В Союзном государстве России и Беларуси, других странах ЕАЭС активно реформируется законодательство о занятости, ведется разработка национальных правил о регулировании труда с использованием цифровых платформ. 11 марта 2024 г. на наднациональном уровне была принята Директива Европейского Союза об улучшении условий труда в рамках платформенной занятости, ст. 5 которой установлена презумпция трудовых отношений между работниками и платформами, бремя опровержения² которой ложится на цифровые платформы. Опасение того, что изданная в Минске монография будет распространяться преимущественно на территории Республики Беларусь и не достигнет своих российских адресатов — ученых, законодателей, работников органов управления трудом и социальных партнеров, заставило разместить эту информацию в виде рецензии в ведущем отечественном юридическом журнале «Государство и право».

Авторы верно подмечают, что нетипичные формы занятости в условиях цифровизации, роботизации и других явлений, ставших следствием научно-технического прогресса, набирают все большую популярность среди многих работников и нанимателей. Однако такая занятость, несмотря на свою привлекательность, нередко предполагает снижение уровня правовых и социально-экономических гарантий для работника, нетипичные ее формы активно вытесняют из сферы труда классические трудовые отношения, при которых работник занят на стационарном рабочем месте на условиях полного рабочего дня с трудовым договором на неопределенный срок.

Социально-экономическая значимость рецензируемого монографического исследования заключается в том, что внедрение его результатов в правовую материю позволит повысить уровень трудовых и иных социально-экономических гарантий граждан России и Беларуси, сблизит условия регламентации нетипичных форм занятости в ходе региональной интеграции государств — членов ЕАЭС, предложив практические рекомендации, адресованные законодателям и иным нормотворческим органам России, Беларуси, наднациональным органам межгосударственных образований. Активное обращение авторов к судебной практике позволяет использовать материал монографии применительно к государствам БРИКС с разной правовой системой.

Первая глава монографии «Теоретические аспекты нетипичной, нестандартной и неформальной занятости» содержит рассуждения о социально-экономических предпосылках, обуславливающих развитие нетипичной занятости в Республике Беларусь, схожих, на взгляд рецензента, и с российскими тенденциями трансформации рынка труда³ в условиях гибридных правовых режимов, вызванных процессами смены технологических укладов и общемировой политико-экономической деглобализации. Отдельные параграфы посвящены понятийному аппарату — сравнению смежных правовых категорий: нестандартная занятость, формы занятости и нетипичный трудовой договор, характеристике правовой природы нестандартной занятости как общественно-трудового отношения и правовому значению неформальной занятости.

В эпоху глобального кризиса современности⁴ актуальными становятся поиски основ регулирования общественных отношений⁵. В трудовом праве российские ис-

¹ Мотина Е.В., Томашевский К.Л., Чичина Е.В. Правовое регулирование нетипичных форм занятости в условиях цифровизации и региональной интеграции. Минск: Амалфея, 2024. — 244 с.

² См.: Галузо В.Н. О некоторых проблемах правового регулирования доказывания в гражданском процессе // Междунар. журнал гражданского и торгового права. 2018. № 1. С. 39–43.

³ См.: Маликов С.В., Чуча С.Ю. Межотраслевая защита трудовых и социальных прав в условиях общественной трансформации (обзор международной научно-практической конференции) // Государство и право. 2024. № 2. С. 207–213. DOI: 10.31857/S1026945224020227

⁴ См.: Савенков А.Н. Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. 2019. № 4. С. 5–19. DOI: 10.31857/S013207690004632-7

⁵ См.: Кроткова Н.В., Орехова Т.П. Межвузовская научно-практическая конференция «Традиционные духовно-нравственные ценности как основа правового развития в XXI веке» // Государство и право. 2023. № 3. С. 188–200. DOI: 10.31857/S102694520024824-7

следователи обращаются к фундаментальным духовно-нравственным ценностям как средствам правовой защиты созидательного труда⁶, исторически проверенным отечественным моделям регулирования занятости с осторожным использованием не всегда удачного зарубежного опыта. В таком контексте чрезвычайно полезной представляется информация, содержащаяся во второй главе монографии «Исторический генезис правового регулирования нетипичных форм занятости в Беларуси и России». Отдельные ее части посвящены детальному историографическому изучению регламентации отношений в сфере наемного труда в фабричном законодательстве Российской Империи, генезису нетипичных форм занятости в советском трудовом законодательстве и анализу регламентации нетипичных форм занятости в России и Беларуси после распада СССР.

Ярко выраженный компаративистский характер носит содержание третьей главы «Тенденции в развитии правового регулирования нетипичных форм занятости (сравнительно-правовой аспект)». Наряду с решением фундаментальной задачи раскрытия понятия тенденций в правовом регулировании общественных отношений основной массив информации посвящен сравнительному исследованию тенденций по расширению использования срочных трудовых договоров и контрактов, частичной легализации временной работы у других работодателей, цифровизации нетипичных форм занятости, платформизации отношений в сфере труда, стандартизации и флексибилизации в развитии трудового договора и нетипичных форм занятости на примере актов МОТ, законодательства и практики его применения преимущественно в Беларуси, России, европейских странах, государствах СНГ. В дальнейших исследованиях хотелось бы порекомендовать авторам обратить внимание на организацию трудовых отношений и в развитых странах БРИКС, ШОС, государствах Персидского залива — весьма разнообразную и нередко чрезвычайно эффективную⁷.

Каждая из следующих глав монографии посвящена особенностям правового регулирования отдельного вида нетрадиционной занятости: дистанционной работы (гл. 4), платформенной занятости (гл. 5), работы по вызову (договоры с нулевым рабочим временем) (гл. 6) и неполной занятости (гл. 7). Тщательно, с привлечением огромного объема сравнительно-правового материала, исследуются их теоретические аспекты, модели и правовая природа дистанционной работы: нормативная регламентация, содержание и структура. Особого внимания заслуживают впервые столь подробно проработанные в отечественной монографической литературе вопросы возможности имплементации в правовые системы России и Беларуси тех или иных доказавших свою эффективность норм и практик западных стран, касающихся алгоритмического контроля и индивидуально-договорного регулирования работы на цифровых платформах, моделей законодательного урегулирования платформенной занятости, правовых аспектов меры и охраны труда платформенных занятых, взаимодействия операторов цифровых платформ

и платформенных занятых, а также сторон договора с нулевым рабочим временем и технологий контроля в системе работы по вызову.

Избегание использования традиционных правовых режимов — отличительная черта современного правоприменения в мировом масштабе. В России оно проявляется в ускорении создания правил поведения посредством повышения роли правительства и процесса законотворчества, а также расширении регионального нормотворчества, придании большей легитимности указаниям должностных лиц. Сформированные таким образом правовые режимы — направленный на противодействие распространению коронавируса, сопровождающий проведение СВО и др., можно назвать гибридными — собранными из элементов разных правовых режимов. Причем для такой конструкции используются элементы ординарного и нормативно закреплённого особых правовых режимов, подвергшиеся, однако, существенной трансформации — режим самоизоляции вместо императивных карантинных мероприятий, специальные меры в сфере экономики вместо специальных экономических мер, устанавливаемых Указом Президента РФ. Предполагается, что именно она будет сопровождать процессы деглобализации и определит особенности правового регулирования по меньшей мере ближайшего десятилетия⁸.

Такова особенность гибридного правоприменения и формируемых при этом ситуационно гибридных правовых режимов. И этот переход от глобального будет по логике длиннее, чем переход от советской к современной российской правовой модели регулирования в целом и регулирования труда, занятости и социальной защиты в частности, поскольку текущие изменения глобальны, а модель строительства новой системы отсутствует.

Элементами национального фундамента правового регулирования труда в частности и занятости в целом могли бы стать базирующиеся на закреплённых в Конституции РФ традиционных духовно-нравственных ценностях институты, исторически присущие правовому регулированию труда и собственно обусловившие возникновение трудового права как самостоятельной частно-публичной отрасли со своим предметом и методом регулирования, распространяя их на новые формы организации труда. Это институты охраны труда, социального страхования и социального партнерства⁹.

* * *

Монография «Правовое регулирование нетипичных форм занятости в условиях цифровизации и региональной интеграции» вносит весомый вклад в науку трудового права, практику правового регулирования нетипичных форм занятости, позволяет на базе отечественного и зарубежного опыта сформировать научно обоснованную и практически верифицированную оригинальную национальную правовую модель упорядочения занятости в условиях глобальной трансформации производственных и общественных отношений.

⁶ См.: Чуча С. Ю. Правовые средства защиты созидательного труда как традиционной российской духовно-нравственной ценности // Государство и право. 2024. № 6. С. 111–119. DOI: 10.31857/S1026945224060096

⁷ См.: Дзюбак А. В., Чуча С. Ю. Правовое регулирование трудовой миграции: перспективы внедрения восточной модели // Закон. 2024. № 3. С. 27–37. DOI: 10.37239/0869-4400-2024-21-3-27-37

⁸ См.: Чуча С. Ю. Занятость, труд и социальная защита в режиме гибридного правоприменения // Правоприменение. 2024. Т. 8. № 3. С. 44–52. DOI: 10.52468/2542-1514.2024. 8(3).44–5

⁹ См.: Междисциплинарная защита трудовых и социальных прав в условиях общественной трансформации / под ред. С. Ю. Чучи. М., 2024.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галузо В. Н. О некоторых проблемах правового регулирования доказывания в гражданском процессе // Междунар. журнал гражданского и торгового права. 2018. № 1. С. 39–43.
2. Дзюбак А. В., Чуча С. Ю. Правовое регулирование трудовой миграции: перспективы внедрения восточной модели // Закон. 2024. № 3. С. 27–37. DOI: 10.37239/0869-4400-2024-21-3-27-37
3. Кроткова Н. В., Орехова Т. Р. Межвузовская научно-практическая конференция «Традиционные духовно-нравственные ценности как основа правового развития в XXI веке» // Государство и право. 2023. № 3. С. 188–200. DOI: 10.31857/S102694520024824-7
4. Маликов С. В., Чуча С. Ю. Межотраслевая защита трудовых и социальных прав в условиях общественной трансформации (обзор международной научно-практической конференции) // Государство и право. 2024. № 2. С. 207–213. DOI: 10.31857/S1026945224020227
5. Междисциплинарная защита трудовых и социальных прав в условиях общественной трансформации / под ред. С. Ю. Чуча. М., 2024.
6. Мотина Е. В., Томашевский К. Л., Чичина Е. В. Правовое регулирование нетипичных форм занятости в условиях цифровизации и региональной интеграции. Минск, 2024.
7. Савенков А. Н. Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. 2019. № 4. С. 5–19. DOI: 10.31857/S013207690004632-7
8. Чуча С. Ю. Занятость, труд и социальная защита в режиме гибридного правоприменения // Правоприменение. 2024. Т. 8. № 3. С. 44–52. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).44-52
9. Чуча С. Ю. Правовые средства защиты созидательного труда как традиционной российской духовно-нравственной ценности // Государство и право. 2024. № 6. С. 111–119. DOI: 10.31857/S1026945224060096

REFERENCES

1. Galuzo V. N. On some problems of legal regulation of proof in civil proceedings // International Journal of Civil and Commercial Law. 2018. No. 1. Pp. 39–43 (in Russ.).
2. Dzyubak A. V., Chucha S. Yu. Legal regulation of labor migration: prospects for the implementation of the eastern model // Law. 2024. No. 3. Pp. 27–37. DOI: 10.37239/0869-4400-2024-21-3-27-37 (in Russ.).
3. Krotkova N. V., Orekhova T. R. Interuniversity Scientific and Practical Conference “Traditional spiritual and moral values as the basis of legal development in the XXI century” // State and Law. 2023. No. 3. Pp. 188–200. DOI: 10.31857/S102694520024824-7 (in Russ.).
4. Malikov S. V., Chucha S. Yu. Intersectoral protection of labor and social rights in the context of social transformation (review of the International Scientific and Practical Conference) // State and Law. 2024. No. 2. Pp. 207–213. DOI: 10.31857/S1026945224020227 (in Russ.).
5. Interdisciplinary protection of labor and social rights in the context of social transformation / ed. by S. Yu. Chucha. M., 2024 (in Russ.).
6. Motina E. V., Tomashevski K. L., Chichina E. V. Legal regulation of atypical forms of employment in the context of digitalization and regional integration. Minsk, 2024 (in Russ.).
7. Savenkov A. N. The global crisis of modernity as a subject of the Philosophy of Law // State and Law. 2019. No. 4. Pp. 5–19. DOI: 10.31857/S013207690004632-7 (in Russ.).
8. Chucha S. Yu. Employment, labor and social protection in the hybrid law enforcement mode // Law enforcement. 2024. Vol. 8. No. 3. Pp. 44–52. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).44-52 (in Russ.).
9. Chucha S. Yu. Legal means of protecting creative labor as a traditional Russian spiritual and moral value // State and Law. 2024. No. 6. Pp. 111–119. DOI: 10.31857/S1026945224060096 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЧУЧА Сергей Юрьевич —
доктор юридических наук,
главный научный сотрудник сектора
процессуального права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

CHUCHA Sergey Yu. —
Doctor of Law,
Chief Researcher of Procedural Law Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia